МОНГОЛИЯ И АМДО И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАГОРНОЙ АЗИИ

П. К. КОЗЛОВА

1907-1909

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

915.17
K84m

OAK ST. HDSF

МОНГОЛИЯ И АМДО
И МЕРТВЫЙ ГОРОД
ХАРА-ХОТО

МОНГОЛИЯ И АМДО И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

ЭКСПЕДИЦИЯ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА В НАГОРНОЙ АЗИИ

П. К. КОЗЛОВА
ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
1907—1909

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · 1923 · ПЕТРОГРАД

С 39-ю фототипическими таблицами, 241-м рисунком в тексте, 3-мя схематическими карточками и одной большой трехцветной отчетной картой с маршрутами экспедиции (масштаб 40 верст).

Гиз. № 4190. — 1500 экз.
Типография имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

светлой памяти

ПЕТРА ПЕТРОВИЧА

СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО.

Образ китайского письма из Хара-хото. Встреча верующего в Раю Сукавати буддою Амитабха в сопровождении бодисатв Авалокитешвара и Махастхама-прапта.

ВСТУПЛЕНИЕ.

.....«Твоя *весна* еще впереди,
а для меня уже близится осень».
[Пржевальский].

«Душу номада даль зовет...»

Путешественнику оседлая жизнь, что вольной птице клетка. Лишь только пройдут первые порывы радости по возвращении на родину, как опять обстановка цивилизованной жизни со всей своей обыденностью становится тяжелой... Таинственный голос дали будит душу: властно зовет ее снова к себе. Воображение рисует картины прошлого, живо проносящиеся непрерывною чередою... Сколько раз я был действительно счастлив, стоя лицом к лицу с дикой, грандиозной природой Азии; сколько раз поднимался на крайнюю обсолютную и относительную высоту; сколько раз душою и сердцем чувствовал обаяние красот величественных горных хребтов. Не перечесть счастливых минут, не запомнить прелестных уголков, где приходилось жить среди диких скал и лесов, среди шума и гула ручьев и водопадов, производящих в горах волшебную гармонию; и не в силах удержаться, чтобы еще раз не посмотреть на этот храм природы, полный живых чарующих звуков, полный лазоревого блеска днем и бесконечного разнообразия звездных миров ночью. Со времен глубокой древности торжественное величие природы подчиняло себе внимание человека...

Этого маленького признания достаточно, чтобы понять мою радость, мое восхищение по поводу новой Монголо-Сычуань-

ской экспедиции, вверенной мне Русским Географическим Обществом осенью 1907-го года.

Основные средства на эту экспедицию—тридцать тысяч рублей,—были отпущены из сумм государственного казначейства. Кроме того, почти все участники экспедиции, в большей или меньшей степени, были удовлетворены содержанием за время командировки по месту службы.

Задача двухлетней Монголо-Сычуаньской экспедиции состояла, во-первых, в попутном исследовании Средней и Южной Монголии, во-вторых, в дополнительном изучении Кукунорской области, с озером Куку-нором включительно, и, в третьих, в достижении Северо-западной Сычуани и сборах естественно-исторических коллекций этой интересной страны.

В состав экспедиции вошли, кроме меня—руководителя, в качестве моих ближайших сотрудников: геолог Московского университета Александр Александрович Чернов, топограф Петр Яковлевич Напалков и собиратель растений и насекомых Сергей Сильверстович Четыркин. Во главе конвоя, численностью в десять человек, попрежнему стоял мой неизменный спутник—гренадер Гавриил Иванов. Из прежних же спутников-забайкальцев, в роли охотников и препараторов, были: заслуженные казаки-урядники—Пантелей Телешов, Арья Мадаев; в роли же новичков-спутников, из гренадер: Влас Демиденко, Мартын Давыденков (впоследствии наблюдатель на метеореологической станции в Алаша) и Матвей Санакоев; из забайкальских казаков: Ефим Полютов (переводчик китайского языка), Буянта Мадаев, Гамбожап Бадмажапов (сопровождавший меня в поездке к Далай-ламе в Ургу, в 1905 году) и Бабасан Содбоев. Персонал экспедиции, следовательно, состоял из четырнадцати человек.

Китайские паспорта на трех членов экспедиции были получены от Пекинского правительства через посредство Российской Дипломатической Миссии при Богдо-хане.

Много пришлось похлопотать со всякого рода снаряжением и в Петербурге, и в Москве, и на границе, кладя в основу уроки незабвенного учителя Н. М. Пржевальского, и внося свои личные дополнения. В общем, и на этот раз мы были снаряжены во всех отношениях почти также обстоятельно, как и в предыдущую тибетскую экспедицию [1]). Выражение «почти» исключает

[1]) См. мою «Монголію и Камъ». Т. I. Часть первая, стр. 2—6.

экстраординарные подарки, которыми мы теперь не располагали, но которые служили украшением внешней стороны моего предыдущего путешествия в Тибет.

В тайнике души я лелеял заветные мысли найти в пустыне Монголии развалины города, на Куку-норе—обитаемый остров, в Сычуани — богатейшую флору и фауну... Роскошная природа Сычуани, ее бамбуковые заросли, оригинальные медведи, обезьяны, а главное — чудные лофофоры (Lophophorus Lhuysi),—лофофоры, о которых до последних дней восторженно мечтал Н. М. Пржевальский—манили к себе, не переставая.....

Восемнадцатого октября [1]) я распрощался с Петербургом. На Николаевском вокзале собрался кружок друзей и знакомых. Лица тесно связанные с Географическим Обществом или Академией Наук вселяли с одной стороны бодрость, энергию, с другой же напоминали громадную ответственность, которую я принимал на себя...

В Москве, в течение трехнедельного пребывания, удалось не только покончить с вопросами дополнительного снаряжения, но даже немного и отдохнуть. Досадовал я на запоздалое выступление, происшедшее, впрочем, не по моей вине, но делать было нечего. Энергия и беззаветная преданность делу всё побеждали. К тому же, мои юные спутники только и говорили о путешествии, горя нетерпением скорее начать его.

Десятого ноября экспедиция в половинном наличном составе оставила и Москву. Путешественники удобно расположились в классном вагоне, снаряжение—рядом, в багажном. На перроне собрался многочисленный кружок провожающих. Почтенные профессора перемешались с молодежью, мужской персонал с дамским. Всех объединила далекая Азия, и мысль сказать отъезжавшим «до свидания!...» Тяжелы были минуты расставания... Локомотив запыхтел, колеса загрохотали. Всё кончено здесь, а там..... там—два года новой жизни, полной тревог, лишений, а также и заманчивой новизны.

Быстро прокатили мы по России, несколько медленнее Сибирью. Самым живописным местом на пути по отечеству попрежнему оставался Урал, приковывавший путешественников к окнам в течение целого дня. Глаз не в силах оторваться от

---

[1]) В этой книге все числа отмечены по старому стилю.

живых картин природы, меняющихся словно в калейдоскопе Роскошный «служебный» вагон, предоставленный в распоряжение экспедиции от Самары до Златоуста, еще более способствовал силе прекрасного впечатления. Большие окна вагона иногда открывали нам целые уральские панорамы, в особенности в южной части горизонта, нередко блестевшего отраженными полосками румяной зари.

После Урала, моих спутников больше всего занимали огромные железнодорожные мосты, издали казавшиеся гигантским кружевом, переброшенным через широкие, многоводные реки Сибири. Проходя по таким мостам, поезд замедляет ход, колеса характерно отсчитывают рельсы; внизу стремительно несутся холодные волны. За мостом опять мелькают прежние виды с кустами, лугами и перелесками....

Вот наконец и Иркутск, и его прозрачная, холодная красавица Ангара, слегка прикрытая туманом. Морозы крепчали, в воздухе летали «белые мухи», сибиряки кутались в меховые одеяния. Здесь мы были встречены топографом П. Я. Напалковым и казаками Бадмажаповым и Содбоевым.

Иркутск — исторический центр Сибири. В Иркутске экспедиции предстояло прожить несколько дней, которые мелькнули незаметно. Высшие представители края и города Иркутска и члены Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества самым предупредительным образом содействовали скорому и успешному проведению в жизнь всех очередных вопросов экспедиции, с которыми я обратился к своим старым и новым знакомым. В частности, известный иркутянин С. Н. Родионов снабдил меня в путешествие лучшими патронами, с бездымным порохом, для моего ружья «Гано». В дальнейшем — в глубине Центральной Азии — я много раз с благодарностью вспоминал моего друга-сибиряка за его прекрасный вдумчивый подарок. Стрельба бездымным порохом неоценима: меньше гула и отсутствие дыма; благодаря последнему обстоятельству, стрелок может сразу видеть результат своего выстрела... У С. Н. Родионова, между прочим, я оставил на хранение часть моего имущества, необходимого мне только на обратном следовании.

Вечером, 26 ноября, мы оставили Иркутск и покатили дальше. Темной глухой ночью наш поезд обогнул красивую

часть Байкала, сердито бросавшего на нас брызги высоких волн. Морской гул и бесконечные туннели придавали нашему путешествию еще более оригинальную прелесть...

Верхнеудинск был последней станцией железной дороги, с которой мы расставались на все время нашего странствования. К югу отсюда, уже повеяло степным простором — показались номады: буряты, монголы, пестро одетые ламы. Местный буддийский епископ — хамболама Иролтуев приветствовал меня хадаком — платом счастья... [1]) и теплой речью, которая заканчивалась дорогим для меня напутствованием: «Вы, прирожденный путешественник, вновь вступаете в страну с населением, которое исповедует кроткий буддизм, буддийскую религию, насчитывающую в своих рядах сотни миллионов последователей. Буддийская страна любит вас, как, вероятно, и вы ее любите, и на этот раз она непременно подарит вам что-нибудь замечательное!... это мое глубокое убеждение!...»

Тут будет уместно привести краткую выдержку из философского учения буддизма [2]).

Хадак — плат счастья.

---

[1]) Хадак—род продолговатого платка, делаемого из шелковой и бумажной материи, окрашенной обыкновенно в какой либо из следующих четырех цветов: желтый, черный, белый и сиреневый. Самый длинный шелковый хадак бывает в две и три маховых сажени, но есть и в полтора, два аршина. Хадаки этого рода по большей части делаются с украшениями: на некоторых из них бывают вытканы изображения различных бурханов — божеств, преимущественно Аюши — покровителя долголетия; эти хадаки называются «вандан»; на других—чаще всего желтых, бывают вытканы шелками кружки радужных цветов, это хадак — «сонóм». Малый хадак без бурханов, но украшенный вытканными цветами, называется «даши хадак»; хадак же без всяких украшений, бумажный — «самбáй»... Изображение хадака см. на этой странице.

[2]) «Лекция академика Ф. И. Щербатского, читанная при открытии Первой Буддийской Выставки в Петербурге 24 августа 1919 года. Издание Отдела по делам Музеев и охране памятников Искусства и Старины. Петербург. 1919.» Стр. 3—8.

«Три главных идеи являются достоянием всякой религии: бытие Бога, бессмертие души и свобода воли; без них не может быть построено учение о нравственности». Таково учение Канта и с ним европейской науки, равно как таково и убеждение широких слоев образованных людей. И вот, однако, существует религия, которая ярким пламенем живой веры горит в сердцах миллионов своих последователей, которая воплощает в себе высочайшие идеалы добра, любви к ближнему, духовной свободы и нравственного совершенства, — которая облагородила и, вместе, внесла цивилизацию в жизнь народов Азии, — и эта религия, тем не менее, не знает ни Бога, ни бессмертия души, ни свободы воли. И мало того, что буддизм не знает Бога, самая идея единого верховного существа... кажется буддисту странной, нелепой...

«Хотя буддизм признает существование личностей более совершенных, чем обыкновенный человек, и называет их святыми и богами, но они ни в каком случае не стоят вне, или выше, мира и мирового предела жизни, они так же подчинены законам мирового развития и действию безличной мировой движущей силы, как и обыкновенные люди. Уже в древнейшем буддизме такое отрицательное отношение к единобожию ясно выступает наружу. Но в это время оно не играет еще выдающейся, центральной роли, так как самое-то единобожие было сравнительно слабо представлено. Индийское единобожие развилось как религия, и отчасти на нем основанное философское учение, позднее. В средние века Индии, великий буддийский философ Нагарджуна написал небольшой трактат против единобожия, где опровергает его и указывает на все логические его несообразности...

«Что касается второй идеи — бессмертия души, то мало того, что буддизм его не признает, он отрицает самое существование души. Этот пункт — отрицание души — гораздо сильнее выступает уже в первоначальном, основном буддизме, чем даже его отрицание единобожия. Причина этого та, что учение о душе было гораздо более развито в древней Индии, современной появлению буддизма, и против него поэтому он направил свои самые мощные удары. Отрицание души есть основной отправный пункт буддийского учения. Мысль о существовании в нас души, то-есть особой, цельной, духовной лично-

сти, признается злейшей ересью и корнем всякого зла. Существует, конечно, сознание, как особый аппарат, воспринимающий явления внешнего мира, существует воля, как духовный процесс, предшествующий всякому поступку, существуют чувствования, приятные и неприятные, — всё это ежемгновенно существует, то-есть сменяется, является и исчезает, но единой, длящейся, а тем более, бессмертной души, из которой все эти душевные явления исходили бы, вовсе нет. Существование такой души ничем не может быть доказано, оно ни в чем не проявляется, это предрассудок, наивное верование, которое буддизм призван разрушить прежде всего.

«Из этого следует, что не существует также и свободной воли, принадлежащей какой-то личности и исходящей из какой-то души. Существует, напротив, безличный мировой процесс жизни, безначальный, вечно меняющийся, развивающийся в неизбежных гранях, поставляемых законом причины и следствия. Ничто не является без соответствующей достаточной причины. Процесс такой жизни тягостен, это процесс страдания, но процесс, заключающий в себе самом зерно совершенствования и свободы. Это убеждение, именно убеждение, что мировой процесс жизни ведет к совершенству и конечному освобождению от горестных оков, налагаемых законом причины и следствий — это убеждение есть единственная вера, единственная догматическая предпосылка буддизма. Всё остальное построено на наблюдении фактов и свободных логических доказательствах, оно допускает и приглашает свободную критику и не боится ее. По этому убеждению процесс жизни совершается с определенной целью, он приведет к ясному концу, ему самому присуще стремление к постепенному совершенствованию, к избавлению от мирового страдания к достижению конечной цели и успокоения. Чем совершеннее жизнь, тем меньше в ней, по убеждению буддизма, волнения, тем спокойнее она. Уничтожение волнения, уничтожение этого бытия — страдания, «Вечный Покой», «Абсолютное Бытие», «Ничто» по отношению к суете мирской, «Угасание» жизненной суеты навсегда — вот конечный, отдаленный идеал, перед которым не убоялся встать буддизм. В нем нет места ни Богу, ни душе, ни свободной воле. Это безличный Абсолют, который противостоит столь же безличной суете мирового процесса жизни, про-

текающей в пределах того, что мы называем личностями, со всеми их переживаниями»...

Наш современник, великий французский философ Бергсон, старался определить, что составляет существо философского учения и характернейшую черту всякого философа. Его вывод сводится к тому, что всякий философ в начале отправляется от какого-нибудь видения, от картины, в которую воплощается самое сердце его учения. Вся работа философа есть лишь стремление, так или иначе, истолковать и понять значение этой картины, которая является посредствующим звеном между наблюдаемым миром и созданной теорией... «Картина эта — огонь светильника. Он горит, огонь кажется существующим, длящимся. Между тем, в каждое мгновение мы имеем в действительности новый огонь, длящегося огня нет, следовательно нет и огня вообще, а лишь какое-то течение каких-то элементов, которое мы привыкли называть огнем. Когда масло в светильнике иссякнет, огонь погаснет, течение моментов огня прекратится. Так угаснет и эта мировая жизнь, когда перестанут появляться элементы бытия. Путь к этому угасанию изменчивого мерцания нашей жизни найден Буддою в его нравственном учении...

.... «Не можем не сказать в заключение», пишет Ф. И. Щербатской [1]), что основные стороны буддийского философского учения, будучи правильно поняты и переложены на наш философский язык, обнаруживают замечательную близость как раз к самым последним, самым новейшим достижениям в области нашего научного миросозерцания. «Мироздание без Бога», «психология без души», «вечность элементов материи и духа», что является лишь особым выражением закона причинности, наследственность, жизненный процесс вместо бытия вещей, в области практики — отрицание права частной собственности, отрицание национальной ограниченности, всеобщее братство всех людей, лишенных права частной собственности, наконец общая всем нам необходимая неизбежная вера в то, что мы движемся и должны двигаться к совершенствованию, — независимо от Бога, души и свободы воли — вот основные черты как буддийского, так и нашего современного, новейшего миросозерцания».....

---

[1]) Там же, стр. 48.

После некоторого отступления, вернемся к прерванному рассказу.

Лихая тройка, а местами и четверка, быстро катила меня и моего спутника Чернова, сначала по Селенге и ее правому притоку Чикою, а затем наперерез более или менее мощной гористой местности, широко расстилавшейся к югу. В этом направлении резко выражался крупный масштаб, по которому построена вообще природа Азии. Горные цепи, россыпи, одинокие скалы привлекали внимание Чернова и служили темой нашего разговора. На вершинах перевалов мы останавливались, чтобы подольше полюбоваться широкой горной панорамой.

Тяжелый транспорт экспедиции следовал на проходных, под конвоем гренадер и казаков, к которым присматривался, ветеран Иванов и поучал их уму-разуму.....

ОТДЕЛ I.

МОНГОЛИЯ
ОТКРЫТИЕ ХАРА-ХОТО.

1908.

Глава I.

ПО СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ.

Исходный пункт путешествия — Кяхта. — Облава на коз. — Зимний праздник и выступление нашего каравана. — Порядок следования. — Мороз крепчает. — Новый, 1908, год. — Хребет Манхадай. — Долина Хара и следы китайской колонизации. — Дальнейший путь. — Впечатление на перевале Тологойту.... гора Богдо-ола. — Урга. — Богдо-гэгэн. Российское консульство. Маститый консул Я. П. Шишмарев. — Отправление транспорта в Алаша. — Монгольский праздник — «Цаган-сар»....

Второго декабря я прибыл наконец на границу Китая, в знакомый городок Кяхту, где нашел хороший приют в доме общественного собрания. В этом самом доме неоднократно проживал и мой учитель Пржевальский до, и после своих путешествий... Всё прежнее быстро воскресало в памяти.

Гостеприимные кяхтинцы, в особенности гг. Молчановы, Собенниковы, Лушниковы, Швецовы, окружили нас дружеским вниманием. Все наперерыв старались оказать экспедиции свои услуги. Время бежало быстро. Дни проходили в работе по снаряжению каравана, вечера—у знакомых или на заседании местного отделения Географического Общества, праздники—на охотах-облавах за дикими козами... По части охот кяхтинцы сильно набалованы: монгольские угодья и обилие зверей придают этой забаве иногда сказочный характер.

...Чудный декабрьский день. Ранним морозным утром несколько троек в тарантасах катят по мягкой пыльной дороге. На востоке золотится заря, на юге темно-синее небо сливается с серыми облаками, прикрывающими вершины отдален-

ных холмов. Кое-где по скатам гор белеет снег... Плотнее закутываешься в меховое одеяние, мысли даешь широкий простор... Много раз забудешься грезами, прежде нежели достигнешь охотничьего табора и заслышишь голоса монголов-загонщиков... Заждавшийся егерь Калашников уже успел развести «веселый» костер. Проходит несколько минут; охотники усаживаются на оседланных лошадей и в полчаса времени занимают стрелковую позицию. Мертвая тишина в лесу сразу нарушается: трубит рог, кричат загонщики; там и сям перелетают потревоженные птицы, в кустах мелькают испуганные зайцы... Бац... бац... справа загремели выстрелы; немного дальше еще и еще... затем, всё смолкло, первый загон окончился... В результате две козы и лисица...

Теперь загонщики остались на использованной стрелками позиции, а стрелки помчались в карьер на новую. Таким образом до завтрака было устроено четыре загона; за это время мне не пришлось сделать ни одного выстрела, хотя, однажды, козы и мелькнули в отдаленных кустах, дав возможность лишь полюбоваться их грациозными прыжками...

«День выдался на славу», справедливо заметил кто-то из охотников. Действительно, перевалив за полдень, солнце ощутительно пригревало; отдыхавшие стрелки не встали с мест до призывного голоса Калашникова, но как только призыв раздался, охотники взгромоздились на лошадей и поскакали на линию. Теперь характер местности был несколько иной: вместо сплошного елового леса, тянулись жидкие поросли берез. Кое-где точками мелькали тетерева-косачи, легко снимавшиеся при нашем к ним приближении.

Опять стоим на номерах... Подле меня пронеслось несколько стаек мелких птичек: синиц, чечёток... Далеко протрубил рог, цепь всадников-монголов оживилась, побежали козы. По сторонам уже палят. В волнении переступаешь с ноги на ногу, крепче сжимаешь ружье. На встречном горизонте то и дело показываются звери[1]). Вот несется маленькая группа коз прямо на меня. Большой гуран или козел высоко отделяется от земли. Еще минута—другая, и звери уже приблизились: раздались один за другим выстрелы..... и о, радость!—два

[1]) Под словом «зверь» сибирские охотники часто подразумевают парнокопытных—лосей, оленей, коз и т. п.

Городок Кяхта

козла упали на расстоянии пятнадцати шагов друг от друга. Такие счастливые минуты долго памятны охотнику.... Несколько позже, стихла пальба, и все успокоилось. Снова стали обнаруживаться процессии синичек и снова громко застучал по стволу березы дятел; из соседних кустов то и дело выскакивали беляки и несмелыми прыжками прорывались через цепь охотников.

Еще несколько загонов, и зимний день погасает. На землю ложатся сумерки. Мы быстро катим в сибирских тарантасах, любуясь звездным небом Монголии, а мысли еще быстрее сменяют одна другую... Обвеваемый грезами далекой родины, невольно предвкушаешь скорую счастливую странническую жизнь...

П. К. Козлов.

Помимо диких коз, для коллекции удалось застрелить еще несколько птичек. Уже с первых дней прибытия на границу препараторы экскурсировали в окрестностях Кяхты, собирая наиболее интересные образцы местной фауны.

Вначале я предполагал закончить снаряжение экспедиции к двадцатым числам декабря, чтобы таким образом до праздника Рождества Христова выступить в путь. Оказалось, что этого нельзя было сделать по нескольким мотивам, главным из которых был отказ переводчика китайского языка от участия в экспедиции; пришлось искать другого. Вообще говоря, только при полном содействии кяхтинцев — представителей города — нам удалось начать наше путешествие еще в 1907-м году: мы выступили 28-го декабря...

К этому времени экспедиция сделала всё, но как и водится в праздничный период, члены ее непроизводительно потратили несколько дней. Наши друзья Молчановы не преми-

нули пригласить нас на «ёлку», с которой мы получили приятные и полезные в дороге подарки. Кроме того, хлебосольные кяхтинцы снабдили нас вкусною снедью, что очень важно, в особенности в начале азиатского путешествия, когда сразу приходится расставаться со всеми удобствами цивилизованной жизни, и переходить на тяжелые условия жизни номада.....

День выступления в путешествие мне особенно памятен.... Утро холодное, ветреное; небо покрыто слоистыми облаками. Мы все на ногах еще задолго до рассвета: всё прибирается, всё укладывается. После утреннего чаепития это «всё» выносится наружу, в просторный двор. Вьючный багаж расположен в три линии, по-эшелонно. Вскоре приводятся верблюды, начинается вьючка. Толпа зевак кольцом обступила двор, любители-фотографы с разных сторон направляют свои камеры. Голоса людей и крик верблюдов смешались в неприятное целое, нисколько не похожее на обычную картину путешествия, когда всё делается быстро, заученно, красиво... когда не услышишь ни орания верблюда, ни лишнего слова отряда.

«Готово!» — озабоченно заявил фельдфебель. — «Счастливый путь!» — ответил я моему неизменному спутнику, вожаку каравана, и через несколько минут, вытянувшись вдоль улицы, караван ходко зашагал вперед. Одетые по дорожному, члены экспедиции свернули к В. Н. Молчанову, позавтракали в кругу его симпатичной семьи; поблагодарили за внимание, и быстро понеслись за караваном, который извивался длинной вереницей по китайской земле. Приятно было смотреть, в каком строгом, красивом порядке шли верблюды русской экспедиции, и еще приятнее сознавать, что это был первый день путешествия. Не верилось, что оно уже началось. Мое сердце переполнилось великою радостью. Чувствовал ли дух моего великого учителя, что в такую торжественную минуту я призывал его благословение!...

Мороз крепчал, спустились на землю сумерки..... по небу разлилась чудная заря... Оставив за собою китайский торговый городок Майма-чен и вступив в Монголию, экспедиция приютилась при урочище Гилян-нор. Удивительная тишина стояла кругом. В тишине и в необычайной красоте ярко-звездного неба Монголии глубже познаешь величие беспредельной все-

ленной..... Еще час-другой, и бивак экспедиции уже спал крепким сном, доверяясь бдительности часового.

На другой день погода изменилась—подул холодный, пронизывающий ветер, в долину спустились облака, посыпавшие ее снегом. Мы скоро поднялись с ночлега и продолжали двигаться в прежнем, южном, направлении. Наш гость, студент И. А. Молчанов [1]), имевший страстное желание путешествовать с нами, со слезами на глазах, сказал, нам: «до свидания!» Напрасно славный юноша оглядывался назад — резвый иноходец быстро уносил его туда, куда мы мысленно посылали наш прощальный привет..... До самого вечера бушевал ветер, обдавая нас и в пути и на месте хлопьями снега. Последующие дни несли также мало утешения, но мы продолжали двигаться с бóльшим и бóльшим успехом, оставляя станцию за станцией, или, как здесь говорят, уртон за уртоном.

Майма-чен. «Львиная беседка».

Надо заметить, что в Монголии или в Застенном Китае вообще, передвижение так называемым почтовым способом происходит несколько иначе, нежели у нас в России. Монгольские станции, по крайней мере станции по Кяхтинско-Ургинскому тракту, устроены таким образом: вдоль дороги в известных пунктах, по большей части в жилых урочищах, располагаются пять-шесть юрт, с монголами ямщиками, не знающими иного занятия, кроме ямщины. Ямщина—повинность, в данном случае, отправляемая четырьмя хошунами: Тушету-хан'ским, Сайн-нойон'ским, Цицин-ван'ским и Балдын-цзасак'ским. Над ургинским трактом, состоящим из одиннадцати станций и про-

[1]) Ныне горный инженер—исследователь Северной Монголии.

тянувшимся на 335 верст расстояния, ведет наблюдение чиновник, с красным шариком на шляпе. Каждая станция, в свою очередь имеет смотрителя — цзангина и его помощника.

Монгольская почтовая станция снабжена несколькими десятками, а то и сотней лошадей при восьми или десяти ямщиках. По мере надобности и люди и лошади заменяются или пополняются вышеуказанными хошунами; впрочем такое правило касается только лошадей. Должности смотрителя и ямщиков станций обыкновенно переходят по наследству. Мне указывали

Передвижение по Северной Монголии на «уртопских», с монголами — всадниками.

на ряд тех и других станционных служащих, переходящих из поколения в поколение....

Эти монголы других повинностей не несут.

По особому соглашению с нашими представителями Кяхты и Урги, монгольская почта охотно перевозит не только все свои или китайские грузы, но и русские... В первую очередь следуют казенная и частная корреспонденции, посылки и проч.; во вторую — проезжающие по казенному или частному предписанию. Легкая и тяжелая корреспонденция или, как здесь говорят «почта» передвигается на вьюках, при помощи верблюдов; передвижение же людей происходит на лошадях, верхом, за исключением больших чиновников или купцов, которые нередко следуют в экипаже.

Европейский экипаж монголы-ямщики везут своеобразным способом, а именно: два или четыре всадника подхватывают

доннур [1]), и по команде: «вперед!» быстро мчат экипажи от одной станции до другой. В зависимости от чина и положения проезжающего, назначается больший или меньший эскорт, бо́льшая или мѐньшая кавалькада. В то время, когда одни ямщики тащат тарантас, другие скачут с ними рядом, часто сменяя друг друга на ходу. Дикое зрелище представляет собою передвижение важного сановника, когда вы еще издали видите большой столб пыли и массу людей, быстро несущихся на вас... Ни канавы, ни камни, ни другие встречающиеся на

Монгол под'ехавший и спешившийся у войлочной юрты.

пути препятствия — ничто не смущает номадов-ямщиков, ничто не замедляет движения, и они весь перегон катят в карьер... В таком случае принято щедро платить на «чай», примерно три, пять и более наших серебряных рублей — на каждой станции.

Благодаря кяхтинскому пограничному комиссару, покойному П. Е. Генке, своевременно снесшемуся с китайско-мон-

[1]) Доннур — перекладина, поперечно прикрепленная к оглоблям экипажа, обыкновенно подхватывается у обоих краев одним или двумя всадниками с каждой стороны, и удерживается у седла и живота ямщика.... При смене лошадей, доннур слегка поднимают, а затем новый всадник, заступая место старого, опять опускает и укрепляет эту перекладину. При под'еме на гору, кроме того, помогают тащить экипаж еще двое других всадников-монголов, тянущих за веревку, укрепленную посередине доннура, как это изображено на приложенном рисунке. Поднявшись на гору, передовые ямщики быстро от'езжают в сторону, ловко бросая на бегу освободившийся конец веревки на доннур... Чуть замедленное движение вновь доводится до прежней скорости.

гольским управлением, персонал экспедиции хорошо проследовал на монгольских почтовых лошадях, верхом, и в большинстве случаев шагом, в сопровождении багажа экспедиции, везомого на верблюдах, специально нанятых экспедицией у монголов - подрядчиков.

В качестве ямщиков или подводчиков монголы незаменимые слуги: добросовестные, трудолюбивые, выносливые. Еще более они хороши при исполнении обязанностей гонцов или курьеров, когда выпадает случай на ретивых лошадях проскакать большое расстояние... Монгол прекрасный наездник, к тому же он имеет острое зрение, привычен к седлу и климатическим невзгодам, словом он истый номад..... Свою монотонную далекую дорогу монгол разнообразит молитвой, песней, табаком и чаем..... Молится он у перевалов, поет по долинам, а курит и отдыхает за чашкой чая, в любой попутной юрте....

Наш караван, следовавший по-эшелонно, занимал порядочное расстояние. Я ехал впереди, капитан Напалков сзади; геолог экспедиции согласовал свое движение с производством специальных наблюдений, как равно и препараторы, порою отставшие от каравана или от'езжавшие в сторону, охотясь за зверями или птицами....

Вставали мы до зари. С зарею снимались биваком и шли до следующего ночлега, часто в продолжении целого дня. Позавтракав ранним утром, обедали поздним вечером, а затем укладывались спать. Благодаря обилию дров на пути, походная железная печь согревала нашу юрту, и давала возможность хорошо отдохнуть. Морозы продолжали усиливаться, снега становилось больше; всюду, кругом, была настоящая зимняя картина. Почти от самой Кяхты до Ибицыка снег шел не переставая, мешая наблюдать за горными складками; и только в последние два дня старого года небо очистилось и во время восхода и заката солнца наряжалось в румяный пурпур.... На заре Нового года воздух был особенно прозрачный и охладился до —47,3° С. Такого мороза я еще кажется никогда и нигде не наблюдал. К счастью, было абсолютно тихо.

Горные вьюрки (Leucosticte giglioli) и серые куропатки (Perdix daurica) ютились у монгольских жилищ, держась многочисленными стаями по темной, разрыхленной скотом, земной

поверхности. Наиболее доверчивыми к человеку были куропатки, которые, словно домашние птицы, подбегали к людям хватая на лету, выбрасываемые ими зерна. Днем, на солнце, куропатки резвились, валялись в пыли, хлопая крыльями. Порою их скрипучие звуки одни только и нарушали царившее безмолвие.... Впрочем, среди этих птиц иногда происходила большая тревога, когда неожиданно налетал их грозный враг — сокол (Gennaia milvipes milvipes).... Этот гордый хищник появлялся с быстротою стрелы, и схватив одну из куропаток, также быстро исчезал, таща ее в когтях до ближайшего пригорка, где он с жадностью уничтожал свою добычу. Из других птиц чаще попадались на глаза: в лесу — тетерева-косачи, группами усаживающиеся на березах, сойки, а вдоль опушек, по оврагам, очень нарядные розовые сибирские снегири (Uragus sibiricus).

День нового, 1908, года экспедиция провела частью в пути, частью на месте, в урочище Шара-хада — «Желтая скала» (сложенная из осадочных пород, заключающих любопытные палеозойские окаменелости). Здесь я поздравил лейб-гренадеров — всех трех — с производством в унтер-офицеры, пожелав им новых успехов в дальнейшем путешествии. Для моих новичков-спутников казалось странным, что начатый год придется целиком провести в глубине Центральной Азии, и что в течение не только этого года, но и всего вообще времени путешествия не суждено ни посылать, ни получать писем в той мере, в какой каждый из них привык это делать будучи дома. Под домом мы теперь подразумевали отечество, которое с каждым переходом становилось от нас все дальше и дальше.

Испортившаяся было вначале погода вскоре вновь исправилась. Прозрачный воздух открывал широкие снеговые дали, блестевшие огненно-золотистой окраской, наиболее эффектной на вершинах гор или холмов. Морозная тишина клала на всё свой характерный отпечаток. Наш караван был наряжен в серебристый иней и, дрожа от стужи, успешно совершал дневные переходы.

За Шара-хада к югу путь преграждался довольно высоким хребтом Манхадай, казавшимся особенно внушительным по причине глубокого снега, на белом фоне которого резко выделялась зона древесной растительности. Благодаря обилию

того же снега, обычную дорогу через Манхадай, нам пришлось оставить в стороне, заменив ее зимней более кружной, но зато несколько пониженной и наименее каменистой, проходящей через перевал Сэпсул-дабан, поднятый над морем на 4.500 футов. Под'ем на этот хребет очень крутой, но он не представляет больших затруднений, так как дорога хорошо разделана, к тому же она постоянно оживлена проходящими караванами, утаптывающими путь.

Как и на всех перевалах Центральной Азии вообще, так и здесь устроено «обо», священное сооружение, сложенное преимущественно из камней, характеризующих ближайшие горные породы, и сухих древесных ветвей, с нанизанными на них бараньими лопатками и лоскутками материи, исписанными «мани» [1]). На перевале нас застало ярко-солнечное утро, но несмотря на это воздух был крайне холодный и пронизывал до костей; с соседних берез то и дело слетали вниз косачи и зарывались в рыхлом снеге.... Вблизи, пробежала группа робких козуль, за которыми зимою охота малоуспешна. Мы, поэтому, предпочитали стрелять птиц, и пополнили орнитологическую коллекцию следующими интересными экземплярами: ястребиным сирином, уральской неясытью и другими...

Южное подножье хребта Манхадай окаймлено долиною речки Хара, вдоль которой, там и сям, виднеются китайские фермы — попытка Китая колонизировать Монголию. В целях слияния с местною народностью, китайское правительство раз навсегда запретило китайцам вывозить своих жен за пределы собственного Китая; с своей стороны будучи слишком склонными к семейной жизни, они обзаводятся семьей всюду, куда бы только их ни забросила судьба. Таким образом северную Монголию китайцы планомерно заселяют, сливаясь с халхасцами точно также, как они уже отчасти слились с юго-восточными монголами, в большинстве случаев утратившими свой первоначальный облик...

Среди китайских глиняных фанз выделялся один бревенчатый русский домик Калмыкова, куда, продрогшие от стужи,

---

[1]) Под словом Мани монголы подразумевают известную мистическую формулу Ом-ма-ни-па-дмэ-хум», что значит — «О, сокровище на лотосе!» Хум — священное восклицание; лотос (Nelumbium) — прекрасное растение, которое, согласно индийской мифологии, служит троном Творцу мира, а также считается и символом земли.

мы заехали погреться. В этом доме оказались одне женщины, которые тотчас позаботились накормить нас горячим завтраком и напоить чаем. Они были очень удивлены, что мы зимою решились начать путешествие. На мой вопрос: «а где же ваши хозяева?» — женщины ответили: «в Кяхте, уехали за продовольствием и кое-какими товарами, да вот вернутся не скоро, они у нас не такие, как вы, не поедут в такой клящий (очень сильный) мороз...»

Кое-где на дальнейшем пути мы отметили еще несколько однотипных русских домов, стоявших по большей части с заколоченными окнами. Впоследствии выяснилось, что эти постройки были плодом неудачной затеи Бадмаева, откуда за ними и сохранилось название — бадмаевские.

В той же долине Хара нас навестил монгольский чиновник — заведующий кяхтинско-ургинским трактом, чтобы осведомиться о нашем здоровье и благополучии.

За долиной Хара, местность продолжала нести горный характер. Монгольские уртоны — станции располагались высоко, в области скал и хвойного леса; дорога описывала гигантскую волну, в особенности на сокращенных тропинках, доступных лишь для легковой езды всадников. Караваны же двигались более удлиненным путем, следующим по извилинам, у подножья отрогов. Особенно высоко была расположена ночёвка при урочище Хунцыл, открывавшем широкий горизонт к западу. Мои сотрудники экскурсировали еще выше, и с восторгом отзывались о той панораме, которая представлялась на открытой им полуокружности. «Очень хорошо было»,—говорил А. А. Чернов, — «наблюдать такое огромное скопление гор, развертывавшихся во всех направлениях, но уступающих в высоте тому массиву, на котором я находился. Яркая вечерняя заря еще более усиливала лучшее впечатление»...

В Хунцыле, между прочим, мы встретили одного из учеников ургинской школы переводчиков, Кандакова, сообщившего мне, что местное консульство с нетерпением ожидает экспедицию и обеспокоено ее участью из-за небывалых морозов, стоящих день-в день и задержавших всех путников в дороге.

Пятого января, около 2—3 часов дня, следуя в пути, мне удалось наблюдать halo вокруг солнца, напомнившее мне ана-

логичное явление в Центральной Гоби, отмеченное восемнадцатого декабря 1899 года [1]).

До Урги оставалось еще четыре перехода, и мы твердо решили выполнить их в ближайшие четыре дня. Мороз не ослабевал, наоборот, казалось еще более усиливался. Особенно памятным в этом отношении для экспедиции был день седьмого января, когда каждый из насознобил какую либо часть лица, несмотря на широкие меховые шапки. При—26—28° и встречном ветре холод был жесток и мучителен. Я уверен, что мы его никогда не забудем, как одинаково не забудем и значения слов «кляший» мороз и «садкий» ветер. Неделю тому назад мы, сравнительно, легко перенесли в пути мороз в 47,3°, но тогда было тихо, абсолютно тихо, и та минимальная температура не оставила в нас никаких тяжелых воспоминаний...

Вообще говоря, днем, на солнце, в особенности в период его кульминации, температура воздуха значительно повышается, становится очень приятно, невольно клонит в сон. На ближайших вершинах снеговой покров блестит и искрится, в воздухе несется веселый крик горных клушиц, там и сям, в голубой выси, гордо пролетают орлы-беркута, привлекающие внимание сарычей.

По мере большего приближения к Урге, в отряде возрастало желание скорее попасть в этот священный город буддистов. Поэтому, с последнего ночлега—«Куй-аюши», пользуясь светом луны, экспедиция снялась очень рано,—до зари.

Я всегда следовал впереди и несколько быстрее каравана, который тем больше отставал, чем труднее была дорога. На этот раз предстояло чуть ни с места подниматься на перевал Тологойту, имеющий около 5.500 футов над морем, и естественно, что когда я был на вершине, караван еще только вползал на подошву хребта. Меня неудержимо тянуло молитвенное обо, открывавшее вид на священную девственную гору Урги, жемчужину Монголии—Богдо-ола! Увидев ее, я невольно пришел в восхищение и подумал: который уже раз я вижу тебя и любуюсь тобой... бесконечно долго смотрю на твою таинственную строгую красоту, на твой горделивый девственный наряд. Ты всё прежняя—задумчивая, молчаливая,

---

[1]) См. мою «Монголия и Кам», т. I, часть первая, стран. 123—124 (с рисунком).

прикрываешься сизой дымкой и двумя-тремя нежными тонкоперистыми облачками, стройно проносящимися над твоей могучей головой. Ламы ургинских монастырей свято охраняют твой чудный покров, свято чтут завет мудрейшего китайского императора Канси, и не менее мудрого второго из ургинских хутухт—Ундур-гэгэна [1]). Самой неограниченной свободой пользуются твои лесные обитатели—звери и птицы. С каким умилением и назидательностью посмотрели бы на тебя все те европейцы, которым так дороги и милы памятники чистой природы...

Измерив, вновь, барометрически высоту перевала, мы начали спускаться. Ветер опять пронизывал нас своей несносной стужей. Теперь уж начали попадаться навстречу конные монголы или длинные вереницы монгольских скрипучих телег, везомых меланхоличными быками... Подле дороги чаще и чаще группировались юрты, и толпилось не мало нарядных лам и чиновников, в карьер скакавших в ту или другую сторону. Мы тоже подвигались быстрее прежнего и в наблюдениях всякого рода время бежало незаметно. Вот показалась и долина Толы и змееобразная дорога, огибающая с северо-запада подножье Богдо-ола, дорога, по которой предстоит экспедиции отправиться в пустыню... Стали попадаться второстепенные обо, жалкие жилища нищих, а вот и собаки-людоеды, у самой дороги пожирающие труп, выброшенный по указанию буддийских монахов.

Вправо, к западу, тянулись постройки монастыря Гандан, где еще так недавно имел пребывание тибетский Далай-лама. Влево — к северо-востоку расположен другой большой ургинский монастырь, основанный в честь бога Майтрея — покровителя

---

[1]) Ундур-гэгэн, при покровительстве китайского императора Канси, современника Петра Великого, издал указ о святости и неприкосновенности Богдо-ула, ее лесной и животной жизни. Многочисленные ущелья (их насчитывается около восьмидесяти), ведущие в глубину гор, были заперты для охотников и истребителей леса, как они заперты монгольскими караулами и теперь... Богдо-ула доступна только созерцателям... И монголы, и русские свободно могут проникать в ее чистые девственные недра, для того, чтобы любоваться красотою высокоствольных лесов, угрюмых скал, шумных водопадов и пестрых полян с ковром благоухающих цветов, над которыми, в летний солнечный день, порхает множество бабочек...

В глубине Богдо-ула таится монастырь, основанный в честь Манчжушри — бога мудрости. (Е. Козлова. «Поѣздка в столицу Монголіи, Ургу». Отдельный оттиск из журнала «Землевѣдѣніе», 1916 г., кн. III — IV. Стр. 30).

скотоводов. Всё минувшее оживилось в памяти с поразительной ясностью.

Тем временем траншееобразная дорога привела нас к окраине города и базара. Из монгольских жилищ поднимался густой дым, который на известной высоте превращался в серое облако, стлавшееся вдоль течения Толы. Еще несколько минут и мы среди городского шума и гама, среди широкой улицы, заполненной пестрой толпой монголов, китайцев, русских, лам и простолюдинов, мужчин и женщин, взрослых и малых. Крик верблюдов, ржание коней, грызня собак, все это смешивалось с разными голосами людей и ужасно поражало пришельца, только что оставившего тихую монотонную дорогу.

Манчжушри — бог мудрости.

За базаром, мы были радушно встречены казаками консульского конвоя, проводившими экспедицию в самое нарядное здание Урги—здание русского консульства. Слева виднелись казармы китайского гарнизона, китайский ямунь—управление; справа—новейшие постройки небольших храмов и домов приближенных ургинского хутухты. Но меня больше всего попрежнему занимала все та же нарядная гора Богдо-ула, открывшаяся всей своей северной стороной, засыпанной глубоким снегом. Как-раз на Богдо-ола смотрит и фасад консульства, в окна которого бьет яркий свет монгольского солнца. Обитатели дома имеют возможность постоянно любоваться девственной красотой священного массива, на который беспрестанно

Майтрея — бог покровитель номадов.

устремляются также благоговейные молитвенные взоры буддийских монахов, населяющих ургинские монастыри...

Сверх ожидания, в консульстве нам не приготовили общей квартиры, отдельного небольшого дома, некогда занимаего командиром отряда, на который мы рассчитывали, а решили отряд наш разделить на группы и приютить среди консульского персонала, чем доставили бы и гостям и хозяевам различного рода неудобства. Пришлось отстаивать «домелунксенский» [1]) домик,

Урга. Здание Русского консульства.

а отстояв, тотчас согревать его непрерывной, усиленной топкой. На первых порах температура в нашем помещении была немногим выше наружной—17°, но к вечеру она уже поднялась до—6,5°, а к 12-ти часам ночи—ко времени нашего спанья +0. Мы себя чувствовали хорошо: устраивались, прибирались; огонь в печах весело пылал, дрова трещали. Незаметным образом в окна были вставлены вторые рамы, и к утру мы уже имели признаки тепла, доведенного в течение нескольких дней, при прежней интенсивной топке, до 8—9° С., что нам казалось вполне достаточным и даже нормальным перед выступлением в дальнейший путь.

---

[1]) Н. Ф. Домелунксен—офицер Генерального Штаба, командир отряда. См. мою «Монголия и Кам», т. I, часть вторая, стран. 719.

Домелунксенский домик имел четыре комнаты, из которых я и мои сотрудники заняли две, а остальные две — были предоставлены отряду. С первого дня я открыл барометры, установил прочие инструменты и стал приводить в порядок дневник и журнальные записи. Товарищи также сидели за письменными работами или экскурсировали в окрестностях. Препараторы приготовили несколько десятков шкурок птиц, грызунов, добытых частью по дороге и привезенных в замороженном виде, частью, на месте, в Урге, частью вблизи, по долине Толы.

Урга — священная столица Монголии — сосредоточивает в себе административный, культурный и духовно-религиозный центр жизни монголов. Всякий монгол, как бы далеко от Урги ни лежало его кочевье, стремится хотя бы один раз в жизни побывать в великой Да-курэ, как часто называют Ургу номады, чтобы поклониться ее храмам и безгрешному перерожденцу — хутухте.

В настоящее время, несколько расшатанное здоровье Богдо-гэгэна не позволяет ему так часто, как прежде, выходить к своему народу, и аудиенции его иногда ограничиваются только краткими свиданиями с монгольскими князьями и другими знатными, богатыми посетителями.

Современный Богдо-гэгэн является восьмым перерожденцем Чжэ-бцзун-дамба хутухты. Чжэ-бцзун-дамба почитается буддистами воплощением знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете — Таранаты [1573 — 1635]. Имя богдо-гэгэна вообще, как всякого важного лица в частности, по обычаю буддистов, не может быть известно при его жизни и обнародуется только после его смерти. Он родился в 1870 году от одного тибетского чиновника, принимал посвящение в Тибете же от XII далай-ламы и был привезен в Ургу в 1875 году, где, таким образом, проживает безвыездно уже свыше тридцати лет.

Избрание нового перерожденца Чжэ-бцзун-дамба-хутухты, по словам тибетцев, производится каждый раз следующим образом. По сообщении в Тибет о смерти хутухты, Банчень-ринбочэ [1]) — перерожденец будды Амитабы «будды Беспредельного света», и Далай-лама назначают имена двенадцати мальчиков, рожденных приблизительно в одно время, и при-

[1]) О Банчень-ринбочэ см. П. К. Козлов. «Тибет и Далай-лама». Петербург. 1920. Стр. 18 — 20.

Урга. Ногон-лавран и семь больших лам из свиты хутухты

казывают представить их в Лхасу, в Поталаский монастырь. Здесь дети подвергаются обследованиям учёных лам, которые, по мере исследования, постепенно отстраняют обладающих меньшими признаками физического существа Будды; так остаются, наконец, три мальчика, которые и признаются собственно перерожденцами [1]).

Восьмое [современное] перерождение Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

Оставленные, по исследованию лам, три кандидата подвергаются окончательному избранию в Потале. Оно совершается в присутствии Далай-ламы, Банчень-ринбочэ и Дэмо хутухты [2]). Имена мальчиков пишутся на трех отдельных бумажках и кладутся в золотую урну—сэрбум, откуда по совершении богослужения и молитв, вынимают одну из этих бумажечек: имя, написанное на ней, и определяет перерожденца, долженствующего быть отправленным в Монголию. Назначение трех кандидатов обусловливается тем, что всякий бодисатва перерождается отдельно тремя частями: духом, словом и телом.

Для препровождения в Монголию избирается перерожденец духа, остальные два мальчика, признаваемые перерожденцами слова и тела, принимают также духовное звание: они живут обыкновенно в Тибете, пользуются почетом и иногда занимают

---

[1]) А. М. Позднеев. «Ургинские хутухты». Стр. 19 и последующие.

[2]) Дэмо-хутухта — один из четырех главнейших лам в Лхасе, за малолетством далай-ламы регент последнего.

места настоятелей монастырей, основанных Таранатою, а иногда состоят просто в числе братии этих монастырей.

Что касается хутухты, долженствующего ехат в Монголию. то он также принимает от Далай-ламы посвящение в духовное звание и, затем, прослушав от него наставление в священном писании, отправляется, обыкновенно, в один из монастырей. основанных также Таранатою и находящихся в Тибетской провинции Цзан. Здесь он проводит время от трех до пяти лет в изучении священных книг и богослужениях, одним словом. живет до тех пор, пока не приедут за ним в Лхасу послы из Монголии.

Переезд хутухты из Тибета в Монголию совершается с особым торжеством. Для приглашения его необходимо следуют от шабинского ведомства [1]) и от каждого из четырех монгольских аймаков — округов, на которые делится Северная Монголия или Халха — не менее как по двести человек и, таким образом. самое меньшее число отправляющихся за хутухтою в Тибет — тысяча человек, а иногда это число бывает и гораздо больше. Поезд хутухты всегда движется очень медленно, задерживаемый разного рода церемониями и встречами. На всем пути от Лхасы до Урги богдо-гэгэна сопровождают тибетские и монгольские войска.

Со вступлением хутухты в пределы Халхи, сопровождающая его толпа народа более и более увеличивается, потому что халхасцы, приставшие к процессии, провожают хутухту по большей части до Урги; наконец, и из самой Урги выходят встречать люди на пространство десяти — пятнадцати ночёвок.

По прибытии в Ургу, богдо-гэгэн первую ночь проводит в своем летнем дворце, на берегу Толы, а отсюда, на другой день, в желтых носилках, его переносят в самый город. Для входа сюда хутухты на этот раз всегда отделываются особые триумфальные ворота, на юго-западной стороне города; эти ворота увешиваются хадаками, шелковыми материями и украшаются золотом и серебром.

---

[1]) Шабинское ведомство: у халхаских или северо-монгольских князей издавна существовал обычай строить храмы и дарить их хухуте с тем, чтобы почитаемый всеми перерожденец жил в них и молился за народное благо. Устроив подобный храм, каждый из князей отделял из числа своих данников несколько семей и также передавал их на вечное владение хутухте. Эти семьи теперь уже составляют отдельное ведомство, называемое Шабинским.

Хамбо-Чойчжэп-лама (брат богдо-гэгэна)

Вступив в Да-курэ, хутухта вносится сначала в барун-өргө (войлочная юрта), где его встречает Тушету-хан, как старейший из родственников Чжэ-бцзун-дамба-хутухты, а потом богдо-гэгэна переносят в Цокчэн-сумэ. Здесь его встречают высшие светские власти Да-курэ, а в прежнее время тут же совершалась от лица китайского императора передача богдо-гэгэну власти и символов ее, состоящих в золотой печати и грамоте на владение ею, писанной на золотом листе.

Далее, жизнь богдо-гэгэна проходит неведомо для обыкновенных смертных, в глубине его дворца. В глазах буддистов все деяния хутухты имеют, конечно, чудесный характер и совершаются единственно для пользы одушевленных существ.

По смерти богдо-гэгэна тело его бальзамируют. Операцию эту производят ламы обыкновенно месяца три или даже больше. Трупа они не анатомируют, а усадив в должную позу, натирают его разного рода благовониями и спиртуозными жидкостями, потом обмазывают составом из соли и других веществ. В этом состоянии труп пребывает обыкновенно месяца два, одним словом, до тех пор, пока совершенно не высохнет. Тогда от него отделяют соляной состав; части тела, свободные от одежд, и прежде всего лицо, покрывают позолотою; поверх позолоты на лице трупа разрисовывают брови, усы и губы, но глаза оставляют закрытыми. В этом виде труп богдо-гэгэна называется «шарил»; его садят в серебряный субурган и с торжественным богослужением ставят в храме, после чего воздают ему божеские почести.

В настоящее время резиденция хутухты расположена за пределами города, недалеко от правого берега реки Толы, и выходит фасадом на священную гору Богд-ола. За высокой белой оградой скромного дворца, напоминающего в общих чертах старое здание русского консульства, виднеется несколько кумирен, в которых живут приближенные к Богдо-гэгэну ламы.

Как истый буддист, хутухта покровительствует всем животным вообще, любит лошадей, собак и даже имеет у себя небольшой зоологический сад, в котором содержатся исключительно парнокопытные: олени, маралы, козули и немногие другие....

Урга—монгольская Лхаса, растет и развивается. Торговая русская колония расширяется, увеличивая оборот с каждым годом.

Ныне в Урге насчитывается до пятисот русских семейств. Престиж нашей родины поддерживается на должной высоте. Заезжие русские чувствуют себя в северной Монголии так же спокойно, как и на родине. Представитель отечественных интересов маститый Яков Парфеньевич Шишмарев продолжал неустанно работать, стремясь к еще большему сближению и об'единению русских с монголами.

Небез'интересно привести небольшую заметку о Я. П. Шишмареве—одном из основателей русского консульства в Урге и первом его консуле, прослужившем России почти полвека...

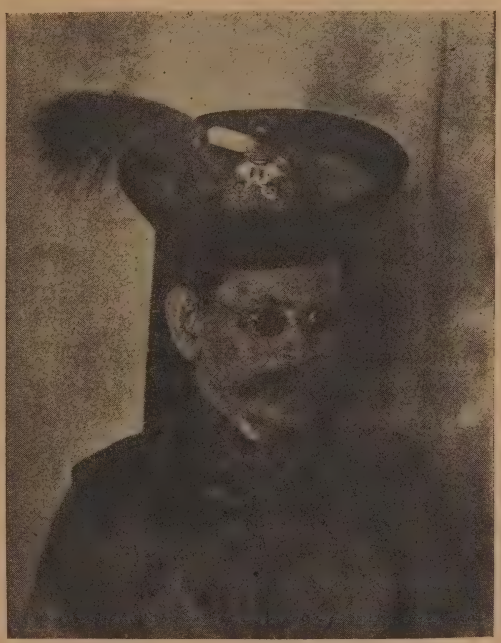
Покойный Я. П. Шишмарев—сибиряк, начал свою службу на родине в то горячее время, когда Восточной Сибирью управлял знаменитый Н. Н. Муравьев-Амурский. Одною из выдающихся заслуг этого великого государственного человека было, между прочим, уменье выбирать себе сотрудников от высших до нисших. В числе таких избранников был и молодой человек, незаметный тогда чиновник, Шишмарев, выдвинутый за свои способности и прилежание...

Я. П. Шишмарев родился 14 сентября 1833 года в городе Троицкосавске, Забайкальской области. Первоначальное образование получил в своем родном городе, в русско-монгольской школе, и шестнадцати лет поступил на службу. До 1855 года он служил в разных троицкосавских канцеляриях и, вследствие предположения назначить его в число светских членов пекинской духовной миссии, начал изучать манчжурский и китайский языки у ориенталиста К. Г. Крымского, командированного министерством иностранных дел в Кяхту для заведывания русско-китайской школой и преподавания в ней.

В 1855 году Я. П. Шишмарев был в первый раз командирован в экспедицию на Амур, в звании переводчика монгольского и манчжурского языков. С этого времени, в течение пяти лет он непрерывно раз'езжал по Амуру по поручению графа. Вернувшись с Амура в Иркутск, через Аян, в следующем 1856 году, Я. П. Шишмарев вновь отправляется на Амур, чтобы сопровождать третью амурскую экспедицию до города Айгуна, а в 1858 году состоит лично при Муравьеве-Амурском как во время самой поездки генерал-губернатора на Амур, так равно и при ведении им переговоров с китайцами о границе. По заключении Айгунского договора, в силу которого к России был

присоединен Уссурийский край, Я. П. Шишмарев отправляется на Уссури для участия в экспедиции по проведению новой границы.

Амурская деятельность Я. П. Шишмарева оканчивается дипломатической поездкой в Благовещенск в 1859 году и новой, еще более дальней командировкой в Пекин, в распоряжение чрезвычайного посла графа Н. П. Игнатьева, в особенно напряженный период англо-французской войны с Китаем и заключения пекинского договора... Новый просвещенный начальник Шишмарева так же оценил его, как и его покровитель граф Муравьев-Амурский, и Я. П. вскоре после Пекина был награжден и назначен во вновь открытое в Урге русское консульство.



Я. П. Шишмарев.

Почти с самого основания консульства,—с 1861 г., с первых шагов его деятельности, Я. П. Шишмарев состоял в Урге консулом в различных оттенках этого звания—управляющим консульством, консулом и генеральным консулом. В течение этого периода, он только иногда был отвлекаем от своего поста для исполнения особых поручений. Так в 1881 году Я. П. Шишмарев был назначен в Кульджу полномочным комиссаром по передаче Илийского края китайскому правительству, а в следующем году был командирован в западную Монголию для изучения торговых вопросов и рассмотрения взаимных претензий русских и китайских подданных. Главная заслуга Я. П. Шишмарева перед Россией, правильно замечает Г. Н. Потанин, заключается в его служении интересам русской торговли в Монголии, оберегать которые ему суждено было в течение столь многих лет. Он же долгое время должен был стоять на страже наших торговых сношений на западной границе Манчжурии.

Все отличия, до чина тайного советника и проч., Я. П. Шишмарев получил в лице представителя русского консульства в Монголии—в Урге. Как на свидетельство его постоянной популярности в монгольской среде, можно указать на подарок, давно полученный им от ургинского богдо-гэгэна, чашу из сандального дерева. Получение такого подарка иноверцем чуть ни единственный случай в истории монголо-буддийской духовной обрядности.

За долговременное пребывание в Урге Я. П. Шишмарев из'ездил Монголию, что называется вдоль и поперек, в особенности ее северную часть. Некоторые географические факты были им сообщены впервые, как, например, существование снежных вершин в Хангае и в Восточном или Монгольском Алтае... Его путевые заметки о Кэрулене долгое время были единственным источником для знакомства с этим районом северной Монголии. Но в чем был особенно сведущ Я. П. Шишмарев и что он хорошо знал—так это монголов, домашнюю жизнь монгольских князей, их взаимные отношения, управление Монголией, экономические условия, в каких живет нисший класс, значение будийского духовенства и, что наиболее важно для русских—русскую торговлю, постоянным свидетелем роста которой он был в последние сорок-пятьдесят лет.

К сожалению, литературная деятельность Я. П. Шишмарева выразилась лишь немногими статьями, напечатанными в сибирских географических журналах, а именно: «Сведение о халхаских владениях», «Поездка из Урги на Онон» и «Сведения о дархатах-урянхах ведомства ургинского хутухты»...

Многие центрально-азиатские экспедиции и большинство путешественников, начиная со знаменитого Н. М. Пржевальского, перебывали в Урге и получали большее или меньшее содействие и присущее Я. П. Шишмареву русское гостеприимство.

Лично я был знаком с маститым консулом с 1883 года, со времени моего первого путешествия по Центральной Азии с покойным Пржевальским, имевшим с Шишмаревым самые наилучшие отношения. Об этом свидетельствуют и письма Н. М. Пржевальского к Шишмареву, любезно переданные Я. П. мне в полное распоряжение...

В Урге в русско-китайском банке мы теперь получили серебро в китайских и гамбургских слитках, необходимое экспе-

диции на всем ее караванном пути в глубине Центральной Азии. Здесь же пришлось приобрести порядочное количество цзамбы — сухой ячменной или пшеничной муки и других предметов повседневного продовольствия. Казаки по обыкновению добыли двух походных сторожевых собак, которых они без труда выбрали из массы бродячих псов, промышлявших отбросами.

С первых дней прихода в Ургу нас донимали монголы подводчики, желавшие доставить экспедицию в Монгольский Алтай; в числе таковых оказался и алашанец, долженствовавший в скором времени отправиться обратно в Дын-юань-ин. За алашанца я ухватился в первую голову и что называется обеими руками, потому что, во-первых, он имел лучшую рекомендацию от моего спутника Бадмажапова, проживавшего в это время в городе Дын-юань-ине в качестве представителя русской торговой фирмы в южной Монголии — «Собенников и бр. Молчановы», во-вторых, алашанец-подводчик брался доставить в Дын-юань-ин двадцать наших самых тяжеловесных вьюков, необходимых нам только впоследствии, и, в-третьих, давал облегченному каравану большую подвижность в выполнении круговой экскурсии через низовье Эцзин-гол, долиною Гойцзо в тот же Дын-юань-ин...

С алашанцем мы очень скоро сговорились и семнадцатого января отправили наш транспорт под наблюдением Четыркина и казака Буянты Мадаева. Этот караван последовал поперек Гоби, в Дын-юань-ин, придерживаясь маршрута Н. М. Пржевальского.

Тем временем были подряжены и местные монголы для главного каравана, намеревавшегося оставить Ургу двадцать первого января. Однако, против такого моего решения монголы энергично протестовали; дело в том, что как раз двадцатыми числами у монголов начинался большой праздник «Цаган-сар» — «Белый месяц», и они усиленно упрашивали меня день выступления каравана перенести на двадцать пятое. Делать было нечего, пришлось уступить номадам. В таких случаях участники экспедиции, по большей части, берутся за перо и пишут письма. Вообще говоря, я не люблю продолжительных остановок в городах, так как они отвлекают от прямых дел и вызывают наибольшую, иногда даже непроизводительную трату денег.

Таким образом, в Урге, нам пришлось провести более двух недель, которые, несмотря на монотонную жизнь, прошли довольно скоро. Все наши мысли невольно сосредоточивались на предстоявшем путешествии и, мы совершенно не замечали, как мелькал короткий день, сменяемый обыкновенно длительной холодной ночью. Несмотря на крайнюю стужу по вечерам, я долго, бывало, не мог оторваться от чудного зрелища, которое представляет из себя звездное небо. Здесь оно особенно ярко и наблюдаемые в экспедиционные трубы небесные светила приводят человека в большое восхищение, в особенности Юпитер и его спутники. По окончании специальных наблюдений наша походная обсерватория несколько вечеров не убиралась, привлекая внимание местных обитателей и служа к наблюдению дивной красоты вселенной [1])...

Монгольский праздник Цаган-сар внес в Ургу большое оживление. Перед зданием консульства, с утра до вечера, проносились кавалькады нарядных монголов и монголок. Я всегда любил смотреть на быстро мчавшихся номадов, на их оригинальную посадку... В центре города сновало еще больше народа, прибывшего из окрестных мест с принесением поздравлений хутухте и главным чиновникам. Везде развевались флаги, мелькали разноцветные фонари и раздавалась трескотня хлопушек и бомбочек... Торговля стихла, лавки закрылись, но зато двери всех буддийских храмов стояли настежь, призывая к молитве...

Наши проводники сдержали слово и явились во-время. Пора и в дальнейший путь...

---

[1]) Нигде больше так близко не соприкасается человек с природой — земной и небесной — как в путешествии. В путешествии, я невольно очень часто вспоминаю глубокое изречение одного из философов: «Наблюдай движение светил, как принимающий участие в нем и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобные представления очищают от грязи земной жизни»... (Марк Аврелий).

Географическое положение Урги: широта 47° 54′ 57,5″, долгота от Гринвича 106° 57′ 30″.

Глава II.

ОТ УРГИ ДО МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ.

Беглый взгляд на Монголию и ее обитателей. — Оставление Урги. — Долина Шархай-хундэ. — Ее животная жизнь. — Млекопитающие и птицы. — Впечатления походной жизни. — Первая дневка. — Озеро Тухум-нор с монастырем того же названия. — Характеристика дальнейшего пути. — Монастырь Тугурюгин-догын; его музыкальные инструменты. — Долина Онгиин-гол. — Во владениях Тушету-хана; монастырь Хошун-хит; внешний вид последнего; белые субурганы; обстановка храмов; изображение на полотне колеса мира — «сансарыйн-хурдэ»; нравственное учение буддизма. — Несколько слов о духовенстве северной Монголии. — Китайцы-торговцы. — Происшествие в глубине пустыни. — Вид на Гурбун-сайхан; ключ Тала-хашата.

Прежде, чем начать рассказ о путешествии внутрь Монголии, бросим беглый взгляд на природу всей этой страны и ее обитателей...

На нашем пути с севера, от Кяхты, тотчас начинается Монголия, сначала степная, далее горная, с более или менее массивными хребтами, еще очень богатыми растительным и животным миром. А там и Урга — духовный и административный центр, — за которым физиономия монгольской природы резко изменяется, горный рельеф сглаживается, растительный покров беднеет, население редеет, в особенности южнее гор, составляющих восточное продолжение Монгольского или Гобийского Алтая. Здесь уже настоящая пустыня — Гоби, развертывающаяся то в виде гладкой песчано-каменистой скатерти, то в виде складок мягких и скалистых холмов, по вершинам которых, в вечерние часы, картинно играют отблески заката... Наконец южная Монголия, почти целиком представляющая со-

бою море сыпучих песков, по большей части, грядовых меридиональных барханов, нередко поднимающихся в высоту до сотни и более футов.

Коренное население Монголии, монголы, также видоизменено, с одной стороны физическими условиями природы, с другой — большим или меньшим воздействием своих родовых князей или китайцев. В северной Монголии путешественник наблюдает номадов, еще гордящихся своими традиционными удалью, молодечеством, щегольством пестрых нарядов, бойкими иноходцами, их убранством, своею лихостью, ловкостью езды; эти монголы невольно заставляют наблюдателя мысленно переноситься к давно минувшим временам, к тем временам, когда они имели собственную историю. Сохранению монголами славных традиций былого, способствует в значительной степени ургинский иерарх — богдо-гэгэн и владетельные управители хошунов — монгольские князья, с которыми китайцы поступают учтиво, стараясь расположить их ко двору богдо-хана. Монголы центральной части страны значительно уступают богатством и нарядами своим северным соседям, но за то, нередко, превосходят в этом отношении южных обитателей, которые как с внешней так и с внутренней стороны, все более и более приближаются к китайцам, забывая свою национальную жизнь и отрекаясь от родового быта. В общем, с нашей точки зрения, жизненная обстановка монгола бедна и не завидна, как беден и его внутренний мир; хотя монгол и отличается от соседних кочевников тем, что достиг сравнительно более высокого умственного развития, имеет собственные письмена, печатные законы, изучает тибетскую грамоту, всецело предан вопросам религии, словом приблизился к тому, что мы называем культурой, он все же представляет собою, по европейским понятиям, низшую стадию человеческого развития...

В заключение, приведем прекрасные мысли, высказанные Н. М. Пржевальским [1]) у порога Центрально-азиатской пустыни... «Передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебною для цивилизованной жизни. Но кочевник

---

[1]) Третье путешествіе в Центральной Азіи. Стр. 10—11.

Монгольская княгиня

свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот — она его кормилица и защитница. И, по всему вероятию, люди живут здесь с незапамятных времен, так как пастушеская жизнь, не требующая особого напряжения, ни физических, ни умственных сил, конечно, была всего пригоднее для младенчествующего человечества. Притом же, в зависимости от постоянного однообразия физических условий, быт номадов, конечно, не изменился со времен глубочайшей древности. Как теперь, так и тогда, войлочная юрта служила жилищем, молоко и мясо стад — пищею; так же любил прежний номад ездить верхом; так же был ленив, как и в настоящее время. Сменялись народы пустыни, вытесняя один другого; сменялась их религия, переходя от фетишизма и шаманства к буддизму, но самый быт кочевников оставался неизменяемым. Консерватизм Азии достигнул здесь своего апогея.

«И надолго останется таковою большая часть Центральной Азии! Природа пустыни едва ли будет вполне побеждена даже при помощи науки. Конечно, со временем, местности, пригодные для культуры, оседло населятся, и артезианские колодцы отнимут еще несколько клочков у бесплодной пустыни. Быть может, ее прорежет железная дорога, хотя бы сибирско-китайская. Вообще, район кочевой жизни в будущем значительно сократится, но все-таки большая часть Центральной Азии останется пустынею навсегда. Здесь не то, что в Северной Америке, где все прерии годны для обработки, и где, поэтому, культура подвигается исполинскими шагами. Природа азиатской пустыни, всего лучше и всего дольше, защитит туземных номадов перед напором цивилизации. В далеком будущем, эти номады останутся живыми памятниками исторического прошлого. Стада домашнего скота, антилопы, хуланы, а на Тибетском нагорье дикие яки еще долго-долго будут бродить по пустыням Центральной Азии».....

...День двадцать пятого января, 1908 года, для экспедиции может считаться знаменательным. В этот день мы надолго распрощались с родными людьми, с родною речью, с родной обстановкой. Впереди лежало все новое, чуждое — и природа, и люди... Утро серое, холодное, ветреное. Консульский двор заполнен верблюдами, лошадьми, багажем экспедиции. Вместе с гренадерами и казаками хлопочут монголы...

Местный кружок соотечественников пришел проводить нас. Больше всего меня тронули дети — ученики и ученицы консульской школы, от имени которых учительница М. П. Ткаченко передала экспедиции пожелание успехов обогатить науку новыми открытиями.

Пока мы прощались, головной эшелон Иванова уже открыл движение; за ним направился второй, третий. Путешествие началось. Его первые шаги, через окно, благословил консульский священник от. Милий, из за простуды не выходивший из дома. Вскоре, караван вытянулся красивой линией и еще большими нежели прежде шагами стал отмерять расстояние. В открытой долине ветер свирепствовал пуще прежнего: мы ёжились и очень часто оставляли седла, чтобы на ходу согреться. Встречные монголы приветливо прощались с нами: сжимая на груди руки, они произносили: «куйтун-байна!» что значит «очень холодно!»

Несмотря на успешное движение, мы очень долго тащились долиною Толы, прежде нежели ее оставить, прежде нежели перевалить Гонгын-дабан, окончательно скрывший Толу от наших взоров. Прямо перед нами широко расстилалась степная полоса, и лишь на востоке, продолжали тянуться отроги богдо-ол'ского массива, темневшие богатою зарослью леса. Через некоторое время и они скрылись... Мы вступили во внутренний центрально-азиатский бассейн и на другой день весь большой переход подвигались вдоль обширной долины Шархай-хундэ, блестевшей яркой желтизной пышного дэрэсуна (Lasiagrostis splendens). Там и сям группировались юрты кочевников, а в окрестности юрт — их многочисленные стада, нередко по соседству со стадами монгольских цзеренов (Antilope gutturosa), хорошо распознающих мирного человека от охотника. На мой вопрос к проводникам: «чьи это табуны коней и стада верблюдов и баранов»? — они ответили: «всё это принадлежит хутухте и монастырям».

Богатая долина Шархай-хундэ в тоже время изобилует пищухами (Lagomys ogotono), за которыми охотятся зимующие в Монголии сарычи, большие и малые сокола (Gennaia et Tinnunculus), обычно сидящие по вершинам холмов, вдоль дороги, В этой местности мы добыли интересного большого хорька, которого долгое время преследовал черный ворон (Corvus corax),

бросавшийся на зверька с криком сверху; хорек сгибал спину, рычал и вообще яростно защищался.

Ежедневно наблюдая только монголов и их кочевье, мы скоро освоились и со своей походной обстановкой: верблюдами, лошадьми, юртой, и с своим главным занятием — передвижением. Иначе говоря, своим образом жизни, мы напоминали номадов и чувствовали себя очень хорошо. С вечера, в нашем походном жилище всегда бывало маленькое тепло, но ночью, в особенности же перед зарей, когда мы, обыкновенно, вставали, становилось ужасно холодно. Во время одевания, которое совершалось очень быстро, только и стучишь бывало зубами, только и слышишь бррр..., бррр..., бррр!... Затем, наскоро проглотив по чашке-другой горячего чая, с противным месивом «цзамба», мы отправлялись в путь. В дороге, время бежало быстро, как быстро, незаметно проходили и целые дни. После же четырех-пяти дней или переходов устраивалась дневка, считавшаяся всеми нами за большой праздник.

Первая такая дневка была устроена неподалеку от высокой конусообразной горы Хайрхан, [1]) рядом со стойбищем владельца наших наемных верблюдов — состоятельного монгола Церен Доржиева. Последний оказался весьма доброжелательным и сговорчивым вообще, а в частности по отношению к вопросу о расширении нашего маршрута, о большем уклонении его на юго-запад, в целях, не входившего сначала в нашу программу посещения озера Тухум-нор, и прилежащего к нему на юге района, до нас еще не изученного географами. На память о русских, Доржиев и его жена получили от экспедиции кое-какие подарки.

С каждым днем экспедиция приближалась к заветному югу, с каждым следующим днем уменьшалось количество снега и становилось теплее на солнце. Ночью попрежнему бывало очень морозно; попрежнему звездное небо ярко мигало и искрилось, и попрежнему очаровывало своей красотой... Кругом тихо: ни один звук не нарушает торжественности степного простора, лишь по небу мелькнет падучая звезда и исчезнет вблизи горизонта. Подобная обстановка мирит с жизнью и уносит в мир чистый, бесстрастный...

---

[1]) См. мою «Монголія и Камъ», т. I, часть вторая, стр. 717 — 718.

Дальнейший путь к озеру Тухум-нор пролегал среди невысоких гор, среди горных складок Сонин-хангай с одной стороны, и Орцик, Онгон-монгол и Тангыт-тот, с другой, по перевалу Улэн-дабан, имеющему около 4.650 футов над морем. Преобладающей горной породой здесь был розовый гранит, прикрытый мощным пластом галечника с богатой степной растительностью, по которой, насколько хватал глаз, паслись стада тех-же баранов. У одного из попутных холмов, с крутым обнажением выветрелого гранита, держалось много канюков или сарычей (Archibuteo hemiptilopus), не выносивших появления более сильного хищника — орла, не редко пролетавшего вдоль тех же гор или холмов. В лазурной выси кружились бурые грифы (Vultur monachus), которых, вскоре, мы обнаружили на трупе лошади... Могучие хищные птицы издавали громкий клекот, и отчаянно дрались из-за добычи. В такое время легче всего подойти незамеченным к грифам на расстояние выстрела... В этом же районе, впервые нынче, мы наблюдали массовое скопление пустынников (Syrrhaptes paradoxus), выдававших свое присутствие, преимущественно, по утрам, когда больдуруки с шумом бури пролетали в ту или другую сторону. Скорость их полета поистине изумительна[1]). Рядом с больдуруками нередко встречались огромные стаи различных жаворонков (Otocorys, Melanocorypha, Alaudula), кормившихся по травянистым лощинам, почти совершенно свободным от снега...

Благодаря необычайной прозрачности воздуха, путешественник здесь часто обманывается в определении расстояний, значительно сокращая их против действительности. Подобные ошибки еще более увеличиваются, когда наблюдатель находится на возвышении а перед ним расстилаются долины, по которым нередко играет мираж — «злой дух пустыни», строющий из отдаленных высот фантастические сооружения, тонущие в дрожащем озеровидном пространстве... Так было с нами на пути к озеру Тухум-нор, которое с окраинных холмов казалось очень близко, а на самом деле потребовалось несколько часов чтобы дойти до него, при этом самая долина из ровной и гладкой, каковой представлялась издали, превратилась в пересеченную поперечными оврагами местность, сильно утомившую наш караван.

[1]) Рисунок больдурука см. в моей книге «Тибет и Далай-лама». Стр. 66.

Северная Монголия; казнь монгола преступника (влево вверху — об'явление смертного приговора; вправо — перед бурханом преступник молится; влево внизу — преступника расстреливают, и наконец — труп

На северо-восточном берегу Тухум-нора приютился монастырь Тухумын-догын, подле которого экспедиция и расположилась лагерем.

Познакомимся сначала с озером.

В зимнее время Тухум-нор представляет жалкую безводную белую площадь, почти не отличимую от общего вида долины, прикрытой тонкой пеленой снега. Размеры озера незначительные: шесть верст в длину и четыре — в ширину. С запада в Тухум-нор впадает единственная речка — Джергалантэ. Берега озера плоские, низменные, за исключением небольшой полосы, где они слегка возвышаются. Дно илистое, солончаковое. Береговая растительность бедна и выражается караганой, дэрэсуном, несколькими видами солянок и немногими другими типичными для страны формами.

По словам монголов, в весенне-летнее время, Тухум-нор наполняется водой, на поверхности которой держится порядочное количество птиц — уток, гусей, турпанов, а по берегам, куликов, цапель, журавлей и чаек. Теперь же мы здесь встретили — белую полярную сову, державшуюся крайне строго, темного сарыча, орла-беркута, а из мелких — одних лишь жаворонков. Что же касается млекопитающих, то помимо отмеченных выше цзеренов, здесь обыкновенны: волки, устраивающие по ночам неприятные концерты, затем лисицы, зайцы и несколько видов более мелких грызунов. Местный небольшой заяц (Lepus tolai), очень многочисленен и настолько привык к добродетели монгола, что ютится рядом с его жилищем, словно собака. Зато «косой» смертельно трусит крылатых хищников — орлов, питающихся исключительно зайцами. В северной Монголии я неоднократно был свидетелем интересных сцен у царственного хищника с трусливым зайцем. Косой улепетывает, что называется во-всю, орел плавным полетом гонится за зайцем и как только хочет схватит его, заяц делает отчаянный прыжок, часто через спину орла, и был таков. Горный хищник вновь стремится к намеченной жертве, вновь нападает, заяц вновь повторяет невероятный прыжок. В конце концов косой бывает схвачен и достается орлу на обед, обыкновенно отправляемый вблизи, на каком-либо возвышении [1]).

[1]) В. Бианки. «Матеріалы для авифауны Восточной Монголіи и Сѣверо-восточнаго Тибета по данным Монголо-Сычуаньской экспедиціи 1907—1909 гг., под начальством П. К. Козлова». Стр. 76—77.

Теперь перейдем к описанию монастыря.

Местный монастырь — Тухумын-догын в настоящее, зимнее время мало или даже совсем не посещается народом. С большим трудом мы могли розыскать ламу — монаха, который показал нам храмы. Вслед за ламой, откуда-то явилась целая компания ламишек [1]), бывших по случаю праздника, на-веселе и державших себя крайне развязно. Когда мои казаки шутили с ними, юные служители монастыря неотвязно просили водки — «крепкой русской водки», говорили ламишки, от которой, становится весело! «Видно старших нет» строго заметил наш переводчик Бадмажапов.

Общее впечатление от Тухумын-догына хорошее. Его зо-

Дорчжэ или вачир (жезл).

лоченые верхи блестят на солнце, и в душе буддистов вызывают умиление. Монастырь имеет три опрятно содержимых храма, вытянутых от востока к западу и смотрящих на юг; один из этих храмов, а именно восточный — старинный, западный совершенно новый; средний — является главным, в котором отправляется богослужение — хурал, в присутствии настоятеля — гэгэна, восседающего на троне. Согласно показанию лам, главный храм построен перерожденцем Домын-ламою, который в данное время и является настоятелем монастыря. В этом храме находятся богослужебныя книги, требники, молитвенники и несколко мелких догматических сочинений. Сборников же на тибетском языке Ганьчжўра и Даньчжўра здесь не было; их можно встретить только в монастырях хошунных или еще того выше — хутухтинских. Кроме библиотеки в гэгэнском храме находится порядочное количество металлических и писанных бурханов — изображений божеств, — это внизу, у соответствующей входу стены, у престола гэгэна; тогда как в верхнем, так

[1]) Ламишка—ученик.

называемом субурганном отделении, красовалось большое изображение Ногон-дархэ. Там и сям выдавали себя музыкальные инструменты: трубы, барабаны, тарелки [1]) и друг. На престоле лежали «хонхо» и «вачир». Хонхо или небольшой колокольчик с рукояткою, с изображением богини Дархэ. На наружной стороне колокольчика начертано шесть мистических слов: «Ом-ма-ни-па-дмэ-хум». При служениях, хонхо, как музыкальный инструмент, составляет принадлежность первенствующего в храме, который, в установленное время, по большей части, как говорит проф. Позднеев [2]), при произнесении тарни — магического изречения, берет хонхо в левую руку и звонит. Необходимую принадлежность хонхо составляет еще вачир, род небольшого скипетра. Назначение этого прибора — прогонять препятствие и демонов, которые всегда стараются смущать дух служащих. Первенствующий лама, держа в левой руке колокольчик, в правой в тоже время имеет, (у себя), вачир.

Хонхо — молитвенный колокольчик.

Во время летних хуралов в Тухумын-догыне собирается до трехсот лам, при еще большем стечении окрест живущих молящихся. Духовая музыка со звуками барабанов и тарелок и пением лам уносится в даль и будит вечно дремлющую пустыню.

Теперь же вокруг монастыря теснилось до десятка жилищ бедняков, промышляющих на счет приношений молящихся. Состоятельное же население проживало южнее озера, на лучших пастбищах, по которым бродили большие стада домашних животных.

---

[1]) Медные тарелки, иначе «цан» или «дэльбэ», с головками посередине; головки эти служат вместо рукоятки и, держась за них, можно ударять тарелками одна о другую. Более часто цан делается из композиции, составляющейся из меди, чугуна и серебра. Говоря о тарелках вообще, подразумевают одну или несколько пар тарелок.

Кроме цан или дэльбэ имеется еще «дэнши́к» — пара медных вогнутых тарелочек, соединенных ремешком за свои рукоятки. При богослужениях, лама, держащий эти тарелочки, ударяет одною тарелочкой о другую, отчего получается звук, похожий на удар колокольчика, но гораздо более мягкий и мелодичный...

[2]) «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи». Стр. 103.

Благодаря прозрачности неба, мне удалось астрономически определить положение Тухумын-догына [1]). Весь вечер, в морозном воздухе, падали изящные снежные звездочки, и луна была опоясана красивым радужным кольцом.

При монастыре Тухумын-догыне мы намеревались устроить дневку, но подводчики сильно воспротивились, ссылаясь на безкормицу, могущую тяжело отозваться на лошадях. Поэтому, утром, на следующий день, караван наш обычным порядком направился в путь, за исключением меня и А. А. Чернова, решивших еще с вечера провести на озере час-другой, чтобы познакомиться с характером его обнаженного дна, по которому можно было проехать на лошадях из конца в конец. Результатом этих наблюдений и послужила вышеприведенная заметка об Тухум-норе.

На протяжении двух переходов маршрут экспедиции шел строго к югу, затем уклонился к юго-юго западу и держался этого направления вплоть до северного подножья гор Гурбунсайхан. Общий характер местности гористый, в особенности в северной половине маршрута, тогда как в южной преобладают открытые долины, по главным из которых пролегают большие караванные дороги из северо-западной Монголии в Куку-хото [2]). Поверхность гор, холмов, долин, словом всё говорит в пользу стихийной деятельности — бурь и ветров видоизменяющих рельеф внутренней Монголии. Массовый обломочный материал, по мере удаления от материнской породы, мельчает, перетирается; более мелкие частицы щебня уносятся еще дальше, обтачивая на пути отдельные мелкие гальки, представляющие иногда типичные трехгранники, реже четырехгранники. Выходы наиболее твердых горных пород своею полировкой тоже напоминают о деятельности ветра, хотя в таких случаях чаще бросается в глаза предохранительная корка пустынного загара, повсюду покрывающая и изверженные и древние породы. Как капли вод, зародившихся высоко в ледниках, в своем поступательном движении стремятся на дно долин, скопляясь в реки

---

[1]) Географические широта и долгота даны в конце этой книги.

[2]) Город Куку-хото или Гуй-хуа-чен, как его называют китайцы, находится в северной части провинции Шаньси Внутреннего Китая, но вне Великой стены, проходящей верстах в восьмидесяти от него к юго-востоку. Гуй-хуа-чен ведет обширную торговлю со всем почти Внешним Китаем и по размерам своих торговых оборотов с Монголией не имеет себе соперников во всей империи.

или озера, так и горные песчинки, подхваченные ветром несутся вниз, и в совокупности создают целое море барханов. На большем своем внутреннем протяжении страна однообразна, скучна, монотонна; еще более она удручает путешественника во время бури, поднимающей с земли тучи тончайшей пыли, омрачающей воздух. Всё живое прячется, голоса замирают и лишь один только ветер неистово ревет и свистит, наводя ужас на суеверных номадов...

При таком состоянии воздуха в связи с поразительным однообразием пустынного ландшафта, здесь не легко разобраться в дороге даже привычному человеку. Поэтому, на ближайших вершинах гор или на попутных возвышениях, равно и на всяком характерном повороте, у монголов из камней сложены указатели, по которым проезжий может ориентироваться, подобно тому, как в лучшую погоду он руководится общим направлением своего пути по расположению командующих массивов, по их оригинальным очертаниям, улавливаемым иногда на большие, в несколько десятков верст, расстояния. Ведь каждый, или почти каждый перевал открывает новые виды, новые картины; одни горы приближаются, другие уходят за противуположный горизонт. С книжкою и буссолью в руках, в течение всего перехода, непрерывно следишь, непрерывно отмечаешь всякий заслуживающий внимания предмет, всякое характерное явление. Не редко, один и тот же массив приходится наблюдать в течение нескольких дней, нескольких переходов и по нем ориентировать свою с'емку. Подобное явление всего чаще случается, если таковые массивы лежат у самой дороги, когда, сначала, вы к ним приближаетесь, затем равняетесь с ними и наконец оставляете их в тылу вашего маршрута. Подтверждение сказанного мы увидели на второй или третий день движения от Тухум-нора, где с вершин попереч ных высот, нам открылся широкий горизонт: на впереди лежащем юге темнели гребни Дэлгэр-хангая, на оставленном севере — знакомые читателю Сонин-хангай, Орцык и другие... Как увидим ниже, мы приблизимся в плотную к Дэлгэр-хангаю, и в тоже самое время в полуденном паправлении покажется новый поперечный хребет.

На дальнейшем пути общий характер местности оставался прежним. Те же горные кряжи, те же безконечные простые и

сложные по очертаниям высоты [1]) или залегающие между высотами котловины иногда с ключами или с колодцами, подле которых непременно ютится человек и где вам предстоит расположиться биваком на ночь. Попрежнему, маршрут пролегал в виде прямой линии и засечки или азимуты направления приходилось брать с места ночлега на соседний предмет следующей такой же остановки.

День за днем экспедиция подвигалась к югу, день за днем монгольское солнце прибавляло тепловой энергии, чаще и звонче раздавалось пение жаворонков. Воздух опять прозрачен: по сторонам убегают синие дали. На утренней заре, пятого февраля, удалось наблюдать интересное явление: с одной стороны всходило солнце, с другой — скрывалась луна; был момент, когда на востоке и западе, на зубцах гор, красовались оба светила... Впечатления от гармонического сочетания торжественной тишины и величия картины пустыни я никогда не забуду... Счастлив путешественник, живущий целые годы лицом к лицу с чистой девственной природой, и имеющий возможность наблюдать ее разнообразные картины...

Во время движения каравана всякое явление, так или иначе, привлекает внимание: за всем следишь, всё отмечаешь и время проходит быстро, незаметно. К тому же зимние короткие дни, можно сказать, целиком уходят на передвижение. С окончанием перехода, оканчивается и дневная деятельность каравана. В ожидании позднего обеда, члены экспедиции работают над дневником, приводят свои наблюдения в порядок, но после обеда и записи вечернего метеорологического наблюдения тотчас укладываются спать. Наши же люди отходили ко сну еще раньше, но зато они и раньше вставали. В зимнее время особенно тяжелой бывала служба конвоя, изо-дня в день, по ночам несшего сторожевую службу, разделенную на две смены. Таким образом приходилось стоять на морозном воздухе пять часов кряду, что очень и очень не легко. Только русские гренадеры и казаки и могли выносить все трудности и лишения зимнего по-

---

[1]) В таких пересеченных районах, с наибольшим абсолютным поднятием местности, передко встречаешь крайнюю пустынность, полное отсутствие какой бы то ни было растительной или животной жизни, ни одного живого звука... Повсюду, кругом один лиш серо-желтый удручающий колорит... Подобные места монголы называют «Гоби».

хода, чем всегда вызывали у нас — своих старших товарищей, любовь и уважение. Отряд или конвой экспедиции трудился в одном отношеннии, мы в другом и, в общем, понемногу все выполняли одну сложную, ответственную задачу.

На утро, восьмого февраля, разразился сильный ветер, замаскировавший земную поверхность снегом и если бы не часто расставленные обообразные указатели дороги, ни за что невозможно было бы пройти, не сбившись с должного направления. Мы шли весь день, до тех пор пока не сгустились сумерки, и благополучно устроились на ночевку в урочище Хашатэн-гол. Ветер крепчал и к ночи перешел в настоящую бурю, прекратившуюся лишь к утру следующего дня, когда температура воздуха понизилась до — 26 — 27° С.

В тот же бурный день мы пересекли верхнюю куку-хото'скую дорогу, вблизи монастыря Тугурюгин-догын. Последний приличнее и богаче Тухумын-догына; хотя как там, так и здесь наиглавнейших храмов всего три; главным божеством является Шакчжэ-туб или, как говорят монголы, Бурхан-бакши [1]), и количество лам в настоящее время очень невелико. Монастырь этот построен с разрешения китайцев, на добровольные приношения хорчинцев [2]), то есть монголов, обслуживающих куку-хото'скую почтовую дорогу. Главными мастерами являлись китайцы, оставившие по себе память в виде башневидных

---

[1]) Среди храмовых рисунков, развешанных по стенам Тугурюгин-догына, между прочим, выделяется изображение заимствованное из истории буддизма и носящее название «Бурхан-бакшиин арбан-хояр цзохол» или двенадцати явлений из жизни будды, Шакьямуни.

[2]) Просматривая летописи халхасов и собирая устные предания этого народа, говорит проф. А. М. Позднеев, можно не без основания заключить, что все халхаские монастыри в отношении своего происхождения могут быть разделены на четыре разряда. Одни из них были воздвигаемы маньчжурскими императорами в Китае на счет китайского государственного казначейства, — это так называемые императорские монастыри и храмы; другие устроялись халхасами на пользу их гэгэнов, хутухт и хубилганов — святых, перерожденцев, — как места, в которых должны были проживать эти гэгэны и молиться за народное благо, — это так называемые монастыри гэгэновские или хутухтинские; третьи возникали на суммы, составлявшиеся из пожертвований частных лиц, представлявших собою какое-либо отдельное сообщество, — таковы все монастыри принадлежавшие в старину отдельным родам халхасов, а в настоящее время, когда халхасы уже совершенно утратили свой родовой быт, принадлежащие той или другой административной единице, на которые разделяются теперь халхасы, — это так называемые хошунные и сумунные монастыри; четвертые наконец сооружались на суммы отдельных частных личностей, каковы богатые монгольские князья, или знатные и известные своим богатством и добродетелями ламы. [«Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи»]. Стр. 3.

печей, в которых выжигался кирпич. Настоятелем Тутурюгин-догына является богатый, влиятельный монгол-хорчинец, заботящийся о доброй славе монастыря.

Во время движения нашего каравана вблизи Тугурюгин-догына, из этого монастыря неслись звуки больших труб и барабана...

Что касается вообще музыкальных инструментов в буддийских храмах, то они делятся на четыре категории: потрясаемые, ударные, духовые и струнные; последние, впрочем, отменены.

В числе инструментов первой категории стоят: отмеченный нами выше колокольчик и «дамару» — род небольшого барабанчика-колотушки. Дамару представляет собою пустой деревянный цилиндр, отверстия которого обтягиваются кожей; посреди цилиндра, на особом ремешке привязываются два шарика, которые при быстром поворачивании цилиндра, ударяют по натянутой на нем коже и производят звук в роде барабанной дроби.

Ко второй категории принадлежит «кэнгэргэ» — турецкий плоский барабан, деревянные, берестовые, степки которого обыкновенно имеют в вышину около пяти вершков, окрашиваются в красную краску и украшаются изображением пяти или семи взаимно переплетающихся драконов. На эти стенки барабана без посредства обручей натягивается козья кожа, выделанная на подобие пергамента, размером аршина в полтора и более в поперечном диаметре. Такой барабан укрепляется на подставке, в него ударяют особою, выгнутою палочкой, называемою «докур». Докур состоит из рукоятки, оканчивающейся резным изображением головы Матара — мифического животного; — в рот этого матара вкладывается выгнутая часть докура, которою и ударяют в барабан. Кроме барабана во вторую категорию входят еще медные тарелки и тарелочки, о которых упоминалось при описании Тухумын-догын, и проч.

Барабан и ударник к нему.

В числе третьей категории музыкальных инструментов в будийских монастырях находятся: дун-буре, бишкур, ганлин и наконец буре. Дун-буре, — это есть обыкновенная морская ра-

ковина, звук которой подобен рогу. Употребление раковины, как инструмента при богослужениях, буддисты относят ко вре-

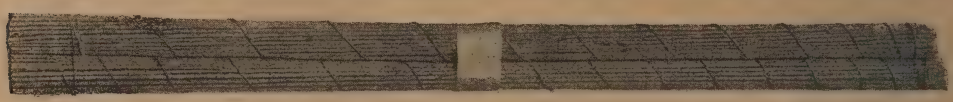
Ударные и духовые инструменты, употребляемые при буддийском богослужении.

менам Шакьямуни. В биографии Цзонхавы—реформатора буддизма, —рассказывается, говорит проф. Позднеев [1]), что однажды царь драконов поднес Шакьямуни белую раковину, которую

[1]) «Очерки быта буддійских монастырей»... Стр. 105—106.

потом ученики Будды употребляли вместо буре — трубы — для призвания к богослужениям в летнее время. Потом Будда приказал Мутгальвани — старейшему ученику — отправиться в страну краснолицых тибетцев и спрятать эту раковину под горою Дуритху, причем якобы предсказал, что она будет найдена Цзонхавою, — что и действительно случилось при постройке Галдан-хӥта. В этом монастыре помянутая раковина хранится и до ныне, как чудотворная святыня [1]).

«Бишкур» это музыкальный инструмент, звуки которого походят на звук свирели. Бишкур состоит из трех отдельных частей: средняя делается из крепкого дерева, или рога, а обе конечные из меди; длиною он бывает несколько больше трех четвертей аршина. Время введения бишкура в церковное употребление монгольские ламы относят к периоду пребывания



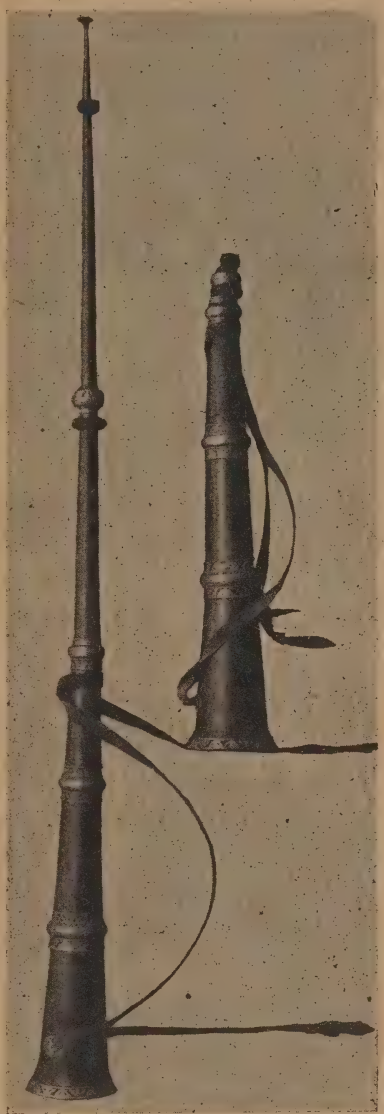
Курительные свечи буддистов.

Чжу-адиши в Тибете, и рассказывают, что когда этот проповедник буддизма прибыл из Индии в Тибет, то, не находя здесь многого из того, что почиталось священным в Индии, он задумал удовлетворить своим обрядовым религиозным требованиям каким бы то ни было образом. Так, например, здесь не оказалось священной птицы Галандага, и дерева Галбиварас, употребляемого для курений. Для подражания голосу первой он, говорят, и изобрел бишкур; а взамен второго приготовил красные курительные свечи [2]). Замечательно, что во время игры на бишкуре, пред играющим всегда зажигают красные курительные свечи. — «Ганлин» — духовой инструмент, состоящий также из трех частей, причем средняя часть делается из берцовой человеческой кости, а две конечные из серебра. Передняя часть ганлина обыкновенно бывает несколько сжатою и на одной из своих сторон имеется два отверстия, носящие название «ачжинай морин'ӥ хамырыйн нухэ», т. е.

[1]) П. К. Козлов. «Тибет и Далай-лама». Стр. 49—51.

[2]) Курительные свечи буддистов, см. мою «Монголію и Камъ», т. I, часть вторая, стр. 645.

лошадиные ноздри. Звуки ганлина долженствуют напоминать собою ржание мифического коня «ачжинáй морúн», который переносит верующих из этого мира в блаженные обители Сукавáти. «Буре» — большая медная труба приблизительно в сажень длиною и «Ухэр-буре»—такая же медная труба, длиною сажени в две с половиною; рычание ее включает лишь самые ниские басовые ноты и производит потрясающее действие на нервы. О происхождении этих трех последних духовых инструментов рассказывается, что когда Падма-Самбаву — буддийского вероучителя — пригласили в Урджан [1]), то он отказался идти туда по той причине, что (в Индии) он не мог слышать ржания ачжинáй морúн, а во вторых—рычания небесных слонов. Индийские поклонники Падма Самбавы, непременно желавшие видеть у себя этого святителя, изобрели тогда ган'лин для подражания ржанию лошади, и буре—для подражания реву слона.



Большая труба (в раскрытом и закрытом положениях).

.... На следующем за монастырем Тугурюгин—догын перéходе, поперечно залегавшие горные кряжи Боин-гэче открыли нам обширный горизонт к югу. Вблизи, слева, резко выступали горы Дэлгэрхангай, справа — Ахыр, а между ними извивалось каменистое русло, скрывавшееся в том же полуденном направлении.... Неизмеримо дальше — насколько только хватал глаз, вырисовывался силуэт восточной оконечности

[1]) Урджан, бывшая столица царя Викрамадитьи и один из семи священных индийских городов.

Монгольского Алтая — Гурбун-сайхан, к которому мы так стремились.... Местность, попрежнему, носила пустынный характер.

Спустившись в долину, мы ускоренно проследовали расстояние, отделявшее окраину гор от Онгиин-гола и на береговой террассе последнего, вблизи монастыря Хошун-хит, устроились биваком.

Не смотря на свое значительное протяжение — до ста пятидесяти верст — Онгиин-гол, в феврале месяце, стоял без воды. На этот случай прибрежные обитатели роют колодцы, которые, обыкновенно, не глубоки — пять-семь редко более футов, и с хорошей пресной водой. Впрочем, вдоль речки, встречаются не редко богатые родники, выдающие свое присутствие издали блестящей ледяной поверхностью.

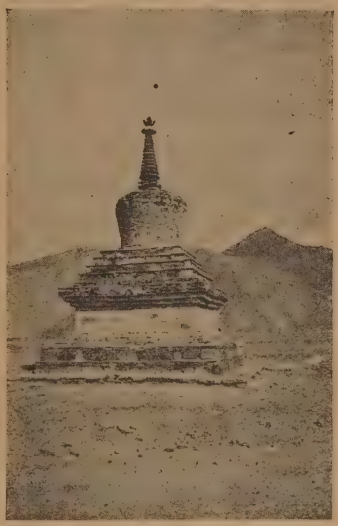
Речка Онгиин-гол берет начало в Хангае, в юго-восточной окраине этих гор; в верхнем и среднем течениях она стремительно несется на юго-восток, а в нижнем — прямо к югу, впадая в озеро Улан-нор. В осмотренном нами нижнем течении долина Онгиин-гола занимает в ширину от полуторых до двух верст, с каменистым руслом, извивающимся то посредине, то у одного из боков, в большинстве случаев обставленных высокими, до семидесяти футов, обрывами.

Невысокие береговые террассы Онгиин-гола, местами покрыты нискорослым тальником (Salix), местами серебристым дэрэсуном (Lasiagrostis splendens); возвышенные же — хармыком (Nitraria schoberi) и другими колючими курстарниками. Замечено вообще, что лучшая растительность по Онгиин-голу сосредоточивается там, где долину сжимают горные массивы, и наоборот — бо́льшая пустынность сопровождает речку в открытой равнине. Животная жизнь та же, что и прежде. Из зверей мы наблюдали: волков, лисиц, монгольских цзеренов, зайцев и мелких грызунов; а по части птиц: прежних больших и малых соколов, сарычей, сыча, черного ворона, изредка орла-беркута, впервые, отмеченную ныне в окрестностях Хошун-хит, пустынную сойку (Podoces hendersoni), рогатых жаворонков (Otocorys), вьюрков, больдуруков и немн. друг.

Северная караванная дорога пересекает Онгиин-гол у монастыря и на всем дальнейшем протяжении к югу идет вдоль правого берега, до крутого заворота речки на запад,

где дорога вновь пересекает Онгинн-гол и вступает в северные отпрыски системы Монгольского Алтая.

Монастырь Хошун-хит значится во владениях Тушетухана и в настоящее время расположен на левом берегу Онгиингола, тогда как до последнего дунганского разгрома процветал на правом — в четырех верстах ниже — там, где ныне покоятся одни лишь развалины.



Субурган.

По внешнему виду, Хошун-хит довольно богатый, красивый монастырь с целым рядом белых субурганов-надгробий [1]), расположенных севернее храмов, за исключением главного субургана, с изваянием Будды внутри стоящего вблизи и выделяющагося своим шпицем с изображениями луны солнца и пламенеющего огня премудрости — на́да.... С южной стороны храмов прилегает красивая китайской архитектуры, башня с крепостной вышкой, с которой ламы любуются окрестностями.

Постоянный состав этого монастыря исчисляется в двести монахов, а в период летних хуралов — до пятисот. В наше пребывание, настоятель монастыря шанцзотба отсутствовал; его заменял энергичный, строгий да-лама, [2]) явившийся ко мне с

---

[1]) Субурга́ны—преемники древних индийских «ступ» и «чайтья». По сказаниям буддистов, устройство субурганов, как памятников замечательнейших священных событий, начато было в Индии еще при жизни будды Шакьямуни; впоследствии субурганы воздвигались там не только на местах замечательных событий, но служили еще гробницами для лам, известных святостью своей жизни и своими подвигами на благо буддийской веры. Понятно отсюда, что субурганы, устроенные в различ. ных местностях и в разное время, должны были иметь у себя и разные формы, но у монголо-буддистов субурганы по своему внешнему виду особенно не разнятся Рассматривая форму субургана в архитектурном отношении, мы находим, что он состоит вообще из трех частей: пьедестала — сэнтэ́й, главной части — бу́мба и шпица, представляющего довольно высокий, усеченный конус, украшенный тринадцатью металлическими кольцами, увенчанными как то уже и замечено изображениями луны, солнца и пламенеющего огня премудрости — на́да. (А. Позднеев. «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства в Монголіи в связи с отношеніями сего последняго к народу». 1887 г., стр. 58—60).

[2]) Должностных лиц этого звания при каждом шанцзотбе, пишет А. М. Позднеев, полагается всегда два, из которых один считается старшим, а другой младшим. Да-ламы, подобно самому шанцзотбе, не принимают высших монастырских

визитом и сообщивший не-мало интересных сведений. До появления да-ламы наш лагерь осаждался назойливыми ламами, приставшими со всевозможными просьбами. С приходом же к нам да-ламы, с его громким возгласом «Ламы, по местам! это не китайский торговый караван!» —ламы в страхе, быстро исчезли, попрятались и, как мыши, из за-углов, показывали свои бритые головы.

Да-ламу мы угостили «обычным» чаем, за которым, между прочим, наш гость деликатным образом осведомился»: заплатила ли Россия Японии контрибуцию? Получив должный ответ. словоохотливый монах заметил: «на какие же средства Япония будет устраиваться и обновляться, ведь она все свои сбережения истратила на войну? У России же и денег и прочих богатств еще очень много. Все наши предания говорят о неисчислимых богатствах Российского Государства хотя бы потому, что главные источники рек, питающих драгоценное озеро Байкал, так сказать, источники наших монгольских богатств, сплавляются по рекам, уходят вниз, во владения России».... Призывный звук раковины на молитву, прекратил мою беседу с монахом, отправившимся участвовать в вечернем богослужении....

Если Хошун-хит богат снаружи, то внутри он еще несравненно богаче как по отношению библиотеки, так и по отношению металлических и писанных бурханов — изображений божеств или вообще всей обстановки храмов....

Среди писанных бурханов [1]), развешанных на стенах Хошун-хита, между прочим красуется картина религиозно-

---

обетов. Они выбираются из числа лам шабинского ведомства и утверждаются в Ургамба́пями, а в шабинских ведомствах других хутухт по выбору и представлению этих хутухт начальниками аймачных сеймов. «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи». Стр. 166—167.

[1]) Следует вообще заметить что чествование кумиров, как изображений божеств, буддисты почитают заповедью Шакьямуни; они относятся к этим кумирам с величайшим почтением; тем не менее было бы весьма ошибочно полагать, что буддисты именно эти кумиры почитают своими божествами; по учению буддизма, шутэны, или бурханы, долженствуют только напоминать верующим о тех божествах, которые они изображают. В этом отношении высшую степень отвлечения представляет собою кумир Лама́-Чэтбо́. Фигура этого бурхана представляет собою обыкновенного ламу, одетого в духовные одежды, держащего в руках книгу и сидящего в молитвенной позе. По своему названию лама-чэтбо в дословном переводе значит — великий учитель, и как, по учению Будды, каждый правоверный буддист должен веровать, воздавать почести и поклоняться своему учителю также точно как и Будде, то на этом основании кумиру лама-чэтбо усвояется именно выражение идеи учителя: каждый, преклоняясь перед этой статуей, должен видеть в ней своего наставника, возноситься

нравственного содержания: «сансарыйн хурдэ» что в дословном переводе, по свидетельству профессора Позднеева, значит — колесо мира. В этом рисунке вкратце и образно изложено все нравственное учение буддизма, с показанием учения о возмездии за дела. Происхождению этого рисунка буддисты приписывают глубокую древность и относят его ко временам самого будды Шакьямуни. Известно, что один из старейших учеников Шакьямуни — Мутгальвàни, или как обыкновенно называют его монголы, — Молон-тойн, занятый делом спасения своей матери, постепенно посещал все царства мира, в которых возрождалась его мать. Таким образом он побывал во всех двадцати отделениях ада, был в царстве бирйтов — мифических существ, наблюдал царство животных и людей, посетил царства асуриев и тэнгриев — духов; вместе с ним в те же царства мира отправлялся и Шарипутра — первый из учеников Будды....

Рисунок сансарыйн хурдэ представляет собою три круга последовательно заключенных один в другой. В центральном из этих кругов имеется изображение свиньи, змеи и курицы, как эмблематическое выражение трех зол, присущих духовной природе человека и служащих основою для всякого рода греховной деятельности. Известно, что причиною всевозможных пороков, по учению буддизма почитаются невежество, гнев и сладострастие; таким образом свинья является здесь эмблемою невежества, змея — эмблемою гнева, а курица — эмблемою сладострастия.

Второй круг, заключающий в себе изображение шести царств материального мира, разделен четырьмя радиусами на пять отделений, и в каждом из этих отделений помещен рисунок отдельного царства. В самом низу обыкновенно изображается царство ада. Отдельными чертами это царство разделено на двадцать клеточек, из которых в первой и самой верхней изображено жилище Эрлик-хана, т. е., блюстителя ада.

Так как человек, явившись на суд Эрлика, может позабыть некоторые из совершенных им грехов и добродетелей, то вместе с ним являются на суд еще и родившиеся вместе с ним добрый и злой гении. Эти гении, сопровождая человека на всех путях его

мыслью к его духу и возсылать к нему свои хвалы и моление». (А. М. Позднеев. «Очерки быта буддійскихъ монастырей». Стр. 45—46).

жизни, собирают, каждый по своей специальности, один добродетельные, другой греховные дела. Выше областей ада помещается изображение царства бирйтов—мифических существ. Это также область страдания. На рисунке представлено несколько обнаженных человеческих фигур. Фигуры эти показывают страшную худобу тела, голова непомерно развита, а шея, наоборот представляется очень тонкою. У каждого из них открыт рот, причем у некоторых изо рта пышет ярко-красное пламя. По толкованию буддистов, страдания бирйтов состоят в том, что они постоянно ощущают страшный голод, и отсюда внешняя худоба их тела. Стремясь утолить свой голод, бирйты постоянно отыскивают пищу, но к принятию ея у них являются как внутренние, так и внешние препятствия.

Пра̀джня — парамита.

Третий и последний круг сансарыйн хурдэ наполнен символическими изображениями двенадцати нйдан, которые должны напоминать верующим основное учение буддизма о причинах и следствиях; этим учением буддизм об'ясняет как происхождение явлений мира материального и духовного, так равно и происхождение перерождений. Ламы, конечно, уверяют, что учение это пропо̀ведывал сам Будда, в толкованиях же о нида̀нах они обыкновенно следуют не «Пра̀джня-парамите», принимающей за исходную точку отправления «невежество», а «Ла̀лита-вйстару», толкующую нида̀ны в обратном порядке.

Несколько своеобразнее и полнее останавливается на описании «колеса жизни» профессор О. О. Розенберг [1]).

Будда понял сущность круговорота бытия, колеса жизни и постиг возможность выйти из круговорота, остановить катящееся колесо жизни.....

---

[1]) О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Лекция профессора О. О. Розенберга, читанная на Первой Буддийской Выставке в Петербурге. Издание Отдела по делам Музеев и охраны памятников Искусства и Старины. Петербург, 1919 г. Стр. 17—32.

Мы живем и мыслим, или иначе — жизнь образовалась из материи.... материя была всегда, она не имеет начала. Но почему же жизнь должна иметь начало?

.... «Все попытки об'яснить начало сознательной жизни — Создателем ли или механическим процессом — совершенно произвольны, и к тому же только отодвигают вопрос, который по существу неразрешим, ибо он по существу бессмысленный — начала нет! Европейская мысль настолько привыкла к вопросу о начале, что он кажется ей неизбежным. У буддийских народов мы видим обратное: им совершенно не понятен наш вопрос о начале, о создании мира, о создании людей.

.... «Человеческая жизнь от рождения до смерти, это лишь краткий, маленький и жалкий эпизод, появляющийся из вечности и теряющийся в вечности.... Жизнь есть сочетание мыслей и чувств, ощущений и воспоминаний. Поток бытия поддерживается сам собою, никто его не толкнул, никто его не останавливает и это «бывание», это движение связано с волнением, с суетою, с мучением. Нет бытия без страдания, нет страдания без бытия; быть и страдать — одно и то же, и то и другое безначально....

.... «Человек отвечает не только за временное прошлое в пределах одной жизни, а и за многие жизни, готовит будущее для многих жизней. Эта теория возмездия воспитала в буддистах чрезвычайно развитое чувство нравственной ответственности. Каждый отвечает сам за себя.

«Колесо жизни рисует процесс жизни единичной личности в трех перерождениях. Основа личности проявилась, допустим, в качестве такого-то человека, живущего такой-то жизнью. Человек стал взрослым и живет полной жизнью. Он привязан к жизни, любит ее, он охвачен ея вихрем и не видит ее суеты. Бывание не может успокоиться, а в этом — залог грядущего перерождения. Это первое зерно новой жизни, лежащее еще в прошлом, это так называемая омраченность (авидья). И в силу омраченности человек жил в вихре, совершал поступки, намечал форму для будущей жизни — это «содеянное» им (санскара) вот второе звено, тоже лежащее в прошлой жизни. И человек состарился и умер. В силу омраченности и «содеянного» начинается новая жизнь, на той же основе, и первый момент ее тот, когда все нити [1]) приготовились к созданию нового узора,

[1]) Если предположить что человеческая жизнь вообще фон нитей.

когда все они как бы собрались вокруг сознания (виджняна), оно отразит в себе всё остальное. Это — первый момент новой жизни, момент зачатия, как говорят люди. Но еще нет узора, хотя нити на лицо. Человек, не увидевший еще света, еще ничего не переживает; налицо имеются лишь все элементы материальной и духовной жизни (намарупа). Но вот начинают слагаться узоры — выделяется то, что мы называем органами чувств, или способностями видеть, слышать и т. д. Вернее это не способности, а сами ощущения зрительные слуховые и т. д., сами по себе они бессознательны, они не отражаются еще в сознании. Как опоры для сознания, они выделены в особую группу, это шесть основ для сознания (шад-аятана).

«После этого начинается сознательная жизнь, т. е. переживания начинают сознаваться, хотя еще смутно; это то время, когда человек еще не родился на свет, и первое время новорожденного; но соединение сознания с опорами уже происходит, это так называемое «соприкосновение» (спарша).

«Но вот в ребенке начинают выделяться новые нити, он начинает чувствовать, различать приятное, это так называемое «чувство» (ведана). Наступает отрочество и новые ощущения, проявление полового влечения (тришна). И еще проявляется тут новый элемент — «стремление» к целям (упадана).

«И вот человек возмужал; уже новых элементов не появляется — наступает период полной жизни. Опять человек охвачен омраченностью, опять он не видит суеты, опять он привязан к жизни — кружится в вихре бывания, совершая деяния и закладывая форму новой жизни — этот период, заканчивающийся смертью, есть период жизни «бытия» (бава). И опять, в силу омраченности, человек приступает к новой жизни, опять складывается сознание и вокруг него другие элементы, человек опять рождается, наступает момент рождения (джати). Опять человек начинает развиваться, и опять он кружится в вихре, опять он старится и умирает (джара марана). Умирает, чтобы родиться вновь, и так без конца.

«Эти двенадцать этапов бытия изображаются картинно на огромном колесе, разделенном на три круга. Всё колесо находится в пасти и в когтях чудовища. Это чудовище — омраченность, привязанность к жизни. Центральный круг, *повторяю* содержит сцепившиеся курицу, змею и свинью — символы

трех основных пороков, сладострастия, гнева и омраченности. Средний круг содержит картины, изображающие шесть категорий сознательных существ: царство людей, царство богов, царство демонов, царство животных, царство ада, царство страдающих духов. Наружный круг, более узкий, содержит двенадцать картин, изображающих только-что описанные двенадцать этапов на пути перерождения:

Данная жизнь.

1) Омраченность — слепая женщина.

2) Совершение поступков — горшечник, придающий глине форму горшка.

Новая жизнь.

3) Момент появления сознания — обезьяна-сознание, прыгающая с ветви на ветвь.

4) Элементы духовной и материальной жизни — люди на лодке, переправляющиеся через море.

5) Появление шести основ для сознания — пустой дом или маска.

6) Соприкосновение сознания со своими основами — поцелуй любовников, или человек, ухватившийся за плуг.

7) Чувство приятного и неприятного — стрела, ранившая человека в глаз.

8) Проявление влечений — человек, опьяняющийся вином.

9) Стремление к целям — человек, собирающий плоды.

10) Жизнь в полном смысле — замужняя женщина или обнявшиеся супруги.

Новая жизнь.

11) Рождение — новорожденный с матерью.

12) Страсть и смертъ — труп, несомый человеком на сожжение.

.... «И вот, буддисты говорят, что Будда узрел конец круговорота, вечный покой, Нирванну, и путь к нему».

.... С разрешения да-ламы мы могли не только осмотреть храмы, но даже и присутствовать при отправлении ламами утреннего хурала, который продолжался несколько часов, с перерывом. Во время перерыва ламы выходили подышать воздухом, а молодежь, кроме того, порезвиться, побегать. Наше присутствие, вначале, смущало лам, но спустя некоторое время, они освоились и почтительно приблизившись, вступили с нами

в разговор, интересуясь нашею внешностью и одеянием, но кажется больше всего вопросом: куда мы следуем.... в Лавран или Лхасу? С их точки зрения большому, богатому каравану, каким они очевидно считали наш караван, другой дороги, как в один из знаменитых указанных центров, нет..., С своей стороны, при постоянных встречах с ламами, я невольно поражался количеству духовенства в Центральной Азии вообще, хотя в Тибете его еще того больше....

«Если под духовенством северной Монголии разуметь всех лиц, принявших духовное звание и священные обеты,—пишет профессор Позднеев, [1]) то оно составит такой многочисленный класс в Халхе, что охватит более пяти восьмых всего халхаского народа. Явление это, кажущееся поразительным на первый взгляд, обусловливается до некоторой степени самым учением буддизма. Дело в том, что будда Шакьямуни всегда признавал единственным средством для спасения полное отречение человека от мира, презрение ко всему мирскому и исключительную деятельность человека на пользу духа. Таким образом, по основному и первоначальному учению Будды все его последователи должны были быть отшельниками — аскетами.

Лама.

Пост и молитва, воздержание от всякой угоды плоти остались основными требованиями религии, и притом, чем более примет на себя человек обетов воздержания, тем вероятнее его спасение, ибо ни одна из добродетелей не может сравниться с добродетелью обетов. «Добродетель от поднесения драгоценностей победителям врагов не стоит и одной сотой, даже тысячной, части против добродетели единого соблюдения поста».

Самое учение Будды разделяется на три части: высшее, среднее и нисшее. Изучать то или другое учение и, следова-

---

[1]) «Очерки быта буддийских монастырей».... Стр. 110—112.

тельно, усваивать его себе человек может только после принятия соответствующих обетов; не приняв же посвящения, читать священные книги почитается греховным. Это положение, всецело соблюдаемое у современных монголо-буддистов, служит одной из главных причин, по которым монголы принимают на себя духовное звание и посвящают ему своих детей еще в младенчестве. Не будучи посвящен, ребенок не имеет права читать священных книг, а, следовательно, не только приготовляться к высшим ступеням священства, но и знать основательно правила своей религии.

Возникающее отсюда чрезмерное увеличение монашества в Халхе должно было бы, повидимому, отразиться на благосостоянии этой страны и вызвать собою ограничение со стороны китайского правительства, тем более, что последнее искони держалось правила об освобождении духовенства от всякого рода податей, повинностей и налогов; но китайцы являются довольно своеобразными по своей политике.,. попрежнему не чинят притеснений духовенству, лишь бы ламы имели у себя грамоты на духовное звание...

Ни селений, ни городов, по нашим понятиямъ, в Монголии нет; здесь их заменяют монастыри, являющиеся не только средоточием богослужений, но часто и общественных и торговых центров и центров управлений. Монастыри устраиваются в лучших, удобных, обыкновенно живописных местностях, преимущественно в долинах рек, горах и проч. [1]), иногда по соседству друг с другом. В данном случае, например, верстах в восьми вверх по течению, по словам монголов, красуются еще два небольших монастыря, расположенных почти один против другого, на обоих берегах Онгиин-гола.

Еще издали, под'езжая к монастырю, можно любоваться красивыми, разноцветными, иногда богато раззолоченными крышами храмов, макушками ступ; реют разные флаги, мелодично звонят колокольчики. То окруженные, то нет, стеной монастыри представляют собою нагромождения маленьких двориков с кельями монахов, разбитые на улицы и переулки с возвышающимися посередине или сбоку храмами, часовнями, чайтьями, дворцами перерожденцев и старших лам. Храмы, по

---

[1]) Это отвечает требованиям священных книг.

большей части, оригинальной тибетской архитектуры, представляются особенно величественными и прекрасными, особенно если стоят на зеленых лужайках; около них чистота, тишина, только мелодично позвякивают привешанные к узорчатым крышам колокольчики, шуршат флаги, да разносится запах курительных свечей. Внутри храмов таинственный полумрак, дым курений, масса свешивающихся сверху икон, покровов, балдахинов, шарфов, различных украшений; вдали алтари, статуи будд и бодисатв, иногда колоссальной величины, иногда высоко художественной работы, перед ними мерцают лампады. Во время богослужений ламы сидят рядами и хором читают или поют слова гимнов, играет странный оркестр. Рано утром раздается заунывный протяжный звук раковины, в которую дуют как в трубу; из разных концов, из маленьких двориков появляются желтые и красные фигуры монахов, идущих медленно, важно, перебирая четки; они тихо обходят вокруг храма, совершают круговращение и длинной лентой пробираются в широко открытые врата храма, которые представляются черной пастью. Вот они расселись по своим местам и уставщик низким, низким басом начинает петь хвалебный гимн «Победоносному» Будде; начинается обычное, ежедневное богослужение. Но в другое время бывают в буддийских монастырях и пышные торжественные богослужения, с возжением тысяч светильников, с грандиозными ярко-красочными процессиями. Совершаются на особо приготовленных площадках, постановки мистических танцев, так называемых «цам», которые, в случае хорошего исполнения, всегда вызывали

Чётки.

восторг видевших их европейцев искусством сочетания красок, действа и ритма танца с музыкой и ритмом всего обряда. Совершаются в монастырях и более сложные и таинственные тантрийские обряды, присутствовать на которых могут только одни посвященные [1]).

При Хошун-хите имеется небольшой торговый центр в виде китайской колонии, в десять — двенадцать человек приютившихся в семи юртах, наполовину занятых товарами, наполовину отведенных под жилье. Китайцы снабжают монголов не только предметами первой необходимости, но и шелковыми материями, и всевозможными бусами, равно серебряными с цветными камнями серьгами, кольцами, браслетами и мног. друг. Взамен же всего этого они получают сырье, пушнину, а также и домашних животных, в особенности баранов, которых часто китайцы держат годами на даровых монгольских пастбищах. Китайские торговцы — своего рода пауки, оцепившие страну номадов сложной сетью паутины. Монгол, положительно, ставит свое существование в зависимость от китайца — и в дороге и дома. В дороге монголу нужны деньги, дома — чай, табак, далемба, бязь и проч., всем этим, по первому требованию, китаец наделяет состоятельного монгола, предъявляя ему раз в год требование на сырье и пушнину или на баранов....

Хошунхитские китайцы, к которым мы достаточно присмотрелись, проживали неподалеку от нашего лагеря. Еще ближе к нам — ютилась престарелая монахиня, слепая, прозябавшая в убогом войлочном шалаше с такой же тощей, как и сама, собакой, оберегавшей вход в жилище старухи. Днем, при солнце, монахиня выползала из своей конуры, усаживалась рядом с открытым шалашем, и принималась за шитье мешка, в который всегда собирала стебли дэрэсуна на топливо, удаляясь от шалаша на значительное расстояние. Чтобы иметь возможность снова возвратиться к себе в жилище, старуха всегда держала в руках конец веревки, распускаемой ею, по мере удаления от шалаша, и вновь собираемой на возвратном пути.

---

[1]) «Буддизм в Тибете и Монголии». Лекция профессора Б. Я. Владимирцова, читанная 31 сентября 1919 года. Издание Отдела по делам Музеев и охране памятников Искусства и Старины. Петербург. 1919. Стр. 41 — 43.

Получая от нас частые подачки, старуха каждый раз молилась о нашем благополучии и счастии в дороге. Оказывается, через посредство лам, она была осведомлена о том, откуда мы следуем, как велик наш караван, сколько мы с'едаем мяса, цзамбы, сколько ежедневно выпиваем чая, кто из нас как одет и проч. Когда, однажды, я проходил с одним из моих спутников вблизи ее жилья, и громко разговаривал, старуха почтительно поздоровалась, назвав меня по имени.... На мое удивление как она могла меня знать или узнать, монголка ответила: «я услышала вашь голос, я его знаю.... с вашим голосом я познакомилась благодаря неоднократному подсказу лам»...

Первый день пребывания при Хошун-хите стояла отличная — ясная погода, давшая возможность произвести ряд астрономических работ для определения географических координат этого пункта [1]); абсолютная же высота местности выяснилась из ряда барометрических отсчетов, записанных в течение двух дней, в установленное время. Скажу вкратце, что монастырь Хошун-хит расположен на 3.500 футов выше уровня моря, или, говоря иначе ниже Урги на 250 футов....

Со второй трети февраля весенние проблески тепла давали о себе знать чаще и чаще. Песнь жаворонков (Otocorys) стала звонче и продолжительнее; порою эти птички, сцепившись коготками, ожесточенно дрались; сколько мне приходилось наблюдать, вступали в бой исключительно самцы, вероятно из-за своих подруг. Сарычи также проявляли возбужденность, поднимаясь высоко и оглашая прозрачный воздух ликующими звуками.

Приближаясь к Монгольскому Алтаю мы обнаруживали бо̀льшую нежели прежде интенсивную деятельность выветривания, сказывавшуюся как на покровах массивов, так и на обломочном материале, гальке, в множестве залегавшей на поверхности долин или ущелий. В зависимости от формы и твердости гальки, от большей или меньшей крупности гравия или песка, округляющего и шлифующего эту гальку, в зависимости наконец от времени воздействия атмосферных агентов и песка на означенные горные породы, эти последние перетираются, сглаживаются, обтачиваютси и часто видоизменяются до уродливых или, наоборот, красивых фантастических форм...

[1]) Хошун-хит; географические широта и долгота даны в конце книги.

Во время движения по такой местности много раз остановишься, поднимешь тот или другой камешек, полюбуешься им, прочтешь на нем направление господствующих ветров, затем или возьмешь в карман или выбросишь. На столике, обыкновенно, геологические образцы, как равно образцы и других отделов естествознания, складывались в группы.... Обточенная, отшлифованная, с затейливыми очертаниями галька, часто, привлекала внимание даже и наших гренадер и казаков, набиравших ее целыми карманами и приносивших к нам в палатку. Таким образом по части выветривания, шлифования и пустынного загара удалось собрать самые типичные, самые характерные экземпляры, в целом составившие значительную коллекцию...

Караван в Монголии.

В последние дни экспедиция двигалась особенно успешно, так как следовала большими переходами. Казалось, вид на вершины Гурбун-сайхан придавал отряду новые силы.... Пятнадцатого февраля мы уже прибыли в урочище Шовангын-хундэ, в соседство горы Унэгэтэ, окаймленной саксаулом, послужившим для нашего лагеря отличным топливом. С ближайших холмов неслись голоса скалистых куропаток (Caccabis chukar), нарушавших тишину монотонной темно-серой пустыни.

Наш приход сюда совпал со временем, когда ожидали чиновников-китайцев, долженствовавших прибыть из Улясутая, в роли судей над провинившимся монголом. Тем не менее при встрече с нами местные старшины тотчас собрались и любезно предложили экспедиции воспользоваться выставленными для китайцев юртами.... Так как о следовании через этот район нашей экспедиции старшине также было сообщено, то мы с

удовольствием воспользовались уртоном и очень быстро устроились биваком. Вечером, у костра, за чашкой чая, словоохотливый старшина поведал нам историю уголовного преступления, в свое время вызвавшую переполох среди незлобивых монголов. В этом самом урочище, год тому назад, произошло следующее. В обратную нашему направлению сторону проезжала партия, человек восем, монголов, расположившихся, как и мы теперь на ночлег. Сидя вокруг костра путники мирно беседовали, как вдруг, один из них возвысил голос и стал наступать на товарища, молодого монгола, очень остроумно подшутившего над первым. И на этот раз глупый, обиженный собеседник принужден был выслушать еще большее глумление, отчего рассвирепел самым ужасным образом и незаметно исчез. Прочие монголы сильно смеялись, молодой парень был героем вечера.... Не прошло и нескольких минут, как задорный монгол возвратился с палкою в руках и, приблизившись сзади, со всего размаха ударил парня по голове. Удар был так силен, что молодой монгол умер на месте.... Товарищи пришли в ужас, и с проклятьем схватили убийцу. Последний, видимо сильно струсил и вопил, что никогда не собирался убить человека, а лишь только хотел сделать ему больно, чтобы он «мальчишка» не позволял себе в будущем спорить и смеяться над старшими. Под покровом ночи монголы долго обсуждали свое положение, наконец, завьючив на верблюда труп, отвезли его в ближайшие холмы, и похоронили в песок.... На утро, как ни в чем не бывало, компания монголов отправилась своею дорогою. Со мною, попрежнему, прододжал следовать и монгол-чиновник, который все видел и который обо всем поведал в управлении Тушету-хана.... Вот тут то и арестовали как самого убийцу, так и его спутников, и передали дело в законные руки китайцев, которых ожидали сюда — на место преступления....

Зная монголов вообще, не трудно догадаться какой печалью должна была отразиться весть о приезде китайских судей, грозившем, как всегда в таких случаях, тяжело отозваться на кармане обитателей Монголии, которые, строго говоря, довольно миролюбивы и очень далеки от уголовных преступлений. Если же подобное явление все-таки имеет в Монголии место, то оно совершается или нечаянно или же, как теперь, в минуту страшного гнева и раздражения....

Лежавшие к югу от Унэгэтэ, высоты открыли нам еще более контрастный силуэт Гурбун-сайхан, протянувшийся в поперечном направлении. Между этими высотами и хребтом «Три отличных» (Гурбун-сайхан) раскинулась обширная долина, пересеченная холмами, грядами и вклинившимися между ними второстепенными котловинами, с ясно выраженными бортами, выделявшимися красным оттенком. По дну котловин залегали бугристые одетые, саксауловою зарослью, пески приютившие монголов, пасших так называемых «богдоханских» или императорских верблюдов, числом свыше тысячи голов.

От этих монголов мы должны были принять угощение в виде кирпичного чая, приправленного верблюжьим молоком. Пустынные обитатели были хорошо осведомлены о Балдын-цзасак'ском хошуне, кочевавшем в области впереди лежащих гор Монгольского Алтая; знали они также и самого управителя, Балдын-цзасака, слывущего в окрестности за хорошего, славного старика.... Здесь же мы случайно встретили и одного из обитателей указанного хошуна, богатого монгола, следовавшего в Ургу и давшего нам практический совет: держаться его свежих следов, ведущих в то именно ущелье, по которому нам предстояло подняться па перевал Улэн-дабан....

Среди песков и зарослей саксаула, в полдень, было очень тепло. Открытая и освещенная солнцем поверхность песка нагрелась до 16° С. Саксаульные воробьи (Passer ammodendri stoliczkae) громко щебетали, а одинокий серый сорокопут (Lanius mollis?) отлично пел; заметив наше присутствие, эта умная птица смолкла и улетела, не пустив к себе в меру выстрела. Из других пернатых в этой местности мы попрежнему много наблюдали больдуруков (Syrrhaptes paradoxus), а из млекопитающих впервые здесь встретили антилопу харасульту (Gazella subgutturosa) и крупную песчанку (Gerbillus giganteus), выдававшую себя громким писком.

Из наиболее глубокой котловины, по затейливо обдутым красным ханхайским отложениям, мы поднялись на хрящеватую возвышенность, на которой резко выражена кукухото'ская дорога. По этой дороге мы прошли несколько верст и расположились биваком у прекрасного ключа Тала-хашата. Воображаю, как хорошо должно быть здесь летом, каким уютным уголком для путешественников представляется тогда этот бога-

тый родник, с шумом расплывающийся серебристыми лентами по скату, одетому изумрудным лугом... Рядом с случайным человеком тут хорошо устраиваются пролетные и гнездящиеся птички и во множестве летают разноцветные бабочки или украдкою, по утрам и вечерам пробираются на водопой осторожные, легкие газели.

Даже и теперь здесь чувствовалось некоторое оживление и уютность, даже и теперь ключевой скат был свободен от льда, сплошною корой залегавшего по озеровидной равнине. Ключ выбегал из земли сильной струей, чистейшей как кристалл воды, с температурою 1.4° С, весело журчавшей по крутизне ската. Серебристые звуки этого ручейка доставили мне лично величайшее наслаждение — словно в них заключался живой отзвук мелодии родных ручейков, приучивших нас с детства любит и ценить уголки чистой природы...

От Тала-хашата открывается широкий вид на Монгольский Алтай, на хорошо знакомый мне еще по предыдущему путешествию массив Арца-богдо, с его характерными воронкообразными вершинами. Туда, как раз, и убегала большая извилистая дорога, в соседстве которой залегает колодец Чацеринги-худук, — астрономический пункт Монголо-Камской экспедиции [1]). Теперь по этой дороге, тащился большой торговый караван, везший в Куку-хото кожи, шерсть и другое сырье. Китайские верблюды выглядели страшно измученными, усталыми; не в лучшем виде были и проводники монголы, жаловавшиеся на стужу и бескормицу, из за которых они лишились до десяти вьючных животных.... Сравнительно с китайскими, наши верблюды считались хорошими, и мы совершенно безбоязненно смотрели на впереди лежавшие горы....

---

[1]) П. К. Козлов. «Монголія и Камъ». Том I. Часть первая. Стр. 94—101.

Глава III.

ГОРЫ ГУРБУН-САЙХАН, СТАВКА БАЛДЫН-ЦЗАСАКА И СЛЕДОВАНИЕ К ЭЦЗИН-ГОЛУ.

Характеристика пути через горы Гурбун-сайхан: северный склон, перевал Улэндабан и южный склон. — Приветствие от Балдын-цзасака и наш лагерь в соседстве со ставкой этого монгольского князя. — Первое знакомство. Частые свидания, переговоры о дороге на Эцзин-гол и о развалинах Хара-хото. — Экскурсия вглубь Цзун-сайхана. Бедность животной жизни. — Сборы в пустыню. — Горы Шара-хада. — Урочище Буктэ. — Безотрадная пустыня и первое впечатление при виде озера «Сого-нор».

Величественный массив, Гурбун-сайхан [1]), к которому мы теперь приближались, состоит как бы из трех отдельных хребтов: западного — Барун-сайхан, среднего — Дунду-сайхан и восточного — Цзун-сайхан, расположенных на одном общем обширном и высоко-поднятом пьедестале. В. А. Обручев [2]), который в свое время также обратил серьезное внимание на такое резкое деление рассматриваемого массива в вертикальном направлении, справедливо полагает, что вертикальное простирание пьедестала над прилежащими долинами превосходит относительную высоту самого хребта, лежащего на этом пьедестале.

По мере приближения к Гурбун-сайхан, горы выростали; все яснее и ярче белел снег, покрывавший северные склоны Дунду-сайхана в их верхнем и среднем поясах. Передовые цепи — Аргалинтэ и Халга, продолжением которых на востоке служили отдельные вершины Буйлусэн, Дэн и Хучжар, засло-

---

[1]) «Гурбун-сайхан» в переводе значит «Три красивых, прекрасных»...

[2]) Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань. Том II. Стр. 432.

няли собою некоторые части главного массива и суживали горизонт. Растянувшись длинной вереницей по ковыльной щебневой степи предгорья, наш караван особенно выделялся на золотистом фоне пышной густой травянистой растительности. Эти прекрасные пастбища привлекали к себе не только монголов с их табунами лошадей, рогатого скота и баранов, но также и диких обитателей степей, быстрых, грациозных цаган-цзере (Gazella gutturosa) и хара-сульт (Gazella subgutturosa), которых мы во множестве наблюдали на нашем пути. Живя в постоянном соседстве с домашним скотом мирных кочевников, эти прелестные животные мало боятся людей, а потому держатся не очень строго и нередко позволяют любоваться собою, подпуская в меру хорошего выстрела. Таким образом, без особого труда, нами был добыт отличный экземпляр молодого самца Gazella gutturosa...

Пользуясь близостью стойбища должностно́го лица монгольской власти, тусалакчи-цзасака, я на время оставил караван и заехал к нему, с тем, чтобы заручиться местным проводником. Не смотря на то, что сам тусалакчи находился в отсутствии — в Пекине, — я был очень любезно принят его супругой, которая обещала всякое содействие, и действительно в тот же вечер прислала нам проводника.

Дальнейший путь пересекал при Гурбун-сайханскую степь, напомнившую мне, между прочим, по своему общему характеру, степи Куку-нора; пройдя ее, экспедиция расположилась на ночлег в урочище Цаган-иргэ-буцэ, с расчетом на следующий день перевалить хребет, и спуститься в ставку монгольского князя Балдын-цзасака, где мы намеревались устроить довольно продолжительную остановку.

Упорно преследовавший нас, в течение значительного периода времени, резкий юго-западный ветер дул и на этот раз, но, по обыкновению, к вечеру стих. Омрачавшая воздух тонкая пыль была отброшена в долину, на прозрачном небе заиграла дивная заря... Зори Центральной Монголии вообще отличаются необыкновенной тихой прелестью. Чистый воздух способствует тому, что нежные переливы тонов выступают как то особенно рельефно, и создают неподражаемую по своему художеству картину. Долго, бывало, стоишь недвижимо, и молча смотришь в сторону тускнеющего заката; краски ежеминутно меняются,

переходя от пурпурных к розовым и фиолетовым. Небо постепенно становится темнее, глубже и одна за другою загораются звезды, сначала первой, затем средней и малой величины... Луна украдкою выглядывает из-за отдаленных, резких по очертаниям, вершин гобийских высот... Природа земная засыпает, а небесная открывает свое заманчивое величественное царство...

На следующее утро, восемнадцатого февраля, мы выступили в дорогу с особенным под'емом духа, так как все были осведомлены, что остался лишь один переход до приятного, заслуженного отдыха, на южных склонах Монгольского Алтая... Вид приближавшихся гор невольно радовал глаз. Теперь уже ясно выступали отдельные скалы, расщелины, альпийские луга. Еще несколько верст, и экспедиция вступила в узкое, извилистое, отчасти засыпанное снегом, ушелье, которое должно было привести нас к перевалу. Чем выше мы поднимались, тем круче и каменистее становилась тропинка. Внизу, под нами на луговой террассе, виднелись «кэрэксур'ы» (древние могилы [1]) в виде каменных пирамид, по дну ущелья бежал, монотонно журча, ручей, а кругом стояла невозмутимая мертвенная тишина. Редкие кочевья монголов жались в пазухах гор, по унылым утесам держались одни красноклювые клушицы (Graculus graculus), да кое-где вспархивали альпийские вьюрки (Montifringilla alpicola)...

Перевал Улэн-дабан расположен в западной части Дунду-сайхан'а и, как все перевалы не только в Монголии, но и вообще в Центральной Азии, увенчан обо. Вблизи обо, на плоской, занесенной снегом вершине перевала, мы были встречены вестовым монголом, который должен был указать экспедиции точное местонахождение ставки Балдын-цзасака. Здесь же мы произвели барометрическое определение абсолютной высоты Улэн-дабана, выразившееся в 7.985 футах, а затем стали осторожно спускаться к югу, куда Гурбун-сайхан обрывается особенно крутыми и высокими утесами... Вблизи нас, гордо, без взмаха крыльев, парил бурый гриф (Vultur monachus), а внизу, в стесненной части ущелья, с подтянутыми к туловищу крыльями, стрелою пронесся мощный сокол типа Gennaia...

---

[1]) О кэрэксу'рах см. мою «Монголію и Камъ» Том I, часть 1, стр. 31.

Оставив ущелье, мы переменили курс на восток и стали подвигаться вдоль южного подножья скалистых гребней массива, пересекая многочисленные узкие овраги и лога, которые предательски скрывали расстояние. Лучший монастырь балдын-цзасак'ских владений, Хошун-хит, приютился на правой береговой терассе глубокой балки. Когда мы проходили мимо, ленивые, апатичные ламы оставили свое убежище и поднимались на приветливые горные скаты, чтобы погреться на теплом весеннем солнышке. Обширная котловина, примыкающая к южным склонам Барун и Дунду сайхан, была покрыта сплошным снегом и ограничивалась на далеком южном горизонте плоскими горами Ихэ и Бага аргалинтэ...

Наши усталые верблюды тащились вперед очень медленно: все мы с нетерпением ожидали, когда, наконец, покажется ставка местного управителя... Вдруг, совершенно неожиданно, словно из земли вынырнули два всадника: один из них был участник экспедиции — казак Бадмажапов, командированный мною еще с перевала вперед, с приветствием монгольскому князю, а другой — чиновник Балдын-цзасака, привесший мне поклон своего начальника, вместе с голубым хадаком и приглашением на «чашку чая»... Через несколько минут, обогнав усталый караван, мы вступили в урочище Уголцзин-тологой, где на приветливом лугу уже стояли две юрты и голубая палатка, предусмотрительно приготовленные для участников экспедиции. Это видимое внимание к нам — путешественникам и доклад Бадмажапова искренне порадовали меня и я с особенным удовольствием отправился пить чай к гостеприимному Балдын-цзасаку.

Состоящая из четырех юрт княжеская ставка была расположена восточнее, в расстоянии почти версты от нас, в небольшой лощине, и несколько скрыта от глаз. У первой, предназначенной для гостей, юрты нас любезно встретили чиновники, которые тотчас, по входе в юрту, усадили меня на почетное место; перед моим мягким сиденьем из ковровых подушек, незаметным образом появился маленький столик с угощением — чашкой монгольского (с молоком и маслом) кирпичного чая и целым блюдом превкусных хлебных лепешек, сахара и изюма. Вскоре показался и радушный хозяин, прифранченный парадным одеянием...

Маленького роста, с приятным, открытым, не лишенным некоторого благородства лицем, и живой общительной речью, добродушный старичек — Балдын-цзасак с первой встречи возбудил во мне чувства самой искренней симпатии... Обменявшись приветствиями, князь стал расспрашивать меня о ходе путешествия, о странннческой жизни, о нашей родине, и припомнил, как в мое предыдущее путешествие мы с ним заочно переговаривались через посредство его чиновников и моего незаменимого тогда, юного спутника Цокто Гармаевича Бадмажапова.... Приближение каравана к месту лагеря прервало нашу дружескую беседу и, распрощавшись с своим новым приятным знакомым, я поспешил навстречу первому подходившему эшелону.

К вечеру того же дня князю были посланы подарки.

С первого дня расположения нашего бивака при урочище Уголцзин-тологой, мы наладили барометрические и другие регулярные метеорологические наблюдения, наметили ряд необходимых астрономических определений и желательных геологических и зоологических экскурсий в горы. Всё, казалось, благоприятствовало нам, ощущалось лишь маленькое неудобство от отсутствия воды, которую приходилось заменять талым снегом, залежавшимся под тенью горных выступов, и малого количества дров. Абсолютная высота Уголцзин-толого'я выразилась в «6.160» футов.

Весна постепенно, как бы боязливо, вступала в свои права: ночная minimal'ная температура до конца февраля упорно держалась от —15 до —12$_0$° С; первый, раз, днем [1]) в тени, записано было показание термометра выше нуля (0,$_8$° С) только 27 февраля [2])... Горы Цзун-сайхан заметно темнели, освобождаясь от снежного покрова, который уже почти исчез в примыкающей к ним с юга котловине Устын-тала. В пасмурные дни снежные тучи убеляли морщины прилежащих гор, но этот свежий снег обыкновенно скоро испарялся. Воздух, вообще говоря, был крайне сух. В самом конце февраля, в ущельи ближайших гор, в колодце, нами были обнаружены креветы, державшие себя весьма оживленно... Но больше всего чувствовалось приближение весны на утренних зорях,

---

[1]) Дневное показание термометра, обыкновенно, отсчитывалось в 1 час.

[2]) На следующий день, 28-го февраля, в тот же час t поднялась до 2.7°, а 29-го февраля уже до 4.6° С.

в особенности в тихую ясную погоду, когда до слуха долетал отрадный голос ушастого жаворонка (Otocorys brandti)...

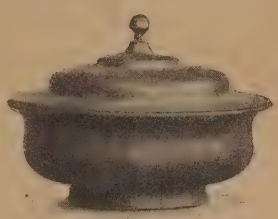
Первые два-три дня нашего пребывания в Уолцзин-тологой, мы были почти исключительно заняты переговорами с князем относительно предстоявшего пути к Эцзин-голу... И князь и его два советника старались убедить меня, что в указанном направлении нет дорог, что тут только пустыня — то каменистая, то песчаная, что даже самые лучшие верблюды едва ли будут в состоянии дойти до Эцзин-гола. В дальнейшем следовании экспедиции от Эцзин-гола на Алаша-ямунь, по словам Балдын-цзасака, нам придется иметь дело с Торгоут-бэйлэ... Во владения же этого последнего, в конце концов, взялся доставить экспедицию мой приятель, кстати сказать, за высокую плату.

Когда вопрос о нашем дальнейшем пути был таким образом решен положительно, и даже назначено первое марта, как день выступления каравана в дорогу, — Балдын-цзасак не преминул спросить меня: «Почему вам во что бы то ни стало желательно идти именно на Эцзин-гол, а не прямо в Алаша-ямунь, куда и дорога хорошая и времени потребуется меньше, а потому меньше трудов и лишений и меньше материальных издержек; вероятно», добавляет князь, «на Эцзин-голе у вас предвидится какой нибудь большой интерес?!» — «Да»! ответил я Балдын-цзасаку, «вы правы: там имеются очень любопытные развалины старинного города!» — «А вы откуда это знаете?» вопрошает мой собеседник. — «Из книг наших путешественников и из писем моих друзей», отвечаю я. — «Вон оно что», глубокомысленно протянул князь... «я слышал о Хара-хото от моих людей; они бывали там; ведь, действительно, существует город, обнесенный стенами, но он постепенно засыпается песком... Говорили мне, что там, на развалинах, бывают торгоуты и копают, и ищут скрытых богатств... Слышал я, что будто бы кое-кто и находил кое-что. Вот пойдете, увидите, а может быть что-либо замечательное и сами найдете... Вы, русские, все знаете и только вам под-силу такие работы. Мне кажется, торгоуты не станут препятствовать вашей дороге на развалины, как не будут препятствовать и самым раскопкам; хотя должен заметить, что до сих пор никто, подобно вам, не был там и торгоуты до последнего времени тщательно скры-

вают Хара-хото и старинный путь через этот город в Алаша-ямунь»... «Пожалуйста», в заключение сказал Балдын-цзасак, «не говорите, что я вам сообщил о развалинах. а просто заявите, что «сам знаю» и строго спросил у Балдын-цзасака проводников и верблюдов для того, чтобы прибыть в ставку Торгоут-бэйлэ»... Наши улыбающиеся взгляды встретились, я привстал , и крепко пожал обе руки моего приятеля...

Теперь, я более нежели прежде лелеял мечту не только попасть на развалины, но и поработать на них и, при счастьи— успешными находками древностей порадовать Географическое Общество — тех из моих друзей, которым, перед от'ездом в путешествие я доверил мой затаенный план...

С моим соседом Балдын-цзасаком я виделся ежедневно; он познакомил меня с своей семьей, которая состояла из жены — очень представительной монголки, с крупными, но приятными чертами лица, трех сыновей и трех дочерей... Два старших сына — болезненные, слабые молодые человека, служили ламами; один — при княжеском хошунном монастыре, другой — в Урге; младший их брат Цюльтум — красивый, здоровый, лихой монгол, произведенный китайским правительством в дворянское достоинство, был мне особенно симпатичен. Бывая часто на экспедиционном биваке, старый князь особенно интересовался нашим вооружением и не скрывал страстного желания приобрести револьвер и винтовку Бердана.



Чашка для еды и чаепития.

Оружие, вообще говоря, страсть номадов. За оружие номады готовы пожертвовать почти всем из своего неприхотливого достояния. Когда я подарил Балдын-цзасаку револьвер и пообещал подарить еще и желанную винтовку, с условием однако, чтобы он уступил мне его старинное монгольское ружье [1]), старик так обрадовался, что забыл свое нездоровье, на которое он до тех пор сетовал, глаза его заискрились, он схватил сначала одно, затем другое из моих ружей и стал ими прицеливаться, а потом всячески упражняться;... устав двигаться, князь присел, не выпуская ружей, и начал их словно ласкать, нежно проводя рукою по стволам... На мой вопрос к Балдын-цзасаку:

[1]) Только таким путем и можно было добыть образцы местного оружия, весьма интересного с точки зрения сравнения и изучения.

«каковы наши ружья?» — князь улыбнулся, поднял вверх большой палец правой руки, как знак высшей похвалы. В заключение, моему приятелю была показана русская стрельба из ружей и револьверов: князь и его свита пришли в дикий восторг!..

Однажды, придя за-просто в княжескую ставку, я узнал что мой гостеприимный друг простудился и захворал; ввиду того что он жаловался на боль в области лопатки, княгиня и слуга местными средствами, при помощи глиняного горшка и клочка горящей бумаги, ухитрились поставить ему банки. Это лечение видимо, не удовлетворяло князя, и он стал просить моей помощи. Тогда я решил пустить в ход наше излюбленное в экспедиции средство — горчичник и, по возвращении к себе домой, тотчас велел отнести князю листик, предварительно об'яснив способ его употребления... Прошло около часу времени, я даже и забыл о посланном горчичнике, как вдруг вижу—скачет на наш бивак слуга Балдын-цзасака и с ужасом рассказывает, что его господин сильно мучается, не может больше терпеть и просит разрешения снять лекарство. Я разумеется дал удовлетворительный ответ, и слуга, словно вихрь, помчался к княжеской ставке, чтобы освободить несчастного от напрасной пытки...

На следующий день Балдын-цзасак почувствовал значительное облегчение и, перемогаясь, приехал благодарить меня за оказанную услугу. В дружеской задушевной беседе, намекая на вторичное содействие, оказываемое им экспедиции, князь поведал мне свое давнишнее стремление получить от китайского правительства звание «улусун-туши-гун'а», что должно было в три раза увеличить размер, получаемого им от богдоханского двора, содержания. Я обещал сделать в этом смысле всё от меня зависящее и вскоре, действительно, написал ходатайство в русское посольство в Пекине, чем, конечно, еще более расположил в свою пользу монгольского управителя.

Жизнь на нашем биваке проходила в непрерывных занятиях; закончив деловые разговоры с Балдын-цзасаком и произведя астрономические наблюдения, мы занялись сортировкой и укладкой коллекций, три ящика которых, вместе с отчетами [1]) и письмами, были отправлены на родину.

---

[1]) См. «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», том XLIV, вып. V, 1908 г. «Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П. К. Козлова», стр. 299—316.

Очень часто, среди рабочего дня, нас осаждали родные и близкие монгольского князя, а то и просто соседи. Всех этих местных обитателей привлекал наш, незаменимый в путешествии, музыкальный инструмент — грамофон. В этом случае, номады, превращались в восторженных любопытных детей. Они смеялись, стремились залезть головою в рупор, спрашивали кто поет и особенно восхищались пластинками, где слышался лай собак и пение петуха!.. Много раз просили воспроизвести подражание ржания лошади, мычание или крик верблюда, блеяние барана и проч. Оперные вещи им совсем не нравились, но исполнение русских хоровых песен с аккомпаниментом гармоники, или пластинки, передававшие военные марши и проч., также вызывали бурную радость...

За всё наше десятидневное пребывание в урочище Уголцзин-тологой, нам только однажды удалось совершить экскурсию в глубь соседних гор. Скалистая часть Цзун-сайхан'а, куда мы отправились с геологом А. А. Черновым и двумя препараторами, в своих наиболее выдающихся частях, как наприм. вершина Хайрхан, подымалась до 8.200 футов над уровнем моря и характеризовалась крупными галечными ущельями, в которых всё же находила себе место травянистая и полукустарниковая растительность, предпочитавшая вообще мягкие скаты и террасовидные части долин, обезпечивавшие прокормление многочисленных стад Балдын-цзасака. По сухим руслам рек, во многих местах, имелись колодцы с отличной родниковой водой... Представляя таким образом прекрасные пастбища, горы Цзун-сайхан отличались умеренным и скорее даже прохладным климатом в летние месяцы, и давали возможность как диким, так и домашним животным спасаться от изнуряющей жары, царящей летом в соседней Гоби. В смысле зоологических коллекций наша экскурсия оказалась крайне не удовлетворительной; из зверей мы видели, да и то на порядочном расстоянии, лишь волка и антилоп (Gazella subgutturosa), и добыли интересную скалистую пищуху (Lagomys). Из птиц же наблюдали прежних бурых грифов (Vultur monachas), соколов (Hierofalco et Tinnunculus), альпийских вьюрков (Montifringilla alpicola), филина (Bubo), который взлетел с горного ската и вскоре скрылся из глаз, но добыть удалось только завирушку (Spermolegus fulvescens)... Зато геолог, как всегда, был щедро вознагражден

обстоятельным сбором пород, слагающих восточную часть массива Гурбун-сайхан...

В ближайшей окрестности нашей стоянки по части пернатых было также бедно по количеству особей и по разнообразию их. Самым обыкновенным посетителем экспедиционного бивака был черный ворон (Corvus corax), который неделимой парой появлялся с утра, проводил с нами весь день, а на ночь улетал в ближайшие горы; затем маленькое оживление вносили вьюрки (Montifringilla alpicola et Pyrgilauda davidiana), да саксаульная сойка (Podoces hendersoni).. Крупные сокола и орлы, а также быстрокрылые больдуруки (Syrrhaptes paradoxus) показывались только на далеком расстоянии; хотя, впрочем, больдуруков мы, нередко, чувствовали находясь и внутри юрты или палатки, так как эти птицы пустыни свое присутствие обнаруживали резким шумом крыльев или оригинальным звонким голосом...

Между тем время летело быстро; близился конец февраля, этого бурного, холодного месяца. По нашим наблюдениям, тихие дни встречались в виде исключения, обыкновеннно же дули стойкие западные, с большим или меньшим уклонением к северу или югу, ветры, приносившие с собою тучи пыли, которая, иногда, надолго омрачала атмосферу. Случалось, однако, и так, что новыми, более сильными порывами та же пыль уносилась вдоль гор. Во время монгольской или гобийской бури положительно негде укрыться: ветер легко пронизывает войлочные жилища... Животная жизнь тоже замирает — всё прячется, всё затихает, и помимо шума бури, ничего не слышно кругом. Зато после бури наступает абсолютная тишина и следующий, затем, день на редкость хороший: солнце начинает сразу чувствительно пригревать; снег быстро испаряется; почуяв тепло, жаворонки (Otocorys brandti) поднимаются в небесную высь, и песня их звучит по весеннему...

С приближением конца февраля приближался и день выступления каравана в дальнейший путь. Люди отряда, с фельдфебелем Ивановым во главе, энергично заканчивали ремонт походных принадлежностей и заготовку сухого бараньего мяса [1]),

[1]) Заготовка или консервированье баранины состояло в следующем: одновременно убивалось несколько, по возможности, лучших или, иначе говоря, наиболее упитанных баранов и по снятии с их туш овчин, отделялось от костей мясо; это мясо

так как, по словам монголов, впереди лежащая дорога до Эцзин-гола пролегала по пустынной и безлюдной местности... В свою очередь и мы, члены экспедиции, заканчивали отчеты и последние письма; словом, все приводилось в походный порядок. Накануне снятия бивака, мы все положили последние камни—булыжники на вершину большого обо, сооруженного экспедицией в ставке Балдын-цзасака. Эта каменная пирамида должна была отмечать собою точное местонахождение астрономического пункта [1]), нанесенного на карту путешественниками, а кроме того—напоминать монголам о продолжительной стоянке экспедиции Русского Географического Общества...

Холодным, пасмурным утром, первого марта, мы снялись лагерем и, в сопровождении симпатичного князя и его свиты, направились на юго-юго-запад. Небольшая покатость вскоре привела караван в самую низкую часть прилежащей долины, к колодцу Бартан-худук. Здесь снегу не было и в помине; температура воды в колодце, в 1 час дня выразилась $0,_2°$ C; в воздухе слышалось отрадное пение маленьких жаворонков (Pseudalaudula pispoletta seebohmi). Отсюда Балдын-цзасак должен был возвратиться к своему стойбищу, откочевавшему в соседние горы. Старик дружественно расстался с нами, и на прощанье успел шепнуть мне на ухо: «прощай, я уверен, что ты попадешь в Хара-хото, и найдешь в нем не мало интересного»... Еще несколько минут—и мой приятель исчез из вида: степные лошади вихрем понесли обратно ловких монгольских наездников.

Благодаря выдавшейся чистоте и прозрачности воздуха, даль открывалась на большое расстояние. В полуденном направлении синели складки гор и пестрели дэрэсуном долины. Кочевники все еще жались к горам, под защиту их цирко-образных, обращенных к югу, выемок.

Постепенно поднимаясь из впадины Бартан-худук, экспедиция, в первый день своего следования, втянулась в горы

резалось на тонкие длинные кусочки, опускалось в кипящую соленую воду, примерно минут на десять или самое большое на $^1/_4$ часа, а затем развешивалось на открытом воздухе, на веревках, для просушки. В течени трех-пяти дней мясо принимало надлежащий вид и часто служило нам подспорьем в продовольствии, периодически конечно, на протяжении года. Обычно же, мы ежедневно убивали барана, мясо которого с'едали целиком, а шкуру отдавали проводнику.

[1]) Географическое положение Угольц-зин тологоя будет дано в конце книги.

Аргалинтэ, сложенные из красных порфиритов и крупнозернистых гранитов, имеющих западно-восточное простирание, а во второй день пересекла названные горы и остановилась на замерзшем или точнее обледенелом ключе Нюдун-булык.

Отсюда мы совершили две небольшие охотничьи экскурсии в ближайшую горную группу Шара-хада, в надежде добыть горных козлов (Capra sibirica), что нам, к сожалению, не удалось. Осторожные звери не давали возможности подойти к себе в меру выстрела, а крутизна склонов и сопряженная с этим трудность хождения по острым камням, создавали крайне неблагоприятные условия для успешного скрадывания. Один раз, с биноклем в руках, мне удалось всласть налюбоваться на красивых животных, проходивших вдали от меня, у подошвы горы, в таком последовательном порядке: впереди шла старая самка, за нею целой линией вытянулась молодежь, а в арьергарде замыкал движение старый опытный самец. Все звери видимо чутко прислушивались и присматривались к окружающему... Несмотря на дальность отделявшего нас пространства, я не только стоял неподвижно, но даже старался не дышать, чтобы не нарушить цельности и естественности этой картинки дикой животной жизни... Вероятно, эта же самая компания горных козлов нами была вспугнута в первый день приезда на охоту, когда мы еще следовали вперед, к месту охотничьего лагеря. Козлы находились на выступе доминирующей вершины и увидев нашу кавалькаду, смертельно испугались, пустились на-утек и никогда, потом, не удалось нам подойти к ним не замеченными... Из птиц, во время своей экскурсии, кроме красноклювых клушиц (Graculus graculus), бурых грифов (Vultur monachus), соколов типа Tinnunculus и одинокой рыжебрюхой горихвостки (Ruticilla erythrogastra) я не видел ничего.

Горный козел (Capra sibirica).

С вершины Шара-хада открывался чудный широкий вид на все стороны. На юг далеко убегала пустынная равнина, постепенно исчезавшая в туманной дымке; с севера горизонт обступали горы, из которых резко выделялась группа Гурбун-сайхан, красиво и контрастно отливавшая нежно белым свежевыпавшим снегом. Отсюда, наиболее величественным казался пьедестал гор, тогда как самая ось хребта или его гребень представлялись соответственно очень малыми; в этом, впрочем, как я уже и заметил выше, заключается характерная особенность восточной или гобийской части Монгольского Алтая.

К закату солнца, третьего марта, мы расположились биваком в урочище Хара-обо, несколько южнее большой дороги, к Куку-хото [1]) через Цзурумтай и Цохонын-шили. Этой ночью я наблюдал на небе оригинальное красивое явление радужного пояса вокруг луны; с севера дул легкий ветерок, повидимому, не достигавший высших слоев разреженной атмосферы, так как тонкие перистые облачка тянулись с юга...

Дальнейший наш путь пошел в юго-западном направлении, на пересечение крайне пустынной, жалкой щебне-галечной местности, перерезаемой грядами холмов или горок с одной стороны и сухими руслами между ними с другой. На этой безотрадной поверхности земли повсюду валялись образцы многогранников, источенных и отшлифованных действием ветра и песка. Единственно, что отрадно оживляло грустный пейзаж — это антилопы-харасульты (Gazella subgutturosa), которых мы за один переход видели не менее сотни голов... Изредка также, высоко в небе, кружил или даже пролетал над нашим караваном, а то и просто опускался на землю, вблизи монгольских стойбищ — гриф монах (Uultur monachus), имеющий в размахе крыльев свыше сажени; см. рисунок, приложенный к странице 84.

Постепенно продвигаясь вниз по слабо выраженной покатости, мы вскоре стали встречать холмы то желтой, то красноватой глины, с обрывистыми скатами, выроставшие в мираже до огромных размеров; у подножья этих обрывов часто распо-

---

[1]) Город Куку-хото, или Гуй-хуа-чен находится в северной части провинции Шаньси Внутреннего Китая, но вне Великой стены (внешней или об'емлющей), проходящей верстах в восьмидесяти от него к юго-востоку, по гребню северного кряжа цепи Тай-хань.

лагались колодцы, на одном из которых, Амын-усу или Буктэ, экспедиция приютилась биваком. Стоянка выпала отличной: корм для животных не оставлял желать ничего лучшего, вода также; вблизи самого лагеря протянулась полоса песчаных бугров с густыми зарослями саксаула [1]), дававшими прекрасные дрова.

Весеннее тепло надвигалось заметно: на солнечных пригревах начали показываться первые жуки долгоносики и пауки; в саксауловых зарослях местные воробьи (Passer ammodendri stoliczkae) оживленно чирикали, слышались голоса чечеток (Aegiothus linaria linaria), а в воздухе звонко раздавалась песнь хохлатого жаворонка (Galerida cristata leautungensis).—Грызуны-песчанки, преимущественно крупные (Gerbillus giganteus?) то и дело с писком выскакивали из своих глубоких норок и, став на задние лапки, с любопытством взирали на окружающее. Живущие настоящими отшельниками, вблизи колодца, бедняки монголы специально занимаются ловлей этих грызунов, которых употребляют в пищу, уверяя, что их мясо гораздо нежнее бараньего. При помощи примитивных деревянных капканов, искусный ловец может наловить в течение дня до тридцати маленьких зверьков. Получая таким легким путем подспорье в мясном довольствии, эти монголы, так же как и алашаньцы, умеют добывать себе без особых усилий и зерновой хлеб—сульхир (Agriophillum gobicum). В долине, прилежащей к урочищу Буктэ, растет довольно много сульхира, и я часто наблюдал уже обмолоченные копны этого пустынного растения, причем на месте оставалась одна лишь мякина.

За Буктэ местность вновь стала волнистой... Мы миновали саксауловую заросль, которая довольно порядочно мешала свободному движению, цепляясь за платье и обдавая соленой пылью, и вступили в самую низкую часть котловины. Здесь, среди пологих холмов, на песчаном грунте ясно обрисовывались следы хуланов (Asinus kiang?), заглядывающих в эти места с Эцзин-гола, где они, по словам монголов, довольно обыкновенны.

---

[1]) В этом урочище Буктэ, сопровождавшая экспедиционный караван собака, «Урга», произвела на свет многочисленное потомство. В таком виде, конечно, Урга не могла быть нашей спутницей: ее пришлось оставить и заменить отличным монгольским псом с кличкою «Лянга», который усердно служил экспедиции на всем ее дальнейшем странствовании; а после путешествия достался одному из моих спутников-забайкальцев.

Бурый гриф или гриф-монах (Uultur monachus) у монгольского стойбища Центральной Монголии.

Теперь, как и прежде, мираж — этот злой дух пустыни, — из отдаленных высот и горок возводит постройки самых причудливых, самых фантастических очертаний. Досаднее всего бывало смотреть в пустыне на обманчивые, дрожащие озера, постепенно удалявшиеся от усталого жаждущего путника.

Кое-где, песчано-галечные русла сопровождались рядами корявых пустынных тополей (Populus euphratica?), по которым усаживались обособленные пары черных ворон (Corone corone) и одиночки-галочки (Coloeus neglectus), каковая, между прочим была отмечена мною в урочище «Баг-мото» или «Аллея деревьев», где мы расположились на ночь.

Встретивший нас на стоянке, у колодца, резкий юго-западный ветер, сильно раскачивал старые развесистые деревья, осенявшие наше войлочное жилище, и создавал тот знакомый и давно неслыханный шум леса, по которому быстро соскучивается привычное ухо, в особенности во время путешествия в столь пустынной местности, как центральная Гоби. К вечеру, когда буря утихла, мы ясно услышали крик ушастой совы (Asio otus), а на утро, отправившись на охоту с двумя препараторами, я добыл пять отличных экземпляров этой довольно интересной птицы. Не лишнее отметить, что совы держались компанией более десяти особей и что яркий солнечный свет, повидимому, их не особенно беспокоил... Из прочих наблюдаемых или добытых здесь пернатых можно отметить: сычика (Athene bactriana), сорокопута (Lanius mollis) и жаворонка (Pseudalaudula), звонко распевавшего свои весенние песни. В сухом каменистом русле П. Я. Напалковым были откопаны первые в этот год жуки.

Вблизи нашего бивуака проживали монголы, имевшие очень хороших верблюдов. В загородках из саксауловых деревьев ютились верблюжата, только что появившиеся на свет. Я с большим интересом следил за тем, с какою нежностью и любовью относились к этим косматым неуклюжим животным молоденькие девушки. Они с удивительною ласкою гладили верблюжат, а иногда даже, притянув доверчивую мордочку к губам, целовали их в самый нос...

Из дружеской беседы с соседними монголами, я между прочим узнал, что намеченная мною дорога на Сого-нор, через урочище Шильбис, очень пустынна, длинна и менее интересна,

Монгольское стойбище в Центральной Гоби (отверстие юрты — дверь на юг)

чем другая—прямая и более короткая, на Торцо. По тщательном обсуждении, мы решили избрать второй путь, в надежде скорее прибыть к Сого-нору и лишний день провести в близком теперь уже к нам, но пока все еще таинственном городе Хара-хото.

В последующие дни, с седьмого по двенадцатое марта, экспедиции пришлось следовать по самой безотрадной, дикой пустыне. Бесконечной чередой сменяли друг друга лога, небольшие горные кряжи, долины.

От урочища Ихэ-гун мы пошли по большой караванной дороге, ведшей прямо к Сого-нору. К северу от этой дороги тянулась обширная равнина, замкнутая на горизонте массивом Ноин-богдо, отличавшимся зубчатою профилью; на юге, вдоль горизонта, возвышался горный кряж Хонгоржэ, к восточному крылу которого направлялись, приходящие с севера, сухие русла.

В виду того, что на нашем пути колодцы встречались чрезвычайно редко, нам пришлось несколько изменить порядок передвижения; переночевав у воды, мы теперь обыкновенно выступали довольно поздно—около полудня, и шли до заката солнца. На утро, с зарею, снова снимались лагерем, и таким образом только к обеду, то есть через сутки, вновь отдыхали у отрадного ключа. Эти послеобеденные, пустынные, безводные переходы были крайне утомительны, тем более, что весна и наступавшее тепло все сильнее и сильнее давали себя чувствовать... Стали появляться мухи, жуки; по земле кое-где ползали пауки, а одиннадцатого марта мы отметили и первую ящерицу из рода Phrynocephalus. Иногда встречное солнце томительно расслабляло нас. По сторонам ни зверя, ни птички—всё абсолютно тихо и мертво, только ветер свободно гуляет на просторе, поднимая порою пыльные вихри.

Вообще, я должен отметить, что путь от Гурбун-сайхан до озера Сого-нор'а или низовья Эцзин-гол'а, на всем своем протяжении довольно пустынен и безотраден. Вода попадается только в сухих галечных руслах, выступая на поверхность земли ввиде колодцев; водоносный горизонт проходит на глубине пяти—семи футов. Из растительных форм преобладают саксаул, постепенно заменяющийся тамариском, полукустарники и жесткие пустынные травы, охотно поедаемые только верблюдами. По моему мнению, это единственные животные, которые

выдерживают знойный климат и скудность растительной пищи здешних мест.

Под-вечер одиннадцатого марта, когда караван экспедиции особенно успешно шагал по слегка наклоненной к Сого-нор'у центрально-монгольской равнине, покрытой сплошной галькой, мы с удовольствием вперяли свой взор в серебристую полосу ближайшей к нам береговой части озера... При догоравших солнечных лучах, ярко скользивших по лону вод, в бинокль, отлично виднелись стаи птиц, темной сеткой пролетавших над открытой частью бассейна. Забывались усталость, голод и та пустыня, среди которой мы все еще находились. Какое-то особенное, высокое чувство охватывало всю вашу душу, вас самих и неудержимо влекло к месту, где жизнь весенней природы била ключем... Мы шли до сгущенных сумерок и остановились в виду Сого-нора, все еще ярко выделявшагося среди общего серого фона окрестностей. Показался наконец и своего рода маяк в пустыне—Боро-обо, сложенный на высоком северном берегу озера. Тихо спустилась на землю весенняя ночь. Небо зажглось блестящими звездами...

На следующий день, нетерпение наше попасть на Сого-нор еще более увеличилось. Теперь ясно различались на горизонте нежно-белые или серебристые вереницы пролетавших цапель, лебедей, или обособленно сидящих на воде чаек и крачек. Еще ближе, и мы заслышали голоса птиц, но самое озеро уже по-немногу стало скрываться береговыми увалами. Вот, наперерез нашего пути, быстро пронеслось стадо газелей (Gazella subgutturosa), испугавших диких ослов или хуланов (Asinus kiang?), в свою очередь, карьером умчавшихся в сторону пустыни. С последней придорожной высоты открылась широкая полоса золотистых прибрежных камышей, среди которых привольно паслись табуны торгоутских лошадей. Наш караван, вероятно, заставил обратить на себя внимание: к одному из табунов, с западной стороны, под'ехало двое вооруженных всадников...

Глава IV.

НИЗОВЬЕ ЭЦЗИН-ГОЛА И РАЗВАЛИНЫ ХАРА-ХОТО.

Весенний пролет птиц на Сого-норе. — Общая характеристика этого озера и низовья Эцзин-гола. — Урочище Торой-онцэ. — Животная жизнь прилежащей долины. — Хошун Торгоут-бэйлэ; современный управитель „Даши". — Открытие Хара-хото, его археологические находки и местное предание о гибели этого города. — Обмен визитами с Торгоут-бэйлэ на Эцзин-голе. — Последние дни и ночевка в Хара-хото.

Итак, в разгар весеннего пролета птиц, экспедиция вступила в бассейн Эцзин-гола и при урочище Торцо, в непосредственной близости двух пресных озерков, окаймленных высокими буграми, расположилась биваком. Наши озерки привлекали птиц, хотя и были открыты лишь наполовину, наполовину же еще были затянуты посиневшим ледяным покровом, который энергично таял, в особенности днем, на солнце, когда южный склон соседнего песчаного бархана нагревался до 40° С и выше. Между самим Сого-нором, также имевшим открытую воду только в ближайшем к нам юго-восточном заливе, и нашим лагерем залегал обширный высокий камыш; этот камыш скрывал массу второстепенных озерков, на одном из которых, а именно — отстоявшем от нас верстах в трех и простиравшемся до двух верст в окружности, — мы сосредоточили свои охоты и весенние наблюдения над местной природой...

Необходимо заметить, что из Торцо, прежде всего, мы отправили своего переводчика в ставку Торгоут-бэйлэ, чтобы завязать сношение с этим князем, от которого в большей степени зависела успешность нашего дальнейшего движения

к Хара-хото. Сами же, тем временем, занялись наблюдением весеннего пролета и весенней жизни птиц, проходившей одинаково оживленно, как на Сого-норе, так и на более близком, отмеченном выше, скрытом в камыше озерке... Последнее своей кипучей жизнью оживило и нас... Я всегда с высоким удовольствием посещал это озерко, оно будило во мне лучшие воспоминания моего самого первого путешествия в общении с незабвенным Пржевальским и невольно переносило на берега Лоб-нора... Как бывало на Лоб-норе, так и здесь, бредешь тихонько по камышу; среди однообразной тишины слышится какое то жужжание, временами переходящее в шум или гул.. Это ликуют птицы. Иногда ясно и раздельно доносятся возбужденные голоса уток... На горизонте везде трепещут и колышатся живые линии пернатых странников — то темные, то серебристо-белые, то сероватые... Изредка раздаются благозвучные музыкальные ноты, создающиеся лебединым полетом и неописуемо чарующие слух... Вот, наконец, с вершины холма открылась поверхность воды. Словно хлопья снега вьются в воздухе черноголовые чайки (Chroicocephalus ridibundus)... Всюду пестрят всевозможных оттенков утки, нырки, светлые крохали, темные бакланы; кулики совершенно отсутствуют, только одна пигалица-чибис с пиканьем носится своим шатающимся полетом... Многие гуси лежат, иные беззаботно стоят или ходят и кормятся. Подле гусей спокойно плавают лебеди, ловко полуныряя за пищей, словно утки... На сколько хватает вооруженный биноклем глаз — всюду безконечное количество плавающих пернатых...

Выстрел всегда вызывает невообразимый переполох. Шум и крики удваиваются, а то и утраиваются; воздух темнеет и буквально кишит тучами испуганных прилетных гостей, несущихся по всем направлениям... Над убитой подругой долго вьются сотни других родственных ей птиц. Но вот солнце постепенно склоняется к горизонту, оживление на озере пропадает... лишь вблизи слышится мелодичное трещание камышевой стренатки и тонко-серебристая трель усатой синицы (Panurus biarmicus russicus)... Вдали вьются коршуны, а вблизи, описывает широкие круги орлан-белохвост... Там, над мелким камышем, плавно, беззвучно, словно дозором, пролетает коричневый лунь. Где-то глухо гукнет выпь, и опять всё

тихо. Медленно возвращаешься на бивак, где уже весело горит костер, и собравшиеся к огоньку товарищи оживленно рассказывают друг другу об экскурсиях и переживаниях весеннего дня...

В общем могу сказать, что юго-восточная часть Сого-нора, его темно-голубые полыньи, высокий камыш, скрытые в нем более мелкие озерки, обилие пернатых странников, пролетавших вереницами над серым запыленным горизонтом и положительно заглушавших своим всевозможным криком ближайшую окрестность — всё это вместе, действительно, живо напомнило мне весну, проведенную с экспедицией Н. М. Пржевальского, на берегах Лоб-нора. Как тогда, так и теперь меня поражало то необычайное оживление, которое вносилось птичьим базаром. И там, и здесь меня одинаково притягивал к себе этот базар и заставлял целыми часами смотреть, любоваться на него. Глазам не верилось, что по соседству с вами, в каких нибудь ста шагах, а нередко и гораздо ближе, беззаботно плавают и резвятся, перелетая с места на место, стаи гусей, уток, лебедей, бакланов, турпанов, цапель, чаек и многих других. Все эти птицы живут, радуются, хлопочут для одной и той же цели — размножения... В разгаре перелета, даже ночью, лежа в палатке лагеря, чувствуешь повышенную энергию пернатых: то с резким шумом крыльев быстро проносятся над биваком утки, то с высоты неба раздаются голоса гусей, журавлей, то иногда, среди ночной тишины, гармонично льются чарующие звуки музыкального лебедя...

По показаниям, весьма достоверным, местных торгоутов и на основании наших личных предположений, началом весеннего пролета можно считать последнюю треть февраля месяца; время же, в которое мы пришли в низовье Эцзин-гола — самым обильным или валовым пролетом, в особенности по отношению к отмеченным выше плавающим птицам...

Двенадцатого марта, — то есть, в первый день наблюдений пролета птиц в бассейне Эцзин-гола, замечены: гуси серые (Anser anser), которые стая за стаей неслись к северу, хотя во множестве отдыхали и на местных озерках; в таком же большом количестве держались и чайки черноголовые (Chroicocephalus ridibundus); значительно реже давали о себе знать лебеди (Cygnus cygnus), турпаны (Casarca casarca), гоголи (Clangula clangula), утки-нырки (Fuligula); что же касается до уток-

крякв и уток-шилохвостей (Anas boscas et Dafila acuta), то они были в числе преобладающих по количеству пролетных пернатых. В тот же день нередко показывалась на глаза чибис-пигалица (Vanellus vanellus), да кое-где по вершинам бугров или кустарников, довольно крепко сидели сорокопуты (Otomela isabellina), а у самого лагеря экспедиции, с камышинки на камышинку или вершинку кустарничка, то и дело перемещались чекканы (Saxicola pleschanca)...

Тринадцатого марта попрежнему летели гуси, утки, а из вновь появившихся были: цапля серая (Ardea cinerea), орлан белохвост Haliaëtus albicilla), коршун черноухий (Milvus melanotis) и чеккан соловый (Saxicola isabellina).

В ночь с 13-го на 14-ое марта особенно много летело с юга на север гусей, уток, лебедей, журавлей и вероятно других, молчаливо совершавших свой далекий путь... тогда как указанныя птицы выдавали себя голосом... Днем, четырнадцатого марта, на наш бивак волнистым полетом прибыла белая плиска (Motacilla aiba baicalensis), а через небольшой промежуток их стало не мало: птички прилетали то парочками, то целыми процессиями... Каждый новый пролетный гость привлекал наше внимание. Под-вечер, на соседнем озерке, появился крохаль-луток (Mergus albellus)...

Пятнадцатого марта, среди уток крякв и шилохвостей, ярко выделялись красавицы пеганки (Tadorna tadorna), а также утки широконоски (Spatula clypeata), нырки красноклювые (Fuligula rufina) и бакланы (Phalacrocorax carbo). В этот же день, периодически, много тянуло на север уже отмеченных выше серых цапель...

Шестнадцатого марта, утром, на наших озерках, плавали: лысуха черная (Fulica atra), нырец-чомга (Podiceps cristatus) и немногие другие, упомянутые ранее. Из вновь прилетевших был только чеккан-черногорлый (Saxicola deserti atrigularis), прибавивший маленькое оживление на нашем лагере...

На следующий день — семнадцатого марта — экспедиция уже перекочевала на Эцзин-гол, в урочище Торой-онцэ.. здесь, в вышине неба, ликовали сарычи (Archibuteo hemiptilopus), потрясая воздух звонким клекотом...

Восемнадцатого марта впервые выдал себя характерным свистом кроншнеп большой (Numenius arquatus), который, на

следующий, затем, день ютился на отмели речки и прилежащей к берегу луговине; не вдалеке, важно расхаживала пара черных аистов (Ciconia nigra).

Двадцатого марта, над биваком экспедиции кружилось до десятка коршунов черноухих, зорко высматривавших кухонные отбросы и в известный момент стремительным налетом схватывавшие их... Через день — двадцать второго марта, оригинально гукала выпь (Botaurus stellaris)...

Двадцать четвертого [1]) марта, вдоль долины, пронесся лебедь кликун (Cygnus musicus), огласивший тихий воздух дивной мелодией...

Таковы, в общих чертах, наши скромные наблюдения частичного весеннего пролета птиц и пробуждения весенней жизни в низовьи Эцзин-гола...

Озеро Сого-нор простирается в окружности до пятидесяти верст. Его юго-восточное прибрежье, с которым нам удалось больше познакомиться, имеет низменный характер; почва сырая и топкая у самой воды, по мере удаления от береговой линии озера, несколько повышается и становится суше; здесь залегают глинисто-лессовые наслоения, постепенно сменяющиеся песками и песчаными барханами.

Сого-нор расположен в наиболее глубокой котловине центрально гобийской пустыни — на 2.750 футов над уровнем моря. Цвет водной поверхности его крайне изменчив, в зависимости от освещения и расстояния, на котором приходится быть наблюдателю. В общем, преобладающих тонов два: зеленоватый, который получается с близкого расстояния, и темно-голубой — издалека,... вкус воды — слегка соленый и при нужде она вполне пригодна для питья. В озере имеется один лишь вид рыбы, — карась (Carassius carassius auratus), судя, по крайней мере, по нашим наблюдениям и образцам ихтиологической фауны [2]). Весьма любопытно, что до сего

---

[1]) Тогда же, впервые наблюдался молодой зеленый камыш, едва пробивавшийся из влажной земли; 25-го марта сорока (Pica pica bactriana) обновляла гнездо; 28-го марта мухи, жуки и ящерицы стали показываться чаще и чаще; лужайки зазеленели, температура воды в речке, в 1 час дня, 11,3°С; в тоже время южный склон песчаного бархана, его поверхность, была накалена до 54,4° С.; 30-го марта, из норы выползла серая, длинная, тонкая змея, погреться на солнце.

[2]) Определить рыб, привезенных экспедицией, любезно взял на себя труд профессор Л. С. Берг.

времени во внутреннем центрально-азиатском бассейне, карась вообще не наблюдался и никем из путешественников добыт не был.

По сведениям, полученным на месте от торгоутов, большое береговое пространство Сого-нора на юго-востоке [1]), занятое теперь сплошь высоким камышем, четыре года тому назад представляло из себя открытый юго-восточный залив озера, или точнее, его продолжение в глубь материка. В те времена и восточный рукав Эцзин-гола — Мунунгин-гол был, сравнительно, более богат водою; сейчас, избыток воды вместо этого рукава направился по другому — Морин-голу, впадающему в соленое озеро Гашун-нор. Нужно заметить, что русла центрально-азиатских пустынных рек, вообще говоря, довольно неустойчивы, а потому и довольно нередко меняют свое положение...

И в бассейне Тарима, его нижнего течения, и здесь, мощные речные отложения покрывают площадь на значительных пространствах. Имеются несомненные данные не только о перемещении вод в рукавах, но и о передвижениях нижних частей русел, вызываемых перенакоплением речных осадков в одних руслах и усиленным размывом в других... Тонкие речные песчано-глинистые осадки, оставленные реками при перемещениях их вод или при передвижениях их русел, дают богатый материал для эоловых образований.

Наличие этих свойств пустынных рек, как в Эцзингольской системе, так и в системе Тарима, еще более сближает характер этих бассейнов и создает почти неотличимое сходство. Как здесь, так и там встречаются почти одни и те же представители растительного и животного мира. Как здесь, так и там воздух до крайности сух и вечно наполнен тончайшей лёссовой или солено-лёссовой пылью, горизонты также коротки, и также бледен диск дневного светила...

Четыре дня, проведенные при озере Сого-норе, среди ликующей весенней природы, промелькнули незаметно...

Посланный к торгоут-бэйлэ казак Бадмажапов возвратился с положительным результатом: принявший сначала очень над-

---

[1]) Северо-западный берег Сого-нора возвышенный — слагается из порфировых холмов, на одном из которых, наиболее высоком, красуется большое «обо».

менный вид монгольский или торгоутский князь вскоре изменил политику, поручил своему полицейскому проводнику доставить экспедицию в соседство его ставки «Даши-обо», на левом берегу Морин-гола... и пообещал полное содействие по переходу Алашаньской пустыни и по достижению развалин Хара-хото.

Надо было торопиться выступлением... Шестнадцатого марта я пошел последний раз взглянуть на ближайшее к нашему биваку озерко, уже совершенно освободившееся от льда. Вода значительно прибыла; на тихой, голубой ее поверхности, под лучами утреннего солнца, беззвучно скользили лысухи, утки-кряквы и нырки; по середине озерка беззаботно плавал одинокий нырец-чомга...

Так как Мунунгин-гол своим разливом мог помешать нашему движению, то мы на время оставили его долину и направились рядом с полосой высоких песчаных барханов и следовали к урочищу Торой-онцэ, вдоль сухого рукава реки, несшего следы пребывания довольно большого количества воды; там и сям замечались остатки древних плотин и мельниц...

Достигавшие восьмидесяти, и даже ста футов в высоту, песчаные барханы залегали по соседству с долиной реки, имея преобладающее направление — меридианальное. Некоторые из барханов стояли отдельно, некоторые извивались змеей, характеризуясь самыми причудливыми очертаниями, среди которых выделялись конусы с равнобокими скатами, указывающими на постоянную периодичность господствующих западного и восточного ветров... Во время нашего движения поднялся сильный восточно — юго-восточный ветер, ожививший пески: отдельные вершины песчаных холмов стали куриться, словно вулканы — песок взвивался кверху и падал обратно столбом: ветер передувал песок с крутой стороны бархана на пологую и нес его дальше, к щебневой равнине. Скоро ветер перешел в бурю. Окрестности заволокло густою пылью, омрачившей воздух и сократившей горизонт до полуверсты. По равнине потянулись длинные песчаные полосы, напомнившие нашу поземку. Периодически, встречные порывы бури спирали дыхание, песок слепил глаза, не давая возможности ступить шагу; не только мелкий песок, но даже и крупные песчаные зерна высоко взлетали на воздух и до чувствительной

боли хлестали в лицо, сидящих верхом на верблюде. С гребней придорожных барханов, песок сдувало массами и видоизменяло их второстепенные очертания.

Потеряв среди пыльного тумана настоящее направление, наш проводник слегка сбился с пути, но общими усилиями нам всё же удалось довольно скоро добраться до колодца Омук-тала, миновав по дороге развалины башни Атца-цончжи, сложенной из сырца-кирпича с тростником и служившей во времена Хара-хото, вероятно, своего рода сигнализационным пунктом. На следующий день, семнадцатого марта, мы прибыли в урочище Торой-онцэ, которое было отмечено для нашей стоянки самим князем Торгоут-бэйлэ...

Берущая начало в снеговых полях величественного Нань-шаня река Эцзин гол стремительно несется к северу, борясь с горячим дыханием пустыни почти на протяжении пятисот верст, прежде нежели окончательно погибнет, разбившись на многочисленные рукава, воды которых собираются в двух бассейнах — восточном, меньшем, проточном, почти пресном Сого-норе и западном — раза в три-четыре большем нежели Сого-нор, замкнутом соленом Гашун-нор'е... Главнейшими рукавами Эцзин-гола являются: многоводный Морин-гол, впадающий в Гашун-нор, и весьма бедный водою Ихэ-гол, в свою очередь, делящийся еще на несколько рукавов, самый восточный из которых — Мунунгин-гол, и заканчивающийся в Сого-норе. Такое распределение воды в низовьях Эцзин-гола не имеет, повидимому, постоянного характера; из данных, приведенных В. А. Обручевым [1]), а затем и А. Н. Казнаковым [2]) видно, что в те времена, наоборот, Ихэ-гол, т. е. «Большая река», оправдывал свое название: имел значительно бóльшее количество воды нежели Морин-гол. По сравнительным данным путешественников и показаниям туземцев можно заключить, что на протяжении известного исторического времени, перемещение водных артерий нижнего Эцзин-гола происходит с востока на запад...

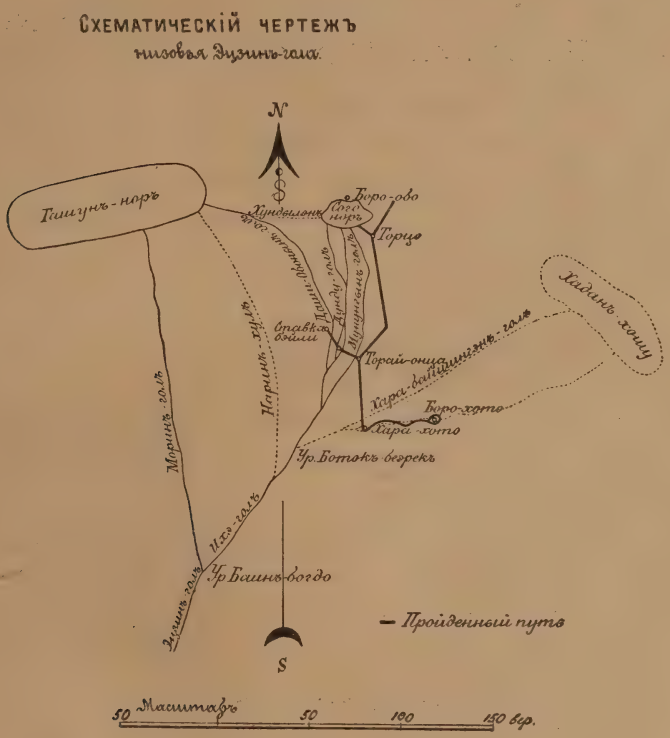
Урочище Торай-онцэ, где нам предстояло прожить некоторое время, расположено на правом, более высоком, берегу

---

[1]) «Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-Шань»... Том II. Стр. 398 — 399.

[2]) «Монголія и Камъ»... Том II, выпуск первый, стр. 48 — 49.

Мунунгин-гола. Эта река, постоянно менявшая свой уровень, в наше время, достигала семидесяти — восьмидесяти, а местами и ста футов ширины, при двух-трех футах глубины, и плавно, но довольно стремительно, катила свои мутные илистые воды, по которым изредка скользили небольшие стекловидные льдинки. Тихие, монотонные берега мало отражали



на себе весеннее настроение природы; правда, по бортам берегов начал зеленеть камыш, да кое-где на отмелях виднелись пролетные странники, как наприм. стайка больших кроншнепов или пара черных аистов... В тихие, ясные проблески, отдыхая от надоедливых западных и восточных бурь, мы наблюдали за парой нарядных фазанов (Phasianus satscheuensis), ютившихся не подалеку от бивака. Изредка мимо нас, вдоль течения реки, тянули гуси, лебеди, крикливые чайки, а над лагерем почти постоянно кружились коршуны, издавая свой переливчатый свист и стремглав бросаясь на куски, развешанного казаками для высушки, мяса... Зато и казнили же их наши препараторы за такую дерзость. По вечерам слы-

шалась приятная песенка местной певуньи, небольшой юркой кустарницы — Rhopophilus pekinensis albosuperciliaris.

Из оседлых птиц, вообще в низовье Эцзин-гола мы наблюдали, помимо отмеченных выше — усатых синиц (Panurus biarmicus russicus), камышевых стренаток (Cynchramus pyrrhuloides), сорок (Pica pica bactriana), — ворону черную (Corone corone), галочку (Coloeus neglectus), соек саксаульных (Podoces hendersoni), одиночек черных воронов (Corvus corax) воробьев (Passer ammodendri stoliczkae), хохлатых жаворонков, (Galerida cristata leautungensis), а из зимующих: сарычей, луней, сорокопутов (Lanius), рыжебрюхую краснохвостку (Ruticilla erythrogastra) и немногих других. Что же касается до маммалогической фауны, то, в этом отношении, долине Эцзин-гола свойственны: антилопа хара-сульта, волки, лисицы, дикие кошки, рысь, различающаяся у туземцев по оттенкам шерсти: красноватым, сероватым и темным, заяц, песчанки и другие более мелкие грызуны...

Вблизи нашей стоянки жителей было немного, как немного их было и по долине Эцзин-гола, в ее среднем и нижнем течении — всего в количестве ста тридцати — ста пятидесяти юрт или семейств. Монголы-торгоуты пришли сюда из Чжунгарии, с Кобук-сайря, около четырехсот пятидесяти лет тому назад, когда еще девственные эцзингольские берега были покрыты непроходимыми чащами леса, который торгоуты жгли в течение первых трех лет, чтобы образовать свободные площади для пастбищ. Торгоуты и до сих пор сохраняют родственные и дружеские связи с своими кобуксайр'скими родичами и пользуются всяким случаем, чтобы попутно завернуть друг к другу в гости; при этом часто путешествующий торгоут оставляет своих усталых животных от'едаться на кормах гостеприимных друзей до своего обратного следования, а сам, взамен, на время получает свежих верблюдов и лошадей.

Торгоутский хошун в своей совокупности, известный под названием «Хагоучин-торгоут», со времени своего образования был подвластен колониальному министерству в Пекине — Ли-фань-юан'у; затем, в 1755 — 56 г.-г., [1]) торгоуты

[1]) Иначе: в XX годах царствования императора Цзян-лун'а (по монгольски Тэнри-Тэтхэксун).

вместе с своим князем бэйлэ-Лубсан-Данцзан'ом были переданы в непосредственное подчинение знаменитому алашан'скому цин-вану Лубсан Дорчжѐ [1]), но уже через сорок лет [2]) они ходатайствовали перед богдо-ханом об из'ятии их из ведения алашан'ского князя — цин-вана Махабала, дабы вернуться под начало колониального министерства, чего им и удалось достигнуть при благосклонной поддержке ганьчжоу'ского чжи-фу и ланьчжоу'ского вице-короля.

Торгоут-монголы дики, грубы, невежественны и негостеприимны; они избегают всяких сношений с соседями и держатся особняком, вполне заслуживая презрения со стороны прочих монгольских племен, говорящих, что: «как среди деревьев последним является (дерево) тограк (Populus euphratica) — так среди монголов — последним человеком считается торгоут»... или прямо по-монгольски: «Модонэ муни — торой, монголэ муни — торгоут»...

Торгоут-бэйлэ (современный).

Во всем Хагоучин'ском хошуне имеется две общих небольших кумирни — «Субурган-хурал», с тридцатью или сорока ламами, лежащая не подалеку к востоку от урочища Дашиобо, и «Дод-хурал», т. е. «Нижний храм», расположенная ниже первой, по течению Эцзин-гола. Кумирня Субурган-хурал названа так потому, что вблизи нее стоит белый субурган. Третья маленькая кумиренка — «Бага-Даши-чойлэн», суть личная молельня бэйлэ и его семьи.

В военном отношении торгоуты с большим напряжением выставляют лишь полуэскадрон или семьдесят пять кавалеристов, подчиненных командиру — сумун-цзангин'у.

---

[1]) «Монголія и Камъ», т I, часть 2, стр. 676.

[2]) Во время управления торгоутами — торгоут-бэйлэ Ванчжил-церен'а.

Хошун управляется родовым князем третьей степени, бэйлэ, имеющим главную ставку в системе западного рукава реки Морин-гол, отстоящую в десяти верстах от нашего лагеря. Ближайшим помощником и советником управителя является престарелый мэрэн-цзангэ-Цыдэн-Дагво, женатый на молодой, двадцати-шести летней, дочери бэйлэ и совмещающий в себе одном почти всю несложную администрацию торгоут-бэйлэ. Два-три маленьких чиновника составляют канцелярию управления.

Известный под именем Даши, настоящий бэйлэ состоит десятым управителем со времени переселения торгоутов. Он наследовал не отцу, а старшему брату, говорят, скоропостижно умершему, не без греха младшего брата, честолюбивого, скупого, жестокого человека, ставшего таким образом главою хошуна.

Вот к этому-то торгоут-бэйлэ и был снова командирован Бадмажапов, тотчас по прибытии нашем в урочище Торой-онцэ. Князь очень любезно принял мой хадак, и прислал нам, для временного пользования юрту, палатку и людей для услуг, обещая на сколько возможно облегчить наш путь до Хара-хото и далее в Алаша-ямунь. Радости моей не было конца... Если говорить откровенно, я не переставал интересоваться Хара-хото, едва лишь узнал об этих развали́нах из лучшей книги нашего покойного путешественника Г. Н. Потанина [1]), который пишет: «Из памятников древности (торгоуты) упоминают развалины города Эргэ-хара-бурюк, которые находятся в одном дне пути к востоку от Кунделен-гола, т. е. от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой кэрим, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях кэрима большие сыпучие пески, и воды близко нет». В мое Монголо-Камское путешествие в 1900 году, А. Н. Казнаков [2]), исследуя низовье Эцзин-гола с его озерами, между прочим,

---

[1]) «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія». Том I, стр. 464.

[2]) «Монголія и Камъ». Том II. Выпуск первый. «Мои пути по Монголіи и Каму». Стр. 47—53.

пытался также путем расспросных сведений, добиться дополнительных данных о Хара-хото — напрасно: туземцы в один голос отрицали существование каких бы то ни было развалин в окрестности, замечая: «вы, русские, хотите знать больше нас даже о наших местах». Еще раньше моей Монголо-Камской экспедиции, вслед за Г. Н. Потаниным, по долине Эцзин-гола проследовал В. А. Обручев, с которым я беседовал по поводу выше приведенной заметки Потанина о Хара-хото, незадолго до своего отправления в Монголо-Сычуань'ское путешествие. От В. А. Обручева торгоуты скрыли существование Хара-хото и возможность проникновения в Алашà по кратчайшей дороге, принудив его сделать огромный крюк, чтобы пересечь владения алаша-цин-вана на северо-востоке, а не на северо-западе, как того желал наш талантливый геолог [1]).

В настоящее путешествие, начиная с Балдын-цзасака, я не переставал систематически расспрашивать попутных туземцев о мертвом городе и почти всегда получал более или менее согласные положительные сведения, без особых противоречий. Сами по себе местные жители обнаруживали очень мало интереса к безмолвным развалинам древнего пепелища и совсем не занимались поисками археологических предметов; даже мое предложение высокой платы за каждую добытую вещь в Хара-хото, не могло побудить туземцев начать раскопки, и я замечал, что многие, видимо, боялись даже близко подходить к развалинам, и считали это место не безопасным.

Мысли о Хара-хото поэтому приковывали целиком наше внимание и наше воображение. Сколько думалось и чувствовалось по этому поводу еще в Петербурге, в Москве и наконец в Монголии — у Балдын-цзасака. Сколько мечталось о Хара-хото и его таинственных недрах!.. Теперь, наконец, мы были уже совсем недалеко от нашей цели, и в любой момент могли снарядить туда легкую поездку...

В первый раз мы отправились в Хара-хото девятнадцатого марта, сравнительно налегке, захватив с собою лишь запас воды, немного продовольствия и инструменты для работ, и пробыли там около недели. Со мною ехали, кроме А. А. Чернова и П. Я. Напалкова, еще двое спутников — ветеран

---

[1]) В. А. Обручев. Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань. Том II, стр. 399—400.

Иванов и Мадаев; остальные участники экспедиции остались в Торой-онцэ, вместе с караваном. Нашу маленькую компанию сопровождал отличный проводник торгоут-бэйлэ — Бата, много раз бывавший в мертвом городе и не мало слышавший

Два субургана на пути к Хара-хото, на возвышении, справа у самой дороги.

рассказов о нем из уст отца и других стариков — туземцев. Он повел нас кратчайшею дорогою в юго-восточном направлении; Хара-хото отстоял от нашей стоянки в двадцати верстах. Вскоре за растительной полосой Мунунгин-гола потянулась пустыня, частью равнинная, с оголенными, блестящими площадями, частью пересеченная более или менее высокими холмами, поросшими тамариском и саксаулом. С половины пути уже начали попадаться следы земледельческой или оседлой культуры — жернова, признаки оросительных канав, черепки глиняной и фарфоровой посуды и проч. Но нас больше всего занимали глинобитные постройки, в особенности субурганы, расположенные по одному, по два, по пяти, вдоль дороги, исстари проходящей к Хара-хото, этому памятнику прошлого,

засыпаемому песком пустыни. По мере приближения к заветной цели, волнение наше все увеличивалось, все росло... За три версты мы пересекли древнее сухое русло с валявшимися по нем сухими, обточенными песком и ветром, стволами деревьев, нередко засыпанными тем же песком, точь в точь как я наблюдал в окрестности Лоб-нора, при пересечении старинного мертвого русла Конче-дарьи. [1]) На возвышении берега реки стояли развалины цитадели Актан-хото, где, по преданию, когда-то размещался кавалерийский отряд — стра́жа Хара-хото. По сторонам высохшего русла, раньше залегали, повидимому, культурные долины с земледельческим населением.

Развалины города Хара-хото (с северо-запада).

Вот, наконец, показался и самый город Хара-хото, расположенный на низкой террассе из грубозернистых, твердых ханхайских песчаников; над северо-западным углом крепости возвышался главный шпицеобразный субурган, из ряда меньших, соседних, устроенных также на стене, и рядом со стеною, вне крепости. По мере приближения к городу, черепков посуды стало попадаться больше, вид на город заслонился

[1]) «Труды экспедиции Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи, совершенной въ 1893 — 1895 г.г.» Отчетъ помощника начальника экспедиціи П. К. Козлова. Стр. 74.

высокими песчанными буграми; но вот мы поднялись на террасу и нашим глазам представился Хара-хото во всей внешней прелести.

Наблюдателя, едущего с западной стороны Хара-хото, занимает небольшая постройка, с широким куполообразным верхом, расположенная в некотором отдалении от юго-западного угла крепости, напоминающая собою нечто в роде мусульманского молитвенного здания — мечети. Еще несколько минут, и мы вошли во внутрь мертвого города, в западные его ворота, устроенные по диагонали с другими последними воротами, в восточной стене города. Здесь мы встретили квадратный пустырь — сторона квадрата равняется одной трети версты — пересеченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построек, поднимающихся над массою всевозможного мусора, включая сюда и возвышение с черепками глиняной посуды. Там и сям стояли субурганы; не менее резко выделялись и основания храмов, сложенные из тяжелого, прочно-обожженного кирпича. Невольно мы прониклись чувством предстоявшего интереса, чем будем вознаграждены в счастьи и трудах своих по отношению к наблюдениям и раскопкам всего того, что теперь нас окружало.

Наш лагерь приютился в середине крепости, подле развалин большого, двухэтажного глинобитного здания, к которому с южной стороны примыкал храм, разрушенный также до основания. Не прошло и часа времени с прихода экспедиции, как внутренность мертвой крепости ожила: в одной стороне копали, в другой измеряли и чертили, в третьей и четвертой сновали по поверхности развалин... На бивак прибежала пустынная птичка—сойка (Podoces hendersoni), и усевшись на ветку саксаула, громко затрещала; ей нежно откликнулся хороший певец пустыни — чеккан отшельник; где-то прозвучал голос песчанки... И здесь, на этих мертвых развалинах, не смотря на безводие, нет абсолютного отсутствия жизни. Вследствие того же безводия мы должны были привезти с собою все наши сосуды, наполненные водою, при чем этот питьевой продукт нужно было беречь в целях пребывания на развалинах возможно долгий срок. В интересных занятиях время бежало быстро, неуловимо. Полуясный, се-

ренький и обыкновенно ветренный день скоро сменялся тихою, ясною ночью, налагавшею на развалины суровый, мрачный отпечаток. Усталые, мы также скоро засыпали; немногие из нас с вечера, впрочем, еще развлекались неприятным голосом сыча, зловеще кричавшего с вершины главного субургана.

Развалины города Хара-хото (с запада-юго-запада), справа мечеть.

Абсолютная высота Хара-хото определилась в 2.854 футов; географические же координаты: широта 41°45′40″, долгота от Гринвича 101° 5′ 14.85″.

Высота глинобитных стен крепости Хара-хото, — см. план, — три-четыре сажени, при толщине у основания две-три сажени и около одной — полутора сажень у вершины. Следы бойниц заметны в немногих местах. При ведении раскопок, кое-где в стенах обнаружены и следы заплат или вставок. В северной стене проделана брешь, размером согласованная с ростом и более или менее свободным движением кавалериста-воина.

Вся внутренняя часть крепости была разбита на правильные кварталы и проходы; так называемая «Торговая» или «Главная» улица и прилежащие к ней второстепенные составляли ряды мелких глинобитных домишек, прикрытых в основе соломой, а сверху глиной, ввиде сплошной твердой корки; больших зажиточных домов вообще мало. Стоило, бывало, только копнуть какой нибудь закругленный холм, под которым угадывался дом, как под сухой землей тотчас обнаруживалась солома, циновки, деревянные устои и проч, свидетельствовавшие о том, что

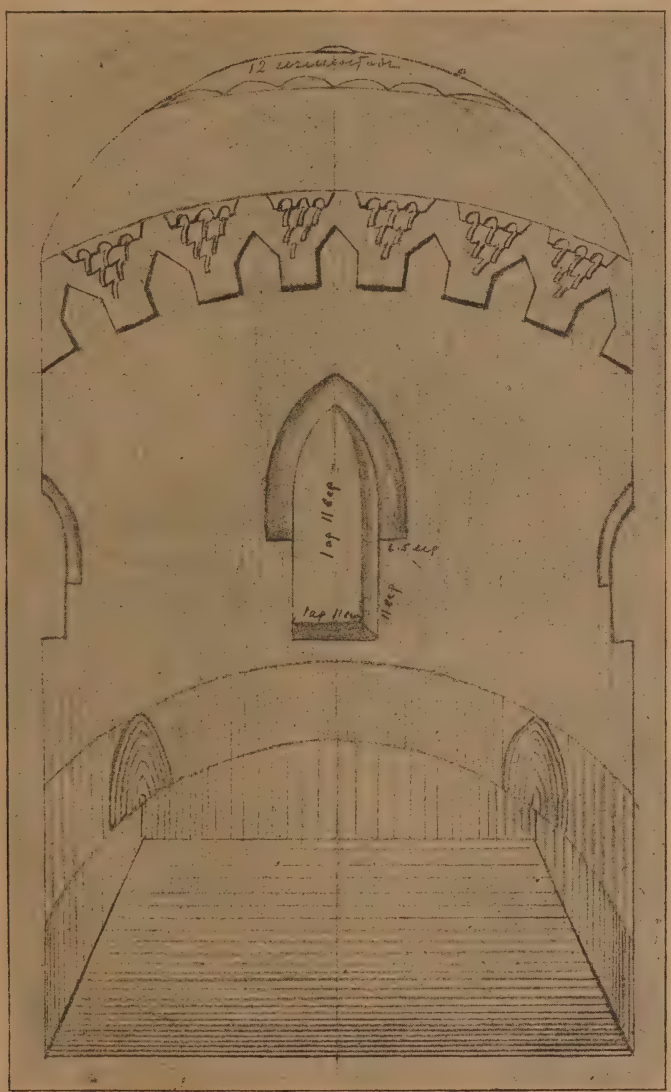
крыша давно обрушилась внутрь жилища. Многие кумирни и другие помещения были разрушены до основания и имели вид плоских, закругленных возвышенностей, увенчанных песком, гравием и массою больших и малых одно-и многоцветных глиняных и фарфоровых черепков посуды, в перемешку с кусочками чугунных и железных изделий; медных обломков было очень мало, еще реже попадались серебряные.

Развалины Хара-хото. Мечеть — вне города, вблизи юго-западного угла стен.

Фундамент кумирен был обыкновенно прочно, красиво выложен квадратным или полуквадратным обожженным кирпичем [1]) — образцы находятся в коллекции: — полуквадратный — в восемнадцать фунтов весом, квадратный — в тридцать шесть [последний не взят]; стены кумирен — сырцевые из более легкого по весу и прочности и меньшего по размерам кирпича, поставленного вертикально или положенного горизонтально; крыши — из выпуклой черепицы с фигурной китайской оторочкой по основанию и краям... Фанзы — лавки обогатили экспедицию черепками фарфора [из которого в последствии этнографический отдел Русского музея искусно собрал чашки

[1]) Стороны квадрата в восемь вершков, при толщине кирпича в один вершок.

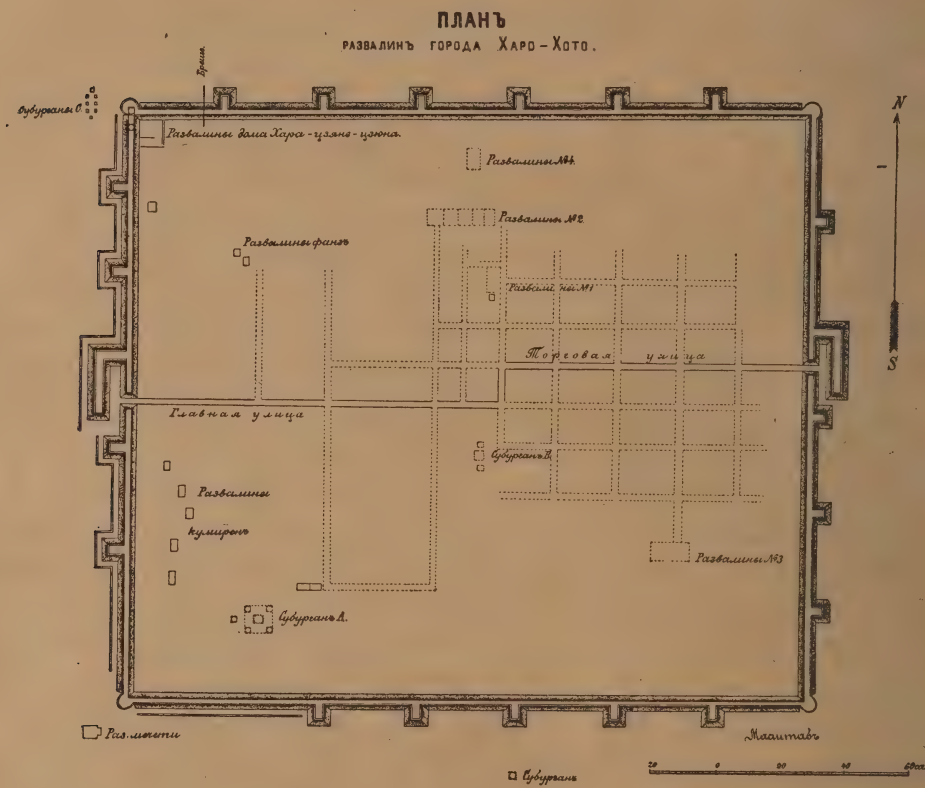
и вазы] разнообразными предметами обихода, торговли; тут же чаще попадались монеты-чохи, ассигнации, а изредка и предметы культа.



«Поперечный разрез» развалин мечети (со стороны входа), наружные размеры которой показаны на плане в масштабе с'емки.

Некоторые из развалин, как например, развалины № 1 — см. план — или таковые, сосредоточенные в юго-восточном углу крепости, где, по всей вероятности, помещался гарнизон, не в пример прочим высоко поднимались над землей... Сам на-

чальник гарнизона помещался, надо полагать, у северо-западных субурганов, у угловых стен. Судя по развалинам, это помещение, вероятно, некогда выделялось величиной и техникой и в этом отношении скорее походило на кумиренные постройки. Здесь, в северо-западном углу крепости, пожалуй, было удобнее всего жить владыке Хара-хото; отсюда был устроен ступенчатый вход на вершину стены, к субурганам, с которых открывался широкий горизонт на прилежащие окрестности.



Все наши исследования, все наши раскопки в Хара-хото велись с особенным тщанием, с особой любовью. Каждый новый предмет, найденный, в недрах земли или на ее поверхности вызывал всеобщую радость. Я никогда не забуду того чувства восхищения, которое наполнило мою душу, когда после нескольких ударов и гребков лопатою на развалинах № 1-й, я обнаружил буддийский образок, писанный на полотне, с размерами 0,081×0,067 сантм.

...«Он изображает [1]) буддийского монаха, повидимому одного из индийских учителей, так как хронологически исключены тибетские учителя, из которых могли бы быть приняты в расчет только столь древние как Ми-ла-рай-ба или учитель его Мар-ба Падмасамбхава. Конечно, может быть, мы имеем дело и с местным учителем. Несмотря на то, что образ сильно стерся, контуры рисунка в общем вполне ясны и переданы на прилагаемом рисунке, снятом калькою Н. М. Березовским, вполне точно. Точно так же можно определить почти без ошибки и все тона красок на оригинале, хотя он несомненно немного выцвел»...

...«В настоящем образке прежде всего бросается в глаза, что он, по целому ряду подробностей, чрезвычайно напоминает бенгальские буддийские миниатюры, прекрасные образцы которых есть уже для XI — XII веков. Та же закругленность форм, трактовка нимбов, цветочки, разбросанные на фоне»...

Помимо этого образка, в развалинах № 1, были найдены еще тяжелые, грубые металлические чашечки и обрывки рукописей письма Си-ся. Конечно интереснее всего казались нам рукописи, как исторические документы своего рода, в этом смысле самую богатую и ценную находку дал субурган А — см. план, — в котором были найдены три книги, до тридцати тетрадей с оригинальным письмом Си-ся, лучший по сохранности и яркости красок типичный образ на полотне «Явление Амитабхи»..., с которого воспроизведен приложенный здесь рисунок [2]), и образ китайского типа, на шелку. При дальнейших раскопках, на глубине, были обнаружены мелкие черепообразные фигурки, большая, слегка улыбающаяся красивая маска, и ряд других головок и масок [см. приложенный рисунок]. На этом рисунке представлена голова Будды, позолоченная, с темносиними волосами. Несколько скошенные глаза указывают на вне индийскую технику, хотя в остальном строго

[1]) С. Ѳ. Ольденбург. «Буддійскій образокъ, вывезенный изъ развалинъ Хара-хото». И. Р. Г. О. XLV. 471—474 (1909). Тамъ же рисунокъ по точной калькѣ Н. М. Березовскаго.

Его же «Материалы по буддийской иконографіи Хара-хото (Образа тибетского письма). С шестью таблицами и двадцатью пятью рисунками в тексте. «Матеріалы по этнографіи Россіи». Том второй. 1914.

[2]) См. также этот, прекрасно исполненный, рисунок в книге «Сборникъ в честь семидесятилѣтія профессора Д. Н. Анучина». Москва, 1913. П. К. Козлов. «Мертвый город Хара-хото» Стр. 36.

выдержан канон». Кроме того найдены деревянные дощечки с изображением будд и проч. и маленький китайский каменный бурханчик...

Субурган В подарил нам несколько экземпляров стекловидных глаз, выпавших из глиняных, уничтоженных, вероятно, временем статуй. Тут же поднят и глаз из горного хрусталя или топаза, красиво отшлифованный, и найдены, нигде больше не замеченные, большие плоские «цаца» [1])...

Голова Будды. «Обычной техники — штампованная маска, слегка пройденная после штамповки резцом».

Крепостные субурганы, вблизи дома Хара-цзянь-цзюн'а, в основании были наполнены массою «цаца», как и большинство субурганов, расположенных группами, вблизи северо-западного угла крепости.

Развалины № 3, в свое время, по предположению торгоутов, были обитаемы мусульманами, мечеть которых расположена вне крепостных стен, у юго-западного угла. Здесь, найдены листки персидских рукописей; по заключению академика С. Ф. Ольденбурга [2]) «особенно любопытна одна из них — отрывок из знаменитого сборника рассказов «Семи мудрецов», так называемого Китаб-и-Синдбид».

Позднейшие раскопки в этом месте дали еще и мусульманские рукописи и художественный переплет, рисунок которого исполнен Н. М. Березовским и приложен к этой странице; (..... указывает черту дополнения). Краевой бордюр имеет ряд аналогий в орнаментах Дун-хуана поздне-танских и сунских. Плетенки внутри указывают на многочисленные аналогии и китайские, и индийские. Две полоски А А носят характер му-

---

[1]) Под словом «цаца» принято подразумевать небольшие, скорее даже очень маленькие, глиняные изображения божеств.

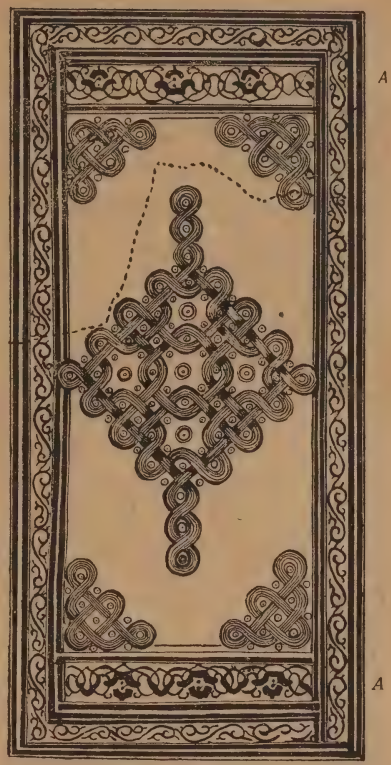
Хара-хото'ские цаца делятся на три категории: первые—полукруглые, с отпечатком священных изречений; вторые—конической формы, с включением внутрь бумажных свертков с именами умерших, и небольшой пряди волос (черных); и наконец третьи—плоские, раза в два-три больших размеров, цаца, о которых мною упомянуто Цаца первых двух категорий во множестве обнаружены в круглой части одного из крепостного (второстепенного) субургана.

Материалом для цаца служит, главным образом глина, к которой примешивается, в бо́льшем или ме́ньшем количестве, пепел от сожжения трупов умерших.

[2]) «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото»... Стр. 7.

сульманский и более типично—персидский. «Мы имеем», замечает С. Ф. Ольденбург, «по всей вероятности, работу XIII века».

Внутристенная поверхность площади Хара-хото, вообще, больше всего заполнена черепками посуды всевозможных величин, качеств и форм; очень любопытна глиняная посуда огромных размеров, с оригинальными рисунками, служившая, вероятно, для хранения напитков, а может быть—одного самого необходимого напитка — воды. На поверхности земли мы находим монеты—чохи,—бусы, кусочки нефрита и всевозможную мелочь, словом, все то, что ныне хранится из находок в Хара-хото в этнографическом отделе Русского музея.



Переплет [Орнамент указывает на весьма разнообразные влияния].

Пески заметали Хара-хото главным образом с севера. У северной и восточной стен как внутри, так и извне крепости, нагромождения сыпучих песков достигали наибольших размеров. Достаточно сказать, что не только люди, но даже верблюды могли свободно взбираться на северо-восточный угол и вершину западной стены, а в некоторых местах можно было с такою же легкостью и спускаться — во внутрь города. Разделенный на правильные улицы пригород примыкает с восточной стороны, к самой стене крепости, и разделяется, уходящей к востоку, в Боро-хото дорогой на две части: северную и южную.

В давно минувшие времена Хара-хото, по всей вероятности, с юга и севера омывался двумя рукавами речек, соединявшихся затем в северном направлении в одно общее русло, которое, в свою очередь, терялось в солончаковой котловине на севере.

В течение нескольких дней, проведенных на развалинах Хара-хото, в общем итоге, экспедиция обогатилась всевозмож-

ными предметами: книгами, письменами, бумагами, металлическими денежными знаками, женскими украшениями, кое-чем из домашней утвари и обихода, образцами буддийского культа и проч.; переведя в количественное отношение, мы собрали археологический материал, наполнивший десять посылочных пудовых ящиков, приготовленных, затем, к отправлению в Русское Географическое Общество и Академию Наук.

Кроме того, пользуясь хорошим дружелюбным отношением к экспедиции торгоут-бэйлэ, я тотчас же отправил монгольской почтой в Ургу и далее в Петербург, в нескольких параллельных пакетах, известие о фактическом открытии Хара-хото, находках в нем, и приложил образцы письма[1]) и иконописи для скорейшего изучения и определения. Нас сильно занимал вопрос, когда существовал «Мертвый город», и кто были его обитатели.

На вопрос, кто жил в Хара-хото, современные обитатели—торгоуты—обыкновенно отвечали—«китайцы», но на наше возражение о несовместимости китайского населения с образцами буддийского культа, обнаруженными в развалинах города, они не умели ответить, сами смущаясь видимым противоречием. Одно только смело торгоуты утверждали, что их предки нашли Хара-хото в том же виде, в каком они представились и нам, то есть город китайского типа, с высокой глинобитной стеной, ориентированной по странам света, расположенный на островидной террасе, некогда омываемой с двух сторон водами Эцзин-

---

[1])...«Среди присланных П. К. Козловым предметов», пишет А. И. Иванов: [«Тангутскіе рукописи изъ Хара-хото». И. Р. Г. О. XLV. 463—470. (1909).], имѣются отрывки буддійскихъ сочиненій на китайском языкѣ, расписка китайскою скорописью, два небольшихъ отрывка тибетскаго текста и одиннадцать тетрадей рукописей письма Си-ся...»

Четыре страницы буддийской сутры, по-китайски. Ксилограф...

Пять листков с написанными gatha (стихами) по-китайски...

Расписка о получении взноса серебром, китайскою скорописью. Печать неразборчива...

Отрывок сутры «Хуа-янь-дзин». Автор — Nagarjuna.

Предисловие к переводу, сделанному при династии Джоу (951—960 г.), составленное императором, посмертное имя которого было Тай-дзу, а года правления Гуань-шунь (951—954 г.)...

Отрывок сутры Фо-шо-фу-му-энь-джун-дзин.

Поучение, сказанное Буддой, о благодеяниях родительских.

См. также P. Pelliot. Les documents chinois trouvés par la mission Kozlav á Kharakhoto, Jovrnal Asiatique (Mai—Iuin 1914). Paris. MCMXIV

гола. Остаток вод уносился по желобообразному, извивающемуся в восточном, северо-восточном и наконец в северном направлении руслу в пустыню, в солончаково-песчаную котловину «Ходан хошу», лежащую на линии общей с нынешними бассейнами Сого-нор и Гашун-нор впадины. Место головы сухого мертвого русла реки отмечено урочищем Боток-беэрек.

Народное предание о «Хара-хото» или «Хара-байшэн» то есть «Черный город» или «Крепостной город» гласит следующее:

«Последний владетель города Хара-хото — батырь [1]) Харацзянь-цзюнь, опираясь на свое непобедимое войско, намеревался отнять китайский престол у императора, вследствие чего китайское правительство принуждено было выслать против него значительный военный отряд. Целый ряд битв между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзянь-цзюня произошел к востоку от Хара-хото, около современных северных алашаньских границ, в горах Шарцза, и был неудачным для последнего. Имея перевес, императорские войска заставили противника отступить и, наконец, укрыться в последнем его убежище Хара-байшэн, который и обложили кругом. Долго ли продолжалась осада крепости — неизвестно; во всяком случае, крепость была взята не сразу. Не имея возможности взять Хара-хото приступом, императорские войска решили лишить осажденный город воды, для чего реку Эцзин-гол, которая, как то и замечено выше, в то время протекала по сторонам города, отвели влево, на запад, запрудив прежнее русло мешками, наполненными песком. И поныне там еще сохранилась запруда эта в виде вала, в котором торгоуты еще недавно находили остатки мешков.

Лишенные речной воды, осажденные начали рыть колодезь в северо-западном углу крепости, но, хотя прошли углублением около восьмидесяти чжан (чжан равен нашим пяти аршинам), воды всетаки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзянь-цзюнь решил дать противнику последнее генеральное сражение, но на случай неудачи, он уже заранее использовал выкопанный колодезь, скрыв в нем все свои богатства, которых, по преданию, было не менее восьмидесяти арб или телег, по

[1]) Монгольское название—богатырь.

двадцати-тридцати пудов в каждой, — это одного серебра, не считая других ценностей, — а потом умертвил двух своих жен, а также сына и дочь, дабы неприятель не надругался... Сделав означенные приготовления, батырь приказал пробить брешь [1]) в северной стене, вблизи того места, где скрыл свои богатства. Образованной брешью, во-главе с войсками, он устремился на неприятеля. В этой решительной схватке Хара-цзянь-цзюнь погиб и сам, и его, до того времени считавшееся «непобедимым» войско. Взятый город императорские войска, по обыкновению, разорили до тла, но скрытых богатств не нашли. Говорят, что сокровища лежат там до сих пор, несмотря на то, что китайцы соседних городов и местные монголы не раз пытались овладеть ими. Неудачи свои в этом предприятии они всецело приписывают заговору, устроенному самим Хара-цзянь-цзюнем; в действительность сильного заговора туземцы верят в особенности после того, как в последний раз искатели клада, вместо богатств, открыли двух больших змей, ярко блестевших красной и зеленой чешуями»...

...За интересным делом, за всякого рода наблюдениями, время бежало очень быстро. Наконец настал и день предполагаемого от'езда; нам было жаль расставаться с «нашим» Хара-хото, как мы его теперь называли; мы успели познакомиться, свыкнуться с ним, сжиться с его скрытыми тайнами, понемногу открывавшимися нам; странно — между древним мертвым городом и нами как бы установилась необ'яснимая внутренняя духовная связь.

По некотором обсуждении, я решил предложить А. А. Чернову остаться еще на двое суток в Хара-хото, придав ему в помощь Мадаева, самому же мне нужно было спешить на важное свидание с Торгоут-бэйлэ.

Накануне от'езда из города, за вечерним общим чаепитием, я попросил балдынцзасакского проводника-ламу погадать нам о завтрашнем дне. Лама немедленно взял баранью лопатку, положил в огонь [2]) и прокоптив ее до-черна, до появления трещин, снял и бережно положил возле себя; — затем, глубокомысленно, взяв лопатку в левую руку, правой стал водить сте-

---

[1]) Брешь существует и поныне.

[2]) Прежде чем лопатку положить в огонь, лама тщательно очистил ее ножом от мяса и хрящей, и приложив ко лбу произнес молитву.

бельком вдоль трещин и пророчествовать: — «завтра начальнику предстоят две радости: первая — большая, вторая — поменьше; первая будет заключаться в богатой находке при раскопках, а последняя радость исполнится по дороге на главный бивак, когда начальник охотясь застрелит хорошего зверя». — Не могу не отметить, что оба предсказания сбылись в точности, П. Я. Напалков и Арья Мадаев в сабургане А обнаружили богатое собрание рукописей и чудный образ на полотне «Явление Амитабхи», а я, действительно, на пути к Торой-онцэ, убил отличного рогатого хара-курюка...

По прибытии на главный бивак, где нас с большим нетерпением ожидали наши спутники, мы поспешили снарядить двух казаков с продовольствием и питьевой водой для наших хара-хото'ских отшельников и занялись подготовлением к предстоящему трудному переходу пустыни, по направлению в Алаша-ямунь.

Ранним утром, двадцать третьего марта, к нам на бивак пожаловал сановный гость — Хагоучин-торгоут-Даши-бэйлэ, как выражался полностью титул торгоут-бэйлэ... Это был высокий, худощавый и совсем еще бодрый человек, ему шестьдесят лет, с чисто-китайской манерой обращения; вежливость его граничила с самоунижением, он все время извинялся за бедность и малонаселенность его владений и об'яснял эти недостатки неоднократными магометанскими (дунгане) разгромами. Как бы не осмеливаясь противоречить мне ни в чем, бэйлэ, на все мои вопросы старался дать положительный ответ и обещал, по возможности, облегчить следование экспедиции по новому, еще не изученному пути через Хара-хото, Гойцзо и Дынь-юань-ин, к Желтой реке.

По окончании делового разговора, мы стали забавлять бэйлэ грамофоном, а потом угостили его завтраком... Торгоут-бэйлэ засиделся у нас довольно долго: покуривая одну сигару за другою, он видимо наслаждался необычайным удовольствием. На прощанье, я снял с нашего гостя фотографию, за что, в числе прочих подарков, поднес ему и свою карточку. Уезжая, бэйлэ дал понять, что будет очень польщен нашим ответным визитом... Из подарков он оставил на нашем биваке два — часы и музыкальный ящик, с просьбою обучить пользованию ими его подчиненного...

Весь следующий день прошел у нас в разнообразных занятиях — писались отчеты о содеянном, при чем, особенно подробно мы касались Хара-хото; некоторые рукописи и образа повторяю, тут же укладывались для отправки в Петербург. Возвратившийся из мертвого города накануне и привезший ценные дополнения к находкам геолог Чернов также составлял специальный отчет о своих работах. Слух в Торой-онцэ о какой-то европейской экспедиции, будто бы выступившей из Урги по направлению Гурбун-сайхан, заставил нас особенно тщательно отнестись ко всем докладам, отправляемым в Географическое Общество и Академию Наук [1]).

На утро двадцать пятого марта, мы, наконец, собрались с визитом к торгоут-бэйлэ, ставка которого лежала недалеко от нашего бивака, между Морин-голом и Ихэ-голом, но отделялась от нас четырьмя многоводными рукавами Ихэ-гола [2]). Между этими реками, с грязной, мутной водой, там и сям, были устроены колодцы, существование которых обусловливалось непостоянством легко перемещающихся русл. Предупредительный хозяин заранее выслал нам лошадей и своего проводника, так как без знающего человека путешествие по долине Эцзин-гола среди бесконечных бугров и всевозможных зарослей, было бы крайне затруднительно. Миновав кумиренку Бага-Даши-чойлэн, приютившуюся между средними рукавами Ихэ-гола и благополучно совершив все переправы, кроме последней, где ввиду высокой воды и топкого илистого дна, один из нас, против воли, принял холодную ванну, мы увидели, наконец, вдали княжескую ставку. Наш проводник Бата, как подчиненный, при виде ставки своего господина должен был слезть с лошади и итти пешком; мы же под'ехали к самым коновязям, и оставив лошадей на попечение подоспевших слуг, направились к саду, огороженному частоколом, где среди тамарисковой рощицы симпатично стояли большие юрты бэйлэ... Около одной из юрт толпилось много народу, какие то нарядные женщины суетились, перебираясь из одного помещения в другое, украдкой взглядывая на нас; здесь же стоял сам князь с чиновниками, во

[1]) «Вѣсти изъ Монголо-Сычуань'ской экспедиціи подъ начальствомъ П. К. Козлова». Извѣстія И. Р. Г. О., том XLIV, вып. VII, 1908 г. Стр. 453—466.

[2]) В Центральной Азии расстояние в десять верст считается очень недалеким, незначительным...

всем своем парадном одеянии. Он принял нас очень любезно и всё время видимо волновался: руки его дрожали... голос прерывался [1]). Справившись с смущением, бэйлэ очень радушно угостил нас превосходными пельменями и чаем, к которому подали чисто европейские услады: сахар, печенье, мармелад и проч. Мы уже давно так вкусно не ели, и все эти кушанья казались нам самыми изысканными лакомствами...

За всё время моего визита, разговор шел более или менее шаблонный; бэйлэ старался избегать интересной для нас темы о Хара-хото и сказал только, что подчиненный ему народ представляет из себя некультурную массу степных дикарей, которые ничего не знают и науками не занимаются, «не то что вы, русские»... «Впрочем», заключил он, «я никому не мешаю производить раскопки в мертвом городе, но кажется до сих пор все попытки найти какой либо «клад» не увенчались успехом». По этому поводу, между прочим, наш проводник заметил, что в юности он слышал от стариков о серебре и золоте, которые в большом количестве находили в развалинах Хара-хото.

Семья торгоут-бэйлэ, с которой я познакомился, состоит из его престарелой жены и семерых детей — трех сыновей и четырех дочерей. Старший сын, которого готовят в управители, служит ламою и состоит временно настоятелем княжеской кумирни — Бага-Даши-чойлэн; два другие сына — еще десяти и одиннадцатилетние подростки, а большинство девиц, несмотря на молодость, уже замужем.

Во время нашего пребывания у бэйлэ, у него гостила жена кобуксайрьского вана, с его цзахиракчи, сопровождавшего княгиню на богомолье в Гумбум [2]). Паломница следовала обратно в Чжунгарию. Узнав от цзахиракчи, с которым я довольно много беседовал, что начальник русской экспедиции хорошо знает ее родину и очень симпатично о ней говорит, ванша прислала мне приветственный хадак и сожалела, что этикет не позволяет ей познакомиться со мною на чужой стороне, заочно пожелала мне счастливого пути и всякого успеха в моих начинаниях.

Из частных разговоров с приближенными бэйлэ, я случайно узнал, каким тяжелым гнетом ложится на всё торгоутское населе-

[1]) Злые языки шептали: «князь немного покуривает опиум»!...

[2]) О монастыре Гумбуме речь впереди—см. главы XI и XII-ую.

ние «албан'ная» повинность, которой они обязаны всем проезжим чиновникам — китайцам. Стремясь всегда уклониться от этой повинности, торгоуты не постеснялись частично отказать в животных даже Далай-ламе, когда он со своей свитой проезжал через их хошун; но на этот раз они были наказаны. Своенравные тибетские чиновники пришли в неистовство и угрозами заставили торгоутов выполнить «албан», т. е. выставить известное количество подвод, оскорбив словами и действием ад'ютанта бэйлэ [1]).

За нанятых животных для экспедиции торгоут-бэйлэ получил хорошие подарки и авансом плату и так был тронут, что прислал мне в благодарность двух отличных лошадей, которых, к сожалению, в виду предстоявшего перехода через пустыню, я не мог принять... Князь некоторое время был в смущении, но осведомившись о моем симпатичном отношении к буддийской религии, сам лично привез мне на бивак бурхана с хадаком и просил принять его на память...

Между тем тепло надвигалось с каждым днем; температура воды в Мунунгин-голе в 1 час дня достигала 8,9° С. Вблизи бивака, парочка сорок начала уже хлопотать с постройкой гнезда... Попрежнему, в порядочном количестве летели на далекий север лебеди, а изредка, стайками, в девять-двенадцать особей, тянули и большие кроншнепы. У самой реки всё больше и больше пробивалась первая зелень камыша, но в общем растительность показывалась из земли довольно боязливо: ее развитию в значительной мере препятствовали западные и восточные бури или крепкие ветры, дувшие почти ежедневно.

Благодаря такому состоянию атмосферы, трудно было ожидать, чтобы в Алашаньской пустыне, у порога которой мы стояли, рано начались изнурительные жары, а потому мы решили особенно не торопиться движением к югу, а лучше посвятить еще несколько дней дополнительным исследованиям нашего таинственного Хара-хото. В виду этих соображений, я вновь отправил, двадцать восьмого марта, трех своих младших спутников в мертвый город, предоставив им, в смысле раскопок, полную свободу действий. Сам я с гг. Черновым и Напалковым остался на один день в Торой-онцэ для того, чтобы

[1]) Тибетские чиновники сорвали и разбили его полковничье отличие — розовый каменный шарик на форменной шляпе.

не торопясь закончить письма и отчеты в Географическое Общество и Академию Наук. Отчет геолога Чернова, вместо

Развалины города Хара-хото (с севера); слева, в стене, видна брешь, справа — рядом со стеною — полуразвалившиеся субурганы.

маленькой заметки, вылился в обстоятельную работу, которую он и доканчивал в течение всей последующей ночи.

Утром, двадцать девятого марта, мы выступили, держа направление почти строго на юг. Погода стояла хмурая и хо-

лодная. Упорный восточный ветер понижал температуру и омрачал воздух тучами песчаной пыли.

Вот эти то ветры в пустыне, дующие преимущественно с восточной или западной части горизонта, надвигают на Хара-хото все бо́льшие и бо́льшие массы песку. Песок перегоняется по песчаным откосам через стены мертвого города и с каждым годом увеличивает свою толщь, скрывая те или другие богатства города,—большие или меньшие остатки второстепенных развалин зда́ний храмов, субурганов и проч.

Дверь жилища внутри стен развалин Хара-хото.

Пройдет десяток другой лет и будущий исследователь древнего города Хара-хото найдет здесь иную картину—иное расположение песчаного покрова...

На полпути от Хара-хото мы отметили развалины крепости, с внутренним двором длиною в пятьдесят и шириною в шестьдесят шагов. Здесь, по преданию, ютились, жившие вблизи древнего города, земледельцы. Чем ближе мы подходили к Хара-хото, тем больше манил и звал к себе наш тихий и сонный друг... Вот показались знакомые шпицы субурганов, венчающих северо-западный

угол крепости. Поднявшись на террасу, я указал каравану направление на западные ворота города, а сам поехал более прямой тропинкой к северной бреши, за которой, вскоре очутился у бивака наших археологов; сами же они находились в юго-восточном углу крепости, где над тремя усердно работавшими фигурами взвивался высокий столб пыли...

Арья Мадаев порадовал меня новыми интересными находками тяжелых металлических предметов, в роде овальной доски, стремени, новых монет и даже новых рукописей... Устроившись лагерем и попив чаю, мы все принялись за работу, причем каждому представлялась широкая инициатива. К вечеру энергия стала заметно ослабевать: предыдущие плодотворные раскопки избаловали нас, и каждому невольно хотелось найти что-нибудь особенное, еще невиданное... Ночь быстро спустилась на вечно сонный, отживший город. Бивак скоро затих — все уснули. Мне как то не спалось; я долго бродил по развалинам и думал о том, какая тайна скрыта в добытых рукописях, что откроют нам неведомые письмена?.. Скоро ли удастся разгадать, кто были древними обитателями покинутого города... Грустно становилось мне при мысли, что на-завтра, в полдень, мне суждено покинуть мое детище Хара-хото. Сколько радостных восторженных минут я пережил здесь! Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой молчаливый друг!.. Невольным образом он расширил горизонт моих знаний, указал чуждую мне до тех пор отрасль науки, к которой с этой минуты я должен направить всю пытливость своего ума...

На следующий день все члены экспедиции вновь разошлись по разным уголкам крепости. Юный казак Содбоев исследуя южную стену, наткнулся на скрытую в ней комнату, с куполообразным верхом. Комната была пуста, только на окне лежала одна единственная монета. Забайкальцы своей компанией усердно рыли в ста шагах к северо-востоку от развалин № 1, и вскрыв остатки древней постройки, обнаружили в ней несколько предметов — вачир, чётки, чашечку, гирю, молоток и проч. Гренадер Санакоев работал вблизи субургана А, по всей вероятности обставленного пристройками, заключавшими в себе большие глиняные изображения бурханов. Здесь Санакоеву удалось добыть маленького каменного, китайского типа, бурханчика, о котором упоминалось выше.

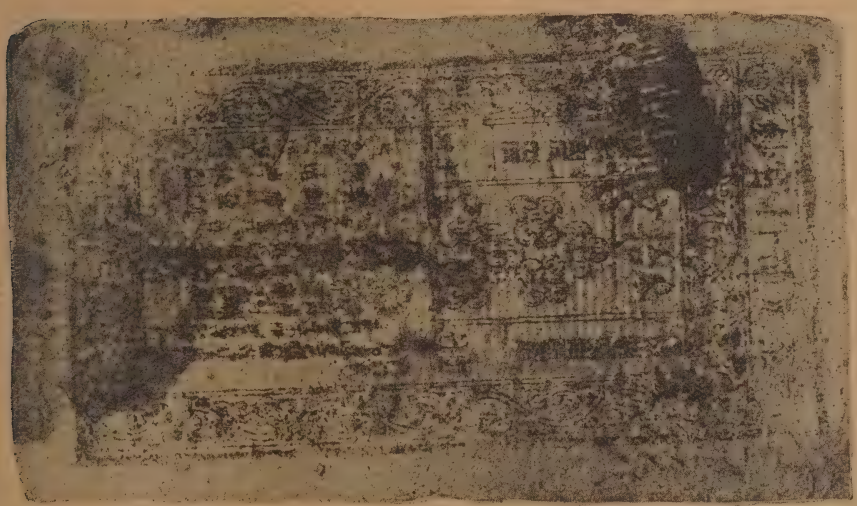
I. Образец бумажных денег Юаньской династии. «Чжун-тун юань бао-чао — Ассигнация годов правления Чжун-тун (1260 — 1264)». Верхняя часть билета имеет надписи на китайском и монгольском языках. Посредине — «И-гуань-вэнь-шен — Стоимостью в одну связку». Справа — чжун-тун юань-бао, т. е. ассигнация периода «Чжун-тун». Слева—«чжу-лу тун син — имеет обращение во всех провинциях». Внизу — изображение связки монет. Справа от изображения — «Тао-цзы-ко, отдел Тао». Слева — «Тан-цзы-хао, шифра Тан».

Внизу крупным шрифтом помещен текст о подделке знаков: «Вэй-цзао-чжэ чжань-Шан-инь у-дин» и мелким — «жэн-цзи фань-жэнь-цзячань».— Подделывателям будут отрублены головы. В награду (донесшим) будет выдано 5 дин серебра. Как то было установлено ранее, (им же) будет отдано имущество преступника»...

«Шан-шу шэн представило доклад, удостоившийся высочайшего утверждения, о выпуске (печатании) ассигнаций Чжун-тун».

Надпись окаймлена рамкой из стилизованных изображений драконов. Билет носит печать.

II. Образец бумажных денег Юаньской династии. «Чжи-юань тун-син бао-чао — Ассигнация годов правления Чжи-юань», стоимостью в 100 монет. Текст ассигнации сходен с текстом предыдущей, с тою разницею, что у цены нет изображения связки или, как нужно было бы здесь — монет. Взамен его надпись передана в транскрипции монгольским квадратным письмом, и в самом тексте надписи вместо Чжун-тун юань-бао-вэнь стоит Чжи-юань бао-чао. Отсутствует также надпись почерком чжуань.



III. Образец бумажных денег Юаньской династии. «Чжи-юань тун-син бао-чао — Ассигнация годов правления «Чжи-юань», стоимостью в 30 монет. В отличие от II внизу цены «Сань-ши-вэнь — Тридцать монет» помещено изображение тридцати медных монет. (А. Ивановъ. «Бумажное обращеніе в Китаѣ до XV вѣка». Изъ втораго тома «Матеріаловъ по этнографіи Россіи», 1914. Стр. 14.).

В то время, как я укладывал последние находки, намереваясь вскоре снять бивак, принимавшие добровольное участие в работах монголы-ламы принесли мне целое собрание однообразных по виду, но различных по размерам китайских ассигнаций, с красной правительственной печатью[1]). Ассигнации эти общим свертком найдены были вблизи «Торговой» улицы, вне домов, под слоем сухой песчано-навозной почвы, мощностью до полуфута. Приобщив и это повторное любопытное приобретение к прочим находкам, мы окончательно запаковали наши ящики, наполненные исключительно хара-хотоскими археологическими ценностями, и выступили в дальнейший путь...

---

[1]) «Из находок П. К. Козлова в г. Хара-хото». III. «Образцы ассигнаций Юаньской династіи в КитаѢ». Вл. Котвича. И. Р. Г. О. XLV. 474—477. (1909). «Среди предметов, присланных П. К. Козловым, пишет В. Л. Котвич, оказалось восемь государственных кредитных билетов (бао-чао) Юаньской (монгольской) династии, царствовавшей в Китае с 1280 по 1368 г. Факт широкого распространения при этой династии ассигнаций был общеизвестен, благодаря сказаниям Марко Поло (кн. II, гл. XXIV), исследованиям комментаторов этого путешественника—Yule, Pauthier, арх. Палладия, и ряда других ученых, как Bushell, японец Shioda Saburo, которые извлекли много интересных сведений из китайских источников. Однако этим ученым не удалось розыскать ни одного экземпляра юаньских ассигнаций, и только Бушеллю привелось слышать, что они имеются в коллекции какого то китайца в Шаньдуне, Таким образом находка П. К. Козлова представляет собою большую ценность»...

... В заключение своей статьи, В. Л. Котвич говорит: «Описанные выше билеты, помимо своего основного значения, как первые образцы неразменных ассигнаций, которыми монголы наводнили подвластные им страны и прежде всего Китай, представляют важность и в другом отношении: находка их в Хара-хото дает основание предполагать, что этот город еще жил в период между 1287 и 1368 гг.

А. Иванов. «Бумажное обращеніе в КитаѢ до XV века. Съ тремя рисунками въ текстѢ». «Матеріалы по этнографіи Россіи». Том второй. Стр. 1—подстрочно—«Бумажныя деньги XIV в. описаны на основаніи образцовъ изъ коллекціи П. К. Козлова, найденныхъ в г. Хара-хото».

Глава V.

ОТ ХАРА-ХОТО ДО ДЫН-ЮАНЬ-ИНА.

Общая характеристика впереди-лежащей пустыни. — Древний «хан-хай». — Урочище Боро-цончжи. — Долина Гойцзо — своего рода оазис в Монгольской пустыне. — Новый вид дикой кошки (Felis chutuchta). — Местные или попутные монголы. — Священное обо и целительный источник. — Дополнительные мысли о пустыне. — Прилежащие горы. — Пересечение маршрута моей «Монголо-Камской» экспедиции. — Китайские торговцы в пустыне. — Неожиданная встреча с посланцами алаша-цин-вана.

Пребывание в самом центре Монгольской пустыни, с целью изучения Эцзин-гола и весенней жизни при Сого-норѐ, а главное — открытия развалин Хара-хото мелькнуло как приятный сон. Пред нами встала во всей своей трудной и малопривлекательной форме Алашань'ская пустыня, простирающаяся на пятьсот шестьдесят верст к юго-востоку — это своего рода сухой песчано-каменистый океан, изборожденный волнами гряд и холмов, напоминающих морские волны... Нашему кораблю пустыни — верблюжьему каравану суждено было переплыть древний «хан-хай» в двадцать пять дней, считая в том числе и две невольные дневки, устроенные из-за пыльной и снежной бурь и намеренное медленное передвижение, по пятнадцати восемнадцати и шестнадцати верст в течение трех дней, по оазису Гойцзо... Трудность пути вознаграждалась законченностью первой задачи экспедиции и новизною местности, по которой некогда пролегала оживленная дорога, связывающая тангутскую столицу Си-ся с западным Китаем или городом Нин-ся с одной стороны и предстоящей стоянкой в

Алаша-ямуне и экскурсиями в алашаньских горах, о которых мы также мечтали с самого начала путешествия, с другой...

Первый наш переход по пустыне лежал исключительно среди ханхайских осадков. Дорога шла частью по поверхности ровных террас, усыпанных мелкой галькой, частью спускалась в песчаные впадины, «местами с такыр'ными площадками». Интересно отметить, что свита грубозернистых или слюдисто-глинистых ханхайских песчаников дислоцирована: на протяжении нескольких верст замечается пологое падение на востоко-юго-восток и восток [1]).

За сухим руслом, омывавшим когда-то Хара-хото с юго-востока, мы поднялись на пустынную пестро-каменистую террасу, с которой, оглянувшись назад, видно сероватую, землистого цвета, крепость, почти совершенно потонувшую в пыльной мгле. Оба берега упомянутого русла довольно крутые и обрывистые [2]), местами поросли тамариском и саксаулом, вокруг которых образовались порядочные холмы песочной пыли; эти растения имеют способность доставать влагу с значительной глубины и потому встречаются в пустыне всюду, где водный горизонт не слишком далек. Пройдя два-три лога, имевших меридианальное простирание, мы увидели на юго-восточном горизонте длинные островки ханхайских отложений, на которых, местами, возвышались большие «цончжи», эффектно игравшие в мираже. «Цончж'ами» в Южной Монголии называются глинобитные башни, отчасти напоминающие таковые, сооруженные современными китайцами в Восточном Туркестане. Эти башни или маяки пустыни служат придорожными знаками, указывающими направление древних торговых путей — продольных от Эцзин-гола к Желтой реке или точнее к Алаша-ямун'ю и поперечных от Гань-гжоу на север, в Халху или Да-курэ.

Вступив на исторический тракт, ведущий в Алашà, или точнее в Дын-юань-ин, экспедиция поставила себе задачей его разностороннее исследование; местами эта древняя большая дорога ясно намечалась среди пустыни, благодаря своему определенно выраженному хрящеватому грунту, местами же она совершенно терялась, исчезая в сыпучих песках.

---

[1]) А. А. Черновъ. «Извѣстія» И. Р. Г. О. Т.... XLV. 1909. Стр. 132.

[2]) В обрывах особенно ясно выделяются серые или красные ханхайские отложения.

Нашей первой остановкой после Хара-хото было урочище Боро-цончжи, расположенное на характерном острововидном пьедестале красных ханхайских отложений. Приближаясь к нему, мы отметили, первую за эту весну, змею типа стрела-змея, выползшую погреться на солнце; вспугнутая видом и криком моего верхового верблюда, она довольно быстро исчезла в своем скромном логовище, и потому не попала в коллекцию. Тут же в песке нами была поймана маленькая ящерица....

В долине Боро-цончжи, где водоносный горизонт проходит всего на глубине двух-трех футов и вода вообще очень чиста и приятна на вкус, залегают довольно хорошие пастбища; местами большие пространства сплошь заняты камышом, среди которого выделяются спорадически разбросанные корявые тограки. В кормных уголках равнины, с своими юртами и скотом ютятся монголы, прикочевавшие из разных мест; здесь есть представители северных, северо-западных, восточных и юго-восточных соседних хошунов. По словам наших проводников, в данное время население Боро-цончжи еще очень незначительно, но в лучшую летнюю пору года оно увеличивается в несколько раз.

На этой стоянке мы были невольными свидетелями маленькой и довольно характерной сценки, происходившей между китайцем и добродушными монголами. Какой-то весьма подозрительный самозванец, китаец, своего рода Хлестаков, показывал оторопевшим номадам бумагу, вероятно его собственной фабрикации, и убеждал их, что это официальный документ, выданный ему китайским управлением на право безпрепятственного и свободного проезда через известные хошуны, а потому он требовал немедленного содействия монголов, по доставке его к месту жительства, и грозил, в случае их отказа, штрафом.... Говорят, что подобного рода мошенничества со стороны китайцев явление не редкое. По своей природе честные и наивные монголы-пустынники привыкли доверять людям и щепетильно относиться к чужой собственности; сами они, на время своего отсутствия, почти никогда не закрывают двери юрты на замок, а лишь завязывают ее ремешком; такого несложного запора, указывающего на отсутствие хозяев, вполне достаточно, чтобы обеспечить неприкосновенность покинутого

жилища. Конечно, такая простота нравов открывает более порочным элементам, какими являются в настоящем случае китайцы, широкое поле деятельности....

В течение всего дня, тридцатого марта, простояла ясная и приветливая погода; для этих мест воздух был необыкновенно прозрачен и тих. Несмотря на это обстоятельство пернатые совсем не давали о себе знать и только один пустынный чеккан (Saxicola deserti atrigularis) сидя на солнышке, на ветке тограка, уныло выводил свою бесхитростную песню. В полдень — точнее в 1 час дня, — в тени, температура поднялась до 13,1° С, а на следующий день в то же время — до 19,3° С, ночью же было настолько холодно, что вода в ведре основательно замерзла, а в колодце образовалась тонкая ледяная корка; таково свойство континентального климата.

За кормною долиною Боро-цончжи [1]), служащею между прочим границей владений торгоут-бэйлэ и алаша-цин-вана, снова началась пустыня.... Мы, вскоре, вступили в полосу барханов, преимущественно грядовых, вытянутых в меридиональном направлении. В общем, барханы редко превышали пятнадцать, двадцать футов, но встречались среди них также, в особенности в южном направлении, — отдельные гиганты, достигавшие двухсот-трехсот футов. Западные наветренные склоны песчаных холмов были обыкновенно пологие и плотные, восточные же — крутые и рыхлые. Извиваясь красивыми складками, пески то размыкались в стороны, давая нам широкий простор, то снова сближались, сжимая нас в своих об'ятиях.... Наш караван иногда попадал в длинные узкие лабиринты барханов и некоторое время блуждал по ним, отыскивая еле заметную тропинку, заметенную ветром... Среди песков, кое-где виднелись обо, сложенные монголами на выдающихся по высоте местах из ветвей саксаула; в промежутках среди барханов, изредка, залегали оголенные блестящие площадки с налетами соли или расположенный волнами песок более значительной крупности или, наконец полулунные углубления, наполненные водой... В подобных местах, называемых «нор», то есть «озеро», туземцы останавливаются на ночлег...

---

[1]) Через Боро-цончжи проходит вышеупомянутая древняя дорога из Ганьчжоу в Да-курэ.

Барханные пески, отделяющие Гойцзо от окрестностей Хара-хото

Долина Гойцзо — урочище «Нор»

Преобладающими растительными формами в песках были: камыш и саксаул, реже встречались тамариск и оригинальное палкообразное растение Cynomorium coccineum... Животная жизнь, которая всегда так радует глаз, была представлена очень бедно: больше всего встречалось мелких грызунов — песчанок и проч., зайцы попадались очень редко. Ящерицы почти все еще спали, змеи только начали просыпаться; одни жуки особенно энергично бегали взад и вперед, оживляя мертвые, согретые солнцем, пески [1]). Из птиц мы встречали все еще пролетных гостей — серых гусей, белых плисок, садившихся иногда вблизи проходящего каравана, чекканов, седого луня и немногих других, стремившихся к северу; а из оседлых — саксаульных соек, и пустынников или больдуруков (Syrrhaptes paradoxus).

Пройдя семдесят пять верст от Боро-цончжи, по дороге извивающейся то среди кустарниковых бугров, то по барханам, экспедиция пересекла небольшой участок пустыни и с последнего увала увидела широкую долину Гойцзо, убегавшую далеко на восток. Западный край долины отливал желтизной волновавшегося от ветра камыша, а на севере темным валом залегали высоты Хайрхан, их западная, средняя и восточная части, входящие в состав южной окраины горного поднятия Эргухара [2]).

Представляющая собою восточное продолжение известной «Центрально-Гобийской впадины», котловина Гойцзо расположена на высоте 2750 футов над уровнем моря и простирается в широтном — с ЗСЗ на ВЮВ — направлении верст на восемьдесят, в то же самое время имея ширину от пятнадцати до тридцати верст. Вдоль северной и южной окраины котловины тянутся обрывы ханхайских осадков, имеющих интересные затейливые очертания, напоминающие развалины городов, и обдутые, обточенные ветром и песком башни; при этом южные террасы ханхая засыпаны высокими песчаными барханами.

Центральная часть Гойцзо покрыта кустарниковыми буграми, между которыми расположены голые глинистые площадки

---

[1]) Тридцать первого марта, в 1 час дня, пески Гулэр-цаганэн-илису накалились до 45.3° С.

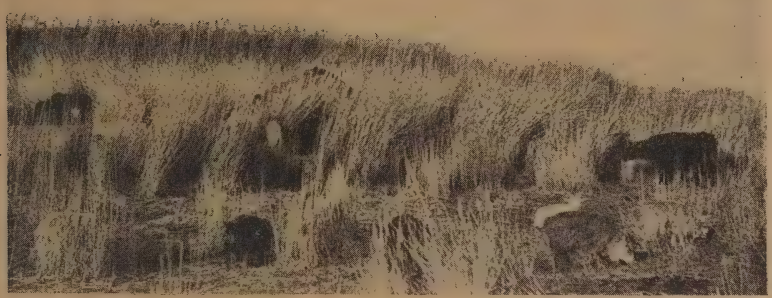
[2]) П. К. Козловъ. «Монголія и Камъ». т. I. Часть первая; стр. 121.

или значительные пресноводные бассейны; глинистых площадок больше в западной части котловины, которая здесь является более ровной, так как песчаных бугров мало, а вместо них раскинулась песчаная степь, заросшая камышом. Несмотря на соседство бедной атмосферными осадками Центральной Гоби, долина Гойцзо отличается обилием влаги; здесь встречаются не только отдельные ключи, наполняющие значительные бассейны, но можно также наблюдать целые покатости, по которым непрерывно сочится вода, делая их топкими. Очень интересным является то обстоятельство, что водные источники выходят на поверхность земли большею частью не на самом дне общей котловины, а во второстепенных частных впадинах, расположенных у подошвы южных высот... Богатство водою обусловливает в Гойцзо относительное обилие растительности и животной жизни, и делает ее в глазах номадов «прекрасным оазисом», притягивающим к себе одинаково как усталого после пустыни путешественника, так и кочевника-монгола.

Мы решили следовать вдоль южной окраины котловины Гойцзо, делая ежедневно лишь небольшие переходы, для того, чтобы без особого утомления возможно подробнее изучить ее. Под'езжая к первому с запада колодцу Оролгэн-худук, мы подняли стайку больших, вероятно, пролетных дроф, которые тотчас улетели в северо-западном направлении... Душа радовалась, глядя на стаи многочисленных пернатых, отдыхавших на воде или вблизи озерок, на изящных одиночек хара-сульт и робких зайцев, часто выскакивавших из зарослей на открытые места...

День, второго апреля, был особенно ясный и теплый; мы остановились на берегу озерка, вблизи монгольского стойбища, «Хашата». Лебеди, утки—чирки, обыкновенные журавли, серые цапли и другие пролетные странники нередко подлетали к воде и усаживались на берегу, нисколько не стесняясь нашим присутствием, или, прокричав раз-другой, уносились дальше. В тот же день, вблизи бивака, мы видели одинокую щеврицу (Anthus spinoletta blackistoni), белую плиску (Motacilla leucopsis) и другую — ее желтую сестрицу (Budytes borealis), седого луня (Circus sp.) и постоянного нашего спутника коршуна черноухого (Milvus melanotis). К вечеру, когда в природе все при-

утихло и взошла луна, красиво озарившая спящую долину, на душе стало еще приятнее и лучше. Несмотря на ночное время, всюду чувствовалась жизнь: на озерке изредка, продолжали раздаваться голоса неугомонных турпанов и пролетных серых гусей; майские жуки с приятным жужжанием носились по воздуху и лягушки по-весеннему налаживали свой оригинальный концерт... Лишь одни комары, которых, благодаря влаге, развелось множество, слегка нарушали прекрасное вечернее на-



Долина Гойцзо; урочище «Нор».

строение. Температура воздуха днем держалась около 25,0° С, ночью же, как и раньше она сильно опускалась и нередко на соседних болотах вода покрывалась тонким стекловидным льдом.

В общем, я могу сказать, что долина Гойцзо с своими ключами и озерками, с своим высоким камышем, с своими скромными местными обитателями, ютившимися со скотом в камышевых зарослях, в небольшом размере, напомнила мне Цайдам [1])...

Третьего апреля мы расположились лагерем в урочище «Нор», среди высокого, скрывавшего нас от взоров любопытных, камыша. Это была одна из самых отрадных стоянок. Как днем так и ночью до нас долетали оживленные голоса гусей, уток и лебедей, хлопотавших на близких озерках; по утрам и вече-

[1]) П. К. Козловъ. «Монголія и Камъ». Томъ I. Часть первая; стр. 185 и последующие.

рам нас услаждали пением усатые синицы и черногорлые дрозды, к которым изредка присоединялся отличный певец — серый сорокопут (Lanius grimmi). Здесь мы ловили недавно появившихся жуков — водолюбов и других; здесь-же, наконец, мне посчастливилось убить дикую кошку, или по-местному «цогонда», которую я искал с самого Эцзин-гола, и которая оказалась интересным новым видом (Felis chutuchta [1]).

Это хищное животное ютилось среди камышей, в сухой части озерного прибрежья и занималось, вероятно, охотой за птицами, пользуясь тем, что плавающие пернатые часто выходили на берег посушиться и отдохнуть; кошка держала себя очень доверчиво, не убегала при виде человека, и пустилась на уход лишь тогда, когда мы почти вплотную подошли к тому тамарисковому кусту, под которым она скрылась. Цогонда была очень крепка на рану: пробитая в лопатку, дробью номер второй, она нашла в себе силы пробежать сажень тридцать сорок, прежде нежели упала мертвой. Помимо отличной шкуры и скелета, эта кошка подарила нашей коллекции три прелестных экземпляра немного недоразвитых детенышей, пестрых словно тигрят, которых мы очень хорошо сохранили в спирту... Внимательно осмотрев нашу добычу, проводник заметил: «присутствие около ушей белых пятен, помимо богатой густой шерсти, делает эту шкуру весьма редкостной и ценной»...

Немного позднее, на ближайшем озерке, я подстрелил лебедя (Cygnus bewicki), плававшего рядом с серым, таким же. как и он одиноким, гусем; туземцы сообщили мне, что этот «эребень», то-есть лебедь, прилетал к ним из-года-в год и постоянно держался одиночкой среди других плавающих птиц...

На следующий день, экспедиция перенесла свой лагерь на шестнадцать верст восточнее, — в урочище Зуслэн, и расположилась у головы превосходного источника, выбегавшего из под обрыва, где я произвел астрономическое определение для получения географических координат [2])... Место было сухое, травянистое, привольное. Вблизи тихо струилась серебристо-прозрачная, студеная вода, дававшая начало богатому ручью.

---

[1]) А. Бируля. «О двухъ новыхъ азіатскихъ кошкахъ». Ежегодникъ Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, томъ XXI, 1916 г. Мелкія извѣстія (I-II).

[2]) Географическая широта 41° 21′ 58″, долгота от Гринвича 102° 32′ 0″.

С вершины обрыва открывалась картина на прилежащие озера [1]) за которыми, в том же восточном и северном направлениях, синел силуэт всех трех частей Хайрхана, расположенных от запада к востоку в такой последовательности: Хайрхан, Зуслэн-хайрхан (летний) и третий — Ходжэмыл-хайрхан. На крайнем отдаленном востоке горизонт замыкался более неясными очертаниями отдельных гор, превышавших Хайрхан. Вблизи, у берегов открытого озерка, держались не только знакомые нам птички: плиски, щеврицы—но также и вновь появившиеся и не отмеченные в этом году, как-то: зуйки (Aegialites dubia), какие-то большие кулики, повидимому, типа Limosa, не подпускавшие к себе в меру выстрела, и удод-пустошка (Upupa epops)...

Пользуясь теплом, прекрасной водой и обилием дров, мы здесь устроили генеральную стрижку и такое же генеральное мытье и стирку белья. Вообще говоря, в путешествии очень трудно уберечься от грязи и пыли, в особенности зимою, а в безводных пустынях и всегда. Тем не менее, нам все же удавалось держать себя сравнительно опрятно, а летом, при наличии лучших условий и достатке воды — даже чисто.

Во время движения экспедиции по долине Гойцзо, нас постоянно навещали туземцы, от которых мы могли получать и получали разнообразные сведения. Таким образом, мы узнали, что наш транспорт, отправленный из Урги прямым путем, под наблюдением Четыркина, благополучно прибыл в Алаша-ямунь, и по дороге имел двухдневный отдых в Цзагин-худук'е. Местный старшина или цзангин сообщил мне кроме того, что из Алаша-ямуня получен строгий наказ немедленно уведомить алашаньские власти о прибытии экспедиции в Гойцзо и движении ее к Дын-юань-ину...

Следуя дальше, в том же восточно-юго-восточном направлении, наш караван гигантской змеей извивался вдоль окраины сухой песчано-глинистой, местами галечной, площади. Богатый ключевыми родниками горный скат становился круче; монгольские стойбища, а иногда и следы прежних кочевий чередовались друг с другом довольно часто. Дни делались более теплыми: теперь поверхность южного склона песчаного бархана, на солнце, в 1 час дня, уже накалялась почти до 60₀ ⁰ С.

[1]) Озера и озерки, в среднем, простирались в окружности от одной до трех верст.

В полдень, пятого апреля, незаметным образом, мы очутились у исторического обо, отмечавшего собою голову целительного источника. Это древнее сооружение высится на холме и своим уступчатым деревянным срубом напоминает нашу часовню с одной стороны, с другой же — как бы предохраняет истоки священного ручья от загрязнения. Искусственно устроенный посреди течения, маленький бассейн служит для купанья ту-

Гойцзо. Обо у священного источника.

земцев, страдающих ревматизмом, желудочными и проч. недомоганиями и получающих здесь исцеление... Это обо ежегодно посещается окрестными монголами, численностью до пятнадцати юрт или семейств, которые служат живущим около него больным хурулы. Творя приличествующие молитвы, ламы сжигают пучки можжевельниковых веточек; возносящийся к небу дым от этого горения играет роль фимиама христианской церкви. Основание обо, говорят, было положено некием гэгэном, в благодарность Богу за неожиданную встречу в жаркой пустыне прекрасного оазиса Гойцзо с его настоящим живительным источником, при котором усталый от тяжелого путешествия буддийский святитель отдыхал несколько дней...

За историческим обо, вскоре, экспедиция оставила последнюю родниковую воду, и вновь вступила в унылую безжизненную и безлюдную пустыню, заключившую нас в свои сухие горячие об'ятья до самого Алашà... Действительно вокруг залегала типичная гобийская пустыня, известная у местных туземцев

под названием Бадан-чжарэнг [1]), не отпускавшая нас от себя в течение более нежели двухнедельного срока..... По мере того, как мы по ней двигались, пустыня эта характеризовалась ясно выраженными обнажениями красных и розовых гранитов и гнейсов; эти коренные породы иногда выступали на поверхность совершенно открыто, иногда бывали засыпаны большими массами темно-коричневого крупнозернистого песку, слагавшего высокие холмы, а в области развития ханхайских осадков—скрывались под песками, перемешанными с гравием и щебнем... Вода здесь встречалась крайне редко и исключительно только колодезная. Из растительности, попрежнему, наиболее характерными представителями являлись: камыш, саксаул, тамариск, который, между прочим, начал цвести с четвертого апреля, издавая тонкий аромат, затем — кендырь (Apocynum) и реже тограк, или корявый разнолистный тополь (Populus euphratica), ростущий целыми аллеями вдоль галечных сухих русл... Голубое небо, даже в безоблачные дни, бывало обыкновенно недоступно для глаз, так как в воздухе постоянно стояла пыльная дымка, поднимавшаяся ежедневным ветром, часто переходившим в бурю... По таким пустыням, как настоящая или южно-монгольская, следует всегда путешествовать осенью или даже зимою, но ни в каком случае не летом. При этом нужно принять за строгое правило, иметь необходимый запас воды и прекрасного проводника, без которого, среди однообразных барханов, постоянно меняющих форму и расположение, в зависимости от направления ветров, очень легко заблудиться... Стоит только вспомнить описание путешествий в пустыне Центральной Азии Н. М. Пржевальского [2]) и Свен-Гедина [3]), чтобы еще более убедиться в справедливости сказанного... Пржевальский пережил не мало трудных и ужасных часов в алашаньских песках из-за дурного проводника, а Свен-Гедин едва не погиб со всеми спутниками только потому, что должным образом не позаботился сам лично о запасах воды... и представил решить этот весьма существенный вопрос своим туземцам-сотрудникам...

---

[1]) П. К. Козловъ. «Монголія и Камъ». Т. I. Часть первая, стр. 125 — 127.

[2]) Н. М. Пржевальскій. «Монголія и страна тангутовъ», трехлетнее путешествіе въ Восточной нагорной Азіи. Стр. 360 — 362.

[3]) Свен-Гедин. «Въ сердцѣ Азіи: Памир. Тибет. Восточный Туркестан». Том I. Стр. 388 — 465.

По мере нашего удаления к юго-востоку местность начала повышаться, а грунт переходил в хрящеватый. Любопытно, между прочим, отметить, что по дороге от того же исторического обо к колодцу Цзамын-худук, имеется тограковая роща; с каким великим интересом мы следовали к этой заманчивой издали роще, до которой в течении полутора, даже двух, часов не могли дойти, несмотря на кажущуюся из-за прозрачности воздуха близость... и с каким великим разочарованием мы ее оставили. В роще и подле рощи не оказалось ни луга, ни мягкой почвы, ни воды, а имелись лишь голый, твердый, как камень, солено-глинистый грунт, напоминающий уродливо-вспаханное поле и следы обвалившегося и засыпанного землею колодца; к тому же, по словам проводника, здешняя вода никогда не была вполне пресной и содержала значительную примесь горечи...

За этой тограковой рощей, нам открылась огромная площадь барханных и грядовых песков, среди которых всё чаще и чаще попадались обточенные и отшлифованные песком и ветром камни.

На колодце Цзамын-худук, приютившемся у северной окраины высоких барханов, экспедиция вынуждена была простоять целые сутки, по случаю сильной западно-юго-западной бури, прекратившейся лишь к вечеру шестого апреля. Пронесшаяся непогода совершенно уничтожила последние намеки на дорогу и сгладила все следы, сильно изменив рельеф, крайне неустойчивой, песчаной поверхности; температура несколько понизилась, пыль унеслась, и открылись широкие дали...

При этом колодце, урывками, мы наблюдали несколько видов птиц: саксаульную сойку, саксаульных воробьев, маленьких и больших сорокопутов (Otomela isabellina et Lanius grimmi); из последних нам посчастливилось подстрелить в орнитологическую коллекцию экспедиции три отличных экземпляра. Здесь же была добыта и крупная песчанка (Gerbillus).

С тех пор, как экспедиция еще раз вступила в пустынную часть Центральной Монголии, нам вновь пришлось перейти от обычных утренних переходов к послеобеденным; начиная от Гурбун-сайхан и до самого Дын-юань-ина, правда с некоторыми перерывами; такие тяжелые безводные переходы преобладали, как всегда сильно утомляя участников экспедиции.

И раньше, и теперь — всегда я держался и держусь того мнения, что всякую пустыню следует переходить возможно скорее, не растрачивая через-чур драгоценных сил и энергии, необходимых путешественнику в далеких странствованиях. Однообразие и мертвенность дикой пустыни действуют самым удручающим образом на всякого человека, и способны породить тоску, апатию и упадок духовной мощи в самых сильных натурах, беззаветно преданных делу изучения природы...

Итак, выступив с колодца Цзамын-худук, по обыкновению после обеда, мы вскоре достигли небольшого обрыва ханхайских отложений, выдававшихся возвышенным мысом среди низменного песчаного пространства и известных у туземцев под названием «Тэк», что в переводе означает «Задвижка» или «Запор». Отсюда открывался широкий необычайный вид: благодаря высокому стоянию дневного светила — в три-четыре часа дня — расположившиеся гигантскими пышными складками [1]) на сбегавшей от юга к северу покатости, пески особенно красиво пестрели серовато-желтой окраской... И здесь, судя по строению песчаных холмов, преобладающими ветрами оставались западные. На северо-северо-западе темнели мрачные горы Эргу-хара, известные мне по предыдущему путешествию [2]). Из общей горной группы выделялось несколько командующих вершин — Ханас, Куку-морито, Цаган-ула, Ихэ и многие другие. На северо-востоке чуть намечались неясные очертания еще более мощных горных складок, в нагромождениях которых трудно было разобраться; по крайней мере, наш довольно опытный проводник так и не мог назвать мне отдельных вершин этого расчлененного массива. Постепенно и медленно повышаясь, дорога вступила в слабо холмистую местность, рельеф которой разнообразился большими скоплениями летучих песков. Между безконечными змееобразными гигантскими грядами, среди которых лавировал наш караван, виднелась темная или пестрая, блестевшая от пустынного загара, крупная галька — продукт разрушения горных пород. Обнажения красных растрескавшихся гранитов и гнейсов, выделявшиеся на поверхности заметными холмами, стали встречаться все чаще и чаще.

---

[1]) Песчаные барханы вытянуты длинными грядами в меридиональном направлении.

[2]) «Монголія и Камъ». Томъ I, часть первая; стр. 121.

Мы остановились на ночевку в урочище «Хая», где в летние месяца, обыкновенно, проживают туземцы со своим скотом; воду здесь можно добывать сравнительно легко, так как в котловине, у подножья одного из барханов, она стоит на глубине одного или двух футов. Поставив палатку для старших членов экспедиции, младшие — предпочли улечься под пологом неба, устроившись посередине бивака, среди многочисленных вьюков. После пустынных безводных, переходов мы, обыкновенно, никогда долго не беседуем между собою, а попив чаю, скоро засыпаем мертвым сном, вверяясь бдительности часового. Кругом, скоро, воцаряется полнейшая тишина, и кажется, будто вся жизнь в пустыне замерла... Совершенно неожиданно, ночью, пронесся вихрь, опрокинувший «офицерскую» палатку; я, конечно, тотчас проснулся, но спавший невдалеке молодой спутник Бадмажапов, которого, при своем падении, палатка даже слегка накрыла, продолжал почивать мирным, безмятежным сном.

Весь следующий переход, до урочища Элькэн-усунэ-худук, мы следовали по маршруту моей «Монголо-Камской» экспедиции [1]). Пески постепенно росли, обнажения розовых гранитов тоже увеличивались. Прекрасный колодезь — место нашей стоянки — был бережно прикрыт тагарой [2]) и придавлен сверху тяжелыми ветвями саксаула, засыпанными, в свою очередь, толстым слоем песка. Эти меры предосторожности по отношению к колодцам в пустыне Монголии, необходимы, иначе живительная влага была бы скоро засыпана мусором... и погребена окончательно все тем же песком...

На этом колодце нас догнал геолог Чернов, отставший от нас с целью более подробного ознакомления с ханхайскими отложениями окрестностей Цзамын-худука; он был очень доволен результатами своих работ и с присущей ему энергией принялся за изучение песков и выходов коренных пород, залегавших на нашем пути.

Немного позднее, вслед за А. А. Черновым, в наш лагерь прибыл монгольский чиновник, командированный своим начальством с южной дороги [3]), для того, чтобы выяснить точ-

[1]) «Монголія и Камъ». Томъ I, часть вторая; стр. 694.

[2]) Шерстяная или волосяная местная ткань, из которой монголы шьют мешки.

[3]) Как известно, с долины Эцзин-гола к востоку пролегают несколько дорог, из коих основных три: северная, средняя — нами следуемая, и южная; речь идет о последней.

ный маршрут экспедиции. От этого алашаньского посланца мы узнали более подробно о состоянии нашего ургинского транспорта, благополучно прибывшего в Дын-юань-ин, и о том, что Алашà-ямунь весьма хорошо относится к экспедиции. Обсудив свое положение, я решил следовать на урочище «Табун-алдан»— «Пять (ручных) саженей», где предположено было встретиться с людьми цин-вана, выказывавшего мне большую предупредительность и любезность.

Зоологическая часть экспедиции пополнилась здесь очень интересными образцами ящериц, среди которых особенно ценными являлись представители родов Phrynocehalus et Podarces (Eremias), как например, Eremias Przewalskii, которая за свою величину и яркую раскраску известна у туземцев под названием гюрьбюль-могой, что значит ящерица-змея. Из птиц нами впервые была добыта пустынная славка (Sylvia nana), а из грызунов—заяц (Lepus gobicus).

За Элькен-худук'ом мы стали пересекать второстепенные гряды, поднимаясь и опускаясь в лога, богатые гранитными обнажениями. В особенности памятен мне один песчаный холм, лежащий у берега лога, протянувшийся с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Весь этот холм, от основания до вершины, представлял из себя в сущности ничто иное, как выход массивного гранита, постепенно засыпаемого песком. В настоящее время выступы его еще кое-где сохранились, но не подлежит сомнению, что с годами коренная порода сгладится, отшлифуется и закроется или занесется слоем песка, и тогда гранитный холм превратится в подобие настоящего песчаного бархана.

В укромных местах, у каменных выступов, нарядно красовался пышный кустарник — хату-хара или желтоцветный шиповник (Rosa pimpinellifolia?) сплошь унизанный светло-розовыми цветами, на которых любили останавливаться мухи и шмели. Солнце пригревало довольно ощутительно: в 1 час дня, в тени термометр показывал $24{,}7^0$ С., ветер пылил и омрачал даль. По песчаной поверхности во множестве бегали большие черные жуки (Carabus), за которыми я любил наблюдать. Однажды я видел, как целая компания этих блестящих жесткокрылых, забравшись в тихий уголок, гонялись друг за другом. Заметив в стороне какую-то странную сплоченную группу

жуков, я стал ближе всматриваться в нее, и вскоре понял, что несколько особей поедали своего собрата и уже изгрызли у него целый бок. Несчастный страдалец все еще старался спастись и только мой приход избавил его от смерти, так как я разогнал его алчных соседей. Подошедший ко мне казак тоже заинтересовался этой картиной, но нашел, что с жуками нужно расправляться иначе: он взял одного из нападавших, убил его и, разорвав на части, бросил остальным; последние с жадностью накинулись на эту подачку и в миг уничтожили ее. Эти же самые жуки наносили и нам немалый вред, пока мы не изучили их нрав; посаженные для умерщвления в одну банку, с циан-кали, с мухами, они жили гораздо дольше последних и успевали перед смертью наестся этими самими мухами, среди которых попадались, конечно, ценные экземпляры.

Постепенно поднимаясь, и достигнув 3.750 футов абс. высоты, дорога привела нас к высокому, двойному на вершине, холму «Холбо-цаган-тологой», за которым, спустившись по каменистому, засыпанному песком руслу, экспедиция остановилась на ночлег. К югу убегала долина, окаймленная каменистыми выходами. Северо-западный ветер, с пяти-шести часов дня, усилился и к вечеру перешел в настоящую бурю...

Прохладное, тихое утро десятого апреля застало наш караван обычно мерно шагающим среди почти непрерывных обнажений кристаллических пород. Сначала выступали гнейсы, смятые в крутые складки с меняющимся простиранием; далее, в поперечном направлении, тянулись гряды розовых выветрелых гранитов.

В мелко-галечных сухих ущельях, окаймленных аллеями тограков, кое-где проживали кочевники, довольствуясь водою, добываемою здесь же из колодцев. В одном из таких ущелий мы встретили развалины кумирни, пустовавшей около десяти лет. Новые постройки буддийской молельни из глины уже воздвигались на новом красивом месте, у южной окраины мелкосопочника. Обнесенный высокой глинобитной стеной, храм совершенно сливался с серым тоном горного холма, прикрывавшего приют богомольцев от господствующего северо-западного ветра.

Эта небольшая кумирня, называемая Шара-тологойнэн-сумэ, вмещает в себе до десяти лам, проживающих в ней

преимущественно летом. В настоящее время здесь было тихо, мертво, пустынно...

Между развалинами и новыми постройками храма стоит священное обо, выстроенное над чудным источником. Воды этого живительного ключа, при истоке заключены в особые продолговатые, плоские гранитные бассейнчики, называемые туземцами «Чюлун-онгэцу», что в переводе означает «Каменные лодки»...

Неподалеку от обо мы наблюдали много типичных выветрелых гранитов, в виде плитообразных отдельностей, или котловин и ниш выдувания... Здесь лежали и отдельные обдутые, обглоданные бурями глыбы, и матрацы, и шарообразные округлые формы, покоявшиеся на массивных пьедесталах. Сама по себе твердо-каменная поверхность земли бывала чаще всего присыпана гравием и крупным или мелким песком...

Всюду, вблизи воды Чюлун-онгэцу, во множестве виднелись следы диких баранов (Ovis) и боро-цзере или харасульты (Gazella subgutturosa), посещающих ежедневно этот водопой... Пресмыкающие и земноводные чаще и чаще обнаруживали свое существование... Из растительных форм описываемой местности свойственны: все тот же тограк, который тянулся ввиде длинных аллей или располагался группами и реже в одиночку; в последнем случае стояли вековые великаны, преимущественно, посередине сухих речных русел; а из кустарников — все тот-же хату-хара, ласкавший глаз своими изящными светло-розовыми цветами, Reaumuria, Myricaria и Tamarix, отдававший путникам свой тонкий аромат; бледно-голубые и сиреневые ирисы и желтая или белая лапчатка (Potentilla), довершали однообразие картины Южно-Монгольской природы.

Как прежде, так и теперь, мы продолжали наблюдать пролетных птиц. Изредка показывались гуси, степные курицы или дрофы, а из мелких — пустынные чекканы (Saxicola deserti atrigularis), выдававшие себя чаще других .. Длинные, тонкие серые змеи оставляли свои норы и тянулись погреться на солнце; ящерицы во множестве резвились по песку, и чем было жарче, тем труднее их было изловить. Тут же озабоченно ползали жуки, преимущественно рода Carabus. В самое жаркое время на цветах хату-хара всегда можно было видеть мух,

шмелей и других двукрылых, которых мы с успехом собирали в энтомологическую коллекцию экспедиции. Однажды, подле хату-хара будучи занят ловлей насекомых, я, случайно, наблюдал интересное «токование» пустынной славочки (Sylvia nana). Парочка этих славных птичек с оживлением и звонким криком прыгали среди серых кустиков, поднимая свои распущенные веерами хвостики; они, повидимому, ухаживали друг за другом с большим увлечением, не замечая ничего вокруг себя. Я и казак — вдвоем подошли к славкам почти вплотную и они ни чуть не прервали своей игры, так, что мой спутник пробовал поймать их сачком для ловли насекомых...

В урочище Хара-бургу мы нашли одинокого китайца, который сначала очень испугался нашего неожиданного появления, но затем скоро оправился и показал нам свое несложное хозяйство; его убогая фанза делилась на две половины: одна представляла из себя жилую часть дома, другая — склад товаров, необходимых номадам для повседневного употребления и служивших предметом мены и торговли китайца с соседними монголами; в маленьком огородике, то и дело засыпаемом и уничтожаемом бурями, все-таки росли лук и чеснок, взлелеянные чисто китайским трудолюбием и терпением, а около фанзы разгуливали две курицы и петух.

К вечеру того же дня, десятого апреля, температура упала до 2-6°С, а ночью даже грянул порядочный мороз... Теперь, перед нами расстилалась довольно большая котловина — Шара-цзагин-холэ, в которой собирались многочисленные сухие русла, пересеченные экспедицией на пути от Холбо-тологой. За котловиной, вытянутой от востоко-северо-востока на западо-юго-запад, поднималась скалистая гряда Нарин-хара, а из-за нее выступал высокий хребет Аргалинтэ. Мелкие поперечные высоты и гряды коренных изверженных пород сменялись долинами, покрытыми саксаулом; на дне Шара-цзагин-холэ залегала большая площадь твердой глины, блестевшей издали словно поверхность озера.

Горы Нарин-хара достигают всего лишь четыреста — пятьсот футов относительной высоты и известны больше не под одним, а многими названиями, которыми туземцы окрестили отдельные участки или вершины массива; так, например, на западе виднелась вершина Го или Хо-ула, далее возвышался перевал Го-

котэль, а проход, которым следовал наш караван, носил название Илисэн-котэль [1]) и т. д.

Перевалив хребет, мы вновь вступили в обширную котловину, и дойдя до сухого русла, у колодца Табун-алдан [2]), остановились на ночлег... Глубина пустого пространства колодца оказалась, по нашему измерению, в 16½ футов, а мощность водного слоя — в 22½ футов... Поэтому можно предположить, что вдоль сухого русла, направляющегося на западо-юго-запад имеется подземный сток. В стенках русла выступали небольшие обрывки ханхайских песчаников и конгломератов.

По соседству с колодцем, в нескольких глиняных фанзах проживали китайские, торговцы обстоятельно обосновавшиеся здесь и располагавшие значительным запасом меновых товаров, при знакомстве с которыми нам удалось за плату ямбового серебра купить: муки, крупы—просо, рис,—китайского леденца, прекрасной оберточной бумаги и даже несколько штук куриных яиц... На последнем приобретении особенно настаивал один из членов экспедиции, более других заботившийся о подобающей встрече в пустыне Монголии праздника Святой Пасхи, приходившейся в 1908-м году на тринадцатое апреля.

Еще по дороге к Табун-алдану, мы были приятно удивлены любезным приветствием алаша-цин-вана, приславшего к нам навстречу двух чиновников с «хлебом-солью» и для оказания содействия в пути. Пока развьючивался караван, алашаньцы успели поставить юрту и накрыть чайный столик полным угощением до различных печений, сахара, леденцов включительно. Такая внимательная встреча в пустыне нам казалась необычной... Старший чиновник торжественно поднес мне княжеский хадак и визитную карточку китайского образца. За угощением чаем со сластями, мне были дополнительно поданы письма, из которых я узнал, что представитель большой русской торговой фирмы «Собенников и братья Молчановы» Ц. Г. Бадмажапов — мой

---

[1]) По северную сторону пологой седловины Го-котэль, выступает замаскированная осыпями свита мусковитовых гнейсов мелко-плойчатого сложения; на противуположной стороне, гряда прорезана небольшим ущельем и круто обрывается на юго-юго-восток. В боках ущелья выходят порфириты, отполированные и покрытые черной коркой загара: «повидимому,» пишет А. А. Чернов: «они прорывают свиту гнейсов»... [Извѣстія И. Р. Г. О. Т. XLV, выпускъ I, 1909 г. Стр. 135.]

[2]) «Табун алдан» в переводе значит: пять ручных сажен, то есть 35 футов, что очень близко к истине. Под этим названием известен не только колодезь, но и большое урочище.

спутник по «Монголии и Каму» — приютил транспорт экспедиции и приготовил для всех ее участников помещение... Встреча чиновников алаша-цин-вана и письма Ц. Г. Бадмажапова словно приблизили нас к давно жданному Дын-юань-ину. Из дальнейшего доклада чиновников выяснилось, что они напрасно прождали нас на южной дороге около сорока суток, но теперь очень рады состоявшейся встрече и просят меня лично написать алаша-цин-вану о причинах нашего запоздалого прихода в Дын-юань-ин. Получив от меня хадак и визитную карточку, для вручения монгольскому князю и письма — для Ц. Г. Бадмажапова один из чиновников укатил в алаша-ямунь, а другой остался при экспедиции...

К вечеру, одиннадцатого апреля, вновь стало свежо, а на восходе солнца — холодно как зимою; вода, оставленная в колоде, промерзла за ночь на целый вершок...

Теперь наш караван значительно оживился и отчасти увеличился прибывшими монголами. Из прежних погонщиков коекого пришлось отпустить и заменить новыми. Сами мы, чувствуя приближение культурного центра, до которого, однако, все еще оставалось дней около десяти, казалось также приободрились... По правде говоря, участники экспедиции несколько приутомились. Унылая мертвенность окружающего угнетала душу; почти всегда чувствовался недостаток в питьевой воде, а сухая, консервированная местным способом, баранина скоро приедалась и становилась неприятной. Всем одинаково хотелось отдыха и свежей здоровой пищи. Дни и переходы тянулись как-то особенно медленно, и мы не могли дождаться конца самой трудной части путешествия.

Кругом все было также безотрадно и мертво [1]). Пески и галечник, попрежнему, составляли преобладающий покров земли, по которой лишь изредка ютились пустынные растения; еще реже разнообразили жалкую природу представители животной жизни.

Безжизненные, лишенные водных источников, горы Аргалинтэ постепенно приближались. Они имели вид громадной рыбы, обращенной головой к западу, и представляли наивысший хребет на всем пути от Эцзин-гола до Алашаньского хребета. Наша

[1]) В версте к югу от Табун-алдан мы отметили обрыв красных ханхайских песчаников, достигавших двадцати с лишком футов высоты.

дорога все еще не принимала надлежащего юго-восточного курса и извивалась, значительно уклоняясь на восток. На северо-северо-западе из горной высоты Нарын-хара, являющейся, по словам проводника, одной из шести гряд, образующих вместе цепь широтного направления, выступали желто-красные обрывы с острыми вершинами, под названием Цаган-эргэ-цончжи.

С вершины каждого нового перевала, с каждой новой значительной возвышенности открывалась одна и та же картина— пустыня, пустыня и пустыня, то каменистая, то песчаная с оттенком горных пород, слагающих соседние обнажения.

Между тем, по времени, была уже весна, она давала себя чувствовать: бодрила дух и вселяла надежду на скорый приход в Дын-юань-ин, в близкое соседство красы и гордости южно-монгольского княжества Алаша—хребта Ала-шаня... Почти ежедневно я держал в руках «Монголію и страну тангутов» Н М. Пржевальского и, по его общим описаниям указанных гор, намечал себе программу научного изучения «меридионального хребта» не только весной, но и летом.

Мои ближайшие товарищи также не мало говорили об Ала-шаньском хребте, его геологическом строении, характере диких ущелий, разнообразии растительной и животной жизни. Всех нас одинаково интересовала мысль: подняться на вершину хребта Ала-шаня, чтобы видеть безграничную пустыню на западе и блестящую водную ленту Желтой реки на востоке: полную безжизненность, с одной стороны, и оживление пышным китайским земледелием, с другой...

Глава VI.

ОТ ХАРА-ХОТО ДО ДЫН-ЮАНЬ-ИНА.

(Окончание).

Геологическое строение попутных гряд и холмов. — Светлый праздник в Монгольской пустыне. — Влияние китайцев на монголов, на их внешний облик. — Трудность пути и утомление участников экспедиции. — Горы Баин-нуру. — Снежный шторм. — Кумирня Цаган-субурган. — Урочище Шара-бурду и встреча с Ц. Г. Бадмажаповым; письма и газеты. — Последний обильный змеями переход к Дын-юань-ину.

От Табун-алдан до урочища Мандал расстояние сорок верст, которые мы прошли в два перехода, с ночлегом в урочище Мото-обонэн-шили [1]). Наш путь пролегал среди ярко выраженных ханхайских осадков; по сторонам вздымались плоские холмы, прикрытые песком и гравием со щебнем, так что выходы коренных пород встречались очень редко, притом только по оврагам. Барханов здесь не было вовсе; песок образовывал или плоские и низкие скопления, или холмики-косы с кустарниковой растительностью. По сторонам, кое-где, цвели сиреневые ирисы (Iris ensata), желтая лапчатка (Potentilla anserina?) и мелкий белый подорожник (Plantago mongolica). Из птиц видели только пустынную славочку (Sylvia nana) и заметили на песке следы большой дрофы. По мере приближения к урочищу Мандал, щебень попадался чаще и в более крупных кусках; среди них встречалось особенно много порфиров, а также гнейсов и гранитов; вероятно, всё это было в качестве обломочного материала хребта Аргалинтэ, который остался к югу от нашей дороги.

[1]) Вблизи местности, носящей общее название «Чжинсэтэ».

Утром в Светло-Христово Воскресение солнце всплыло над пыльным горизонтом в виде некрасивого бледного диска; стайка больдуруков промчалась над нами с быстротою ветра, жаворонки с звонким пением взмывали к небу, где неизмеримо выше парил орел-белокрыл... Внизу, среди холмов, кормились осторожные дрофы, а по камням бегали давно уже ненаблюдавшиеся скалистые куропатки (Caccabis chukar pubescens)... Нам предстояло пройти всего лишь пятнадцать верст, чтобы достигнуть превосходного колодца Мандал, куда, ради торжественного дня, мы стремились попасть как можно скорее. Караван экспедиции попрежнему состоял исключительно из верблюдов. За время путешествия по пустыне все мы очень привыкли к этим животным и не ощущали какого-либо неудобства при верховой езде на наших двугорбых друзьях... Человек ко всему привыкает. Целые дни проводили мы в медленном однообразном передвижении, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Только по утрам, тотчас по выступлении с ночевки, мы любили некоторое время итти пешком для того, чтобы согреться и размять ноги. Но вот, наконец, и долго жданный колодезь! Вблизи, на вершине оригинального древнего обо, сидел сорокопут (Lanius grimmi)... где-то, по-соседству, звонко пела пустынная славочка... Мне так хотелось сегодняшний день видеть во всем оживление, и оно было... Бивак был разбит замечательно скоро, легко, непринужденно... Умывшись и приведя себя, по возможности, в порядок, я поздравил, выстроенный перед палаткой, отряд с праздником, похристосовался с ним и роздал на память вместо яичка по золотому. Затем, сгруппировавшись в княжеской юрте [1]), мои спутники, во-главе с капитаном П. Я. Напалковым, хором исполнили Христос Воскресе и другие, приличествующие Светлому празднику, песнопения...

Угостив всех пьющих чаркой водки, мы приступили к трапезе, которая в этот день была особенно обильна и отличалась даже некоторою изысканностью. Нам удалось полакомиться яйцами, сардинами, консервированным поросенком, страсбургским пирогом, кофе, шоколадом и даже малиновым вареньем... На душе было легко, приятно. Каждый уносился мыслью на далекий северо-запад, к своим дорогим близким... Солнышко поднялось

[1]) По распоряжению алаша-цин-вана, между прочим, нам была доставлена хорошая юрта, обслуживавшая нас до самого Дын-юань-ина.

высоко и начало ласково пригревать... Мои юные спутники достали из ящика грамофон и огласили воздух музыкой. В первую голову было троекратно исполнено «Христос Воскресе»! затем, постепенно, одна за другой пластинки менялись почти до полного их конца... В нашем воображении создавалась не одна, а много приятных иллюзий. Спутники-монголы, конечно были нашими гостями и, как прежде так и теперь, они заслушивались пластинками, передававшими хоровые песни с гармоникой, военный оркестр, всевозможные марши и рядом с этим — лай собак. В этом случае номады любопытствовали не менее наших четвероногих спутников, которые, тоже, услыхав столь знакомые, родные звуки, стремились заглянуть в рупор, чтобы увидеть виновников их смущения...

Под впечатлением всего описанного, сидя на открытом воздухе, я невольно ушел мыслью в далекое прошлое. Моему воображению рисовались другие далекие уголки Центральной Азии и Тибета, где я более или менее также проводил вдали от родины этот день Светлого праздника [1])... И как я счастлив был всегда, как глубоко благодарил судьбу, дававшую мне возможность много переживать, много видеть и широко знакомиться и с природой, и с человеком... Я знаю такие минуты счастья, когда сам себе завидовал!...

... Поздний вечер положил конец нашему празднику...

Чем дальше мы подвигались на юго-восток, тем меньше было песков, тем крепче становился грунт. Местность волновалась, вздымаясь низкими грядами или отдельными холмами. На восточном горизонте виднелись горки Бичиктэ... Вблизи, по сторонам, довольно часто, пестрели сухие каменные русла с большим или меньшим насаждением хайлисов или тограков (Populus) [2]). В прилежащих к дороге сильно разрушенных грядах выступала свита кристаллических известняков и кварцитов [3]).

---

[1]) С экспедицией Н. М. Пржевальского, в 1884 году, я проводил Св. пасху на Куку-норе, в следующем — 1885 году—в бассейне Лоб-нора. С экспедицией М. В. Певцова, в 1890 году,—в Кашгарии, в оазисе «Ния». С экспедицией В. И. Роборовского, — в 1894 году, — в оазисе Са-чжоу, в следующем — 1895 году — в Курлык-Цайдаме... Наконец, в моей Монголо-Камской экспедиции в 1900 году—в Цайдаме, в виду могучей северной грани Тибета—хребта Бурхан-Будда, в следующем 1901 году—в Каме или Восточном Тибете, в селении Бана-джун...

[2]) В лощинах обнажались значительные скопления щебня как рыхлого, так и цементированного углекислой известью.

[3]) Пласты бывали иногда поставлены на голову и сверх того смяты в мелкие зигзагообразные складки вдоль простирания, остававшагося преимущественно широтным.

В наблюдении за всем окружающим время проходит скорее, и караван достигает своей цели — остановки у воды. На этот раз мы остановились у Алтын-булык'а, представляющего из себя родник, обложенный высокой, круглой глиняной стенкой, под защитой которой рос густой камыш, скрывавший влагу от жара. В восточно-юго-восточной части стенки имелся сток воды на небольшую илистую площадку, служившую дном бассейнчика. В этом укромном уголке держались парочка щеврин (Anthus maculatus) и куличек - песочник (Limonites damacensis), оживлявшие царившее кругом безмолвие...

Около Алтын-булыка, вышеописанная свита известняков сменилась широтной полосой биотитовых гранитов, образовывавших выветрелые желтые выходы, издали принимавшие вид громадных хлебов; вблизи, в них можно было различить большие ниши выдувания, наиболее развитые на северо-восточной и южной сторонах.

Сопровождавшие нас алашаньцы, по отношению к экспедиции, проявляли постоянную заботу и неустанно следили за тем главным образом, чтобы во́-время сменять усталых животных свежими; с этою целью они то и дело уезжали к ближайшим кочевьям туземцев, которые, в свою очередь, охотно посещали наш лагерь и казались нам при этом всегда оживленными, разговорчивыми, непринужденными. Местные монголы много восприняли от своих соседей — китайцев; одежда, манера себя держать, народные песни, всё это носит на себе отпечаток китайского влияния. Некоторые даже, говорят, научились курить опий.... Имея обычно маленькие красивые ноги, алашаньские монголки представляют из-за своего оригинального одеяния очень широкие фигуры, с такими же широкими головами, прикрытыми, как водится, черными накидками... Серебряные и другие, преимущественно, коралловые украшения у здешних модниц также совершенно отличны от типичных северо-монгольских.

Между тем, с постоянным упорством, нас продолжал донимать встречный ветер; поднимавшаяся в воздухе пыль способствовала бо́льшему нагреванию атмосферы и обусловливала тяжелую духоту. Пресмыкающиеся и земноводные все чаще и чаще давали о себе знать ежедневными появлениями.

Двигаясь от Алтын-булык'а в юго-восточном направлении, экспедиция, через двадцать верст, прибыла в урочище Чан-

ганзен, где нам удалось познакомиться с одним оригинальным монголом. Питая особенное пристрастие к сынам Небесной империи, номад изменил своим древним обычаям и привычкам и поселился в обширном по-китайски распланированном доме, обставленном многочисленными пристройками. Этот дом, или вернее хутор, был очень удобно расположен около ключевой площадки, с несколькими колодцами и приспособлениями для водопоя гуртов скота; всё говорило за то, что в прежние времена окитаявшийся монгол жил весьма зажиточно — по-помещичьи, но что теперь от большого скотоводческого хозяйства осталось у него весьма немного — всего лишь двести голов баранов да яманов (козлов). Ко мне подошел с приветствием мальчуган лет десяти или двенадцати, одетый чисто по-китайски и глядя на его лицо и изысканные манеры, я не хотел верить, что это не китайченок, а монголенок... Его мать дородная красивая некогда женщина по своему типу скорее подходила к монголке: как женщина, в большом значении этого слова, она крепче удерживала на себе родное, самобытное [1]).

При ключах, окаймленных песчаными холмами, увенчанными пустынными кустарниками, обыкновенно сновали шевринцы, бледно-розовые монгольские вьюрки (Bucanetes mongolicus) и больдуруки, прилетавшие напиться; горные ласточки (Biblis rupestris) тоже вились над водой; а изредка тут же парил и сарыч. Постепенно, вместе с теплом, там и сям, стали показываться скорпионы и, новые, неотмеченные раньше, формы жуков.

С вершины соседнего холма открывался вид на пересеченный волнистый уголок пустыни; песчано-щебневая степь осталась позади; из под осыпей, местами, выступали мусковитые гнейсы; встречавшийся около дороги песок сильно блестел от примеси мусковита, а за кустарниками и камнями наблюдались скопления одной лишь слюды.

За горой Тамсык [2]) свита гнейсов сменилась гнейсо-гранитами, обнаруживавшими слоистость в широтном направлении... Желая подвигаться вперед как можно скорее, мы старались делать не менее двадцати пяти-тридцати верст в день и на пятнад-

---

[1]) О более крепкой самобытности у алашаньских монголок см. мою «Монголію и Камъ». Т. I. Часть вторая, стр. 678.

[2]) Скалистая часть которой достигает двухсот пятидесяти футов относительной высоты.

цатое апреля наметили своей стоянкой дальний колодезь «Дурбун-мото» [в переводе «Четыре дерева»], окруженный четырьмя вековыми развесистыми хайлис'ами. В широких разветвлениях древних великанов, скрываясь среди густой зелени, гнездились коршуны, соколы (Tinnunculus tinnunculus) и снова появившиеся на нашем горизонте сороки (Pica pica bactriana). Здесь же любил держаться и серый сорокопут (Lanius grimmi)...

В полуторых верстах к юго-востоку от колодца, на возвышении, стояло обо, знаменовавшее собою присутствие небольшой кумирни Цаган-обонэн-сумэ, насчитывавшей в своих стенах от десяти до двенадцати лам. Постройки скромной обители скрывались за пригорком, вздымавшимся с полуденной стороны.

В окрестностях Дурбун-мото мы видели целое поле оголенных гранитных выходов; крупно-зернистые граниты были прорезаны жилами мелко-зернистого гранита, при чем эти жилы, мощностью до двух-трех футов [1]), шли в различных направлениях... [2])

При этом же колодце мы встретили монгола с двумя детьми, пасшими скот. Семья номадов ютилась в бедной палаточке, у воды. Впоследствии, я нередко встречал таких отшельников пастухов-алашаньцев, которые, отделившись от юрточного дома, откочевывали в те места, где уже пробивалась зелень, давая возможность скорее откормить исхудавших за зиму баранов и коз.

...Время тянулось бесконечно медленно; не смотря на большие переходы, казалось, экспедиция никогда не достигнет Дынь-юань-ина. Монотонная унылость окружающего не давала достаточной пищи уму, а поэтому физические лишения сказывались ощутительнее; настроение падало... Как я уже говорил, пустыня накладывала свой мрачный отпечаток на всё существо человека, так же, как радостная, ликующая природа лесистых гор, с грохочущими ручьями, цветущими полянами и разнообразной животной жизнью окрыляла и вдохновляла душу...

---

[1]) С тонкими апофизами.

[2]) На переходе к Дурбун-мото мы поймали первую змею — серую, тонкую, длинную, того типа, который впервые попался нам на глаза в нынешнюю весну вблизи Хара-хото, а именно Taphrometopon lineolatum.

Пока что, глаз приятно отдыхал на отдаленных высотах, все яснее и яснее выступавших на юго-востоке. Это был скалистый хребет Баин-нуру, который нам предстояло пересечь в его западной половине и который в ясное, прозрачное состояние атмосферы хорошо виден из оазиса Дынь-юань-ина. Все сухие русла, встречавшиеся при под'еме к перевалу Улан-худан-шили [1]), имели, приблизительно, одинаковое направление и сходились вместе с сухими руслами окрестностей горы Тамсык, в большой впадине Чжэрэн, лежавшей верстах в пятидесяти на северо-восток от Дурбун-мото. Сухая весною, эта впадина, в дождливое время года, наполняется водою, образуя соленые топи.

Баин-нуру тянется с северо-востока на юго-запад, на протяжении сорока верст и поднимается на весьма незначительную, как абсолютную, так и относительную высоту. Эти горы сложены из гранитов и гранито-гнейсов, которые прорезаны жилами красного гранита; там, где можно уловить слоистость, простирание остается широтным или близким к широтному; в этом же направлении, среди свиты, тянутся широкие полосы красных гранитов [2]).

По бокам каменистого русла, по которому наш караван углублялся в горы, отрадно зеленели изумрудные лужайки увеличивавшиеся по мере под'ема. Вскоре стали попадаться деревья великаны-хайлисы, стоявшие группами или в одиночку; на одном из таких великанов нами была добыта парочка красных вьюрков Carpodacus pulcherrimus). В боковом ущелье «Атун-худукэн-ама» или в переводе: «Ущелье водопоя лошадей» или «Вода добываемая копытами табуна», — мы, действительно, заметили табун лошадей, мирно пасшийся вблизи ключевого источника... За хребтом продолжались мелкие разрушенные выходы гранитов и гнейсов.

---

[1]) Перевал Улан-хадан-шили поднят на 5.700 футов абсолютной высоты и имеет под'ем лишь с северной стороны; южный его склон незаметным образом переходит в каменистую возвышенную равнину, пересеченную массивными выходами изверженных пород.

[2]) «В свите принимают видное участие также серые грубозернистые гнейсо-граниты без заметной слоистости, но с рядами мелких линз, образованных темно-серым, обыкновенно мелкозернистым гранито-гнейсом, обнаруживающим слоистость. Согласно с такими рядами иногда расположены и жилы красного гранита.». (А. А. Черновъ. Извѣстія И. Р. Г. О. Том XLV, вып. I, 1909 г.). Стр. 137.

В ночь на семнадцатое апреля разразилась буря, пришедшая с северо запада и заставшая нас при пустынном колодце «Цакэлдэктэ-худук» [1]). С прихода на стоянку, мы поставили юрту под сенью могучих хайлисов, произраставших вдоль мелкого сухого русла. Некоторые из моих спутников занялись ловлей интересных мелких ящериц и откапыванием жуков-долгоносиков, которые все еще не следовали примеру Carabus'ов. Дневное, часовое, показание термометра дало 21.5° С; вечер был также очень приятный, и я с удовольствием, некоторое время, гулял по гранитным обнажениям. Устав в дороге, мы обычно, после вечернего метеорологического наблюдения, отходим ко сну. Скоро затихают последние разговоры... Позднее прочих умолкают монгольские голоса и наконец весь бивак погружается в сон... Так было и при Цакэлдэктэ-худук'е. Но вдруг, совершенно неожиданно, среди ночи, меня разбудил сильный ветер, дувший мне прямо в голову и нахолодивший внутренность юрты. Оказывается, уже с полночи бушевал снежный шторм; но наша юрта, прикрепленная дежурным к ящикам и дереву, стояла крепко и хорошо защищала спящих, пока наконец, наивысшим напряжением бури, не поднялась войлочная дверь, впустившая холодную струю воздуха. По словам дежурного, при появлении бури порывы ветра были особенно сильными: камешки величиною в горошину неслись в воздухе и более острые из них пробивали полотно палатки. Участники экспедиции проснулись и ужь до самого утра не сомкнули глаз. Юрта скрипела, стонала и дрожала под напором ветра; деревья тоскливо шумели; сквозь свист и завывание бури слышались слабые голоса монголов и стук молотка... Их палатку сорвало шквалом, и они теперь старались укрепить ее под защитой нашей юрты. Навстречу бури стоять было невозможно. На утро температура опустилась до —1.2° С.; в воздухе продолжала нестись галька, смешанная со снегом, который, местами, навеял сугробики до двух футов глубиною. К полдню снег перестал падать, его только переметало. Направление бури к вечеру сменилось в западное и ее порывы стали стихать. Мельчайшая снежная пыль неслась почти не переставая и проникала в малейшие отверстия юрты, ровняя всё, что было вокруг нас.

[1]) «Цакэлдэктэ» в переводе «Прис», так названо урочище по обилию голубых и палевых ирисов или касатиков, произростающих в окрестности.

Все мы забились по своим углам и, прикрывшись меховым одеянием, с грустью смотрели на снег, засыпавший и пол, и столик-ящик, и ящик с хронометрами. По временам кто нибудь из нас вставал и вычищал юрту, выбрасывая в значительном количестве накопившийся снег за дверь. В таком невеселом положении пришлось провести весь день семнадцатого апреля и часть ночи на восемнадцатое, когда температура упала до — 7,0° С, и буря, разбившись о западный склон Алашаньского хребта перешла в крепкий ветер...

Несчастные туземцы сильно пострадали от пустынного шторма. Недавно появившиеся на свет верблюжата, жеребята, телята, не говоря уже про барашков и козлят — частью погибли, а частью были искалечены. Ощипанные, остриженные и начавшие в Гоби рано линять, взрослые верблюды тоже чувствовали себя неважно и жались под защиту наших жилищ. В Дынь-юань-ине, как узнали впоследствии, поблекло всё нежное: сирень отцвела в своем зародыше, мелкие прилетные пташки померзли.

Во время движения экспедиции, восемнадцатого апреля, мы встретили пару дроф, а затем, над нашим караваном, с страшной быстротою, пронеслась стайка стрижей, направлявшихся к югу. Осторожные птицы торопились уйти от холода и снега, лежавшего всюду на пути большими пятнами и портившего и без того тяжелую дорогу. Отражаясь от белой поверхности снега, солнечные лучи создавали необыкновенную яркость освещения, спасаясь от которой всем нам пришлось надеть очки, снабженные боковыми сетками...

Первое время, за Цакэлдэктэ-худуком продолжались всё те же выходы гранитов и гранито-гнейсов; на выдающихся гранях, в особенности в темно-серых породах, замечалась полировка и сильный загар. Вскоре, затем, экспедиция вступила в обширную котловину, терявшуюся на горизонте; эта котловина была заполнена толщей ханхайских осадков [1]), образовавших

---

[1]) При Цаган-булыке, в ханхайских обрывах обнаруживались красные песчаники с тонкими прожилками соли и серые мелкозернистые конгломераты. Далее, в песчаниках мы стали замечать соль, песчаниковые стяжения и крупные куски щебня; пласты их имели едва уловимый наклон к северу, и образовывали обрывы, футов в двадцать и больше. Одним из характернейших обрывов подобного рода был «Эрдэни-булык» или «Эрдэни-уцзур», в переводе — «Край высоты». Из обрывов обычно сочились ключи, около которых замечались выцветы соли и зеленые лужайки, придававшие

размытые террасы. Среди последних, в урочище Цаган-булык протекали ключи, где вблизи болотца любили держаться кое-какие пернатые: турпаны, плиски, шевринцы, а по соседним пригоркам хохлатые жаворонки (Galerida cristata leautugensis).

Наш лагерь устроился между ручьями ключевых вод: с запада протекала узкая прозрачная струя, а с востока тянулась тонкая болотистая полоса воды. Пользуясь тихим прозрачным воздухом, я произвел здесь — в Цаган-булык'е — астрономическое определение географической широты... [1]). Однако, к одиннадцати часам ночи, погода снова испортилась; небо заволокло тучами, поднялся западно-северо-западный ветер, и весь воздух наполнился пылью... Вскоре ветер изменился: принял северо-западное направление и перешел в бурю, которая на следующий день, во время движения каравана, еще более усилилась, и подталкивая в спину, способствовала нашему успешному ходу.

По мере приближения к горам Баин-ула, дорога спускалась по значительному уклону на дно котловины, самая нисшая часть которой достигала 3.570 футов абсолютной высоты, и имела песчано-солончаковую почву, насажденную буграми, образованными, как и везде в пройденной части монгольской пустыни, при помощи кустарников, а главное песков, задерживаемых в своем движении теми же кустарниками, которые потом всегда венчают бугор или холм... Благодаря крепкому, затемнявшему атмосферу, ветру, горы на долгое время скрывались в тучах пыли; лишь изредка слегка обрисовывались их изрезанные мягкие контуры.

Кочевники встречались крайне редко.

Пройдя одинокий колодезь, экспедиция начала подниматься на северную цепь хребта Баин-ула; на пьедестале этих гор, на протяжении верст пяти, тянулись выходы ярко-красных рыхлых ханхайских песчаников; совершенно такой же окраски был и продукт разрушения этих песчаников — песок, устилавший поверхность пьедестала... Вообще говоря, горы Баин-ула простираются с северо-востока на юго-запад, и сложены из свиты темно-серых биотитовых и роговообманковых гнейсов,

---

всему уголку приветливый характер. На поверхности одной из размытых террас ханхайских осадков были встречены выходы гипса.

[1]) Широта 39° 39′ 58″, долгота от Гринвича 104° 52′ 0″.

переслаивающихся со светлыми гнейсами, хлоритовыми бедными темными силикатами. Свита подверглась интенсивной складчатости, при чем направление складок меняется быстро и в широких пределах — от широтного до меридианального.

Поднявшись на седловину северной цепи хребта — абсолютная высота седловины 4.930 футов — мы увидели перед собою широкую лощину, замыкавшуюся южным отрогом тех же гор Баин-ула. В этой лощине, при урочище Наксэн-дурульчжи, у колодца, экспедиция и ночевала; неподалеку от нашего лагеря держалась парочка журавлей красавок (Anthropoides virgo), турпаны (Casarca casarca) и серый сорокопут.

Лишь только стало светать, наш караван уже был готов к выступлению; все, повторяю, утомились за долгие пустынные переходы и единодушно стремились к ближайшей цели — приветливому оазису Дын-юань-ину. В каждой темной точке, появлявшейся на горизонте, мы хотели видеть гонца, ехавшего к нам навстречу. Вопреки таким ожиданиям, внушительный Алашаньский хребет всё еще не открылся ни с вершины южной цепи Баин-ула, ни с долины, так как туманная пелена застилала горизонт... Всюду виднелись следы снежной бури: по скатам, в затененных местах лежал пятнами снег, по логам и каменистым теснинам стояли воды. На этом переходе мы собрали порядочное количество экземпляров пестрых, довольно красивых ящериц (Phrynocephalus versicolor, P. przewalskii и P. putjatai)...

Пройдя около восемнадцати верст в юго-юго-восточном направлении, экспедиция достигла небольшой кумирни «Цаган-субурган», названной так по белому надгробию, красующемуся у северной стены храма. Скромная, небогатая кумирня эта имела очень чистый и очень приятный вид [1]). Здесь отдыхал монгол-чиновник, ехавший обратно из ямуня, куда он доставил мои табун-алдан'ские письма... но почты для членов экспедиции у него, к сожалению, не оказалось. На мой вопросительный взгляд по этому поводу, чиновник с извинением заметил, что завтра, вероятно, при урочище Шара-бурду мы встретим Ц. Г. Бадмажапова, от которого и получим все то, чего с таким нетерпением ожидаем...

---

[1]) Вскоре за Цаган-субурганом, с нашей дорогой соединилась соседняя, слева, та самая, которая, несколько десятков верст тому назад, временно уклонилась к востоку.

В двух верстах к северу от Цаган-субургана, за узкою полосою песков, протянувшихся к северо-востоку, при колодце Цзамын-худук, пристроилась китайская лавка, с составом в пятнадцать человек китайцев, эксплуатирующих, конечно в свою пользу, простодушных монголов. Хитрые, пронырливые китайцы-торгаши, словно пауки, везде расставили свои коммерческие сети, в которые ловко излавливают всякого проезжего с сырьем номада.

Только по выходе из урочища «Уцзур-худук», то есть с предпоследней перед Дынь-юань-ином ночевки, нашим глазам, наконец, открылся силуэт северной части Алашаньского хребта. Радость тотчас отразилась на настроении моих усталых спутников, стремившихся елико возможно ускорить шаг изнуренных животных. Дорога извивалась широкой полосой по глинисто-песчаному, местами каменистому грунту и делалась всё более и более наезженной. По мере спуска к Шара-бурду, воздух становился теплее; с долины речки к нам залетали вестницы тепла и культуры — деревенская и береговая ласточки (Hirundo rustica et Cotile riparia). Жуки и ящерицы во множестве сновали по сторонам. С ближайшего к речке Шара-бурду песчаного увала мы увидели подле дороги ключ Хошегу-булык, круто ниспадающий в северо-восточном направлении [к Шара-бурду] и несущий хорошую, годную для питья воду; здесь, повидимому, всегда останавливаются проезжие, так как в Шара-бурду вода соленая и пользоваться ею не приходится. Эта речка в месте нашей переправы имеет два рукава: северный, достигающий одной сажени ширины, при глубине самой незначительной — едва прикрывающей илистое русло, и южный — более широкий и более [до-полуфута] глубокий. Ширина общего плеса превышает тридцать сажен. Истоки Шара-бурду находятся верстах в двадцати к юго-западу, где, в отдалении, виднеются пашни китайцев и группы высоких тополей (Populus) и ивы (Salix)... Самое ложе речки, по которому текла вода, довольно топко.

Переправившись на противуположный, возвышенный, правый берег речки, экспедиция была встречена Ц. Г. Бадмажаповым, в обществе которого мы приехали к торговцу-китайцу, где и расположились на краткий отдых... Быстро пробежали мы полученную корреспонденцию, а затем направились в

догонку каравана, успевшего пройти около четырех верст и разбить лагерь у колодца «Хату-худук». В этот вечер мои спутники мало разговаривали между собою; каждый из них мысленно перенесся к родному очагу и жил своими личными интересами, забыв на время Центральную Азию, все трудности и лишения походной жизни, и целиком отдавшись теплым интимным воспоминаниям. Вырезки из газет и самые газеты приблизили нас, лишенных долгое время всякого общения с

Верблюды идут с пастбища на водопой.

культурным миром, к европейским событиям. К сожалению, отрадного я в них ничего не нашел: всё тот же прежний полумрак, то же болезненное состояние царит на родине... Известие о преждевременной смерти русского посланника в Китае — Д. Д. Покотилова, навеяло на меня грустные мысли. Кто заменит этого достойного во всех отношениях дипломата? Кто поддержит на должной высоте престиж России в Китае? Кому придется писать об экспедиции? Кто после энергичного Покотилова облегчит мою задачу? Вот вопросы, которые так подробно, так определенно были выяснены мною с покойным Дмитрием Дмитриевичем, и которые теперь остались висеть в воздухе... А еще так недавно представитель России в Китае, Д. Д. Покотилов, на собрании дипломатического корпуса в пекинском дворце богдо-ханши — матери императора — на китайском языке произнес речь, приведшую самих китайцев в восхищение, а европейских коллег в зависть, и тем самым показал историческую близость России к Китаю и приличествующее положение России как соседа, граничащего владениями от Вели-

кого океана на востоке до «Крыши мира» на западе... Здесь, в глубине Центральной Азии, светлый образ незабвенного Д. Д-ча встал передо мною во всей величавости... Мир праху твоему, честный, энергичный сын великой России!

...Теплая погода способствовала мечтам и сосредоточенному углублению в самого себя.

Лишь только повечерело и стало прохладнее, братья Бадмажаповы, на своих быстрых конях, помчались в Дын-юань-ин... бивак погрузился в полную тишину. Утром, двадцать второго апреля, чуть свет, предстояло и нам выступить к Дын-юань-ину, до которого оставалось всё же тридцать шесть верст...

...Экспедиция двигалась с большим под'емом; неутомимые верблюды шагали бодро; все — и люди, и животные — чувствовали что отдых уже близок. По мере приближения к горам — отпрыскам Алашаньского хребта — песчано-глинистые гряды возвышались, усыпанные галькою лога — углублялись... Алашаньский хребет всё яснее и яснее выступал из-за пыльной дымки, постепенно открывая свое сложное строение и характерную расчлененность. Подножье массива выражалось плоскими холмообразными выступами, разделенными глубокими падями, залегавшими между ними. Устья ущелий резко намечались среди общей однообразно-желтой окраски пустыни, своим темным, размытым и обломочным материалом. К полдню, караван остановился на два часа привалом в урочище Цзуха, за которым, вскоре, показались контуры стен и угловых башен крепости Дын-юань-ина; вблизи оазиса вздымались грандиозные холмы ханхайских отложений.

На этом последнем переходе к Алаша-ямуню, невольно обращает на себя внимание необычное обилие змей. Чаще всего приходится наблюдать самую обыкновенную для здешней местности, серую, большую, тонкую змею (Taphrometopon lineolatum), извивающуюся в три-четыре кольца у обрывов или быстро переползающую дорогу; реже, и даже очень редко, встречается другой вид — серовато-коричневатый, с темным ремнем по хребту и, наконец, третий вид — широкой, короткой, пестрой змеи, держащейся преимущественно у корней пустынных кустарников и невысоких холмиков. Ящериц здесь также очень много, в особенности плоскоголовых — Phrynocephalus, тогда как узкоголовых — Eremias — (E. multiocellata и E. argus)

мы встречали сравнительно мало... Из птиц попался интересный дрозд (Oreocichla varia), вероятно пролетный, временно отдыхавший у пустынной дороги.

В трех верстах к северу от Дын-юань-ина, на вершине гряды, красуется обо; еще через одну версту экспедицию встретили мои спутники Четыркин и Мадаев, два месяца тому назад доставившие из Урги транспорт экспедиции вполне благополучно... Всё это время они жили на попечении Ц. Г. Бадма-

Обо или священное буддийское сооружение, расположенное на высотах, севернее Дынь-юань-ина.

жапова, хорошо отдохнули и поправились. Мало этого, мы сами тотчас по приходе в оазис Дын-юань-ин, также расположились под его гостеприимным кровом самым уютным образом, со всеми удобствами... Здесь можно было разобраться с накопившимся научным материалом, распределить и упаковать коллекции и привести в порядок журналы и наблюдения...

...Сумерки незаметным образом спустились на землю. На темном небе изящным тонким серпом вырисовывалась молодая луна. Шум и трескотня близкого города вскоре умолкли, слышались лишь оригинальные звуки буддийских священных труб, раковин и барабанов, созывающих лам на молитву. Эта своеобразная музыка всегда бывала приятна моему слуху, в ней

улавливалось нечто стройное, нечто гармонично-сливавшееся со звуками природы — шелестом листьев, шумом леса и пением птиц... В девять с половиной часов вечера раздался обычный ежедневный пушечный выстрел, возвещавший время закрытия городских ворот. Затем наступила ночная тишина...

Усталые члены экспедиции скоро отошли ко сну. Но долго, долго не спалось мне—помимо моей воли картина за картиной проходили в моем воображении. Вспоминался самый ранний, давно минувший период первого посещения Алаша—оазиса и прилежащих гор... Еще живее вырисовывалось вторичное пребывание в этих местах, осенью 1901 года, когда я с Тибетской экспедицией возвращался к родным пределам из далекого, богатого, очаровательного Кама... В обоих случаях, на первом плане картины выявлялся величавый облик истого, гениального путешественника Н. М. Пржевальского. Невольно чувствовалось, что образ дикой девственной природы Центральной Азии и чистый вдохновенный образ ее первого исследователя неразрывно слились в одно стройное целое, в одну общую живую гармонию...

Глава VII.

ОАЗИС ДЫН-ЮАНЬ-ИН.

Описание оазиса, крепости и монастыря Ямунь-хит. — Наш визит к алаша-цин-вану. — Занятие членов экспедиции. — Первая экскурсия в горы. — Развитие весенней жизни. — Очерк фауны насекомых. — Вид на хребет Ала-шань. — Ответный визит владетельного князя и парадный обед у этого сановника. — Экскурсия моих сотрудников. — Встреча с европейцами. — Метеорологическая станция. — Почта. — Практическая стрельба.

Оазис Дын-юань-ин раскинулся на серых, с виду безжизненных высотах, разрывающих его на три части, среди сети небольших речек, ручейков и логов, орошенных ключевыми источниками. С западной стороны, к оазису примыкает необ'ятная каменистая или песчаная пустыня, с высокими барханами, с восточной — в меридиональном направлении, высится хребет Ала-шань, гордо поднимающийся к небу скалистой стеной. Множество дорог нитями сбегаются к культурному центру, отрадно зеленеющему в общих однообразных тонах окружающего. После пустыни Дын-юань-ин с своими великанами ильмами, тополями, пышными парками князей и хлебными полями показался нам чуть ли не райским уголком, хотя его нежному весеннему убранству был нанесен жестокий удар пролетевшим снежным штормом, о котором сообщалось в предыдущей главе: весь молодой блеск растительности поблек, листва деревьев потемнела, грозди сирени казались обожженными... Огороды и поля были разделаны с удивительной тщательностью, всюду сквозила любовь к земле и уменье пользоваться дарами природы. Этими качествами оседлого

народа так же, как и глинобитными жилищами, заменившими им юрты, монголы-алаша резко отличаются от своих северных и южных братьев. Почва оазиса весьма плодородна и подобно тому, как в Восточном Туркестане или Кашгарии, требует лишь обильной поливки.

Если более внимательно остановиться на растительности оазиса Дын-юань-ин, то мы заметим, кроме тополя (Populus alaschanica) и ильмов, гордо поднимающихся над постройками, еще очень много как древесных, так еще более кустар-

Оазис и город Дынь-юань-ин.

никовых или травянистых пород... В княжеских парках и садах более или менее обыкновенны: сосна (Pinus densata), ель (Picea schrenkiana), вяз (Ulmus pumila), ясень (Fraxinus sinensis), можжевельник, хвойник, туя (Thuja orientalis), несколько видов сирени; ива в оазисе встречается также часто, вдоль речки и оросительных канав... В садах: яблони, груши, сливы, вишни, смородина, крыжовник, малина и др., а на огородах и полях: ячмень, овсюк, гречиха, чечевица, конопля, лен, мак, картофель, лук (Allium fistulosum, A. oleraceum), чеснок (Allium sativum), морковь, свекла, редька, горох, бобы, спаржа; там и сям отдает пряным запахом вика (Vicia sativa), равно посевная и хмелевидная люцерна (Medicago sativa, M. lupulina); у окраин и изгородей вьется ломонос (Clematis intricata); тут же подорожник (Plantago mongolica, P. depressa), щавель (Rumex crispus), солодка (Glyciriza uralensis), астра (Aster altaicus),

чертополох (Cirsium segetum), гусиная лапчатка (Potentilla anserina. P. multifida, P. bifurca), хвощ полевой (Equisetum arvense, E. ramosissimum), белена черная (Hyosciamus niger), лютик

Оазис Дын-юан-ин. Великан вяз (Ulmus pumila).

(Ranunculus plantaginifolius), щетинник (Setaria viridis), горькая трава (Saussurea crassifolia).

Вообще же говоря, как в самом оазисе Дын-юань-ине, так и на его окраинах (высоких и низких местах) более или

Оазис Дын-юань-ин. Великан вяз (Ulmus pumila), у основания.

менее обыкновенны еще и следующие формы растительности: хармык (Nitraria schoberi), Reaumuria songarica, ива плакучая (Salix babylonica), вьюнок Convolvulus sagittatus, C. ammani), Sophora alopecuroides, липучка (Echinospermum strictum), кресс (Lepidium latifolium, L. micranthum), триостренник (Triglochin maritimum), млечник морской (Glaux maritima), сугак (Lycium chinense), Oxygraphis cymbalariae, Oxytropis aciphylla, рдест или водяная капуста (Potamogeton pectinatus), Mulgedium tataricum, чилига (Caragana tragacanthoides), солянка (Salsola collina), козелец (Scorzonera mongolica), белая лебеда (Chenopodium album), лох (Elaeagnus hortensis), амарант (Amaranthus paniculatus), полынка (Artemisia sacrorum), тысячеголовник (Vaccaria vulgaris), кишнец (Coriandrum sativum), щетинник (Setaria viridis), портулак (Portulaca oleracea), жеруха болотная (Nasturtium palustre) и проч. Одно-два озерка окаймлены камышем или тростником (Scirpus maritimus, Phragmites communis), а в самой воде виднеется водяная сосенка (Hippuris vulgaris).

Часовня, неподалеко от главного храма Ямунь-хита.

В озерках живут лягушки (Rana amurensis).

В северной части оазиса поднимаются высокие стены крепости с фланкирующими башнями не только по углам, но и посередине. Вершина весьма прочной глинобитной стены выложена обожженным кирпичом и увенчана каменным барьером, с бойницами... Вдоль южной части крепости — вне ее тянется основная линия торговых домов; приблизительно, в середине этой улицы к городу подходит большая южная дорога, тоже заполненная в этом районе торговыми помещениями; она пролегает вдоль подножья массива Ала-шаня [1]) и дальше к Нань-шаню.

[1]) Как Тянь-шань и Нань-шань, я называю и Алашаньские горы—Ала-шань.

Внутри крепости, рядом с дворцом цин-вана, стоит большой, богатый монастырь «Ямунь-хит» [1]), основанный в год «Черной собаки», то есть, приблизительно, сто шестьдесят восемь лет тому назад и исповедующий учение Цзонхавы. Существуя исключительно на добровольные пожертвования, этот монастырь насчитывает в своих списках до четырехсот человек лам, но налицо их бывает не более ста пятидесяти. Главою Ямунь-хита считается гэгэн Ганчжур-лама, вызванный в

Окраина оазиса Дын-юань-ина.

отдаленные времена алаша-ваном из Сан-чуани [2]) и состоящий теперь в седьмом перерождении. Современный святитель в возрасте сорока лет, не отличается высокими нравственными качествами, и не будучи религиозным, позволяет себе предаваться светским удовольствиям, не исключая вина, карт и женщин...

Вершителями монастырских дел являются: Да-лама, Дэмчи-лама и Сан-лама; избрание их происходит следующим образом: совет хита составляет список кандидатов на вышеозначенные должности и отправляет его алаша-вану, намечающему с своей стороны желательных ему избранников, которые утвер-

---

[1]) До дунганского разгрома Ямунь-хит был расположен вне крепости, против южных ворот города, на западной стороне нынешней Торговой улицы, где и сейчас находятся отдельные небольшие сумэ.

[2]) Из Сан-чуани привозили и всех последующих перерожденцев Ганчжур-ламы.

Дын-юань-ин. Ямунь-хит

Субурган, вблизи (севернее) Дын-юань-ина

ждаются, наконец, высшими монгольскими представителями по делам религии в Пекине. Прочие, низшие должности казначея, старосты и проч. замещаются исключительно по желанию и назначению местного владетельного князя.

Южная или правильнее юго-западная часть оазиса называется «манчжурским подворьем». Здесь раньше жили братья цин-вана—Ши-е и Сан'е, ныне покойные, сумевшие устроить себе прелестные усадьбы. Широкая, опрятная улица, по-ко-

Поле с цветущим маком в оазисе Дын-юань-ине.

торой, подобно ручью, катится боковой прозрачный арык, осененный тополями, и тенистые сады князей были моими любимыми местами для прогулок. Особенно нравился мне парк князя Ши-е, с своими вековыми деревьями, садовыми кустарниками, вывезенными заботливым хозяином из Китая, уютными красивыми беседками, гротами и чудной тополевой аллеей, ведущей от арочного входа в парк к дому. В настоящее время в этом уголке царила гробовая тишина. По местным обычаям, со смертью мужа вдова не может принимать гостей—мужчин, не может вообще устраивать приемов и увеселений. Лишь изредка собираются к ней приятельницы-женщины, чтобы вместе поплакать и помянуть усопшего. Этот обычай, повидимому, строго исполняется, так как при моих частых посещениях манчжурского подворья, встречались одни только женщины, да малые дети... После всеобщего народ-

ного любимца Ши-е [1]) осталась весьма представительная и симпатичная вдова, с двумя подростками-дочерьми. Бывшего гэгэна Сан-е оплакивали трое жен и трое сыновей, по одному от каждой жены, оставшихся жить, попрежнему, в одном квартале, но по разным домам.

Здесь же, на окраине оазиса, имел некогда свое летнее пребывание покойный алаша-цин-ван; его дворец, представлявший сейчас запустелые развалины, омывался глубокими

Оазис Дын-юань-ин. В парке алаша-цин-вана.

каналами, отделявшими княжеские постройки от других служб — театра, беседок, павильонов и в целом напоминал собою богдо-ханские покои в миниатюре. Непосредственно к самому дворцу примыкала группа холмов, пересеченных логами, где был устроен зоологический сад; в прежнее время здесь разгуливали на свободе маралы, куку-яман'ы, аргали и прочие представители местного животного царства. Теперь всё это как бы вымерло, а многое безвозвратно погибло во время дунганского восстания в 1869-году [2]) .. Каким то чудовищным ураганом, уничтожавшим всё на пути, пронеслись повстанцы дунгане по провинции Гань-су... Монголия, в особенности

[1]) Ши-е, говорят, были устроены владетельным князем и народом грандиозные похороны.

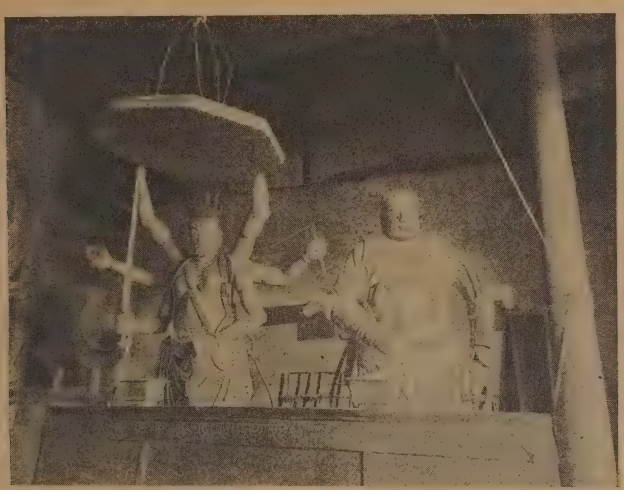
[2]) Пржевальскій. «Монголія и страна Тангутовъ». Томъ I, стр. 267 — 277.

Парадные ворота в сад князя Ши-е

Уголок самого сада — беседка

южная, подверглась также беспощадному разгрому. По рассказам цин-вана, князья с частью имущества едва успели укрыться за стеною города, где и выдержали благополучно осаду, но зато богатый пригород грабителями был разрушен до основания...

Вообще следует заметить, что в настоящее время город Дын-юань-ин, княжеский дворец и самая крепость, независимо от внешних причин, какой, например, явилась нашествие дунган, находятся в состоянии упадка. Все постройки давно не



Нин-ся. Божества кит.-буддийского (?) храма, прислуживающие главному божеству в одном из первых зданий («часовен»).

возобновлялись и нуждаются в капитальном ремонте... Древний вид крепости, монастырских построек и торговых улиц, между прочим, неизменно напоминал всем нам, членам экспедиции, план мертвого города Хара-хото, с которым Дын-юань-ин, вероятно, имеет много общего...

Еще бо́льшее сходство с Хара-хото, нашел геолог экспедиции в своей первой поездке из Дын-юань-ина в хребет Ала-шань, при посещении им китайского города Нин-ся и его окрестных полей. «Теперь мы пошли к Нин-ся»... пишет А. А. Чернов [1]). «В левой стороне от нас видна была большая башня (субурган) и кумирня, горевшая уже третий день.

---

[1]) А. Чернов. Алашаньский хребет. Отчет геолога Монголо-Сычуаньской экспедиции «Извѣстія И. Р. Г. О., том XLVII, вып. I—V, 1911 г. Стр. 230.

«На полях производились различные работы. Мак частью уже отцвел, и китайцы собирали сок, надрезывая массивные коробочки.... Посевы мака всегда занимали отдельные участки, еще издали выделявшиеся своей пестротой. Среди рисовых плантаций китайцы бродили по колено в воде, выдергивая какую то траву... Встречались значительные площади, залитые водой и поросшие камышом. На них кипела своя жизнь: носились чайки, цапли, утки, стонала выпь, раздавались мелодичные голоса певчих птичек.

Нин-ся. Высокая китайская башня; рядом—храмы или пагоды.

«Вспомнив окрестности Хара-хото в низовьях Эцзин-гола, я только теперь ясно представил себе условия существования заброшенного города: и там можно видеть следы такой же системы орошения, размеренные площади, остатки бывших на них построек. Вся жизнь была тесно связана со сложной сетью каналов и неминуемо должна была замереть, как только была нарушена главная водная артерия края».

По прибытии экспедиции в Дын-юань-ин, следуя всем правилам этикета, мы с алаша-цин-ван'ом обменялись визитными карточками, после чего монгольский владетельный князь прислал ко мне своего второго сына Арью [1]) с приветствием. С своей стороны я отправил князю с семейством подарки, среди которых, между прочим были: несколько часов, парча, коралловые браслеты, грамофон и проч...

---

[1]) Старший сын или наследник — Да-е находился в служебной командировке в Лань-чжоу-фу.

Владетельный князь Алаша-алаша-цин-ван.

Двадцать четвертого апреля, приведя себя в парадный вид, члены экспедиции, во главе со мною, сели в княжеские тележки и, сопровождаемые конвоем гренадер и казаков, проследовали городом в старинное помещение алаша-вана. Всюду по пути виднелись вытянутые физиономии любопытных уличных зевак... Тяжело спустившись со ступеней крыльца, с двумя младшими сыновьями, князь встретил гостей на некотором расстоянии от своего жилища и, ласково улыбаясь, пригласил в

Парадный выезд алаша-цин-вана со свитой к месту торжественного служения лам в Дын-юань-ине.

приемную, где мы просидели около получаса. По выражению лица цин-вана и по той приветливости, с которой он беседовал с нами, можно было угадать, что он искренне рад нашему приезду и действительно от всей души готов служить всем чем может. Я, конечно, прежде всего поблагодарил радушного хозяина за руку помощи, протянутую экспедиции в пустыне, на что князь любезно ответил, что надеется и впредь быть нам полезным. Расспросив о пути следования и о наших дальнейших планах, местный управитель коснулся интересного вопроса о текущих событиях в Европе, а также о состоянии Русского государства; при этом он проявил большой такт и необыкновенную деликатность, боясь огорчить меня каким-нибудь неосторожным словом... Останавливаясь на мельчайших подробностях, ван вспоминал мое монголо-камское

Монгольская княжна — дочь Ши-п

Монголка из Дын-юань-ина

путешествие и отметил, что с тех пор у меня изменились эполеты... «дослужился уже до отличий, виденных мною у Николая» [Пржевальского] [1]), задумчиво сказал князь, тихонько перебирая висюльки эполет своими безупречно чистыми тонкими пальцами... Переходя, затем, к моим товарищам по путешествию и узнав, что среди них есть геолог, любознательный ван и его сыновья наперерыв спешили показать ему различные табакерки и другие каменные изделия, спрашивая

Оазис Дын-юань-ин; могилы алашаньских князей.

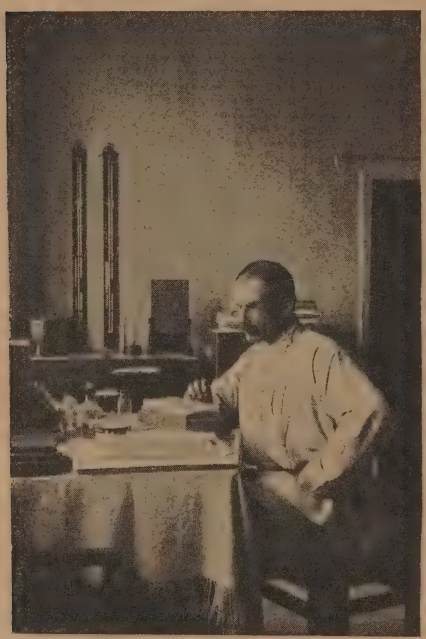
названия составлявших их горных пород. «Поедете в хребет Ала-шань», заметил управитель, «узнайте — есть ли там золото, серебро и драгоценные камни; покойный Николай [Пржевальский] показывая мне образцы камней, говорил, что в наших горах есть драгоценный красный камень и предполагал в следующее путешествие привести сюда геолога для более тщательного исследования наших горных богатств».

Алаша-цин-ван оказался вообще настолько культурным человеком во всех отношениях, что разговаривать с ним было не только интересно, но иногда даже поучительно. Имея представление о выгодах и благах хлебопашества, князь с помощью нашей, со вниманием разбирал вопрос о том, каким образом извлечь из хребта Ала-шаня наибольшее количество

---

[1]) Алаша-цин-ван хорошо помнил и всегда с уважением говорил о Н. М. Пржевальском.

влаги. При этом, невольно напрашивался пример проведения скрытых под землей галлерей или карызов, которыми с таким успехом пользуются в Восточном Туркестане, в Турфано-люкчунск'ой котловине [1]). После приятной беседы с цин-ваном, во время которой ответственную роль драгомана нес испытанный в этом деле Ц. Г. Бадмажапов [2]), мы прежним порядком вернулись к себе, на окраину города, и с удовольствием сбросили парадное одеяние, быстро облекшись в свое старое удобное дорожное платье. После пребывания в городе, мы всегда чувствовали некоторое утомление — слишком непривычными для нас казались шум, сутолока и вообще многолюдство после тишины пустыни...



П. К. Козлов (в Дын-юань-ине, в своей рабочей комнате).

Благодаря порядочности, с которой держали себя представители русской торговой колонии в монгольском княжестве Алаша, престиж русского имени стоял высоко, и местные власти сочли своим приятным долгом озаботиться доставлением из Пекина еженедельной почты, вследствие чего и мы имели возможность также поддерживать с родиной довольно тесную связь. Первые дни пребывания в Дын-юань-ине промелькнули незаметно. На главном биваке работа не прерывалась ни на минуту — днем приводились в порядок дневники, сортировались коллекции, освежался спирт, исследовались ближайшие к крепости горные увалы, вычерчивались карты к отчетам... Периодически велись расспросы о близких и далеких окрестностях, приобретались этнографические коллекции... Мои

---

[1]) М. В. Пѣвцовъ. «Путешествіе по Восточному Туркестану, Кун-луню, сѣверной окраинѣ Тибетскаго нагорья и Чжунгаріи въ 1889-м году и 1890-м годахъ». Труды Тибетской Экспедиціи. Часть I. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. С. Петербург. 1895. Стр. 351.

[2]) Новый переводчик, урядник Полютов только прислушивался и поучался.

младшие сотрудники: незаменимый Иванов и Полютов сооружали будку для метеорологической станции, причем не мало хлопот было с лесом, который удалось добыть лишь с большим трудом и за дорогую цену... По вечерам производились астрономические определения географических координат [1])...

Двадцать пятого апреля оба мои препаратора Телешов и Мадаев, а также собиратель растений и насекомых — Четыркин, втроем, снарядились в экскурсию и перекочевали в одно из блажайших ущелий западного склона хребта Ала-шаня. Тихое ущелье «Субурган-гол» встретило моих спутников приветливо. Несмотря на отсутствие ручьев и речек [2]), придающих жизнь и обаятельную прелесть всяким горам, здесь среди леса водились маралы (Cervus) и порядочное количество птиц, за которыми наши охотники экскурсировали с увлечением. В первые две недели было добыто свыше двадцати видов [птиц], до тех пор не имевшихся в орнитологической коллекции экспедиции и, с любезного разрешения владетельного князя, — три марала (Cervus asiaticus). Живая, привычная в горах деятельность и новая свежая альпийская растительность давали полное удовлетворение...

Кроме алаша-цин-вана, с которым у нас установились самые дружеские отношения, члены экспедиции познакомились в Дын-юань-ине с весьма культурной семьей шведа-миссионера Магнусен, прибывшего сюда с проповедью Христова учения... В далеком пустынном углу супруги Магнусен сильно истомились: им недоставало умственной и духовной пищи, и они, с нетерпением отсчитывали год за годом обязательного семилетнего

Пурбу — орудие, употребляемое при богослужениях заклинательного характера.

[1]) Географическое положение Дынь-юан-ина — широта: 38° 50′ 26″, долгота от Гринвича — 105° 35′ 0″.

[2]) В ущельях хребта Ала-шаня вода встречается только колодезная, в особенности весной и в начале лета.

срока пребывания «на чужбине» [1]). Единственную радость и утешение молодых супругов составлял их маленький ребеночек, к которому они наняли симпатичную няню-монголку... Прекрасная хозяйка, мадам Магнусен неоднократно баловала нас обедами, угощая настоящими европейскими блюдами...

Тем временем тепло надвигалось заметно. Бывало, уже с раннего утра солнце греет ощутительно [температура в семь часов утра в тени 20° С]; в спокойном воздухе реют и и щебечут ласточки, воркуют голуби, баботонят удоды. Иногда с резким визгом проносятся стрижи. А однажды, пара больших дроф протянула над домом, в котором проживала экспедиция... Самые разнообразные мухи, жужжа, пролетают из стороны в сторону; изредка показываются и маленькие бабочки...

Так как возможно полное обследование природы южной Монголии, именно той ее части, которая носит название Алашà, входило в специальные задания экспедиции, остановимся на фауне Алашà несколько подробнее.

По нашей просьбе А. П. Семенов-Тян-Шанский, обработавший значительную часть энтомологических сборов экспедиции, дает следующую общую характеристику фауны Алашà на основании изучения свойственых ей жесткокрылых (жуков) и отчасти перепончатокрылых насекомых.

«В зависимости от орографии страны, ее почвы, растительности и климатических особенностей фауна Алашà распадается на три хорошо выраженные отдельности: 1) фауна песчаных пустыных площадей; 2) фауна глинисто-лёссовых, отчасти орошаемых пространств и каменистых предгорий; 3) фауна Алашаньского хребта, простирающагося почти меридианально и составляющего, вместе с протекающей за ним Желтой рекою (Хуан-хэ), естественную границу между Алашà и Ордосом. Граница эта, если не очень резко, то всё же ясно выражена в составе фаун Ордоса и Алашà. Так, в пределах Алашà, насколько мы теперь знаем, вполне отсутствуют те элементы палеанарктической (японо-китайско-гималайской) фауны, которые, в ничтожном, правда, количестве, еще встречаются в

[1]) Таковы правила миссионерской службы... Говорят, однако, что известно не мало примеров, когда миссионеры, прожив до семи лет на чужбине и вернувшись на родину, начинали тосковать о далеких странах, и при первом случае возвращались к месту религиозного служения.

пределах Ордоса, проникнув туда, вероятно, вверх по течению Хуан-хэ; мы разумеем, прежде всего, один декоративный вид жуков-скакунов, Cicindela laetescripta Motsch., найденный Потаниным в Ордосе, но отсутствующий в Алашà; вид этот распространен по северному Китаю, исключая, впрочем, провинцию Гань-су, по южной Маньчжурии, Корее, Южно-Уссурийскому краю и Японии и совершенно чужд природе Монголии. Отсутствует в Алашà и другой, еще более красивый вид жуков-скакунов, Cicindela resplendens Dokht., живущий в песках Ордоса и являющийся здесь, повидимому, пережитком иных условий существования в минувший геологический период (третичный). Не менее характерно отсутствие в Алашà и некоторых других пустынных или полупустынных форм жуков уже чисто палеарктического типа, весьма обыкновенных в Ордосе, но отсутствующих в Алашà, как напр. крупная даурско-монгольская жужжелица Eupachys glyptopterus Fisch.-W., более мелкая ордосская пустынная жужжелица Pseudotaphoxenus Potanini Sem., ордосский хрущ-чернотелка (Trematodes grandis Sem.), чернотелка Platyope ordossica Sem., и некоторые другие. Но на ряду с этим мы видим широко распространенным как в Ордосе, так и в Алашà бескрылого жука-кравчика (Lethrus Potanini B. Jak.), который встречается, впрочем, и в центральной Монголии. Другой, одинаково обыкновенный и в Ордосе, и в Алашà жук, Hoplia semicastanea Fairm., распространен одновременно в китайских провинциях Гань-су, Шэньси, Шаньси и Чжили.

«С севера и с запада Алашà не имеет никаких естественных границ, и поэтому ее фауна незаметно сливается с фауной соседних частей Монголии, особенно — западной. Ограничивающая Алашà с юга китайская провинция Гань-су вливает в фауну Алашà значительный процент форм насекомых, для Алашà, как и вообще для Монголии, строго говоря, не характерных. Сюда мы относим крупного усача Dorysthenes (Cortognathus) paradoxus Fald., китайского жука-пестряка — Trichodes Sinae Chevr., навозников: Bolbotrypes Davidi Fairm. и Copris ochus Motsch., Trox eximius Fald., хрущика Anomala chamaeleon Fairm., чернотелку Prosodes Kozlovi Sem., sp. n., и многие другие.

«Основной тон фауне Алашà дают всё же ее пустынные части. Здесь, в сыпучих, отчасти барханных песках, создались условия, очень близкие к тем, в каких находится фауна в

наших Арало-Каспийских пустынях. Но, несмотря на то, что южная часть Алашà лежит под 38° с. ш. (широты южной Испании, Сардинии, самой южной части Италии, Греции, Малой Азии, южного Закавказья, значительной части нашей Закаспийской области и т. д.), несмотря на сильнейшую летнюю инсоляцию страны, в фауне пустынь Алашà несравненно меньше южных элементов, чем в соответствующих частях Турана; в сумме же фауна эта значительно беднее туранской. Об'ясняется это, конечно, тем, что южную границу Алашà составляют большие горные хребты, за которыми простирается к югу громадное Тибетское нагорье, между тем как пустыни Турана имеют в нашем Закаспийском крае непосредственную смычку с обширными жаркими пустынями Ирана, простирающимися до самого Индийского океана и Индии; кроме того, и зимний климат Алашà значительно суровее соответствующих по широте частей Турана. Вот почему мы не встречаем в Алашà, как и вообще во всей южной Монголии, многих субтропических родов насекомых, так ярко характеризующих фауну наших туранских пустынь (как, напр., среди жуков Anthia, Tetracha, Trichis, Dynamopus, Crator, Coptognathus, Melambia, Plocaederus, Aeolesthes, Phonapate, Lampetis, Pseudocastalia, Julodis, Polyarthron, Ammocleonus и друг.). К биогеографическому типу этих родов только несколько приближается род дровосеков Apatophysis Chevr., свойственный всей зоне пустынь Евразии, но имеющий отдельных представителей также в горах Читрала, Кашмира и собственно Китая (сев. Сычуани); он представлен в Алашà одним только видом (Apatophysis mongolica Sem.), широко в то же время распространенным по Монголии до ее северо-запада включительно.

«Наиболее южными элементами в фауне Алашаньской пустыни являются в большинстве случаев роды жуков, имеющие представителей, с одной стороны, в южной полосе наших Киргисских степей, с другой—в средней полосе Монголии. Сюда относятся, например, такие роды жуков, как Ahermes Rttr. (представлен в песках Алашà тремя местными видами: Ahermes Kozlovi Sem., A. Kaznakovi Sem. и A. Olsufievi Sem., sp. n.), Pterocoma Sol. (в Алашà: Pt. vittata Friv., Pt. alashana Sem., sp. n., и Pt. Napalkovi Sem., sp. n.), Platyope Fisch-W. (широко распространенная по Монголии Pl. mongolica Fald.), Chionosoma Krtz. (широко распространенный по юго-западной

Монголии и Китайскому Туркестану Ch. Reitteri Brenske), Deracanthus Sch. (D. Kozlovi Suvor., sp. n.), Neodorcadion Ganglb. (N. Kaznakovi Suvor.), Ceratophyus Fisch.-W. (встречающийся начиная с Забайкалья C. dauricus Jek.), Polyphylla Harr. (обыкновенная в центральной Монголии (P. alba vicaria Sem.), Scarabaeus L. (Sc. sacer L.), Steropes Stev. (St. caspius Stev.), Asias Sem. (A. halodendri Pall.), Harpalodema Rttr. (H. Potanini Tshitsh.), Corsyra Dej. (C. fusula Fisch.-W.), Chlaenius inderiensis Motsch. и др. Весьма в этом отношении показательно отсутствие в Алашà, как и во всей вообще Монголии, эндемичных представителей рода красотелов—Calosoma Web. (если исключить из него подрод Callisthenes Fisch.-W.): в то время как в Закаспийском крае сверх других живут три местных вида Calosoma (C. Petri Sem., C. deserticola Sem., C Reitteri Roeschke), в Алашà, как и в других частях Монголии, из настоящих (крылатых) красотелов встречаются только Calosoma turcomanicum Motsch. и C. denticolle Gebl.; последний вид особенно типичен для Алашà как свойственный одновременно степям юго-востока Европейской России и всей полосе Киргисских степей, но не встречающийся в пределах собственно Турана (отсутствует он и в Китайском Туркестане).

«Для Монголии вообще и для Алашà в частности весьма характерно широкое распространение некоторых видов в долготном направлении. Так, из восьми видов жуков-скакунов (Cicindela), найденных до сих пор в Алашà (C. chiloleuca Fisch.-W., mongolica Fald., lunulata F. в форме littoralis Dej., obliquefasciata Ad., gracilis Pall., contorta Fisch. W., pseudodeserticola W. Horn, sublacerata vicaria Sem.), первые пять поднимаются в северном направлении до нашей Иркутской губернии.

«В числе типичных для пустынь Алашà родов жуков могут быть названы еще: Anatolica Eschsch. (A. mucronata Rttr., A. suturalis Rttr. и др)., Microdera Eschsch. (несколько видов), Stephanocleonus Motsch. (красивый St. Kozlovi Suvor., sp. n., и др.), в особенности же эндемичные в южной Монголии роды: чернотелка Mantichorula Rttr. (общий с Ордосом вид: M. Semenovi Rttr., с которым должна быть слита M. grandis Sem.), златка Rhabdiscus Sem., gen. n. (Rh. Mongoliae Sem., sp. n.,—вид распространенный от центральной Монголии до Цайдама) и жужжелица Hyalamara Tshitsh. (H. crystallina Tshitsh., пока

известная только из песков южного Алашà [1]). Нельзя при этом не отметить, что процент эндемичных в песках Монголии родов жуков совершенно ничтожен, особенно если его сопоставить с весьма значительным процентом своеобразных эндемических родов жуков в песках Турана. Всё это говорит нам о геологически недавнем, и притом только эолическом образовании и развитии сыпучих песков на равнинах Монголии.

«В связи с тем, что в Монголии не много форм жуков, претерпевших глубокие морфологические изменения под влиянием жизни в песчаной среде в течение длинных геологических периодов, что́ мы видим именно в фауне пустынь Турана, многие из обитателей песчаных и песчано-глинистых площадей Монголии и, в частности, Алашà, нередко живут также и на глинисто-лёссовых ее участках, а отчасти и на других почвах. Вот почему в оазисе Дын-юань-ин, как и в полосе, отделяющей его от соседних гор, встречаются некоторые формы жуков, общие с пустынными пространствами Монголии, как, напр., скакуны Cicindela mongolica Fald и C. contorta Fisch.-W., чернотелки Pterocoma vittata Friv., Platyope mongolica Fald., Cyphogenia humeralis F. Bates, усач Neodorcadion Kaznakovi Suvor., жужжелица Harpalodema Potanini Tshitsh. Основной фон фауне оазиса Дын-юань-ина дают всё же широко распространенные в северном Китае, бо́льшею частью — вообще в Азии формы, как, напр., общие Европе и северному Китаю жужжелицы: Dolichus halensis Schall., Scarites terricola Bon., Broscus cephalotes semistriatus Fisch.-W., Nebria livida L., представленная здесь особой местной расой; как общеизвестный в Европе и всюду обыкновенный июньский хрущ (Amphimallus solstitialis L.); как китайско-восточно-сибирские жужжелицы: Poecilus fortipes Chaud., Chlaenius pallipes Gebl., Chl. stshukini Mén., такой же скакун—Cicindela gracilis Pall., бронзовка Netocia hungarica Hrbst., представленная здесь, впрочем, местной расой; как широко распространенный в северном Китае и отчасти в Средней Азии дровосек Trichoferus campestris Fald., и т. п. Но на ряду с этими широко распространенными формами в окрестностях Дын-юань-ина и в подгорной полосе Алашаньского хребта водятся и такие характерные жуки, как мелкая жужже-

[1]) Второй вид этого рода (или подрода), Hyalamara hyalina Sem., известен из восточной части внутренней Монголии, где он живет в песках у Большого Хингана.

лица Cymindis (Berus) Tshitsherini Sem., очень близкая к японско-уссурийской Cymindis daimio H. W. Bates и встречающаяся также в горах Муни-ула; как бронзовка Pachnotosia brevitarsis Lewis; как златка Lampra limbata Gebl., общая с Манчжурией и Забайкальем и распространенная по Монголии, вероятно, вместе с деревьями ильма (Ulmus pumila); как широко распространенный по Монголии нарывник Mylabris mongolica Dokht.; как уже упоминавшийся Trichodes Sinae Chevr.; как Pleopertha arcuata Fald., или как впервые открытые экспедицией долгоносики: декоративный Lixus Kozlovi Sem., sp. n., Adosomus Grigorievi Suvor., sp. n., Diglossotrox alashanicus Suvor., sp. n., Macrotarsus Kozlovi Suvor., sp. n., Ptochus Kozlovi Suvor., sp. n.; как живущий на диком персике (Amygdalus mongolica) блестящий трубковерт Rhynchites Kozlovi Suvor., sp. n.; как листогрызы: Crosita alashanica Jacobs., Chrysochus cyclostoma Wse. и goniostoma Wse., Calasposoma sp.» [1]).

... В тихие дни атмосфера становится удивительно прозрачной; хребет Ала-шань открывается во всех подробностях; видны вершины, ущелья, отдельные скалы и лес; издали резко отмечаются места падения пород, слагающих массив. Но всё это— до первого движения воздуха. Лишь только поднимется хотя бы слабый юго-западный или юго-восточный, сменяющий друг друга, ветер, как с поверхности земли отделяется пыльная дымка, затмевающая всё вокруг. В широко-раскинувшейся по сторонам пустыне появляются высокие, тонкие, часто весьма затейливых очертаний, вихри и кажется, что эта пустыня вот-вот надвинется и поглотит в своих знойных об'ятиях цветущий зеленый оазис.

В лучшее вечернее или утреннее время, мы любили подниматься на соседнюю с домом высоту и любоваться очарова-

[1]) Продолжение очерка фауны Алашà А. П. Семенова-Тян-Шанского см. в VIII гл. Из полужестокрылых (клопов) оазису Дын-юань-ину и его окрестностям, по данным А. Н. Кириченко, свойственны: Aelia sibirica, Brachynema virens, Carpocoris pudicus, C. (Antheminia) obtusiventris n. sp., C. (Antheminia) laticollis, Dolycoris baccarum, Eurydema maracandicum, E. wilkinsi, E. gebleri, Rhaphigaster brevispinus, Zicrona coerulea, Corizus hyosciami, Liorhyssus hyalinus, Pyrrhocoris sibiricus, P. apterus, Spilostethus ezuestris, Geocoris lapponicus, Lamprodema maurum, Emblethis denticollis, Tingis kozlovi n. sp., Reduviolus testaceus, R. ferus, Cimex lectularius, Anthocoris sibiricus, Triphleps minuta, Adelphocoris lineolatus, Lygus pratensis, Poeciloscytus vulneratus, P. cognatus, Camptobrachis punctulatus, Stenodema (Brachytropis) trispinosum, S. virens, Trigonotylus ruficornis, Orthotylus flavosparsus, Chlamydatus pullus, Shichopleurus и немногие другие.

тельной картиной гордых гор Ала-шаня, игравших мягкими переливами красок; по гребню искрились косые солнечные лучи, а над ущельями разливалась сизая дымка, медленно выползавшая на скаты. Особенно контрастно вырисовывалась тогда главная священная вершина Баин-сумбур, привлекавшая ежегодно летом, в июне или в июле, благочестивых монголов, собирая их к своему центральному обо с молитвой, жертвоприношениями и особыми торжественными богослужениями.

Дын-юань-ин. Праздничное богослужение и круговой обход монастыря «Ямунь-хит».

В бинокль определенно намечалась лесная растительность среднего пояса священного массива и даже отдаленные альпийские луга.

По словам местных жителей, последние пять лет в монгольском княжестве Алаша́ царила большая засуха, что́ в соединении с общей скудостью воды и отсутствием порядочных рек и речек, повлекло за собой неурожай хлебов. Лишенное главного жизненного подспорья, многочисленное население оазиса беднело, беднел постепенно и управитель, задолжавший с своими тремя хошунами Пекинскому двору около трехсот тысяч лан серебра. В начале княжения алаша-вана хошуны его были более обеспечены, и пекинский долг исчислялся всего в сто тридцать или сто пятьдесят тысяч лан... Для того, чтобы

несколько улучшить экономическое благосостояние края, князь недавно добился у китайского правительства разрешения на ежегодную субсидию, в количестве двадцати тысяч лан, которая, номинально, отпускалась якобы на содержание в боевой готовности монгольских войск. Во время нашего пребывания в Дын-юань-ине, старший сын цин-вана—Да-е как раз находился в Лань-чжоу-фу и в первый раз выжидал получения вышеозначенной субсидии.

Месяц апрель близился к концу; сухость атмосферы продолжала оставаться крайнею, а потому пыль, поднимаемая западным ветром, постоянно наполняла воздух и увеличивала духоту. Тем не менее весенняя жизнь быстро развивалась. За мухами и жуками вскоре появились мелкие насекомоядные птички—славки, мухоловки, горихвостки, крапивники; попорченная морозом и снежным штормом зелень стала давать новые побеги.

На окраине оазиса, почти под каждым опрокинутым камнем, можно встретить двух-трех, а то и большую компанию скорпионов (Buthus eupeus mongolicus Bir., subsp. nov. [1])

Первого мая, в 1 час дня, в тени, термометр показывал уже 27.2° С.

Этот день ознаменовался для нас очень приятным событием: в первый раз за все путешествие русских, алаша-цин-ван лично почтил экспедицию своим посещением, тогда как прежде и по отношению экспедиций Н. М. Пржевальского, и по отношению моей Монголо-Камской или Тибетской, он ограничивался присылкою своих братьев или сыновей. Надо заметить, что ван вообще выезжает крайне редко—приблизительно раз в год, да и то по какому нибудь особо-важному случаю, под салют пушечного выстрела. Выезд его из дворца всегда обставляется очень торжественно: улица, по которой предстоит следовать управителю, предварительно чистится, моется, прибирается. За четверть часа до его приезда, обыкновенно, присылается визитная красная карточка, с манчжурским письмом, а затем уже в нарядной китайской коляске, окруженной блестящей свитой на разукрашенных бойких иноходцах, следует и сам цин-ван...

---

[1]) А. А. Бируля (С.-Петербургъ). «Арахнологическія изслѣдованія, I. Къ фаунѣ скорпіоновъ и сольпугъ Китайской Имперіи. Русск. Энтом. Обозр. XI. 1911. № 2». Стр. 195 — 201.

Облекшись в лучшее платье, члены экспедиции вышли встретить почетного гостя при входе в первые ворота. Зная обычай страны, я провел князя в самую большую и удобную комнату, где, сидя только вдвоем, мы могли беседовать в течение довольно продолжительного времени. Мой гость был любезен, словоохотлив и искренен. С видимым удовольствием, попивая ликер-бенедиктин и кушая сочные сладкие сливы и вишни, он говорил о современных событиях в Китае, и о политике европейских государств. Интересуясь деятельностью каждого члена экспедиции, владетельный князь расспрашивал меня о спутниках и вновь со вниманием выслушал замечание геолога Чернова, по поводу различных каменных предметов, которые были привезены ему на показ. Сыновья вана, между тем, расположились рядом, в столовой, вместе с моими сотрудниками, и, весело болтая, пили чай и вино [1]). Здесь молодежь чувствовала себя непринужденно, но зато появляясь к нам, по зову отца, князья тотчас принимали серьезный вид и, не смея сесть, почтительно стояли в стороне, отвечая только на вопросы, поставленные ваном, и удаляясь, лишь только с ними прекращался разговор...

Проведя у нас часа два с половиной, князь успел осмотреть мою комнату, познакомиться с некоторыми книгами, картами, физическими инструментами и коллекциями, и расспросить подробно об открытиях в мертвом городе Хара-хото. Уезжая, ван обещал вновь посетить экспедицию вечером, с тем, чтобы полюбоваться в астрономическую трубу небесными светилами.

Как и следовало ожидать, пребывание экспедиции в людном центре сильно увеличило личные расходы путешественников. Всем, невольным образом, хотелось приобрести что нибудь на память, все увлекались безделушками китайского или местного производства. С помощью Ц. Г. Бадмажапова и других алашаньских друзей я собрал не мало образцов буддийского культа, преимущественно металлических и писанных на полотне бурханов; не прошли мимо нас и исторические художественной работы бронзовые вазы или картины [2]). Всё это приобреталось

[1]) Следует заметить, что такую роскошь, как вино, я позволил только в виду экстренного визита вана с одной стороны, с другой же главным образом потому, что здесь, в Дын-юань-ине, мы получили несколько бутылок его в подарок от Ц. Г. Бадмажапова.

[2]) Бо́льшая часть подобной этнографической коллекции, впоследствии, мною была передана в этнографический отдел Русского музея.

Дын-юань-ин. Празднество по случаю Нового года

от потомков тайчжи, дворян, частью за деньги, частью в обмен за лучшие личные предметы....

Шестого мая наша экспедиция в полном составе обедала у цин-вана. Князь принял нас, как всегда, радушно и учтиво: мы сразу прошли в парадную столовую, открывавшуюся окнами на сцену домашнего театра, а конвой остался в соседней комнате, с чиновниками и сыновьями управителя.

Когда мы сели за стол, представление было уже в полном разгаре: на сцене фигурировала женщина-героиня, [1]) одержавшая несколько блестящих побед над воинственными соседями; актеры казались в ударе, и с трогательной правдивостью изображали животрепещущие моменты военно-героической эпопеи, как например—от'езд храброй женщины на войну, прощание ее с матерью и наконец доблестное возвращение на родину. Третий сын цин-вана, У-е, любитель искусства, не отходил от театра, давая всё время советы и приказания, волнуясь за исход представления. Грим, костюмы, оригинальная китайская музыка—не оставляли желать ничего лучшего и особенно чаровали при эффектном вечернем освещении. Начавшийся на исходе дня вялый разговор с ваном, к вечеру оживился; а когда стол разукрасился всевозможными явствами, тарелочками и чашечками—все увлеклись едой и театром, забыв всякую натянутость и строгость в обращении. Блюд подавали много—от тридцати до тридцати пяти, со включением пресловутых «ласточкиных гнезд». Больше всего по вкусу гостям пришелся всё тот же неизменный баран,—наша повседневная еда во время путешествия—великолепно приготовленный по-монгольски «на всякий случай». Последнее блюдо в счет не входило, но лучшим образом выручило и поддержало славу гостеприимного хозяина... Из питий нас угощали сначала довольно невкусной рисовой настойкой, а затем—отличным европейским шампанским....

Княгини и женщины вообще не присутствовали на обеде; им была отведена отдельная изолированная комната, откуда они всё же имели возможность следить за исполнением пьесы. Князь на несколько минут выходил к экспедиционному отряду и оказал ему, по-местному, большую честь, выпив рюмку вина

---

[1]) Как известно, в китайском театре женские роли исполняются подходящими актерами—мужчинами, которые мастерски подражают женщинам: голосом, походкою и другими манерами.

за здоровье чинов конвоя и пожелав им успеха в дальнейшем странствовании. Следуя обычаям страны, по окончании празднества, мы послали актерам в благодарность слиток серебра; не забыли также и поваров; таким образом, в общей сложности, обед у цин-вана нам стоил около пяти фунтов китайского серебра...

Торжество закончилось поздним вечером; мы шли обратно пешком, окруженные свитою с фонарями; по случаю большого приема у цин-вана, ворота города оставались всё время открытыми.

Наследник алаша-цин-вана—Да-е.

Работы экспедиции шли своим чередом: постройка метеорологической будки приходила к концу; толковый наблюдатель Давыденков, бывший сельский учитель, усиленно готовился к ответственной деятельности; мои старшие сотрудники гг. Чернов и Напалков снаряжались в большой раз'езд; им было поставлено задачей—изучение хребта Алашаня на обоих его склонах, то есть на западном и восточном, с проложением маршрута до северной окраины гор, уже перешедших на правый берег Хуан-хэ. Прилежащая часть долины этой реки также входила в план работ моих спутников. Для ведения зоологических сборов и для услуг в пути я командировал с экскурсантами препаратора Мадаева и двух нижних чинов.

По от'езде товарищей я принялся за систематическую сортировку предметов, добытых в Хара-хото; таким образом составилось десять ящиков, [1]) готовых к отправлению в Русское Географическое Общество. В свободное время я занимался фотографией, тщательно изучая аппарат и самолично проявляя снимки. При этих работах меня часто сопровождал молодой князь У-е, тоже увлекающийся фотографированием. Вообще говоря, сыновья цин-вана не забывали экспедицию и я по-

[1]) Весом по одному пуду каждый.

Монгольский князь У-е, сын алашà-цин-вана

стоянно имел с ними общение. Старший сын и наследник Алашá Да-е, отсутствовавший в Лань-чжоу-фу, также посетил нас тотчас по своем возвращении и выразил мне самое искреннее расположение. Он держал себя уже по-европейски, имел обычные белые, маленького формата, визитные карточки и, принимая посетителей, усаживал их не на пол, а в мягкие кресла перед столом, покрытым бархатною скатертью. Сидя с этим культурным молодым человеком за чашкой чая и кушая печенье, [1]) я с удовольствием беседовал о всевозможных во-

Метеорологическая будка экспедиции. Слева Ц. Г. Бадмажапов, справа — наблюдатель Давыденков.

просах, касающихся Китая, России и в частности их «заброшенного уголка»—Алашá, в то же самое время наблюдая, как в противоположной женской половине дома, мимо окон, то и дело проходили манчжурки, монголки и высокая миловидная супруга Да-е, всё же скрывавшаяся от посторонних взоров.

Кроме монгольских князей, изредка меня посещали также и случайные гости оазиса—европейцы: англичанин м-р Гарнетт, член английского посольства в Пекине [2]), и немецкий инженер Karius, проживавший в Китае, в Пекине, уже около десяти лет и занимавшийся постройкой мостов. В настоящее время

[1]) На столе, кроме этих угощений стояли еще сигары, папиросы и шампанское.
[2]) Mr W. J. Garnett, Secrétair de la Légation de sa Majesté Britannique.

он сооружал мост через Желтую реку в Лань-чжоу-фу и, надеясь при помощи собственных и китайских мастеров через год окончить работу, приглашал меня взглянуть на его детище при обратном следовании в Россию.... Hr Karius жаловался на сильную усталость и разбитость от верховой езды на собственных прекрасных чистокровных лошадях, [1]) особенно утом-

Хамбо-лама Агван-Ловсан Доржиев.

лявших его при энергичных под'емах в гору. Эти свидания с высоко-интеллигентными людьми в дикой стране оставляют в душе неизгладимое впечатление, и потом долгое время живешь воспоминанием об интересных беседах и мыслях, дающих пищу пытливому уму.

---

[1]) На которых всегда заглядывались мои казаки и местные туземцы—истые любители коней.

Метеорологическая станция экспедиции начала регулярные наблюдения с пятнадцатого мая; все физические инструменты, в том числе и самопишущие приборы Ришара—барограф и термограф—действовали надлежащим образом. Производя периодически поверочные астрономические определения, мне удалось между прочим найти точное месторасположение Дынюань-ина, пользуясь несколькими удачными покрытиями звезд неосвещенным диском луны.

Почта попрежнему баловала нас и приносила известие не только через Пекин, но изредка и через Ургу, где любезный Я. П. Шишмарев особенно наблюдал за скорейшей доставкой нашей корреспонденции. Этим путем я получил письмо от известного хамбо-ламы Доржиева [1]), искренно порадовавшего меня и невольно навеявшего на меня размышления о Далай-ламе. Сейчас, Тибетский первосвященник находился в Пекине или монастыре У-тай, но осенью или зимою собирался отбыть в Амдо, в монастырь Гумбум, где, в тайнике души, я очень надеялся его встретить и действительно встретил, но об этом речь впереди.

... В хорошие ясные дни, когда солнце уже склонялось к закату и становилось прохладнее, мы нередко упражнялись в стрельбе из винтовок. В это путешествие я особенно серьезно смотрел на вопрос поднятия боеспособности экспедиционного отряда и добивался от своих молодцов-спутников безупречного попадания в цель, так как имелись весьма основательные причины опасаться нападения туземцев. Пользуясь неудачами, постигавшими русские войска во время японской войны, китайцы массами похищали и увозили к себе русские военные ружья, снабжая ими горные, дикие племена, населявшие Нань-шань, а главным образом Амдо'ское нагорье. Воинственные обитатели гор и высоких степей в глубине Азии представляли теперь более грозную силу и, при своих разбойничьих нападениях на экспедицию, могли оказать значительное сопротивление горсточке русских исследователей, заброшенных вглубь азиатского материка. С этим грустным явлением необходимо

---

[1]) О Доржиеве более подробно см. в моих трудах: «Тибет и Далай-лама». Стр. 58 — 59; и «Русскій путешественникъ въ Центральной Азіи и мертвый городъ Хара-хото». С. Петербургъ. 1911. (Оттискъ изъ журнала «Русская Старина». 1911 г.). Стр. 36 — 37.

было считаться. Кроме винтовок, я заодно упражнялся также в стрельбе из штуцера Ланкастера, некогда принадлежавшего Н. М. Пржевальскому, и получал прекрасные результаты. Наша стрельба привлекала любопытство местной публики, состоящей из монголов и китайцев, и часто вызывала с их стороны громкое восхищение по поводу отличных попаданий в цель.

По уходе моих спутников, я обыкновенно еще долго оставался на вершине холма, господствовавшего над Дын-юань-ином. Теперь было самое лучшее время—солнце скрывалось за горизонт, небо наряжалось в блестящие тона и чувствовалась еще бо́льшая прохлада воздуха... Отсюда пустыня была видна на далекое расстояние, словно в морском просторе, тогда как ближайший ее край кругом обступал оазис. Со стороны города не долетало ни одного живого звука, не показывалось ни одного живого силуэта: селяки возвратились с полей и скрылись за свои непроницаемые стены.

Тем временем заря картинно разлилась над пустыней и еще картиннее отразилась на вершинах Алашаньского хребта. Над ущельями попрежнему сгустилась синяя дымка, медленно выползавшая на крутые скаты... Еще каких-нибудь полчаса и летняя ночь спустилась на землю...

Глава VIII.

ХРЕБЕТ АЛА-ШАНЬ.

Моя поездка в горы. — Могила княгини и келья аскета. — Следы периодической энергичной деятельности вод в горах. — Хребет Ала-шань; его флора и фауна. — Горный баран. — Ушастый фазан. — Характеристика фауны насекомых Алашаньских гор. — Монастыри Барун-хит и Цзун-хит. — Возвращение членов экспедиции. — Обед и вечер в обществе алаша-цин-вана. — Новые экскурсии моих помощников.

Проводя бо́льшую часть времени в Дын-юань-ине за разного рода занятиями, я всей душой рвался в горы, завидуя спутникам, экскурсировавшим сначала в соседнем ущелье, рядом с первой стоянкой в Субурган-голе,—Цзосто, где они собрали запоздавших пролетных птиц, а затем в ущелье Хотэн-гол.

При входе в Хотэнгол'ское ущелье находится могила одной из жен нынешнего цин-вана—матери третьего сына—У-е и двух ее детей, погребенных с нею рядом, под насыпями. Место упокоения китайской принцессы обнесено глиняной оградой и украшено аллеей из горных елей... Вблизи, с севера, в самом устьи горного ущелья, в скале, имеется оригинальная обитель ламайского аскета, некогда проживавшего здесь. Дверь и клетчатое окно придают постройке сказочный характер.

В общей сложности, в обоих ущельях мне удалось прожить вместе с экскурсантами около недели, но надежда на богатые сборы, к сожалению, не оправдалась.

Как отрадно, как радостно бывало вырваться из пыльных, грязных людных улиц города на простор, где свободно веет свежий ветерок, обдавая вас горной прохладой и ароматным

запахом зелени... Вдали, неясно вырисовывается хребет, растительность которого особенно гармонирует с окружающими серыми тонами скал. Заранее уже наметишь себе желанный уголок и стремительно несешься к нему на бойком монгольском иноходце...

Проводимые среди природы дни я всегда старался использовать в самых широких размерах, охотясь за зверями и птицами, пополняя зоологические сборы и определяя высоты седло-

Западный склон хребта Ала-шаня (от ущелья Хотэн-гол к югу); у подножья гор могила одной из жен алаша-цин-вана — матери князя У-е.

вин или вершин Ала-шаня... Самыми лучшими минутами для меня бывали те минуты, когда, в полном одиночестве, я сиживал где либо на одной из вершин хребта, как это было при под'еме на Ала-шань, по ущелью Хотэн-гол. По обе стороны помню, уходили, словно морские дали, бесконечные волнистые увалы, окутанные пыльной дымкой. На западе, тянулась песчаная пустыня, а на востоке, тускло блестела водная лента Хуан-хэ...

К северу стояли громады отвесных известняковых или песчаниковых скал, контрастно выделяясь своими серо-желтыми оттенками, а к югу, вдоль хребта, открывался вид на его гребень, извивавшийся зеленою змеею, в самых затейливых очертаниях. Подножья гор окаймляли мощные конгломераты, разрываемые

в оригинальные балки живыми силами периодических вод, бегущих иногда по крутизнам Ала-шаня со страшною стремительностью [1]). Хребет Ала-шань, кроме того, богат залежами превосходного каменного угля. В состав хребта — его геологического строения вообще, помимо отмеченных известняков, песчаников и конгломератов, входят сланцы, фельзит, фельзитовый порфир, гранулит, гнейс и породы новейшего вулканического происхождения [2]).

[1]) Один из таких периодических ливней в хребте Ала-шане картинно описывает Н. М. Пржевальский: «Утром первого июля [1872 г.] вершины гор начали кутаться облаками, служившими, как обыкновенно, предвестием дождя. Однако, к полудню почти совсем раз'яснило, так что мы ожидали хорошей погоды, как вдруг, часа три спустя, облака сразу начали садиться на горы, и наконец полил дождь, словно из ведра. От этого ливня палатка наша быстро промокла, и мы, сидя в ней, отводили в сторону, небольшими канавками, попадавшую к нам воду. Так прошло около часа, ливень не унимался, хотя туча была не грозовая. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвою, или удержаться на крутых склонах гор, так что вскоре со всех ложбин, боковых ущелий и даже с отвесных скал, потекли ручьи, которые соединившись на дне главного ущелья, т. е. того, в котором мы стояли, образовали поток, понесшийся вниз с ревом и страшною быстротою, Глухой шум еще издали возвестил нам приближение этого потока, масса которого увеличивалась с каждою минутою. Мигом, глубокое дно ущелья было полно воды, мутной как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимою быстротою. Огромные камни и целые груды меньших обломков неслись потоком, который с такою силою бил в боковые скалы, что земля дрожала, как бы от вулканических ударов. Среди страшного рева воды слышно было как сталкивались между собою и ударялись в боковые ограды огромные каменные глыбы. Из менее твердых берегов и с верхних частей ущелья вода тащила целые тучи мелких камней и громадными массами бросала их, то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лес, росший по ущелью, исчез—все деревья были выворочены с корнем, переломаны и перетерты на мелкие кусочки.

«Между тем, проливной дождь не унимался и сила бушевавшей возле нас реки выростала более и более. Вскоре, глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками леса, так что вода выступила из своего русла и понеслась по незатопленным еще местам. Не далее трех сажень от нашей палатки бушевал поток, с неудержимою силою уничтожавший всё на своем пути. Еще минута, еще лишний фут прибылой воды и наши коллекции, труды всей экспедиции, погибли бы безвозвратно... Спасти их нечего было и думать при таком быстром появлении воды; в пору было только самим убраться на ближайшие скалы. Беда была так неожиданна, так близка и так велика, что на меня нашел какой-то столбняк; я не хотел верить своим глазам и, будучи лицом к лицу с страшным несчастием, еще сомневался в его действительной возможности.

«Но счастье и теперь выручило нас. Впереди нашей палатки находился небольшой обрыв, на которой волны начали бросать камни и вскоре нанесли их такую груду, что она удержала дальнейший напор воды—и мы были спасены.

«К вечеру дождь уменьшился, поток начал быстро ослабевать и утром, следующего дня, только маленький ручеек катился там, где накануне бушевала целая река.

«Ясное солнце осветило картину вчерашнего разрушения, которое до того сильно изменило прежний вид нашего ущелья, что мы сами не узнали его. Вынесшие же из гор потоки пробежали до сыпучих песков и исчезли в них». [Монголія и страна тангутовъ. Том I, стр. 367—368.]

[2]) Н. М. Пржевальский. «Монголія и страна тангутовъ». Стр. 172.

В геологическом отношении более подробно хребет Ала-шань описан геологами: В. А. Обручевым [1]) и А. А. Черновым [2]).

....Вблизи меня витали стрижи, а в отдаленьи парили бурые и снежные или гималайские грифы. Из глубины ущелья долетали голоса кукушки и голубого фазана (Crossoptilon auritum). В подобной обстановке, весь погруженный в созерцание мощной природы, я не замечал времени и мог просиживать часами.

Ущелье восточного склона хребта Ала-шань — «Кумын-цза».

Хребет Ала-шань [3]), простираясь в направлении близком к меридиональному, выступает зубчатой стеной, украшенной лесом и ковром альпийских лугов и отделяет выжженные равнины Ордоса от еще более бесплодной пустыни Алашá. Горы расположены кулисообразно, быстро поднимаясь над пьедесталом, причем гребень массива достигает трехверстной высоты. Наивысшая, средняя часть хребта несет обыкновенно притупленные вершины, тогда как более низкие окраины выделяют

---

[1]) «Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань». Том I. Стр. 309 — 328.

[2]) «И. И. Р. Г. О». Том XLVII, вып. I—V. 1911 г. Стр. 207—235.

[3]) Название описываемого хребта «Ала-шань» чисто китайское, как и обще известные названия горных систем—Нань-шань, Тянь-шань, или второстепенные—Бэй-шань и проч.

скалы и пики, иногда напоминающие по форме китайские башни прежних отдаленных времен. Омывая с востока основную часть Алашань'ского массива, река Хуан-хэ как бы разрывает его на две части и обособляет северное крыло гор, имеющее за рекою заметное уклонение на восток.

Глубокие ущелья с отвесными каменистыми склонами врезываются в гигантский вал хребта, образуя, вместе с поперечными и продольными седловинами самые сложные сочетания. На дне этих ущелий, в особенности на западном, более многоводном склоне гор, наблюдаются ничтожные ключи и колодцы, большею частью с пресной водой, а иногда с примесью сероводорода. В огромном большинстве случаев ключи содержат лишь самое минимальное количество влаги и вскоре пересыхают; несмотря на это, в них нередко встречаются мелкие рыбки,—из рода Nemachilus — возможность существования которых кажется действительно довольно загадочной, в особенности если принять во внимание, что во время продолжительной засухи ключи часто пересыхают совершенно [1]). Около воды имеются полянки свежей зелени, и пашни и огороды китайцев, обнесенные глинобитными стенками, вероятно в защиту от монгольского скота. Дорожа водою, туземцы окапывают ключи и ограждают их камнями, чтобы они не растекались по равнине; кроме того выкапываются водоемы и пруды, из которых, по мере надобности, пускают воду, необходимую для поливки хлебов.

Как в самом княжестве Алаша́, так и на территории Ордоса, с каждым годом растет экономическое порабощение монголов китайцами. Захватывая все лучшие участки земли не только в горах, но и в прилежащей с востока к горам части долины Желтой реки, эти желтолицые паразиты устраивают образцовые хозяйства, окружают их целыми системами каналов искусственного орошения, а своих добродушных соседей—монголов вытесняют в глубину бесплодной пустыни. Кроме земледелия, китайцы занимаются добычей каменного угля, зачастую присваивая каменно-угольные залежи, принадлежащие алаша-цин-вану, и хищническим истреблением леса. На склонах хребта Ала-шаня нет теперь, кажется, такого ущелья, где бы ни стояли группами фанзы,

[1]) В ущельи Хотэн-гол нами добыты лягушки (Rana asiatica) и жабы (Bufo viridis).

где бы ни раздавался стук топора, и ни мелькали светлые пятна подрубленных стволов. Промышленники проникают до самого верхнего пояса гор, не щадя ни одной породы деревьев, раз дерево достигло известного определенного возраста [1]), и только недоступные дикие скалы сохраняют неприкосновенным переросшее дерево... Повсюду среди леса видны дороги, предательские тропинки, приводящие часто к головокружительным крутизнам, откуда сталкиваются в пропасть бревна и жерди. С более богатого растительностью западного склона хребта лес доставляется в Дын-юань-ин, с восточного—в Нин-ся. Если принять во внимание ежегоднюю, ничем не ограничиваемую убыль леса, то станет понятным, почему систематически пересыхают ключи и колодцы Ала-шаня, почему оазис Дын-юань-ин беднеет водою и почему, наконец, монгольскому населению в самом недалеком будущем грозит полное разорение...

Н. М. Пржевальский [2]) также отмечает эксплуатацию китайцами лесных богатств Ала-шаня: «целые сотни китайцев из г. Нин-ся занимались рубкою леса. Едва, едва мы могли отыскать небольшое ущелье, в котором не было дровосеков и то лишь по неимению воды». Через двенадцать лет тот же путешественник пишет [3]), «Леса, которые покрывают собою средний пояс как западного, так и восточного, склона Ала-шаньского хребта, со времени усмирения дунганской смуты, сильно истребляются китайцами и уже много поредели. Также усердно преследуются местными охотниками здешние звери—куку-яманы, кабарга и маралы. Словом, теперь Ала-шаньский хребет был далеко не таким девственным, каким мы нашли его при первом посещении Ала-шаня в 1871 году. Тогда, благодаря разбоям дунган, эти горы целый десяток лет стояли безлюдными, леса росли спокойно, и звери в них множились привольно».

Скудость водных источников и сухой климат Алашá заметно отражаются на растительной и животной жизни гор,

---

[1]) Срубаются деревья, достигшие в высоту две сажени.

[2]) «Монголія и страна тангутовъ». Том I, стр. 363.

[3]) «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи». «Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдование сѣверной окраины Тибета и путь через Лоб-норъ по бассейну Тарима». Стр. 98.

Луговое подножье западного склона Ала-шаня

Смешанное стойбище полуоседлых монголов-алаша

представленной вообще довольно бедно [1]). По характеру растительности, преимущественно западного склона, Ала-шань можно разделить на три зоны: нижнюю или подножье, со включением степных форм растительности, среднюю или лесную и самую высшую—альпийскую.

Из деревьев нижней зоне свойственны: редкий корявый вяз (Ulmus pumila) и дикие слива и персик (Prunus tomentosa, P. sibirica и P. mongolica), а из кустарников: желтый шиповник и роза (Rosa pimpinellifolia, R. xanthina), золотарник (Caragana pygmaea, C. tragacanthoides var. villosa, C. jubata var. seczuanica), реже ягодный хвойник (Ephedra equisetina); ниже, у подножья, обильно растет колючий вьюнок (Convolvulus tragacanthoides), а также колючий острокильник (Oxytropis aciphylla). Из трав в описываемой зоне преобладают: воронец (Polygonatum officinale), сибирский истод (Polygala sibirica), ревень (Rheum uninerve, R. racemiferum), чабер или богородская трава (Thymus serpyllum), Peganum nigellastrum; дикий горький лук (Allium sp.) произрастает во всех зонах; ломонос (Clematis aethusifolia, C. sibirica и C. macropetala) капризно вьется по кустарникам, преимущественно в устьях ущелий; резуха (Androsace alashanica, A. septentrionalis, A. sempervivoides и A. maxima) лепится по скалам. Повыше, а иногда и здесь, встречаются: первоцвет (Primula cortusoides), молочай (Euphorbia esula), Agropyrum cristatum, очиток (Sedum hybridum), ковыль (Stipa orientalis и S. inebrians), перловник (Melica scabrosa), кресс (Lepidium micranthum), козелец (Scorzonera capito, S. austriaca) и много других растений. Вообще надо заметить, что наши наблюдения и сборы флоры и фауны хребта Ала-шаня главным образом обнимают район ущелий Цзосто, Дартэнто, Ямата, Хотэн-гол и Субурган-гол, по западному склону гор.

Лесная область—самая широкая, богатая и разнообразная; и здесь леса растут, главным образом, на северных склонах ущелий. Древесных пород весьма мало: ель (Picea schrenkiana), тополь (Populus przewalskii), осина (Populus tremula) и низкорослая лоза или ива (Salix sp.); к ним в небольшом количестве

---

[1]) Всего в горах и в оазисе экспедицией собрано около трехсот видов растений и немного свыше шестидесяти видов птиц, из которых незначительная часть пролетных, остальные же—оседлые и гнездящиеся.

примешивается древовидный можжевельник (Juniperus pseudosabina), реже—белая береза (Betula alba), а на восточном склоне гор — сосна (Pinus sinensis). Из кустарников по западному склону Ала-шаня, там и сям, произрастают: барбарис (Berberis dubia), крушина (Rhamnus virgata), белый и желтый курильский чай или лапчатка (Potentilla glabra, P. anserina, P. multifida, P. subacaulis, P. tenuifolia, P. daurica, P. fruticosa и P. bifurca var. moorcroftii), таволга (Spiraea mongolica и S. hypericifolia), лещина (Ostryopsis davidiana), жимолость (Lonicera sp.) и стелющийся по скалам можжевельник (Juniperus rigida). Прелестная сирень (Syringa serrata) ютится в лесных ущельях; там же, по горным склонам встречаются: Cotoneaster sp., смородина (Ribes pulchellum, R. alashanica), малина (Rubus idaeus) и вьющееся Atragene alpina. Из травянистых растений в лесных участках или в большем и меньшем отдалении от них, весьма обыкновенны: фиалки (Viola pinnata, V. collina, V. hirta, V. biflora и V. incisa), красная лилия (Lilium tenuifolium), красивый, с розовыми цветами, мытник (Pedicularis sp.), василек (Centaurea monanthus), водосбор (Aquilegia viridiflora), мышьяк (Thermopsis lanceolata), Anemone narcissiflora, Scrophularia kansuensis, астрагал (Astragalus ochrias, A. membranaceus), чагеран (Hedysarum polymorphum), пышные Rhaponticum uniflorum, Polygonatum sibiricum. В местах наиболее влажных растут: кипрей (Epilobium augustifolium), валериана (Valeriana tangutica), желтый одуванчик (Taraxacum officinale и T. dissectum), василистник (Thalictrum minus), вероника ключевая (Veronica anagallis), подорожник (Plantago depressa), заячий салат (Sonchus oleraceus), Physalis alkekengi, рдест курчавый (Potamogeton crispus), Silene repens, Rubia cordifolia, Sanguisorba alpina.

Несколько повыше, по скатам, стелятся полынки (Artemisia vulgaris, A. frigida, A. sacrorum и A. pectinata), Sibbaldia adpressa, стручковый перец (Capsicum annuum), Piptanthus mongolicus, Cymbaria mongolica, красноголовник (Sanguisorba officinalis), портулак (Portulaca oleracea), качим (Gypsophila acutifolia, G. acutifolia var. gmelini), фасоль (Phaseolus nanus), кишнец огородный (Coriandrum sativum), молокан (Lactuca versicolor), котовик (Nepeta macrantha), крупка (Draba nemorosa var. leiocarpa) и гусиный лук (Plecostigma pauciflorum). По скатам гор и берегам русл можно найти ка-

сатик (Iris ensata), а у родников — осоку (Carex pediformis var rhizina) и камыш (Scirpus maritimus).

Альпийскую зону начинают, помимо уже многих из отмеченных травянистых форм, еще и новые, как например лютик (Ranunculus sp.), горечавка (Gentiana squarrosa, G. decumbens, G. macrophylla), живокость (Delphinium sp.), очень красивая гвоздика (Dianthus superbus), нарядная хохлатка (Corydalis adunca)...

По мере поднятия, даже приземистая кустарниковая растительность вовсе исчезает, за исключением колючей караганы, восходящей на самые главные вершины Ала-шаня. Зашедшие в альпийскую область травянистые виды обыкновенно превращаются в карликов, и едва лишь поднимаются от земли. В самом верху альпийской зоны найдены: Polygonum laxmanni, Saussurea pygmaea, Hesperis [1]).

Что касается фауны млекопитающих и птиц хребта Ала-шаня, то она также не богата. За всё время нашего пребывания в описываемых горах нами найдено около десяти видов млекопитающих. Из них первое место занимает краса и гордость Ала-шаня — марал (Cervus asiaticus), пользующийся покровительством владетельного князя, который воспретил охоту на благородного зверя. Марал держится преимущественно в хвойном лесу. Затем следуют: кабарга (Moschus moschiferus), горный баран или, как его называют монголы, «куку-яман» (Pseudois Burrhel), держащийся во множестве в восточной, более скалистой части гор, и аргали (Ovis darwini?), встречающийся исключительно в северной, безлесной, части хребта [2]). Из хищных здесь водятся: волк, лисица, хорьки, а из грызунов—заяц (Lepus gobicus), суслик (Spermophilus alaschanicus), пищуха (Lagomys rutilus?) и мышь (Mus chevrieri).

После того как с разрешения алаша-вана мы убили трех маралов, наши охоты сосредоточились почти исключительно на

---

[1]) Кроме всех перечисленных выше растительных форм для западного склона хребта Ала-шаня, тут необходимо отметить, на основании сборов экспедиции, еще и следующие: Gerbera anandria, Oxygraphis cymbalariae, Anagallidium dichotomum, Ptilotrichum canescens, Cotyledon fimbriatum, Anaphalis juncea, Urtica cannabina, Euonymus nana, Atropis distans, Agropyrum cristatum, A. repens, Crepis turczaninowi, Scutellaria viscidula, Eritrichium pectinatum, Ramischia obtusata, Leptopyrum fumarioides, Lloydia serotina, Galium boreale, Cerastium arvense, Echinops gmelini, Haplophyllum dauricum и немн. друг.

[2]) По предгорным увалам со степной растительностью нередко проникают в ущелья хребта Ала-шаня хара-сульты (Gazella subgutturosa).

горных баранах. По описанию Н. М. Пржевальского [1]), «этот зверь ростом немного более обыкновенного барана. Цвет шерсти буровато-серый или буровато-коричневый; верх морды, грудь, передняя сторона ног, полоса, ограничивающая бока от брюха и самый кончик хвоста—черные; брюхо белое; задняя сторона ног изжелто-белая. Рога пропорционально велики, подняты от основания немного кверху, а концами загнуты назад.

«Куку-яманы держатся в одиночку, парами, или наконец, небольшими стадами от пяти до пятнадцати голов... В стаде один или несколько самцов, принимают на себя должность вожаков и охранителей. При опасности, они тотчас дают сигнал громким и отрывистым свистом, до того похожим на свист человека, что я в первый раз принял этот голос за сигнал охотника; самки также свистят, но только гораздо реже самцов.

«Испуганный баран бросается опрометью на уход по скалам, часто совершенно отвесным, так что, смотря на него, недоумеваешь: каким образом это большое животное может так ловко лазить по самым неприступным местам. Для куку-ямана достаточно самого малого выступа, чтобы удержаться на нем в равновесии на своих толстых ногах. Иногда случается, что камень оборвется под тяжестью зверя, и с грохотом полетит вниз; ну, думаешь, оборвался и баран—но он, как ни в чем не бывало, скачет далее по скале. Заметив охотника, в особенности если тот появился неожиданно и близко, куку-яман свиснет раза два—три и сделав несколько скачков, останавливается рассмотреть в чем опасность. В это время он представляет отличную цель для меткой пули; нужно только не мешкать, а то зверь, постояв несколько секунд, снова свиснет и пустится скакать далее. При спокойном состоянии, т. е. вне опасности, куку-яман ходит шагом, или тихим галопом, при чем иногда держит голову вниз.

«Куку-яман вообще очень осторожен и не пропускает без внимания ничего подозрительного. Обоняние, слух и зрение развиты у него превосходно; по ветру невозможно подойти к зверю и на двести шагов. Перед вечером он выходит на пастбище, любимым местом которого служат альпийские луга, а утром, когда солнце поднимется уже довольно высоко, снова

---

[1]) „Монголія и страна Тангутовъ» Том I, стр. 174—178.

отправляется в родные скалы. Здесь куку-яман иногда по целым часам стоит на каком нибудь выступе, неподвижно, как истукан, и только изредка повертывает головою, то в одну, то другую сторону. Мне случалось видеть, что при подобном отдыхе, зверь, помещавшийся на покатости камня, имел свой зад выше головы, но такое положение, повидимому, нисколько для него не затруднительно. В полуденные часы, горные бараны ложатся отдыхать обыкновенно на выступах скал, и летом всего чаще на северной их стороне, вероятно потому, что здесь прохладнее; иногда куку-яман здесь засыпает и при этом ложится на бок, вытягивая ноги, как собака.

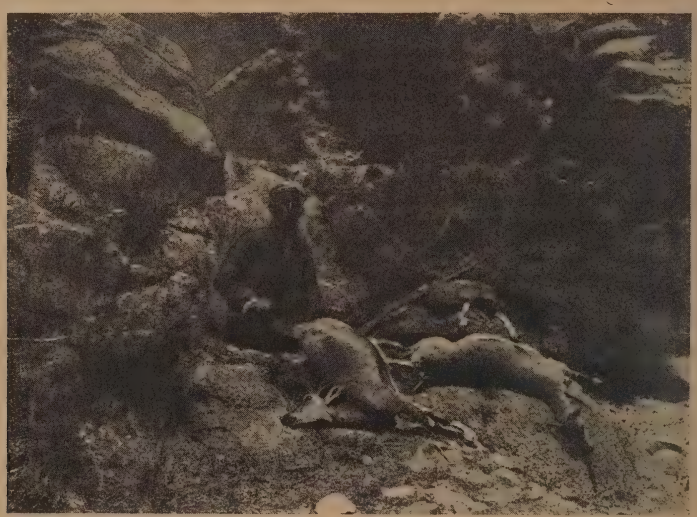
«Течка описываемых зверей происходит, по словам монголов, в ноябре и продолжается около месяца. Тогда днем и ночью слышится призывный голос самцов, очень похожий, как говорят, на блеяние коз; в это же время самцы сильно дерутся между собою. Впрочем, даже вне периода течки, они частенько бодаются, подпрыгивая при этом и ударяя друг друга рогами, как наши домашние козлы. Страсть к дракам у куку-яманов так велика, что у взрослых самцов концы рогов бывают постоянно поломаны. Молодых, которых бывает один, реже два, горные бараны выводят в мае; детеныш ходит с матерью до новой течки.

«Охота за куку-яманами крайне затруднительна; однако ею занимаются некоторые монголы алаша и бьют баранов из своих фитильных ружей. Впрочем, недостаток хорошего оружия заменяется у этих охотников отличным знанием местности и привычек зверя. Взрослый самец дает около двух пудов мяса; осенью эти звери делаются очень жирны и чрезвычайно вкусны.

«Во время пребывания в горах Ала-шаня, мы с товарищем по целым дням охотились за описываемыми животными. Не зная местности, я брал с собою в проводники охотника монгола, до тонкости изучившего горы и характер куку-яманов. Раннею зарею выходили мы из палатки и поднимались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось из-за горизонта. В ясное и тихое утро панорама, расстилавшаяся отсюда перед нами, по обе стороны гор, была очаровательная. На востоке узкою лентою блестела Хуан-хэ и, словно алмазы, сверкали многочисленные озера, рассыпанные возле города Нин-ся; к западу—широкою полосою уходили из глаз сыпучие пески

пустыни, на желтом фоне которых, подобно островам, пестрели зеленеющие оазисы глинистой почвы. Вокруг нас царила полная тишина, изредка нарушаемая голосом марала, зовущего свою самку.

«Отдохнув немного, мы шли осторожно в ближайшие скалы восточного склона гор, более обильного куку-яманами. Подойдя к отвесному обрыву, мой проводник, а за ним и я, высовывали сначала одну лишь голову и смотрели вниз. Оглядев, самым



Удачная охота на куку-яманов.

тщательным образом, все выступы и кусты, мы выползали вперед на несколько вершков, и продолжали осмотр. Так происходило на каждой скале, или, лучше сказать, с каждого отвесного ее обрыва. Часто, не довольствуясь одним осмотром, мы выслушивали, нет ли шороха от шагов отыскиваемого зверя, или не скатился ли где сброшенный им камень. Иногда мы и сами спускали большие камни в лесистые ущелья, чтобы выгнать оттуда куку-яманов. Полет такого камня всегда бывает великолепный. Едва держась, лежит выветрившаяся глыба, так что достаточно небольшого усилия, чтобы столкнуть ее вниз. Медленно отделяется она от родной скалы и медленно начинает катиться, но с каждою секундою скорость движения возрастает, так что наконец камень несется в ущелье со свистом и быстротою ядра, ломая на пути порядочные деревья. Вслед за главною глыбою, летят другие меньшие камни, сброшенные с своего

места и, в конце концов, на дно ущелья прилетает, с глухим дребезжащим гулом, целая куча обломков. Эхо долины вторит общему шуму, спугнутые звери и птицы несутся в другие части ущелья, но через несколько минут, попрежнему, всё станет тихо и спокойно.

«Иногда целых пол-дня проводили мы, высматривая баранов и всё-таки не находили их. Нужно иметь соколиное зрение, чтобы отличить на большое расстояние серую шкуру куку-ямана от такого же цвета камней, или, что еще хуже, разглядеть животное, лежащее в кустах. Мой проводник видел удивительно далеко; случалось, что он, на несколько сот шагов, замечал одни рога животного, которые я не скоро мог разглядеть даже в бинокль.

«Затем мы начинали подкрадываться к намеченному зверю. Для этого иногда нужно было обходить очень далеко, спускаться почти в отвесные пропасти, прыгать с камня на камень, или через широкие трещины, лепиться по карнизам утесов, словом, с каждым шагом быть на краю пропасти. Руки царапались в кровь, сапоги и платье рвались немилосердно, но всё это забывалось, в надежде выстрелить по желанному зверю. Но увы! эти надежды часто разрушались самым немилосердным образом. Случалось, что, во время подкрадывания, нас замечал другой куку-яман и свистом давал знать об опасности своему собрату, или оборвавшийся под ногами камень предупреждал осторожного зверя—он в одно мгновенье скрывался из глаз. Обида в подобных случаях была сильная; все труды пропадали даром и снова начинали мы прежнюю историю, т. е. высматривали и выслушивали других куку-яманов.

«Но когда дело поворачивало в лучшую сторону, и нам удавалось подкрасться к барану шагов на двести, или на полтораста, а иногда и того ближе, тогда, с замирающим сердцем, высовывал я свой штуцер из-за обрыва скалы, прицеливался—и через мгновенье выстрел уже гремел, отрывистыми перекатами, по ущельям диких гор, а простреленный куку-яман падал на камень, или катился вниз, оставляя широкий кровавый след. Иногда же, будучи только ранен, баран бросался на уход; тогда пускался в дело другой ствол штуцера и вторая пуля укладывала зверя. Вообще куку-яман чрезвычайно крепок на рану и часто уходит далеко даже смертельно раненый. Спус-

тившись к убитому барану, мы потрошили его, затем проводник связывал ноги зверя, забрасывал его на спину и с этою тяжелою ношею мы шли к своей палатке».

Орнитологическая фауна хребта Ала-шаня [1]) собрана экспедицией по возможности полно и заключает в себе около пятидесяти видов, которые однако не в состоянии хоть сколько нибудь заметно оживить горы, несущие вполне дикий альпийский характер. Здесь не то, что в Восточном Тибете или

Местный проводник-охотник с куку-яманом за спиной.

Каме, в особенности в бассейне Меконга, где каждое ущелье дышет жизнью, полно живых звуков пения птиц, полно журчания ручьев и речек, в высоких брызгах которых картинно отражаются маленькие радуги... Здесь, в Ала-шане, густые лесные заросли и окаймляющие ущелье скалы одинаково поражают наблюдателя своим безмолвием. Иногда целыми часами тишина не нарушается никаким посторонним звуком... и стоит лишь закрыть глаза, как невольно вспоминается абсолютная тишина соседней песчаной пустыни... Тем с бо́льшим оживле-

[1]) В. Бианки. «Матеріалы для авифауны восточной Монголіи и сѣверо-восточнаго Тибета по даннымъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи 1907—1909 гг. подъ начальствомъ П. К. Козлова». Ежегодникъ Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ. 1915. Том XX. Стр. 1—102.

нием улавливает слух звонкие трели овсянок (Tisa variabilis, Cia godrewskii), Corpodacus pulcherrimus, синиц (Periparus ater pekinensis, Poecile affinis, Acredula calva), славочек (Sylvia curruca minula) и маленьких пеночек (Reguloides superciliosus supecilliosus, Oreopneuste fuscata, O. affinis, O. armandi); там и сям перемещаются с дерева на дерево, или с одной скалы на другую—краснохвостки (Ruticilla alaschanica, R. aurorea), дрозды (Turdus ruficollis, T. obscurus, Monticola saxatilis); при устьях ущелий можно встретить чекканов (Saxicola pleschanka, S. isabellina), хохлатых жаворонков (Galerida cristata lautungensis), Rhopophilus pekinensis pekinensis, больших скалистых кэкэликов (Caccabis magna), а несколько повыше, в глубине ущелья, по мелким кустарникам,—даурских куропаток (Perdix daurica)... По карнизам скал любят держаться каменные голуби (Columba rupestris), а в гущине леса—другие (Turtur orientalis),—иногда сиротливо протяжно проворкует первый вид или уныло-глухо пробудит тишину второй... Невдалеке, на опушке леса, на высоком можжевельнике, кормится дубонос (Mycerobas carneipes), издавая своеобразные звуки... Среди мрачных, угрюмых утесов вдруг, на мгновенье, появится, словно яркий цветок или бабочка, краснокрылый стенолаз (Tichodroma muraria), на которого я любил засматриваться, в особенности когда эта птичка у меня над головою перелетала поперек ущелья... По горным луговым скатам нижняго пояса, кое-где, ютились жаворонки (Otocorys brandti brandti), по мокрым лугам, у родников—плиски (Motacilla leucopsis, Calobates boarula melanope, Budytes citreola), щеврицы (Anthus maculatus) и кулички (Aegialites dubia). На высоких, часто отдельно-стоящих елях усаживались черные вороны (Corone macrorrhynchus japonensis), тогда как красноклювые клушицы (Graculus graculns), забирались в скалы верхнего пояса гор, где, с криком, стайками, вились у ниспадавших каменных стен... Там же попадались и самые быстрые летуны—стрижи (Cypselus pacificus) обыкновенно резким шумом оглашавшие тишину; рядом со стрижами, но чаще ниже их, спокойно реяли вдоль каменных карнизов, горные ласточки (Biblis rupestris). По скалам, среди леса, выдавали себя завирушки (Spermolegus fulvescens), а по опушкам хвойной заросли—поползни (Sitta villosa). В мае месяце из глубины леса оригинально неслось ку-ку серой кукушки (Cuculus canorus), а в чаще кустар-

ников раздавалось звонкое пение вертлявой темной птички Pterorrhinus davidi. По кустам лозы, на вершинках, в одиночку сидели сокоропуты (Caudolanius tephronotus, Otomela phoenicura); по соседним крутизнам, одетым колючей караганой, я нередко наблюдал мухоловок (Syphia albicilla)... Ранним утром, едва вершины гор позолотятся ярким солнцем, как на фоне голубого неба, выше гребня хребта, кружат могучие грифы—бурый (Vultur monachus), снежный или гималайский (Gyps himalayensis) и бородатый ягнятник (Gypaëtus barbatus)... Ко всем этим царственным птицам туземцы относятся с должным уважением и никогда их не стреляют. В заключение перечня птиц гор Ала-шаня можно указать на орла беркута и большого сокола типа Gennaia, которые наблюдались нами только издали, но которые не попадали в нашу коллекцию; что же касается до сокола — пустельги, (Tinnunculus tinnunculus tinnunculus)—этого широко распространенного хищника—то он, конечно, и здесь является самою обыкновенною птицею...

Но если бы вы вздумали спросить местного обитателя—монгола, какая из птиц в хребте Ала-шане самая хорошая и интересная, то монгол ответил бы вам—«хара-такя», то есть «черная курица» или по нашему голубой или ушастый фазан (Crossoptilon auritum), за которым монголы также усердно охотятся, как и за вышеописанным зверем—куку-яманом.

Описываемый вид принадлежит к особому роду, отличающемуся от прочих фазанов присутствием на задней части головы удлиненных пучков перьев. Ушастый фазан ростом гораздо больше обыкновенного фазана, имеет сильные ноги и большой крышевидный хвост, в котором четыре средних пера удлинены и рассучены. Общий цвет перьев тела свинцово-голубой; перья хвоста имеют стальной отлив и белое основание; удлиненные ушные перья и горло белого цвета; голые щеки, равно как и ноги, красные. Самка по оперению совершенно походит на самца, от которого отличается лишь отсутствием на ногах шпор и несколько меньшим общим размером [1]).

Местопребыванием хара-такя служат горные леса, изобилующие скалами. Кормится голубой фазан исключительно растительною пищею и на жировке ходит мерным шагом, держа горизонтально свой великолепный хвост.

[1]) Рисунок голубого фазана см. «Тибет и Далай-лама». Стр. 12.

Позднею осенью и зимою, описываемый вид держится не большими обществами и, подобно прочим фазанам, садится на деревья. Раннею весною разбивается на пары, занимающие определенную область, в которой выводит молодых. Гнездо, по словам монголов, делается из травы в густых зарослях и в нем бывает от пяти до семи яиц.

Раннею весною, лишь только стаи разобьются на пары, самцы начинают токовать. Голос их чрезвычайно неприятный, напоминает крик павлина, только несколько тише и отрывистее; кроме того описываемая птица изредка произносит особые глухие звуки «отчасти напоминающие голубиное воркованье»; будучи же внезапно вспугнут, голубой фазан кричит весьма похоже на цесарку.

«Однако, даже в период любви», говорит Н. М. Пржевальский [1]) «у описываемой птицы нет такого правильного токования, как у обыкновенных фазанов или тетеревей. Самец ушастого фазана кричит лишь изредка, с неопределенными промежутками, обыкновенно после того, как уже взойдет солнце, хотя иногда голос этой птицы слышится еще до рассвета, или даже днем, около полудня».

Эта прекрасная и в высшей степени оригинальная птица терпит жестокое преследование от туземцев из-за своих длинных хвостовых перьев, идущих на украшение форменных шляп китайских чиновников. Будучи близко знакомы с нравом голубого фазана, местные охотники отлично подметили его привычку почти всегда переходить пешком через гребешки горных увалов; поэтому, в определенных местах, устраиваются заграждения из валежника и разного лома с одним лишь отверстием для прохода, где и ставится ловушка. Подойдя к вершине гребня, фазан начинает искать способа миновать препятствие, наконец, находит предательский проход, вступает на прилаженную дощечку и скользнув вниз — остается висеть, крепко схваченный веревочной петлей за ногу. Благодаря такому нещадному истреблению, притом обладающие даром смышленности, ушастые фазаны держатся весьма строго, и охота на них в горах Ала-шаня представляет большие трудности.

---

[1]) «Монголія и страна Тангутовъ». Том I, стр. 354.

По части насекомых в ущельях западного склона тех же алашань'ских гор, экспедицией произведены порядочные сборы.

«Хребет Ала-шань», говорит А. П. Семенов-Тян-Шанский, «благодаря тому, что он покрыт лесными зарослями из ели, осины, древовидного можжевельника, ивы, тополя, отчасти белой березы и сосны, с примесью, особенно в нижней зоне, многих кустарников, — вносит в фауну южной Монголии совершенно в ней неожиданные северные элементы, отчасти общие с горными лесами северной Ганьсу. Из них особенно поразительно нахождение здесь следующих европейско-сибирских форм жуков-дровосеков: Pachyta lamed L. (в слегка лишь видоизмененной форме), Acanthocinus carinulatus Gebl., Tetropium castaneum L., Asemum sp., близкий к A. striatum L., близких к европейским новых видов дровосеков: Semanotus Przewalskii Sem., sp. n., Phymatodes (Phymatodellus) Kozlovi Sem., sp. n., Caenoptera alashanica Sem., sp. n., таких же видов златок: Anthaxia amica Sem., sp. n., Agrilus igniculicollis Sem., sp. n., A. Tshetyrkini Sem,. sp. n., A. Napalkovi Sem., sp. n., сибирских: дровосеков Menesia sulphurata Gebl. Asias halodendri Pall. и нарывника Epicauta dubia F. Нахождение здесь этих северных форм насекомых европейско-сибирского; частью таежного типа можно об'яснить себе только более широким распространением их по Монголии при посредстве находившихся между собою в связи горных хребтов внутренней и северной Монголии, бо́льшая часть которых в наш геологический момент или совершенно уже лишена древесной растительности, или почти совсем стерта с лица земли.

«Резко контрастируют в Алашаньских горах с этими северными элементами некоторые виды жуков, общие с прилегающей к горам равниной, как напр. Trichodes Sinae Chevr., Lampra limbata Gebl., Hoplia semicastanea Fairm., Trichoferus campestris Fald., Crosita alashanica Jacobs. и, особенно, Cyphogenia humeralis F. Bates. Есть в Алашаньском хребте и своеобразные виды жуков, которые мы принимаем до дальнейшего выяснения их распространения за эндемичные: Broscus Kozlovi Sem., sp. n.,— жужжелица, живущая также в подгорной полосе у Дын-юань-ина, Pseudotaphoxenus stenocephalus Sem., sp. n.,—оба вида ганьсуйского типа, Lithophilus Kozlovi Bar., sp. n., Mictus maculipunctus Sem., gen. sp. n., — представитель новаго рода мелких дро-

восеков, пока известный только из Алашаньского хребта; красивые полосатые пешие усачи: Neodorcadion heros B. Jak. и N. Jakovlevi Suvor., sp. n.; характерный листогрыз Cystocnemis Kozlovi Jacobs., sp. n., красивый слоник Stephanocleonus Kozlovi Suvor., sp. n.—Весьма характерную отрицательную черту в фауне гор Алашà представляет отсутствие в них настоящих, крупных жужжелиц рода Carabus. Об'ясняется оно, вероятно, значительной сухостью этих гор. Впрочем, пока остается детально не обследованным верхний пояс Алашаньского хребта с его альпийскими лугами, вопрос об отсутствии в нем представителей рода Carabus надо считать открытым.

«Те же основные черты фауны Алашá выявляются в составе населяющих ее перепончатокрылых насекомых. Так, среди ос-блестянок (Chrysididae), встречающиеся в этой части Монголии, мы видим, с одной стороны, виды, проходящие зонально по всей Средней Азии от Русского Туркестана через Чжунгарию, отчасти через Восточный Туркестан в западную Монголию и несколько далее в юго-восточном направлении. К таким формам принадлежат встречающиеся в Алашà блестянки: Chrysis viridans Rad., Chr. maculicornis Kl., Chr. scutellaris F., Ellampus tshingiz Sem. (in litt.), Stilbum calens F. Среди подобных, зонально распространенных форм есть такие, которые совершенно чужды как Русскому, так и Восточному Туркестану, и зона распространения которых пролегает через Киргисские степи и Чжунгарию; прекрасным примером форм этой категории может служить блестянка Pseudochrysis incrassata Spin., (ср. выше сказанное о распространении жука Calosoma denticolle Gebl.). С другой стороны, заметна в фауне перепончатокрылых южного Алашá примесь форм общих с горами северной Гань-су; к таким формам относятся, напр., блестянки: Chr. buddhae Sem., sp. n., и весьма обыкновенная в южном Алашá и красивая Chrysis mane Sem., sp. n., распространенная, впрочем, в западном направлении вдоль северной окраины Тибета (Куэн-луня) до Каргалыка в восточном Туркестане. Некоторые формы блестянок, как, напр., Chrysis Barovskii Sem., sp. n., распространены по Монголии меридионально от Алашà до Забайкалья. Местный, эндемический элемент в Алашà, именно в Алашаньском хребте и в прилегающей к нему местности, выражен в фауне блестянок следующими формами: Chrysis alashanica

Монастырь Барун-хит, расположенный в скалистой части западного склона хребта Ала-шаня.

Sem., sp. n., Chr. Kokujevi Sem., sp. n., Chrysellampus heros Sem., Chrysis pulchella eoa Sem., subsp. n., и великолепный Stilbum cyanurum tshingiz Sem., subsp. n.; последние два местные подвида, свойственные преимущественно нижней зоне Алашаньского хребта, относятся к видам широко распространенным в Средиземноморье и Средней Азии. Характерно отсутствие в Алашà блестянки Chrysis fuscipennis Brullé, — вида очень обыкновенного в нашем Южно-Уссурийском крае и широчайшим образом распространенного по южной Азии через Корею, Китай, Индо-Китай, весь Зондский архипелаг, Индостан со включением Гималаев до Сирии и Месопотамии. Подобные виды отсутствуют в Монголии, особенно западной, вследствие сухости и континентальных резкостей ее климата» [1]).

В глубине массива Ала-шаня, в скалистых живописных ущельях, прячутся два больших высоко-почитаемых монголами буддийских монастыря: Барун-хит и Цзун-хит. Барун-хит или Западный монастырь отстоит от Дын-юань-ина верстах в тридцати к юго-востоку и лепится по скатам, у подножья расположенных полукругом горных отрогов Буту-дабан и Гурбун-ула, откуда стремительно вытекает быстрая, звонкая речка Ихэ-гол [2]). По отвесным стенам скал пестрят высеченные и расписанные художником изображения божеств и молитвенных формул, что в соединении с большими и малыми храмами, которых всего семь, белыми субурганами и всякого рода «обо» и здесь вблизи и вздымающимися по зеленым командующим вершинам вдали—производит оригинальное и приятное впечатление. В тихое, теплое утро, в этом молитвенном уголке особенно отрадно: в соседнем лесу поют разнообразные пташки, речка пенится и гремит, сбегая серебристой лентой по крутому галечному руслу; в воздухе играют и кувыркаются изящные кирпично-красные и белые турмана [3]), а в известный утренний час, на заре, окрестности оглашаются приятной гар-

---

[1]) Из клопов в ущельях Ала-шаня найдены: Urostylis sp., Spilostethus equestris, Emblethis gebleri, E. dilaticollis и Holotrichius sibiricus.

[2]) Главными, наиболее многоводными, ущельями Ала-шаня справедливо считаются Цзосто и Ихэ-гол.

[3]) Китайцы, а за ними и ламы большие любители голубей—турманов, к крыльям которых они привязывают специальные трубочки—свистульки, издающие звуки на все лады во время полета птиц; говорят, что голубиная музыка спасает их от нападения ястребов, соколов и других крылатых хищников.

моничной музыкой гонгов, труб и раковин, в которые дуют ламы, стоя на плоских кровлях главного храма, подле тельцов и колеса... К сожалению, во время моего паломничества в этот монастырь, погода стояла не особенно благоприятная, часто перепадал дождь, смочивший по дороге сюда меня и двух моих спутников что называется до нитки, и потому фотографические снимки с монастыря и ущелья вышли слабовато... Приложенный здесь рисунок описываемого монастыря воспроизведен с отличной фотографии молодого князя У-е.

Сравнительно небогатый [1]), но повторяю очень почитаемый монастырь Барун-хит основан сто шестьдесят пять лет тому назад, в год «Красной крови», и в семидесятых годах испытал на себе все последствия грозного дунганского восстания. Вскоре, с основания, Барун-хит помещался неподалеку от Цзун-хара, затем, последовательно был перенесен: сначала туда, где ныне находится Цокто-курэ и наконец—в ущелье Ихэ-гол, где существует и по настоящее время.

Штатный состав братии Барун-хита исчисляется в восемьсот пятьдесят человек, но на лицо имеется не более половины.

Настоятель монастыря—«Барун-гэгэн» или «Чжалерай-гэгэн» считается перерожденцем самого далай-ламы или иначе—Цан-ян-чжямцо, его шестого перерождения. Эту почетную должность долго занимал брат современного цин-вана, к концу жизни оставивший монашество и известный в миру под именем Сан-е. С уходом Сан-е и до самой его смерти, монастырь не имел старшего гэгэна, а затем, по указанию Далай-ламы, почетным святителем был избран семилетний мальчик-лама Барун-хитского хошуна... Следующим после Чжалерай-гэгэна саном считается Эрдэни-хамбо-лама перерожденец учителя знаменитого шестого далай-ламы. Настоящий Эрдэни-хамбо-лама—родственник вана, имеет сорок лет от роду и отличается нравственной чистотой, религиозностью и светлым разумом.

Барун-хит, между прочим, гордится памятью о шестом далай-ламе, бывшем в этом монастыре и нашедшем здесь место упокоения; прах его покоится в субургане «Цан-ян-чжямцо», стоящем в северо-западном храме обители, рядом с

---

[1]) По словам да-ламы в Барун-хите нет денег, но зато есть много весьма дорогих золоченых бурханов.

надгробиями одного из первых алаша-цин-ван'ов и одного из первых гэгэн'ов Чжалерай.

Кроме Барун-гэгэна и Эрдэни-хамбо-ламы, монастырем управляют трое ответственных лам: да-лама, дэмчи-лама и сан-лама. О порядке избрания этих должностных лиц, тожде-

Шестой далай-лама Цан-ян-чжямцо.

ственном для всех монастырей, основанных по императорскому указу, в свое время было упомянуто при описании монастыря Ямунь-хит [1]...

Но как ни великолепен, как ни красив, как ни знаменит Барун-хит, лучшим монастырем монгольского княжества

[1]) См. в начале предыдущей—VII-ой главы, стр. 166—167.

Алаша́ все же считается «Цзун-хит» или «Восточный», расположенный верстах в тридцати к северо-востоку от Дын-юань-ина, среди лесистых, скалистых увалов, омываемых речками Намага-гол и Барун-гол... «Чем дальше мы продвигались в своем пути к северо-востоку от оазиса, тем заметнее редел лес по склонам хребта Ала-шаня. По крутизнам и скалам верхнего пояса гор все чаще пестрели серые каменные розсыпи, разрезавшие зеленые площади луга». Наконец, спустившись в бурую балку, обставленную мощными конгломератовыми берегами и несколько раз переменив направление, следуя по извилистой дороге, я увидел большой храм, ярко блестевший белизною стен и золочеными ганчжирами, обо и многочисленные, развешанные на деревьях, мани. Здесь, лес снова приобрел прежнюю мощность и живописно одевал склоны прилежащих монастырских холмов.

Приехавший в Цзун-хит раньше нас князь Арья любезно распорядился об отводе должного помещения для меня и моих двух спутников и через два часа уже явился ко мне с визитом.

Монастырь Цзун-хит первоначально был основан в долине, в нескольких верстах к северу от Дын-юань-ина, а затем, сто двадцать лет тому назад, в год «Черной собаки» его перенесли в глубь массива Ала-шаня, на абсолютную высоту 6.650 футов[1]), где он находится и сейчас. Цзун-хит, так же как и его западный брат — Барун-хит — подвергся нападению дунган, появившихся совершенно неожиданно в соседних лесах. Обезумевшие от страха ламы, не считая возможным сопротивляться разбойникам, бросили всё, и монастырское и свое имущество, и спрятались среди неприступных скал... Тяжело было смотреть, рассказывали мне старцы-очевидцы, как расхищались все монастырские драгоценности, подобных которым нигде уже не найти, а опустошенные храмы предавались беспощадному пламени...

Настоятелем монастыря или «Цзун-гэгэном», в наше время, был тайчжи — дворянин, родственник вана. Две должности младших гэгэнов занимали Тэву-лама (теперешний да-лама) и

---

[1]) Монастырь Барун-хит и монастырь Цзун-хит расположены на западном склоне, в общей лесной зоне хребта Ала-шаня, но не на одной и той же высоте над уровнем моря: Барун-хит лежит ниже—а именно: на 6.200 футах абс. выс.

Монастырь Цзун-хит

Шествие молящихся при праздничном богослужении

Изображение Гаруды, работа тибетского типа.

Уйцзун-лама, и затем уже следовали трое обычных ответственных управителя — да-лама, дэмчи-лама и сан-лама...

Цзун-хит славится по всему княжеству своим порядком отправления церковных служб и строгими правилами, унаследованными еще от высокочтимого алаша-ламы Дандар-лхарамбо, с'умевшего поставить монастырь на должную высоту. Кроме дел чисто религиозного характера, Дандар-лхарамбо занимался также литературным трудом: он написал лучшую грамматику монгольского языка, и перевел немало тибетских книг на монгольский язык.

Медное га-у.

Не только храмы, но и помещение лам в Цзун-хите очень симпатичны и опрятны: большие и просторные кельи безукоризненно чисты и обставлены комфортабельно... Золоченые и писаные бурханы и га-у — шейные или грудные киотки для амулетов [1]) занимают первое место. Из окон открываются прекрасные виды на зеленые лесные скаты, чередующиеся с серыми отвесными скалами.

Время моего пребывания в описываемом монастыре совпало с праздником в честь бодисатвы покровителя скотоводов — Майтрея. Тихое однообразное молитвенное настроение обители было нарушено приездом многочисленных богомольцев и различных торговцев-китайцев, почуявших легкую наживу среди праздничной толпы. Погода стояла отличная; солнце ярко блестело, отражаясь на золотых ганчжирах и кровлях; белые постройки монастырских храмов резко выступали на мягком зеленом фоне растительности; гулявшие по монастырю нарядные посетители дополняли отрадную картину торжества.

Золотое га-у.

Самый праздник начался с утра следующего дня [2]) длинным шествием лам (вроде православного крестного хода), которое растянулось по дну прилежащего ущелья и его берего-

[1]) Собрание га-у, помещено на двух страницах и в одиночку, среди текста, см. ниже—во II-м отделе «Куку-нор и Амдо».

Одна таблица с тибетскими и монгольскими га-у (ладанками) приложена к «Монголіи и Камъ». Том II-й, выпуск первый.

[2]) В 1908 году этот день пришелся на двадцать первое июня.

Праздничная процессия со священными реликвиями

Настоятель монастыря Цзун-хит'а

вым скатам. Каждый лама нес какой-либо атрибут церковной службы; в середине процессии покачивалась восседавшая на носилках фигура божества Майтреи; стройная музыка гармонировала с общим светлым и радостным настроением.

По окончании этой своеобразной церемонии — когда молящиеся сделали круг и достигли главного храма с другой

Шелковый, шитый золотом, образ Майтреи.

стороны — они стали группироваться на площади, под навесом; здесь, в парадной палатке, с балдахином, помещалось большое металлическое изображение Майтреи; за этим центральным кумиром, спускаясь на лентах с церковной кровли до земли, висел, в наклонном положении, шелковый, шитый золотом, образ того же чествуемого божества Майтреи.

Да-лама занял председательствующее место, на возвышении, справа и слева, впереди него, сели его помощники, которыми начинались длинные ряды второстепенных лам. Рядом с ламами разместились молящиеся, слева от бурханов — мужчины,

группируясь около князя Арьи, справа — женщины, имея во главе княгиню.

Вначале, служба походила на обряд освящения воды; затем, после молитвы о ниспослании богатств, ламы выстроились в ряд и стали подходить к молящимся, начиная с княжеской четы, поднося для прикладывания ко лбу различные реликвии. Тем временем к Майтреи подходили ламы-воины, в числе шести человек, с секирами в руках, с подобием масок на головах, проделывая перед божеством различные эволюции, до плясок и помахивания секирами включительно. Одновременно, трое лам-старцев, в роде цаган-обогун'ов, стоя перед молящимися, по-очередно, читали нараспев молитвы и трижды ударяли в звонкий гонг. В заключение, да-лама сошел с возвышения, одел китайские плисовые сапоги и направился к центральному Майтреи, трижды поклонился (растяжными поклонами) этому божеству и возложил хадак; этому примеру последовали князь, княгиня, а за ними и все прочие молящиеся... На этом торжественное богослужение и окончилось.

Кроме вышеописанного, особенно чтимого буддистами праздника Майтреи, у монголов, в течении всего июня месяца совершалось не мало молебствий, обращенных главным образом к богу-покровителю вод. От благосклонности этого божества зависело благосостояние туземцев, с надеждою взиравших на засеянные хлебом поля. К всеобщей радости, с первых чисел июня, стали перепадать дожди, воздух очистился, зелень заметно посвежела... Летнее солнцестояние выразилось на этот раз не бурями суховеями, как обыкновенно, а обильными атмосферными осадками. Надо полагать, что гребень Ала-шаня, достигая трехверстной абсолютной высоты, еще способен сгущать остатки водяных паров, прорывающихся через восточный Куэн-лунь в южную окраину Гоби, и бывают такие удачные годы, когда, вследствие достаточного естественного орошения, монголы-алаша собирают очень хороший урожай и прилежащая к горам пустыня богата подножным кормом [1])...

Между тем, главный бивак экспедиции при Дын-юаньине вновь оживился: прибыли мои старшие сотрудники: капитан Напалков и геолог Чернов, благополучно совершившие

---

[1]) П. К. Козловъ. „Монголія и Камъ". Том I, часть вторая, стр. 690—691.

Монгольский князь Арья — сын алаша-цин-вана

свои исследования в области хребта Ала-шаня и долины Желтой реки. Начав экскурсию вместе, через десять дней они решили разделиться, и составить два совершенно самостоятель-

Бодисатва Ваджрапани (?) редкая форма.

ных раз'езда. Кропотливая и тщательная работа геолога требовала довольно продолжительного пребывания в каждом попутном ущелье, тогда как картограф, ведая более общей частью научного исследования, мог подвигаться гораздо быстрее,

охватывая более обширный район, нежели его товарищ. В результате капитан Напалков прошел вдоль правого берега Хуан-хэ, неподалеку от значащагося на последних картах озера Бо-му, в Ордосе, и путем расспросных сведений выяснил, что такого озера ныне не существует, что оно существовало шесть поколений тому назад и окружность его равнялась расстоянию, которое можно проехать верхом на лошади в течении суток. Ныне, на месте прежнего Бо-му расстилается болотистая котловина, с зарослью солянок, известная у местных обитателей под названием «Сыртын-куку-нор»... Проходом Тумур-ула — самым удобным в хребте Ала-шань — П. Я. Напалков возвратился в Дын-юань-ин, куда, четыре дня спустя, прибыл и А. А. Чернов. — Маршрут геолога экспедиции естественным образом жался к горам и внедрялся в самые горы за Нин-ся включительно, где ознакомившись с неисследованными до того времени горами Ордоса—Кантагери и Арбисо, направился наперерез того же хребта Ала-шань кратчайшим проходом Шара-хотул[1]) (около 8.350 футов абс. высоты) на главный бивак.

Последние дни июня месяца бежали быстро в работе по писанию отчетов, писем и упаковке собранных коллекций, из коих один геологический отдел занял восемнадцать пудовых ящиков[2]). У всех чувствовалось повышенное настроение. Теперь, покончив с исследованием Алаша и Ордоса и по возможности шире ознакомившись с общим характером соседняго хребта Ала-шань, мы мечтали о дальнейших работах в Нань-шане и Куку-норе.

Не задолго до от'езда экспедиции из Дын-юань-ина, Ц. Г. Бадмажапов дал нам прощальный обед, на котором присутствовали также алаша-цин-ван и молодые князья, допущенные в виде исключения за общий стол с отцом. Угощение продолжалось на протяжении свыше четырех часов времени и удалось на славу. Гостеприимный хозяин предоставил гостям всевозможные деликатесы китайского кулинарного искусства и

---

[1]) При сводке маршрутов выяснилось, что мои сотрудники прошли одним и тем же проходом.

[2]) Для облегчения каравана экспедиции, громоздкая часть ее коллекций, в количестве нескольких вьюков, была отправлена в Ургу, с оказией.

европейские вина. Шампанское лучшей марки занимало первое место... Когда уже совсем стемнело, мы всей компанией вышли погулять. С соседней высоты был пущен фейерверк. Полный эфект произвела пара сильных ракет, взвившихся на страшную высоту, пробудившая тишину могучим гулом и рассыпавших снопы огненного дождя. В заключение прекрасно проведенного вечера я открыл цин-вану астрономическую трубу, в которую монгольский князь долго любовался луной и звездами.

Среди сборов в дорогу я выбрал свободное время и отправился к монгольскому князю с прощальным визитом. Ван принял меня со своими сыновьями — Арьей и У-е, как всегда, дружески и тепло; между прочим, он расспрашивал о дальнейших планах экспедиции и о времени возвращения ее в его страну, в его резиденцию, где под покровительством алашавана оставался склад и метеорологическая станция экспедиции. Расставаясь по приятельски, мы обменялись фотографическими карточками. На следующий день хозяин Алаша́ прислал мне в подарок прекрасного серого иноходца под богатым монгольским седлом; но от этого подарка, к сожалению, мне пришлось отказаться, находя изнеженную культурную лошадь мало подходящей для весьма трудной предстоящей дороги... Молодые князья доставили мне не мало удовольствия, поднеся в свою очередь на память историческую китайскую чашечку, найденную при раскопках в Китае, современные принадлежности китайского письменного стола, и альбом фотографий Дын-юань-ина.

Приблизилось время выступления экспедиции; для более успешной ее деятельности мы разделились на три группы. Первым оставил Дын-юань-ин топограф Напалков, в сопровождении гренадера Санакоева и казака Мадаева. Целью этого раз'езда я наметил исследование долины реки Тяо-цуй до города Гу-юань-чжоу и дальнейшего пути к Синину, через Лань-чжоу-фу. В Синине мой сотрудник должен был ожидать возвращения экспедиции с Куку-нора. Помимо главной картографической работы, П. Я. Напалкову поручалось вести заметки этнографического характера и собирать насекомых.

Через три дня, то есть, второго июля, мы проводили в далекий путь А. А. Чернова, которого сопровождали препаратор Арья Мадаев и гренадер Демиденко. Как намечалось еще в

Петербурге, геологической экскурсии предстояло проложить новый путь по пустыне до Сого-хото (Чжэнь-фань) и пересечь Нань-шань по диогонали Лян-чжоу — Куку-нор. На Куку-норе мы должны были встретиться.

Теперь оставалась очередь за мной, или за главным караваном, которому предстояло прежде всего опять окунуться в дикую песчаную пустыню, окаймляющую подножье восточного Нань-шаня и его культурную полосу с китайским земледельческим населением с севера. На всём или почти на всём протяжении пустыни караван должен был следовать в юго-западном направлении, придерживаясь моего прежнего монголо-камского пути до Чагрынской степи. Отсюда, через город Пинь фань, поперек Нань-шаня в долину реки Синин-хэ; затем вверх по этой последней до города Синина и далее перевалом Шара-хотул в бассейн Куку-нора...

ОТДЕЛ II.

КУКУ-НОР и АМДО.

1908—1909.

Глава IX.

ПОПЕРЕК ВОСТОЧНОГО НАНЬ-ШАНЯ, ПРОВИНЦИЯ ГАНЬ-СУ.

Мысли перед выступлением в дальнейший путь.—Лама Ишп. — Дождь задержал караван до шестого июля. — Опять песчаная пустыня. — Монастырь Цокто-курэ. — Урочище Ширигин-долон и пески Тэнгэри. — Южная граница Алашà. — Культурный характер местности. Попутные китайские города и селения; граничащие их горы и долины. — Вид на Нань-шань. — Город Сун-шан-чен. — Буддийский храм. — Гэгэн Нян-чжик и наше прочное знакомство с ним. — Обмен подарками.

Уже за несколько дней до оставления Дын-юань-ина я мечтал о Куку-норе, восточном Нань-шане и Тэтунге. Куку-нор манил своим «сердцем» — островом, Нань-шань — богатством флоры и фауны, грозный Тэтунг — громадами скал и силою бурливого течения. Со времени первого путешествия, Тэтунг очаровал меня своею дикой красотой, зажег сознательную страсть к путешествию и сблизил навсегда с Пржевальским. Воспоминание о Тэтунге воскресает Пржевальского...

Едва мы проводили своих товарищей гг. Чернова и Напалкова, как уже и нам подали свежих, откормленных верблюдов, которые в числе тридцати, были заусловлены [1]) доставить главный караван на Куку-нор и обратно в Синин.

---

[1]) Я был доволен, что с начала путешествия пользовался услугами наемных перевозочных средств, а не обзаводился, по примеру предыдущего путешествия, собственными караванными животными. При наемных животных можно иметь лишних туземцев, в качестве опытных проводников и погонщиков. Теперь, на Куку-нор, с нами следовали те самые монголы-подводчики, которые отлично доставили экспедиционный транспорт из Урги в Дын-юань-ин и которые, впоследствии, перевезли нас из Алашà в Хара-хото.

В роли старшего ответственного подводчика верблюдов явился всё тот же прекрасный монгол — «алашанец», который успешно доставил экспедиционный транспорт из Урги в Дынюань-ин, в самом начале путешествия. Теперь, проводить нас на юг и познакомиться с нами прибыл и сам владелец этих верблюдов, первый богач в княжестве Алашà — лама Иши,

Лама Иши

район кочевок которого находится по соседству с монастырем Шарцзансумэ, т. е. верстах в 230 к северо-западу от Дынюань-ина.

Высоким ростом, атлетическим сложением, богатством своих одежд, лама Иши производил должное впечатление на окружающих. Мне лично лама Иши очень понравился своим уменьем держать себя, а главное — спокойствием, положительностью и строгим выполнением данного слова. На прощанье, местный крез, любимец алаша-цин-вана, взял с меня обещание, на обратном пути, остановиться на денек — другой в его владениях. «Надеюсь», говорил лама Иши, «мои же верблюды повезут вас и к вашим родным пределам»!

К нашему общему огорчению дождь не переставал лить в течение трех суток и задержал нас до шестого июля. В отдалении, то и дело, слышались громовые раскаты; воздух наполнился сыростью, температура понизилась до 15° С. Густые, се-

рые, иногда свинцовой окраски облака окутывали горы и отчасти даже прилежащую равнину. Пятого июля, к двум часам дня, смиренно бежавшие в широких каменистых руслах ручейки превратились в грозные потоки, катившие высокие, желтые, мутные волны... Мосты не могли устоять против стихии и рухнули в воду, куда то и дело с шумом обрывались подмытые части крутых берегов. В своем разрушительном беге вода не щадила ничего на пути, и уносила не мало мелких животных, случайно ставших ее жертвами. Вблизи грандиозного зрелища собирались толпы китайцев и монголов, часами следившие за развитием бури. Под влиянием беспрерывных дождей и сырости Дын-юань-ин принял самый жалкий опустошенный вид: по улицам стояла невылазная грязь, глиняные ограды и даже стены жилых помещений разваливались и, таким образом, открывали интимную сторону жизни туземцев.

Наконец, в воскресенье, шестого июля, мы завьючили караван и покинув город с его шумом и сутолокой, сразу окунулись в глубокую тишину пустыни. Первый небольшой переход до ключа Байшинтэ [1]) экспедицию провожали русские отшельники в Южной Монголии—Ц. Г. Бадмажапов и его помощник г. Симухин, распрощавшиеся с нами надолго и пожелавшие в дорогу благополучия и успеха.

Приятный родник был окаймлен изумрудною зеленью, среди которой выделялись: Melilotus suaveolens, Convolvulus sagittatus, Statice aurea, Peganum harmala, Inula britannica, Lagochilus diacanthophyllus, Sorbaria sorbifolia, Chenopodium Astragalus и Rheum.

Обмытый воздух сделался необычайно прозрачным и давал возможность с одной стороны любоваться яркой зеленью гор Ала-шаня, с другой—следить за широко расстилавшейся к западу песчаной равниной, скрывавшейся за горизонт. Маршрут экспедиции пересекал пустынный залив в юго-западном направлении, отрезая восточные мысы песков, простиравшихся к волнистым высотам левого прибрежья Желтой реки.

Первое время, следуя по окрайним холмам подножья соседней Дын-юань-ину части хребта Ала-шаня, мы вскоре оста-

---

[1]) С этой стоянкой у меня связано тяжелое воспоминание о смерти лучшей экспедиционной собаки «Гарзы», погибшей здесь при возвращении из Кама. («Монголія и Камъ». Том I. Часть вторая, стр. 673—674).

вили колесную дорогу и вступили на караванный путь к Синину, где, проходя вдоль русла речки Ихэ-гол [1]), с интересом наблюдали осыпи и обвалы—следы недавнего пребывания высокой воды... Наш караван состоял исключительно из верблюдов [2]), (если не считать четырех верховых лошадей, на которых ехали члены экспедиции и препараторы), довольно успешно шагавших по раскаленной дневной жарой песчаной поверхности, которая в последнее ненастье порядочно зазеленела. У ног шныряли песчанки, ящерицы, ползали жуки, летали мухи, наполнявшие воздух обычным жужжанием; реже порхали бабочки. Среди птиц ощущалась большая бедность: по мелким лужам дождевых вод держались одиночные турпаны, ходулочники, кряквы; по мокрому песку перебегали серые кулички (Rhyacophilus glareola) и зуйки (Cirrepidesmus alexandrinus); там, где встречалась хоть какая-нибудь зелень, можно было наблюдать хохлатых и рогатых жаворонков (Galerida et Otocorys), а однажды показались и журавли-красавки (Anthropoides virgo), кормившиеся ящерицами. Из хищников нам удалось подметить лишь орла, неподвижно сидевшего на возвышении берега, над узкой полосой воды и быстрокрылого сокола, мчавшегося за не менее быстрокрылым больдуруком... Еще более нежели птицами бедна пустыня млекопитающими, дававшими о себе знать ввиде призраков или силуэтов антилоп (Gazella subgutturosa), появлявшихся на гребнях горных грив или песчаных увалов... Кое-где общая монотонность нарушалась присутствием жилищ человека: на востоке, ближе к горам, жались редкие китайские фанзы, а на западе виднелись войлочные юрты монголов; кругом неизменно паслись жалкие стада баранов, верблюдов, а иногда и стада рогатого скота.

Томительно однообразно и тяжело передвижение в пустыне летом. Еще ночью чувствуешь себя удовлетворительно, но чуть блеснут лучи солнца, как начинается настоящий жар, притупляющий всякую энергию. Даже прославленные «корабли пустыни» и те тяжело бредут в жаркое время. Чаще и чаще посматриваешь на часы, напряженнее вглядываешься в даль, ищешь крохотного зеленого клочка, долженствующего приютить

---

[1]) На котором, как уже упоминалось выше, стоит монастырь Барун-хит.

[2]) Двадцати вьючных и десяти верховых, на которых ехали мои младшие спутники.

караван у колодца. Расстояния в пустыне очень обманчивы: со стоянки при урочище Байшинтэ мы ясно различали общие контуры придорожного обо «Бомбото» и недалекой, казалась, возвышенность Шангын-далай; но увалы сменялись увалами, открывались всё новые пространства пустынной местности, испещренной выходами конгломератов и бурого песчаника, а намеченные пункты не приближались; только переночевав в урочище Тарбагай [1]) и сделав еще трудный переход в сорок-две версты, мы, наконец, достигли горки Шангын-далай, где оказался хороший колодезь. В окрестности колодца, там и сям, можно видеть: Phragmites communis, Caragana korshinskii, Stellaria gypsophiloides, Myricaria germanica и немногие другие растения.

В первой половине песков нас сопровождало знойное солнце, давшее почувствовать всю «прелесть» пустыни. Песок накалялся до 70° С. и через тонкую подошву сапог прожигал ноги; бедные собаки страдали пуще нас, несмотря на большую заботливость и предусмотрительность фельдфебеля Иванова, который через каждые полчаса отвязывал от вьюка корытце и бережно наливал «Сигналу» [2]) воду. Собаки отлично знали это и к известному времени, без зова, подбегали к передовому эшелону, вопросительно глядя на Иванова. Между тем песчаные барханы громоздятся один на другой всё выше. Верблюды натягивают бурундуки-поводья, тяжело дышат; вереница этих гигантов то поднимется на вершину бархана, то спустится к его основанию. По песчаной поверхности мягко ступает широкая лапа верблюда; ее своеобразный шорох едва слышен, будучи заглушаем тяжелым учащенным дыханием животных. Поднимешься на высокий бархан, и опять прежняя картина — всюду песок, песок и песок. Во рту давно пересохло: сухость пустынного воздуха крайняя.

Девятого июля, в мрачное томное утро, мы выступили особенно рано. Венера поднялась высоко, в теплом воздухе кружились тысячи насекомых, мелькали летучие мыши. Нам пред-

---

[1]) В урочище Тарбагай собраны следующие формы растительности: Oxytropis aciphylla, Lemurus lanatus, Cynanchum sibiricum, Euphorbia humifusa, Iris bungei, Sophora alopecuroides, Thermopsis lanceolata, Plantago mongolica, Tribulus terrestris, Cirsium Astragalus и Chenopodium.

[2]) «Сигнал» — кличка нашего пса.

стояло пересечь горы Дэрэстэн-хотул, входящие в состав вероятно массива «Лоцзы-шань», что по-китайски значит «горамул». Под'ем на перевал растянут на шесть верст. С вершины, в юго-западном направлении, нам открылась долина, подернутая пыльной вуалью. В отдалении виднелись белые постройки монастыря Цокто-курэ; сыпучие пески обступали его со всех сторон, и только благодаря дождливой погоде с запада и юга блестели полоски болотистых вод, окаймленных зеленой полукустарниковой пустынной растительностью.

Караван остановился не доходя до монастыря, при колодце Баин-худук, где у пустой колоды, понуря головы, стояло несколько ослов, тщетно ожидавших утоления жажды. По соседству кочевали монголы со своими стадами, и близость этого населения сказывалась очень печальным явлением: грязные сами, монголы не умели содержать в чистоте единственный источник жизни—Баин-худук, издававший крайне неприятный запах, вследствие обильного присутствия в нем выделений домашних животных.

При колодце Баин-худук мы нашли только Plantago mongolica и Reaumuria trigyna.

В сумерках, в окрестности колодца прыгали резвые тушканчики (Dipus), которых гнали перед собой возвращавшиеся с пастьбы стада баранов.

Монастырь Цокто-курэ исповедует учение Цзонхавы и основан более ста лет тому назад в честь божества Арьябало. Металлическое нарядное изображение этого божества можно видеть на первом почетном для бурханов месте в главном храме. Кроме главного храма монастырь имеет несколько второстепенных, и содержит до пятидесяти человек лам; во время хурулов, устраиваемых в среднем месяце каждого времени года, число лам удваивается. Цокто-курэ существует отчасти на добровольные пожертвования, отчасти собственным хозяйством [1]). Во главе монастыря, как водится, стоит да-лама, по имени Чжалсэ. Изредка в этот монастырь заглядывает наследный князь Да-е; тем не менее Цокто-курэ не содержится в должном порядке.

---

[1]) Монастырь имеет до ста голов верблюдов и по стольку же лошадей и баранов.

Особенно неблагоприятное впечатление, в санитарном отношении, производит соседнее болото, где, между прочим, в период дождей держатся дикие гуси, турпаны и другие плавающие птицы. Внутри монастырской ограды всё же имеются колодцы с хорошей питьевой водой.

Подле монастыря экспедиция проходила в очень ранний утренний час, а потому не видела ни одного живого существа; лишь на некотором расстоянии, на дороге, мы заметили интересную группу: очень нарядный лама шел рядом с не менее нарядной девушкой - монголкой; интимная пара поспешила удалиться с дороги, как только обнаружила растянувшийся на большое расстояние русский караван. Они, вероятно, не ожидали такой встречи и были очень смущены, так как, по обычаю в неурочный час женщинам запрещено даже близко подходить к монастырям.

Четырехрукий Арьябало.

Пески становились всё более и более внушительными. Теперь грядовые барханы, расположенные в меридиональном направлении, заполнили собою весь видимый южный горизонт. Верблюды медленно шагали по рыхлому грунту, осиливая, кроме того, небольшой под'ем; местами тропа пересекала пространства твердой землистой поверхности, где выступали обнажения светлого конгломерата, и движение несколько облегчалось. Лишь изредка ярко-желтый сыпучий песок расступался, давая место нешироким впадинам, с жалкими лужами горько-соленой воды, окаймленной кустами хармыка и кое-какой травянистой растительностью.

В одной из таких долин, называемой Ширигин-долон [1]), экспедиция отдыхала целые сутки; томимые жарой и жаждой, мы с жадностью уничтожали созревшие ягоды хармыка и по многу раз купались в одном из маленьких озерков, напрасно ища прохлады. Вместе с озерками появилась растительная и животная жизнь: помимо отмеченного Nitraria schoberi, здесь пышно произрастали: — Scorzonera divaricata, Astragalus melilotoides, Echinops gmelini, Myricaria platyphylla, Lactuca и Sisymbrium; а из животной жизни, в частности птиц, по водной поверхности привольно плавали турпаны, пеганки; по отмелям разгуливали кулички, улиты — черныш, прудовый, — стайки светло-серых зуйков, пестрозобых песочников и одинокая шеврица; в соседних камышах гнездился камышевый лунь (Circus spilonotus), а не вдалеке парил мохноногий сарыч. В болотистых озерках были замечены головастики, вместе с лягушками (Rana amurensis), поступившими в нашу коллекцию.

Вторую часть пустыни — пески Тэнгэри [2]) экспедиции посчастливилось перешагнуть в небольшое ненастье: с севера набежала мрачная грозовая туча, полил дождь и воздух приятно освежился...

По мере продвижения на юго-запад, поперечные увалы увеличивались в размерах, и на крайнем юго-востоке выростали целые гряды горок, одну из которых нам назвали Хонгор; по вершинам красовались обо из пестрых конгломератов, снабженные плитами, с буддийскими молитвенными формулами— мани. Среди логов извивались еле заметные тропинки кочевников и реже — дороги; по словам проводников, одна из этих дорог вела от небольшого китайского городка Дэрэсун-хото на востоке, к соленому бассейну Цаган-дабасу на западе. По сторонам часто приходилось наблюдать трупы домашних животных—верблюдов, лошадей и баранов, погибших от сильных ливней, понизивших температуру. По моим многочисленным наблюдениям, монголы так же как и их скот способны переносить самый палящий зной, но зато как те, так и другие

---

[1]) В переводе: «Выкипяченные семь озер».

[2]) На своем пути от Дын-юань-ина к Пинь-фаню, экспедиция пересекла окраины песков Сэрхэ и Тэнгэри, причем интересно отметить, что проводники, взятые из селения Бай-тун-цзы, были не знакомы с этими названиями...

легко заболевают от холода и сырости. Несмотря на недостаток влаги и бесплодие песков Тэнгэри, кочевники почти повсеместно, по крайней мере на нашем пути, держат на ряду

Третий далай-лама — Соднам-чжямцо.

с верблюдами и лошадей. Этот факт вполне подтверждает мое убеждение, вынесенное еще из прошлого путешествия, об отсутствии в Монгольской пустыне больших безводных пространств.

Приближалась и южная граница сплошных сыпучих песков: действительно оставался последний довольно солидный рукав пустыни Тэнгэри, и мы вне опасности; к тому же пере-

падавший почти ежедневно дождь поддерживал наши силы. Переночевав в тридцати верстах к юго-западу от Ширигин-долон под открытым небом, среди песчано-глинистых бугров, покрытых хармыком, экспедиция подошла к колодцу Ихэ-тунгун-худук, где следовало запастись водою для предстоящего перехода. Здесь, между прочим, была поймана степная гадюка (Coluber dione), отличавшаяся злобным нравом; эта «хонин-могой» или «баранья змея», как ее называли монголы, часто кусает животных, в особенности баранов, после чего, в течение полуторых или двух недель места укусов болят и опухают. Недалеко от колодца, вдоль круто ниспадавших песчаных увалов, раскинулась отличная луговая долина; среди изумрудной зелени паслись стада монгольского скота.

Здесь удалось собрать следующие виды растительности: Piptanthus mongolicus, Tournefortia sibirica, Stipa splendens, Cynoglossum divaricatum, Eurotia ceratoides, Zygophyllum eurypterum, Glycyrrhiza uralensis и Prunus mongolica.

К вечеру, перед самым закатом, дневное светило вышло из-за туч и картинно осветило скаты и гребни барханов, по которым длинной вереницей шагал экспедиционный караван; с любой высшей точки ничего не было видно, кроме желтизны пустыни да чистого голубого полога неба [1]). Сумрак уже лег на землю, и слабый отблеск зари едва прорезал темноту, когда мы вышли из песков, и на первой гладкой площадке, в урочище «Улан-сай» разбили свой бивак. Местность резко изменила свой рельеф. Перед нами появились цепи холмов «Ихэ-улын», на западе вздымались горные гряды Аргалинтэ, а на востоке и юго-востоке теснились возвышенности, отделявшие от нас долину Желтой реки... Караван вступал в широкое русло, извивавшееся по песчано-глинистой открытой равнине Долонэ-гол, носившей следы недавней высокой воды. По берегам русла тотчас обнаружены: Anabasis aphylla, Reaumuria mongolica, Scutellaria scordifolia, Caragana и Astragalus; немного пониже — появились и Stipa splendens, и Ancathia igniaria, и Lepidium micranthum, и Ehinops turczaninovii, и Carex...

---

[1]) Только изредка, кое-где, стояло по несколько стеблей зеленого—зеленого тростника, составлявшего полный контраст с общим фоном пустыни.

Весь следующий переход до урочища Цзаха-долон и далее, мы ориентировались на седлообразную вершину «Долонэ-обо», омываемую руслом того же названия — Долонэ-гол. Приятная облачная погода снова сменилась томительной жарой, и мы с особенным напряжением всматривались в отрадные силуэты хребта Ма-чань-шань, закрывавшего собою нижний пояс еще более массивных гор Лоу-ху-шань. Перед тем, как выйти на большую нинся'скую дорогу, мы тщательно исследовали старинный субурган, имеющий около двух сажен высоты, монгольского типа, воздвигнутый в честь буддийского святителя Банчень-богдо или даже как мне сообщали монголы — далай-ламы [1]), по преданию, положившего начало этому пути; говорят, что в память о великом паломнике, ближайшим к его могиле пескам, и дали подобающее название «Тэнгэри», то-есть «Небесные»... Неподалеку от селения Ин-пань-шуй [2]), оставшегося на северо-востоке от нашей дороги, появились признаки китайской культуры; пользуясь дождливой погодой, трудолюбивые земледельцы силились вспахать и засеять прилежащие к горам части пустыни, до того никогда не видавшие сохи.

Пограничный каменный знак между Алаша и Китаем.

Рядом с естественной границей залегала и условная, монголо-китайская, отмеченная двумя каменными памятникообразными знаками. Четырнадцатого июля, экспедиция переступила эту границу и около развалин селения Тянь-лоба расположилась на ночлег... С закатом солнца воздух заметно посвежел, подул северо-западный ветер и в одном из своих бурных порывов сорвал нашу палатку. Шел холодный пронизываю-

---

1) Вероятно третий далай-лама — Соднам-чжямцо (1543 – 1588), который умер в Монголии, и был признан «великим ламой, живым буддой». [П. К. Козлов. «Тибет и Далай-лама». Стр. 56].

2) Несколько севернее Ин-пань-шуй, от нинся'ского пути, вблизи древней цоняжи, отделилась веточка дороги на Лань-чжоу-фу.

щий дождь, а укрыться было негдѣ; по случаю сильного ветра, палатку установить так и не удалось; мы закутались в брезенты и старались уснуть, но напрасно — дождевая струя, проникавшая к самому телу, не давала возможности забыться.

Селение Тянь-лоба [1]) лежит в северо-восточном углу песчано-солончаковой равнины, имеющей на своей западной окраине соленый бассейн — озеро Янь-чэ... Сухой, теплый климат и характерная пустынная растительность представляют отличные условия для жизни верблюдов, и китайцы окрестных деревень, как например Бай-тун-цзы, специально занимаются их разведением.

После сильного ночного ливня, атмосфера к полдню прояснела и вдали, на расстоянии двадцати пяти верст, у подножья Ма-чан-шаньских гор, обозначились контуры высоких тополей и построек маленького пограничного городка Са-янь-цзинь; здесь, когда то была таможня, взимавшая пошлину с товаров, провозимых из Алаша и Лань-чжоу-фу.

Сейчас Са-янь-цзинь как бы замер, население его крайне бедно и не имеет даже хлеба; мы могли купить во всей округе лишь один пучек луку. Проживавший в городке, с отрядом солдат, китаец-чиновник очень любезно принял моего посланного и дал экспедиции свободный пропуск. На этот раз, благодаря уже наступившей темноте, мы избегли любопытной толпы, обыкновенно преследующей в китайских городах русские или вообще чужеземные караваны.

От Са-янь-цзин'я по всему нашему пути шло земледельческое население, вплоть до городишка Шара-хото, граничащего с перевалом того же имени, откуда начинается бассейн Куку-нора [2]), дающий приволье номадам.

Горы Ма-чань-шань являли собою мало отрадную картину. Покрытый мощным слоем лёсса [3]) этот хребет все же имеет лишь скудную растительность [4]) и выглядит пустынным; недо-

---

[1]) При этом селении нами собрано только два вида растений — Echinops turczaninovii и Inula ammophila.

[2]) Земледельческое население сосредоточено в бассейне Желтой реки.

[3]) Из под лёсса, кое-где, обнаруживались всевозможные зернистые песчаники.

[4]) В хребте Ма-чань-шань из растительности добыты лишь: Clematis nannophylla, Peganum harmala и Artemisia.

статок влаги всюду дает себя чувствовать. Медленно осиливая под'ем по крутому, местами узкому ущелью, минуя площади то коренных выходов, то песчанистой глины, мы пересекли едва заметные остатки исторического сооружения «Великой Китайской Стены» и остановились на ночлег у речки Да-ша-хэ, вблизи селения Вань-цзи-цзинь.

Как у селения, так и по речке красовался тополь Пржевальского (Populus przewalskii), затем ива (Salix), а из травянистых: осот полевой (Sonchus arvensis), полынь (Artimisia sieversiana, A. annua), спорыш (Polygonum aviculare), кресс (Lepidium latifolum), белена черная (Hyoscyamus niger), гусиная лапчатка (Potentilla anserina), просвирняк (Malva borealis), ломонос (Clematis orientalis var. acutifolia), подорожник (Plantago major), Licium chinense, Acroptilon picris, Oxygraphis cymbalariae, Anchusa и Salsola.

С приходом в горы мы имели возможность пользоваться прекрасной студеной водой ручьев и рек, забыв о пустыне и ее скудных горько-соленых источниках. Всего на расстоянии нескольких верст от пустыни, которая потянулась далеко к западу, расстилались обработанные поля, зеленели луга и довольно густо рассыпались китайские фанзы. Культура и пустыня, жизнь и смерть граничили здесь близко между собою, и вызывали удивление путешественника.

С передовых южных холмов Ма-чан-шаня открылся довольно далекий горизонт: перед нами лежала широкая долина Годя-вопу-тан, преграждавшаяся на юге мощным Лоу-ху-шан'ем, на западе — второстепенными отпрысками соседних гор (Ма-чан-шань и Лоу-ху-шань), а на востоке вклинивавшимися высотами левого берега Хуан-хэ. [1]) Небольшие культурные центры—города Куань-гоу-чен и Юн-тай-чен, [2]) равно как и мелкие селения, ютившиеся при устьях ущелий Лоу-ху-шан'я, были также великолепно видны, не смотря на значительное расстояние. По всей долине встречались старые жилища, устроенные в лёссе, заброшенные поля и прочие следы культуры, свидетельствовавшие о пребывании в окрестностях многочисленного населения, занимавшегося почти исключи-

[1]) В том числе и гора Лу-фан-сы.

[2]) «Монголія и Камъ». Том I. Часть вторая, стр. 662—663.

тельно земледелием. В настоящее время местность представлялась запустелой; немногие бедные жители, грязные и оборванные, производили самое неблагоприятное впечатление и отличались, по словам монголов, воровскими и даже разбойническими наклонностями.

Интенсивная жизнь в Годя-вопу-тан стала затихать уже давно; сильный удар мирному процветанию долины нанесло дунганское восстание, разорившее китайцев-земледельцев, а постоянная в позднейшее время засуха и безводие окончательно парализовали энергию уцелевших обитателей. Для сохранения драгоценной влаги, аборигены прибегают к довольно оригинальному приему: вспаханное и засеянное поле устилается мелкими, величиною в небольшой кулак, камнями, добываемыми у закраин полей, где вследствие этого образуются глубокие ямы и целые подземные ходы; эти камни не позволяют дождевой воде быстро испаряться и держат землю в более прохладной температуре. По уборке хлеба, камень остается на использованном поле и служит уже как бы хранилищем влаги, слегка освежающем соседние участки.

Экспедиция проходила Годя-вопу-тан по диагонали с северо-запада на юго-восток, постепенно поднимаясь с 5485 футов абсолютной высоты. Из растений вдоль дороги равно и полей, нами были собраны подорожник (Plantago depressa), салат (Lactuca versicolor), тмин (Antennaria steetziana), люцерна (Medicago ruthenica var. alpina), горицвет (Adonis appenina), Peganum harmala, Phlomis mongolica, Cymbaria mongolica, лук (Allium tenue), резуха (Arabis piasezkii), лапчатка (Potentilla bifurca var. pusilla), Taraxacum, Astragalus, Oxytropis, Pedicularis, Saussurea и Hedysarum.

По сторонам растянувшегося каравана выскакивали и быстро исчезали в норах суслики; маленькие песчанки выдавали свое присутствие характерным писком. Легкие антилопы (Gazella subgutturosa, G. przewalskii) часто показывались на горизонте, играя и резвясь по утрам и отдыхая в самое жаркое время дня. В одном из попутных селений китайцы показывали нам парочку совсем ручных антилоп Пржевальского, взятых ими на воспитание при рождении и вскормленных коровьим молоком; грациозные животные безбоязненно держались по соседству с фанзами и позволяли любоваться собою; эти же приветливые

китайцы говорили, что в диком состоянии Gazella przewalskii очень строга в ранние утренние часы, а днем подпускает охотника гораздо ближе. Кроме антилоп и мелких грызунов, долину оживляли также некоторые птицы: небольшая серая сойка (Pseudopodoces humilis), красноклювые клушицы, перекликавшиеся постоянно мелодичным голосом, мохноногий сарыч и гордый красавец орел-беркут. Около полей нам удалось пополнить энтомологический сбор порядочным количеством интересных форм мух и жуков.

Семнадцатого июля экспедиция прибыла к северному подножью Лоу-ху-шаня, оставив городок Куань-гоу-чен несколько юго-восточнее. Этот хребет простирается с северо-запада на юго-восток и имеет вид довольно плоской гряды, круто обрывающейся к северу, врезаясь на большое расстояние своими отрогами в долину Годя-вопу-тан и полого опускающейся к югу, быстро теряясь в высокой равнине Сун-шан-чен'а. В своей более высокой части Лоу-ху-шань, по моему мнению, приближается к высоте гребня Сумбур Алашаньских гор. За исключением окрестностей седловин или перевалов, [1]) северный склон описываемого хребта покрыт лесом ели с примесью ивы, жимолости, таволги, малины, смородины и немногих других; кустарников встречается всё же очень мало; выше лесной зоны зеленеют альпийские луга.

В горах Лоу-ху-шаня наш гербарий пополнился следующими формами растительности: ломоносом (Clematis orientalis, C. aethusifolia), ковылем (Stipa inebrians, S. splendens, S. bungeana), чечевицей (Ervum lens), Ceratostigma plumbaginoides, Disophylla janthina, перловником (Melica scabrosa), Agropyrum cristatum, Bupleurum scorzonerifolium, Adenophora potanini, крестовником (Senecio vulgaris), очитком (Sedum hybridum), вьюнком (Convolvulus ammani), Dracocephalum heterophyllum, горечавкой (Gentiana anaticola), звездчаткой (Stellaria gypsophilodes), молочаем (Euphorbia esula), астрой (Aster altaicus), качимом (Gypsophila acutifolia), Cariopteris mongolica, Hedysarum polymorphum, Oxytropis, Seseli, Poa, Salsola, Salsolaceae и Anthriscus.

---

[1]) Нам известны названия перевалов Го-люн-дунь или Гань-коу-сянь.

Зимою хребет засыпается глубоким снегом, остатки которого еще и сейчас белели на западных вершинах. По словам охотников, в Лоу-ху-шане держатся: кабарга, козуля, волки, лисицы, но нам не посчастливилось увидеть ни одного из названных диких животных или зверей; только тарабаганы (Arctomys robustus) развлекали нас, забавно играя друг с другом и нередко попадая в добычу беркуту, неустанно облетающему дозором свои владения.

Большая Голюндунь'ская [1]) дорога носит довольно оживленный характер; по ущелью северного склона группируются китайские селения: Гангу-коу, Ши-ва-цза, У-тан-шань и Голюн-дунь, при чем каждое из них насчитывает всего от восьми до десяти домов. Китайцы занимаются земледелием и отчасти скотоводством, разводя преимущественно баранов; тщательно оберегая своих животных от воров, они запирают стада в особые помещения — крепостцы. Вблизи Го-люн-дуня, в верхнем поясе горы, мы отметили очень красивые китайские молельни, живописно расположенные одна над другой.

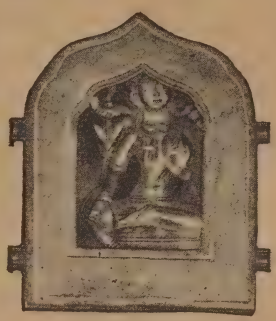
С вершины Лоу-ху-шаня мы последний раз с удовлетворением оглянулись на пройденную пустыню Алаша, окутанную по обыкновению желтовато-серой дымкой пыли. Впереди далеко, в прозрачной атмосфере виднелся величественный Нань-шань и его ближайшие к нам массивные отроги... Особенной грандиозностью и сложностью горных цепей Нань-шань поражал наблюдателя в западно-юго-западном направлении, — в направлении, в котором ютится монастырь Чортэнтан или Тентан-сы, [2]) прижатый к скалам левого берега красавца Тэтунга... Вслед за пустыней исчез и томительный зной, не стало пыли; с каждым днем мы чувствовали себя бодрее, появился вновь спокойный сон и хороший аппетит.

Выйдя на холмистое луговое плато, названное Н. М. Пржевальским Чагрынскою степью [3]), экспедиция направилась к городу Сун-шан-чен'у [4]), поднятому на 8.750 футов над уровнем моря. С северной и южной сторон ничтожного по величине городка, однако окруженного двумя рядами крепостных глино-

---

[1]) Голюндунь'ская или Ганькоусянь'ская.
[2]) «Монголія и Камъ». Том I. Часть первая, стр. 140 и последующие.
[3]) «Монголія и Камъ». Том I. Часть вторая, стр. 659.
[4]) «Монголія и Камъ». Том I. Часть вторая, стр. 660.

битных стен, протекали две быстрые, прозрачные реченки, орошавшие прекрасные окрестные пастбища; среди богатых трав паслись многочисленные стада баранов, коров, лошадей, принадлежавшие по большей части тангуту-гэгэну Нян-чжик'у, построившему в юго-западном углу крепости хорошую кумирню. В этом монастыре подвизалось всего до сорока лам, также тангутов, а при настоятеле — двое приближенных монахов — почтенный старик и молодой энергичный тибетец. Получив от меня приветственный хадак, Нян-чжик явился на бивак с визитом и пригласил членов экспедиции в свою очередь к себе. Гэгэн был необычайно любезен с нами — своими гостями; после чая, нас провели через цветник в помещение настоятеля, где показали не только частные комнаты, но и временный храм: настоящая кумирня была не совсем готова. Обменявшись обычными вежливыми фразами, Нян-чжик самым искренним образом выразил мне свою дружбу и пожелал закрепить слова ценным подарком в виде золоченой статуэтки Дархэ, заключенной в гау, — одной из тех, что стояли на престоле молельни. Это чуткое внимание душевно тронуло меня и спутников, и мы расстались с приветливым гэгэном, сохранив о нем наилучшие воспоминания. Перед от'ездом, Нян-чжику был послан кусок парчи, произведший хорошее впечатление на всю братию монастыря.



Га-у с Дархэ (умен. в 4 раза).

Глава X.

ПОПЕРЕК ВОСТОЧНОГО НАНЬ-ШАНЯ, ПРОВИНЦИЯ ГАНЬ-СУ.

(Окончание).

Привольная Чагрынская степь. — Ее животная жизнь. — Ущелье Фый-гу и лёссовые толщи. Растительность верхнего пояса гор. — Пинь-фань и неожиданная встреча с гэгэном Аваном. — Тэтунг-гол; общая характеристика его долины и гор. — Большая оживленная дорога. — Река Синин-хэ и путь экспедиции к городу Синину. — Монастырь Марцзан-лха. — Правый берег Синин-хэ. — Прилежащие сигнальные башни.

Чагрынская степь имеет хорошие пастбища, но всё же бедна водою и в годы засухи не представляет удобств для жизни, как оседлого населения, так и кочевников. 1908-й год был особенно богатым в смысле обилия атмосферных осадков, а потому и пейзаж степи разнообразился различными проявлениями жизни животных и человека. С вершины каждого следующего увала [1]) открывались все новые и новые группы селений, многие из них разгромленные дунганами, многие исправленные и обитаемые; стада баранов и табуны лошадей бродили по степи, а около домашних животных нередко замечались также и дикари — Gazella przewalskii, умевшие хорошо отличать и бояться нас, не обращая в то же самое время никакого внимания на присутствие туземцев. Баранов обыкновенно пасли китайцы, сопутствуемые целыми сворами собак, а за лошадьми

---

[1]) Преобладающее направление как главных цепей гор, так и второстепенных — северо-западное—юго-восточное.

присматривали ловкие, молодцеватые тангуты, почти всегда гарцовавшие на лихих иноходцах, гордясь своей посадкой, конем и хорошей образцово-содержимой винтовкой за спиною. Эти тангуты постоянно под'езжали к каравану и охотно знакомились с нами, с любопытством расспрашивая проводников о необыкновенных русских людях.

По мере продвижения на юго-запад, массивные скалистые отроги Нань-шаня всё яснее, всё контрастнее вставали перед нашими глазами. Теперь экспедицию отделял от долины Пиньфаня один лишь высокий хребет, который мы осилили в два перехода. Переночевав в ущелье Фый-гу, мы на целые сутки окунулись в горы. Нижний пояс хребта характеризовался большими скоплениями лёсса, так называемых лёссовых толщ, и вследствие бедности орошения в некоторых местах значительные площади были выжжены палящими лучами солнца. Как флора, так и фауна окрестностей перевала Фын-фый-лин [1]) имела сходные черты с таковыми Нань-шаня. Из растений преобладали знакомые: репка (Cotyledon fimbriatus), лапчатка или курильский чай (Potentilla fruticosa et P. daurica), одуванчик (Taraxacum sp.), куреслеп (Anaphalis nubigena), астра (Aster sp.), два вида смолевки (Silene repens et S. aprica), затем — резуха (Androsace septentrionalis), шпорник (Delphinium mosoynense), крестовник (Senecio sp.), чертополох (Cirsium segetum), сурепица (Brassica campestris), вшивица или мытник (Pedicularis sp.), аконит (Aconitum gymnandrum et A. sp.), мордовник (Echinops turczaninovi), ячмень (Hordeum pratense), шандра или конская мята (Marrubium incisum), василистник (Thalictrum minus), гречиха (Poligonum viviparum) и, наконец, перелеска (Anemone obtusiloba).

Внешний вид Пин-фанской долины, оживленной системою Чагрын-гола, в нижнем течении [2]) именуемого речкою Пиньфань-хэ, усыпанной разбросанными там и сям пашнями, селениями и стадами скота, очень приветлив и привлекателен. Китайцы видимо заботятся о подсадке деревьев, и могучие тополя и ивы служат украшением общего пейзажа.

---

[1]) Под'ем на этот перевал с севера крут и имеет всего восемь верст протяжения; спуск же к югу отлогий и растянут на двадцать две версты.

[2]) Одна и та же речка в верхней половине называется Чагрын-гол, в нижней— Пинь-фань-хэ или Пинь-фанской.

Речка Чагрын-гол или Пин-фан-хэ берет начало из родников, выбегающих от вечно снеговых вершин Кулиан и Лиан-чжу — отстоявших от нашего маршрута к северо-западу, в доминирующем к северу выступе Нань-шаня, [1]) который здесь образует восточную часть громадной, нигде непрерывающейся горной стены, огораживающей собою всё нагорье Тибета к стороне южной Гоби и котловины Таримского бассейна. Эта гигантская ограда, принадлежащая системе Куэн-луня, несет по местностям различные названия и имеет различный физико-географический характер; хотя общий топографический ея склад одинаков на всем или почти на всем протяжении и представляет, подобно тому как для некоторых других хребтов Центральной Азии, только в большем масштабе, полное развитие дикого горного рельефа к стороне наиболее низкого абсолютного поднятия, наоборот, несравненно меньшее распространение тех-же горных форм в противоположном склоне на более высокое плато.

В районе нашего пересечения Чагрын-гола или Пинь-фанской речки, по вершинам правого берега, круто опускающегося к воде красными глинами, живописно выделяются постройки двух китайских пагод или храмов: Тан-тан-мяо и Лун-ван-мяо. В последнем храме, посвященном богу вод, ежегодно возносятся особенно усердные молитвы о ниспослании источника существования—дождя.

По долине реки, там и сям, произрастают: василистник (Thalictrum minus), перелеска (Anemone rivularis), подмаренник (Galium verum var. leiocarpum), полынь (Artemisia scoparia), очанка (Euphrasia kozlovi), Odontites rubra, Myricaria germanica, и белолозник (Eurotia ceratoides), а по песчаному руслу—ильм (Ulmus pumila), тополь (Populus simoni), донник (Melilotus suaveolens, M. lupulina), та же перелеска, другой василистник (Thalictrum petaloideum), кермек (Statice aurea), Panzeria lanata, Chamaerrhodos sabulosa, Gypsophila, Potentilla u. Mentha.

---

[1]) Названия Кулиан и Лиан-чжу местным обитателям не известны и на мой вопрос к ним, откуда берет начало Пинь-фаньская речка, или что тоже самое Чагрын-гол, сообщили, что из ключей горы Мая-сюэ-шань, отстоящей далеко к северо-западу...

По низинам и отмелям долины речки, в особенности там, где залегала серая галька, экспедиция встретила оригинальных серых куликов—серпоклювов (Ibidorrhynchus struthersi), по соседству с которыми держались серые цапли и зуйки (Aegialites dubia), а несколько ближе к городу—полевые воробьи, стрижи, вороны, сороки, коршуны и сокол-чеглок (Hypotriorchis subbuteo [1]).

Без особого труда мы переправились в брод через речку, и остановились лагерем под южною стеною самого города.

Город Пинь-фань основан, как говорят, около трехсот лет тому назад, и окружен солидной крепостной стеной, облицеванной кирпичем, с округлыми башнями по углам и массивными фланкирующими выступами, увенчанными изящными вычурными беседками, по середине каждой стороны крепости. Население города состоит из торгового класса, земледельцев, чинов администрации и гарнизона, в рядах которого есть пехота, кавалерия и артиллерия — всего номинально в количестве пятисот человек; на самом же деле — вдвое меньше. Войска вооружены винтовками различных систем, а артиллерия имеет даже пять медных пушек, перевозимых лошадьми парной запряжки. Вне службы солдаты живут по домам и отправляют свои частные работы, но должны всегда быть готовы по первому требованию явиться к месту назначения. Пинь-фаньцы уверяли нас, что гарнизон сильно нуждается в средствах, так как денежное довольствие властями не высылается.

Во время нашего пребывания в Пинь-фане, главный начальник города отсутствовал и его заменял полицеймейстер. Китайские власти пошли навстречу экспедиции, обещав дать ей требуемого проводника, но на вопрос о местонахождении моего знакомого Чортэнтанского ламы Авана, по слухам, имевшего здесь временное пребывание, ответили обманом, говоря, что он отправился в У-тай, тогда как на самом деле Аван жил в Пинь-фане и ежедневно посещал китайское управление. Этот, ни на чем не основанный, вымысел однако не привел ни к чему: Аван очень скоро узнал о прибытии экспедиции от алашаньских монголов, и поспешил на свидание со мною.

---

[1]) Из насекомых — полужестокрылых в соседстве Пинь-фаня добыт также и Trapezonotus (Gnopherus) subtilis.

Мой старый приятель [1]) прибыл в Пинь-фань по судебным делам, связанным с арестом и заключением в тюрьму двух чортэнтанских лам... Между прочим, Аван поведал мне, что кукунорские тангуты, разбив один из оружейных складов в Гань-су, обзавелись европейским военным оружием различных образцов и устраивают теперь засады на проходящие караваны... Аван дружески предупреждал меня об опасности, умолял соблюдать все предосторожности при сношениях с этими энергичными лихими горцами, и на прощанье усердно приглашал заехать в родной Чортэнтан.

Время дневки в китайском городе пролетело незаметно; утро прошло в писании письма-отчета профессору Д. Н. Анучину, в Москву, а после полдня мы с Четыркиным отправились купаться и в компании подростков китайчат [2]) с наслаждением поплавали и освежились в светлых водах спокойного рукава Чагрын-гола. Торговцы, пронюхав о богатом русском караване, весь день наводняли наш бивак, предлагая хлеб, зелень, дрова и даже... бурханов. Золоченые изображения китайских и монгольских божеств расценивались ими очень дорого, в особенности статуэтки красного толка или староверческие, якобы некогда украденные из монастыря Барун — или Цзун-хит'а монгольского княжества Алашà.

Двадцать второго июля, в жаркое душное утро, экспедиционный караван оставил Пинь-фань и направился в сторону Синина, избрав кружную западную с незначительными перевалами дорогу [3]). Вообще следует заметить, что в восточном новом для меня пересечении Нань-шаня, характер последнего значительно видоизменен в сравнении с его более западным районом, где не только средние, но и окраинные цепи богаты кристаллическими выходами, ввиде острых вершин, пиков или мощных скал, громоздящихся одна на другую в живописном чарующем глаз величии... Здесь же путешественник сравни-

---

[1]) Об Аване см. мою «Монголія и Камъ». Том I. Часть первая, стр. 142 и таблицу.

[2]) Которые сначала в страхе было разбежались, но потом ничего... снова приблизились.

[3]) В пятнадцати верстах к юго-юго-западу от Пинь-фаня дорога делится на две ветви—обе ведущие в Синин. Одна из них — восточная, прямее и короче, но имеет более высокий перевал, другая, которую избрала экспедиция, более длинная, но зато и более легкая.

тельно легко поднимается на вершины перевалов, даже с верблюжьим караваном или в китайской телеге, запряженной лошадьми или мулами, так как везде преобладает лёсс, большей или меньшей мощностью прикрывающий главным образом ханхайские песчаники, ханхайские красные отложения и лишь в небольшом количестве известняки или кремнистые сланцы. Колесные дороги глубоко врезаны в лёссовые толщи и бороздят поверхность траншеями, в которых встречным путникам очень трудно, а местами даже и невозможно раз'ехаться. Растительность в восточном Нань-шане и в частности в Северно-тэтунгском хребте довольно жалкая: мы не нашли ни лесов, ни кустарников, ни даже альпийских лугов, о которых мечтали. Постоянные речки и ручьи отсутствовали и местные жители пользовались исключительно колодцами, глубиною от десяти до пятнадцати саженей, откуда студеную (до 0.5° С) воду добывали при помощи воротов. Стада утоляли жажду в грязных, застоялых прудах, вырытых исключительно для этой цели.

Путь от Пинь-фаня к Синину довольно оживлен: обнесенные глиняными или каменными стенами селения, пашни и луга тянутся почти непрерывной чередой; благодаря изрядному количеству проезжающих, в ближайших к дороге населенных пунктах возникли настоящие постоялые дворы. Особенно памятно мне одно селение, Син-джан, у перевала Син-джанфолин, [1]) с хорошим, по всем правилам, заезжим двором; кругом, на всем видимом пространстве, раскинулись по высотам поля, где уже приступали к уборке хлебов (преимущественно пшеницы и ячменя), а среди них красиво выделялась маленькая часовня Нан-нань-мяо, основанная семьсот лет назад подвижником хэшеном и посвященная богу плодородия. [2]) С вершины перевала Северо-тэтунгского хребта виднелись мягкие очертания Южно-тэтунгских гор, а из-за них массивной стеною выступал хребет Нан-да-шань, простиравшийся вдоль течения правого берега реки Синин-хэ...

После полудня, того же двадцать второго июля, во время перехода, нас застиг сильный град, вскоре сменившийся дождем;

---

[1]) Перевал «Новой остановки».

[2]) Этому богу—Гуань-ши-ин-пуцзэ туземцы молятся перед посевом.

по ущелью побежал мгновенно образовавшийся мутный желтый поток, но очень скоро, с уменьшением дождя, стал убавляться, а с его прекращением—и пересыхать...

Из встречных нам, чаще других попадались пешие тангуты и китайцы, с женами и детьми, пробиравшиеся в Пиньфань на заработок; нужда заставляла их проходить десятки верст, среди мучительной жары и лёссовой пыли затем, чтобы получить несколько чох, в награду за жнитье хлебов. Резкий контраст с этими нищими составляли колымаги и нарядные экипажи зажиточных китайцев, с важностью раскатывавшие в разных направлениях по своим делам. Во время дороги китайцы любят петь, и я не раз с удовольствием прислушивался к оригинальным мотивам, исполненным ими на высоких нотах.

Вскоре за селением Тан-фанза, члены экспедиции могли уже различить в отдалении приятную культурную зелень долины Тэтунга, заключенной между горными скатами, и ориентированной в прилежащем районе от северо-северо-запада на юго-юго-восток.

Красавец Тэтунг известен мне в нескольких местах своего течения; я знаком с его истоками [1]), знаю его в среднем течении в окрестностях Чортэнтана [2]), где он в своем диком стремительном беге мечется среди хмурых скал, теряясь на дне узкой расщелины, как гигантская стальная змея... «нигде во всей Центральной Азии», пишет Н. М. Пржевальский [3]) «не встречали столь очаровательной местности, как по среднему течению Тэтунг-гола. Здесь прекрасные обширные леса с быстротекущими по ним в глубоких ущельях ручьями, роскошные альпийские луга, устланные летом ковром цветов, рядом с дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самого верхнего горного пояса, внизу же быстрый, извилистый Тэтунг, который шумно бурлит среди отвесных каменных громад—всё это сочетается в таком грандиозном величии, местами в таких дивных, ласкающих взор формах, какие не легко поддаются описанию. И еще сильнее чувствуется обаятельная пре-

---

[1]) «Труды экспедиции Императорскаго Русскаго Географическаго общества по Центральной Азии». Часть II. «Отчетъ помощника начальника экспедиции П. К. Козлова», стр. 184—185.

[2]) «Монголія и Камъ». Том I. Часть первая, стр. 138—147, и часть вторая, стр. 648—654.

[3]) «Четвертое путешествіе в Центральной Азіи». Стр. 115.

лесть этой чудной природы для путешественника, только-что покинувшего утомительно-однообразные, безжизненные равнины Гоби»... Теперь я вижу моего мощного непокорного друга в другой обстановке: с прибрежных возвышенностей открывается его извилистое то широкое, то узкое течение, местами разбивающееся на рукава; ложе реки достигает сорока-пятидесяти и даже до ста сажень от одного берега до другого и покоится в долине, шириною от полу — до целой версты. Тэтунг, попрёжнему, стремится с удивительной быстротою, образуя волны и перекаты и создавая особенный приятный рокот... Сквозь прозрачную воду также пестрит каменистое дно, устланное окатанной отшлифованной галькой. Но берега его лишены первобытной прелести: мягкие округлые террасы заняты культурою хлеба, [1]) всюду чувствуется присутствие человека, теснящегося к единственной водной артерии, откуда при помощи ирригационных каналов снабжаются влагой целые оазисы.

Ширину и уровень реки в июле месяце можно считать средними; период сильных ливней, следы которых в долине еще сохранились, миновал, а потому и переправа не представляла затруднений. Перевоз в урочище Па-ба-цоань принадлежит китайскому правительству; его обслуживают китайские семьи, живущие этим промыслом из поколения в поколение, как бы отбывая известную повинность. Маленькое плоскодонное суденышко, нечто вроде баржи с наставленным верхом, поднимает одновременно до трех вьючных верблюдов, в сопровождении от шести до десяти человек, при чем за каждого верблюда взимается плата в семь фын (около десяти копеек). Не смотря на отсутствие перил, мы развьючили только самый ценный багаж, доверив остальное имущество нашим смирным животным. Через два часа экспедиция благополучно переправилась на правый берег реки, где и расположилась биваком. Воспользовавшись прозрачностью и приятностью воды, мы приняли по нескольку ванн, доставивших всем одинаково-истинное наслаждение, а вечером я удачно произвел астрономическое определение широты и долготы данного урочища [2]).

---

[1]) В июле месяце, на Тэтунге, был разгар рабочей поры: мужчины, женщины и подростки-дети — все свозили с полей сжатый, высушенный хлеб.

[2]) Географические координаты урочища Па-ба-цоань: широта — 36° 29'13", долгота от Гринвича 102° 48' 0".

Позднею ночью мы были встревожены громким неестественным голосом женщины, оплакивавшей свою дочь, недавно погибшую в волнах Тэтунга, спасаясь от тирана-мужа... Теперь происходил суд, присудивший нечто в пользу пострадавшей. Плач и стенание несчастной матери долго оглашали мирную долину, невольно вселяя в душу невыразимую грусть. Мне не спалось... Мысли переносились в далекое счастливое прошлое, освещенное тенью моего учителя; вспоминался его родной любимый образ,—вспоминались незабвенные минуты нашего совместного пребывания на берегу этой самой реки и длинные разговоры и чуткие мысли, высказанные Н. М. Пржевальским под шум этих волн...

Ближайшие к реке горы, украшенные по вершинам башнями-обо, выжжены горячим солнцем и имеют жалкую растительность; только вверх по течению, вдали, темнеют «Ланченские альпы», в среднем поясе покрытые лесом. Чем восточнее, тем более и более сглаживаются горы, оставив всё свое величие девственной красоты в западной части хребта. Давая приют и пищу человеку, Тэтунг вносит некоторое разнообразие и в царства растительное и животное.

По части растительности, мы здесь нашли, сравнительно, очень немного, а именно: грецкий орех (Juglans regia), Pirus, бузину (Sambucus adnata), розу (Rosa), марену (Rubia cordifolia), крестовник (Senecio erucifolius), молочай (Euphorbia helioscopia), лютик (Ranunculus chinensis), очанку (Odontites rubra), частуху (Alisma plantago), кипрей (Epilobium hirsutum), земляной миндаль (Cyperus fuscoater), ситник (Juncus mongolicus), горошек (Vicia sativa), девясил (Jnula britannica), василистник (Thalictrum simplex, T. minus), Solanum melongena, Paeonia veitchii, Carthamus tinctorius, Hypecoum leptocarpum, Parrotia, Statice, Bieberstenia, Oenanthe, Erythraea, Epipactis и другие.

Что же касается до животной жизни, в частности до пернатых, то мы встретили здесь черного аиста, довольно много завирушек (Spermolegus fulvescens, Prunella rubeculoides), Emberiza, Rutucilla, Carpodacus и ласточку деревенскую.

По части энтомологических сборов, между прочим, нам удалось добыть здесь, по определению А. С. Скорикова, очень интересного шмеля (Bombus vasilievi).

Вместе с живительным Тэтунгом мы оставили свежий прохладный воздух и снова окунулись в сухой, томительный жар, усугублявшийся в горах присутствием тончайшей лёссовой пыли.

В своей центральной, осевой части Южно-тэтунгский хребет слагается из глинистых и кремнистых сланцев, сменяющихся на окраинах красными глинами, конгломератом. Эти породы прикрыты плодородным лёссом, дающим возможность очень часто превращать дикие горные склоны, перевал и самое плато в сплошное хлебное поле.

С перевала Бингоу-лин, также бедного естественным растительным покровом, как и соседние горы, стал особенно ясно виден отдаленный хребет Нань-дашань, выделявшийся своими прекрасными альпийскими лугами и темным лесом. На одной из западных конусообразных вершин возвышалось куполом, насыпанное тангутами грандиозное обо. По лёссовым ущельям, в укромных уголках, держались бледно-красные вьюрки (Carpodacus stoliczkae), обогатившие наш орнитологический сбор тремя экземплярами; из об'ектов энтомологии мною были пойманы первые бабочки Parnassius, затем довольно много жуков и мух.

Гэсэр-хан.

Окрестности вышеупомянутого перевала считаются у туземцев небезопасными; здесь запоздалые путники могут подвергнуться всяким неприятностям, вплоть до вооруженного на-

падения включительно. Во время вынужденной ночевки экспедиции на постоялом дворе селения Бин-гоу, мы были потревожены очередным посещением грабителей, подкапывавших стену. На этот раз разбойники очень скоро оставили нас в покое, так как слух о силе и вооружении русских смутил их и они предпочли отправиться на промысел в более удобное место [1]).

Спуск с Южно-тэтунгских гор, заканчивающийся в долине реки Синин-хэ, идет среди лёссовых толщ, по извивающейся выемке—дороге, делающей в крутых местах большие зигзаги и петли. В одном из таких узких и опасных мест нашему каравану «посчастливилось» встретиться с китайским чиновником, переезжавшим со всею семьею в Нин-ся, но благодаря принятым мерам предосторожности, всё обошлось благополучно, и мы хорошо раз'ехались с громоздким тележным обозом.

В четырех верстах от селения Бин-гоу, на обрыве, в глубине которого расстилаются широким амфитеатром поля, стоит китайский храм, посвященный знаменитому Гэсэр-хану. Осмотрев эту любопытную молельню, я сделал в дневнике маленький набросок, представляющийся в следующем виде: в центральной части храма, на престоле, красуется деревянное раскрашенное изображение хана; перед ним горят свечи. Справа от Гэсэр-хана стоит Цаган-обогун с книгою в руках, слева — такой же старец, с хадаком. Рядом с этими фигурами поставлены—справа изображение воина с секирою, слева — такого-же воина с мечем. В особых специальных помещениях, ближе к выходу развешены художественные изображения китайских философов, особенно поразившие меня по тщательности своего исполнения; кроме картин здесь имеются еще и обелиски с начертанной на них историей основания молельни, носящей двоякое название: Ма-ван и Ню-ван. Названия эти даны по именам двух животных (вроде коней), расположенных в стоячем положении, перед входом в храм.

Двадцать шестого июля экспедиция оставила последние отроги Тэтунгских гор и вышла на простор широкой долины реки Синин-хэ, вблизи города Лова-чена.

---

[1]) Незадолго до прибытия экспедиции в Бин-гоу, грабители тангуты, с китайцем во главе, ворвались в дом богатого китайца, убили хозяина, изнасиловали трех женщин и, захватив деньги и ценные предметы, скрылись.

Река Синин-хэ берет начало на северо-западе, в водоразделе Куку-нора и Желтой реки—внутреннего и внешнего бассейнов, следует, затем, юго-восточным курсом и через слияние с Тэтунгом и Чагрын-голом или Пинь-фаньской речкой впадает в Хуан-хэ. Падение дна рассматриваемой долины на всем своем протяжении весьма и весьма большое [1]), а ширина ее сильно колеблется, будучи местами стеснена или с'ужена (до десяти—двадцати сажен) береговыми скалами, сложенными из гнейсов и кристаллических сланцев [2]). Вырываясь из узких ущелий-теснин, долина Синин-хэ образует расширение до двух-трех и даже четырех верст, обнаруживая песчаниковые отложения, прикрытые лёссом. В таких привольных, плодородных уголках расположены важнейшие центры—города: Донгэр, Синин, Нянь-бо-сянь и Лова-чен. Течение Синин-хэ, как и Тэтунга—стремительное и шумное, но вода ее не совсем прозрачна, а несколько красновата от растворенных частиц красной глины. Не смотря на лёссовую почву, береговая полоса бедна растительным покровом и украшена лишь искусственными древесными и кустарниковыми насаждениями, вокруг многочисленных китайских деревень.

Маленький, невзрачный «вороний город» [3]) Лова-чен протянулся небольшим островком среди безлесной плоской котловины, достигающей тридцати пяти верст в длину, при трех — четырех верстах ширины. Подошва гор южного или правого берега реки, сопровождается здесь террасой, поднимающейся

---

[1]) Из трех рек: Чагрын-гол, Тэтунг и Синин-хэ, лежащих на пути следования экспедиции, по моему мнению, Тэтунг-гол главная, а Чагрын-гол и Синин-хэ — его притоки, левый и правый.

[2]) Таких сужений или «речных щек», как пишет Г. Н. Потанин, на Синин-хэ, на нашей дороге, всего три: у Лова-чена «Лова-ся» или «Вороньи щеки»; «Да-ся» или «Большие щеки», вблизи Нянь-бо-сян'я, и «Сяо-ся» или «Малые щеки»—между монастырем Марцзан-лха и Синином.

[3]) «Скала левого берега, в том месте, где дорога отходит от теснины, частями сильно сглажена и покрыта чашеобразными и котловидными углублениями, между которыми находится исполинов котел значительных размеров. Он находится недалеко от дороги на вершине крутого обрыва, у самого входа в теснину, и в народе слывет под именем гана-корчаги Лу-бян-сян-шена. Под этим последним именем известен бог, которого особенно чтут китайские плотники. Камень, торчащий из реки в виде тумбы, по местному преданию, также был кинут на дно реки этим-же Лу-бян-сян-шеном. По народному поверью, на дне этого котла, под водой, прежде люди видели ворону, откуда и имя вороньей теснины и вороньяго города Лова-чен». (Г. Н. Потанин. «Тангутско-Тибетская окраина Китая»... Том I, стр. 201—202).

над аллювиальным дном долины сажень на двадцать и состоящей из слоев гальки, перемежающейся с лёссом. По мнению Г. Н. Потанина, есть основание предполагать, что эта терраса, как и вся Ловаченская долина некогда находилась под водою и представляла подобие большого проточного озера; вблизи города, на самой середине речного ложа, из воды поднимается скала до трех сажен высотою, с отвесными боками; на вершине ее устроен китайский храм, не лишенный своеобразной прелести.

Всюду видно оживление: на хлебных и маковых полях копошится рабочий люд; вдоль реки по тракту Лань-чжоу-фу — Синин, с раннего утра и до поздней ночи непрерывно движутся торговые караваны; над траншееобразной дорогой стоит сплошное облако пыли, вздымаемой лошадьми и мулами, везущими скрипучие арбы, побрякивая звонкими бубенчиками, до которых китайцы и тангуты большие охотники. Мимо длинных обозов, с лихостью, проносятся всадники — тангуты, гордящиеся так называемыми «гумбумскими» иноходцами, отличающимися следующими признаками: эти прекрасные кони невысокого роста, с короткой, сравнительно, толстой шеей, спину и зад имеют правильной округлой формы, а высокие, узкие копыта—на манер копыт у скакунов — превосходят по крепости копыта все соседние породы лошадей.

По второстепенным рукавам реки шумят в своем непрерывном движении мельницы, перерабатывающие тут-же собранный урожай. Прилежащие к мельницам берега протоков укреплены аллеями ив и тополей, а плотины сложены из речной гальки. План главного механизма машины чрезвычайно простой: над неподвижным нижним жерновом расположен другой жернов, приводимый в движение горизонтальным колесом, на которое с силою бьет вода, ниспадая под углом в тридцать градусов. Во внутреннем помещении мельницы, вдоль стены, против колеса, проложены две жердочки, направляющие муку в два русла; мука ссыпается в парные сита, [1]) где встряхивается стоящими тут владельцами хлеба; при встряхивании, сита ударяются друг о друга ближайшими концами, и о жердочки противоположными; таким образом чистая мука сразу отде-

[1]) Сит всего две пары — по одной паре в каждом русле.

ляется от отрубей и оба продукта, в отдельных мешках, увозятся хозяевами во-свояси.

Следующим культурным центром на нашем пути к западу был городок Нянь-бо-сянь, окруженный солидной крепостной стеной; все постройки его имели грязный, старый вид, и только за оградами фанз, на общем сером фоне, отрадно оттенялись кипарисы, каштаны и другие садовые деревья, а также и огородная зелень. В висевших в воротах крепости клетках вместо обычных для китайских городов голов преступников, красовались старые изношенные туфли прежних славных правителей города. Население Нянь-бо-сяня невелико и имеет в своем составе кроме китайцев, еще дунган, называющих себя «старыми дунганами» или «ло-хуй-хуй». Торговля города развита очень слабо.

Остановившись в одной версте к юго-востоку от крепостной стены, на берегу прозрачной, звонкой речки Су-ма-хэ, я командировал переводчика Полютова к начальнику города, с приветствием и с просьбой дать экспедиции проводника. Мой посланный вскоре возвратился с благоприятным ответом и вручил мне визитную карточку китайского отца города. В течение всего дня нашей стоянки на Су-ма-хэ шел мелкий «осенний» дождь, продолжавшийся всю ночь, до самой утренней зари; это нисколько не помешало нам поэкскурсировать в окрестностях бивака, где были отмечены синицы, вертишейки, плиски, сороки и добыты два дятла — зеленый (Gecinus guerini kogo) и мандаринский (Dendrocopus cabanisi cabanisi), а также и красивая голубая сорока (Cyanopolius cyanus [1]).

В области рассматриваемого района, правый берег Синин-хэ морщится горными складками-ущельями, [2]) поросшими в своих устьях сплошной оазисной растительностью, обыкновенно сопровождающей довольно густое население; одно из ущелий — Лоба-гоу замечательно своим порядочным для данных мест пру-

---

[1]) Из растений Четыркину удалось собрать только Panicum miliaceum, Polygonum multiflorum, Chloris caudata, Andropogen ischaemum, Nicotiana rustica и Cotoneaster; а поднявшись на высоты еще добавить: Setaria viridis, Caryopteris tangutica, Polygala tennifolia и Saussurea.

[2]) Значительных ущелий три — считая с востока на запад, или иначе против течения реки: Хулан-гоу, Лоба-гоу и Ганза-гоу.

дом (около двух десятин), а другое — Ганза-гоу — присутствием тангутского монастыря Чюн-тан-сы, насчитывающего до пятисот или даже шестисот лам; по соседству с этим монастырем, в теснине Лова-ся, находят золото, добываемое из песка, залегающего в аллювиальном русле.

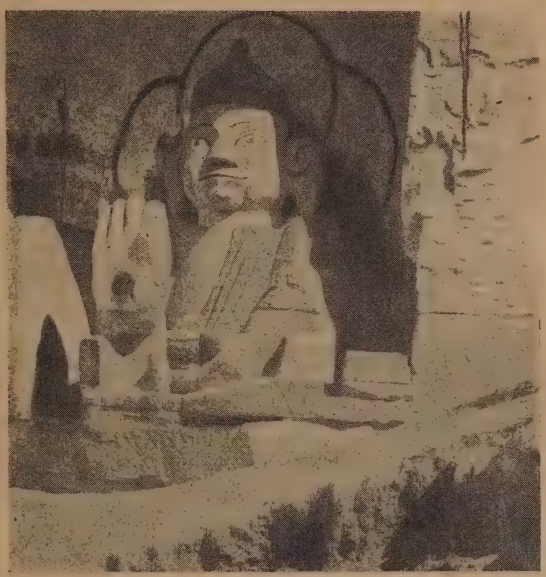
Из Нянь-бо-сяня дорога проходит под скалами левого берега Синин-хэ и представляет лишь узкую тропу, где во время высокой воды караван подвергается опасности свалиться в реку; частые дожди в июле месяце, как раз создали самые неблагоприятные условия для путешествия и наша экспедиция лишь с большим трудом миновала узкую часть пути, проведя всех верблюдов по одиночке вдоль скалистой стены. Далее к западу, тропа вывела нас снова на простор, и пошла вдоль полей и бакч. Дождь сменился ясной, жаркой погодой и мы с особенным удовольствием утоляли томительную жажду превосходными дынями и арбузами.

Монастырь Марзцан-лха.

Перед входом Синин-хэ в узкое ущелье, на левом берегу реки, под нависшим утесом, производилась починка дороги; туземцы работали усердно, но пользовались самыми примитивными средствами для выполнения своей задачи, а потому много труда пропадало даром. Спускаемые с высоты огромные камни лишь в редких случаях попадали на размытую дорогу и заполняли ее выбойны; гораздо чаще случалось, что они с шумом и грохотом катились вниз и исчезали в глубине реки. Пройдя рабочих-китайцев, уже под-вечер, мы вскоре затем поймали

довольно большую зеленоватую змею — щитомордника Ancistrodon halys), стремившуюся на пересечение нашей дороги.

С севера горизонт заслонялся береговыми возвышенностями; обрывы красных конгломератов, покрытых лёссом, временами напоминали развалины старинных замков с колоннами; еще издали, верст за десять, мы любовались совершенно отвесным утесом темно-красного цвета, испещренным у своего основания белыми точками монастырских построек.



Гигантское изображение Будды, высеченное в скале по соседству с монастырским храмом Марцзан-лха.

Древний буддийский монастырь Марцзан-лха или по китайски Пэй-масы [1]) стоит на выступе конгломератовой скалы; его узкий четырех-этажный, выдержанный по стилю храм прячется под такой неприступной кручей, что кажется только счастливый случай спасает святыню от грозной опасности обвала. Поверхность горы над кумирней и по бокам ея окрашена в белый цвет.

Поднявшись к монастырю по крутой тропинке, я сфотографировал очень интересное большое, высеченное в скале изображение Будды... У самых дверей меня встретил преста-

---

[1]) Пэй-ма-сы по китайски значит «храм белой лошади». Это название, по словам Потанина, происходит от легенды, которая приурочена к этому монастырю. Убийца злого царя, гонителя буддийской веры, выбежал сюда на белой лошади и укрылся в монастыре. Он спасся от погони посредством хитрости, окрасив перед побегом свою лошадь в черный цвет. Погоня догнала его в то время, когда он переезжал большую реку? краска в воде смылась и он выехал на другой берег на белой лошади. Гнавшиеся за ним, увидев его, подумали, что это не тот, за которым они гнались, потому, что тот был на черной лошади, и вернулись. Марцзан тангутское название и происходит вероятно от тангутского слова мар «красный» и от красного цвета местных скал.

Кроме Потанина, об этом монастыре упоминает Rockhill (Rockhill: «The land of the lamas». Стр. 47).

релый лама, и вежливо предложил войти во внутреннее помещение; где-то, высоко над головою, монотонно ворковали голуби и раздавалось редкое карканье черного ворона; собака тревожно лаяла, зачуяв неведомого посетителя...

Из окон комнаты отшельника открывалась дивная панорама на широкую речную долину и южные горы, принадлежащие к отрогам хребта Нань-да-шань; внизу, у их подножья, лепилось маленькое тангутское селение; жители его повидимому занимались земледелием, так как на площадке, посреди деревни, были сложены скирды хлеба... По большой дороге, в ту и другую сторону, непрерывной лентой тянулись караваны, обозы, позвякивая неизменными бубенцами.

В храме царила пустота; все бурханы были расположены в одной комнате, при чем в их центре помещалось прекрасное изображение Цзонхавы; остальные комнаты не имели обстановки. По словам ламы, любезно сопровождавшего меня, монастырь существовал больше тысячи лет, но будучи разорен дунганами, лишь недавно начал возрождаться, благодаря неустанным заботам последнего настоятеля Тугэн-гэгэна.

На мой вопрос о силе той опасности, которой подвергается храм в случаях обвалов и оползней, благочестивый монах возразил, что никогда еще ни один обломок скалы не попал в область монастырских построек, тогда как по сторонам, падали огромные камни. Это явление об'яснялось, конечно, чудодейственной силой всемогущих божеств, изображения которых имелись в храме.

Стена красных конгломератов обрывается Марцзанским утесом и дает место довольно широкой долине Орголын, с речкой того же имени, в вершинах которой, в десяти верстах к северу от Синин-хэ, на левом берегу ущелья «Желтого молока», красуется большой богатый тангутский монастырь желтого толка Ай-гу-ман-сы [1]), с населением в тысячу лам. Около ста лет тому назад, проездом из Синина в Нин-ся, богдо-хан посетил Ай-гу-ман-сы, так-же, как Чю-тан-сы, и до сих пор воспоминание об этом событии составляет гордость обители.

Последние «щеки» Синин-хэ сжимают реку в десяти верстах к востоку от Синина, и образованы гнейсом и кристалли-

---

[1]) Современным гэгэном Ай-гу-ман-сы был Кубжуг-тугун-сан.

ческими сланцами. Внутри теснины [1]) сооружен довольно прочный китайский мост, поднимающий лишь вьючных животных и облегченные чиновничьи тележки; арбы через него переносятся в разобранном виде. Устройство моста весьма не сложно: к прочным береговым каменным устоям прикрепляются бревна, ввиде ровной настилки; поверх первого ряда бревен накладывается второй, уже значительно выступающий в реку, затем прибавляется третий, четвертый ярус, пока, наконец, расстояние между двумя береговыми сооружениями не сузится до длины хорошего бревна; тогда середина моста, поднимающегося над водою до трех сажен, заполняется прочными перекладинами, прикрепляемыми к основе особыми рамками и клиньями. Настилка моста делается из поперечных досок. Подобное сооружение под тяжестью верблюдов трещит и, прогибаясь, качается, но все-таки способно выдержать солидный груз.

Перейдя через этот «замечательный» мост, экспедиция до самого Синина не покидала правого берега реки. Погода стояла попрежнему теплая и мы с удовольствием купались в Синин-хэ; дожди перепадали изредка, а 29 июля разразилась даже гроза, шедшая от запада и закончившаяся мелким градом.

Миновав теснину Сяо-ся, мы отметили, вблизи одинокой кумирни, следы береговых устоев ныне исчезнувшего, второго моста. Затем, вскоре открылся вид на крепостные башни областного города. Чем ближе к Синину, тем оживленнее становился тракт. По вершинам береговых высот, появились оригинальные башни, по преданию, служившие когда-то своего рода безпроволочным телеграфом. В известных случаях зажигая на этих башнях костры, передавали условный знак с вершины на вершину и тем самым ставили китайское правительство в известность, в особенности о надвигавшихся воинственных ордах монголов или тибетцев.

---

[1]) В теснине Сяо-ся, в месте устройства моста, Синин-хэ имеет ширину всего в тридцать девять шагов.

Глава XI.

ГОРОД СИНИН И СОСЕДНИЙ МОНАСТЫРЬ ГУМБУМ.

Синин как административный и торговый центр. — Мое пребывание и свидание с властями города. — Предупредительность цин-цай'я. — Монастырь Гумбум в связи с историей реформатора буддизма Цзонхавы. — Развитие и процветание Гумбума. — Главнейшие храмы и коллегии; «Алтын-сумэ» или «Златоверхий храм» — гробница Цзонхавы. — Восемь субурганов. — Настоятель, гэгэны и простые ламы. — Порядок и дисциплина.

Синин — большой областной город, с резиденцией китайского сановника цин-цай'я, ведающего не только номадами Куку-нора, но и номадами отдаленного Северо-восточного Тибета, описывался уже не раз моими предшественниками и мною; по этому я скажу о нем лишь несколько слов: в настоящее время самый город быстро растет и так же как и весь Сининский округ становится всё многолюднее и многолюднее. Бассейн верхней Синин-хэ весьма плодороден и служит житницей прилежащих областей Западного Китая. Чаще всего хлебные караваны следуют из Синина в вице-королевскую резиденцию — Лань-чжоу-фу.

Кроме хлебного экспорта, Синин сосредоточивает в себе также и меновую торговлю с кочевниками, приобретающими в обмен на свое сырье предметы первой необходимости, а иногда и предметы роскоши; дикие сыны степей и гор любят наряжаться в яркие цвета, и охотно покупают красные, желтые и голубые или синие шелковые и бумажные ткани, а также раз-

личные серебряные украшения... Китайцы, как прирожденные торговцы, умеют быстро приспособляться к спросу и у каждой фирмы заводятся свои потребители—монголы, тангуты или тибетцы, находящие у ловких купцов, во время своего пребывания в городе, широкое гостеприимство. Как это ни странно—бедные разоряющиеся номады не менее выгодны китайским торговцам, чем обстоятельные, богатеющие; в то время как вторые оставляют в магазинах большую часть своих капиталов, первые несут на продажу всё последнее достояние, порою за-

Город Синин (с юго-юго-запада).

ключающее в себе не мало редких и дорогих предметов, в особенности по части пушнины, и отдают его за безценок.

Кроме китайцев, в Синине занимаются мелкой торговлей пришлые сарты-кашгарцы, преимущественно поставляя шелковые материи, реже ковры или прекрасные цветные войлока; иногда ловкие сартишки ухитряются сбывать тангутам ружья Бердана, не стесняясь спрашивать за них сто, стопятьдесят или даже двести рублей.

... Наш караван расположился лагерем в двух с половиной верстах к востоку от Синина, в предместье Цав-дя-цзай, на свободной от пашни площадке, к которой примыкало болотце

и колодезь. Ближайшее население отнеслось к экспедиции очень дружелюбно, да и вообще Синин побаловал нас своим вниманием. Воспользовавшись ранним прибытием на стоянку, я тотчас отправился в город, и к трем часам дня, уже отдыхал среди знакомых китайской фирмы Цянь-тай-мао [1]). Представитель фирмы, интеллигентный китаец Хабур-Хабур, особенно сердечно встретил меня, и я скоро забылся в приятном разговоре, вспоминая прошлое [2]) и мечтая о будущем. В этот же день мой переводчик Полютов передал мои визитные карточки Сининскому цинцай'ю и четырем важнейшим чиновникам города — дао-тай'ю, чжень-тай'ю, фу-тай'ю и сэ-тай'ю...

Синин'ский цин-цай.

Тридцать первого июля, в десять часов утра, я уже облачился в парадную форму, и сев в закрытую тележку, запряженную мулом, направился с намеченными накануне визитами. Прежде всего я посетил цинцай'я. Высокий энергичный старик выглядел очень бодро и принял меня с обычной для китайских амбаней корректностью. Осведомившись о том, где находятся указанные в цзунли-ямунь'ском охранном листе мои помощники, цин-цай повел речь о дальнейших планах экспедиции и предполагаемом посещении озера Куку-нора. «Усердно прошу вас», говорил амбань, «не углубляйтесь далеко

---

[1]) «Монголія и Камъ». Том I. Часть вторая, стр. 639.

[2]) См. там же, стр. 639—645.

雲閣小照
是年六十
五歲光緒
甲辰春二
月初三日
照於金城
古郡署中
左文灝是
年三十一
歲右文濤
是年二十
七歲題於
署內東偏
之飲綠齋

Синин'ский цин-цай (с сыновьями)

в дикие страны, не задерживайтесь долго на Куку-норе... Там живут лихие непокорные тангуты. Прежде, когда у них были самодельные ружья, мы не боялись этих дикарей, теперь же вооруженные винтовками, тангуты опасны не только для маленького отряда русских путешественников, но с ними приходится считаться и нашим войскам... Если же», продолжал Цинцай, «несмотря на мои доводы, вы все-таки исполните приказание начальства и пойдете на Куку-нор, то не откажите дать мне расписку в том, что не взирая на мои предупреждения и вежливые уговоры, вы, тем не менее, идете на Куку-нор и отвечаете сами, лично, за все тяжелые последствия этого опасного шага. В таком случае», закончил, китайский сановник, «я помогу успеху экспедиции по мере сил, снабдив ее переводчиком [китайского, монгольского и тибетского языков], конвоем из четырех кавалеристов, с венчестерами у седел, и, наконец, открытым листом [написанным по китайски, тибетски и монгольски] с обращением к начальникам кукунорских кочевников»...

Знакомый с подобного рода выдачей подписок, я и на этот раз удовлетворил желание строптивого чиновника...

Приняв мою искреннюю благодарность за обещанное содействие, амбань поинтересовался узнать время нашего возвращения в Синин. Услыхав, что я не намереваюсь вернуться ранее одного или даже полуторых месяцев и что в план моих работ входит исследование глубин альпийского бассейна, для чего у меня имеется лодка, цин-цай в изумлении даже вскочил с места, а затем, овладев собою и сдерживая снисходительную улыбку, строго заметил: «вам, вероятно, не известно, что вода в Куку-норе обладает особенным свойством: в ней тонут не только камни, но и деревянные предметы, так что вся ваша затея кончится очень печально — лодка погибнет на дне озера, а вам придется возвратиться ни с чем». Я снова повторил предупредительному старику свою благодарность от лица всей экспедиции и сказал, что в поступках своих буду, как всегда, руководствоваться чувством долга и желанием служить интересам отечества и географической науки...

Сининский дао-тай или губернатор, еще более древний старик, чем цин-цай, в общих чертах, повторил мне внушения, сделанные уже его начальником. Он также убеждал меня не

ходить в Тибет, остерегаться тангутов и не плавать по Кукунору... На мой вопрос какие газеты в ходу у сининских чиновников, дао-тай печально возразил, что подобная литература имеется только в Лань-чжоу-фу — «мы же здесь, на окраине — всеми забытые люди»... заключил дао-тай. О Далай-ламе, он сообщил мне лишь немного: по слухам, его святейшество имел пребывание в Пекине, где ожидал представления богдо-хану [1]).

Синин'ский Чжень-тай — командующий войсками (мусульманин).

Чжень-тай — начальник гарнизона,—молодой, жизнерадостный, красивый полковник заставил некоторое время ждать себя в приемной, за что впоследствии глубоко извинялся, мотивируя свое замешательство незнанием времени когда я прибуду. Этот сановник оказался любителем лошадей и изрядным стрелком, увлекавшимся разного рода оружием. Обо мне, как об исследователе Центральной Азии, он знал давно от своего брата, служащего в министерстве иностранных дел.

Заехав, по дороге, к гражданскому чиновнику—судье самому младшему — сэ-тай'ю, я закончил свои визиты посещением фу-тай'я, принявшему меня необыкновенно радушно. «Я жду вас с девяти часов утра», заметил фу-тай, «и терпение мое стало истощаться!». В дальнейших разговорах о тех же тангутах и других перипетиях путешествия, мы оба с фу-тай'ем почувство-

---

[1]) О верховном управителе Тибета—Далай-ламе, совершавшем большое путешествие по Тибету, Монголии и Китаю говорили все и всюду.

大清光緒三十四年甘西府大樓位陞
清朝民歲七日九月初 肅甯署觀徐高圖

Синин'ский фу-тай с приближенными; против центральной фигуры отца стоит сын—мальчик, вблизи своего любимца марала

вали взаимную симпатию и можно сказать прямо подружились. После угощения чаем и арбузом, фу-тай показал мне свои ап артаменты, где вся обстановка отличалась красотою и уютностью; в комнатах стояли прекрасные вазы, висели картины, полы были устланы коврами... В саду росли сирень, абрикосы, яблоки, а в тени деревьев прятались беседки и маленькие пагоды; с балкона одного из храмов открывался вид на южную цепь гор и долину реки... Энергичный хозяин, видимо, отличался любовью к чистоте и порядку, которые он, по его словам, намеревался провести и за стенами своего жилища — в самом городе Синине, где предполагались большие работы по усовершенствованию мостовых и упорядочению уличной жизни вообще. Я обошел всё хозяйство любезного чиновника, любовался его огородами, его конюшней и наконец прекрасным трехлетним маралом, разгуливавшем по загороженному участку сада. Желая оказать высшее внимание, фу-тай, подарил мне на память лучшего коня своего завода, но узнав, что я избегаю принимать такие крупные подарки, тотчас прислал взамен этого несколько арбузов и две жестянки консервированного по европейски молока. Я, конечно, не остался в долгу, и ответил присылкой кое-каких изделий Завьялова, от которых фу-тай остался в восторге.

Вечером, оставшись наедине с самим собою, я глубже вдумался в слова китайских властей о разбойниках-тангутах и нашел в этих соображениях не мало правды. Уже проезжая по Нань-шаню, мы имели случай убедиться в вооружении тангутов, снабженных, по большей части, немецкими или японскими винтовками. Глядя на диких лихих номадов, проносившихся на резвых конях, с европейским оружием за плечами, приходишь к убеждению, что недалеко то время, когда вольные сыны степей Куку-нора и Тибета станут грозными соседями Китая. В связи с этими мыслями вкрадывалось невольное беспокойство за участь раз'езда геолога экспедиции. Сознавая серьезное положение вещей, сининские чиновники понимают также и собственное бессилие и непременную потребность в возможно полной мере обучить и вооружить китайские войска на европейский лад.

Во время моего пребывания в Синине, в городе был расквартирован небольшой гарнизон, состоящий из одного бата-

лиона пехоты, трех эскадронов кавалерии и нескольких разнокалиберных пушек, так называемой «самодельной» артиллерии. Вооружение пехоты и кавалерии частью европейское, частью местного производства. В оружейной мастерской цин-цай'я, между прочим, действительно изготовляются даже пушки; пока сооружено лишь пять трех-дюймовых и несколько десятков малокалиберных — «сантиметровых» пушек.

Для поддержания порядка «уличной жизни», Синин располагает полицией в составе свыше трехсот человек [пеших и конных].

Помимо широкого общения с китайской администрацией, в Синине, я близко познакомился с семьей англичанина миссионера Mr H. French Ridley, проживающего в этих краях уже пятнадцать лет. Супруги Ridley согрели и приласкали меня как родного; в их уютной, по европейски обставленной квартирке, среди непринужденного разговора за чаем с домашними вкусными усладами, я чувствовал себя как бы на родине... Тут же, около нас, бегала и резвилась прелестная трехлетняя девочка — Розочка, с золотыми кудряшками; двое старших детей Ridley, как я потом узнал, учатся в Чифу.

Работа миссионера в Синине не прошла бесследно: по воскресеньям можно видеть его церковь полной народа [всего крестившихся до ста человек], в том числе много женщин, для которых в храме, слева, устроено возвышение, застланное красными хотанскими войлоками, а в будний день приятно наблюдать, как под его и его помощника руководством, детишки китайчата обучаются грамоте.

Между прочим, беседуя с милым англичанином, я узнал, что немецкий путешественник dr Tafel, исследуя окраины Тибета, трижды подвергался ограблению со стороны тангутов, а в последний раз даже получил поранение при нападении н'голоков. О Свен Гедине, которого уже давно усиленно розыскивали европейские и китайские власти, миссионер заметил, что этот путешественник скрывается, по всей вероятности, в Шихацзэ, дожидаясь там втихомолку возвращения в Лхасу Далай-ламы; быть первым из европейцев, увидевшим тибетского святителя снова на родной земле после долгого отсутствия — все-таки довольно лестный жребий.

Постоянно живя в Западном Китае, Mr Ridley имеет возможность исподволь, при случае, собирать предметы буддийского культа и вообще этнографические образцы; пользуясь любезным и дружеским расположением миссионера, я просил его приобрести и для меня что-либо интересное в этой области. В общем, как в Синине, так позднее в Гумбуме и Донгэре, коллекции экспедиции обогатились весьма ценными предметами, среди которых первое место занимали бурханы и наряды кукунорских тангутов.

Синин. Китайский храм, вне стен, на высотах, окаймляющих пригород с юга.

Месяц июль, в течении которого довольно часто перепадал дождь, закончился сильной грозой и ливнем, подтопившим наш лагерь, в особенности «офицерскую» палатку, стоявшую в ложбине. Подобного рода неожиданность — не из приятных.

Первого августа, я распрощался с Сининым и возвратился в восточное предместье этого города, в Цав-дя-цзай, где, пользуясь любезной предупредительностью цин-цай'я, обещавшего содействовать нашей переписке, тотчас принялся заготовлять небольшую почту в Россию.

Выступление каравана было намечено на второе августа, при чем главный транспорт предполагалось отправить прямым трактом, по заселенной китайцами долине Синин-хэ, на Донгэр, а маленький раз'езд, со мною и одним казаком рассчитывал по пути в Донгэр посетить монастырь Гумбум.

Разведенная за последние дни дождем грязь достигала на улицах Синина значительной глубины и сильно тормозила движение верблюдов; только пройдя весь город до южных ворот, я вздохнул свободнее и, проводив караван до моста, через южный приток Синин-хэ — Нан-чан-хэ, поехал кюго-юго-западу, вверх по долине названной речки. Дорога постепенно втяну-

лась в извилистое ущелье; по гребням прилежащих гор стоял ряд обо, как бы отмечавший собою путь к буддийской святыне; по отлогим скатам холмов, среди яркой зелени, пятнами пестрели созревшие хлеба; в полях кипела работа, там кажется собралось всё население плодородной долины Нан-чан-хэ, оставив в деревнях лишь старых да малых... Вскоре за незначительным захудалым городишкой Сю-дя-цзай[1]), мы поднялись на маленький перевал через горный отрог и увидели монастырь Гумбум — «Мир Майтреи» или «сто тысяч изображений»...

Гумбум лежит на высоте 8855 футов над уровнем моря, в тридцати пяти верстах от Синина, в горах, сопровождающих с запада долину Нань-чуань-коу. Выбор места для основания обители об'ясняется историческим прошлым страны, тесно связанным с рождением и жизнью великого реформатора буддизма, основателя желтой секты — Цзонхавы Об этом высокочтимом святом в хрониках монастыря сохранилось много преданий, из которых я приведу два наиболее, по моему мнению, достойных внимания.

Первая легенда гласит следующее: «У самого подножья гор, на том самом месте, где теперь стоит Гумбум, в середине XIV го столетия жили тибетец Ломбо-Моке и его жена Шингтза Тсио — уроженцы Амдо. Невдалеке от ручья, бегущего в сторону Ло-цэр'а, находился колодезь, а рядом — небольшая молитвенная мельница, построенная этой боголюбивой четой. Бедные люди не имели никакого хозяйства за исключением нескольких голов скота. Не было у них также и семьи, несмотря на то, что они горячо молились Будде, чтобы он послал им на утешение ребенка. Но вот однажды, когда Шингтза Тсио стояла над колодцем и черпала воду, вдруг, увидела в глубине, на зеркальной поверхности воды, образ неизвестного ей мужчины; и в ту же минуту почувствовала в себе зачатие... В том же, 1357-м, году Шингтза родила здорового сильного мальчика, с длинными волосами и белой бородой. Ребенку дали имя Цзонхава, имя — принадлежавшее горе дикого лука, у подножья которой жили его родители.

«Когда Цзонхаве исполнилось три года, мать остригла ему волосы и выбросила их за палатку, просто на землю; на

---

[1]) Ныне Сю-дя-цзай не городишко, а селение.

том самом месте вскоре появилось маленькое нежное растение, постепенно превратившееся в сильное дерево, на листьях которого с самого начала видна была надпись ом-ма-ни-па-дмэ-хум.

«Цзонхава с раннего детства обнаружил замечательно острый ум и блестящие способности. Уже подростком он начал проявлять свою самостоятельность и любил уединяться в пустынные окрестности, предаваясь посту и созерцанию. Однажды мальчик познакомился с каким-то длинноносым ламою[1]), пришедшем с далекого запада. Обладавший глубокими религиозно-философскими знаниями, лама этот обратил внимание на вдумчивого способного юношу и вскоре сделал его своим учеником и другом. Преподав Цзонхаве основы своих религиозных верований и посвятив его во все тайны религиозного культа запада, незнакомец умер. С этого дня вдохновенный юноша стал всей душой стремиться на запад, чтобы там, на родине своего незабвенного учителя, еще полнее воспринять новую веру.

Габал — чаша-череп.

[1]) По мнению Гюка, этот европеец был несомненно католическим миссионером; другие же ученые утверждают, что здесь речь идет об одном из несторианцев, которые, по свидетельству Марко Поло, как раз обосновались в Синине. Filchner, с своей стороны, заявляет, что из слов предания о «длинноносом иностранце» нельзя сделать никакого вывода, тем более, что эта подробность предания не подтверждается тибетской историей.

«На пути своего далекого странствования, Цзонхава совершенно случайно забрел в Лхасу; здесь ему явился дух и внушил, что именно в этом городе ему нужно остановиться и проповедывать свою новую религию, так как отсюда ей суждено распространиться по всей стране. Цзонхаве удалось в самое короткое время привлечь к себе многочисленных друзей и последователей. Учение его нашло отклик даже при дворе самого далай-ламы, и только тогда в Лхасе началась оппозиция. Решено было во что бы то ни стало избавиться от странствующего ламы, влияние которого с каждым днем росло и крепло. С этою целью, одевшись простым монахом, сам далай-лама отправился к Цзонхаве на свидание, и в личной беседе на религиозные темы, путем ловко поставленных вопросов, хотел принудить великого реформатора к противоречию и сделать его всеобщим посмешищем.

«Цзонхава принял незнакомого ламу очень холодно, и, даже не взглянув на него, продолжал сидеть по середине своей палатки и усердно молиться. Далай-лама пробовал окликать его, задавал разные вопросы, но великий учитель, казалось, ничего не слышал, и неутомимо перебирал свои чётки... Вдруг далай-лама невольно схватился за свою шею: он почувствовал укус маленького неприятного насекомого, тут же поймал его и нечаянно раздавил своими пальцами... Цзонхава тотчас поднял голову, грозно взглянул на монаха, в котором он давно узнал далай-ламу и начал громогласно упрекать его в попрании заповеди буддизма, запрещающего убивать каких бы то не было животных — во имя веры в переселение душ. «Этим поступком», закончил реформатор, «ты сам произнес над собою суд!» Пристыженный и униженный далай-лама направился к выходу, но в дверях палатки зацепил своей высокой шапкой за край полога, и уронил ее. Это послужило тибетцам знаком, что прежняя, старая вера покончила свое существование, и что теперь наступило время настоящей праведной религии, проповедуемой Цзонхавой.

«Так оно и случилось: красная шапка, упавшая с головы далай-ламы заменилась желтой — символом «гелюг-па» реформированной религии»... Символ крови сменился символом солнца, энергией которого существует жизнь нашей планеты — земли.

Второе сказание, записанное Рокхилем, рисует прошлое Цзонхавы несколько иначе:

«В 1360-м году, в Амдо'ской области Тсонг, неподалеку от Гумбума у одной женщины, по имени Шинг-за-ху родился мальчик, которого она назвала Цзонхава. Впоследствии он был известен как Ти-Ринпоче — «драгоценнный господин». Когда ребенку исполнилось семь лет, мать остригла ему волосы и посвятила свое дитя церкви. Из волос мальчика, выброшенных за палатку вскоре выросло знаменитое священное дерево. С шестнадцати лет юноша начал заниматься теологией, а в семнадцать лет, по совету своего учителя, отправился в Лхасу для усовершенствования своих знаний. Там, Цзонхава всецело занялся изучением многочисленных буддийских сект, которым всегда давал свое толкование. Его взгляды и суждения привлекли массу последователей. Особенным успехом пользовалась его критическая оценка организации и дисциплины духовного сословия.

«Поддерживаемый и ободряемый королем Тибета, Цзонхава в скором времени основал секту гэлуг-па и выстроил неподалеку от Лхасы «счастливый монастырь», под названием Галдан-гомба... Всё разростаясь, новая секта приобретала приверженцев не только в Тибете, но и в Монголии, а поэтому весьма вероятно, что еще в то время, вблизи места рождения Цзонхавы, был основан монастырь«Гумбум», что значит «Сто тысяч бурханов» или изображений. Название это, вероятно, происходит от многочисленных изображений, появившихся на листьях священного дерева»...

Китайцы всегда называли этот монастырь «монастырем Дагоба», упоминание о котором мы впервые встречаем у Orazio della Penna, XVIII столетия. Из русских путешественников кроме Г. Н. Потанина, проведшего зиму 1885 года в Гумбуме и М. Е. Грум-Гржимайло, мимоходом заглянувшего на родину Цзонхавы, эту буддийскую святыню посетили буддисты паломники: Г. Ц. Цыбиков и Б. Б. Барадийн [1]).

---

[1]) Г. Н. Потанин. «Тангутско-тибетская окраина Китая». Стр. 385—399. — Г. Е. Грум-Гржимайло. «Путешествие в Западный Китай». Стр. 351.—Г. Ц. Цыбиков. «Буддистъ паломникъ у святынь Тибета». Стр. 23—38.—Б. Б. Барадийн. «Путешествіе въ Лавранъ». И. И. Р. Г. О. Т. XLIV, вып. IV. 1908 г. Стр. 197.

Гумбум [1]) или Кумбум один из самых знаменитых и многолюдных [2]) монастырей Амдос'кого нагорья, основан около пятисот лет тому назад богдо-гэгэн'ом. Положив начало буддийской святыне, богдо отправился паломничать в Тибет, в Цзу, откуда больше и не вернулся. Гумбум'ская община перешла в ведение гэгэн'а Ачжя, считающегося в настоящее время в пятом перерождении.

Причины дальнейшего развития и процветания Гумбума нужно искать в его удачном географическом положении, давшим ему возможность стать политическим и культурным центром всей северо-западной Гань-су; привлекая к своим святыням многочисленных богомольцев, богатый монастырь сделался также средоточием торговых караванов, пересекавших означенную китайскую провинцию в направлениях — на Ургу, Кашгар, Пекин и Сычуань.

Последователи секты «желтошапочников» оказывают Цзонхаве необычайное почтение; «во всех уголках мира», пишет Б. Я. Владимирцов [3]), где только распространилось его ученье, в Тибете, в монгольской Гоби, в Забайкалье и Астраханских степях, в горах Тянь-шаня, везде Цзонхава чтится нетолько как глава, основатель нового вероисповедания, но, как могучий, совершенный и милосердный бодисатва, как третий будда.

«Хвалебный гимн ему, называемый по первым словам «мигцзема», знает наизусть каждый сколько-нибудь набожный ламаит; Цзонхава является для них близким и видимым образом совершенства, близким заступником и утешителем, к которому может прибегать страждущее человечество. Вот почему изображения Цзонхавы в виде статуй, икон, наполняют храмы, ступы, жилища тибетцев и монголов, вот почему носят его изображения на груди. В тяжелую минуту жизни тибетец и монгол простолюдин обращается прежде всего к «своему» ламе, святому Цзонхаве, сколько раз на день монгол в минутном раздумьи произнесет: «Лама Цзунхув!» Ученым же монахам,

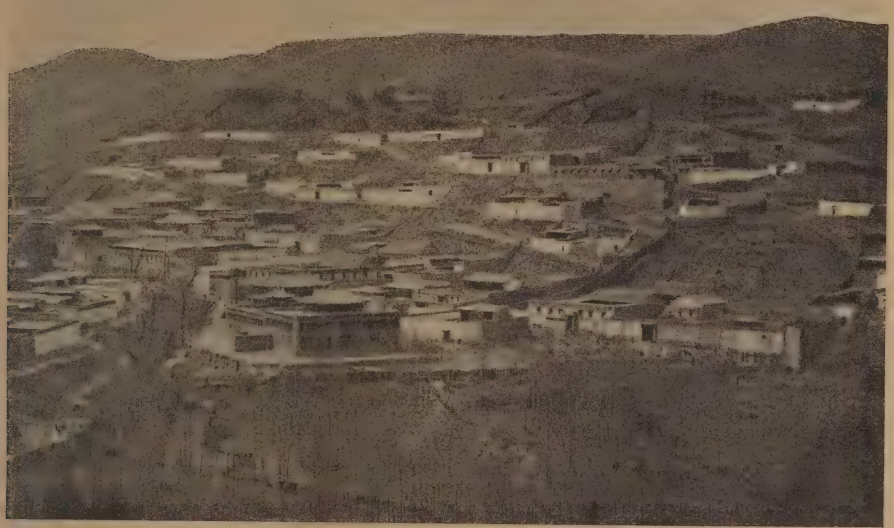
---

[1]) Между прочим, мною приобретен труд на тибетском языке: «История монастыря Гумбума». Эта книга, и многие другие привезенные мною, находятся в Азиатском музее Российской Академии Наук.

[2]) Другой знаменитый монастырь в Амдо—Лавран, но об нем речь впереди.

[3]) «Буддизм в Тибете и Монголии». Стр. 20—21.

испытанным в диалектике, сочинения Цзонхавы являются совершенными образцами по мысли, по форме, по языку. В начале зимы, приблизительно в первых числах декабря, ламаиты чтят день кончины своего наставника; везде и всюду, по всему пространству ламайского мира в ту ночь зажигаются светильники внутри и вне жилищ, и около самой бедной юрты, затерявшейся где нибудь на отрогах Алтая, сияет в лютый мороз, среди мертвой тишины пустыни, яркая лампада в честь и память великого буддиста, который не только увлек умы, но и так близко подошел к сердцам «малых сих».



Монастырь Гумбум.

Гумбум, словно прячется в горах, обступивших его амфитеатром; его исторические храмы с золотыми кровлями, белые субурганы и жилые помещения монахов раскинулись живописными группами по крутым склонам высот, расчлененных глубокими сухими оврагами; на дне этих оврагов, вблизи колодцев с чистой прозрачной водой, растут стройные тополя, высоко, к самым берегам, поднимая свои гордые вершины...

Бо́льшая часть зданий Гумбума носит на себе печать старины: на папертях некоторых храмов — Алтын-сумэ — видны углубления в деревянных настилах, происшедшие от постоян-

ного коленопреклонения, от прикосновения к полу мозолистых рук и ног молящихся.

Но из всех святынь монастыря, лишь один златоверхий храм сохранился в неприкосновенности, в своем первоначальном виде, остальные постройки, в большей или меньшей степени, пострадали при восстаниях дунган. В период 1861—74 гг. Гумбум был сильно разрушен и разграблен хуй-хуй'ями, а при повторном нападении, в 1895-м году, он уже оказал повстанцам сильное сопротивление; ламы и миряне единодушно поднялись на защиту обители, и прежде всего приступили к выделыванию сабель, пик, ружейных стволов и прочаго вооружения. Вдоль главных улиц Гумбума, ведущих к китайской торговой слободе Ло-сэр, были выстроены особые кирпичные башни, окруженные валами; как в башнях, так и в валах имелись бойницы [1]), возле которых день и ночь несли службу сторожевые посты.

Жители китайской слободы и окрестностей стянулись к Гумбуму и укрылись за его укреплениями, уверенные, что энергичные ламы будут отстаивать свою святыню до последней капли крови... Вскоре, среди осажденных начались эпидемии дифтерии и оспы; положение становилось серьезным. День проходил за днем в томительном ожидании. Но вот однажды китайцы местечка Схен-схун взмолились к ламам-воинам, прося их усмирить восставших хуй-хуй'ев; после недолгого обсуждения вопроса в «храме цветов», несмотря на противодействие старшего гэгэна-перерожденца, отряд лам, с лихими кукунорскими тангутами во главе, выступил на защиту китайцев, и храбрым натиском сломив противника, снова возвратился в крепость. Это внезапное выступление монахов решило судьбу Гумбума: дунгане оробели и сняли осаду, удалившись в родные места, в окрестности Хэ-чжоу [2]).

Славный подвиг гумбум'ской братии составляет гордость буддистов Гань-суйской провинции, любящих рассказывать о нем разные, часто легендарные подробности. Так например, по словам некоторых туземцев, главную роль в защите монастыря

---

[1]) В западных и восточных долинах, параллельных Лосэр'у, до сих пор еще видны следы этих укреплений.

[2]) Хэ-чжоу отстоит от Гумбума около двухсот верст в юго-восточном направлении. Значительную часть населения этого уезда составляют китайские мусульмане, принимавшие деятельное участие в восстании в Западном Китае.

сыграл выдающийся по уму и нравственным качествам настоятель Адя-ара-га... В его распоряжении была лишь очень небольшая армия, в количестве девятисот лам и около стапятидесяти мирян тангутов, при чем вооружение состояло из одной пушки, стрелявшей круглыми бомбами, нескольких сот пик и безчисленного количества камней-булыжников, в кулак и более величиною... Долго служила Гумбуму его единственная пушка, но однажды, как раз во время дружного натиска дунган, она не

Гумбум. В середине златоверхий храм.

выдержала и взорвалась. Среди защитников произошла сильная паника, и с минуты на минуту ожидали сдачи монастыря. Только один гэгэн Адя-ара-га неизменно ободрял монахов, вселяя в них твердую веру в непобедимость их оружия. Видя, однако, что защитники постепенно слабеют, Адя-ара-га решил покончить с собою, и сдав команду своему помощнику Ачжя-гэгэну, наложил на себя руки, проглотив двадцать иголок.

Узнав о несчастии, монахи совсем пали духом и потеряли было надежду на победу, как вдруг неожиданно заметили сильное замешательство в рядах неприятеля. Оказывается, совершилось великое чудо: двадцать иголок, причинившие смертельные

раны великому гэгэну, внезапно превратились в двадцать пушек, невидимо уничтоживших бо̀льшую часть противника. После этого, заканчивают легенду обитатели Гань-су, дунгане продержались очень недолго и, потеряв много людей, сняли осаду и отступили.

Растянувшиеся длинной линией по берегу одного из оврагов главнейшие храмы Гумбума [1]) составляют северную обособленную окраину монастыря [2]) и делятся на два типа: обыкновенные кумирни - лхаканы, представляющие собственность важных гэгэнов и служащие только для молитвы [3]) и храмы - школы или коллегии, где ламы собираются для занятий по разным отделам буддизма... В Гумбуме четыре коллегии; первая — научная вторая — медицинская, третья — факультет созерцания и четвертая коллегия для изучения мистической научной литературы тантр.

В научной коллегии [4]), в присутствии всех лам, каждое утро бывает чтение сутр, сопровождающееся прениями. Сигналом к началу занятий служит трубный звук священных раковин; тотчас после призыва, священники (или ламы) вносят сутры в зало, где в четыре ряда, по обеим сторонам центрального кресла, рассаживаются старшие ламы; младшие священники и прочие слушатели во всякую погоду располагаются на прилегающем к залу дворе. При входе лам с сутрами, все присутствующие надевают свои желтые шапки, мирянам разрешается только присутствовать при этом чтении, отнюдь не принимая в нем активного участия.

После нескольких минут молчания, находящиеся ближе всего к трону, ученики начинают громким голосом читать сутры, при чем вся аудитория тихо вторит им; между тем старшие ламы или сановники обступают докладчиков и по окончании чтения, дают толкование прочитанному, после чего наступает временная тишина. Затем, один из учеников встает,

---

[1]) Их двенадцать: 1) Чжам-ин-гун-сук, 2) Алтын-сумэ, 3) Чжюхын, 4) Шян-хан, 5) Гонк-хан, 6) Цокчэн-дукан; вторая группа—7) Шабдэн-лхакан, 8) Найчун-цзан-хан; третья группа— 9) Чжюба-лхакан, 10) Маньба— дукан, 11) Донгэр— дукан и 12) Уланлаврэн.

[2]) Между храмами и оврагом тянется набережная.

[3]) Среди этих храмов имеются также и кладовые для хранения религиозных вещей.

[4]) Von. W. Filchner. «Ein Beitrag zur Geschichte des Klosters Kumbum». Berlin. 1906. Стр. 88—94.

снимает шапку и тогу и, подойдя к какому-нибудь старшему ламе, начинает жестикулировать руками, горячо доказывая ему что-то; с своей стороны лама то возражает, то задает вопросы и разгорается настоящий диспут. По окончании ученого спора, победителю дается право взобраться на плечи побежденному, который должен один раз обнести его вокруг двора. Ламы научной коллегии играют в жизни Гумбумба очень важную роль и мнение их является решающим даже в делах управления. На обязанности этих лам лежит примирение разсерженных богов с провинившимися смертными, которых боги карают, ниспосылая на них разного рода несчастия. Для выполнения этого обряда, внутри монастыря собирается несколько лам и вырывают глубокую яму, куда, при чтении покаяннных молитв, складывают деньги, одежду и другие приношения кающихся. Но этого мало: почти всё имущество грешника: верблюды, лошади, бараны и проч., раздается соседним кочевникам и китайцам, с жадностью ожидающим такого рода подачек. Через несколько дней, ламы снова откапывают жертвы, зарытые в землю, при чем всё, кроме денег, сжигается, а деньги идут на нужды главного храма.

Основатель секты гэлюг-па желтошапошников, Цзонхава.

В одной из комнат здания «научной коллегии» хранится целая коллекция исторически ценных предметов; среди них выдающимся об'ектом нужно считать авто-портрет Цзонхавы, писанный кровью и препровожденный из Лхасы в Амдо, ввиде подарка матери великого реформатора; легенда говорит, что в тот момент когда мать Цзонхавы, получив этот ценный дар

взяла его в руки, портрет ожил и сказал ей, что Цзонхава жив, здоров и находится в Лхасе.

Изображения Цзонхавы, находящиеся в Гумбуме, в общих чертах характеризуются типичными особенностями: с обеих сторон великого реформатора подымаются лотосы — символ господства буддийской религии. Слева, около цветка, стоит меч, а справа — лежит книга. Обе руки Цзонхава держит у груди, ладонями внутрь.

В «той же коллекции[1]) «научной коллегии» хранится еще одна любопытная фигура — глиняная статуэтка Мете-фудже; говорят, что через некоторое время по окончании лепки этой фигуры, у нея чудесным образом выросли на голове волосы...

Металлическая кнотка с миниатюрой Цзонхавы.

Следующим по значению факультетом является «медицинский», где изучают способы лечения разных более или менее распространенных болезней. Ежегодно, в конце лета, студенты-медики отправляются в окрестные горы под названием «Чогортан», в экскурсию, и под руководством своих лам-учителей занимаются сборами лекарственных растений. Захватив некоторый запас провианта и вооружившись топориками и палками с железными наконечниками, молодые люди весь день проводят за работой в горах и лишь к вечеру возвращаются в лагерь. После восьмидневного непрерывного сбора растений, студентам дается пять дней на сортировку и классификацию гербария, впоследствии переходящего в собственность монастыря. Двухнедельная экскурсия заканчивается праздничным чаепитием со сластями. Собранные лекарственные растения частью представляются в монастырскую аптеку, где их подвергают огневой

[1]) Кроме вышеперечисленных исторически ценных коллекционных предметов, в Гумбуме имеются еще различные реликвии: шапка Цзонхавы, телега банчень-эрдэни, седло богдо-хана и одежда далай-ламы.

сушке и перетиранию в порошок; после чего, лекарство хранится в маленьких пакетиках, из красной бумаги, с соответствующей надписью. Никаким химическим переработкам лекарственный порошок не подвергается. При недомоганиях, ламы, по обычаю, заглянув в свой учебник, принимают приведенное на этот случай средство, и терпеливо выжидают улучшения.

Пост главного руководителя-профессора медицинского факультета считается весьма почетным и предоставляется достойнейшему по заслугам (но кажется главным образом по общественному положению и связям) члену ученой корпорации монастыря. Избрание на этот пост лица сопровождается оригинальной церемонией... Стены церковного двора, по словам Ринхардт, были увешаны яркими фантастическими рисунками китайской работы; посередине стоял длинный узкий стол, с многочисленными блюдами и металлическими сосудами самой разнообразной величины и формы, наполненными рисом, цзамбой, мукой, хлебом, маслом и прочими съедобными предметами. Все эти жертвы приносились в дар божеству, в честь нового кандидата на председателя медицинской коллегии.

Любопытная толпа только что обступила жертвенный стол, с завистью глядя на вкусные блюда, предназначенные богам, как вдруг в дверях показалась блестящая процессия пятидесяти лам, в красных и желтых одеждах, с священными колокольчиками в руках; они прошли и уселись на мостовую. Вслед за ними, степенной и ровной походкой проследовал виновник торжества, своего рода будда медицины, и опустился на особый деревянный трон, убранный красными и желтыми материями.

Этот лама был облечен в блестящие парадные одежды и высокую вышитую шапку, вполне гармонировавшие с торжественной обстановкой всего праздника.

Церемония началась оглушительным звоном шестидесяти колокольчиков, которым вторили низкие голоса лам, читавшие и певшие волшебные кабалистические молитвы. Непосредственно перед троном профессора медицины стояла большая урна, на дне которой горело яркое пламя... Из урны подымалось облако благовонного дыма... По данному знаку несколько лам сразу

поднялись с своих мест, и, взяв большими ложками часть жертвоприношений, стали бросать их в урну, сжигая таким образом дары в честь нового избранника.

Идам (божество хранитель) Хеваджра.

В заключение, ламы вылили в пламя небольшое количество священного масла и рассевшись вновь по местам, стали петь прерванные молитвы...

В гумбум'ской «коллегии созерцания» или «Тинг-ко», ламы занимаются изучением литературы по этому предмету, а кроме того на их обязанности лежит служение панихид по усопшим и совершение самого обряда похорон.

Четвертая коллегия лам — тсу-па или факультет изучения мистической литературы тантр, имеет очень строгий устав, и члены ее ведут аскетический образ жизни, подвергая свою грешную плоть различным истязаниям. По уставу тсу-па, ламы могут спать только в скрюченном положении, пригнув колени к голове; ходить по улицам группами им не разрешается, а потому они следуют гуськом, в точности подражая друг другу в движениях. Таким образом если один из идущих приостановился за нуждою — остальные обязаны сделать тоже.

Га-у.

Старейшим храмом Гумбума считается Чжамин-гун-сук, построенный архитектором Сэрчжямцо, под наблюдением богдо-гэгэна — основателя. Следующий соборный храм — Цокчэн-дукан, вмещающий в себе до пяти тысяч молящихся, поразил меня своим душным спертым воздухом; повидимому он никогда не проветривается и я удивляюсь, как люди могут оставаться в нем дольше пяти минут. За Цокчэн-дуканом, ближе к горам, красуется богатая кумирня с золотой кровлей и необыкновенными стенами глазированного кирпича [1]); это Алтын-сумэ-Цзу, хранящая, по преданию, под своим центральным золоченым субурганом [2]) прах Цзонхавы. Вдоль стен кумирни расставлены металлические и глиняные вызолоченные и выкрашенные в краску бурханы, а над ними висят писанные золотисто-красные изображения тех же божеств. В библиотеке златоверхого храма, среди множества других книг, находится большой, шестнадцати томный труд самого Цзонхавы, называемый Цзунг-бум и изданный на китайской бумаге, тибетского формата. Цзунг-бум — одно из главных сочинений реформатора, которое по

Га-у.

---

[1]) Глазированный кирпич изготовляется здесь же мастерами-китайцами.

[2]) В этом храме есть еще несколько субурганов.

своему религиозно-философскому содержанию, на тему «как достичь совершенства», можно сблизить лишь с «притчами Гаутама-Будды».

Во время моего пребывания в Гумбуме, молящихся всюду было очень много, а перед Алтын-сумэ теснилась целая толпа лам, ожидавших очереди, чтобы занять место на паперти для совершения растяжных поклонов. Здесь, именно, и видны углубления, сделанные в дереве руками и коленями молящихся.

В непосредственной близости от Алтын-сумэ, рядом, стоит храм Чжюхын, известный большим золоченым изображением Цзонхавы, сидящим на престоле, посередине молитвенного помещения. Между прочим, следует упомянуть, что в Гумбуме нет ни одной кумирни и ни одного здания вообще, где бы ни красовалось большое или малое изображение реформатора буддизма; его бурханы, заключенные в га-у — ладанки или кнотки, можно встретить на груди у каждого монаха.

Спускаясь несколько вниз, по краю оврага, наблюдатель видит два живописно расположенных храма Шабдэн-лхакан и Найчун-цзан-хан; в первом, наиболее почитаемой святыней является дерево улан-цзан-дан, выросшее по вере буддистов, на том месте, где были зарыты волосы Цзонхавы, остриженые при его посвящении в монахи. По другим версиям здесь был зарыт послед Цзонхавы. Улан-цзан-дан — особый вид сирени [1]), растет посередине небольшого [в шесть-семь сажень ширины] двора и поднимается из клумбы, одетой снаружи кирпичной стенкой; по сторонам двора есть еще несколько таких же клумб, с отсадками священного дерева.

Монахи уверяют, что благочестивые люди, угодные Будде, видят на сочных свежих листьях этой сирени таинственные очертания божественных знаков; каждый листок считается поэтому драгоценной реликвией и обладает, по представлению паломников, целебными свойствами [2]). Внимательно осматривая улан-цзан-дан со всех сторон я не нашел никаких знаков на листьях, но все же не мог противостоять своей научной любо-

---

[1]) По определению Diels—Syringa amurensis, а по данным Крейтнера — Syringa japonica.

[2]) Например, женщины заваривают и пьют настой листьев священной сирени, как средство от различных после-родовых заболеваний.

знательности, если так можно выразиться, и сорвав маленькую веточку дерева Цзонхавы, бережно спрятал ее в записную книжку, для последующего определения[1]). Мой поступок вызвал некоторый протест со стороны привратника, но сопровождавший меня синнинский переводчик скоро успокоил бдительного ламу, передав ему от меня кусочек серебра.

Во внутреннем помещении Шабдэн-лхакан кроме обычных бурханов, удивленному взору посетителя представляются вну-

Шабдэн-лхакан — храм долголетия, со священной сиренью (в Гумбуме).

шительные фигуры зверей или диких животных — тигра, леопарда, медведя, яманов, антилоп и другие. Исполненные довольно удачно, эти чучела пожертвованы местными тангутами по большей части как трофеи собственной охоты.

Соседний храм Найчун-цзан-хан, с темно-красными стенами и золотыми ганчжирами на крыше, величественнее предыдущего. На этом храме красуется надпись из золотых китайских иероглифов: «величественная добродетель блестяще правит». Найчун-цзан-хан как-то особенно оттеняется рядом из восьми белых, как снег, субурганов. История основания этих надгробий такова: стараясь расширить свои владения, китайцы

[1]) Тот же вид, что и в хребте Ала-шань — Syringa serrata.

Гань-суйской провинции начали посягать на исконные земли монастыря, но ламы [1]) последнего, с восьмью гэгэнами во главе, при поддержке кукунорских номадов, энергично отстаивали свои права на землю; в конце концов в разбор этого спорного дела вмешалось китайское правительство, которому было доложено о якобы начавшемся бунте монахов. Богдо-хан командировал в Гумбум отряд войск под предводительством знаменитого по жестокости в те времена принца Нэн-гун-ван'а. Прибыв в Гумбум, решительный и строгий принц начал расследование дела и убедившись, что главными виновниками недоразумений являются восемь гэгэнов, потребовал их к себе и сказал им: «вы мудрецы гэгэны все знаете — что было, что есть и что будет; скажите же мне, когда вы должны умереть?» Испуганные и понявшие свою тяжкую участь святители ответили: «завтра!» — «Нет, вы ошибаетесь!» грозно вскричал Нэн-гун-ван: «вы умрете сегодня»... и отдал приказ своим воинам тотчас отрубить им головы.

Гумбум. Храм Найчун-цзан-хан; слева, рядом, восемь белых субурганов, в память восьми казненных гэгэнов.

Трупы гэгэнов подвергли сожжению, а на месте их казни ламы монастыря воздвигли восемь белых субурганов или надгробных памятников [2]).

---

[1]) Которых тогда насчитывалось около двух с половиною тысяч.

[2]) После усмирения Гумбума, принц Нэн-гун-ван направился в долину Дун-чэ-гу — «Восточное тележное ущелье», лежащее в десяти верстах к югу от нынешнего

В пристройке к храму Шабдэн-лхакан—в пристройке-балконе так же как и в Найчун-цзан-хан'е, стоят чучела джара (Nemorhoedus)[1]) и двух диких яков, имеющих весьма свирепый вид: головы могучих животных опущены вниз, хвосты на подобие султанов подняты кверху, и вся поза их указывает на готовность поднять на рога первого встречного.

Бодисатва Амитаюс.

Визави главнейших святынь Гумбума [2]), на противоположном скате оврага, огорожен небольшой участок лесостепи, служащий местом для прогулок лам. По установленному исстари обычаю, здесь монахи часто испытывают друг друга в знании догматов буддийской религии и с этой целью устраивают публичные диспуты. Издали, подобные собрания производят довольно оригинальное впечатление: слышен громкий гул сотни молодых голосов, отвечающих на-распев на вопросы товарищей; иногда раздаются отдельные возгласы и

города Гуй-дуй'я, который в те времена еще не существовал. Остановившись в кумирне Чэ-ма-чжа-цон, принц попросил к себе всех лам и приказал их казнить. Решив продать свою жизнь подороже, ламы наскоро вооружились и начался бой; во время жестокой схватки коварный Нэн-гун-ван был убит, а войско его разбежалось.

Тело Нэн-гун-ван'а впоследствии заключили в кирпичный склеп, а над ним, преданные принцу солдаты воздвигли небольшую кумирню; в ней и до сих пор еще красуется статуя Нэн-гун-ван'а, облеченная в царские — фу-ма-цы-хон — одежды.

До сих пор в этот храм приходят многие богомольцы и плюя на изображение Нэн-гун-ван'а, всячески издеваются над его прахом, стараясь таким образом выразить присутствующим по близости китайцам свою великую ненависть и свое презрение к покойному.

[1]) Об джара или джагур см. «Монголія и Камъ». Том I, часть вторая, стр. 454 – 458.

[2]) Г. Н. Потанин упоминает еще об одной святыне монастыря — черепе матери Цзонхавы. Этот череп или «каблык» хранится в стеклянной витрине храма Урчжиба, расположенного у верхнего конца оврага, и имеет вид полусферической чаши, окрашенной в голубой цвет. Края чаши отделаны серебром и украшены кораллами; в середине прикреплена серебряная бляха с жемчугами.

дикие крики не нарушающие в сущности общего порядка, но кажущиеся странными постороннему наблюдателю. Первый раз, когда мне пришлось невзначай подойти близко к саду диспутов, я был встревожен необычайным шумом и подумал, что с монахами случилось что-то неладное.

Кроме больших и малых кумирен, в Гумбуме имеются еще почитаемые буддистами субурганы, из которых в одном — очень большом сделан арычный проход, другие два — поменьше, известны под названием Чортэн-чжат и Намчжимын-цорчжэ; первый из них устроен в честь бодисатвы, дарующего жизнь — Аюши.

Все постройки монастыря, так же, как и кельи лам, содержатся в образцовом порядке; здания отличаются красотою и прочностью, в некоторых из них, как например в большой кухне, замечаются даже попытки настоящего благоустройства; в очаг гигантской центральной печи вделано три настоящих медных котла, высотою до двух аршин и диаметром до трех аршин каждый; топка соломою или мелким кустарником производится снизу. Таким образом варка чая или что тоже самое варка пищи[1]) на всю братию главнейшего храма или просто для паломников совершается при наименьшей затрате энергии... Общей опрятности Гумбума в значительной степени способствует горный рельеф местности, дающий возможность всем нечистотам, смываемым дождевыми водами, стекать в одно общее русло-овраг и уноситься далеко, к подножью гор. Особую уютность и привлекательность придают обители древесные насаждения, лужайки и цветники, разведенные на каждом свободном участке наиболее трудолюбивыми ламами.

В Гумбуме находится шестьдесят три гэгэна, ведающих всеми ламами, общее количество которых простирается до трех тысяч пятисот человек[2]), при чем племенной состав их определяется тремя национальностями — монгольской, тангутской и тибетской. Высшим лицем в управлении является Ачжя-гэгэн; в помощь ему, из представительнейших и разумнейших членов

---

[1]) Как известно, универсальным напитком у обитателей Центральной Азии является кирпичный чай с молоком, а универсальной едой — «цзамба», то-есть мука из подсушенных зерен ячменя или пшеницы, смешанная или заваренная (до густоты теста) с тем же горячим чаем с маслом или салом.

[2]) Гюк эту цифру увеличивает в два раза.

общины, выбираются два лица — секретарь и ведающий светскими делами «гэцкуй». Исполнительная власть и все сношения со светским начальством находятся в руках трех чиновников — уже известных нам по описаниям предыдущих монастырей: даламы, сан-ламы и эмчи-ламы.

Представители светской власти — три чиновника и гэцкуй заседают в особом здании «Управлении монастыря» или по-

Ачжя-гэгэн.

местному «Рчжива», расположенном на набережной, ближе к нижнему концу оврага.

Наблюдающий за благочинием обители гэцкуй раза два в месяц делает обход всех улиц и наводит порядок; ему сопутствуют обыкновенно ассистенты, имеющие в руках четырехгранные росписные трости, которыми они очень умело действуют, прогуливая их по спинам, плечам и рукам провинившихся лам. Кроме того, во многих храмах, подле дверей, для острастки гумбум'ской братии, развешиваются нагайки, состоящие из солидного черного кожанного ремня, прикрепленного к

деревянной рукоятке; возможно, что один вид этих внушительных плетей влияет на юношей воспитательным образом. Во всяком случае, можно сказать, что гумбум'ские ламы ведут правильный и строгий образ жизни, поддаваясь соблазну лишь в редких случаях. Одним из источников всяких искушений является соседняя, расположенная в ста саженях, внизу, неопрятная и густонаселенная китайская слободка — «Ло-сэр» куда ламам запрещено ходить, но где их иногда можно встретить в веселой компании.

Ежедневные отправления церковных служб и разных учений, производятся в Гумбуме с удивительной точностью — во всем видно строгое соблюдение известного порядка, поддерживаемого твердой рукой властного начальника.

Глава XII.

МОНАСТЫРЬ ГУМБУМ, ГОРОД ДОНГЭР И ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ К ОЗЕРУ КУКУ-НОРУ.

Выгодное географическое положение Гумбума. — Многочисленные паломники, в особенности в период праздников. — Описание больших праздников. — Высокие посетители Гумбума—богдо-хан и Тибетский Далай-лама. — От'езд в Донгэр; новое знакомство с этим городом. — Тангуты и тангутки на базаре. — Приобретение этнографических предметов. — Оставление лишнего багажа. — Верховье Донгер-хэ. — Перевал Шарахотул. — Встреча с предводителем аймака Чамру и приход на Куку-нор.

Как высоко почитаемый буддистами религиозный центр, Гумбум собирает в свои храмы в известные праздники богомольцев стекающихся со всей Центральной Азии; здесь можно встретить не только обитателей Южной Монголии и Куку-пора, но даже и обитателей Северной Монголии с одной стороны и обитателей Тибета с другой. Многие караваны паломников на пути в священную Лхасу, считают своим долгом сначала поклониться святыням, тесно связанным с именем Цзонхавы, а затем уже, отдохнув два-три месяца в гостеприимной обители, отправляться в дальнейший трудный путь.

Монастырь Гумбум из-года в год богатеет; его многочисленные стада рогатого скота, преимущественно яков, равно баранов и табуны лошадей увеличиваются, на счет широких приношений окрестных номадов, которые, кроме того, дарят храмам золото, серебро, парчу, шелковые ткани, мускус, не говоря уже

о массовом привозе монастырской братии продуктов: цзамбы, муки, масла, соли и проч. Кроме добровольных пожертвований Гумбум, как и все монастыри Амдо и Кама, получает еще ежегодно довольно большой доход милостыней. Десятки монахов периодически отправляются в окрестные кочевья за подаянием и предлагая туземцам хадаки, бурханы и разные безделушки получают взамен этого богатые «дары природы»... По натуре своей гостеприимный номад не в силах никогда отказать просящему ламе и тем самым нарушить благочиние патриархального быта центрально-азиатца.

Дэмчок-Самвара—блаженный покровитель мистического дацана Чжюд в Гумбуме.

Праздников в Гумбуме довольно много [1]) и они длятся больший или меньший срок — периодами; едва оканчивается один как начинается другой... В феврале, буддисты справляют праздник «нового года» или «торжество истинной религии над ересью», сопровождающийся попеременно танцами, музыкой, театральными представлениями и иллюминацией; миряне и духовенство неизбежно соперничают при этом в благочестии и распущенности.

---

[1]) Г. Н. Потанин упоминает о шести больших праздниках в году: I. В первой луне, то-есть 14—15 числа, Цаган-сар. II. В четвертой луне, 14 и 15 числа, в честь Томба, Цзонхавы и Арьябало, бывает цам — религиозная пляска. III. В шестой луне бывает цам. IV. В девятой луне, 21 числа — цам. V. В десятой луне — цам. VI. В двенадцатой луне, 29 числа, днем, происходит делание «соров» — символических фигур ввиде трехгранной пирамиды и сожжение их, вечером, без обычной в подобных случаях пляски.

К концу новогодних торжеств в Гумбум прибывают с разных концов Монголии и Тибета особенно много паломников, спешащих к празднику «цветов» или «масла». Монастырь очень скоро переполняется богомольцами, которые за неимением мест, бывают принуждены разбивать лагерь вне Гумбума, на склонах прилежащих высот. Окрестности монастыря в несколько дней совершенно перерождаются и принимают вид сплошной ставки, пестрящей почти исключительно черными палатками тангутов или тибетцев. Ржание лошадей, рев верблюдов, хрюканье яков, лай собак и гул людских голосов сливаются в какой-то неопределенный глухой шум, которому оригинально вторят звуки труб, гонгов и ритмическое пение монахов.

Так как мне лично не удалось, ни теперь, ни впоследствии, наблюдать праздник цветов или масла, то будет уместно привести описание его, сделанное в свое время Рокхилем [1]) и Ринхардт:

...«В глубине расположен большой, высокий стол, весь уставленный сотнями зажженных масляных ламп, над которыми в несколько ярусов подымаются масляные барельефы безукоризненной работы. В самом низу изображен знаменитый лхаский храм, перед вратами которого, при помощи особого механизма, расхаживает часовой; у ног его приютились маленькие рептилии, цветы, растения и проч. Искусство, с которым передано выражение лица Будды, его облачение и вся поза, не поддается описанию.

«Над этим центральным изображением помещен еще другой барельеф — сценка из жизни Будды: великий учитель восседает в храме и торжественно принимает являющихся на поклонение верующих.

«Против престола с лампадами стоит длинная низкая скамья, покрытая красной материей и предназначенная для высоких лам. Эти важные иерархи являются в самый разгар торжества, в сопровождении нескольких простых лам, несущих большие красные фонари. Подойдя к масляному божеству, простые ламы склоняются до земли и приложив три раза руки ко лбу, шепчут молитву «ом-ма-ни-па-дмэ-хум», в то время, как их господа, преклонив колена на скамье, приносят в жертву Будде особые тибетские свечи.

---

[1]) Rockhill. «The land of the lamas». Стр. 69—72.

«В определенный момент религиозной церемонии, щелкая бичем, из толпы протискиваются «черные ламы» — полиция, которая энергичными движениями расчищает путь великому ламе монастыря — перерожденцу Цзонхавы.

Идам (божество хранитель) Самвара с своею шакти. Вверху Цзонхава между двумя волхвами (сидда), по бокам четыре дакини, внизу Ачала.

«Первыми в этой торжественной процессии шествуют «гэгэны-перерожденцы», за ними следуют двое высоких лам: один из них держит связку тибетских свечей, другой — пирамиду из цзамбы, украшенную мистическими знаками, из разноцветной бумаги. Немного поодаль, одинокий лама несет скипетр, а по сто-

ронам его следуют факельщики. Шествие замыкает наконец сам великий перерожденец, облеченный в желтые атласные ризы, с желтой шапкой на голове... В одной руке он держит скипетр, а в другой — венок из роз (?) искусно сделанный из слоновой кости.

«Важно и гордо приближается перерожденец к масляному изображению Будды и в то время, как все присутствующие преклоняют колена, он один остается неподвижным, молча вперив свой взгляд в божество. Святость перерожденца не позволяет ему преклоняться и приносить жертвы масляному изображению. После нескольких минут созерцания, великий лама также медленно и чинно возвращается в свой покой — лаврэн, расположенный на холмах, против златоверхого храма. С его уходом кончается религиозная церемония, уступающая место веселому, шумному празднику».

Следующим большим праздником в Гумбуме нужно считать торжество «воплощения Будды Шакьямуни», которое длится целый месяц: с начала апреля до первых дней мая. Характерной чертой этого праздника является множество процессий, двигающихся по всем улицам, с изображением Будды.

С наступлением осени начинается четвертый праздник — «торжество воды», имеющий характер искупления и очищения от грехов, посредством купанья и питья чистой воды. Этот праздник продолжается около трех недель.

Двадцать пятого числа десятого месяца — день «праздника ламп», и вместе с тем памятный день смерти или «переселения в небеса» великого Цзонхавы. Вечером, перед изображениями всех божеств зажигаются иллюминации, на всех плоских кровлях также горят фонари и весь монастырь становится похожим на далекое небо, усеянное звездами. По сиянию и блеску огней, ламы гадают, делая предсказания на будущий год.

Но одним из самых любимых народом праздников является «праздник шапок», когда на два, а то и на три дня «ворота монастыря» открываются для женщин [1]). В течение этих не-

[1]) Женщины имеют право входа в монастырь лишь два раза в году: — в дни праздника шапок и первого числа третьяго месяца. На самом деле этот закон строго исполняется только по отношению к златоверхому храму.

скольких дней, каждый мужчина имеет право подойти к женщине, встреченной им в стенах монастыря, и отнять у нее головной убор, который она, по уговору, должна снова получить от него следующей ночью самолично...

Лама. Редкое изображение, пока точнее не определяется.

Кроме главнейших вышеописанных праздников, в Гумбуме совершается еще целый ряд различных религиозных церемоний, из которых упомянем лишь только две — «церемонию на благо путешественников всего мира», и — «ночное молебствие лам»...

Двадцать пятого числа каждого месяца монахи Гумбума собираются на соседней горе и, совершив молитвы, разбрасывают по ветру многочисленные бумажные фигурки скачущих лошадей, которые разлетаются далеко, далеко во все стороны. Эти лошади, волею Будды, настигают в пустыне усталых и измученных путников, при встрече с которыми тотчас превращаются в живых коней и таким образом спасают странников от гибели.

Самой оригинальной и глубокой по впечатлению церемонией, нужно, однако, считать ночное молебствие лам... Около девяти-десяти часов вечера, торжественная тишина спящего монастыря вдруг нарушается пронзительными звуками труб, жалобными завываниями священных раковин и гонгов и звоном колокольчиков...

Всё население монастыря, от мала до велика, собирается на крышах своих домов, где возжигают грандиозные костры. Густые клубы дыма несутся к небесам. Ламы в молитвенных позах — стоя и сидя с поникшими головами, безостановочно шепчут вечную молитву ом-ма-ни-па-дмэ-хум! а миряне также непрерывно вертят свои молитвенные колеса — хурдэ. Многочисленные красные фонари, прикрепленные к длинным шестам, тихо покачиваются и феерически освещают оригинальные группы молящихся.

После полуночи, эта ночная церемония внезапно обрывается всеобщим нечеловеческим воплем, который способен наполнить душу каждого непривычного посетителя каким то непонятным чувством ужаса. Фонари и лампы в тоже мгновение гаснут и повсюду водворяется прежняя тишина и еще более глубокий мрак.

Цель этого странного обряда заключается в том, чтобы как можно дальше отогнать злых духов, которые в прежние времена причиняли большие неприятности мирным монахам, насылая на них болезни, мор и многие другие бедствия. В течение многих лет ламы были безсильны помочь своему несчастью, и только сравнительно недавно один из благочестивых служителей Будды придумал вышеописанную церемонию, которая оказалась гибельной для злых духов.

Кроме обычных посетителей, монастырь «Ста тысяч изображений» не раз принимал у себя и высоких гостей — китайского

императора, кажется, Канси[1]), подарившего главному храму прекрасный экземпляр «Ганчжур-Даньчжур», исполненный золотыми буквами, знаменитого пятого далай-ламу и наконец —

Ваджадара (особый вид).

современного главу буддийского мира — тибетского первосвященника, имевшего длительное пребывание[2]) в покое Улан-

---

[1]) Посетившего одновременно монастыри Ай-гу-ман-сы и Чю-тан-сы.

[2]) Тринадцатый Далай-лама пробыл в Гумбуме осень, зиму и весну 1906 — 1907 гг. — это в передний путь, в Пекин, и весну и часть лета 1909 года, при возвращении к себе в Лхасу; но об этом, втором пребывании Далай-ламы в Гумбуме и моем здесь с ним свидании, речь впереди, см. главу XXI: «Паломничество к Далай-ламе». Равно см. другой мой труд: «Тибет и Далай-лама». Стр. 76—86.

лаврэн, откуда открывается широкая панорама на гребни отдаленных северных и южных цепей Нань-шаня.

По словам очевидцев, в присутствии Далай-ламы, Гумбум становился неузнаваем. Вялость и тишина заменялись кипучей деятельностью и торжественным настроением; и днем, и ночью совершались в храмах хурулы — молебствия и прочие богослужения; и днем, и ночью неслись к небесам звуки раковин, гонгов и треск барабанов... Паломники наводняли обитель — все жаждали увидеть редкого святого гостя, все стремились к нему как к религиозному солнцу... Одновременно с наплывом паломников возростала и китайская торговля — купцы ликовали, всё в округе просыпалось как бы для новой жизни. Но лишь только великий гость уезжал, монастырь снова погружался в однообразное тихое существование.

Тишина и стройность, царящие в буддийских молитвенных центрах всегда особенным образом настраивают человека. После душной мелочной китайской среды, высоко ценишь уединение и близость к природе. В Гумбуме я пережил не мало приятных минут, когда, поднявшись на вершины южно-монастырских холмов, обозревал окружающее: к северу раскинулась культурная земледельческая полоса, к югу простирались горные цепи, составляющие восточное продолжение Южно-кукунорского хребта, за которым катила свои могучие волны Желтая река или Ма-чю, как ее называют тибетцы. Вблизи — мягкие луговые высоты, рельефно выделяются на синем небе; полоски темного леса, молчаливые скалы — всё придавало историческому уголку молитвенную прелесть и располагало к созерцанию...

Быстро промелькнули два дня, проведенные мною в Гумбуме. Настоятель монастыря — Ачжя-гэгэн отсутствовал в дальней продолжительной поездке на Восток — в Пекин и Японию. По сведениям, полученным от окрестных обитателей, этот выдающийся лама — сторонник японцев. Последние от времени до времени заглядывают в монастырь, а в исключительных случаях даже живут в нем по долгу — по году и более. Говорят также, что Ачжя-гэгэн имеет до шестисот японских винтовок, с соответствующим количеством патронов... Предусмотрительный святитель боится неприятных неожиданностей, подобных дунганским восстаниям, когда нужно спасать свое имущество собственными средствами.

Отлично устроившись в доме хамбо ламы Чжаяк'а [1]), где меня даже в отсутствии хозяина приютил нирва Сонэн-Цорчжи [2]), я был всецело предоставлен самому себе, и мог с утра до вечера осматривать храмы и бродить по обители, посещая ее окрестности и любопытный китайский пригород — Ло-сэр...

Шестого августа, в день рождения Русского Географического Общества [3]), наш маленький раз'езд оставил Гумбум довольно рано, избрав западно-северо-западный курс, на Донгэр.

Хамбо-лама Чжаяк.

Следуя вначале наперерез мягких холмов, а затем долиною, занятой полями хлеба, где работало всё взрослое туземное население, я с особым вниманием, с особой пытливостью всматривался в отдаленный южный хребет, отделявший нас от Хуан-хэ; его альпийская зона, казавшаяся такой привлекательной сильно манила меня и трудно было мне, как исследователю природы, заставить себя пожертвовать интересом к этим мало исследованным горам, ради еще более глубокого интереса к Куку-нору и Тибету. Вторая половина пути к Донгэру пролегала по большому тракту, вдоль реки Синин-хэ. Остановившись привалом вблизи отжившего свой век горбатого моста, я с интересом наблюдал за вереницами прохожих и проезжих путников, с любопытством рассматривая так называемыхъ донгэр-ва или далдов — быть может в далеком прошлом метисов китайцев с тангутами, во всяком случае составляющих особую народность.

---

[1]) К хамбо-ламе Чжаяк'у у меня было рекомендательное письмо моего приятеля-буддиста Агвана Доржиева.

[2]) Сонэн-Цорчжи, между прочим, показал мне фотографию Г. Н. Потанина и его подарок — раскрашенные портреты Александра III и старших членов его семьи.

[3]) Русское Географическое Общество учреждено шестого августа 1845 года.

Это интересное племя, называемое Н. М. Пржевальским «далды», а Г. Н. Потаниным «широнголы» — расселилось по обоим берегам Желтой реки, выше города Лань-чжоу-фу, занимая таким образом местность, известную под именем Саньчуань, и простираясь на севере вплоть до Синин-хэ. Далды живут оседло, и занимаются хлебопашеством, возделывая ячмень, пшеницу и гречиху; их поля, представляющие частную собственность владельцев, орошаются искусственными ирригационными каналами и унаваживаются самым тщательным образом смесью лёссовой почвы с навозом, золой и всякими нечистотами. Постройки донгэр-ва, расположенные отдельными усадьбами, а иногда и целыми селениями, складываются из глиняных кирпичей и окруженные двором, замкнутым высокою стеною, напоминают маленькие крепости.

Язык далдов очень близок к монгольскому, но имеет некоторые характерные особенности и допускает примесь китайских и тангутских слов.

В религиозном отношении рассматриваемая народность не представляет чего-либо цельного: среди донгэр-ва есть буддисты, есть магометане и даже — шаманисты... Наружность этого племени довольно благообразна, приятна и напоминает тип наших южан. Опрятные одежды далдов отличаются щеголеватостью и оригинальностью покроя и весь их внешний облик весьма симпатичен: на мое ласковое приветствие — дэму! или здравствуй! — они всегда отвечали с улыбкой и изысканной учтивостью.

Очень сожалею, что истратив все запасные фотографические пластинки в Гумбуме, я был лишен возможности запечатлеть себе на память славных обитателей долины Синин-хэ.

Чем далее вверх по течению реки, тем беднее водою становилась капризная Синин-хэ; но обмелев она не утратила мощной силы своего течения и попрежнему быстро катила прозрачные воды, образуя в наиболее узких частях долины круговороты и быстрины, создававшие необыкновенный шум. Местами, река подмывала берег, а местами увлекала за собою верхний слой земли с дерном, а иногда и с хлебом. Туземцы усердно боролись с подобными разрушениями — чинили дорогу, размытые части берега засыпали камнями и старались извлечь из илистой грязи забитые водою колосья.

Дорога спорилась... незаметным образом одни за другими мелькали пашни, селения; развлечений для глаза и для ума было достаточно. Недоезжая десяти верст до Донгэра намъ повстречался симпатичный купец-андинжанец, лихо кативший в Синин верхом на откормленном белом коне. Этот молодой человек изысканно вежливо поздоровался со мною и доложил о благополучном прибытии в Донгэр главного каравана!.. А вот, наконец, и живописное местечко в узком ущелье Синин-хэ, памятное мне еще со времени тибетского путешествия. Через свирепо-клокочущую и пенистую речку перекинут высокий легкий мост, а за ним, на противоположном берегу приветливо залегает превосходный березовый лес, ниспадая по крутым склонам холмов.

Говоря вообще о растительности долины Синин-хэ приходится отметить ее бедность разнообразием и количеством родов и видов. На протяжении расстояния от Синина до Донгэра экспедиция собрала и отметила всего около пятидесяти форм растительности, а именно: облепиха (Hippophäe rhamnoides), Myricaria germanica, Crataegus, Salix, Berberis, смородина (Ribes aciculare), Rhododendron, полынь (Artemisia potanini), репейник (Agrimonia pilosa var. glandulosa), кровохлебка (Sanguisorba officinalis), гречиха (Polygonum bistorta), крестовник (Senecio erucifolius), зверобой (Dracocephalum ruyschianum), люцерна (Medicago ruthenica), подмаренник (Galium verum var. trachycarpum), шандра (Marrubium incisum), горечавка (Gentiana barbata), сверция (Swertia chinensis), орляк (Pteridium aquilinum), качим (Gypsophila acutifolia var. potanini), василистник (Thalictrum petaloideum), Delphinium grandiflorum var. tanguticum), Anisodus tanguticus, Lancea tibetica, Spiranthes australis, Herminium monorchis, Bupleurum multinerve, Lespedeza trichocarpa, Triticum cornutum, Panicum miliaceum, Setaria italica, фиалка (Viola bulbosa), Anaphalis, Phlomis, Scirpus, Malva, Adenophora, Myosotis, Potentilla, Ajuga, земляника Fragaria, Nemophila, Sorbaria и пион (Paeonia).

Что же касается до насекомых, тесно связанных своим распространением с характером растительного покрова (рассматриваемой долины), то нам удалось собрать на всем протяжении вдоль Синин-хэ и ее самого верхнего течения —

Донгэр-хэ помимо жесткокрылых порядочное количество представителей полужесткокрылых [1]) и только одну, правда очень интересную новую форму из отряда перепончатокрылых — шмеля (Hymenoptera, Bombidae) Bombus lepidus, sp. n.

С юга, все чаще и чаще сбегают звонкие ручьи, а в северном направлении горы постепенно выростают.

Наконец показались и башни Донгэра...

Между тем, недавно поднявшийся западный ветер усилился, надвинулись густые облака, и дождь, сначала слегка накрапывавший, превратился в настоящий ливень, сопровождавший нас до самого бивака экспедиции. Пришлось тотчас забраться в палатку и окопать свое убежище глубокой канавой, чтобы избегнуть наводнения...

Встреча с главным караваном была самая радостная, всё обстояло благополучно, верблюды отлично справились с трудной, скользкой дорогой и в целости доставили ценный багаж, сделав всё расстояние от Синина в три дневных перехода.

Городок Донгэр стоит на левом берегу той же Синин-хэ, которая выше описываемого города уже называется его именем — Донгэр-хэ; долина реки достигает около версты ширины; самый город обступают мягкие по очертаниям высоты, сложенные из красных песчаников, напластованных горизонтально и покрытых лёссом.

В конце лета, пышная горная зелень и зреющие хлеба составляют приятную картину, сглаживая впечатление грязи, пыли и суеты китайского базара. По словам местных обитателей, крепость Донгэр основана около двухсот пятидесяти лет тому назад, при династии Цин. В более отдаленные времена, крепость и местное управление сосредоточивались в местечке Чжэн-хайбу и только китайский император Шунь-чжи перенес ее на двадцать верст западнее, в нынешний Донгэр, где назначил первым управителем одного из своих сыновей.

---

[1]) По части полужесткокрылых — клопов экспедиция обогатилась следующими формами: в долине Синин-хэ — Legnotus notatus, Carpocoris (Antheminia) laticollis, Dolycoris baccarum, Corizus hyosciami, Stictopleurus nysioides, Eurydema gebleri, Zicrona coerulea, Pyrrhocoris sibiricus, Adelphocoris lineolatus, Lygus (s. str.) pratensis, L. (Orthops) mutans, Camptobrochis punctulatus, Stenodema (s. str.) virens; в долине самого верхнего течения Синин-хе — Донгэр-хэ — Carpocoris pudicus, Eurydema maracandicum, Stenocephala sp., Poeciloscytus brevicornis и P. palustris.

В настоящее время Донгэр имеет большое торговое значение; через него проходит дорога из Гань-су в южный Тибет, по которой следуют купеческие караваны и направляются богомольцы в Лхасу. На единственной торговой улице города можно встретить представителей разных национальностей, собирающихся здесь для товарообмена: окрестные номады — тангуты, монголы, тибетцы (есть даже купцы из Лхасы), далды предлагают разное сырье — шерсть, кожи, масло, соль, а также и порох в обмен на чай, металлические изделия, ткань, юфть и

Город Донгэр-тин, с юго-юго-запада.

предметы роскоши, преимущественно в виде атрибутов женского туалета. Среди пестрых одежд смешанной толпы, чаще других мелькают оригинальные костюмы кукунорских тангутов и тангуток; последние заставляют обратить на себя внимание необыкновенным спинным украшением, в виде двойных и даже тройных лент, богато убранных монетами, раковинами, серебряными га-у, бирюзой, кораллами и проч. Мои спутники всегда с одинаковым восхищением наблюдали тангутских всадников, зачастую мчавшихся по улицам в карьер в полном вооружении. Гордые, надменные степняки ничего и ни кого не боятся, наоборот скорее вселяют страх и приниженность у местных китайцев. Среди празднично настроенного люда, нередко прихо-

дилось также видеть угрюмых колодников, закованных в тяжелые железные кандалы; насколько я заметил, они милостыни не просили, но существовали исключительно на добровольные пожертвования. Сознавая свою вину преступники-буддисты обычно безропотно несут возмездие за содеянное, а некоторые грешники, считая себя большими виновниками перед людьми и перед Богом — единым творцом вселенной — не снимают вериг даже после отбытия срока наказания, говоря что они еще мало пострадали...

Встречая со стороны начальника города Донгэра, официально извещенного о приходе экспедиции, самое любезное гостеприимство, мы чувствовали себя прекрасно и всё свое время проводили в наблюдениях за своеобразной жизнью торгового центра и сборах этнографического материала; а один день мы целиком посвятили опытам с нашей складной, брезентной лодкой; спущенное на реку экспедиционное суденышко, сослужившее впоследствии огромную службу на озере Куку-норе, сначала дало маленькую течь, но затем, по выражению моего ветерана — фельдфебеля Иванова, довольно быстро «забухло», и мы отлично сплавали вниз по Донгэр-хэ...

Узнав, что русские интересуются бурханами, га-у, а равно и предметами местного производства, торговцы вскоре заполнили наш лагерь и устроили у нас целый базар. Этнографические коллекции пополнились многими ценными приобретениями как в области буддийского культа, так и в области обихода, по отношению принадлежностей одежд и украшений кукунорских тунгутов.

Китаец-преступник, отбывающий наказание на свободе в железных кандалах.

Кроме навязчивых китайских купцов, наш бивак охотно посещал знакомый сарт Юсуп-Ахун, недавно возвратившийся из Синина. Бывалый, толковый, весьма сведущий Юсуп-Ахун всегда казался мне интересным собеседником; между прочим мы частенько говорили о Кашгарии — о ее историческом прошлом и проч., в заключение, кашгарец пригласил меня к себе на «дастархан». Я охотно принял предложение и в известный день, в компании с двумя моими спутниками, с удовольствием отведал любимого туркестанского блюда — плова. За столом нам прислуживал сам хозяин с помощью своего товарища и молодого слуги дунганина. Этот красивый и весьма симпатичный мальчик впоследствии не раз приходил к нам на бивак и с любопытством разглядывая чучела птиц, растения, бабочек и жуков, очень просил взять его в путешествие. Пылкие, увлекающиеся, с искрой Божьей, дети-юноши есть во всякой, даже самой малокультурной стране. Везде они одинаково стремятся к светлому познанию живой природы...

Между тем приближалось время выступления экспедиции из Донгэра; погода не баловала нас, и день за днем шли упорные дожди[1]). Река Донгэр-хэ местами вышла из берегов и грозила экспедиционному лагерю форменным наводнением. Не обошлось конечно без человеческих жертв... Однажды темным ненастным вечером со стороны Донгэр-хэ послышались отдаленные крики. За шумом волн мы не могли разобрать в чем дело; лишь на следующее утро выяснилось, что трое китайцев — возщиков леса, погибло в бурной реке, стремясь вытащить на берег уносимые течением бревна...

Чувствительные к сырости, наши «корабли пустыни» начали болеть: у них распухли ноги; было над чем призадуматься, чтобы иметь серьезное опасение за успех дальнейшего следования. Принимая во внимание такое печальное состояние наших испытанных караванных животных, я решил пересортировать багаж экспедиции и всё тяжелое имущество, всё то, без чего можно обойтись — оставить в Донгэре. Таким образом, сдав в надежные руки часть транспорта — коллекции, экспеди-

[1]) Наши экскурсии в Донгэре и его окрестностях по части пресмыкающихся обогатились — ящерицами (Alsophylax pipiens, Phrynocephalus caudivolvolus, P. kuschakewitschi, Eremias multiocellata) и жабами (Bufo vulgaris и B. viridis).

ция получила возможность более быстрого и легкого передвижения, что среди разбойничьего населения, представлялось существенно важным. Выбирая редкие проблески хорошего состояния атмосферы, мы всё же сравнительно скоро справились с задачей переснаряжения и одиннадцатого августа сдали начальнику Донгэра под ответственную расписку восемь тяжелых вьюков из каравана экспедиции.

Перед выступлением в путь к нам присоединились командированные предупредительным цин-цай'ем четыре вооруженных кавалериста и переводчик тангутского языка. Все эти люди оказались впоследствии весьма полезными при сношениях с с туземцами, относившимися к нам с уважением, благодаря заботам того же синин'ского сановника. Беспокоясь за нашу участь, цин-цай разослал тангутам особую бумагу, которой раз'яснял им важность моей персоны и значение задачи, которой я призван служить. Кроме того, совершая обычную ежегоднюю поездку на Куку-нор, с целью принесения моления богам, поддерживающим обилие вод, сининский амбань лично беседовал с тангутскими начальниками, внушая им доброе отношение к русским исследователям.

Из Донгэра на альпийское озеро Куку-нор ведут две дороги[1]): южная, через перевал Шара-хотул, и северная, мимо Дацан-сумэ; первой обычно пользуются все те, кто направляется на южный берег, второй — все те, кто намерен следовать северным. Мы избрали южный путь, которым, между прочим, пользуется, при своих ежегодных деловых поездках, высшая сининская администрация.

Вплоть до самой границы оазиса, вследствие невылазной грязи, наш караван подвигался лишь с трудом; но чем больше мы поднимались по ущелью Донгэр-хэ, тем песчано-каменистая поверхность становилась суше. Горная речка несла кристаллически прозрачную воду, гремя и рассыпаясь пенистыми брызгами по каменным перекатам. В наиболее широких местах долина ютила сплошные хлебные поля, с налитыми, кое-где прилегшими от тяжести и дождя, колосьями пшеницы. Сбор урожая был в полном ходу.

---

[1]) Г. Н. Потанин дает «три дороги»: одна, самая южная идет через перевал Кодёрго-дабан, другая—через Улан-усу и третья—северная, через перевал Кира-дабан.

Извиваясь причудливой узкой змеей, дорога часто перебегала с одного берега на другой, теряясь временно на дне реки... Переправы, за исключением ближайшей к городу, где устроен мост, производились в брод, что при среднем уровне воды не представляло никаких затруднений. Зато нам приходилось испытывать большие неудобства при неожиданных встречах, в самых узких, крутобоких частях ущелья, с тангутскими караванами. Вооруженные с ног до головы, тангуты везли соль и сырье из долины Дабасун-гоби; они следовали партиями, обычно в количестве пяти-семи человек-всадников, в сопровождении пятидесяти-семидесяти вьючных животных — сытых, хороших яков или хайныков[1])... Туземцы, конечно, отлично знакомы с преимуществом того и другого животного, а потому всегда составляют смешанные караваны.

Чтобы избежать катастрофы при подобных встречах, приходилось, сообразуясь с извилинами и расширениями дороги, задерживать тангутов в известных местах, а иногда даже оттеснять их на косогор, до прохода экспедиционного каравана.

На второй день после выхода из Донгэра, мы покинули последние следы культуры и из страны земледельческой заглянули в царство кочевников. Перед нами вздымались горы — последняя преграда скрывавшая от путешественников прелестный, давно-жданный Куку-нор.

В горах дышалось легко; чистый прозрачный воздух открывал бесконечный горизонт, небо казалось глубже и ярче. Простор, тишина и безлюдье сразу перерождали мысль, давая ей бо́льший размах и бо́льшую глубину, доступную человеку только в светлые минуты общения с чистой природой. А кругом всё кипело радостной жизнью: по низинам развертывались ковры золотистых цветов, над ними порхали бабочки или с жужжанием проносились шмели и мухи; на лугах появилось много пищух и сурков или тарабаганов. Из пернатого мира были отмечены друзья маленьких грызунов — земляные вьюрки (Pyrgilauda et Onychospiza) и жестокие враги их — сарычи, сокола (Gennaia milvipes milvipes) и черные вороны (Corvus corax); в лучшую погоду дня звенела приятная песнь соловья-красно-

[1]) Следует заметить, что хайныки — гибриды яка с обыкновенною коровою — одарены спокойным нравом, покладисты и гораздо надежнее и полезнее в работе нежели свирепые полудикие яки.

шейки (Calliope tschebajewi); вдоль быстрых речек, по камням, изредка мелькал красивый силуэт Chimarrhornis leucocephala; из других птичек мы наблюдали лишь белую плиску (Motacilla alba baicalensis) и розовую шевриду (Anthus rosaceus).

Экскурсируя в альпийской зоне выше 11.000 футов над морем, мы видели антилоп-ада (Procapra picticauda), а моему младшему сотруднику, Четыркину, удалось поймать, сачком для бабочек, интересного грызуна Eozapus setchuanus [1]), державшагося у мелких разрозненных скал, выступавших из луговой растительности.

Теперь с бо́льшей высоты отчетливо, контрастно вырисовывались северные и южные цепи гор. Взор невольно сосредоточивался на последних, за которыми предстояло сосредоточить дальнейшую деятельность экспедиции.

...Ясные тихие дни сменялись не менее прекрасными ночами. Сумерки в горах наступали быстро; еще быстрее спускалась на землю ночь. В немом одиночестве просиживал я бывало целыми часами, не замечая времени, забыв себя, и, отдавшись всецело созерцанию глубокого небесного свода, прислушивался к дыханию мировой жизни. Вверху, среди мириадов солнц и неведомых миров царит та же торжественная, тихая гармония, как и внизу, на земле. Монотонный шопот горного ручья не нарушает, а лишь способствует очарованию... Чем дольше всматриваешься в звезды, тем сильнее они притягивают к себе, и кажется, что взор уходит всё дальше, всё глубже в безконечность, открывая всё новые светила, выплывающие из темноты. В такие минуты всё существо проникается чувством великой тихой радости, рождаемой внутренним озарением... Ясно, как никогда сознаешь себя частицею этой вечной прекрасной беспредельной вселенной, где господствует высший, мудрый порядок и благая справедливость, не всегда, конечно, понятная человеку...

Обласканный девственной природой поздней ночью удаляешься спать, спеша забыться до утра, чтобы запастись силами и энергией для следующего перехода. Чуткое ухо в полусне улавливает голос дежурного, с зарею поднимающего лагерь... На минуту приоткрываешь глаза и взглянув на яркую

[1]) Этого грызуна, в количестве двух экземпляров, впервые добыл в Сычуани М. М. Березовский.

утреннюю планету Венеру, тихо смотрящую сквозь натянутое полотно палатки, получаешь представление о времени... Скоро и нам надо вставать!

Четырнадцатого августа, с соседней перевалу Шара-хотул вершины, наконец, открылась мягкая голубая водная гладь красавца Куку-нора, сливавшаяся на далеком западе с такими же ясными чистыми небесами. На юго-юго-западе, окаймляя озерной бассейн, теснились плоские горы, среди которых выделялась каменистая гряда с доминирующей вершиной Сэр-чим, посеребренной недавно выпавшим снегом. Выступая из-за луговых холмов, всё в том же полуденном направлении, гордо высился резкий в своих очертаниях Южно-кукунорский хребет, отливавший матовой белизной массивного снегового покрова. В дивно прозрачном воздухе стояла торжественная тишина, солнце пригревало ощутительно, по ярко синему фону неба, там и сям, носились царственные пернатые: гималайский гриф, гриф монах и бородатый ягнятник; последний нередко пролетал вблизи нас и давал возможность любоваться на свой плавный полет, величину и общую картину природы, которую он оживлял собою, без взмаха крыльев скользя по воздуху, вдоль гор...

Перевал Шара-хотул лежит на высоте 11.600 футов над уровнем моря; к северу от него вздымается высокая с осыпями вершина, именуемая тангутами На-маргэ, а на юге часть горизонта заслоняется горою Сор-гэ. Невдалеке, на господствующем увале, сложено молитвенное обо, где в виду голубых вод Куку-нора, в прежнее время, тангуты собирались для совершения богослужений. Сейчас молитвы богу — покровителю Куку-нора возносятся в новом, недавно построенном китайском храме, расположенном рядом с развалинами старинной цитадели. Во время движения нашего каравана через перевал, мы заметили большой туземный транспорт с продовольствием и домашней утварью, направлявшийся к вышеуказанной молельне. Из расспросов выяснилось, что туземцы готовились к приезду сининских властей, ежегодно паломничающих к священному озеру, во главе с своим бань-ши-да-чен'ом — цин-цай'ем.

Чем ближе экспедиция подходила к Куку-нору, тем чаще и чаще попадались навстречу тангутские караваны, нагруженные солью; кавалькады туземцев, под предводительством хо-

шунных начальников, также спешили на восток — встречать высоких гостей. Среди других важных тангутов выделялся своей гордой осанкой и красивой представительной наружностью некто Чамру — начальник аймака «Чамру», кочующего по юго-восточному побережью альпийского бассейна и прилегающим горам. Узнав от переводчика о следовании русской экспедиции, Чамру под'ехал ко мне с приветствием и заявил, что о нашем прибытии уже получена бумага, а потому нам будет оказано всякое содействие, почет и уважение.

По берегам многочисленных ручьев и речек, бежавших от южных гор к Куку-нору, теснились стойбища кочевников; при дороге мы часто видели яков, разрывавших своими мощными рогами мягкие земляные обрывы; поодаль паслись большие стада баранов.

За системой речки Ара-гол экспедиция вскоре вышла за пределы излюбленных туземцами кормных пастбищ и вновь свободно вздохнула навстречу голубому простору озера. Первая стоянка на юго-восточном берегу Куку-нора, в урочище Цунгу-цзэра, оставила неизгладимое по своей прелести впечатление. Здесь мы впервые подошли к самой воде темно-голубого необ'ятного «моря», как мы называли грозное бурливое озеро; здесь познали очарование его утренних и вечерних тонов и красок, и здесь научились понимать то ласковый, то злобный говор волн.

Глава XIII.

ОЗЕРО КУКУ-НОР.

Название озера и легенды о его происхождении. — Первое впечатление Н. М. Пржевальского при виде Куку-нора. — Общая характеристика озера. — Растительность его берегов. — Обилие рыбы. — Птицы и млекопитающие. — Куку-норские тангуты. — Путь экспедиции вдоль юго-восточного берега. — Предводитель аймака Чамру. — Урочище Урто; пробные плавания по Куку-нору. — Приезд геолога экспедиции. — Г.г. Чернов и Четыркин совершают плавание на Куйсу. Ночное знакомство с островом.

«Куку-нор» или «Голубое озеро», как говорят монголы, известно у тангутов под именем «Мцо-гумбум», а у китайцев — «Цин-хай» или «Синее море» — почитается у буддистов священным и издавно привлекало к себе внимание номадов, сложивших о нем не мало разнородных сказаний.

Одно из таких сказаний в описании своего путешествия приводит Н. М. Пржевальский [1]); теперь прибыв на Куку-нор, нам удалось услышать следующееe: «много, много лет тому назад, когда в долине Куку-нора жили одни лишь монголы, на месте нынешнего озера было два небольших пруда. Прибрежные жители очень небрежно относились к чистоте воды этих прудов, и постоянно грязнили ее. Дело дошло до того, что однажды некая женщина сходила за «легкой нуждой» прямо в воду (пруда). Тут уж хэй-чи-лун — водяной дракон не вытерпел: он вылез из своего подземелья и грозно поднялся над водой, которая хлынула из образовавшегося отверстия и затопила

[1]) «Монголія и страна тангутовъ». СПБ. 1875. Том I. Стр. 279 — 281.

окрестные берега на сотни верст кругом. Испуганные жители вместе с соседями китайцами начали молить бога покровителя плотников — Лу-бан-е, чтобы он защитил их. Лу-бан-е ответил, что прежде чем вступить в бой с водяным драконом, он должен попробовать свои силы, а для этого он обратился к трем корзинам, наполненным землею и повелел им вырости. И вот случилось небывалое чудо: земля мгновенно выросла выше уровня воды... Убедившись в своей мощи, Лу-бан-е повелительным голосом крикнул хэй-чи-луну, приказывая ему вернуться в свое подземелье. Дракон исчез, а Лу-бан-е перенес гору в озеро и заткнул ею отверстие, через которое вышел его разгневанный противник. С тех пор на месте маленьких прудов мы видим безбрежное, вечно бушующее озеро, а по середине его остров.

Побывавший на Куку-норе Futterer приводит иную легенду [1]).

Прошло более тридцати пяти лет с тех пор, как Н. М. Пржевальский впервые увидел Куку-нор и сказал: «Мечта моей жизни исполнилась! Заветная цель экспедиции была достигнута! То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже в осуществленный факт! Правда, такой успех был куплен

---

[1]) Буддийское население Куку-норской области приписывает озеру сверхестественное происхождение.

Когда-то, в весьма отдаленные времена, в Лхасе строился храм в честь Будды. Несмотря на всё свое старание, в течение долгих лет рабочие не могли докончить постройку, так как, по неизвестным причинам, кумирня, периодически разрушалась до самого основания...

Наконец, один из лам-прорицателей пояснил, что на дальнем востоке обитает святой, ведающий таинственную причину этого явления; чтобы воздвигнуть храм, — надо узнать его тайну...

Отправленный на поиски святого, лама путешествовал безрезультатно целый год, посещая поочередно все буддийские монастыри и священные города. Наконец, на границе Тибета с Китаем, в степи, он встретил скромного слепого старца, упомянувшего случайно в разговоре о знаменитом храме в Лхасе... «В том месте, где строится храм», сказал старец: «глубоко под землею, простирается обширное озеро. Этот водный бассейн, мешающий постройке храма исчезнет, а местность, где я живу будет затоплена водою», закончил убогий-святой, «но это случится только тогда, когда кто-либо из тибетских лам узнает о существовании озера»... Услыхав такое откровение, тибетский лама тотчас поспешил в родные края. В ту же ночь, на границе Китая с Тибетом, случилось землетрясение, послышался гул, и из-под земли ринулась потоком вода, заполнившая всю высокогорную долину... Увидя наводнение, Бог послал на землю большую чудесную птицу, которая при помощи Нань-шаньской скалы закрыла отверстие образованное водой и прекратила бедствие. Эта скала в виде горного острова видна еще и сейчас посередине озера Куку-нора. [Futterer. «Durch Asien». Kapitel VIII, seite 277].

ценою многих тяжких испытаний, но теперь все пережитые невзгоды были забыты и, в полном восторге, стояли мы с товарищем на берегу великого озера, любуясь на его чудные, темно-голубые волны» [1]).

Красивое альпийское озеро Куку-нор покоит свои воды в обширной степной котловине, окаймленной с севера и юга горными цепями, несущими дикий величавый характер, с двух же прочих сторон его замыкают горы или отроги второстепенного порядка — тем не менее озеро лежит на высоте трех верст над уровнем океана и представляет большой — до трехсотпятидесяти верст в окружности, довольно глубокий резервуар соленой влаги [2]). Берега его по большей части низкие песчано-галечные, изредка перерезаны мысами или обрывами, хорошо сохранившими прежний более высокий уровень озера. Остров Куйсу условно делит Куку-нор на две части; северную и южную, наиболее обследованную, а его меридиан — на западную и восточную. В южной части бассейна дно озера песчанистое, в середине переходящее в илистое, пологое, постепенно понижается к центру, образуя котловину с углубленным желобом, проходящим у южного подножья Куйсу, от которого дно озера падает гораздо круче, нежели от полуденного берега озера. Западная, более широкая, половина озера, по мнению Н. М. Пржевальского, в то же время и наиболее глубокая, тогда как восточная гораздо мельче; вблизи восточного берега, изобилующего сыпучим песком, возвышаются три песчаных острова; кроме того в этом же районе лежит небольшое озерко Хара-нор, некогда составлявшее с Куку-нором одно целое и отделенное от него лишь песчаной грядой. Эти обстоятельства дают повод предполагать, что господствующий западный ветер, принося с собою пыль и песок, способствует обмелению озера. Процесс обмеления тесно связан с постепенным уменьшением бассейна в размерах и выражается с достаточною ясностью при исследовании береговой озерной полосы и островов, которых на Куку-норе всего пять [3]).

---

[1]) «Монголія и страна тангутовъ». СПБ. 1875. Том I. Стр. 255.

[2]) Куку-нор покоит свои темно-голубые воды на 10.600 футах над морем, будучи расположен под 36° 39′ 11″ географической северной широты и 100° 13′ 0″ восточной долготы от меридиана Гринвича.

[3]) А именно: «Куйсу» или «Пуп», «Цаган-хада» или «Бело-скалистый» и три песчаных.

«Современное усыхание озера», говорит В. А. Обручев [1]), «доказывается существованием нижней террассы, не покрытой лёссом, и образованием кос и озерков, вытянутых вдоль береговой линии». Острова больше и больше выступают из воды, как увеличиваются или разростаются прибрежные кочковатые болота...

Причины такого обмеления альпийского озера заключаются в постоянном или почти постоянном засыпании песком и пылью и в малом количестве приточной воды, как справедливо заметил Н. М. Пржевальский [2]) «не возмещающей вполне убыль, производимую летним испарением на обширной площади всего бассейна». Замкнутый водоем принимает в себя около семидесяти [3]) данников, но из них только два — Бухайн-гол на западе и Харгэн-гол или Балема на севере можно считать значительными, остальные часто пересыхают и несут воды лишь в период дождей [4]).

Северо-кукунорский хребет или Ама-сургу расположен в значительном расстоянии от берега и дает место широкой степной равнине; с юга близко подходит Южно-кукунорский хребет, оставляя лишь узкую покатую луговую полосу, среди которой, при устье речки Ара-гол залегают три пресных озерка.

Солончаковая почва Кукунорских степей в связи с сухостью атмосферы и упорными западными бурями [5]) мало способствует развитию лесной и кустарниковой растительности.

Только по Бухайн-голу встречаются поросли балга-мото (Myricaria), да в песках восточного побережья можно видеть ель (Abies schrenkiana) и тополь (Populus przewalskii); в болотистых местах преобладает осока — обыкновенная (Carex) и тибетская (Kobresia thibetica), кроме того — лютик (Ranunculus), подорожник (Plantago); красиво пестрят на изумрудной зелени: розовый первоцвет (Primula sibirica), белый касатик (Iris ensata), малиновый Orchis salina, белый и желтый мытники

---

[1]) Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань. Том II, стр. 106.

[2]) «Третье путешествіе в Центральной Азіи». Стр. 317.

[3]) Это количество определяют туземцы; Н. М. Пржевальский отмечает лишь двадцать три, заслуживающих внимания притока.

[4]) Пржевальскій. «Четвертое путешествіе в Центральной Азіи». Стр. 125.

[5]) Озерная котловина вообще благоприятствует развитию ветров, падающих то с северного, то с южного хребта или сильно дующих от западной части горизонта.

(Pedicularis cheilantifolia. P. chinensis); на более же топких местах, по озерам, ростут: водяная сосенка (Hippuris vulgaris), водяной лютик (Ranunculus aquaticus) и пузырчатка (Utricularia vulgaris); а во влажных впадинах — известная по всей тангутской и отчасти тибетской стране джума или гусиная лапка (Potentilla anserina), корни которой, как известно, служат лакомым блюдом номадов. На самом озере, по дну его, нет почти никакой зелени, кроме водоросли — Conferva. Всё остальное пространство привольной равнины покрыто степной травою; здесь, в зависимости от почвы, то лёссовой, глинистой, то песчаной, пышно произростают дэрэсун (Lasiagrostis splendens), ковыль (Stipa orientalis), лук (Allium), мышьяк (Thermopsis lanceolata) и пр. На старых стойбищных местах прекрасно привились лебеда (Chenopodium botrys) и шампиньоны, составлявшие наше постоянное лакомство.

Прозрачные чистые воды Куку-нора, совершéнно не пригодные для питья, вследствие присутствия в них минеральных солей, ютят в своих недрах большое количество рыбы, принадлежащей однако только к одному роду — Schizopygopsis, подразделяющемуся на три вида: Schizopypopsis przewalskii, Sch. leptocephalus, Sch. gracilis.

В свободные часы, члены экспедиции с увлечением занимались рыбной ловлей, добывая иногда небольшим неводом, при устьях речек, сразу до стапятидесяти экземпляров, весом в три-пять фунтов каждый.

Такое обилие рыбы привлекает к озеру орланов (Haliaëtus albicilla, H. leucoryphus), чаек (Larus ichthyaëtus, L. brunneicephalus) и бакланов (Phalacrocolax carbo). Орланы, обыкновенно, подолгу просиживают по обрывам берегов в наблюдательных позах. Заметив добычу, старый долгохвост, которых особенно много по Куку-нору, тотчас бросается и схватывает ее, издавая своеобразный клёкот, призывающий молодых на пир. Слетевшись вместе, пернатая семья с удивительной быстротой с'едает любую рыбу. Чайки так же, как и крачки мартышки (Sterna hirundo) никогда не упускают случая, во время ссоры орланов [1]), стянуть что-нибудь с их вкусного стола.

---

[1]) При ссорах орлана белохвоста — с орланом долгохвостом победителем почти всегда остается первый.

По берегам Куку-нора в птичьем мире наблюдалось вообще большое оживление; по долине часто проносились орлы (Aquila bifasciata, A. clanga), сарычи (Archibuteo aquilinus), сокола (Gennaia milvipes, Tinnunculus tinnunculus), коршуны и черные вороны. Высоко, в синем небе, кружились царственные грифы. Над водою, вдоль берега, часто сновали серые или индийские гуси (Anser anser, Eulabeia indica), утки разных видов, турпаны (Casarca casarca), пеганки (Tadorna tadorná) и крохали. По прибрежным равнинам держались рогатые и полевые жаворонки (Otocorys elwesi elwesi, Alauda arvensis arvensis, Calandrella brachydactyla dukhunensis), земляные вьюрки, (Onychospiza taczanowskii, Pyrgilauda ruficofis, P. branfordi, P. davidiana); по дэрэсуну, можно изредка вспугнуть Pterocorus mongolica, а по влажным кочкам — большого тибетского жаворонка (Melanocoryphoides maxima), ютящегося здесь парами или даже целыми компаниями...

Кое-где, в большем или меньшем отдалении от берегов озера, можно встретить черношейного журавля (Grus nigricollis) и больдуруков (Syrrhaptes paradoxus, S. thibetanus), выдающих себя своими оригинальными голосами. Около нашего бивака доверчиво пробегали соечки (Pseudopodoces humilis), а к ближайшему ручью, помимо мелких куличков, прилетали варакушки, соловьи-красношейки, плиски и немногие другие...

Привольные кукунорские степи имеют довольно многочисленное дикое население; здесь водятся волки, лисицы, корсаки (Canis eckloni), хорьки и рыжие Mustella, охотно уничтожающие во множестве водящихся на Куку-норе, пищух (Lagomys melanostomus). Местами, берега озера и прилежащие к ним поляны сплошь изрыты норами тарабаганов (Arctomys robustus), а из наименее крупных грызунов — зайцы (Lepus oiostolus). По болотам и старым стойбищам бродят кабаны, приходящие сюда с юга... Но самыми симпатичными обитателями при озерных равнин все-таки остаются антилопы — Gazella przewalskii, пасущиеся на просторе большими стадами — от двухсот до трехсот и более особей и антилопы — ада (Gazella picticauda), кочующие преимущественно по окрестным холмам. За антилопами Пржевальского мы охотились неоднократно — к сожалению безуспешно. Эти животные слишком напуганы местными охотниками, а

потому держатся чрезвычайно строго. Кроме антилоп на Кукунорских равнинах периодически появляются табуны хуланов (Asinus kiang).

Сбор насекомых на Куку-норе был сравнительно беден. На богатых лугах юго-восточного прибрежья озера найдены шмели (Bombus waltoni, var. kozloviellus nov., B. difficillimus, sp. n.), а из клопов — Stenocephala sp., Alydus calcaratus, и только.

Представляя значительные удобства для диких животных и птиц, степи Куку-нора являют собою не мало привлекательного и для человека. Нетребовательный номад ценит в описываемых степях главным образом прекрасные пастбища, высокое положение их над морем, обусловливающее отсутствие летних жаров и докучливых насекомых и наконец здешнюю безснежную зиму. Таким образом приветливый Куку-нор издавна служит предметом раздора кочевников — монголов с севера и тангутов с юга... Слабые духом монголы должны были уступить энергичным тангутам — и уступили.

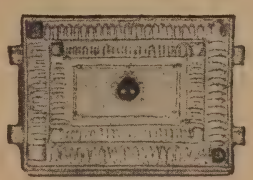
Тангуты, вообще говоря, весьма воинственное племя, склонное к грабежам, насилиям и разбоям. Китайцы смотрят на гордых тибетцев свысока и недружелюбно, рассказывая о их происхождении довольно оригинальную легенду.

Когда-то, в очень отдаленные времена, одна из дочерей китайского императора бежала из дворца в сопровождении одного только верного друга-собаки, и остановилась на отдых в Южно-кукунорских горах. На царевне или принцессе было черное платье, при чем чун-цза — юбка у кушака была обшита белой каймой. Прикрепив широкий конец юбки к земле, а узкий с белой каймой к деревянному остову на верху, она устроила небольшую палатку, где и поселилась вместе с преданной ей собакой. Вскоре у царевны родилось шесть сыновей и семь дочерей, которые и были впоследствии родоначальниками племени тангутов.

«Немудрено, что тангуты обладают каким то особенным, именно собачьим здоровьем», заключают китайцы; «они наедятся жирного мяса, потом разлягутся прямо на голой сырой земле и ничего им не делается, никакая болезнь их не берет».

За последние годы китайцы и тангуты стали гораздо терпимее относиться друг к другу. Живя по соседству, китайцы понемногу научились тангутскому языку и некоторым обычаям: теперь уже не редки случаи брачных союзов между молодежью обоих народностей, но на такие браки сами китайцы смотрят неодобрительно, говоря, что подобный союз не может дать честной хозяйственной семьи. Нельзя не признать, что обыкновенно так и бывает: от отца китайца и матери тангутки ребенок преимущественно наследует воровские и разбойничьи наклонности последней и почти совсем не способен к спокойной трудолюбивой жизни.

Говоря вообще, девочки-тангутки воспитываются очень свободно и рано начинают жить своей личной жизнью. В одиннадцать-двенадцать лет дочери еще не принимают участия в заботах матери по хозяйству; они встают довольно поздно, садятся за готовый уже чай и потом уходят на целый день в степь, пасти баранов. Там они вполне предоставлены самим себе и вместе с другими детьми могут вдоволь резвиться и проводить время самым беззаботным образом. В четырнадцать-пятнадцать лет девочки становятся уже настоящими помощницами матери, на обязанности которой лежит вся домашняя работа, за исключением шитья, которым занимаются мужчины; женщины встают на рассвете, разводят огонь, на огне разогревают масло, которым вытирают себе лицо и руки, так как мыться до-чиста водою считается зазорным, и женщину, позволившую такую роскошь осмеивают, говоря, что она своим белым лицом приманивает мужчин. Затем, девушка — си-ма заваривает чай, доит коров и наконец отправляется со стадом в поле, где обычно и происходят все несложные романы этих детей природы.



Га-у (Куку-нор).

Первый период любви проходит конечно в тайне, незаметно для всего аймака.

Молодой парень — си-ли, если он хороший стрелок, лихой наездник, энергичный умелый оратор и наконец ловкий вор-грабитель, но при этом даже очень бедный человек, имеет все шансы на то, чтобы понравиться любой тангутке. Знакомство начинается с того, что юноша, подойдя к приглянувшейся ему

девушке, бросает в нее, как бы невзначай бараньим аргалом [1]) — ры-мо. Если девушка не отвечает взаимной симпатией, она делает вид, что не замечает ничего происшедшего; если же наоборот она хочет поощрить заигрывание, она поднимает аргал и в свою очередь бросает им в парня. Этот знак благосклонного внимания восторженно принимается молодым тангутом, который тотчас подбегает к своей возлюбленной и целует ее.

Первым подарком со стороны жениха является кольцо, а со стороны невесты — вышитый шелком кисет для табаку.

Га-у (Куку-нор).

Через несколько дней после первой встречи, о новом знакомстве узнают родители молодых людей, и тогда начинается сватовство.

Отец жениха — су-ма-му-ха, с согласия последнего, посылает в дом невесты — на-ма-су-ма двух стариков, на обязанности которых лежит подготовить почву для свадьбы и узнать размер выкупа за невесту. Иногда посланные возвращаются назад ни с чем, и тогда их командируют всё с той же целью по два и по три раза.

Прием сватов обставлен довольно торжественно: в назначенное время родственники невесты выходят встречать желанных гостей и, пригласив их в палатку, просят садиться на самое почётное место — справа от очага. Остальные приглашенные распределяются по обычаю — женщины налево, мужчины — направо. Гостям предлагается угощение, состоящее из целого бараньего задка [2]). Вынув собственные ножи, носимые

---

[1]) Аргал — сухой помет, служащий у кочевников Центральной Азии топливом.
[2]) Самой мясистой и наиболее вкусной части бараньей туши.

всегда при себе, все без дальнейших церемоний приступают к трапезе, и тут же за обедом решается вопрос о выкупе или калыме.

После от'езда сватов, невеста, которая на время торжества удалялась из дому, возвращается к себе и с помощью своих родителей мастерит себе особую высокую лисью шапку, с верхом, украшенным шелковыми кистями.

Теперь она уже оффициально считается помолвленной, и, надев свой головной убор, едет со своими подругами прощаться с родными и друзьями. Эти визиты продолжаются три дня, в течение которых в доме жениха и невесты ламы почти непрерывно читают молитвы.

В условленный день, отец, мать жениха и несколько соседей приезжают за невестой, которую в свою очередь идут провожать свахи и подружки.

В палатке жениха, девушку ждет угощение, после которого сваха начинает заплетать ей косы, незаметно вплетая в волосы, кроме девичьих маленьких белых раковинок, еще четыре женских больших раковины. После этого обряда, на котором присутствуют только подружки невесты, девушки раз'езжаются по домам, а всем прочим гостям, приехавшим с подарками поздравлять молодых, предлагается обед, где главную роль, как всегда, играет мясо барана, его лучшая задняя часть. Один из почетных гостей обходит всех присутствующих с угощением и дает каждому по бутылке-фляжке особого напитка — «асаншины»[1]), который все тотчас принимаются уничтожать, прикладывая горлышко прямо ко рту.

После обеда, гости обоих сторон садятся на коней и устраивают примерные скачки, хвастаясь резвостью своих степных бегунов.

Так незаметно проходит день и наступает вечер; прибывшие из-далека гости остаются ночевать у жениха, а близкие соседи уходят к себе. Молодая ложится спать в общей палатке, вблизи входа, а жених ночует на открытом воздухе и стережет лошадей.

Глубокой ночью, когда всё в окрестности затихнет, жених осторожно подкрадывается к заветной палатке и, постучав не-

---

[1]) Асан-шины — нечто в роде водки.

сколько раз, приподымает полог; невеста, ждавшая условного знака, ползком, не вставая пробирается среди спящих и выходит на двор... На рассвете молодые расходятся и девушка так же незаметно возвращается в палатку. Утром, жених и невеста идут в кумирню и, взявшись за руки, становятся на колени перед ламой, который благословляет их священной книгой и, сказав несколько напутственных слов, отпускает мужа и жену с миром [1]).

Во время беременности к молодой женщине все относятся очень внимательно. Старший в семье, авторитет которого она признает, не позволяет ей ездить верхом, а за несколько недель до рождения ребенка предостерегает ее от всякой опасности и между прочим просит не подходить близко к озеру или реке. По тангутским приметам от воды может легко приключиться какое-нибудь несчастье: женщина может увидеть в глубине воды, что-либо страшное, а испуг в такое время влечет за собою болезнь.

Во время родов всегда присутствует старуха-повитуха—галму, а если роды очень тяжелы, то приглашается еще лама, который, глядя на воду, творит приличествующие, в данном случае, молитвы, и обмывает больной ладони рук и ноги. Галму принимает новорожденного в свои руки, обмывает его теплой водой и в зимнее время завертывает в овчину. Если у матери нет молока, младенца—ся-ги вскармливают на кислом коровьем молоке; вечером ребенка заворачивают в овчину и подкладывают под ножки маленький кожанный чехол с пеплом, куда он и отправляет свои нужды.

На пятый, пятнадцатый, а иногда и двадцатый день новорожденному дают имя. При этом старые почетные родственники со стороны отца или матери дают ему одно имя, присутствующий здесь лама дает другое, и наконец третье имя дается малютке отцом и матерью. Знакомые и соседи приходят поздравлять счастливую семью, и приносят различные подарки—кто баранье мясо, кто кусок материи, так как с пустыми руками приходить не полагается.

Если родился мальчик, то его уже на пятом или шестом году учат верховой езде и посылают в степь пасти скот. В че-

[1]) О свадьбе у кукунорских тангутов, см. также в моей «Монголіи и Камъ». Т. I, часть первая, стр. 170 — 172.

тырнадцать—пятнадцать лет отец дарит сыну шашку—шанлон, пику—нын-дун и ружье—бу.

Как у бедных, так и у богатых тангутов часто случается, что ребенок рождается до свадьбы; тогда родители молодой берут младенца к себе, нисколько не гнушаются им, а наоборот с радостью оповещают о таком событии весь аймак, говоря: «мы разбогатели—ву-цу-рэ, Бог дал нам внука—нор-дюша-чи или внучку»... Если девушка впоследствии выходит замуж за отца ребенка, то она естественно берет малютку к себе, если же она сходится с кем-нибудь другим, дедушка с бабушкой не расстаются с внуком, а воспитывают его, как свое дитя.

Кукунорские тангуты не очень долговечны — редкий из них доживает до семидесятипяти-восьмидесяти лет. Предчувствуя скорую кончину—ши-сун, старый глава дома заблаговременно приступает к дележу своего имущества между оставшимися детьми, причем наделяет всех поровну. Затем, он выбирает из стада самого хорошего, любимого быка и завещает, чтобы именно это животное несло его прах после смерти.

Тангуты связывают труп покойника ремнями: продевают один из ремней под шею, а другой под колени, и притягивают ноги к голове, сгибая их насколько возможно; вслед за этим близкие оповещают соседей о случившемся, и вот к праху усопшего сбегается почти весь аймак. Каждый тангут несет в руках небольшой кусок белой ткани — цан-да-га, которую он бережно кладет на труп. Мертвое тело понемногу совершенно утопает в белых покровах и тогда родные ликуют, потому что подобное явление считается хорошим предзнаменованием. По окончании своеобразного обряда, тангуты продевают сквозь ремни покойника палку и выносят его на двор, где труп завьючивается на быка и везется в горы, на с'едение хищным птицам.

При всей этой церемонии неизменно присутствуют ламы, которые помолясь и справившись по книгам указывают: в какой день и в каком месте следует бросить покойника; сами-же священнослужители не провожают его к месту последнего упокоения, а получив известную мзду—смотря по достатку семьи умершего: одного или нескольких баранов — удаляются восвояси...

После похорон устраиваются поминки — чу-дой-гок, которые повторяются ежегодно, втечение первых двух-трех лет, в день смерти покойного.

После некоторого отступления, вернемся к прерванному рассказу о самом путешествии.

Втечение двух-трех дней экспедиция следовала вдоль берегов Куку-нора, наслаждаясь красотою этого озера. 15 августа был, помнится, один из немногих очаровательных вечеров. Солнце, совершив свой дневной путь, склонилось к горизонту, отдавая одну часть лучей горам, другую же разливая по видимому нам небосклону, картинно отражавшемуся в зеркальном лоне вод. Прозрачные тонко-перистые облачка, словно золотистые кружева, тихо-стройно неслись к югу. Там, в горах, стояла полная тишина, успокоившая и Куку-нор: он уже больше не бушевал, не стучал грозно о берег, а лишь только тихо шептался с ним... Грандиозный масштаб озера, его убегающая за горизонт поверхность, окраска и соленость воды, глубина, высокие волны и по временам могучий прибой — скорее дают понятие о море, нежели об озере.

Купанье в Куку-норе превосходное: мы купались ежедневно по нескольку раз; температура обычно держалась пятнадцать-шестнадцать градусов. Легкость держаться на воде давала возможность отдаляться на порядочное расстояние в открытое море, а затем, отдавшись воле волн, вновь приблизиться к берегу. Прозрачность воды так велика, что песчаное дно и плавающие над ним рыбы отлично видны на значительной двух-трехсаженной глубине озера.

На следующий день, чуть забрезжила на востоке заря, наш лагерь пробудился. Гора Сэр-чим еще спала, окутанная ночными сумраками; на ней ввиде покрывала лежала слоисто-кучевая тучка, вытянувшаяся вдоль гребня. Со стороны озера гоготали гуси, кричали и свистели на разные лады кулики, издавали клекот орланы; на мокрых лугах проснулись жаворонки и начали с песней подниматься в высь. Караван уже шагал по мягкой проторенной дороге. Через час пронесся первый резкий порыв ветра, вскоре второй, третий... Куку-нор нахмурил брови.

Мы следовали южным берегом. С лугового откоса открывалось еще бо́льшее пространство лазоревой поверхности, по-

прежнему скрывавшейся за горизонт. Наконец показался и остров Куйсу [1])—предмет наших самых заветных мечтаний и многих глубоких дум. Словно гигантский военный корабль, он гордо выступал из темно-синих волн Куку-нора и манил к себе своею неизвестностью. В ясное прозрачное состояние воздуха, в астрономическую трубу легко различались детали острова: ви-

Лагерь экспедиции на берегу Куку-нора.

ден был гребень высоты, обо и кумирня монахов-отшельников. См. рисунок на стр. 353.

17 августа караван экспедиции расположился лагерем в ближайшем со стороны южного берега к Куйсу урочище Урто, где пробыл около трех недель, пользуясь привольем и простором кочевников, отстоявших от нас верст на пять и более. Небольшая группа черных тангутских шатров обращала на себя внимание изолированностью и зловещим молчанием. Соседей не было на много верст кругом. По расспросным сведениям удалось выяснить, что это маленькое, как бы покинутое стойбище ютило больных скарлатиною номадов. Смертность среди несчастных была большая, и помощи ждать неоткуда. Родные

[1]) Или «Цхо-ртигэ-жэ», как его называют тангуты.

и знакомые не нашли ничего лучшего как бросить больных на произвол судьбы, а самим откочевать подальше, спасаясь от заразы.

Общая картина стоянки на Куку-норе была такова: к северу, в трех-четвертях версты залегал самый Куку-нор, к югу, в шести-семи верстах, тянулись горы — западное крыло Сэрчима. От гор стремилась речка, пересекавшая слегка покатую к озеру долину, образуя вблизи берегового, предпоследнего к Куку-нору вала второстепенный или частный замкнутый озеровидный бассейн, до двух верст в окружности. На этой речке на возвышении третьего берегового вала, сливающегося с материковой равниной, мы и имели свой лагерь, откуда открывались широкие виды во все стороны. Быстрая прозрачная реченка оживляла наш бивак, капризно опоясывая его с трех сторон. В маленьких омуточках мы с успехом ловили удочками и сачками рыбешку... [1]) На речку, а еще более на соседнее озерко постоянно прилетали гуси, утки, турпаны, крачки; по песчаному берегу самого озера, большими или меньшими обществами, усаживались бакланы, чайки и одиночками, в виде темных точек, прежние орланы.

21 августа экспедицию посетили гости — ламы, следовавшие в свою походную кумирню — Энчжи-гомба, в северные отпрыски Южно-кукунорских гор. Эта кумирня помещалась в юрте и насчитывала до двадцати человек монахов. Расспрашивая гостей о таинственном Куйсу и слушая вместе с ними грамофон, мы незаметно провели очень приятный вечер.

Обитатели Чамруского хошуна всё больше и больше осваивались с нами. Я всё время поджидал к себе самого Чамру — начальника аймака, но повидимому напрасно. Он был занят приемом цин-цай'я, а кроме того, предстоял еще судебный процесс двух хошунов — Чамру и Гоми, требовавший его обязательного присутствия.

Недоразумение соседей заключалось в следующем:

Аймак-Гоми, простираясь своими границами за монастырь Гумбум, имеет превосходные пастбища вдоль «синингских альп»; тангуты этого хошуна полуоседлые и в годы хорошего урожая на хлеба и травы не всегда имеют возможность целиком ис-

---

[1]) Принадлежащую к роду Diplophysa.

пользовать принадлежащие им корма. В начале летнего сезона 1908 года, чамрусцы вторглись в соседние владения с своими банагами - жилищами и скотом, и стали довольствовать последний на чужих пастбищах. Проведав о случившемся, гомисцы собрались сотенным вооруженным отрядом, атаковали непрошенных гостей и вскоре оттеснили их к берегам Куку-нора. Однако оправившись и пополнив ряды, чамрусцы дружно ринулись вперед—завязалось настоящее сражение, длившееся несколько дней с переменным успехом. Тогда предводитель Чамру придумал военную хитрость — решил обмануть противника и демонстративно выставил у северо-западного предгорья Сэрчима палатки своих подчиненных. Гомисцы поддались обману: направили в сторону пустых палаток своих воинов, а чамрусцы тем временем неожиданным ударом с фланга разбили противника...

Теперь, с приездом цин-цай'я на Куку-нор, предстояло разбирательство всего дела.

Вторая неприятность, постигшая гордого Чамру—была болезнь его сына. Молодой человек обвинил своего родственника в краже отцовской лошади и при всех пристыдил его за неблаговидный поступок. Разсерженный вор, в порыве злобы схватил ружье и ранил собеседника в ногу... По словам окружающих, больной сильно страдал, нуждаясь в медицинской помощи.

... С приходом на Куку-нор, мы достали из вьюков свою складную брезентную лодку и, бережно собрав ее, начали производить пробные плавания, отдаляясь от берега до двухпяти верст и более. Плавание производилось во всякую погоду: в бурное и в тихое состояние Куку-нора. В общем, пробные плавания дали удовлетворительный результат. Лодка качалась на волнах словно поплавок, слушалась весел и довольно ходко подвигалась в желаемом направлении — это ее положительные качества, к отрицательным-же, в частности, можно было отнести следующее: непрочность весел, которые в местах уключин с первых дней плавания начали мочалиться, сами уключины сидели неустойчиво, борты широко расходились, отчего высокая волна постоянно хлестала и заливала на дно лодки; словом пришлось порядочно поработать прежде, нежели наше суденышко стало внушать к себе хоть маленькое доверие при мы-

сли о попытке сплавать на Куйсу... Деревянный ромбовидный пояс, наложенный по бортам, основательно скрепил всю лодку и крепко зажал уключины; весла же были снабжены кожанными накладками.

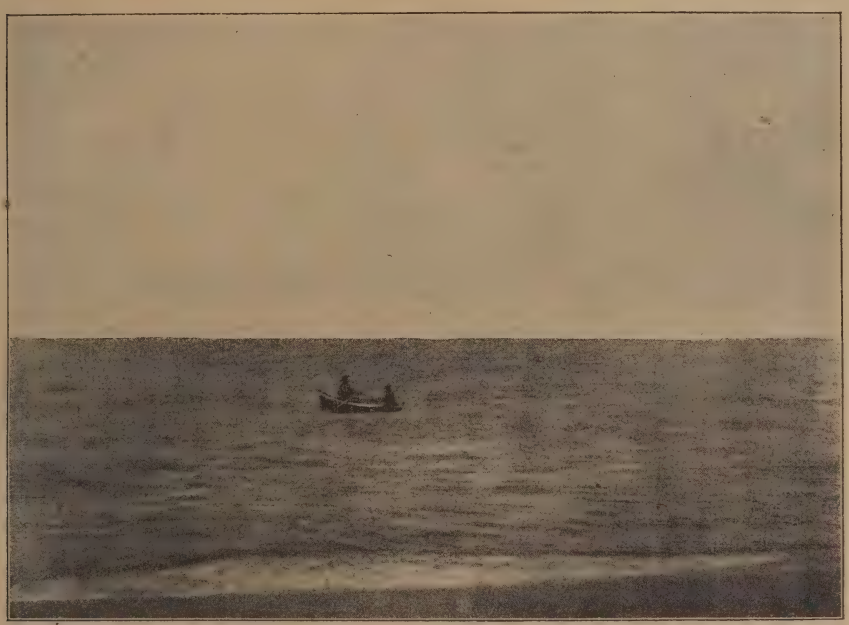
Испытав лодку, надо было позаботиться о продовольственном снаряжении — еде и питье, о приспособлении измерительных и других инструментов, а также выяснить вопрос и о составе участников плавания. Точкой отправления предполагалось назначить безымянное урочище, отстоящее от Урто'ского лагеря в семи верстах к западу и в четырех верстах от берегового «обо», служащего указателем пути для паломников-номадов, имеющих сообщение с Куйсу зимою, по льду. Таким образом среди интересных занятий незаметно промелькнула первая неделя пребывания на Куку-норе.

Возвращаясь, однажды, с небольшой экскурсии вдоль западного берега озера, я заметил на биваке большое оживление... оказывается возвратился из западного бокового раз'езда геолог экспедиции А. А. Чернов, прошедший около восьмисот пятидесяти верст... Из Дын-юань-ина г. Чернов вначале взял западно-северо-западный курс, вскоре изменив его на юго-западный, коим и достиг оазиса Сого-хото; далее, геолог экспедиции двигался в полуденном направлении, вверх по речке, пока не достиг Лян-чжоу, где имел недельную остановку, в целях приискания новых подвод и проводников на дальнейший путь поперек Нань-шаня. От Лян-чжоу до Датунга А. А. Чернов исследовал новый, никем из европейцев не посещенный район, в котором ему удалось открыть несколько ледников, защемленных ущельями северного склона на высшей цепи Нань-шаня. Далее Датунга, интересную юго-западную диагональ, с выходом в долину Куку-нора, геологу проложить не удалось, главным образом из-за подводчиков, сильно трусивших куконорских тангутов. А. А. Чернов свернул на Му-бай-шин, Донгэр, а затем по караванной дороге проследовал на соединение с экспедицией.

Первые дни, по возвращении на главный бивак, геолог приводил в порядок свои наблюдения и сборы. Нас же, по-прежнему, занимал Куку-нор, его капризный нрав и переменчивое состояние его поверхности, которая не всегда и не везде была одинакова. Так, например, юго-восточный залив Куку-нора

тих, спокоен, отливает прелестным лазурным оттенком небес, тогда как северный район озера уже порядком колышется изумрудными волнами; в то же самое время, с северо-запада бегут темные высокие валы, украшенные барашками. Из тихого в бурное состояние Куку-нор переходит сравнительно очень скоро, и наоборот долгое время не успокаивается после более или менее серьезного шторма.

Тих ли, взволнован ли Куку-нор всегда он величественно прекрасен. Часами я просиживал на его берегу или далеко ухо-



Наше плавание по Куку-нору.

дил вверх или вниз от бивака, никогда не уставая смотреть на его безконечный водный горизонт, как одинаково не уставал и слушать его монотонный прибой, напоминавший мне южный берег Крыма.

В первую очередь плавания на Куйсу, я назначил самого себя и урядника Полютова. Каждый из нас понимал, что предстояло не мало трудностей и тяжких испытаний, а может быть и жестокой борьбы за жизнь... Нужно было приготовиться ко всему. Первый раз в жизни я составил завещание, при чем труднее всего мне было мыслить о будущем, о судьбе моего самого дорогого сокровища — экспедиции...

... К вечеру 28 августа все было готово и мы с Полютовым перекочевали к точке отправления. Куку-нор успокаивался, солнце скрылось за чистый, прозрачный горизонт; барометр стоял хорошо. Сумерки легли на землю. Едва потухла солнечная заря на западе, как на востоке всплыла луна, чудно озарившая всю видимую поверхность Куку-нора. Досадовал я на себя, что не приготовился к отплытию на Куйсу днем раньше, чтобы воспользоваться сегодняшним состоянием погоды.

Вдоволь нагулявшись по берегу и надышавшись «морской» прохладой, я отправился в палатку, чтобы уснуть... море также дремало. Моряки кажется справедливо не любят подобного затишья, замечая, что оно часто бывает зловеще...

В два часа ночи меня разбудил Куку-нор, со страшной силой ударявший о берег тяжелыми волнами... К рассвету, ко времени нашего предполагавшегося отплытия, он рассвирепел еще больше. Пришлось смириться и ждать у моря погоды. К полдню начало было стихать, и мы несколько раз пытались отчалить от берега, но напрасно — девятый или двенадцатый вал сердито выбрасывал нас обратно, на берег.

Возвратившись на главный бивак, я предложил моим сотрудникам гг. Чернову и Четыркину перебраться к точке отправления и терпеливо выжидать лучшего состояния Куку-нора. Они были счастливее меня... Им удалось осуществить нашу общую заветную мечту — проникнуть взором исследователя в самое сердце альпийского озера...

Расставаясь с А. А. Черновым я прочел на его озабоченном лице ясное выражение того, что на ходу прошептал его голос... «в случае... полагаюсь на вас»...

Предоставляю моему товарищу рассказать о его интересном плавании на Куйсу.

«Лишь только лодка была предоставлена в наше распоряжение», говорит А. А. Чернов [1]), «мы, в сопровождении гренадера Демиденко и китайца-солдата, перебрались к тому пункту берега, где она находилась, — верстах в семи от стоянки экспедиции. Здесь вечером, 30 августа, были сделаны последние приготовления к поездке. Мы совершили пробное плаванье

---

[1]) «ЗемлевѢдѢние». 1910 г. Книжка I, стр. 28—44; кн. II, стр. 18—34.

для испытания лодки и взятого с собой глубомера Беллок, малого размера. Лодка оказалась легкой и подвижной, но вместимость ее была столь мала, что при езде мы мешали друг другу и нельзя было помогать кормовым веслом. Пришлось строго обдумать свое снаряжение. К сожалению, мы не могли определенно узнать, есть ли на острове люди. Местные тангуты говорили, что минувшей зимой, по слухам, на Куйсу жили два монаха, но остались ли отшельники на лето, они не знали. Наше снаряжение могло быть более легким, если бы мы были уверены, что найдем на острове монахов. В этом случае можно было бы не брать с собой с'естных припасов.

«После солнечного заката, совместными усилиями были напечены лепешки и сварено мясо в дорогу. Лепешки вышли неудачными: масло было горькое, аргал сырой, и мы не могли пропечь их. Впрочем, нас занимал более серьезный вопрос — определение времени отплытия. Хотелось выбрать для этого наиболее благоприятный момент.

«Наблюдая изо дня в день за озером, можно было убедиться в его непрестанном волнении. Только двадцать восьмого августа простоял относительно тихий день и к вечеру установилась мелкая рябь. Погода изменялась обыкновенно после полудня, иногда с полуночи. Громадная котловина, вмещавшая в себе озеро, благоприятствовала развитию ветров, падавших то с северного, то с южного хребта, ограничивающих котловину. С налетевшим ветром одновременно появлялось и волнение. Быстрому развитию последнего, повидимому, способствовало незначительное давление воздушного столба, находившегося над высоко расположенным озером. Кроме того дождливое время года посылало облака за облаками. Приходилось более всего остерегаться внезапно появлявшихся тучек, приносивших с собою обыкновенно более или менее сильный ветер.

«Мы решили ехать или с полуночи, или с полудня, сообразуясь с анероидом. Если бы в начале поездки погода изменилась к худшему, то мы могли еще повернуть обратно и ждать более благоприятного момента.

«В день нашего приезда к берегу, вечер стоял тихий. Анероид, упав днем, повышался. Шум прибоя едва доносился

до бивака, отделенного от озера лагуной. Казалось, ночью можно будет пуститься в путь.

«Но вот на севере стали вспыхивать молнии, далеко за Куку-нором. Они первые смутили нас. Взошла луна, на которую мы возлагали отчасти наши надежды, так как было полнолуние и короткий день благодаря ее свету значительно удлинялся.

«Вскоре из-за Южно-кукунорского хребта выбежали барашки и закрыли луну. С гор потянул ветер. Наша надежда на ночное плавание стала бледнеть.

«Мы прилегли, но сон был чуток: мы постоянно вскакивали, прислушиваясь к малейшей перемене погоды и состоянию озера. С полуночи шум усилился. Можно было различить прибой мелкой волны, приближавшейся с востока. Мы упали духом, и решили отложить поездку.

«С двух-трех часов ночи до восьми-девяти утра шел дождь с небольшими промежутками. Утром озеро сильно волновалось, но белых гребней почти не было. На востоке одно время на его краю выделялась изумрудно-зеленая полоса.

«К полудню перемены в волнении не было, и мы решили выехать. Наскоро собрали свой багаж и уселись в лодку. В ней оказалось так тесно, что пришлось отказаться от морской буссоли, которую хотели было взять с собою на всякий случай. Мы мешали друг другу своими ногами, между которыми был помещен узкий и длинный деревянный ящичек с припасами. Глубомер был поставлен на ящик, а сбоку положили резиновый мешок с ведерным запасом чаю. Этот мешок мешал нам более всего, особенно гребцу, и кренил лодку. Однако оставить его не решились из боязни, что не найдем воды на острове. Из верхней одежды мы взяли только по теплой куртке. По настоянию товарища захватили также брезент, чтобы несколько защитить носовую часть лодки от большой волны.

«В час пятнадцать минут мы оставили берег при легком северо-северо-восточном ветре. Небо было покрыто на три четверти облаками. Быстро удалялся от нас берег и уменьшалась фигура стоящего на нем Демиденко.

«Через час анероид упал уже на полтора деления, но мы решили продолжать путь, в надежде добраться до острова еще до перемены погоды.

«Сначала остров имел вид трапеции и только через полтора-два часа езды он принял тот вид, какой имел и с берега: на трапеции довольно ясно выступил бугор конической формы.

«В четыре с половиною часа мы сделали первый промер глубины, показавший тридцать один метр. Лот принес со дна ил светло-пепельного цвета. Из торопливости мы не стали измерять температуры воды на дне, хотя и имели с собой термометр. Несмотря на продолжающееся падение анероида, мы решили плыть вперед: пришлось в последний раз обдумать свое положение, так как, по нашим расчетам, мы были уже около средины пути. Островок как будто еще не вырос в своих размерах, но выступил яснее. Он принял коричневый цвет с белым пятном в одном месте. У берегов обрисовались крутые скалы.

«Между тем с левой стороны от нас по западному горизонту протянулась туча, за которой и стало скрываться солнце. В пять часов среди этой тучи видно было четырехцветное радужное пятно. Невольно наши взоры постоянно обращались в эту сторону, тогда как, в действительности, испытание готовилось с другой стороны.

«В пять с половиною часов глубина и состав дна оказались прежними. На вершине острова ясно обрисовался целый ряд „обо". Однообразие нашего плавания нарушалось изредка плеском крупной рыбы: она долго держалась вблизи поверхности воды, так что ее можно было видеть. Один раз кругом нас облетел баклан, другой — села на воду чайка.

«Солнце совершенно скрылось в туче, стали быстро надвигаться сумерки. Вдоль восточного берега Куку-нора протянулась другая туча, в форме узкой и длинной ленты. Но в то время как первая проходила далеко стороной, эта двигалась прямо на нас: мы видели ее приближение и чувствовали ее по поднявшемуся норд-осту. Остров превратился в неясное пятно.

«В семь часов двадцать минут ветер внезапно усилился и тотчас появились «барашки». Мы в последний раз переменились местами. Начиналась борьба с разбушевавшейся стихией. У одного из путников появилась на сцену резиновая надувающаяся подушка.

«Восстали широкие валы, увенчанные пенящимися белыми гребнями. Они надвигались на нас почти сбоку и наша лодка то скользила вдоль гребня, то проваливалась в широкий желоб между двумя соседними валами. Нас постоянно обдавало пеной, хотя была некоторая возможность избегать особенно крутых рядовых бойцов.

«Но вот полил дождь, и нас окутала тьма. Был момент,— трудно сказать, насколько продолжительный, когда остров исчез из виду. Однако на тревожный вопрос гребца товарищ его отвечал успокоительно.

«Волн уже не было видно и только по характерному шуму приходилось угадывать приближение грозных врагов. Часто около самой лодки внезапно выростал белый гребень и обдавал нас своей пеной. Попытка защищаться от волн брезентом не имела успеха, и мы давно уже сидели в воде. В этом положении некоторую отраду принес нам писк куликов, долетевший до нашего слуха.

«Наконец, как то инстинктивно, почувствовалось, что остров близок, хотя он едва выступал среди тьмы расплывшимся пятном. Дождь прошел. Мы услыхали отдаленный шум прибоя, и, удачно попав в полосу относительного затишья, в восемь с половиною часов пристали к берегу.

«С понятным волнением вступили мы на приютивший нас клочек земли. Всё из лодки было вынуто и сложено на берегу, а самая лодка вытянута из воды и перевернута над нашим имуществом. Мы тотчас же пошли осмотреть ближайшие окрестности.

«Берег начинался галечником, переходившим в полого повышающуюся задернованную поляну. Последняя вскоре упиралась в крутой склон. Очевидно, мы пристали к южному концу острова. К востоку берег вскоре кончался галечной косой, на западе крутой склон подходил непосредственно к озеру, обрываясь в него скалами. Подойдя к крутому склону, мы тотчас наткнулись на пещеру, обнесенную стенкой. Осторожно, один за другим, стараясь не производить шуму, мы протискивались в узкий вход. Вдруг экзальтированный товарищ, шедший впереди со свечкой в одной руке и с револьвером в другой, воскликнул: «человеческий скелет!»

«Последний оказался однако туловищем барана, приставленным к стене. Кожа с него была содрана, и мясо высохло до твердости камня. На полках лежало еще два отдельных куска. За особой загородкой, в углу около входа, был сложен сухой конский аргал, а рядом с ним устроен и род камина. Всё это говорило о предусмотрительности хозяина жилища, но самого его не было. Только мухи нарушали тишину, да при нашем входе в пещеру из нее выпорхнула птичка.

«Выйдя из пещеры и пройдя несколько шагов дальше вдоль подножья крутого склона, мы заметили загородку. Внутри нее, плотно прижавшись одна к другой, лежали овцы. Вне загородки вновь виднелась постройка, прислоненная к скалистому обрыву, более значительных размеров, чем осмотренная. Очевидно она была обитаема.

Осторожно ступая, мы вернулись к лодке и решили закусить. Однако наши припасы размокли и были в мало привлекательном состоянии. Лепешки расползлись, соль и сахар распустились. Все вещи, лежавшие в ящике, стали липкими. Сами мы, благодаря мокрой одежде, были тоже в плачевном состоянии. Тщательнее всего был упрятан анероид, лежавший во внутреннем кармане. Но и его футляр размок и расклеился.

«С'ев по яицу и куску мяса, подкрепив свои силы холодным чаем с коньяком, мы залезли под лодку, в надежде уснуть под своим кровом, но появившийся озноб невольно заставлял наши мысли возвращаться к осмотренной пещере, как бы приготовленной для посетителей. Правда, не совсем удобно было занять ее без ведома хозяина, но другого исхода из нашего положения не было.

«Мы решили воспользоваться всеми удобствами открытого пристанища. Однако развести огонь оказалось делом далеко не легким: мехом должны были служить собственные легкие. Пока товарищ возился около очага, ему все глаза выело дымом. Зато, когда дело увенчалось успехом и очаг разгорелся, он первый получил право на пользование огнем для просушки мокрой одежды.

«При свете свечи мы произвели более тщательный осмотр помещения. От входа приходилось несколько спускаться. Основанием всей постройки служили глыбы камня, образовавшие естественное углубление, над которым и был уже возведен

потолок и некоторые дополнительные стенки. Кладка состояла из необожженной глины, иногда с примесью камня, блестевшего крупными зернами белой слюды. Против очага, у задней стенки пещеры был выложен приступок для сиденья. В стороне было особое углубление, отделенное невысокой стенкой. В стенах были сделаны небольшие ниши.

«Мы весело шутили над своим положением, сравнивая его с судьбой Робинзона Крузо после кораблекрушения. Восточный и юго-западный горизонт был затянут тучами. Их прорезывали молнии. В нашем подземном пристанище гром отдавался своеобразным гулом.

«К полуночи мы привели свой костюм в некоторый порядок и вышли еще раз осмотреть окрестности».

Глава XIV.

ОЗЕРО КУКУ-НОР.

(Окончание).

Дополнительное ночное знакомство с Куйсу. — Приют в пещере. — Первое утро на острове. — Оригинальная встреча с его тремя отшельниками. — Знакомство с ними. — Наблюдение общего характера. — Занятие монахов. — Измерение, с'емка и геологическое строение Куйсу. — Кумирня. — Начало поселений на острове. — Впечатление от ракет, пущенных на Куйсу. — Возвращение с промером глубины на берег. — Радостное свидание с экспедицией. — Моя экскурсия в южные горы. — Дополнительные работы при мысе Чоно-шахалур. Прощанье с Куку-нором.

«Теперь только из-за облаков выплыла луна, на свет которой возлагалась столь большая надежда при отплытии к острову. Нам захотелось тотчас же бегло осмотреть вершину Куйсу.

«При первых шагах мы заметили лошадь, бросившуюся от нас в сторону. Поднявшись несколько по склону, мы встретили большой полуразрушенный субурган.

«Склон был крутой и прерывался оврагами. Наконец, мы достигли площадки, господствовавшей над всем островом. По краям ее виднелись постройки. Прежде всего попалась небольшая, но, видимо, недавно построенная кумиренка. Ко входу в нее вели ступеньки. Дверью служила зановесь. Заглянув в кумирню, мы увидели при свете спички, что стены ее увешаны множеством писанных бурханов. Дальше мы наткнулись на две пещеры. Стараясь ступать бесшумно, мы проникли внутрь, но обе пещеры оказались совершенно пустыми.

«Выше всех построек, на одном из углов площадки, поднималось «обо». Весь остров был залит лунным светом, но точного представления об его величине нельзя было получить, так как контуры острова сливались с озером. Оттуда доносился глухой ропот. Это один за другим набегали из темной дали ряды волн и плескали в берега. На юге рисовался своеобразный мираж. Казалось, что южный берег лежит очень близко. Он имел вид черного обрыва, над которым сразу поднимался хребет, вдвое более высокий сравнительно с Южно-кукунорским.

«Полюбовавшись неописуемой панорамой, мы спустились в свой склеп. Волнение наше улеглось, усталые организмы напоминали об отдыхе. Было два часа, когда мы разместились на полу, в очень неудобном положении. Длина ложа достигала только двух аршин. Выступавший камин сжимал нас.

«Подремав немного до восхода солнца, мы пошли к лодке. Стояла тишина, озеро тихо плескалось. Хребет Потанина был окутан снежно-белыми кучевыми облаками, а над нами, после голубого промежутка, висела еще лента облаков. В семь часов утра температура воды в озере была 11,8°, в воздухе было только 6,4°. Мы стали приводить в порядок свое имущество: одно — мыть, другое — сушить.

«Из обитаемой пещеры курился дымок. Мы ждали ее хозяина. Заметив нас издали, около лодки, он, может быть, был бы не так испуган, как при нашем появлении в его жилище. Но время шло, а тишина ничем не нарушалась. Мы решили нанести визит.

«Овцы были еще внутри загородки. Из пещеры слышалось монотонное бормотанье: очевидно в ней был один человек, занятый молитвой. Не входя еще в пещеру, мы приветствовали его по-монгольски. В ответ он только повысил голос, но не вышел. Когда мы вошли в жилище отшельника, он сидел на особом возвышении перед раскрытой книгой, впереди которой стояли молитвенные чашечки и блюдечки.

«Увидя нас, монах вскочил. Он был необыкновенно испуган. Руки его тряслись, зрачки расширились. Приняв приветственный хадак, он поспешно стал усаживать нежданных гостей на пол, бросив туда шкуру. Перед нами, как по волшебству, появились чуть ли не все с'естные припасы, какими

обладал лама. Скороговоркой, заплетающимся языком он всё время выкрикивал слова молитвы или заклинания, временами проводя пальцем по горлу и насильственно улыбаясь. Схватив большую чугунную чашу, монах выбежал из пещеры и стал поспешно доить коз. Теперь можно было различить непрестанно повторяемое слово: «тэр-занда, да-тэр-занда-да», «тэр-занда, датэр-занда-да». («Что делать? что делать»? — как после перевели нам).

«Подоив коз, он поставил котел на огонь. Увидав, что мы едим как обыкновенные смертные, он стал понемногу успокаиваться, чаще улыбался, но не сводил с нас глаз, почти не мигая. Быстро перебирал свои чётки, изредка шевеля губами.

«Угощенье состояло главным образом из молочных продуктов: простокваши, сушеного творогу — «чюры» — и масла. Кроме них, у монаха оказался молотый ячмень («цзамба») и кирпичный чай — очевидно, дары паломников. Была предложена и баранья нога в том же окаменелом состоянии, в каком мы нашли баранину в нашем убежище. От чаю и остальных блюд мы отказались, зато оказали честь простокваше, очень вкусной, приготовленной чище других продуктов. Во время нашей еды монах снова сел для молитвы. Он ссыпал с тарелочек гальку и выливал из медных чашечек воду, тщательно их вытирая. Кроме этих предметов, на божнице были «цаца» — глиняные фигурки небольших бурханов и один рисованный бурхан. Лама читал по очень длинной и узкой книге, листы которой не были сшиты.

«Когда отшельник кончил свою молитву, мы знаками просили его следовать за нами и привели к лодке. Осмотрев ее и остальное наше имущество, он совершенно успокоился, очевидно понял, откуда и как появились в его владениях чужеземцы, приехавшие в совершенно необычное для посещения острова время года. Врученный ему подарок — перочинный ножик и жестяная коробка из-под сушеной капусты — установили между нами уже прочные дружественные отношения. Монах пригласил нас следовать за собой, показывая, что на острове есть еще двое таких же, как он, обитателей.

«Мы пошли на запад, по самому берегу под скалами, за жилище первого монаха и вскоре увидали еще более солидную

постройку, но прежнего, так сказать, «пещерного» типа. На голос нашего проводника ее хозяин вышел к нам навстречу. Между соседями завязался оживленный разговор, в котором наш первый знакомец выступал уже в роли толкователя. Новый обитатель острова удивленно посматривал на нас. Он показал нам свое помещение и кумиренку, построенную рядом с ним. Она была расположена тоже в естественной громадной нише среди скал и только передняя часть ее была обделана и к ней пристроен вход, имевший даже дверцы и род сеней. В кумирне, быстро суживавшейся внутрь от входа, вдоль стен стояли бурханы, в одном непрерывном ряду, в числе двадцати одного; они были сделаны из глины, имели одинаковый размер, около одного аршина высотой, и представляли главным образом сидячую фигуру самого Будды.

«После осмотра кумирни, все пошли к третьему отшельнику. В одном месте пришлось подняться на скалы и вновь спуститься к воде. Наконец, внутри большого углубления среди скал, мы увидали вход в пещеру. На вызов одного из наших спутников лама откликнулся, но не вышел, продолжая молиться. Зато он положительно остолбенел, когда, отведя глаза от книги, увидал прежде всего моего товарища. Долго он, не говоря ни слова, переводил глаза по очереди на каждого из вошедших. Наши спутники тоже не сразу заговорили, наблюдая то впечатление, какое произвело на их собрата наше неожиданное появление.

«Монахи были людьми пожилыми, но еще далеко не старыми. Первый из них, очевидно, более молодой, был гладко выбрит и имел вид обычного служителя Будды. Остальные давно уже совершенно перестали заниматься своей наружностью; отросшие волосы торчали у них в разные стороны, представляя своеобразные головные уборы. Все монахи, очевидно, были тангутами: первый и второй — типичными брюнетами, третий — с более светлой кожей и волосами. Вид последнего отшельника положительно напоминал дикого человека; взгляд его был блуждающим, изо рта торчали зубы. На нем, как и на других монахах, была баранья шкура, но она имела только отдаленное сходство с формой человеческой одежды. На ногах были низкие сапоги, кое-как сшитые из кусков бараньей шкуры мехом внутрь. Характер его был необщительный и угрюмый: мы

совсем не видали на его лице улыбки, — очевидно, он совсем отвык и уже не мог улыбаться. Второй лама тоже был сосредоточен, зато первый отличался противоположным характером: подвижной, постоянно смеющийся, он все время оживленно болтал.

«Увидав, что мы интересуемся камнем, он пригласил нас следовать за собой. Мы поднялись на скалистый обрыв и пошли вдоль него. Берег повернул теперь на северо-запад, а затем почти на север. Под нашими ногами развернулась очаровательная картина. Берег был мало изрезан, но обрывался отвесными гранитными скалами, высотой в восемь-десять метров. От него были оторваны крупные глыбы и, устилая подножье скал, уходили в изумрудно-зеленую глубь. Волны тихо плескали среди камней, между которыми плавали десяти-двенадцати-вершковые рыбы. Целые стаи этих рыб непрерывной живой гирляндой окаймляли побережье. На скалах группами сидели бакланы. При нашем приближении птицы опускались на воду и несколько отплывали от берега, туда, где уже качались на волнах чайки. За бакланами плыли рыбы, образуя длинные колыхающиеся ленты.

«Наконец, скалы понизились, несколько отступили от берега, и лама подвел нас к небольшому выступу. Он был образован из красновато-желтого крупнозернистого гранита, прорезанного мертвой жилой весьма крупнозернистого пегматита. Основная масса последнего состояла из белого кварца и розового полевого шпата. Зерна их достигали нескольких дециметров в поперечнике. В эту массу были погружены серебристо-белые пластинки слюды и черные призматические кристаллы турмалина, достигавшие 3 ст. в поперечнике. Блеск крупных зерен и слюды и служил причиной особенного внимания к этому выходу со стороны нашего проводника.

«Осматривая бегло берег, мы вскоре дошли до узкого и низкого перешейка, отделявшего северо-западный конец острова от его главной массы. За перешейком вновь поднимались граниты, обрываясь в озеро скалистым зубчато-изрезанным краем. Верхняя поверхность их представляла ровную площадку, поднимавшуюся над водой до 12 м. Этот северо-западный мыс острова вместе с перешейком выдавался в озеро в форме топора. В его зубчатых бухтах вновь плавали крупные рыбы.

на северный же берег острова накатывались грозные валы. Здесь к нам присоединились остальные аборигены, и мы все вместе закончили обход побережья озера.

«От перешейка берег сначала идет на восток, делаясь более изрезанным, но затем, снова выравниваясь, уклоняется все более и более на юг. Скалы редко подходят к самой воде: обыкновенно они отделены от нее узкой задернованной полосой с рассеянными по ней глыбами гранита. Нигде не видно было не только деревьев, но и кустарников; низкая травянистая растительность одевала склоны острова, падавшие от центральной площадки к его побережью.

«Монахи, видимо, делились друг с другом своими впечатлениями. Заметив, что мы обратили внимание на лисиц, проскользнувших в двух местах среди камней, они показали нам, что в их владениях обитает восемь таких зверей.

«На юго-восток остров заканчивался низким остроугольным выступом, переходившим в короткую галечную косу. На этом выступе, у подножья скалистого обрыва, лежала U — образная лагуна. На ней плавали чайки, а на галечном валу южного берега сидели бакланы и гуси, образуя почти непрерывный ряд.

«Вновь наша лодка и вещи подверглись тщательному осмотру: монахи во всё входили и всему дивились. Особенное удовольствие доставил им бинокль. Наш первый лама уже окончательно освоился с нами: непрерывно говоря, он опирался на нас и настойчиво приглашал к себе. Остальные монахи также получили по хадаку и ножику, которых мы взяли как раз по три экземпляра.

«Оказав честь простокваше нашего соседа, утомившись впечатлениями дня и ночи, мы уснули около лодки. В три часа дня нас разбудил ветер, налетевший с запада и взволновавший озеро. Быстро выросли белые гребни, с шумом ударявшие в побережье. Рыба тотчас ушла в глубину. Накатилась пылевая туча и южный берег озера исчез из глаз. Водяные валы, высотою в метр, один за другим лизали наш берег и перекатывались через галечный вал, наполняя водой лагуну. У скалистого берега набегавшие волны покрывали громадные глыбы, торчавшие над водой на один-полтора метра. Целые каскады брызг летели в скалы, достигавшие трехсаженной высоты. На

волнах всюду качались бакланы и чайки, как бы радуясь поднявшейся непогоде.

«Мы занялись с'емкой острова, отмечая направление по компасу, а расстояние — шагами. Переведя их на метры, мы получили: 1,5 кт. для длины южного и западного берега до перешейка, 0,6 кт. для окружности северо-западного мыса вместе с перешейком и 1,7 кт. для длины северного и восточного побережья. Таким образом, длина береговой линии всего острова равна 3,8 кт. (3,5 версты), наибольший поперечник (длина) — 1650 m. и ширина — 560 m. (в средней части острова).

«У нас было три ракеты, благодаря которым мы могли дать о себе весть на берег. Мы условились пускать их в девять часов вечера: первую — в день нашего прибытия на Куйсу, вторую — накануне от'езда с острова. Третья ракета могла пригодиться как в том случае, если бы первая попытка уплыть с острова не удалась, так и в том случае, если бы мы по какой-либо причине вынуждены были остаться на острове до зимы. Тогда мы должны были пустить одну за другой обе ракеты Хотя накануне мы приехали в половине девятого, но ракеты не пустили, так как палки к ним были позабыты. Сегодня находчивый товарищ, воспользовавшись нашим деревянным ящиком, пристроил к ракетам хвосты и мы сигнализировали. Сильный ветер отбросил ракету далеко в сторону. «До полночи мы сидели в своей пещере и при свете свечи вели записи. Ветер свистал вдоль скал, но к нам не проникал. Только шум прибоя глухо отдавался у нас. Восток был затянут тучей. С разрешения хозяина жилища, нашего жизнерадостного соседа, мы проломали внутреннюю стенку и могли теперь спать вытянувшись.

«Ранним утром, второго сентября, наши знакомцы один за другим нанесли нам визиты и настойчиво приглашали к себе в гости. Чтобы никого не обидеть, пришлось гостить у них поочередно. Хозяева теперь уже применились к нашему вкусу: как только мы входили к кому-либо из них, перед нами сейчас же появлялся большой деревянный жбан с простоквашей.

«Попав в столь необычайную обстановку и не имея возможности говорить с отшельниками, мы жадно ко всему при

сматривались, стараясь воспользоваться каждой минутой нашего пребывания на острове, чтобы запечатлеть даже мелкие черты его природы или жизни его обитателей. Об одном упущении мне приходится до сих пор сожалеть: имея в своем распоряжении один фотографический аппарат, я не решился взять его на остров, из боязни попортить его и тем лишить себя возможности производить снимки на дальнейшем пути...

«От центральной, господствующей над всем островом площадки падают во все стороны крутые травянистые скаты. Почва их состоит из лёсса, тонким слоем прикрывающего коренную породу острова — гранит. Восточный и южный склон изрыт оврагами. Некоторые из них глубоко врезались в гранитную массу, особенно в южной части Куйсу. На запад и на юг граниты обрываются в озеро изрезанными скалами высотою от восьми до двенадцати метров. Исключением является только южная оконечность острова, ее узкий перешеек в северной части: здесь мы находим отлогий, относительно мягкий берег, удобный для высадки. Как удачно мы подплыли в темноте к наиболее доступной части берега! На скалы даже днем трудно было бы высадиться.

«Хотелось непрестанно любоваться своеобразной жизнью скалистого побережья. В то время как у отлогого северного и восточного берега рыбы не было видно, около скал она постоянно держалась. Иногда можно было взобраться на глыбу, несколько выступающую в озеро. Рыбы продолжали плавать около камня, нисколько не боясь непосредственной близости человека, буквально под его ногами. Они заходили в узкие промежутки между отдельными глыбами, иногда неожиданно выплывали из какого-нибудь потайного прохода. Однородные по величине, принадлежащие к одному только роду Schizopygopsis, рыбы двигались медленно, как бы лениво, чуть не задевая одна другую. Мелких рыбок, свойственных побережью Куку-нора и водящихся преимущественно в устьях его речек, мы не видели здесь ни одной.

«Нас очень занимал вопрос о способе питания этой громадной массы рыбы. Следя за рыбами, можно было сделать такое наблюдение. Камни, лежавшие под водой, были покрыты сплошным пушистым ковром водорослей, который начинался

только на пол-аршина ниже поверхности воды. Этот ковер, толщиною до вершка, тихо колыхался, переливаясь различными оттенками зеленого цвета! Рыбы постоянно погружали свой рот в водоросли, для чего они становились даже на головы. Казалось они искали себе пищу в этом пышном ковре, который и служил приманкой для рыбы. Отлогий берег на северной и восточной стороне острова, покрытый галькой и гравием, не допускал разростаться водорослям, вследствие постоянного движения обломочного материала. Там не держалась и рыба.

«Как только бакланы спускались на воду, рыбы бросали свое занятие и плыли за ними. Нужно полагать, что они охотились за погадкой птицы, нисколько не боясь ее благодаря своим крупным размерам. Мы ни разу не видели, чтобы птица сделала попытку схватить рыбу: очевидно, последняя была ей уже не по силам. Питание самих птиц осталось не выясненным. Больше всего на острове было бакланов, которые не могли питаться рыбой, так как мелкой рыбы здесь совсем не было. Возможно, что главным источником пищи для них служил тот же ковер водорослей, хотя при человеке бакланы всегда держались вдали от берега. Чайки находили себе пищу в мелкой лагуне, на юго-восточном конце острова, где они постоянно держались в особенности в тихую погоду.

«Бакланы гнездились на острове, и плоские гнезда этих птиц попадались всюду среди скал. Иногда мы находили отдельные яйца, чаще только одну скорлупу. Нередко валялись и растерзанные остатки самих бакланов, попадавших, вероятно, в лапы лисицы: крупные громоздившиеся одна на другую глыбы способствовали этим хищникам устраивать засады, гнезда же часто были расположены в совершенно доступных пунктах.

«В меньшем числе на острове были чайки, крачки, гуси, турпаны, жаворонки, вьюрки, плиски и краснохвостки. В пещере, занятой нами жила горихвостка, которая позже свыклась с нашим соседством. Из хищных птиц мы видели только сокола, да слышали однажды крик сыча.

«Мы старались узнать от монахов, не видели ли они в воде более крупных животных, чем плававшие рыбы, но получили отрицательный ответ. Таким образом, приведенное

В. А. Обручевым [1]) указание о нахождении в озере какого то ластоногого здесь не нашло подтверждения.

«Грызунов мы совсем не видели на острове, не было здесь и нор пищух, столь часто встречающихся на склонах кукунорской котловины. Лисицы, может быть, уничтожили грызунов.

«Нисших животных на острове было не много. Изредка наблюдались мухи и жуки. Однажды я видел муравья, тащившего мертвого кузнечика. На лёссе, под камнями, были находимы наземные моллюски (Pupa и Helix).

«Первое растение, с которым нам пришлось познакомиться на острове, был лук. Лишь только мы расположились в день своего приезда около лодки, как наше внимание было привлечено сильным запахом этого растения, примятого нами. Позже оказалось, что лук густо покрывал всю каменистую лужайку между берегом, лагуной и скалами. В общем растительный мир острова оказался сходным с флорой берегов Куку-нора; товарищ подметил здесь лебеду, полынь, мальву, астру, горечавку, крапиву, дэрэсун, тмин. По расщелинам скал изредка встречался папортник и хвощ. Некоторыми растениями монахи пользовались в домашнем обиходе. Семена тмина шли в качестве приправы к простокваше, стебли дэрэсуна служили для приготовления фитилей в масляном освещении. Растительный покров острова был пышным только кое-где по побережью, в остальных же местах трава была общипана и вытоптана.

«Небольшая поверхность острова представляла, вероятно, непреоборимое препятствие для разведения большого количества домашних животных. Кроме единичной лошади, у монахов было в общей сложности полтораста овец и коз. Они составляли главнейший источник благосостояния отшельников, доставляя им не только пищу, но также одежду, топливо и освещение. Дары паломников являлись уже второстепенным источником, занимая относительно скромное место в средствах к существованию лам.

«Отшельники ценили своих кормильцев и с большой заботливостью ухаживали за ними. Около каждой пещеры была

---

[1]) Центральная Азия, Сѣверный Китай и Нань-шань». Том II, стр. 104.

устроена прочная загородка, где овцы проводили ночь, плотно прижавшись одна к другой. Утром, после доения, их выпускали, и они ходили все вместе, обыкновенно на северо-западном конце острова. Тот или иной лама изредка навещал животных. Однажды наш сосед с отеческой нежностью ласкал молодого барашка. Последний был слепым и составлял предмет беспокойства отшельника, так как несколько отбивался от стада и легко мог упасть со скалы.

«К вечеру овцы сами приближались к южному концу острова, монахи встречали их, и стадо само собой разбивалось на три группы. Над каждой пещерой, в начале пологого склона, среди лёссовой почвы были вырыты плоские ямы. В них скоплялась дождевая вода, служившая для питья не только овцам, но и их владельцам, приготовлявшим на ней чай. Мы не могли привыкнуть к этой солоноватой мутной воде с особым привкусом от большого количества водорослей и других веществ, безпрепятственно попадавших в неогражденные ямы. Взятый нами на остров запас чаю оказался поэтому весьма пригодным.

«У каждого владельца было разное число животных и это явным образом отражалось на степени обеспеченности отдельных монахов. Богаче других был второй лама, имевший более половины всего скота (около восьмидесяти голов). И жилище его было более обширным, вмещая множество разнообразной посуды для заготовления впрок молочных продуктов. Чай, служивший им постоянным напитком, был очень сытным, так как всегда варился вместе с молоком.

«Разжиревшая вороная лошадь бродила одиноко. Вероятно, она служила отшельникам в зимнее время при их посещениях берегов Куку-нора, с целью сбора подаяний.

Помет, скоплявшийся внутри загородок, где спали животные тщательно просушивался и шел на топливо.

«Главнейшим занятием монахов являлось молитвословие, за которым мы заставали их не только утром, но и во всякое время дня. Часами они просиживали на своих возвышениях, перебирая монотонным голосом молитвенные слова. Наш сосед много времени посвещал приготовлению «цаца», небольших бурханчиков. Материалом для этой работы служила красная пластинчатая глина, находившаяся на острове в достаточном

для этой цели количестве. Лама предварительно мял ее с маслом, а затем с большим усердием целыми сотнями выдавливал из приготовленной массы «цаца». У него было три металлических штампа, вправленных в слоновую кость. Самый крупный из них, с изображением одиннадцатиликого Арьябало, был сделан очень тщательно и даже позолочен. После просушки, бурханчики сваливались внутрь субурганов или помещались в кумирне. Масло, очевидно, предохраняло глину от растрескивания при ее высыхании.

«Товарищу удалось сойтись с монахами поближе и даже узнать, что первый лама был выходцем из Лаврана, второй из Гумбума, а третий откуда-то из Тибета. На острове они, повидимому, жили уже несколько лет.

«Мы получили от первого ламы даже некоторые географические сведения, выходившие из рамок самого острова.

«Еще на другой день своего приезда мы видели, что в западно-северо-западном направлении из озера выступали скалы. Они белели тремя маленькими зубцами и лежали, повидимому, ближе к южному берегу, чем к Куйсу. Лама об'яснил нам, что хотя с острова скалы, называемые Джэ-му-чах, видны в числе трех, но в действительности их девять. Они бесплодны и едва ли доступны. Белый цвет их происходит, вероятно, от помета птиц.

«Совершенно неожиданная картина рисовалась с Куйсу на западе-северо-западе. Казалось, что верстах в двадцати от острова находится другой, значительно бо́льших размеров. У него был пологий северный скат, более крутой — южный и волнистая вершина. Вблизи этой скалистой массы не было видно ни коренного берега Куку-нора, ни каких-либо гор на горизонте. Наше недоумение еще более усилилось после того, что передал нам лама.

«Он начертил окружность озера, посредине его — остров Куйсу или Цорнин, как называли его отшельники, а у западного берега — другой остров большого размера. Он пояснил нам, что зимой, взяв с собой на спине запас пищи и воды, он ходил на этот остров, называющийся Цэ́рбаре. На нем не оказалось ни обитателей, ни воды, ни топлива. Монах считал до него такое же расстояние, как и до южного берега Куку-нора. Как истолковать эти противоречивые сведения о запад-

ном береге озера? Дело усложнялось еще тем, что впереди скалистой массы, вблизи ее южного края выделялась низкая полоса красного цвета. Нужно думать, что она была обособленной и о ней то, именно, и говорил лама [1]).

«Казалось очень заманчивым распутать теперь же эти противоречия. На западном горизонте только и видно было описанную горную массу, поднимавшуюся из вод Куку-нора и казавшуюся столь близкой. В нашем распоряжении было еще пять-шесть дней, — но состояние озера не внушало к себе доверия. Сегодня утро было тихим, на юге горы стояли в пыльной дымке, на севере едва выступали. Но с четырех часов вновь подул западный ветер и развел сильное волнение.

«Днем, когда озеро еще слабо волновалось, товарищу удалось поймать на крючек рыбу. Она была зажарена и с'едена на свежем воздухе в присутствии всех отшельников, не спускавших с нас глаз. Наш любознательный сосед, тайком от своих соотечественников, решился попробовать новое для него кушанье и хотя есть его не стал, но и не отнесся к нему брезгливо.

«Третьего сентября ветер и волны налетают попрежнему с запада-юго-запада, берега не видно, горы в пыли и только Цербаре выступает несколько яснее. Он не дает нам покою, и, чтобы менее тревожиться неопределенностью своего положения, мы решаем, что следующий день будет последним для попытки к его достижению. Если погода не будет лучшей, то остается только подумать об обратном плавании.

«Я имел таким образом достаточно времени для изучения строения острова, который оказался интересным не только с геологической, но и с археологической стороны.

«Остров сложен из гранитов и гнейсов, стоящих друг к другу в очень сложных отношениях. Господствующей породой является грубозернистый биотитовый гранит желтого и красновато-желтого цвета. Однако нигде нет особенно массивных выходов этого гранита, так как всюду мы находим в нем разнообразные жилы. Чаще всего это — жилы пегматита, встреченные в очень многих пунктах. Реже они образованы

---

[1]) Позже мы не нашли подтверждения рисунку монаха. Тангуты, обитавшие по южному берегу озера, говорили, что Цербаре — только полуостров, связанный с берегом очень длинной и узкой песчаной косой.

также биотитовым гранитом, более крупнозернистым. Так например, у западного берега в одном месте [№ 8, чер. 1] лежит большой отторженец грубозернистого гранита, пронизанный перекрещивающимися жилами крупнозернистого гранита незначительными по своей мощности.

«Пегматитовые жилы чаще всего состоят из зерен кварца, ортоклаза, мусковита и турмалина, местами же обогащаются гранитами [1]). Они имеют различную мощность, обыкновенно в 0,5—1 метр. Зерна тех или иных неделимых часто достигают крупных размеров, причем длинные кристаллы турмалина иногда располагаются сферически, сходясь своими тонкими концами к одному центру. Если излом через такой комплекс кристаллов проходит через центр, то турмалины образуют изящную розетку.

«Наблюдается также характерное для пегматитов срастание кварца и ортоклаза. Хорошо выражено и зональное расположение тех или иных кристаллов, как в мелкозернистых, так и в крупнозернистых разностях пегматита.

«В большинстве случаев жилы падают на север и только апофизы идут в различных направлениях, как и трещины отдельности, наблюдавшиеся в гранитах.

«Гнейсы острова не получают большого развития. Более значительные выходы их мы находим около пещеры третьего ламы и далее по западному берегу (6-ой пункт). Они смяты в крутые складки, крылья которых падают преимущественно на север и северо-северо-восток. Выход гнейсов есть также и на северном берегу Куйсу, около самой воды. Пласты их поставлены здесь на головы и уходят в озеро.

«Гнейсы всюду пронизаны жилами крупнозернистого биотитового гранита. Чаще всего это — пластовые жилы то выклинивающиеся, то гнездообразно раздувающиеся.

«Каких-либо других коренных пород, кроме гнейсов и гранитов на Куйсу не было встречено, за исключением двух случайных находок. Одна из них представляет маленькую плиточку известняка с кораллами, вероятно, каменноугольного возраста. Эта плиточка лежала вместе с кусками белого жильного кварца,

---

[1]) А. Е. Ферсман определяет в пегматитах Куйсу, обнаруживающих сходство с пегматитовыми жилами о. Эльбы, гессонит, лепидолит и шерл.

собранными у входа в кумирню верхней площади острова. Другая находка сделана среди камней «обо» в юго-восточном конце острова. Это — большая плита аркозового песчаника с высеченными на ней буквами. Оба камня, вероятно, занесены на остров. Плиточка могла обратить на себя внимание своими иероглифами [1]), плита — относительной мягкостью.

«Из поверхностных пород прежде всего обращает на себя внимание лёсс, тонким покровом одевающий весь остров. Это — типичный навеянный лёсс, достигающий наибольшей мощности, свыше одного метра, в центральной площадке. На склонах же острова из-под него нередко проглядывают коренные породы. В лёссе были находимы раковинки наземных моллюсков, сходные с ныне живущими на том же лёссе под камнями.

Чертеж I. План острова Куйсу.
Масштаб 12 : 100,000. (Уменьшено вдвое).
Обозначения: ■ — пещера; × — кумирня (около цифры 6); □ — субурган; ● — обо.
1. Лагуна. 2. Пещера 1-го ламы. 3. Пещера 2-го ламы. 4. Тоже 3-го ламы. Остальные цифры и буквы см. в тексте.

«Другой породой острова, сильно развитой по западному берегу за пещерой третьего ламы [6-ой и 7-ой №№ плана], являются галечно-щебневые скопления. Они состоят как из круглых, так и из угловатых кусков описанных уже гранитов и гнейсов и представляют, очевидно, продукты прежней разрушительной работы кукунорских волн. Мощность их достигает восьми метров, а верхней границей они заходят на тринадцать метров над уровнем озера, слагая верхнюю часть береговых обрывов и покрываясь только лёссом. Таким образом лёсс образовался уже позже этих детритусов.

---

[1]) Ламы собирают иногда окаменелости для лекарств и в одном монастыре, в Гань-су, мне удалось приобрести у них несколько каменноугольных окаменелостей.

«Делая общее заключение о происхождении Куйсу, мы прежде всего можем сказать, что остров образован крупным гранитным штоком, вторгнувшимся в свиту гнейсов. Вследствие интенсивных разрушительных процессов от последней уцелели только ничтожные обрывки, и мы видим теперь преимущественно поверхностные части гранитного штока. На это указывает с одной стороны, обогащение гранита жилами и в частности пегматитами, с другой стороны — сложные контактовые отношения между гнейсами и гранитами. Иногда пласты гнейсов как бы срезаны гранитом, в одном же месте [между 6 и 7 №№] среди гранита лежит гнездо гнейса, имеющее от $0,_5$ до 1 метра в поперечнике.

«В орографическом смысле Куйсу представляет ничтожный остаток, вероятно, очень древнего могучего в свое время хребта, почти уже стертого с лица земли. К нему же я отношу как Цербаре и горы Джюрмит на западном берегу Куку-нора, так и разрушенные гряды, лежащие к востоку Куку-нора и к северу от р. Ара-гол. Не считая здесь уместным приводить доказательства своему заключению, укажу только, что в общей системе Нань-шаня этот хребет вклинивается между хребтом Потанина и Южно-кукунорским и составляет, повидимому, восточное продолжение хребта Гумбольдта, с которым его связывает хр. Бухын-дабан [1]).

«Будущим исследователям Куку-нора предстоит, между прочим, трудно разрешимый вопрос, делил ли указанный хребет когда-либо Куку-нор на две части, что я склонен допустить. В таком случае детальные промеры озера должны обнаружить подводную гряду, идущую с запада-северо-запада на восток-юго-восток через остров Куйсу.

«Н. М. Пржевальским была подробно записана легенда о происхождении Куку-нора и острова Куйсу [2]). Параллельно с высказанными здесь взглядами о происхождении острова интересно вспомнить относящуюся сюда часть этого разсказа. В очень древнее время на месте Куку-нора была обширная равнина, а озеро находилось под землею в Тибете, на месте нынешней Лхасы. В наказание за выдачу одной тайны стариком,

---

[1]) О последнем — у В. И. Роборовского. «Труды экспедиціи Императ. Русск. Геогр. Общ. по Центр. Азіи». Часть I, стр. 276 и 303.

[2]) Монголія и страна тангутовъ. Стр. 279.

жителем равнины, последняя была затоплена разгневанным божеством, причем погибло множество животных и людей. Вода изливалась через отверстие в земле. Наконец, бог сжалился. По его приказанию, чудовищная птица взяла в Нань-шане огромную скалу и закрыла ею отверстие. Эта скала и есть Куйсу — «Пуп».

«На западном берегу при исследовании скал, случайно был открыт большой грот. Он находится под большим обрывом за жилищем третьего ламы [в 6-м №], но пройти к нему можно только с северной стороны, пробираясь под скалами, по разбросанным здесь каменным глыбам. В гроте устроен род кумирни. У задней стенки висит образ, поставлены цаца и модели субурганов. Поперек грота протянута веревка. На нее навешено множество бараньих лопаток, покрытых надписями. Наверху обрыва около грота каменный ящик с «цаца».

«Начинаясь от пещеры первого монаха вдоль восточного и северного берега тянется узкая, местами прерывающаяся полоса, прижатая к скалистому обрыву — а — а. Начало последнего чаще всего совпадает с высотой в $3,_3$ метра над уровнем озера, и нельзя сомневаться в том, что этот уступ представляет отметку прежнего более высокого уровня Куку-нора. В то время Куйсу, повидимому, со всех сторон обрывался в озеро скалами, перешеек же был под водой [1]) и северо-западный мыс острова был самостоятельным островком. Интересно отметить, что среди террас, замеченных мною на южном берегу Куку-нора, одна лежит тоже на высоте в $3,_3$ метра. При понижении уровня озера с указанной высоты до современной ни на западном, ни на южном берегу (за исключением перешейка и юго-восточной оконечности острова) прибрежной полосы не образовалось,— нужно думать потому, что прибой с западной стороны был наиболее сильным. Силу же прибоя в свою очередь следует поставить в зависимость от господства западных ветров, а также, может быть, от крутого подводного ската острова к западу и югу. Лагуна и галечный юго-восточный мыс острова образовались благодаря комбинированному действию прибоя различных направлений.

---

[1]) Перешеек в более низкой части имеет всего 2,4 метра, при ширине в 45 метров. Он состоит из гальки с разбросанными по ней крупными угловатыми глыбами. В средней части он одернован, к озеру же примыкают голые галечные валы.

«От скалистых береговых обрывов к центральной площадке острова идут более или менее крутые скаты, на которых местами заметны резкие уступы. Так, вблизи юго-восточного конца основание такого уступа лежит на высоте 26,4 m. — b — b. На краю этого второго уступа стоит большой полуразрушенный субурган, наполненный «цаца».

«Еще выше, на 44,5 m. над уровнем озера замечается третий уступ, который довольно резко обособляется почти со всех сторон центральной площадки — c — c. В южной части этот уступ сильно изрезан оврагами.

«В этих высокорасположенных уступах я тоже вижу остатки береговых террас. Правда, я не нашел у их подножья галечных скоплений, которые решили бы вопрос о происхождении этих уступов, но зато на берегах Куку-нора, несомненно есть столь же высокие террасы.

«Скаты самой площадки в верхней части очень круты. С юго-востока крутой скат поднимается только с высоты приблизительно в 67,5 m., с остальных же сторон, особенно с юго-западной, он начинается ниже. И отсюда центральная площадка имеет вид солидной крепости. Форма ее представляет прямоугольник, большие стороны которого идут с северо-запада на юго-восток. Длина их достигает 225 метров, тогда как короткие стороны имеют только по 130 метров. Края площадки, несколько приподнятые над ее внутренней частью, достигают 80 метров высоты над уровнем озера [1]). Они сильно изрыты и покрыты конической формы насыпями. На северо-восточной стороне шесть таких конусов, один из которых — угловой, юго-восточный — представляет высший пункт острова. Это — крупное «обо». Верхняя часть его, сложенная из камня имеет $1^1/_2$ метра высоты и покоится на обширном земляном пьедестале, состоящем, повидимому, из перерытого лёсса. В нем был найден обломок лошадиного черепа.

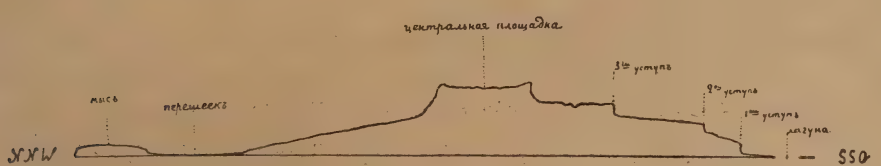
«Большинство конусов сильно разрушилось, но в двух хорошо сохранились пещеры и нужно думать, что и другие насыпи служили когда-нибудь местом обитания или были увенчаны «обо». Внутренняя поверхность площадки всюду была покрыта ямами, в которых, очевидно, брали материал

---

[1]) Все отметки высоты произведены с помощью Horizontal-Glas.

для постройки насыпей. Никаких построек на ней нет, за исключением одного субургана, стоящего вблизи северо-восточного угла.

«Из построек, наибольший интерес представляла кумирня, находившаяся посредине юго-восточной стороны. У задней стены ее на особом возвышении стояло три больших одетых и украшенных бурхана, окруженных множеством «цаца». Остальные стены были увешаны в несколько рядов образами, которые и сообщали кумирне не только ценность, но и некоторую оригинальность. Они были писаны красками на полотне и очень разнообразны по своему содержанию. Образа накоплялись здесь, повидимому, веками. Мы решили взять два из них для Академии Наук, будучи вполне уверенными, что монахи не заметят этого похищения.



Чертеж II. Профиль острова Куйсу по линии *A—B* плана. Вертикальный масштаб—1 : 400. Гориз. масшт.—12 : 100.000. (Уменьшено вдвое).

«Начало поселений на острове теряется в глубине веков. По преданию, еще тугухуньцы, владевшие Куку-норской областью с 312 по 663 г., пользовались островом для разведения чистокровной породы лошадей [1]). Интересно поэтому с точки зрения геологических данных осветить вопрос, не могла ли в прежнее время территория острова быть более значительной. На первый взгляд последовательное усыхание озера дает на это отрицательный ответ, но в действительности поверхность острова могла быть прежде и более обширной. Не касаясь того более отдаленного, вероятно, еще до исторического времени, когда могли образоваться верхние уступы Куйсу, перейдем ко времени, непосредственно предшествовавшему нашему, к тому периоду, в который уровень озера понизился на последние один-пять метров. Это был, нужно думать, настолько продолжительный период, что, несмотря на небольшой прирост за

[1]) Грум-Гржимайло .«Описаніе путешествія въ Западный Китай». Том III. Стр. 10.

это же время береговой полосы с севера и востока, общие размеры острова могли значительно сократиться вследствие разрушительных процессов. Вспомним работу волн, особенно разрушительную на западном берегу, на что указывает, между прочим, северо-западный мыс, обрывающийся к западу зубчато-изрезанным обрывом, вспомним также единство происхождения Куйсу с горами Джюрмит и прилегающим к ним полуостровом,—тогда мы без особенной натяжки можем даже указать, что территория прежнего острова была несколько больше, главным образом благодаря его продолжению к западу. Исследование рельефа дна озера вблизи Куйсу может доставить основательное подтверждение этому взгляду. В настоящее время остров вытянут с северо-северо-запада на юго-юго-восток, что стоит в противоречии с господствующим направлением в его тектонике. Эта несимметричность, вероятно, также обязана своим происхождением главным образом работе прибоя и, может быть, частью произошла даже в историческое время. Центральная площадка, вытянутая с северо-запада на юго-восток, не окапывалась ли еще в то время, когда весь остров был растянут в том же направлении?

«Приходится поэтому думать, что первые поселения на острове относятся еще к тому времени, когда скалы обрывались непосредственно в озеро и не могли дать приюта под своей защитой. Тогда наиболее пригодной для жилья была признана верхняя часть острова. Мало по малу по ее окраине возникает род крепостного вала — работой многих отшельников, в продолжение, вероятно, нескольких столетий. Ибо большое число насыпей говорит и о многочисленности рабочих рук, между тем как скромные размеры территории не допускают пребывание на ней значительной общины. Предполагать устройство крепостного вала с целью самозащиты нет оснований, так как естественное положение острова является его лучшим оплотом.

«Хорошее состояние двух верхних пещер указывает на то, что они покинуты еще недавно. Человек оценил жизненные удобства южного побережья: там, наверху — постоянный натиск ветра, беспрепятственно налетающего с любой стороны; сюда, в глубокие ниши скал, за лабиринт искусственно воздвигнутых стенок, не проникает ни один порыв, ни одна брызга

воды, даже в то время, когда всё западное и южное побережье находится в полной власти разбушевавшихся стихий.

«В ночь на четвертое сентября волнение несколько поулеглось, но в семь часов утра по озеру уже вновь ходили белые гребни. Воспользовавшись относительным затишьем около полудня, мы выехали для промера глубины около острова, но лодку, так качало, что пришлось отказаться и от этой попытки. Увлеченные исследованием самого острова, мы пропустили первые дни своего пребывания на нем, когда условия для измерения были более благоприятными. Пришлось оставить мысль и о поездке на Цербаре. Решив на другой же день, в случае надежной погоды, отплыть обратно с Куйсу, мы пустили условленную ракету.

«Считая этот день последним во времени пребывания на острове, мы долго сидим в своем убежище, с которым мы уже почти сжились и перестали замечать его неудобства. Две свечи, взятые нами с берега, израсходовались еще третьего дня и мы перешли на более скромное масленое освещение. Его устроил товарищ по образцу монашеских светильников, причем фителем служили нитки и полый стебелек дэрэсуна.

«Наш сосед и хозяин пещеры считал, повидимому, своим долгом не только проводить у нас по вечерам значительное время, но и занимать нас. Он садился против нас на ступеньки входа и держал длинные речи, нисколько не смущаясь тем, что мы оставляли их без ответа. Несомненно, он чувствовал большую потребность в общении, которой не могли удовлетворить его угрюмые товарищи.

«Среди нашего багажа была жестяная, квадратной формы коробка, в которой когда-то помещался фунт монпансье. Она была красного цвета с крупным словом «Конради». Лама каждый раз брал эту коробку и подолгу держал ее на своей груди, причем лицо его принимало самое восторженное выражение. Сегодня он получил ее в свою собственность и с сияющим лицем пояснил нам, что сделает из нее «га-у» — ладанку.

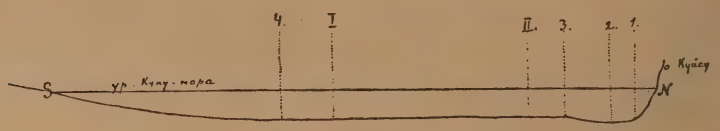
«Нервное состояние заставило нас ранним утром, пятого сентября, оставить свое убежище [1]). Но погода нас не порадо-

---

[1]) Теперь, после печального опыта переднего пути, мы уже не решались выезжать после полудня.

вала. За ночь ветер переменился. Дул сильный ост-норд-ост. По озеру ходили белые гребни. Небо на три четверти было в облаках. Мы решили помедлить с отплытием. Монахи тоже были в возбужденном состоянии. Они оставили свои молитвы и почти не отходили от нас, вполне примирившись с чужеземцами, нарушавшими их покой. Каждый из них принес нам в дорогу припасов — чюры и масла, от которых мы не считали возможным отказываться.

«В десять часов волны несколько поулеглись и через полчаса мы отплыли. В момент от'езда, нашего соседа, который сжился с нами более других, почему то не было, и мы уехали,



Чертеж III. Рельеф дна Куку-нора между южным берегом и о. Куйсу на разстоянии в 20 верст. I измерение — 31 метр; II — 31 м.; 1 — 35 м.; 2 — 37,5 м., 3 — 30,0 м.; 4 — 31,0 м.

не простившись с ним. Остальные монахи сидели на том месте, где лежала лодка, вероятно, до тех пор, пока мы не исчезли в волнах.

«Еще на переднем пути мы заметили одно понижение в Южно-кукунорском хребте. На него мы старались теперь держать лодку, хотя это было довольно трудно вследствие пыли, наложившей на горы густую вуаль. Берега не было видно.

«Через четверть часа по от'езде мы сделали первый промер, давший в расстоянии всего трех четвертей версты от острова совершенно неожиданную глубину в двадцать пять метров. На дне оказался очень мелкий песок. Еще через четверть часа глубина была 37,5 метров, но на дне уже ил двух цветов — синего и желтовато-серого. В трех верстах от берега глубина была уже тридцать метров.

«По мере нашего движения ветер перешел в восточный. Ударяя в бок, волны сильно отбрасывали нас к западу. Над хребтом стали скучиваться облака. Мысль о том, что мы находимся в обратном пути, вероятно, придавала нам энергии, и мы сменялись только через полутора часа, реже чем на переднем пути. Рыб мы на этот раз не видели. По средине пути

кругом нас вновь облетел баклан. Не был ли он тоже отшельником, обитателем открытых вод Куку-нора? В одном месте мы пересекли узкую полосу плавучей травы.

«Над горами нависла туча. Хотя она заметно не двигалась, но от нее стал падать ветер почти навстречу нам. Волны выросли. Они бились теперь в левый край лодки, мешали равномерной работе весел и обдавали нас своими пенящимися гребнями.

«На полпути выросли желтые береговые обрывы. Мы всё время старались держать лодку влево, из желания пристать к берегу против урочища Урто, где находился бивак экспедиции. Не зная положения последнего, мы пристально всматривались в береговую линию и около четырех часов как будто различили ожидаемое белое пятнышко. Вместе с тем стало ясным, что нам не удастся пристать против палаток: нас отбросило к западу дальше, чем мы предполагали.

«Туча разошлась, но она, повидимому, понизила температуру воздуха в горах и оттуда стал падать холодный встречный ветер. В пять часов, мы вступили уже в настоящую борьбу с волнами и ветром. На дне лодки постепенно накоплялась вода. Озеро посылало на нас широкие валы. С угрожающим шумом рассыпались около лодки их белые гребни. Нас отбрасывало обратно в озеро. Казалось что-то предумышленное в этом препятствии, возникавшем, как и на переднем пути, в то время, когда конечная цель была столь близкой. Но на этот раз борьба казалась более легкой. Хотя начинало уже темнеть, но все-таки мы хорошо различали своих противников. Белое пятно давно исчезло, берег слился в однообразно-темную полосу, но вот внезапно выросла перед лодкой береговая коса и в шесть часов сорок пять минут мы пристали к ней. Нас охватил безмерный прилив радостного ощущения, и мы горячо поцеловались.

«За песчано-галечной косой расстилалась лагуна, но нам даже на минуту не хотелось без необходимости покинуть сушу. Сложив содержимое лодки по средине галечной косы, мы прикрыли его брезентом, придавив последний опрокинутой лодкой. Выход с косы оказался, и мы пошли влево вдоль берега. Уже совсем стемнело, мы не могли узнать местности. Из озера, казалось поднимался какой то остров, которого тут не могло

быть. Наконец мы заметили освещенную палатку бивака, который чуть было не прошли.

«Нас радостно встретили не только члены экспедиции, но и сопровождавшие ее монголы и китайцы. Последние совсем не верили в благополучное плавание и с неподдельной радостью приветствовали нас. Всем хотелось узнать о тайнах Куйсу».

...Пока г.г. Чернов и Четыркин плавали на Куйсу, я совершил сто-верстную экскурсию в Южно-кукунорские горы, с целью ознакомиться с животной жизнью хребта. Меня сопровождали: препаратор Мадаев, синийский переводчик и проводник чамру'сец—лама Рапсэн.

Вечером, двадцать девятого августа, накануне нашего выступления, разразилась сильная буря, сопровождавшаяся мокрым снегом. К утру ветер стих, снег вскоре испарился, и мы выехали в десять часов, как и предполагали. Поднимаясь все выше по пологому горному скату, мы с каждым часом охватывали взглядом все больший и больший горизонт Куку-нора. Остров Куйсу заметно увеличивался в размерах, и контуры его возвышенностей так же как и северо-западный мыс, контрастно выделялись своими очертаниями.

Вблизи дороги нам часто попадались навстречу—тангуты, промышлявшие за антилопами.

Пересекая луговые холмы, мы вспугнули стаю снежных грифов, пировавших на трупе домашнего яка, а вскоре увидели и целое стадо этих вьючных животных, принадлежавших походной тангутской кумирне. Вступив в каменистое русло речки Хату, мы стали подниматься вверх по пышному луговому берегу. Здесь было тепло, даже жарко; в воздухе слышалось жужжание насекомых. У головы приветливого ущелья мы заметили дымок, красивой струйкой поднимавшийся вверх; а через несколько минут показался тангутский раз'езд в пять-семь человек. При нашем неожиданном появлении, туземцы как будто растерялись и поспешили к коням, оправляя свое вооружение... Нервное настроение воинов-всадников и бессвязные ответы, которые мы получили на наши вопросы невольным образом заставляли предполагать дурное: мы все, не исключая переводчика и проводника решили, что это были разбойники...

Но вот наконец и перевал Хату-дурфун; кругом, на альпийских лугах бесчисленное множество норок пищух; есть ста-

рое рытье медведей не только норок Lagomys, но даже и логовищ тарабаганов; до тех и других тибетский медведь (Ursus lagomyiarius) большой охотник. Поодаль, в нескольких местах, промелькнули резвые антилопы-ада, грациозностью и проворством которых я не упускал случая полюбоваться. Во время прыжков по мягким холмам, ада напоминает большой мяч, быстро катящийся и высоко отделяющийся от земли.

С высокого плато, общим характером напоминающего плато Тибета, то-есть с мокрыми кочковатыми лугами — «шириками» [1]) — тибетской осокой (Kobresia thibetica), к северу и югу вели тропинки, теряясь в дали будто маленькие извилистые ручейки... В полуденном направлении простиралась долина — восточное продолжение Дабасун-норской. Священная гора Хату-лапци, отмеченная нами среди прочих высот еще на биваке, вырисовывалась теперь с особенной ясностью, открывая кормные луговые ущелья с кустами лозняка (Salix) и признаками свежих кочевок.

Как в этот, так и в следующие дни нашей экскурсии, мы ни разу не встретили медведей, хотя места были подходящие, да и проводник уверял, что они водятся здесь в изобилии. Из птиц мы добыли: дрозда Кесслера (Merula kessleri), дрозда рыжегорлого (Turdus ruficollis), горного вьюрка (Leucosticte haemotopygia) и снигиревидную стренатку Пыльцова (Urocynchramus pylzowi); на одном из болот ютилась пара черношейных журавлей (Grus nigricollis), державшая себя почему-то строго.

При нашем возвращении на главный бивак нас радостно приветствовал фельдфебель Иванов, об'явив мне с сияющим лицом: «вчера [первого сентября] на Куйсу была ракета!» Этим давалось понять, что наша «скорлупка» благополучно доставила путников на остров... У меня с товарищами было условлено, что с их отплытием от берега озера, на главном биваке ежедневно, в девять часов вечера, будут следить за Куйсу, за появлением двух ракет. Первая ракета должна быть пущена в день вступления на Куйсу или на следующий, вторая — накануне оставления острова. «Маленькой огневой змейкой мелькнула ракета, и ободрила нас», повторил мне несколько

[1]) Ширик «Мото-ширик» — «деревянная трава», так называют монголы тибетскую осоку за ее необычайную твердость и упругость.

раз мой неизменный спутник Иванов... «Слава Богу», говорю я, «теперь будем следить за второй весточкой товарищей». Три вечера подряд, второго, третьего и четвертого сентября стоял я у астрономического столбика, окруженный своими спутниками, а также сининскими китайцами и алашаньскими монголами-подводчиками. Все мы собирались минут за десять до условного времени и вперив глаза в непроглядную тьму, по направлению к Куйсу, стояли словно на молитве. К девяти часам тишина превращалась в святую, торжественную; всё смолкало; слышны были лишь удары часов, которые я держал в руке, следя за временем. В последний вечер, четвертого сентября, ровно в девять часов ночную тьму прорезал огневой штрих, блеснувший на один момент. Гробовая тишина была тотчас нарушена радостными голосами, особенно громкими на устах китайцев и монголов, не видевших появления первой ракеты.

На другой день, в девять часов вечера, когда Куку-нор начал порядочно постукивать в берег, а наша надежда на ожидание бледнеть, я заслышал голоса своих товарищей, подошедших к палатке. Радости нашей не было конца... Пошли бесконечные спросы и расспросы, рассказы и пересказы, казалось мы никогда не наговоримся вдоволь...

С возвращением моих ближайших сотрудников из плавания, экспедиция снялась с насиженного места и тронулась на восток, вдоль берега озера. Проходя через тангутские стойбища, мы лишь изредка видели хмурые, злобные лица туземцев, украдкой выглядывавших на нас из черных «банаг'ов». Свирепые псы бросались на верблюдов, готовые растерзать непрошенных гостей. Как то неприветливо и неуютно было среди этих скрытых, вороватых людей, таивших часто под маской ханжества разные порочные наклонности.

Выйдя из области тангутских кочевок, мы почувствовали невольное облегчение, и радостно расположились лагерем у основания полуострова — мыса «Чоно-шахалур», то-есть «Волчий загон», оканчивающагося узкой песчаной косой, далеко вдавшейся в озеро. С одной стороны простирался глубокий залив Куку-нора, с другой — залегали пресные бассейны, носившие характер болотистых озерок; на них держалось много гусей, уток, турпанов и небольшие стайки куликов. В первую ночь стоянки в

урочище Чоно-шахалур, нас долго развлекал филин. Его глухой и зловещий голос в соединении с однообразным рокотом волн, создавал оригинальное впечатление.

На утро, восьмого сентября, в компании с своими старыми сотрудниками, я отправился верхом знакомиться с мысом и его продолжением—песчаной косой. Высокий песчано-глинистый мыс Чоно-шахалур, по мере удаления в область озера, постепенно суживался и дойдя до пяти-саженной ширины довольно круто обрывался, превращаясь в песчано-галечную отмель, протянувшуюся дугой еще на целую версту.

С северо-запада, со стороны открытых вод, отливавших зеленоватым оттенком, гремела высокая волна, сбиваясь в жемчужную пену; с другой стороны темно-голубая поверхность лишь слегка колыхалась. Песчаная отмель была унизана птицами: чайками, гусями, утками, бакланами. Поодаль, на-стороже, плавала пара лебедей с своими взрослыми птенцами... На всем видимом пространстве озерного залива, качаясь на волнах, темнели птицы — осенний пролет плавающих был в полном разгаре. Занятые рыбным промыслом орланы — долгохвосты, попрежнему, или проносились вдоль берега или темнели точками на его возвышениях.

Проходя по песчаной косе с одним из своих спутников, мы неожиданно наткнулись на темный предмет, обмываемый волнами и выброшенный очевидно прибоем. Приблизившись к находке мы обнаружили, что это лисица, по всей вероятности утонувшая лишь недавно, так как ее мех был в хорошем состоянии. Осмотрев зверя со всех сторон мы нашли его очень интересным и включили в общую маммалогическую коллекцию.

В течение двух дней стоянки экспедиции в «Волчьем загоне», г. Четыркин с переводчиком Полютовым произвели два плавания, с измерением глубин, приняв исходным пунктом песчаную косу. Первое плавание — к северу на семь верст, в области открытых вод Куку-нора обошлось вполне благополучно; второе плавание к юго-востоку по заливу, образуемому с одной стороны мысом, с другой — прилежащим берегом Кукунора, закончилось аварией: железная поперечная скрепа лодки лопнула, что вызвало расхождение бортов, отказ уключин и быстрый поворот лодки в сторону. Борясь с порядочной волной наши путники едва справились с «суденышком» и поспе-

шили выброситься на берег... Таким образом наша лодка отслужив свою службу и сделавшись вполне достойной «спутницей» экспедиции, закончила свое существование.

Между прочим, считаю своим долгом заметить, что для плавания по Куку-нору, необходимо иметь порядочную лодку, а еще лучше катерок морского типа. Пускаться же в путь с такими примитивными средствами, как это делали мы, я не советую никому...

Исследованием Чоно-шахалур наши работы на Куку-норе закончились [1]): я счел вторую задачу экспедиции посильно выполненной и отдал распоряженіе к выступлению в обратный путь, к Синину.

Жалко и грустно было покидать дикое своенравное альпийское озеро; оно дало нам столько прекрасных, незабываемых по своей прелести и новизне минут... Это вечно-живое лазурное «море» ласкало и баюкало нас своим мягким несмолкаемым шепотом и чаровало своей безграничной далью... Прощай, гордый красавец! Если бы ты умел говорить, — много тайн поведал бы ты нам о своем интересном прошлом... Десятки, сотни веков назад, ты так же, как и сейчас сторожил дикие первобытные народы. На твоих берегах происходили жестокие битвы, твои воды окрашивались кровью, одни племена сменялись

---

[1]) Промеры глубин [девятого сентября]:

Между лагерем экспедиции и косой произведено два промера, на расстоянии двух и четырех верст, давшие глубину, в обоих случаях, в одиннадцать метров. Дно илистое.

С косы на север [11 ч. 45 м. утра t воздуха 7,0° С, t поверхности воды озера 9,5° С].

В расстоянии	одной	версты	7,5	метров; на дне	песок.
»	двух	»	14,5	» »	песок и ил.
»	трех	»	17,5	» »	ил.
»	четырех	»	17,5	» »	ил с водорослями.
»	пяти	»	20,5	» »	ил.
»	шести	»	25,0	» »	»
»	семи	»	26,0	» »	»

Десятого сентября:

С косы на юго-восток, вдоль берега [9 ч. 30 м. утра t воздуха 6,5° С, t поверхности воды озера 7,5° С].

В расстоянии	двух	верст	22,5	метр.; на дне	ил.
»	четырех	»	27,0	» »	»
»	шести	»	29,0	» »	»
»	восьми	»	29,5	» »	»
»	десяти	»	27,5	» »	»
»	двенадцати	»	24,5	» »	»

другими и только твое сердце — Куйсу, оставалось чуждым борьбы; под защитой высоких грозных волн, семья скромных монахов невозмутимо возносила к небу свои молитвы и твой жертвенный престол курился фимиамом...

Провожая нас, Куку-нор был спокоен, великолепно отражая темную синеву глубокого неба.

Глава XV.

ЧЕРЕЗ СИНИН В ГУЙ-ДУЙ.

Обратное следование в Синин. — День в Донгэре. — Встреча с П. Я. Напалковым. — Получение почты. — Впечатление китайцев о нашем плавании по Куку-нору. — Смотр китайских войск. — М-г Ridley — его рассказ о дунганском восстании. — От'езд геолога экспедиции на родину. — Движение экспедиции на юг — в Гуй-дуй. — Перевал Лачжи-лин. — Ущелье речки Га-жа. — Долина Хуан-хэ и переправа через эту реку. — Китайский храм Вю-цзы-мяо. — Оазис Гуй-дуй; его обитатели.

Итак, наш караван, вытянувшись длинной вереницей, двинулся к востоку. Теперь кочевники встречали экспедицию с особым уважением и любопытством, расспрашивая подробно о нашем плавании на остров Куйсу и внимательно прислушивались к рассказу об отшельниках-ламах, живущих в одиночестве среди бушующего «моря»; тангуты улыбались, с изумлением кивали головами и поднимали кверху большие пальцы рук, в виде особой похвалы нашему мужеству...

Приближалась осень... Тихими прозрачными ночами мороз достигал уже — 6° С, так что к утру земная поверхность серебрилась инеем, а полотно палатки покрывалось ледяной коркой. Температура воды в озере оставалась еще сравнительно высокой: в 1 час дня отсчеты термометра давали около двенадцати градусов тепла.

Зачуяв приближение холодной поры, пернатые странники потянули к югу. Мы ежедневно видели в пролетном порядке большие стаи серых журавлей, гусей и уток. Показывались

также и высоко-долинные черношейные журавли (Grus nigricollis), равно Gallinago gallinago, Totanus calidris и другие более мелкие кулички и некоторые нежные формы из прочих отрядов; все одинаково стремились в далекие теплые края.

Утром, в восемь с четвертью часов, десятого сентября, мы наблюдали довольно оригинальное явление: над северо-восточными горами, ниспадавшими к Куку-нору и убеленными в верхнем поясе снежным покровом, стояла густая туча: от нее обрывалась однообразно-серая дымчатая завеса, по фону которой спускалась лента, более густой и темной окраски, резко выделяясь на сером небе; временами эта лента видоизменяла свои очертания, а минуты через три исчезла совершенно.

В урочище Цунгу-джэра[1]), как и в передний путь, экспедиция остановилась биваком, но в прозрачной реченке мы уже не нашли никакой жизни. Напрасно мои спутники забрасывали сети — рыбы не было, она ушла в глубь озера... Надвигавшаяся суровая пора незаметным образом накладывала на окружающую природу свою тяжелую угрюмую печать.

Проходя по тем местам, где летом росли буйные травы, склонявшие свои головки под дыханием ветерка, мы не узнали степи. Корма́ были основательно вытравлены: везде пестрели стада баранов, яков, табуны лошадей и темные «банаг'и» туземцев, довершавшие картину большого тангутского стойбища.

Поднимаясь к перевалу Шара-хотул, экспедиция вскоре оставила за собою речки Р'гмын-чю, правый приток Куку-рачю и развалины китайских ямуней и ямпаней — управлений и цитаделей, некогда служивших средоточием представительства китайской власти. В одной из горных «падей», над которой вились грифы и бородачи-ягнятники я, неожиданно, заглядел лисицу. После выстрела из винтовки, зверь свернулся в клубок, однако, заслышав топот копыт, скакавшего казака, он собрал последние силы — дополз до ближайшей норы, и бесследно скрылся в ее глубине.

С вершины Шара-хотул мы последний раз с большою грустью оглянулись на далекий голубой Куку-нор и седовласый Сэр-чим... Впереди простирался знакомый горный ландшафт, а дальше залегали аккуратные прямоугольные участки хлебных полей. Узнав

---

[1]) Первая и последняя стоянка экспедиции при оз. Куку-норе.

от туземцев, что в вершине ближайшего бокового ущелья находятся залежи каменного угля, я предложил геологу экспедиции заняться исследованием означенного места, с тем чтобы вновь присоединиться к главному каравану в Синине. А. А. Чернов так и сделал.

По мере спуска в долину Донгэра, температура воздуха ощутительно повышалась, дожди прекратились и наступила сухая, ясная осенняя пора. Листва на деревьях пожелтела и осыпалась. Пролетные птицы попрежнему развлекали нас: вверх по долине, навстречу нам, неслись одна за другою необыкновенно многочисленные стаи журавлей; их оригинальные голоса доносились до нашего слуха со страшной высоты, ввиде странного мелодичного свиста, характер и причину которого сразу трудно было определить. В солнечные дни, на припеке, всё чаще показывались различные насекомые, воздух иногда был полон их жужжанием, а однажды вблизи Синина на кустах тальника, я нашел даже целый рой ос, державших себя правда крайне апатично.

В Донгэре мы пробыли всего один день и шестнадцатого сентября уже вступили в Синин [1]), где нас встретил капитан Напалков, успешно совершивший экскурсию в провинцию Гань-су.

Раз'езд П. Я. Напалкова охватил своим маршрутом бо́льший район, нежели тот, который предполагался вначале; кроме того самый маршрут удачно расположен по отношению к местам, исследованным нашими предшественниками. Таким образом моему помощнику удалось посетить совершенно неведомый угол Гань-су и впервые поставить на карту названия девяти новых городов [2]).

Получив два пакета почты, мы прежде всего занялись чтением писем; как всегда, дорогие вести с родины принесли одним радостные новости, другим печальные. Наш А. А. Чернов был крайне удручен сообщениями из дома, и настолько расстроился, что счел свое дальнейшее пребывание в экспедиции невозможным и оффициально заявил мне о необходимости вер-

---

[1]) Следует упомянуть, что почти на середине пути между Донгэром и Сининым — там, где гумбумская дорога в Донгэр вступает в долину Синин-хэ, лежит маленький китайский городишка Джэн-хэй-буа.

[2]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» Том XLV, вып. 1. 1909 г. Стр. 174 — 195.

нуться в Россию... Я конечно не счел себя вправе удерживать сотрудника в экспедиции против его воли и тотчас приступил к снаряжению обстоятельного транспорта в Алаша; решено было, что геолог возьмет с собою часть коллекций и весь лишний груз, в количестве семи вьюков.

Сининские власти приняли экспедицию отменно ласково и любезно; нам отвели отличный дом, расположенный в самом центре города. Молва о нашем плавании по Куку-нору и работах на этом озере, сведения о миролюбивом отношении туземцев, быстро облетели Синин и породили много толков и рассуждений. Всех особенно изумляло, что из нас никто не утонул. Цин-цай и прочие чиновники Синина, при встрече с нами исключительно говорили о нашем плавании по Куку-нору, о посещении острова, и все они с большим интересом рассматривали лодку в собранном и разобранном видах, даже пробовали садиться в нее и просили показать г.г. Чернова и Четыркина их руки, на которых всё еще сохранялись основательные мозоли. В конце концов цин-цай сказал: «вы, русские, первые плавали по Куку-нору, первые сказали нам о глубине Цин-хай'я и первые иностранцы, посетившие остров Куйсу или Хай-синь-шень; обо всем этом я непременно сообщу в Пекин».

Чтобы не ослаблять прекрасных отношений и того хорошего впечатления, которое я получал после каждого нового свидания с синин'скими властями, я счел излишним напоминать прежние уверения цин-цай'я о том, что в Куку-норе тонут не только камни, но и дерево, — это было само собою очевидно...

По приглашению чжень-тай'я командующего войсками, я, почти со всеми моими спутниками, присутствовал на военном смотру китайской пехоты и кавалерии. На меня этот смотр произвел впечатление серьезного улучшения военного дела, в смысле усвоения европейских стройных приемов, сравнительно с тем, что я наблюдал восемь-девять лет тому назад. Китайские офицеры и солдаты в значительной мере усвоили себе японскую тактику, впрочем самими японцами уже оставленную. Войска были представлены на смотру хорошо одетыми (в старой форме), кавалеристы на отличных, местной породы, лошадях. Традиционные большие флаги здесь еще не отменены и по-

прежнему составляют гордость китайской кавалерии. Примерная стрельба холостыми выстрелами из пистонных ружей (однозарядные скорострельные берегутся) велась толково, залпы не срывались. Молодые офицеры значительно превосходят выправкой и молодечеством своих старых товарищей, равно как и нижние чины, молодежь, с нетерпением ожидающая полного изменения уставов на европейский лад.

На смотру китайских войск присутствовало много окрестных тангутов, заранее прибывших в Синин специально для этой цели. Нарядные, богатые номады, на общем плацу, в стороне часто запускали своих резвых иноходцев, представляя зрелище не менее занятное, как и китайские войска.

Приятное впечатление образцовой военной выправки, царящей в китайских войсках, вполне подтвердилось при моем знакомстве с местной милицией, квартировавшей у нас, во дворе. Интересно было смотреть, как стройные юноши, в темно-синей форме, быстро и умело проделывали различные упражнения, следуя указаниям еще более стройных, гибких и ловких инструкторов-офицеров.

Дни пребывания в Синине проходили незаметно: снаряжение каравана геолога экспедиции с одной стороны, сортировка и упаковка коллекций с другой, постоянные визиты сановных китайцев и посещение торговцев — всё это делало жизнь крайне разнообразной и утомительной. Услужливые коммерсанты приносили на бивак бурханы, различные этнографические предметы и однажды предложили нам даже живую дикую кошку, приобщенную впоследствии к нашему естественно-научному собранию. Среди всех этих занятий мало приходилось быть наедине с своими мыслями, мало оставалось времени для вдумчивой планировки последнего заключительного периода экспедиции. Далекая богатая Сычуань сильно манила, тянула к себе душу исследователя живой роскошной природой, но вместе с тем, желание повидаться с Далай-ламой, приезда которого ожидали в Гумбуме, задерживало меня в районе этого монастыря...

В Синине, попрежнему, мы получали удовольствие в общении с английской семьей H. French Ridley. В кругу симпатичных англичан, мы вновь прекрасно проводили часы небольшого досуга, вспоминая культурные страны. Вечером, сидя в уютной

гостинной миссионеров и слушая пение M-r Ridley и его маленькой милой дочурки, я мысленно переносился на родину: на душе становилось одновременно и тоскливо, и хорошо...

Англичане не менее китайцев интересовались нашим плаванием по Куку-нору и всегда, в подходящих случаях, сводили беседу на эту тему. Будучи старожилом Синина, любезный миссионер, повторяю, дал нам много ценных сведений про местный край, равно, в значительной мере способствовал приращению экспедиционной этнографической коллекции, путем приобретения образцов таковой у местных обитателей.

Беседуя как-то раз о дунганском восстании 1895—1896 гг. M-r Ridley коснулся очень интересных подробностей. По его словам, движение в районе Ганьсуй'ской провинции, началось с Датунг'а. Опьяненные успехом в более мелких китайских городах, дунгане стремительно подвигались к Синину. Чжень-тай выслал навстречу разбойникам военный отряд, численностью от трехсот до трехсот пятидесяти человек, который, однако же, в самом непродолжительном времени, был окружен дунганами и целиком, почти без выстрела, сдался в плен. «Дунгане», говорил почтенный миссионер [1]), «обыкновенно мало церемонятся со своими пленными и безжалостно убивают их. В подобной зверской резне принимают участие все повстанцы, не исключая юношей и даже мальчиков десяти-двенадцати лет, как говорят для упражнений!» Расправившись с китайским отрядом, инсургенты могучей волной докатились до Синина и обложили его. Чжень-тай почти ежедневно производил вылазки из осажденного города и вызывал жаркие стычки. Однажды, зарвавшись слишком далеко в глубину вражеского расположения, китайцы не успели во-время отойти к укрытиям, произошло смятение и передовые колонны были целиком уничтожены дунганами; видя как режут и душат товарищей, китайцы потеряли способность мыслить и стояли словно загипнотизированные. M-r Ridley своими глазами видел эту потрясающую картину и подавал помощь раненым, как той, так и другой стороны.

Стремясь во что бы то ни стало подкопать и форсировать ворота, дунгане проявляли необыкновенное мужество. Воору-

---

[1]) M-r Ridley пояснил свой рассказ картиной кисти местного художника, где была изображена резня китайцев.

жившись необходимыми инструментами, нападавшие в одиночку подбегали к воротам, лихорадочно принимались за работу, и вскоре падали под ударами противника. Смельчаки быстро сменяли один другого... Иногда горячие схватки завязывались из-за пустяков. Английскому миссионеру пришлось быть свидетелем того, как, в один прекрасный день, дунгане расположились завтракать вблизи южных ворот Синина и будучи недовольны тем, что на них со стен упорно смотрят китайцы, принялись ругать их последними словами. Завязалась ссора... Тем временем, незаметным образом, китайцы выдвинули пушку на башню и дали несколько удачных выстрелов, заставивших врагов отойти на соседние кумирен'ские высоты.

Таким образом китайцам всё же удалось отстоять Синин — его вековые стены спасли исторический город.

... Встретив однажды вблизи своего дома ламу-тангута из чойбзэнского монастыря, я воспользовался случаем, чтобы завязать сношение с моим старым приятелем чойбзэн-хутухтой и послал ему приветственный хадак, письмо и подарок. Вскоре в Синин прибыл приближенный к святителю лама, с любезным приглашением пожаловать в гостеприимную чойбзэнскую обитель. Несмотря на искреннее желание повидать хутухту, я все-таки решил не задерживать всей экспедиции в Синине, а проследовать дальше в Гуй-дуй, где мы предполагали зимовать, и откуда я всегда мог с'ездит в Чойбзэн.

Двадцать седьмого сентября из Синина выступил алашань'ский верблюжий караван, во главе с геологом Черновым; в помощь моему сотруднику были даны двое казаков — Бадмажапов и Содбоев; первому вменялось в обязанность возвратиться в экспедицию из Алаша́-ямун'я, второму приказано проводить г. Чернова до Урги, а затем находиться при складе в Алаша́...

Главный же караван, состоявший из мулов [1]), отлично приспособленных для движения в горах, покинул резиденцию цин-цай'я тридцатого сентября, и успешно зашагал в юго-юго-западном направлении.

---

[1]) Мул требует хорошего ухода и обильной хлебной кормежки; хорошее, сильное животное везет без особого напряжения до шести слишком пудов, при чем безусловно необходимо, чтобы вьюк с обеих сторон был строго уравновешен.

Дорога постепенно поднималась, следуя среди хлебных полей и селений; переночевав в разоренной дунганами деревне Шин-джун, начавшей заселяться дунгано-далдами, мы выступили с первыми лучами солнца, красиво позолотившего высокие, укрытые снегом вершины протянувшегося на юге хребта.

Этот альпийский хребет, поперечно лежавший на пути экспедиции, вздымался ровной зубчатой пилообразной стеною, обнажая скалистые утесы, богато развитые как в верхнем, так в среднем и нижнем поясах. Оба склона горного массива одинаково труднодоступны, только с северной стороны движение затрудняется кроме крутизны еще обледенением и глубоким снеговым покровом, тогда как на южном склоне тропинки каменисты и сухи; на южном склоне снег совершенно отсутствовал.

Вскоре, местность заволновалась луговыми складками, сбегавшими от подножья гор. Прежде чем вступить в русло речки, катившей свои воды по ущелью прямо с перевала Лачжи-лин, мы сделали остановку в месте соединения трех дорог — Гумбум'ской, Гуйдуй'ской и Синин'ской... [1]) По мере приближения к перевалу, ущелье с'уживалось, становилось круче и каменистее; рокот речки усиливался.

Впереди и позади нас, змееобразно извиваясь, двигались почти сплошной лентой паломники-буддисты, спешившие в Гумбум на праздник. Молодые тангуты собирались веселыми пестрыми группами и оживленно болтали, перегоняя степенных, хмурых стариков, угрюмо перебиравших чётки с неизменной молитвой «ом-ма-ни-па-дмэ-хум» на устах. Все эти лихие туземные всадники с любопытством и завистью взглядывали на нас, провожая хищным взором отличное вооружение участников экспедиции.

Перевал Лачжи-лин расположен на высоте 11.550 футов над уровнем моря. К северу и югу сбегают крутые ущелья и лога, укрытые ковром луговых пастбищ; еще ниже — на дне долин темнеют густые заросли облепихи (Hippophäe rhamnoides) и других кустарников, дающих приют многочисленному пернатому населению; там обитают фазаны Штрауха, сифанские

[1]) Горячие ключи, о которых мы слышали еще в Синине, оказались не на пути экспедиции, а несколко в стороне к юго-западу, среди сложных разветвлений холмов.

куропатки, крикливые Pterorrhinus davidi, Trochalopteron ellioti, рыжегорлые дрозды, большие и маленькие — изящные синички (Leptopoëcile sophiae), краснохвостки рыжебрюхие, дятлы, водяные оляпки и немногие другие. В верхнем поясе гор, высоко в синеве неба можно почти постоянно видеть грифов, бородатых ягнятников и изредка — царственного хищника — орла-беркута, гордо проносящагося вдоль самых главных вершин. Из зверей в горах наблюдались лишь лисицы, зайцы и самые мелкие грызуны.

По обе стороны хребта мы встретили особые пикеты, состоявшие из десяти человек милиционеров, обязанных сопровождать проезжих чиновников, казенные транспорты и корреспонденцию; при случае, эти же раз'езды преследуют воров и разбойников, промышляющих кое-где в наиболее диких участках гор.

С вершины перевала Лачжи-лин, благодаря прозрачности воздуха, открывалась далекая панорама к югу... В этом направлении залегал сплошной лабиринт гор, изборожденных ущельями и долинами рек и речек. Самые отдаленные горные цепи синели и сливались с небесным сводом... Приблизительно, на половинном расстоянии охваченного взором пространства, горы понижались и словно проваливались в пропасть, образовывая поперечную трещину, там и сям, зиявшую темной синевой — это гигантское углубление Желтой реки, проложившей себе в лёссовых толщах извилистое ложе. Лёссовые толщи проникают языками в глубь горных ущелий, и часто стоят в виде глубоких мрачных корридоров, по которым, в период летних дождей, стремительно бурлят мутные потоки.

Несмотря на страшную крутизну полуденного склона, в особенности в самом верхнем поясе гор, мы всё же довольно успешно подвигались вниз. По мере спуска в средний пояс хребта, местность все более и более оживлялась тангутским земледельческим населением. Следуя вдоль по течению прозрачной, звонкой речки Га-жа, впадающей непосредственно слева в Хуан-хэ, мы отметили довольно большое количество мельниц, теснившихся по дну ущелья, тогда как по высоким террасам, справа и слева, красовались буддийские монастыри, блестя яркой белизною стен и золочеными украшениями кровель.

Неподалеку от селения Чан-ху, где мы ночевали (и откуда были произведены, приложенные к этому описанию фотографические снимки — южный склон альпийского хребта и китайский храм с одной стороны и гора Гуш-цзай [1]) — с другой); на левом возвышенном берегу речки, среди скромных монастырских построек, выделяется солидный дом местного тангутского князя — Чан-ху; здесь же по соседству отрадно зеленеют участки елового леса, лепящегося по страшной крутизне. Судя по расспросным сведениям, в этих лесах водятся — лисицы, волки, зайцы и кабарга, а из промысловых птиц — красные и голубые фазаны.

Гора Гуш-цзай, на пути из Синина в Гуйдэ-тин.

2 октября наш караван оставил окрестности Чан-ху еще в темноте, не дожидаясь восхода солнца; всем нам одинаково хотелось в один переход осилить оставшиеся 40 верст до Гуй-дуй'я.

Желанный оазис, зимний приют экспедиции, долгое время не открывался нашим нетерпеливым взорам, скрываясь за обступившими его высотами. Только выйдя в долину Желтой реки, мы увидели протянувшийся по правому берегу к западу-юго-западу сплошной золотистый тополевый лес, прятавший под своей сенью серо-желтые глинобитные жилища гуйдуйских обитателей.

---

[1]) Гора Гуш-цзай выклинивается к югу из общей цепи альпийского хребта, в котором она занимает доминирующее положение и отстоит на юго-восток от перевала Лачжи-лин.

Усталые, мы поспешили расположиться биваком на укромной и кажется единственной свободной луговой площадке, по соседству с холмом, его пещерно-лёссовым жилищем бедняков китайцев. Скромный старик китаец тотчас услужливо принес нам дров и, обрадовавшись общению с новыми людьми, у разведенного костра, поведал нам свою грустную повесть. Зимою бедняк со всей семьей кое-как существовал на подачки проезжающих, которых он, с помощью трех взрослых дочерей, снабжал топливом; летом же его выручали дыни и арбузы. Других средств к жизни не было никаких.

Вблизи Гуй-дуй'я, Хуан-хэ имеет довольно быстрое течение, и не вмещаясь в главном глубоком песчано-галечном [1]) змееобразном русле, разбивается на несколько северных рукавов. поверхность воды у которых, в местах бродов, касалась живота лошади. Прозрачная осенняя вода в реке сохраняла сравнительно высокую температуру — 13° С, да и в согретом ярким солнцем воздухе всё еще попадались на глаза бабочки, мухи и жуки; лишь опавшая пожелтелая листва с деревьев да пролетные птицы — коршуны, дрозды и другие говорили о надвигающихся холодах... Утром следующего дня мы наблюдали плоскоголовую ящерицу, лягушек, а несколько позднее отметили белую цаплю. Чепура почти беззвучно, украдкою, пронеслась над лагерем, отливая яркой белизной на угрюмом фоне помертвевших горных скатов.

Переправа через Хуан-хэ совершается на довольно больших плоскодонных ладьях [2]) и существует на следующих основаниях: суда приобретаются уездным начальником тин-гуанем и сдаются в аренду перевозчикам. Эти рабочие делятся на две группы — тангутскую и китайскую, еженедельно сменяющие одна другую. В спокойное летнее время при каждой ладье дежурят по семи человек перевозчиков, а в дурную погоду — весною, во время шуги — по тридцати. Плата за перевоз сравнительно ничтожная: десять чох [3]) за человека и семьдесят чох за каждое животное. Все вырученные деньги делятся на две

---

[1]) Будет более правильным, если скажем песчано-илисто-галечное русло Хуан-хэ.

[2]) Против западной части оазиса Гуй-дуй, на всякий случай, есть также бурдючная переправа.

[3]) Десять чох равняются стоимости нашей одной, самое большее, двух копеек.

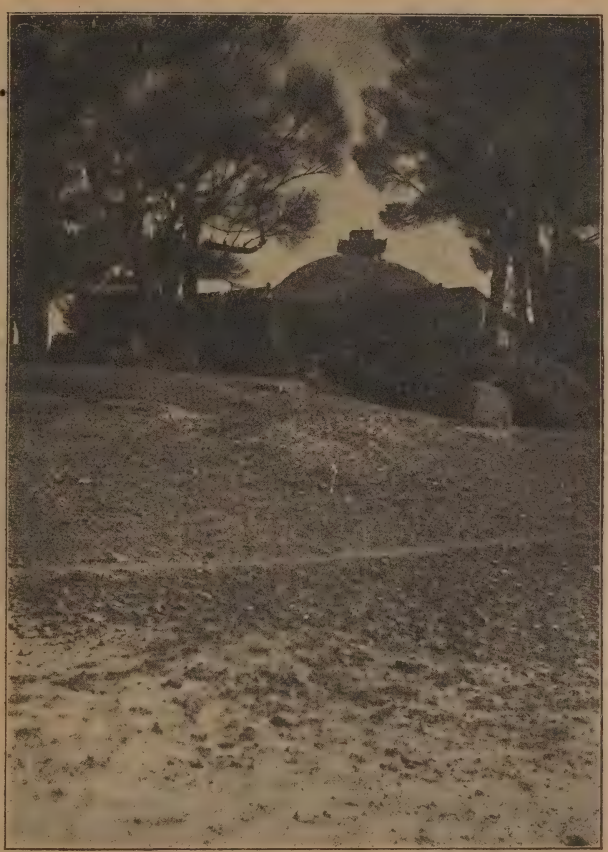
Южный склон Альпийского хребта; китайский храм

Река Хуан-хэ, выше оазиса Гуй-дуй'я

равные части, причем половина дохода поступает тин-гуаню, а другая половина — самим перевозчикам.

Вблизи переправы теснилась оживленная толпа народу; едва приставшая к берегу ладья быстро опоражнивалась — из нее на перегонки выскакивали кони, мулы, люди; раздавались веселые крики, визг, ругательства. Тут-же среди толкотни неизменно сновали торговцы грушами и разным хламом.

Тин-гуань озаботился предоставлением экспедиции всех удобств при переправе. Наш многочисленный багаж, без особого труда, был погружен на самую вместительную ладью и в два приема переправлен на правый берег.



Гуйдэ-тин. Китайский храм Вю-цзы-мяо.

В месте переправы, Хуан-хэ имеет широкое, до полуверсты, галечное русло, хотя основной фарватер реки едва-ли превышает стопятьдесят сажен. Общее направление долины, как уже и указывалось выше — восточно-западное с бо́льшим или мѐньшим уклонением к северу или югу. Освободившись от причала, ладья обыкновенно отдавалась воле течения и быстро неслась вниз по реке, но следуя излучине, в то же самое время постепенно приближалась к противоположному берегу; перевозчики при этом усиленно работали гигантскими веслами, заменяющими руль, и, несмотря на смех, шутки и песни, всегда успевали в нужный момент пристать к твердой земле и ловко закрепить ладью к устоям солидными канатами.

На правом берегу, экспедицию встретили чиновники города, проводившие нас до предназначенного путешественникам места стоянки—храма Вю-цзы-мяо [1]). Вначале нам предложили остановиться внутри города, но я уклонился от такого рода расквартирования экспедиции и предпочел избрать изолированный китайский храм, красиво расположенный на высотах, окаймляющих оазис с юга. Отсюда можно было любоваться Гуйдуй'ем, прелестным осенним расцветом листвы его садов и прилежащими горами, разорванными могучей рекою Хуан-хэ. Листопад значительно усилился и светлая лента реки выделялась особенно резко.

Китайцы-привратники при храме Вю-цзы-мяо.

По утрам и вечерам, по дорогам оазиса, и в окрестных лощинах мы замечали движение каких-то фигур, бродивших из стороны в сторону. В бинокль хорошо было видно, что это женщины [2]), согнувшись, аккуратно подбирали в особые мешки опавшие листья и навоз животных, служившие им топливом.

Длинная нить тангутских караванов, проходящих через оазис почти не прекращалась, так как здесь скрещивались пути в Лавран, Рарчжа-гомба и Синин...

Храм Вю-цзы-мяо оказался обширным помещением, с большим числом комнат, конур и клетушек, где экспедиция отлично разместилась. Все постройки делились на две части, причем каждой заведывал особый старик — «лохан».

---

[1]) Или иначе, «Нань-хай-дьянь» — «Южная морская гостинница».

[2]) Женщины вообще исполняют здесь самые трудные и кропотливые работы.

Я лично устроился, до наступления ощутительных холодов, в парадной храмине, здесь же разместил коллекции и прочее наиболее ценное имущество, создав себе таким образом уединенный уголок для продуктивных занятий по писанию отчетов и разных работ.

Оазис Гуй-дуй лежит на высоте 7.440 футов над уровнем моря и состоит из маленького уездного города Гуй-дэ-тина, обнесенного крепостною стеною и нескольких сот

Оазис Гуй-дуй; на первом плане тибетский караван [на яках], пришедший из монастыря Лаврана.

фанз, с лугами, пашнями и садами, рассыпанными по берегам двух речек — западной Дун-че-гоу [1]) и восточной — Лан-дю-гоу [2]), впадающих в Хуан-хэ справа [3]). Между речками, разделяющими оазис на три части — восточную, среднюю и западную, при чем первая и последняя узкими длинными лентами убегают вглубь ущелий — залегает горная гряда, протянувшаяся с юга на север и увенчанная на своей оконечности, в двух верстах от города, большим храмом и

---

[1]) По тангутски — Дун-че-лун.

[2]) По тангутски — Лан-дю-лун.

[3]) Вместе с городом оазис занимает площадь, приблизительно, равную двум квадратным верстам.

пагодой, расположенной на соседней с храмом командующей вершине [1]).

Построенные около трехсот лет тому назад, город Гуй-дуй и его крепостные стены, со стороны дунган подверглись разрушению и были в свое время отделаны заново. К сожалению, о первоначальном Гуй-дуй'е, интересном в историческом отношении, не сохранилось даже достоверного письменного источника, так как, по словам китайцев, все имеющиеся описания сильно прикрашены.

О самом дунганском восстании, китайцы рассказывают следующее: страшно ненавидя сынов Небесной Империи, гуйдуйские и окрестные дунгане издавна сплотились между собою и образовали организованную массу, которая под предводительством избранного начальника — Ло-ло-ху, могла всегда оказать сильнейшее сопротивление исконному врагу. Такое нервное и возбужденное настроение скоро нашло себе выход в открытом восстании, вспыхнувшем по самому ничтожному поводу: китайская полицейская стража арестовала вора-дунганина и отправила его в ямунь. Этого было достаточно, чтобы все магометане поднялись как один человек, и, войдя с разных сторон в город, заперли городские ворота.

Растерянные китайцы не успели опомниться, как повстанцы очутились уже у ямуня, где жестоко расправились с начальником округа, а потом перейдя к мирным гражданам, начали поголовное избиение. Улицы города вскоре покрылись обезображенными трупами юношей, стариков, женщин и детей: жестокие дунгане никому не дали пощады.

Два месяца неистовствовали восставшие в разоренном и полуразрушенном городе и только недостаток продовольствия заставил их прекратить бойню...

Тем временем, оповещенные о дунганском мятеже окрестные китайцы собрались под стенами Гуй-дуй'я и стали сторожить врагов. Предвидя, что неприятель намеревается взять их измором, дунганский начальник Ло-ло-ху решил итти на

---

[1]) По словам Потанина, местность вокруг Гуй-дуй'я носит название Сань-коу или «Трехречье», или Сань-тунь — «Трехградие», или, наконец Си-ши-па-ху, что значит «Сорок деревень».

Название Гуй-дуй (в этом отношении мы с Потаниным совершенно солидарны) — китайское; среди тангутов оазис известен под именем «Чика», то-есть «Собака».

пролом, и для храбрости напоив дунган китайской сулей — водкой, открыл ворота и устремился на китайцев, которые не выдержав дружного натиска, дрогнули — и побежали.

Из Гуй-дуй'я дунгане направились в Синин, где еще долго продолжали свою жестокую расправу...

В настоящее время, общее число жителей в Гуй-дуй'е достигает девяти с половиной-десяти тысяч душ, из них три четверти приходится на коренное, китайское население, и только одна четверть—на хара-тангутов. После своего восстания, дунгане здесь не селятся; только две дунганские семьи остались жить в городе попрежнему.

За крепостными стенами, вблизи ямуня скрываются лишь немногие китайские купцы и ремесленники, главный же базар сосредоточен вне города, и составляет несколько улиц, заполненных китайскими глинобитными фанзами-лавками. За право торговли купцы вносят в ямунь семь-восемь лан серебра ежегодно; торговцы средней руки платят лишь один-три лана, а за «лотки» не взимается никакой платы; в лавках держат преимущественно хлеб, чай, материи и прочие предметы первой необходимости. Все перечисленные товары обмениваются на сырье (шерсть, кожи, овчины, масло, скот), доставляемое номадами, с коих тоже взимается за право пребывания в городе семьдесят чох с головы животного.

В некотором расстоянии от города, ближе к горам, живут китайцы и оседлые тангуты, занимающиеся огородничеством, хлебопашеством и скотоводством. На огородах разводят преимущественно лук, редьку, морковь, капусту, горох, бобы, картофель, а также огурцы, дыни и арбузы. На полях возделываются: ячмень (двух сортов), пшеница, крупный и мелкий горох, просо, мак и проч. В Гуй-дуй'е земля расценивается очень дорого: так называемая «му» или одна шестнадцатая часть десятины стоит около десяти-двадцати лан серебра; кроме того, с каждой «му» полагается еще вносить в ямунь: меру [1]) зерна или точнее — с двух «му» — десять-одиннадцать фунтов (зерна).

Богатые китайцы располагают участками в сто двадцать «му», землевладельцы средней руки довольствуются восьмью-

---

[1]) У китайцев нашей мере, до некоторой степени, соответствует «шин».

десятью «му» [1]), а бедняки — восьмью или десятью «му». Китайцы вообще любят землю [2]) и возделывают ее с заботой и усердием, собирая средний урожай сам-восемь и больше. Первый пахарь на «сухих» полях в Гуй-дуй'е появляется седьмого-девятого февраля, а недели через две он уже обрабатывает землю, с осени «напоенную влагою». Система оросительных каналов у китайцев доведена до совершенства. Вдоль этих каналов красуются тополя (Populus przewalskii и P. simoni), реже встречаются заросли хармыка, тальника или ивы (Salix babilonica) и облепихи, к которым в долине Хуан-хэ, выше оазиса, примешиваются кусты барбариса (Berberis caroli), а ниже — порядочные деревца тамариска (Tamarix pallasi). В самом оазисе, по садам, не редка сирень Syringa pubescens var. tibetica и шиповник или дикая роза (Rosa) [3]).

По берегам быстрых прозрачных речек, омывающих оазис, всюду виднеются ряды мельниц, работающих самым образцовым образом.

Из фруктовых деревьев в Гуй-дуй'е больше всего славятся груши (трех сортов), приносящие отличные плоды, в свою очередь так же подразделяющиеся на сорта, а именно: тьян-ли — крепкие, сахаристые, несколько тяжелые для желудка груши; дунго-ли — идущие больше в мороженом виде и наконец самые сладкие и сочные груши, известные под названием вуар-ли. Грушевые деревья имеются почти около каждой фанзы; состоятельные китайцы исчисляют свой доход в тридцать пять лан [4]), средние обыватели — на половину меньше, а бедняки получают лишь одну четверть или даже одну пятую того, что имеют крестьяне средней руки.

Груши, так же как и прочие фрукты — абрикосы и черешни сбываются в Синине, Гумбуме и даже в Лань-чжоу-фу, где они, как говорят, в цене.

Та часть населения Гуй-дуй'я, которая занимается скотоводством, разводит главным образом рогатый скот, баранов, яманов, ослов, мулов и лошадей; в городе многие обитатели

---

[1]) Хотя чаще сорока или шестьюдесятью «му».

[2]) Безземельные китайцы не в почете.

[3]) Из травянистой растительности, за поздним осенним временем, собраны лишь: марьин корень или пион (Paeonia mutan) и Sorbaria kirilovi.

[4]) Цена груш, в зависимости от качества и времени, колеблется между пятьюдесятью-восмьюдесятью копейками за сотню, считая на наши деньги.

Оазис Гуй-дуй осенью (вид с храма Вю-цзы-мяо)

имеют свиней, а куры составляют необходимое достояние каждого поселянина.

Гуйдуйские китайцы народ скорее угрюмый, нежели веселый; пение можно услышать лишь изредка, да и то на устах молодежи, распевающей иногда по вечерам только для того, чтобы нарушить жуткую, окружающую их тишину, и заглушить собственный малодушный страх; так по крайней мере мне пояснили старые китайцы.

Мужчины большею частью крайне ленивы, медлительны и апатичны, а женщины наоборот чрезвычайно трудолюбивы и успешно исполняют все домашние и полевые работы; осеннею порою нам пришлось наблюдать женщин сотнями занятых помимо сбора сухих листьев еще и кропотливым трудом по орошению пашен. Походка представительниц прекрасного пола легкая и грациозная; при встрече они держат себя очень приветливо и не прочь поболтать с посторонними... Китаянки не лишены известной доли гордости; среди них довольно обыкновенны случаи самоубийств[1]), являющихся следствием стыда или какой-нибудь горькой обиды. Так например, однажды в Гуйдуйе произошел следующий случай: молоденькая женщина, только недавно вышедшая замуж, проходила, как то летом, вдоль поля, засеенного бобами; искусившись аппетитными овощами и не видя кругом ни одной живой души, она набрала их целую корзиночку, и отправилась домой. В этот момент за ее спиной раздался грозный окрик мужчины, который выбранив несчастную за воровство, ударил ее по лицу. Вернувшись к мужу, бедная женщина выбросила злосчастные бобы и не показываясь ни кому на глаза — бесследно исчезла. Говорят, что с горькой печали она окончила жизнь в водах быстрой Хуан-хэ.

Одежда местных китайцев очень скромна и в ней преобладает национальный синий цвет. Китаянки носят обычные темные штаны (щеголихи делают их фиолетовыми) и короткую красную курму, шитую на вате и отороченную пестрой тесьмой. Поверх красной курмы нередко одевается еще тонкий длинный синий халат, а в холодное время года — и черные широкие невыразимые. Женская обувь почти ничем не отличается от мужской, так как в Гуй-дуйе китаянки не уродуют своих ног; лишь

---

[1]) Чаще всего они бросаются в Хуан-хэ.

некоторые, особенно кокетливые дамы, подбивают к обыкновенной туфле еще второстепенную маленькую подошву, которая оставляет на земле еле-заметный словно детский изящный след... Это делается с целью создать эмблему прежней маленькой ножки, или так называемой «золотой лилии»...

Живя в непосредственной близости с тангутами, гуйдуй'ские китайцы часто вступают с ними в кровное родство и с детства изучают тангутский язык; кроме того, в большинстве случаев они исповедуют буддийскую религию. Во время нашего пребывания в Вю-цзы-мяо, я лично имел случай не один раз убедиться в том, с каким благоговением китайцы подходят к буддийским святыням.

Своих покойников местные обитатели хоронят на полях, по углам, где впоследствии произрастает колючий кустарник — хармык.

Тангуты, с своей стороны, знают почти исключительно только свой родной язык; они управляются особым гуйдуй'ским старшиною-тангутом чан-ху, имеющем четырех помощников — бэй-ху. Кроме земледелия и скотоводства тангуты занимаются еще извозом, считающимся у них особой повинностью [1]).

Оазис Гуй-дуй охраняется милицией, насчитывающей в своих рядах до трех тысяч шестисот человек. В мирное время милиционеры живут по частным квартирам, отправляя все хозяйственные обязанности и лишь двадцать шесть человек, каждые десять дней, сменяются для охраны ямуня. При первой тревоге, милиция обязана оставить все свои дела и встать на защиту родного города.

[1]) По первому требованию китайских чиновников, тангуты должны явиться с указанным количеством подвод и доставить важных персон к желаемому месту. Эта повинность заменяет китайцам налог на землю натурою-зерном.

Глава XVI.

ТРИ МЕСЯЦА В ОАЗИСЕ ГУЙ-ДУЙ'Е.

Хорошее отношение с местным населением. — Предсказание некоего гэгэна в пользу экспедиции. — Симпатичная китайская администрация. — Птицы оазиса. — Окрестные монастыри. — Театр. — Периодические почты. — Моя поездка в Чойбзэн-хит. — Гостеприимство чойбзэн-хутухты. — Попутное посещение Синина. — Гриф-монах. — Приезд Ц. Г. Бадмажапова, отрадная весть Географического Общества. — Новые перспективы. — Горячие ключи Чи-гу. — Праздник Р. Х. и Новый год. — Сборы в зимний путь.

Обосновавшись в тихом и теплом оазисе Гуй-дуй'е, в лучшем и изолированном его китайском храме Вю-цзы-мяо, где мы рассчитывали провести мягкую гуйдуйскую зиму целиком, члены экспедиции очень скоро приобрели доверие местного населения. Не только китайцы, но и тангуты ближайших окрестностей, часто со скуки, наведывались к нам, послушать грамофон [1]), посмотреть на образ жизни русских путешественников, и даже попросить медицинского совета. Из болезней, чаще всего туземцы страдали всякими накожными лишаями, экземами, равно воспалением глаз, зобом и проч.

Поводом к особенному дружелюбию, проявленному гуйдуйцами к русским послужило некое предсказание, сделанное весьма

[1]) В противовес монголам, туземцам Гуй-дуй'я нравилась более возвышенная, сложная музыка и вообще по сравнению с монголами они производили впечатление более развитого и культурного народа. Грамофон всё же возбуждал в них чувство необыкновенного почтения и смешно бывало смотреть, как серьезные женщины, держа на руках детей, по окончании игры низко кланялись инструменту и при этом складывали руки, как для молитвы.

почитаемым в крае гэгэн'ом. Старец поведал всем буддистам, что 1909 год будет благополучен и даст хороший урожай лишь в том случае, если с севера приедет в оазис «большой человек». По случайному совпадению, приход экспедиции вполне соответствовал данным пророчества и естественно вызвал единодушный радостный под'ем среди населения...

Прiём больных туземцев в оазисе Гуй-дуй.

Начальство Гуй-дуй'я — тин-гуань и сэ-тай (военный) охотно посещали наш приют, где неизменно получали угощение: коньяк, доморощенную водку и папиросы [1]). В разговоре, тин-гуань сообщил мнé, что все местные старшины выразили свое удовольствие по поводу пребывания в оазисе русской экспедиции, приносящей обитателям, по их словам, не вред, а истинную пользу. Сэ-тай отметил с своей стороны, что русские путешественники должно быть все прекрасные люди, так как он уже и раньше имел счастье встречаться с исследователями Азии — братьями Грум-Гржимайло, или «Голо-Моло», как выговаривал китаец, снискавшими себе среди аборигенов всеобщее уважение. См. Г. Е. Грум-Гржимайло. «Путешествiе в Западный Китай».

[1]) В свое время, обоим представителям власти были посланы подарки: одному музыкальный инструмент, другому бинокль.

Жизнь членов экспедиции скоро вошла в свою обычную колею; я производил астрономические, метеорологические наблюдения, занимался фотографией, писал дневник и готовил отчет за второй — кукунорский период путешествия. Препараторы ежедневно экскурсировали в окрестностях, но несмотря на сравнительное обилие птиц, новых или не знакомых нам родов и видов пока не встречалось.

Попрежнему, в прозрачной ясной синеве неба гордо парили: бородатый ягнятник (Gypaëtus barbatus), гриф монах (Vultur monachus), а иногда и гриф гималайский (Gyps himalayensis); только сильный голод заставлял этих царственных пернатых спускаться к жилищам человека, и искать каких-либо мясных отбросов. К вечеру, величественные хищники всегда удалялись в скалы, с которыми почти никогда не расставался более изящный и более благородный по натуре — орел беркут. По окраине оазиса, изредка, проносился стрелою сокол Gennaia milvipes milvipes; в садах держались тетеревятники (Astur palumbarius), сторожившие многочисленных фазанов, и перепелятники (Astur nisus), охотившиеся за более мелкими пташками. По вечерам или даже поздно ночью, подле обрывов или высоких стен, часто раздавалось унылое гуканье филина, которому вторил серый сычик (Athene). Около нашего жилища постоянными гостями считались черный ворон (Corvus corax), черная ворона, галочки (Coloeus neglectus, C. dauricus) и сорока (Pica bactriana). С ближайших гор в наш уголок залетали и клушицы-грион (Graculus graculus), звонко перекликавшиеся своими мелодичными голосами.

По деревьям оазиса, там и сям, держались удоды, овсянки (Cia godlewskii) и непременно присутствовал дятел (Dendrocopus cabanisi cabanisi); в гущине береговых зарослей Хуан-хэ много раз наблюдались голубые сороки (Cyanopolius cyanus), камышевые стренатки (Cynchramus cshoeniclus, C. pallasi), фруктоеды (Carpodacus rubicilloides, C. pulcherrimus, C. stoliczkae), Pterorrhinus davidi, синицы — Leptopoécile sophiae, Poécile affinis, Acredula calva и вертлявая кустарница (Rhopophilus pekinensis pekinensis); в густой листве, сцепившейся по верхушкам деревьев,

---

[1]) Carpodacus stoliczkae предпочитает держаться в лёссовых обрывах или глинисто-каменистых холмах, неподалеку от воды.

нередко шелестели, деятельно отыскивая пищу, синицы малые (Parus minor) и розокрылые вьюрки (Bucanetes obsoletus), тогда как вьюрок пустынный (Bucanetes mongolicus ютился в серо-желтых холмах, на окраине оазиса. Кроме того, оазису Гуй-дуй'ю свойственны завирушки (Spermolegus fulvescens), поползни (Certhia familiaris bianchii): рыжебрюхие красно-хвостки (Ruticilla erythrogastra), рыжегорлые дрозды (Turdus ruficollis). По соседству с человеком живет полевой воробей (Passer montanus), а его собрат — каменный воробей (Petronia petronia) населяет более уединенные холмы и обрывы, где также изредка встречается краснокрылый стенолаз (Tichodroma muraria). По лугам и вблизи речек или даже по самым речкам нами отмечены три вида жаворонков — рогатый (Otocorys elwesi elwesi), хохлатый (Galerida cristata leautungensis) и жаворонок-великан (Melanocoryphoides maxima), водяная оляпка (Cinclus cashmeriensis шеврица (Anthus spinoletta blackistoni), дупель отшельник (Gallinago solitaria), водяной пастушок (Rallus aquaticus), а по галечному сухому руслу серый кулик-серпоклюв (Ibidorrchynchus struthersi). Из плавающих вместе с нами зимовали — стайка серых гусей (Anser anser), турпаны (Casarca casarca), пеганки (Tadorna tadorna), большой крохаль — любитель быстрых незамерзающих вод (Mergus menganser) и утки-кряквы (Anas boscas), а из крупных голенастых: цапля белая (Herodias alba). В заключение, следует упомянуть также о многочисленных фазанах (Phasianus decollatus strauchi), населяющих сады или заросли кустарников, а также куропатках (Perdix daurica, P. sifanica) и больших кэкэликах (Caccabis magna); последние, впрочем, ютятся по серым предгорьямъ, откуда часто залетают на окраину оазиса каменные или горные голуби (Columba rupestris).

Такому сравнительно длинному перечню птиц, совсем не соответствует весьма скудное животное население Гуй-дуй'я или точнее его равнинных и горных окраин, где наблюдались лишь волки, лисицы, зайцы, горная пищуха (Lagomys erythrotis) и наконец — домовая мышь (Mus).

Для более успешного пополнения зоологической коллекции, помимо обычных ежедневных экскурсий, производимых в самом оазисе и его ближайших окрестностях, мною снаряжались и более отдаленные раз'езды в горы. Одна из охот в крутых

склонах горы Джахар была очень удачной: мои спутники привезли пару рысей и несколько экземпляров интересных птичек: горную завирушку (Accentor collaris tibetanus), Carpodacus dubius и Cinclus przewalskii.

Местные обитатели ко всем нам всегда относились с предупредительной любезностью, а один тангутский тин, повстречав моих сотрудников в горах, даже пригласил их к себе в гости.

Исследуя окрестности Гуй-дуй'я, экспедиция посетила и два буддийских монастыря оазиса, о которых почему то умалчивают прочие путешественники — наши предшественники.

Гуй-дуй. Буддийский храм-субурган.

В двух-трех верстах от Гуй-дуй'я, в местности Вардун, расположен монастырь Одю-гомба, как его называют тангуты, построенный сто лет назад, при пятом далай-ламе. Основателем этой обители был богатый гэгэн Гэпсэч-тосю риннпоче; он приехал из урочища Ташу, лежащего на правом берегу Хуанхэ, в трех переходах от Гуй-дуй'я, и остановился у подошвы горы Вар-дун для отдыха и молитвы. Вскоре к нему присоединилось несколько лам, и он решил, с их помощью, на собственные средства основать монастырь в честь божества Сюг-зива [1]).

Впоследствии, этот монастырь приобрел симпатию тангутов и его богатые храмы с большим количеством тибетских бурханов, стали об'единять сотни и тысячи молящихся. В настоящее время, в нем насчитывается до двухсот тридцати человек лам.

На западной окраине оазиса Гуй-дуй, в версте от города, красуется большой субурган храм, история которого пред-

[1]) Большое металлическое изображение со сложенными руками — Арьябало.

ставляет некоторый интерес: по преданию, много лет назад, Гуй-дуй ежегодно подвергался сильному бедствию: бурная Хуан-хэ выходила из берегов, затопляла город и тем самым приносила громадный убыток населению... Но вот, однажды, из Монголии приехал гэгэн Минегэ-тютян гэлун, и заявил всему народу, что прислан сюда Богом для спасения Гуй-дуй'я.

Выстроив субурган — храм, таинственный гэгэн положил под его фундамент великие приношения — чудесные драгоценности, уничтожающие огонь и воду, то-есть пожар и потоп... С тех пор город Гуй-дуй процветает, разростается и не знает горя.

Из прочих святынь Гуй-дуй'я, следует отметить кумирню Хурдэ-сы, возвышающуюся на левом берегу Хуан-хэ и знаменитую тем, что в ней, с детства, имел пребывание первый, старейший в Гумбуме лама — Ачжя-гэгэн.

Кроме того, в двухстах слишком верстах от Гуй-дуй'я, вверх по правому берегу Желтой реки, лежит монастырь Рарчжа-гомба, основанный при маньчжурской династии Цзя-цин. Основатель монастыря, гэгэн Сянца-арга, еще мальчиком был привезен на берега Хуан-хэ из аймака «Душу» [1]). С самого юного возраста, религиозный лама начал проявлять большой интерес к собиранию трав и к медицине вообще; удачная практика скоро завоевала ему симпатию и уважение окрестного населения, которое с благодарностью и благоговением несло любимому гэгэну всё, чем был богат пастушеский народ.

Вскоре, добровольных пожертвований накопилось так много, что лама Сянца-арга начал строить обитель, в честь трех божеств — Ами-дече-лу в центре, Ами-дон-чен справа и Ами-чам-со слева (от центральной фигуры — Ами-дече-лу).

В настоящее время, в описываемом монастыре уже около двухсот лам.

По словам китайцев, вблизи Рарчжа-гомба или Рарчжа-цзон есть золотые прииски, но из суеверного страха перед божеством Ами-дече-лу, ламы не только не разрешают никому разрабатывать их, но и сами никак не эксплуатируют этих природных богатств своей страны.

---

[1]) П. К. Козлов. «Монголія и Камъ». Том I, часть первая, стр. 168.

В ближайшее время — около двух лет тому назад, — открылись еще золотые прииски в одной версте от Хуан-хэ, но по причине возникшего недоразумения между администрацией монастыря и рабочими, которых там имелось около тысячи человек, эти прииски прекратили работы.

В течение двух первых третей октября, в Гуй-дуй'е, погода стояла большею частью пасмурная, тоскливая: с каждым днем листья осыпались обильнее, тополя и ивы стояли оголенные, и лишь плодовые деревья сменили свою зеленую окраску на золотисто-красную. Преобладающий холодный северо-восточный ветер все чаще заполнял атмосферу тонкой лёссовой пылью. Мрачные тучи обыкновенно разряжались обильным дождем, а в горах выпадал снег; осадки очищали воздух и открывали приветливые дали. Температура в семь часов утра, в тени, опускалась до 0,4° и даже — 0,2° С, но зато днем, нередко достигала 6°, а иногда и 10,0° С тепла, когда лед на ручьях таял и снова показывались мухи, стрекозы и бабочки.

В такие ясные проблески, все двери домов туземцев открывались настежь, и обитатели, как жуки из своих нор, выползали на солнцепек, где проводили время в мирных беседах за несложным ручным трудом.

Последняя треть октября отличалась удивительной прозрачностью, тишиной и приятным, согретым солнцем, воздухом[1]), так что традиционный буддийский осенний праздник в нынешнем году вышел особенно удачным.

Из Синина приехала странствующая труппа артистов, дававших представление несколько дней к ряду без перерыва. По предложению властей, экспедиции отвели одну из лучших лож большого театра, помещавшегося во дворе главного гуйдуйского китайского храма.

Зрители, среди которых было особенно много женщин и детей, занимали всю внутреннюю часть двора и все соседние плоские кровли; во время действия публика свободно ходила взад и вперед; здесь же сновали продавцы с оладьями, грушами и арбузными семячками. Музыка тем временем гудела и скрипела, в общем нисколько не препятствуя дремоте, которой

---

[1]) Действительно, дни стояли теплые и только по ночам температура падала до — 3,0° С.

поддавалась часть присутствовавших. Среди местных щеголих, невольно обращали на себя внимание несколько нарядных, слегка нарумяненных китаянок, принадлежавших к культурному, богатому классу[1]), и семья — мать и три красавицы дочери — тан-

Женский наряд. Спинные ленты, украшенные га-у, тибетскими монетами, камнями и раковинами. Верх лент — с петлями, низ — с кистями висящими до земли. (Ленты представляют собою сплошные полоски, здесь они подвернуты для удобства снимка).

гутского князя. Мне особенно нравились оригинальные, пестрые одежды тангуток и их украшение — длинные, убранные серебром и кораллами ленты, спускавшиеся по спине.

---

[1]) С «золотыми лилиями» вместо ног.

. Закусив во время представления, мы отправились вниз, осмотреть храм и внести нашу лепту — в виде нескольких лан серебра. Здесь нас встретил тин-гуань и всё начальство, пригласившие членов экспедиции откушать вместе с ними прекрасного китайского обеда, при этом китайцы заметили, что если мы будем стоять в толпе, что достоинству русских совершенно не подобает, то и они — чиновники не посмеют сесть за стол. Обед был сервирован так аппетитно, что мы не заставили себя долго ждать и с удовольствием отведали китайских деликатессов.

Через несколько дней, перед самым моим отъездом из Гуй-дуйя в Синин и далее в Чойбзэн, я имел случай вторично отобедать у приветливого тин-гуаня, державшего себя на этот раз еще более просто и ласково, чем обыкновенно.

В общей сложности, месяц проведенный в Гуй-дуйе, тянулся довольно долго; не было той кипучей увлекательной деятельности, к которой мы так привыкли за время путешествия; сравнительно бедная и жалкая зимняя природа не давала пищи наблюдателю, этнографические и зоологические коллекции пополнялись медленно и вяло. Приходилось неоднократно сетовать на то, что «известный» далай-ламский вопрос задержал экспедицию в северо-западной Гань-су, не позволив ей провести зиму на далеком прекрасном юге...[1])

Единственной отрадой путешественников оставалась почта, служившая целыми неделями темой для разговоров. Письма родных и близких друзей бодрили, вливали бо́льшую энергию и поднимали на новый успех.

К концу октября отчеты и письма были готовы, и я приступил к снаряжению в легкую поездку по буддийским монастырям... Гумбум и Чойбзэн. Несмотря на все старания, багаж вышел довольно громоздкий, так как пришлось захватить далай-ламские подарки, которые я намеревался передать чиновникам тибетского первосвященника в Гумбуме и почту, предназначенную для отправки через любезное посредство синин-ского цин-цайя.

---

[1]) Важно и интересно было свидеться с Далай-ламой, здесь в Амдо, закрепить мое с ним ургинское знакомство, и выяснить имевшее быть в будущем новое свидание с выдающимся главою Тибета.

Местные власти держали себя все время крайне учтиво, и предупредительно помогли мне в найме животных и проводника.

2 ноября, в 9 часов утра, я с своим маленьким транспортом, в сопровождении урядника Полютова и китайца-переводчика, выступил из Гуй-дуй'я, и ходко направился старой дорогой, по направлению к Гумбуму. На переправе через Хуан-хэ, где нас ожидала лодка, мы застали довольно неприятную сцену: какой-то местный блюститель порядка безжалостно наносил побои несчастной женщине — продавщице груш. Не зная причины такого жестокого обращения с бедной, слабой тангуткой я нашел нужным вступиться за жертву и несколько обуздать «ревнителя благочиния». Мое вмешательство вызвало громкое одобрение со стороны присутствовавших зрителей — и ретивый полицейский незаметно исчез...

Путь до Гумбума мы выполнили хорошо. Лишь некоторое неизбежное затруднение представил перевал Лачжи-лин, в особенности его северный обледенелый склон, на котором одни из животных разбились в кровь, так что некоторые вьюки мы принуждены были тащить на себе [1]). Дорога как и прежде, от времени до времени, оживлялась прохожими и проезжими; отсутствовали только многочисленные раньше паломники... На этот раз, на перевале, мы отметили белоспинного голубя (Columba leuconota), горную завирушку (Accentor collaris tibetanus) и трех родов прежних царственных хищников.

Пройдя захудалый городок Нань-чан-ин, расположенный у подножья холмов, закрывающих Гумбум с востока, мы четвертого ноября, под-вечер, вступили в монастырь. Здесь царило небывалое оживление; осенний праздник, в память Цзонхавы был в полном разгаре: улицы кишели празднично-настроенной толпой... По торговым рядам, на площадях и по горным скатам, вблизи большого субургана (см. приложенный рисунок), раскинулся сплошной базар. Ламы и миряне безцельно бродили из стороны в сторону, развлекаясь редкими и оригинальными зрелищами: там и сям гастролировали, ловко проскакивая серединой обруча, унизанного массивными ножами, жонглеры, прибывшие в далекий край из-под Пекина; рядом

---

[1]) На южном склоне дорога была каменистая, сухая, пыльная.

стоял какой-то громоздкий экипаж — нечто в роде локомобиля, — который будучи пущен в ход, производил своей внутренней машиной невероятно-дикую, громкую музыку. Тут же, наконец, демонстрировали и ручного медведя.

Гумбум. Субурган с арычным проходом. Временный базар.

Самым торжественным моментом праздника считался день перехода души реформатора буддизма от земной жизни к состоянию вечного безсмертия... Вечером, 5 ноября, по знаку сигнальной трубы, Гумбум весь наполнился звуками труб и раковин; в соединении с голосами тысячи лам, выстроившихся на возвышениях храмов и певших молитвы в полголоса, эта музыка создала своеобразную, мягкую гармонию. Вдоль порталов кумирен, как по волшебству, загорелись сотни плошек и, раскинувшийся амфитеатром по горному скату, монастырь засверкал огнями. Картина получилась очень эффектная... К восьми-девяти часам вечера всё смолкло и обитель погрузилась в полную тишину.

Жертвенная чашечка.

Два дня, проведенные мною в Гумбуме, прошли крайне разнообразно; я жил, как и прежде в монастырском подворье Чжаяк-ламы. Здесь меня никто не стеснял, и я проводил время по-своему усмотрению. Закончив переговоры с чиновниками Далай-ламы и сдав им драгоценные подарки для его святейшества, я попробовал завязать сношение с настоятелем Гумбума — Ачжя-гэгэном и отправил ему в дар кусок прекрасной парчи. Однако, мой привет остался без ответа и проживавший по

Сэр-гон или золотая лампада.

болезни в горах, на «прозрачном источнике», высокий гэгэн вторично уклонился от знакомства с русскими. Этот святитель — японофил, как некогда богдо-гэгэн в Урге находился в давнишней вражде по отношению к Далай-ламе, громкая слава которого затмевала скромную известность Ачжя-гэгэна. Кроме страданий нравственных, настоятелю Гумбума приходилось терпеть и чисто материальный ущерб: одновременно с ростом далай-ламской казны, куда пожертвования непрерывно сыпались

Тибетцы-чиновники, охранявшие в Гумбуме богатое имущество Далай-ламы.

со всех сторон, казна Ачжя-гэгэна беднела, так как расход превышал небольшие доходы.

Между прочим, в Гумбуме мне посчастливилось встретить старых знакомых — монголов курлык-бэйсэ [1]) и монголов цайдамских; среди последних оказались даже некоторые, служившие нам в прежние экспедиции проводниками и погонщиками; все эти люди относились к русским удивительно приветливо и говорили, что у них на родине помнят путешественников и с нетерпением ожидают их нового прихода, для чего самым тщательным образом охраняется старая экспедиционная метеорологическая будка... [2])

---

[1]) Курлыкские монголы сообщили мне, что с их молодым князем, моим большим приятелем, случилось несчастье на пути в Пекин, вблизи Куку-нора: — у него умерла жена, и он теперь оставался в нерешительности, что делать дальше и куда идти...

[2]) См. «Монголія и Камъ». Том I, часть первая, стр. 179.

Видел я также в монастыре очень молодых бурят — гостей далекого севера; эти юные беглецы, скрывающиеся от военной службы, скитаются в глубине Центральной Азии без всякого дела и проживают иногда даже в самой Лхасе.

6 ноября, ранним утром, наш маленький раз'езд был уже на пути к Синину, следуя по долине речки, называющейся в своем верхнем течении Моша-гоу-ся, а в нижнем, у сининского моста, — Нань-чан-гоу. Около десяти часов утра, вдали начал обрисовываться силуэт сининских построек, а через полчаса меня уже встретил любезный M-r Ridley, давший путникам приют под своей гостеприимной кровлей. Семья миссионера приняла нас с таким радушием и любовью, что я не знал как и благодарить прекрасного M-r Ridley, доставившего странникам столько отрадных минут.

На следующий день пришлось делать визиты китайским властям. Цин-цай предупредительно принял от меня почту и в разговоре сообщил, что получил из Пекина бумагу, касающуюся русской экспедиции. К моему удивлению, этот документ заключал в себе сообщение русского посольства в Пекине, извещавшего китайское министерство иностранных дел о том, что «путешественник Козлов не будет стремиться на юг, в Сычуань, если китайцы найдут этот маршрут почему-либо неудобным и небезопасным...»

8 ноября, в ясное морозное утро, мы уже покинули Синин и двинулись к северо-северо-востоку, по направлению к монастырю Чойбзэн-хит. В долине Синин-хэ чувствовалась глубокая осень, по реке шла шуга, льдины шурша сталкивались между собою, дул сильный пронизывающий ветер, донимавший нас до самого вступления в защищенную холмами второстепенную долину речки Шин-чен, названную так по имени города [1]).

По пыльной правобережной дороге тащились обозы с каменным углем, добываемым в окрестных горах; над вереницей телег стояло целое облако лёссовой пыли, падавшей на проезжающих и вызывавшей раздражение слизистой оболочки носа и глазных век.

Переночевав в городке Шин-чене, мы переправились через речку того же названия, по мосту, и вступили в область

---

[1]) Н. М. Пржевальский называет эту речку по монгольски — Бугук-гол.

лоэшаньских гор; весь северо-западный скат Лоэ-шаня был убран древесной растительностью, и только местами из густых зарослей выступали отдельные дикие скалы; по гребню гор, на недосягаемой высоте, картинно раскинулся целый ряд легких китайских пагод... Наше прохладное, затененное крутыми склонами, ущелье стремилось к востоку. Мы немного мерзли, но зато животные по холодку шли бодрее и успешнее. В воздухе не смолкали голоса мелких птиц; там и сям табунками кормились фазаны (Phasianus decollatus strauchi), блестя на солнце своим красивым оперением. Каменные голуби большими стаями толпились по скалам вблизи селений. Вверху, на фоне прозрачного голубого неба то и дело проносились грифы и гордый красавец — орел-беркут.

Н'голок'ское га-у.

У перевала, наш раз'езд повстречался с нарядной молодой парой — тангутом-ламою и его спутницей — весьма симпатичной девушкой; мы остановились на несколько минут и познакомились. Молодые люди совершали паломничество в один из ближайших буддийских монастырей.

Меня заинтересовало оригинальное «га-у», вывезенное ламою из н'голокской земли [1]); к сожалению, тангут неохотно шел на торговую сделку, да и денег при себе, т. е. в кармане, у меня было слишком мало: из-за своей громоздкости ямбовое или плиточное серебро всегда следовало в особом вьюке. Чтобы не упустить интересный образчик га-у, пришлось отдать за него одну — две личных вещицы, которые, в свою очередь, нравились нашим знакомым. Рисунок н'голок'ского га-у приложен к этой стр.

[1]) О н'голоках см. мою «Монголія и Камъ». Том I, часть вторая, стр. 326—331.

Еще через полчаса мы поднялись на самую вершину перевала, откуда открылись холмы с еловым лесом, обступающие Чойбзэн со всех сторон. Внизу, в долине, нас приветствовали ламы с хадаками от моего старого друга — гэгэна. При в'езде в монастырский двор, ламы были выстроены длинной шеренгой, изображая почетную встречу. Мы чинно проследовали в уютное помещение, где угостившись расставленными на столах явствами и напитками, тотчас расположились по домашнему.

Основанный сто лет тому назад, монастырь Чойбзен-тих лежит в холмистой равнине, на высоте 9.350 футов над уровнем моря. Монастырь этот имеет всего четыре храма, к которым почти непосредственно примыкают несколько десятков жилищ. Главный соборный храм — Тарлым-сэнсэр-лан единственный, уцелевший во время дунганского восстания. Говорят, его настоятель, войдя в соглашение с дунганами, купил неприкосновенность монастыря за шестьдесят тысяч лан серебра. Соборный храм обнесен глиняной стеной, окрашен в красный цвет, и выделяется над всеми остальными храмами своей превосходной бронзовой, золоченой крышей. Внутри, в центре Тарлым - сэнсэр - лан'а, восседает Будда, справа от него — стоит большое изображение Манчжушри, а слева — Дочжи-сон-хуа; все эти бурханы исполнены самым лучшим образом и высоко почитаются молящимися, приносящими к их подножью свои скромные дары — вино, рис и ячменную муку.

Чойбзэн-гэгэн Ловзэн-тобдэн-Шабчжуб-нима (в собольей накидке).

Вдоль трех смежных стен, в высоких шкафах

Изображение Большого Чжу в Лхасе.

прячутся еще до тысячи исторических изображений Будды; кроме того, в разных местах храма красуются изображения докшитов и прочих божеств, исполненных по заказу Джанджэ гэгэн'а на Долонор'е.

Три остальных, второстепенных храма Чойбзэн-хита носят название: цокчэн-догын, чойбзэн-хутухтэн-догын и догын-Сэрва и обставлены несколько скромнее собора.

В монастыре подвизаются около двухсот лам, которыми ведают — настоятель Чойбзэн-хутухту Ловзэн-тобдэн-Шабджюбнима, состоящий в одиннадцатом перерождении, и три нисших гэгэна: Джянчжэ-гэгэн, Чжярцэ-шабрун и Маркэм-шабрун.

Чойбзэн-хутуху принял меня как близкого друга. Отдохнув немного после дороги и подкрепившись ламайским угощением, я направился во внутренние покои настоятеля, куда посторонние обычно не допускались. Ловзэн-тобдэн с приветливой улыбкой поднялся мне навстречу и по русскому обычаю протянул руку; я же по буддийски поднес ему хадак.. Лама постарел и пополнел; одни лишь глаза попрежнему горели умом и энергией;

Главный престол [кумиры и жертвенные чаши перед ним] в соборном храме Чойбзэна.

Чойбзэн-гэгэн в высшем духовном костюме

Чойбзэн-гэгэн в костюме «рююджан»

Бодисатва Манчжушри.

голос при смехе звучал молодо и звонко. Мой старый приятель с гордостью демонстрировал мне свое новенькое, по европейски отделанное, помещение; в окнах, обрамленных занавесками, виднелись двойные рамы с прослойкой ваты. По стенам висели всевозможные часы, до часов с кукушкой включительно, картины, и между прочим олеография коронации императора Николая II... Подарки Русского Географического Общества и подношения Н. М. Пржевальского содержались в трогательном порядке. Всюду стояли бурханы, хурдэ, га-у и роскошные золотые и красные тибетские книги.

Из всех комнат открывались красивые виды на храмы и окрестные горы и холмы, а с одной стороны дома примыкал тенистый садик, украшенный искусственной горкой, куртинами цветов и даже европейской легкой беседкой... Разговоров у нас было много, так как мы оба чувствовали себя друг с другом крайне непринужденно. Беседовали о политике, о России, о странствованиях по Азии и наконец об истории Чойбзэна и перерождениях самого настоятеля. Ласково прощаясь, хутухта называл меня «самым дорогим гостем» и обязал навещать его ежедневно, иногда даже по несколько раз.

Дом и прилежащий сад чойбзэн-хутухты.

Уступая моим просьбам, гэгэн без всяких предрассудков разрешил фотографировать весь штат монастырских лам и себя самого в различных своеобразных одеяниях... Самый парадный, так называемый далай-лам'ский или высший духовный костюм, фигурирующий на приложенной таблице, был пожалован чойбзэн-хутухту в его восьмом перерождении седьмым далай-ламой, который вместе с тем дал Ловзэн-тобдэн-Джамцэн'у титул «Номэн-хана». Весьма любопытен и другой наряд чойбзэн-гэгэна, под названием «рююджан», в котором он также снят и который отделан слоновой костью и представляет необыкновенное историческое сокровище; костюм этот одевается лишь в исключительных случаях.

Соборный храм в Чойбзэне (с золоченой кровлей)

Ламы, состоящие при Чойбзэн-гэгэне

В ответ на подарки от Русского Географического Общества, хутухта поднес мне художественной работы бронзовое изображение Манчжушри, венценосного Будды на алмазном престоле (см. рис. на 398—399 стр.), тибетскую книгу и великолепное

Хурдэ — молитвенное колесо хорошей работы с молитвенным призыванием на внутреннем барабане.

«хурдэ», изображенное на этой странице. Российской Академии Наук, между прочим, он просил передать листик с дерева «Бод», произростающего в Индии, под которым, по преданию предавался созерцанию Гáутама; на листике отчетливо виднелись золоченые очертания сидящего Будды.

Расставание мое с почтенным настоятелем Чойбзэн-хит'а было самое трогательное. Заключив обе мои руки в свои нежные, мягкие, женственные руки, мой друг долго смотрел мне в глаза, казалось его глубокий взгляд проникал в мою душу...

Будда в позе созерцания.

Четырнадцатого ноября наш раз'езд уже приближался к Синину, унося с собою самое теплое, отрадное воспоминание о нескольких днях, проведенных в Чойбзэн'е.

В китайском городе чувствовалось подавленное настроение: на улицах развевались белые траурные флаги; солдаты ходили, опоясав свои черные куртки белыми кушаками — все воздавали

последний долг только-что скончавшимся китайскому императору и императрице — матери... Среди населения, подозревавшего недоброе в скоропостижной смерти царственных особ замечалось некоторое недоумение и даже испуг... Фу-тай, к которому я отправился с визитом, долго не мог говорить от рыданий, сжимавших ему грудь; расстроенный, он делился со мною опасениями о предстоявших по его мнению, гибельных для страны последствиях злодеяния.

Через три дня мы прибыли в Гуй-дуй [1]), где нашли всё в отличном состоянии. Погода продолжала стоять сравнительно теплая; иногда солнце пригревало ощутительно [2]); воздух почти ежедневно омрачался тонкой пылью, вздымаемой сильным вихрем; пыльная завеса мешала производству научных астрономических наблюдений... Только с началом декабря установилась мягкая зима с небольшими ночными (до 13,0° С.) морозами и холодными северо-восточными ветрами. Оазис принял унылый серо-желтый оттенок, и как будто замер. Все люди спрятались по своим жилищам, животная жизнь также затихла...

Монастырь Чойбзэн. — Гость чейбзэн-гэгэна (в левой руке держит хурдэ).

Проявив многочисленные чойбзэн'ские и гумбум'ские снимки, я приступил к печатанию наиболее удачных негативов и одновременно занялся составлением доклада о деятельности экспедиции в Генеральный

[1]) Общие наблюдения в пути были те же, что и прежде, поэтому я на них не останавливаюсь... замечу только, что попутное селение Сю-дя-цзай, обнесенное глинобитной стеной и украшенное кумирней, мною ошибочно считалось городом.

[2]) В 1 час дня 22-го ноября в тени, термометр показал 4,5° С; тогда как в тиши, на солнце, уже было около 15°, что уже жарко, в особенности по отношению к лицу, да еще в разреженном воздухе.

Штаб, и посланнику в Китае И. Я. Коростовцу. Почта с этими деловыми бумагами пошла к месту назначения не сразу: будучи по дороге вскрыта и попорчена неизвестными злоумышленниками, она возвратилась обратно в Гуй-дуй и лишь после некоторой реставрации, отправилась по указанному адресу.

Китайские власти, в особенности бедный тин-гуань, очень встревожились подобным небывалым происшествием и ставили его в связь с упорными слухами о новых вспышках дунганского восстания [1])...

В странах, где отсутствует местная пресса, обитатели вообще очень скоро привыкают жить слухами, опирающимися по бо́льшей части, не в пример слухам культурных стран, на реальные факты. Пытливый ум с жадностью схватывает всякое известие и усвоив его, передает дальше, так что слух постепенно растет, развивается, и только достигнув известного предела, начинает затихать и наконец замирает совершенно.

Наша экспедиционная семья с некоторых пор увеличилась еще одним довольно оригинальным членом... Мы приобрели здесь же в оазисе, за пять рублей серебра, ручного бурого грифа (Vultur monachus). Пернатый великан скоро освоился со всем отрядом, охотно кушал баранье легкое, а с голоду набрасывался и на кости, из которых одни только обгладывал.

---

[1]) На самом же деле произошло следующее: в известный день, посланец-туземец, получив из гуйдуй'ского ямуня два почтовых пакета — китайский и наш, — поскакал с ними в Синин. Пакеты были спрятаны в специальной парной суме, прикрепленной у задней луки седла. При спуске по северному обледенелому скату перевала Лачжи-лин, с курьером случилось несчастье — он упал с коня, который от испуга понесся вниз по ущелью. Ушибленный посланец едва мог добраться до сторожевого пикета, чтобы дать знать солдатам о его беде. Вскоре, лошадь была изловлена, но пакетов при седле не оказалось. Принятые меры для розысков их ни к чему не привели. Посланец с грустью возвратился в Гуй-дуй и поведал о случившемся.

Разгневанный тин-гуань жестоко наказал виновного: он подвесил его за пальцы рук к потолку таким образом, чтобы виновный большими пальцами ног едва мог касаться пола. В таком положении несчастный провисел около двух-трех суток, прежде нежели его раздирающие душу крики не вызвали сострадания у окружающих. Последние дружно принялись за розыски и действительно скоро доставили суму с пакетами. Найденное хранилось у дунган, которые успели ознакомиться с «неинтересным» содержанием пакетов.

Когда, затем, при встрече с тин-гуанем я выразил ему мое глубокое сожаление по поводу происшедшего, тин-гуань откровенно заявил мне, что он хорошо изучил психологию человека и действовал так, повидимому жестоко, исключительно в целях, во что-бы то ни стало раздобыть наш пакет и тем самым смыть с себя большой позор...

другие же глотал целиком. Забавно бывало смотреть, как во время обеда нашего любимца, со всех сторон собиралось большое общество воронов, ворон и сорок, подскакивавших боком и жаждавших стянуть лакомый кусочек. Однако, довольно бывало и гневного взгляда могучей птицы в сторону мелких вороватых гостей, чтобы все они разлетелись без оглядки. По ночам, грифа уводили в закрытое помещение, днем же он обыкновенно сидел на воздухе, на обрыве, и с завистью провожал глазами своих вольных братьев, паривших в ясной лазури... иногда и пленник оживлялся какой-то внутренней радостью и, волнуясь, взлетывал на месте, широко расправляя огромные, свыше сажени в размахе, крылья... Раза два-три гриф втихомолку от нас пешком взбирался на вершину соседнего холма, в соседство китайской пагоды, откуда по слегка наклонной линии улетал за версту и далее... Наши собаки иногда недоумевали глядя на Vultur monachus'a и пробовали нападать на него, но получив должный отпор, смирялись и на почтительном расстоянии проходили при встрече с птицей. Впоследствии — в походе, собаки жили с «монахом» в большой дружбе...

Гриф-монах (Vultur monachus).

Утром, седьмого декабря, совершенно неожиданно прибыли на бивак экспедиции оба брата Бадмажаповы, и привезли нам обильную почту... Сразу всё всколыхнулось и зажило с удвоенной энергией.

Из писем, самым интересным оказалась ценная весточка Географического Общества. Заместитель вице-председателя Общества П. П. Семенова-Тян-Шанского — А. В. Григорьев извещал меня, что Академия Наук и все ученые специалисты

Петрограда весьма высоко оценили труды экспедиции по отношению открытий в Хара-хото; «по скольку можно судить по имеющимся раскопочным материалам, развалины открытого вами древнего города представляют, по их заключению, остатки столицы тангутского племени Си-ся, процветавшей от XI по XIV век. Ввиду важности совершенного открытия, Совет Географического Общества уполномочил меня предложить вам не углубляться в Сычуань, а вместо этого возвратиться в пустыню Гоби, и дополнить исследование недр мертвого города. Не жалейте ни сил, ни времени, ни средств», пишет в заключение своего письма [1]) А. В. Григорьев, «на дальнейшие раскопки»...

Тяжело подумать, что спустя полтора месяца — дорогого Александра Васильевича Григорьева — этого замечательного, по своим высоко-нравственным и сердечным качествам человека, не стало... Вечный покой тебе, великий друг путешественников.

Взвешивая общее состояние и настроение экспедиции, я не мог не порадоваться сокращению предполагавшегося раньше маршрута в глубину н'голок'ских владений. Письмо А. В. Григорьева обрадовало меня во всех отношениях и кроме того вполне совпадало с желанием цин-цай'я, тяготившегося предстоявшей, по его внутреннему убеждению, ответственностью за нашу судьбу в опасных странствованиях, среди разбойничьих племен.

Проводив Ц. Г. Бадмажапова, направившего невольным образом нашу жизнь в новое русло, я воспользовался первым же ясным вечером для наблюдения покрытий звезд луною, равно пропустил через нити универсального инструмента Polaris и пару блестящих звезд на востоке и западе небесного свода [2]), а затем, семнадцатого декабря поехал в небольшую экскурсию, к горным ключам Чи-гу.

Эти целебные источники находятся в пятнадцати верстах от Гуй-дуй'я [3]) по дороге в монастырь Рарчжа-гомба. Следуя к западу, на пересечение долины Муджик, мы скоро склонились

---

[1]) От девятого сентября 1908-го года. Куоккала...

[2]) Северная широта Гуй-дуй'я: 36° 1′ 33″, восточная долгота от Гринвича 101° 24′ 0″.

[3]) Или в восемнадцати верстах от зимовки экспедиции, храма Вю-цзы-мяо.

Осенне-зимний ледоход на Хуан-хэ (у оазиса Гуй-гуй'я)

Южная окраина оазиса Гуй-дуй'я (у зимовки экспедиции)

к юго-западу, миновали селение Ранэн-жяццон, и вступив в ущелье Луан-цон-гоу, увидели темно-голубую ленту горячего ручья, над которым поднимался пар. Ключ с шумом выбегает на поверхность земли из под глинисто-галечного наноса вблизи обо и, постепенно охлаждаясь, бежит к северу, издавая ритмически странные глухие звуки, похожие на тяжелые вздохи, слышные за пятьдесят-семьдесят сажень. На протяжении трех-четырех верст от истока, где температура воды достигает 85,$_0$°С, горный ручей открыто струится среди изумрудной зелени. Здесь ютился дупель-отшельник.

Рядом с основным, самым горячим источником, берут начало второстепенные ключи, привлекающие к себе в совокупности довольно много курортной публики. У подножья обрывистого берега, из грубых каменных плит сложено до двенадцати примитивных ванн. Страдающие ревматизмом и разными простудными заболеваниями, туземцы располагаются здесь же по соседству, на береговой террасе, где и проживают в палатках от двух до трех недель, принимая ежедневно часовую ванну, и употребляя ту же горячую воду вместо пищи и питья. Ввиду прохладной температуры окружающего воздуха, купающиеся, обыкновенно, накрываются с головой какой-либо одеждой, свободно спускающейся по бортам ванны, до самой земли [1]).

... Жизнь на главном биваке продолжала протекать однообразно. Наши чойбзэн'ские друзья навестили экспедицию

---

[1]) Н. М. Пржевальский наблюдал горячие минеральные ключи в Тибете, на южном склоне Тан-ла, на обсолютной высоте 15.600 футов; верхний минеральный ключ имел температуру 32,$_0$° С; нижний — 52,$_0$° С. [См. Третье путешествіе въ Центральной Азіи, стр. 244 — 245].

Интересно также привести выдержку «о горячих ключах Тибета» из книги Sandberg'a «Tibet and the tibetans», 1906, page 68, и сопоставить ее с нашим наблюдением.

Как это ни странно, но области Тибета, лежащие на большой абсолютной высоте и подверженные самым интенсивным холодам, насчитывают на своей территории наибольшее количество горячих ключей, отличающихся весьма высокой температурой. Так например к востоку от 92° восточной долготы, в равнинах и горных долинах не поднимающихся выше 14.000 футов, теплые источники встречаются лишь изредка, и температура их довольно низка. Наоборот, в районе к западу от вышеозначенного меридиана, вплоть до Lingzhi t'ang и Каракорум'а, приходится поражаться количеству горячих ключей, выбивающихся на поверхность земли.

Кроме того, следует заметить, что, севернее 34-ой параллели северной широты ключи также почти не встречаются, хотя бы абсолютная высота оставалась прежней.

В двух словах, границы площади, занятой обильными горячими водами определяются: меридианами 78° 30′ на западе, 92° на востоке, Гималаями на юге и параллелью 34° 30′ на севере.

только один раз и пробыв в Гуй-дуй'е два дня, возвратились к себе с новыми подарками для гэгэна [1]).

Между тем декабрь месяц близился к концу; в начале января, мы предполагали распрощаться с зимовкой и направиться для дальнейших исследований в область амдо'ских монастырей — Рарчжа-гомба и Лаврана.

В связи со скорым от'ездом экспедиции, невольно возникал вопрос о том, как поступить с подарками для Далай-ламы; восьмого декабря стало официально известно, что правитель Тибета покинул Пекин и держит путь на провинцию Гань-су. Вскоре, из У-тай'я прибыл далай-лам'ский транспорт из двухсот верблюдов, появились и тибетские чиновники — чувствовалось приближение какого-то большого события.

Население без всякого одушевления поджидало главу буддийской церкви, так как подобные посещения важных особ всегда влекут за собою порядочные расходы. Ганьсуй'ский вице-король старался даже всеми силами отклонить маршрут высокого путешественника к северу или югу, но, повидимому, безуспешно.

Обсудив положение дел, мы решили послать нашего представителя в Гумбум взять подарки, обещая ламам лично передать их по назначению, при первом же удобном случае [2]).

Очень интересным в научном отношении является то обстоятельство, что район горячих ключей вполне совпадает с районом соленых озер. Вообще, горячие источники в Тибете располагаются исключительно вблизи озер или больших рек. Многие мелкие озера имеют кроме того в своем соседстве, небольшие гейзеры. Реки также нередко порождают порядочные фонтаны теплой воды, вырывающейся зачастую прямо из середины русла и имеющей вид струи, выпущенной из рта, неведомого чудовища.

По сравнению с Исландскими, Тибетские гейзеры весьма незначительны, и не поднимаются выше пятидесяти-шестидесяти футов над поверхностью земли [в Peting chhuts'en, на берегу Lahu-chu, — притока Shang-chu, — на расстоянии восьмидесяти ярдов, расположено одиннадцать гейзеров, выделяющих густые облака пара, и создающих невероятный шум].

Теперь необходимо упомянуть еще об одной характерной особенности гейзеров Тибетского нагорья: горячая, почти кипящая струя воды, вырываясь из недр земли, приходит в соприкосновение с наружным воздухом, температура которого в течение долгих зимних месяцев колеблется между 30—40° ниже нуля. Частицы воды тотчас охлаждаются и замерзают, образуя огромные ледяные колонны, испещренные мелкими отверстиями. Действующий внутри такого прозрачного чехла гейзер представляет очень оригинальное и поучительное зрелище.

[1]) На этот раз я послал моему приятелю ввиде дополнения: стереоскоп, кусок золотой парчи, изящный ножичек Завьялова и серию фотографий — видов и типов его монастыря.

[2]) Чиновники Далай-ламы с грустью выдали Полютову принятый ящик «интересных драгоценностей» и тщательно записали предполагаемый маршрут экспедиции.

Праздник Рождества Христова участники экспедиции встретили и провели обычным экспедиционным порядком. Отряд всё утро распевал рождественские псалмы и славословие; за обедом мы угощались сардинами и кофе с печеньем Эйнема; курящие получили сигару, а пьющие — рюмку коньяку или водки; в заключение, собравшись тесным кружком, мы заводили грамофон и мирно, дружески беседовали, вспоминая родину и делая различные предположения о том, где мы все будем встречать следующий зимний праздник.

На третий день праздника у нас состоялось заседание, с участием «тунсы» и местных чиновников по вопросу о движении экспедиции к Рарчжа-гомба. Выяснилось, что власти готовы всячески содействовать нам, но, к сожалению, сами мало осведомлены о предстоящем пути и лишены возможности дать по этому поводу исчерпывающие указания.

Последние дни старого, 1908-го, года всецело ушли на снаряжение в дорогу и на подготовку последней из Гуй-дуй'я почты.

Погода стояла удручающая: холодная; пронизывающие северо-восточные ветры не прекращались; дали омрачались пыльной завесой. Снежный покров, который у нас на родине накладывает на окружающую природу свой особенный поэтический оттенок тишины и сна — здесь отсутствовал...

Ночь на первое января выдалась ярко-звездная... Чтобы чем-нибудь отметить наступление Нового года, с вершины прилежащего холма, вблизи пагоды, было пущено две ракеты; высоко к небу взвились золотисто-огненные струи, пронизавшие тьму своим ослепительным светом. Внизу и в ближайших горах это эффектное зрелище вызвало звонкие крики удивления и радости со стороны зорких номадов.

На утро, мы проснулись рано; вершины гор позолотились бледными лучами солнца, было морозно и ясно. В тихом спокойном воздухе особенно отчетливо раздавались голоса пернатых, хлопотавших по соседству с биваком. Настроение у всех было торжественное, в особенности после того как был прочитан приказ по отряду экспедиции о производстве трех казаков в приказные и об'явлении всем прочим чинам глубокой благодарности...

Сборы в Рарчжа-гомба затягивались. Работать с тангутами оказалось довольно трудно; несмотря на заверение, они при-

вели плохих изнуренных животных, да и тех в сокращенном количестве. Невольно закрадывались опасения за успех нашей экскурсии в горном лабиринте, окружающем Хуан-хэ.

Было над чем призадуматься и в конце концов разделить экспедицию на две части. Транспорт тяжелого багажа, под руководством капитана Напалкова, я направил непосредственно на Лавран, по большой Гуйдуй'ско-Лавран'ской дороге. Моему сотруднику поручалось, по доставке багажа в Лавран и по сдаче его на хранение, отправиться в Вей-сянь, для пополнения зоологических коллекций. Животных, груженных более легко, преимущественно предметами первой необходимости, я взял в мою экскурсию, ставившею себе задачей изучение района, прилежащего к монастырю Лавран с северо-запада, запада и юго-запада.

С началом Нового года началась и новая деятельность экспедиции.

Персонал Монголо-Сычуань'ской экспедиции (на зимовке)

Внутренний базар в городе Гуй-дуй'е

Глава XVII.

ЗИМНЯЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБИНУ АМДО'СКОГО НАГОРЬЯ.

Изменение дальнейшего плана путешествия: вместо Сычуани — Амдо. — Общая характеристика этой горной страны и ее обитателей. — Любовь амдосцев к оружию и страсть к грабежам... — Оставление Гуй-дуй'я. — Горячие ключи Чи-чю. — Монастырь Ранэн-гомба. — Движение по Амдо'скому нагорью. — Пески Магэтан. — Встреча с тангутским раз'ездом. — Княжество Луцца и его вождь Лу-хомбо. — Наше знакомство с этим предводителем разбойников. — Обострение отношений. — Ночное нападение на экспедицию.

И так, с получением предложения Географического Общества — «всё внимание сосредоточить на изследовании мертвого города Хара-хото» — экспедиция должна была изменить свой план... Вначале предполагалось провести всю зиму в Гуй-дуйе и лишь с развитием полной весны отправиться в Сы-чуань, манившую к себе богатой, роскошной природой еще моего учителя, в особенности в его «четвертое» центрально-азиатское путешествие. Придя тогда на Голубую реку, при устье Бы-чю, Н. М. Пржевальский убедился в невозможности переправиться с верблюдами через Ян-цзы-цзян или следовать вниз по его течению, стесненному дикими угрюмыми скалами подножий прилежащих гор [1]). Первый исследователь природы Центральной Азии должен был ограничиться посещением долины озер верхней Хуан-хэ и возвратиться в Цайдам, служивший ему базой при изучении северной окраины Тибетского нагорья. После

---

[1]) «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи». Стр. 178.

Н. М. Пржевальского, как известно, в Сычуань стремилась экспедиция его последователя—В. И. Роборовского, тяжело заболевшего в области гор Амнэ-мачин и долженствовавшего отступить к тому же Цайдаму [1]). Мое Монголо-Камское путешествие, давшее много нового географического естественно-исторического материала и выяснившее еще большие богатства в этом отношении в стране прилежащей к ее маршруту с востока [2]), конечно побуждало меня стремиться также в Сычуань, к ее границе с Камом, чтобы таким образом связать наши работы с работами Г. Н. Потанина и тем самым исполнить еще один из заветов своего учителя...

Однако, ни кому из нас не удалось туда проникнуть: что-то необ'яснимое властное, сильное не пускало нас в заветную Сычуань... Опять наши мечты: увидеть бамбуковые заросли и встретить в них такина (Budorcas taxicolor) и медведя (Ailuropus melanoleucus), или в соседних им высоких лугах поохотиться за красавцами лофофорами (Lophophorus lhuysii), исчезали или продолжали оставаться мечтами.

Отложив намерение следовать в Сычуань, мы всё же должны были выступить в обратный путь или в Хара-хото только весною, имея в своем распоряжении свыше двух месяцев времени, не использовать которое, хотя бы проникновением к югу в Амдо, было бы непростительно, а раз так — откладывать подобную поездку не представлялось возможным, и мы, в самое короткое время, как и сказано выше, приготовились к от'езду.

Амдо — горная страна, северо-восточный угол Тибетского нагорья, привольно раскинулась к югу от альпийского бассейна Куку-нора до границ Сычуани с одной стороны и Гань-су — с другой. Общая характеристика амдо'ского нагорья может быть приложима к таковой наиболее мягких частей Тибета, расположенных на востоке или юге этой обширной страны, где абсолютная высота местности от 16.000 футов спускается до двенадцати или даже одиннадцати тысяч футов, а в до-

---

[1]) «Труды экспедиции Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи, совершенной в 1893 — 1895 гг. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго». Часть I. Стр. 385 — 390.

[2]) То-есть в районе, ограниченном на востоке маршрутом экспедиции Г. Н. Потанина, а на западе — маршрутом моего путешествия «Монголія и Камъ».

линах с земледельческой культурой и еще значительно ниже. Главные цепи гор ориентированы в широтном направлении с неодинаковым уклоном к северу или югу. Снеговая линия поднята около 15.000 футов над морем. Как и в Тибете, здесь в верховьях долин залегают характерные луга твердой тибетской осоки (Hobresia thibetica), по которым из диких животных чаще других можно встретить горную антилопу — ада (Gazella picticauda), а из птиц — больших тибетских жаворонков (Melanocorypha maxima), в ясные проблески дня, оживляющих мелодичным пением монотонность страны. В низовьях долин, наоборот, произрастают пышные кустарники, прорезаемые бурливыми прозрачными ручьями, в соседстве с которыми держатся мелкие певчие птички... Горы, вообще, богаты тибетскими формами растений, начиная с карликовых кустарников до альпийских лугов включительно; животная жизнь также однообразна с тибетской; здесь только путешественник не встречает диких яков и антилоп — оронго, вытесненных обилием кочевников.

Приблизительная цифра общего населения Амдо, его воинственных тибетских племен, выражается в пятистах тысячах душ обоего пола.

Амдо'сцы делятся на оседлых, располагающих своими селениями и пашнями в низовьях долин до 8.000 — 9.000 футов над уровнем моря, и кочевников, переносящих свои банаги в области альпийских пастбищ.

Как и восточно-тибетцы, амдо'сцы в политическом отношении представляют независимые племена, которые подчиняются Китаю лишь номинально. Китайцы совершенно не вмешиваются во внутреннюю жизнь амдо'сцев и ограничиваются редкой посылкой своих чиновников с военным отрядом для взимания дани, а также и для разрешения тех или иных тяжб между амдо'сцами или между последними и китайцами...

В своих разбойничьих набегах, которые являются одним из главных занятий кочевых амдо'сцев, они подчиняются своим предводителям. Не имея никаких писанных законов, они в своей общественной жизни руководствуются обычным правом...

Виденные нами амдо'сцы, по наружности, ничем существенным не отличаются от описанных нами на страницах моей

книги «Монголія и Камъ»[1]) восточных тибетцев. Они имеют тот же средний рост, реже большой, то же плотное, коренастое сложение, те же большие черные глаза, тот же не приплюснутый, иногда даже орлиный, нос и те же средней величины уши.

Одежда и жилище у кочевых амдо'сцев одинаковы с таковыми восточных тибетцев. Нравы и обычаи также очень близки; разница может быть наблюдаема только при детальном изучении тех и других обитателей.

И у амдо'сцев мужской элемент при каждом удобном и неудобном случаях норовит составить компанию для праздных разговоров. В лучшем случае амдо'сцы едут на охоту или, как то и замечено выше, на грабеж. Домашние же работы, как например, уход за скотом, сбор топлива, водоношение и многое другое, короче — всё ложится на женщину В то время, как женщина в течение дня трудится, что называется не покладая рук, мужчина скучает от бездействия и идет к ней на помощь только тогда, когда женщина физически не в состоянии с чем либо справиться. Верхом на лошади амдо'ска так же ловка, как и амдо'сец; поймать из табуна любую лошадь, ухватясь за гриву и быстро, вспрыгнув на спину неоседланного животного, лихо нестись в желаемом направлении—в привычке каждой молодой амдо'ски. Последние, вообще, весьма самостоятельны и свободны и могут по своему выбору иметь одного или, даже, несколько мужей одновременно.

«У окрестных лавранских тангутов», говорит Б. Б. Барадийн[1]), наблюдается факт, что женитьба совершается посредством побега молодого человека навсегда из родительского дома в дом родителей невесты. Если молодому человеку понравилась девушка и он желает жениться на ней, то он оставляет у нее какую нибудь свою одежду. Если девушка принимает предложение молодого человека, то должна убирать его одежды наравне со своими, а если отвергает предложение, она выносит его одежду на улицу. При этом родители не имеют никакого влияния на решение своей дочери. Таким образом, молодой человек увидит в чем дело; вынесена ли его одежда, которую

---

[1]) Том I, часть вторая, стр 271 — 272.

[2]) «Путешествіе въ Лавранъ» Отдельный оттиск из «Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» том XLIV, вып. IV, 1908 г., стр. 19 — 20.

нужно со срамом унести обратно домой, или же его одежда тщательно убрана в числе одежд девушки. «В последнем случае молодой человек убегает от своих родителей, прервав с ними всякую имущественную связь. При этом он может, самое большое, захватить с собой боевого коня, но в крайнем случае, он должен являться к своей невесте непременно с ружьем и саблей.

«Таким образом муж является как постоянный гость для жены и ея родителей и основа семейной жизни тангутов и вообще всех тибетских племен та, что муж и жена в имущественном отношении весьма мало связаны друг с другом. Жена должна заведывать всем хозяйством, как исключительно ей принадлежащим, а муж в своем распоряжении имеет лишь своего боевого коня, ружье, саблю и пику, с которыми он может идти на разбой»...

Как женщины гордятся своими бусами и серебром, так одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспехами, в особенности ружьем и саблей, на украшение которых серебром и цветными камнями тратится не мало денег. Боевым видом, молодечеством, удалью, в Амдо, как и вообще в Центральной Азии, главным образом и оцениваются достоинства людей, способных быть начальниками или предводителями. Резвые кони, с хорошим убранством, уже издали привлекают внимание придорожного населения или каравана. Пестрый, темно-синий, красный, желтый наряд, иногда с леопардовой оторочкой у груди, очень красит гордых амдо'ских всадников, в особенности чиновников, перед которыми местные простолюдины смиренно и низко склоняют головы.

В позднейшее время нельзя не отметить особенного, резко бросающегося в глаза явления европейского оружия, все больше и больше проникающего в среду амдо'сцев. Те многие обитатели Амдо, которых мы встречали или в дороге, или у себя на биваке, именно часто бывали вооружены магазинными винтовками, содержащимися в образцовом порядке, с приделанными к ним сошками для более меткой стрельбы, в особенности в долинах по зверям, как это всегда устраивают центральноазиатцы у своих примитивных фитильных самопалов. Амдо'сцы с гордостью показывали нам их магазинки, в свою очередь, прося и нас показать им русскую винтовку. Разборку и сборку

европейских ружей амдо'цы усвоили прекрасно и всякого рода манипуляции с ними они проделывают с замечательною ловкостью и умением. Сидя дома, от скуки, амдо'сец берет ружье, холит, нежит и ласкает его, словно мать свое любимое детище... Патроны или заряды туземцы берегут с замечательною выдержанностью.

Не трудно допустить, с какою завистью амдо'цы посматривали на наш караван, на наши вьюки, на наше однообразное вооружение. Я положительно убежден, что ничто другое не соблазнило, не толкнуло амдо'цев решительно броситься на нас [1]), как только наши винтовки, прелесть и превосходное качество которых они уже успели оценить по своим ружьям европейских образцов. Не даром же китайцы так сильно протестовали против моего намерения двинуться в Амдо, им хорошо была известна страсть этих кочевых обитателей убивать и грабить; они согласились со мною лишь тогда, когда я выдал им новую подписку, что могущие встретиться в Амдо неприятности и беды, я беру на свою ответственность...

Амдо справедливо занимает выдающееся место в истории буддизма: оно дало великих проповедников и ученых. Имя Цзонхавы, как реформатора буддизма — основателя господствующей секты «гэлуг-па» — известно не одним только буддистам, которые для совершенствования в познаниях из Амдо направляются в Тибет, Лхасу или Таши-люмбо.

Везде в Амдо, где только имеются красивые и приветливые и вместе с тем уютные уголки — устроены кумирни или монастыри, а при этих последних нередко и управления начальников и дома их приближенных. При монастырях же очень часто имеют квартиры и торговцы китайцы, которые, впрочем при таких больших центрах, группируются в отдельные колонии.

Главнейшие монастыри в Амдо: Гумбум и Лабран, насчитывающие в своих обширных храмах и многочисленных постройках тысячи лам, исповедывающих главным образом учение Цзонхавы или так называемого желтого толка. С первым из этих монастырей я уже познакомил читателей выше, со вторым знакомлю ниже — в XIX—XX-ой главах.

---

[1]) О чем будет сказано ниже.

После некоторого отступления, перейдем к прерванному рассказу о самом путешествии.

Прежде всего мы поставили себе задачей посетить тангутское княжество Луцца и познакомиться с его воинственным предводителем Лу-хомбо.

... Мой облегченный караван [1]) распростился с зимовкою шестого января и ходко направился на пересечение оазиса, прямо к ущелью речки Ранэн-жаццон. Здесь нас обступили знакомые серо-желтые высокие горные скаты, сжимавшие узкое ущелье. Горячие ключи Чичю были на этот раз безлюдны, хотя температура их попрежнему оставалась очень высокой — 85,2° С. Первую ночь мы провели под прикрытием летней палатки, в приветливом местечке, между селением Ранэн-жаццон и кумирней Ранэн-гомба, среди зарослей высокого, достигавшего человеческого роста, дэрэсуна (Lasiagrostis splendens).

Горячие ключи Чи-чю (Чи-гу) или Чин-чю, в устьи ущелья Луан-цон-гоу.

Крайне сухой прозрачный воздух делал ночное небо особенно глубоким, звезды искрились ярко, а красавец Сатурн заметно выделялся на темном фоне своим необыкновенным сиянием... Соседний монастырь, казалось, уже погрузился в дремоту, но наш лагерь долго оживлялся голосами русских, китайцев и тангутов-подводчиков; яркий костер привлекал компанию обогреться [на воздухе было — 17° С] и побеседовать об окружающей местности.

Небольшой монастырь Ранэн-гомба скромно стоит на правом возвышенном берегу речки и имеет всего лишь один бед-

---

[1]) Состоявший из двенадцати вьючных и стольких же верховых лошадей.

ный храм, резко выделяющийся своей светло-коричневой окраской, из группы серых глинобитных построек. Население обители — всего до ста человек монахов — во главе с да-ламою, отнеслось к нам довольно недружелюбно и почти враждебно; однако вскоре, после некоторых переговоров, нам всё же удалось проникнуть в кумирню для осмотра ее убогой обстановки. В центре храма красовался порядочный металлический бурхан Арьябало, а вдоль главной стены стояло несколько субурганов и старинных закоптелых второстепенных бурханов; по стенам висели более или менее нарядные живописные изображения Цзонхавы и докшитов...

Как мы впоследствии узнали, Ранэн-гомба основан лет тридцать тому назад, принадлежит секте красного толка и непосредственно подчинен гуй-дуй'скому монастырю Гомба-сы.

С зарею следующего дня караван снялся и пошел в прежнем, южном направлении, с целью выбраться из глубокой впадины общей долины Хуан-хэ на прилежащее плато. Так как верховья речек и ручьев, впадающих в Желтую реку справа, образовали много ледяных каскадов, то мы принуждены были идти в обход этих неудобств и цепляться по страшной крутизне глинистых или лёссовых обрывов, прежде нежели поднялись на перевал Нара или «Р'нала», что значит перевалить. Отсюда ясно обрисовывалась в тумане глубокая горная падь — брешь, сделанная в массиве, ниже Гуй-дуй'я, могучей Желтой рекой В отдалении виднелся северный альпийский хребет, словно восточное [1]) продолжение Южно-кукунорских гор, а на юге вздымался величественный Джахар.

Вершины гор белели снежным покровом; кое-где, по террасам прилежащих высот, рядом с жалким подобием хлебных полей, темнели банаги кочевых тангутов, а высоко, в увядших, мерзлых альпах паслись табуны лошадей и стада баранов и черных домашних яков.

Грязные ветхие палатки тангутов, обычно внутри делятся на две половины: правую — мужскую, и левую — женскую; в центре располагается очаг. По краям, вдоль полотняных стен, складываются кожаные мешки с чюрой или сухим творогом,

---

[1]) Западная часть хребта, по словам тангутов, называется «Цорго». Горы, тянувшиеся темным валом ближе и западнее Цорго, известны под названием «Амнэ-воен».

зерном и прочими припасами; там же лежат и вьючные седла. Прямо на земляном полу расстилаются засаленные войлока и овчины, заменяющие туземцам постели. Подле богатых палаток нередко устраивается загородка — загон для баранов, бдительно охраняемых свирепыми собаками...

Следуя постепенно вверх по речке Чин-чю, мы вскоре вступили на луговое плато, носящее характер кукунорских степей. Волны увалов, отливая волнистым оттенком превосходных кормовых трав, тянулись бесконечными грядами с северо-запада на юго-восток. Местами они встречались и переплетались с целой системой песчаных барханов, надвигавшихся с северо-запада, из пустыни Магэтан, начинающейся почти от самого хребта Джупар. Барханы имели преимущественно северо-восточное—юго-западное простирание, круто обрываясь рыхлыми склонами к юго-востоку и представляя твердые пологие скаты с наветренной стороны. Соприкасаясь с горами, пески незаметным образом сглаживали холмистый рельеф плато и иногда достигали сотни футов высоты.

Из оазиса Гуй-дуй'я в княжество Луцца ведут три дороги. Восточная следует по высоким горам, западная тянется через унылые пески Магэтан, а средняя, которую избрала экспедиция, извивается среди мягких холмов и долин, минуя многочисленные речки [1]), с ледяными накипями в горах, и захватывая лишь незначительный рукав песков, шириною около шестидесяти верст. По словам тангутов, в летнее время, этот пустынный переход крайне тяжел и утомителен, так как присутствие раскаленных песков сильно повышает общую температуру окружающего воздуха.

Чем дальше мы подвигались на юго-юго-запад, тем казалось, что горы теснее обступали наш караван; вершины попутных холмов открывали новые долины, речки и новые горизонты. Оставив позади речку Цанага, откуда мы любовались темной высотой Чачан-кэ на западе, караван вскоре поднялся на перевал Р'тыга-нига. Серебристо-белые вершины Джахар на юго-востоке и грандиозный хребет Джупар на юге обрисовывались всё с большей ясностью... Спускаясь с перевала, мы обогнули щелевые выступы и пошли на пересечение волнистого

---

[1]) Правые притоки Хуан-хэ, стоявшие в это время почти без воды.

лугового пространства, к речке Гомын-г'зюн, убегавшей в сторону впадины Хуан-хэ, по узкой глубокой балке.

Экспедиция держалась юго-западного направления, обычно пристраиваясь на ночлег в соседстве тангутских стойбищ. Во время пути караван сопровождался кавалькадой всадников, подгонявших упрямых яков — наших новых вьючных животных, заменивших усталых лошадей и мулов.

По мере углубления внутрь неведомой дикой страны, туземное население становилось всё более и более своенравным и дерзким. Чувствовалась повышенная атмосфера... Накануне буддийского нового года, подводчики, отправленные с нами по приказанию Гуйдуй'ского тин-гуан'я и получившие деньги вперед заявили мне, что они хотят возвратиться домой и просили отпустить их животных. Не успели мои спутники с помощью китайца-переводчика нанять новых яков у ближайших тангутов, чинивших по этому поводу нам всевозможные препятствия, как подводчики, бросив нас на произвол судьбы, скрылись...

Ночь под новый год была облачная и тихая; лишь изредка разносился громкий лай свирепых тангутских псов, сторживших покой своих хозяев. Мы спали чутко, не раздеваясь, с оружием в руках, вверяя бивак бдительности двух часовых.

На утро, девятого января, со стороны стойбищ кочевников, слышались звуки раковин и прочих молитвенных атрибутов; подле банагов возжигались костры и совершались молебствия, при чем мужчины и женщины делали земные поклоны, обернувшись лицом к востоку, к трем священным девственным вершинам: Амнэ-джагыр, Гига-амнэ-консым и Джахар.

Наш путь за рекою Мдурци-чю пролегал по ущелью, обставленному крутыми склонами; справа густо поросла карагана, будучи основательно засыпана песком, а слева расстилались отличные кормовые луга, орошаемые тремя ручьями. Пески, проникавшие также и на дорогу, нагревались солнцем до 15,$_2$° С, несмотря на полуясное небо и температуру воздуха в тени, не превышавшую — 1,$_6$° С. Перевал Дорци-нига, поднятый так же высоко, как Ладин-лин [1]) и увенчанный красивым, обо, встретил нас неприветливо — крепким южным ветром,

---

[1]) Альпийский хребет, т. е. восточное продолжение гор Южно-кукунорских с перевалом (на нашем пути от Синина в Гуй-дуй) Ладин-лин или Лачжи-лин, поднимающимся свыше 12.000 футов над морем; смот. о нем стр. 371 — 372.

с силою бившим в лицо. Горизонт долгое время оставался закрытым, нагроможденными в беспорядке высотами, и, только перейдя на второстепенную по сравнению с Дорци-нига вершину, мы увидели широкую долину Монра [1]), и вышеописанные пески Магэтан.

В окрестностях перевала экспедиция столкнулась с туземным раз'ездом, следовавшим куда-то с заводными конями. Тангуты с важным деловым видом осведомились о том, кто мы такие, а затем, ретировавшись в сторону, пропустили наш караван мимо себя, тщательно рассматривая каждое животное...

Становилось уже темно, когда мы разбили палатки, устроившись снова рядом с кочевьем тангутов, в урочище Тун-нчи, между речкою Лончен-чю, выбегающей из гор Юла, и песками. Обитатели банаг, кажется, все перебывали на биваке, под предлогом продажи аргала, молока и проч. Не желая идти против местного обычая, мы принимали без всякого удовольствия угрюмых неопрятных гостей, неизменно угощая их традиционным чаем...

Ваджрапани (милостивого вида).

Погода между тем установилась довольно благоприятная; днем было тепло и тихо, воздух оставался прозрачным, а ночью, при морозе в 20 ° С, наблюдался лишь слабый ветерок, тянувший с гор. Караван подвигался успешно и надеялся в самом скором времени достичь тангутского княжества Луцца, где предполагалась первая, от оазиса Гуй-дуй'я, дневка.

Состоящая приблизительно из сотни банагов ставка луцзского управителя лежит в урочище Шаныг [2]), в превосход-

---

[1]) Замыкавшуюся на юге горами Сергюль или Хара-гол, как их называют монголы.

[2]) Интересно отметить, что в данной местности встречается много монгольских названий, приуроченных к различным холмам, рекам, долинам и проч. Так, на своем пути я встретил холм «Цаган-тологой», горы «Хара-гол» и урочище «Шаныг». Однако монголы уже лет сто шестьдесят тому назад были изгнаны из этого края свирепыми н'голоками и другими разбойниками Тибетского нагорья.

ной пастбищной долине [южнее сухого русла речки Мон-чю], поперек которой экспедиция шла целый день, держа направление на известную группу черных палаток.

Тангутский князь делит свои владения на четыре хошуна, при чем каждый хошун, насчитывающий до двухсот пятидесяти человек населения, управляется бэйсе.

Под'езжая к вышеупомянутому урочищу мы повстречали немногочисленную, но весьма нарядную группу туземцев, одетых в праздничные костюмы и вооруженных саблями и даже винтовками.

Вблизи княжеской ставки нас встретили — сначала сын князя — молодой красивый амдо'сец, выехавший вперед с княжеской дворней и почтительно взявший за повод мою лошадь, а затем и сам Лу-хомбо или «Рачжа», как его называют окрестные обитатели. Он появился в сопровождении нескольких женщин, одетых в цветные, разукрашенные лентами, бирюзою и раковинами, шубы. Несмотря на семидесяти-трехлетний возраст, крепкий мускулистый с несколькими глубокими шрамами на голове и теле, которое старик иногда обнажал, спуская шубу с правой руки, Лу-хомбо производил впечатление сильного, закаленного в боях воина, а может быть и просто разбойника... После обычных приветствий, мы вошли в обширную, сравнительно чистую, палатку, где уже было готово обычное угощение — чай, со свежим, только что поджаренным на бараньем сале, печеньем. В мужской половине банага, аккуратно застланной ковриками, мы разместились по старшинству, я сел у самой печи, vis a vis с главою дома. Хозяин приветливо предложил мне отведать местного напитка, прося не стесняться и закусить как следует. Молодой князь то и дело брал с печи котелок и подливал мне чаю, прибавляя к нему кусочки хлеба.

Приняв угощение, я пожелал выбрать место для лагеря экспедиции; старик вместе с сыном тоже направились со мною и помогли разрешить этот вопрос. Мы остановились на открытой площадке, залегавшей саженях в ста от княжеской ставки и отделявшейся от нее длинным невысоким увалом, протянувшимся поперек долины. Тем временем подошел и караван. По окончании первых необходимых работ по развьючке животных и установке бивака, оба князя попросили меня отпустить

всех моих спутников на чашку чая, после дороги. Всё казалось шло самым лучшим образом, тем более, что при экспедиции следовал официальный китайский переводчик из Сининского управления, снабженный всякого рода бумагами для оказания нам содействия со стороны амдо'цев.

Угостив русских молодцов, сановные тангуты направились в наш лагерь и положительно его осадили. Все наши гости оказались большими любителями выпить и без всякого стеснения заставили меня наполнять ежеминутно опоражнивавшиеся чарки крепчайшим спиртом, взятым для этой цели из запасов экспедиции [1]). Этот напиток очень понравился князьям, и они в знак одобрения поднимали кверху большие пальцы рук... Вначале я было попробовал предложить дикарям — номадам коньяку,—напрасно, коньяк, по их отзывам, «напиток женский»!.. В своих деловых беседах Лу-хомбо оказался к сожалению очень не сговорчивым. Несмотря на все мои доводы, он требовал от экспедиции одну из лучших винтовок, как дань за право следования каравана через его владения; за вьючных животных и проводников князь просил особую и тоже очень высокую плату... Предложенным мною револьвером он пренебрег и даже назвал оружие «детским».

Наугощавшись спиртом всласть, тангуты стали пьянеть, и я уже предвидел некоторые могущие возникнуть осложнения, неизбежные при всяком нервном возбуждении, как совершенно неожиданно меня выручила старушка княгиня. Эта маленькая тщедушная женщина пришла как раз во-время и без труда увела захмелевшего супруга, проронившего мне невнятно по дороге — «завтра будем говорить о делах, о вашем дальнейшем пути, а сегодня я жду подарков». Подарки, действительно, князь частью уже получил, а частью они были направлены вслед за ним.

Два дня шли бесплодные переговоры, не приведшие ни к какому положительному результату. Для Лу-хомбо всего предлагаемого нами — и новых подарков, и самой высокой платы за животных и проводников было недостаточно; он стоял на своем: «подарите вашу русскую винтовку и ящик патронов, тогда я выпущу вас из своих владений!» Когда и на эту ком-

[1]) Спирт всегда имеется для коллектирования рыб, змей, ящериц, а равно и мелких грызунов и даже птичек.

бинацию, скрепя сердце, я вынужден был согласиться, тогда старый князь сказал: «сейчас придет к вам мой сын, посмотрит еще раз ваше ружье, а я ухожу домой». Явился сын, — гордо и надменно вошедший в казачью палатку, где и принялся за самый внимательный осмотр нашей магазинки. В конце концов, он с прежней надменностью заявил: «ваше ружье скверное, оно ничего не стоит»... и ушел...

Наш лагерь, до той поры оживленный различными зрителями, бесцеремонно забиравшимися даже в палатку [1]), понемногу опустел; на нем остались лишь те немногие луцца'цы, которые не могли отличить своей собственности от чужой, и которые чуть ни на наших глазах стащили все аптечные бинты и марлю...

Старый князь собрал совет старшин — опытных, видавших всякие виды разбойников; на этом совете, как выяснилось впоследствии, и было решено уничтожить нас, чтобы воспользоваться всем нашим оружием и проч... Мы не допускали мысли, что на нас готовится предательское нападение, и тем более могли не знать, что Лу-хомбо одобрил на совете предложение сына и прочей молодежи, напасть на нас глухою ночью, перебить горсточку русских, воспользоваться их самым ценным добром, а китайцу-переводчику, ночевавшему всегда в княжеской палатке, затем заявить, как нам стало ясно на другой день после неуспешной атаки, что нападавшие были не их однохошунцы, а обитатели соседнего аймака, их от'явленные враги, нагрянувшие в Луцца с целью отомстить луцца'цам за своих убитых товарищей, но случайно напавшие на русских.

К вечеру одиннадцатого января 1909 года, настроение членов экспедиции сделалось крайне нервным; со стороны княжеской ставки слышался подозрительный топот конских ног; по вершинам прилежащих холмов раз'езжали лихие всадники, громко перекликавшиеся в ночной тиши высокими вибрирующими голосами... В ожидании чего то недоброго мы решили не раздеваться, и спать в полной боевой готовности, с оружием в руках...

На следующий день наши отношения с тангутами еще более обострились. Столковаться с ними мирным путем, пови-

[1]) Под предлогом осмотра любопытных с их точки зрения вещей, как например лисьего полушубка.

димому, не представлялось никакой возможности. Ничто не могло их удовлетворить; стоило нам согласиться на запрашиваемые туземцами несуразные цены, как они тотчас придумывали новые и уже совершенно неприемлемые требования.

Амдо'ские или вообще тибетские сабли.

От сининского переводчика мы узнали, что князь согласился распорядиться подводами на завтрашний день на условиях самых последних, то-есть по баснословно дорогой цене за каждое отдельное животное и за каждого из пятнадцати проводников, тогда как в сущности мы нуждались только в одном, но нам навязывали их непременно пятнадцать человек, якобы один-два не в состоянии будут возвратиться домой живыми и не ограбленными. О ружье и патронах более не упоминалось.

Сумерки погасли скоро; на землю спустилась темная облачная ночь, особенно памятная всем нам странникам ночь на тринадцатое января. Со стороны княжеской ставки было как то необыкновенно тихо... На этот раз мы не делали никаких приготовлений, и рассчитывали спать с некоторым комфортом — раздевшись и лишь положив винтовки рядом с собою. Мне долго не спалось. Громкий неистовый лай собак не смолкал ни на минуту. Чутко прислушиваясь ко всему, я уносился мыслью к далекой родине, к теплому родному очагу... Не успел я забыться в мечтах, как вдруг внезапный винтовочный [1]) выстрел снова поднял всех нас на ноги. Было двенадцать с половиной часов ночи. Бдительный часовой, гренадер Санакоев, тотчас крикнул — «нападение, вставайте!» и открыл огонь по удалявшимся двум всадникам — туземному раз'езду, произведшему первый выстрел...

Прошла всего минута или две, и мы выскочили из палаток, конечно, кто в чем был, с ружьями в руках, но уже никого не видели, слышен был только резкий топот копыт быстро скакавших коней. Едва мы успели одеться, полностью вооружиться и встать в боевую линию, как с той же западной стороны, куда ускакал раз'езд, заслышали новый топот копыт, постепенно усиливающийся, и вместе с тем завидели черное пятно, выраставшее по мере приближения тангутов к нашему лагерю... Темная, январьская ночь была единственная свидетельница всего того, что произошло между маленькою горстью русских и сотенным отрядом диких номадов, мчавшихся в карьер, с пиками на перевес, на маленький лагерь иностранцев, открывших огонь шагов на 400 — 500 навстречу атаковавших. Огонь восьми наших винтовок описывал непрерывную огненную змейку, ярко сверкавшую в темноте ночи. Разбойники не выдержали, не доскакали какой нибудь сотни шагов, вероятно и того менее, круто повернули в северную сторону и тотчас скрылись в глубокой лощине. Однако, гулкий топот копыт по сухой, промерзшей почве, долго слышался в тишине. Всё описанное произошло так быстро, так стремительно, что вначале казалось каким то таинственным призраком; это был какой то дикий вихрь или ураган, промчавшийся Бог весть откуда и куда...

---

[1]) Да, именно, винтовочный скорострельный выстрел.

Не стой мы в полной боевой готовности навстречу этому грозному урагану, ничто не спасло бы нас от стремительности разбойников — их пик и сабель. Действительно, если бы разбойники не выслали раз'езда снять нашего часового и тем самым не подняли бы нас на ноги, их план наверно удался бы... их атака в темноте ночи сделала бы свое дело! Но рок судил иначе... и как мне не верить в мою путеводную счастливую звездочку!..

Едва мы успели опомниться от всего происшедшего, как со стороны ставки князя услышали выкрики Лу-хомбо и его

Группа тангутов луцца'цев хошуна Лу-хомбо.

сына: «что случилось, не перерубили ли русских наши соседи — враги [1]), какой сильный огонь!» и проч. Так потом передавал нам синин'ский переводчик, от страха потерявший голову. Чтобы скорее удовлетворить любопытство, старик-князь прислал в наш лагерь своего сына, который был крайне удивлен, что мы все целы и невредимы, стоим в полном боевом порядке и ждем новой атаки... Теперь равнина огласилась дикими криками, пальбой вдали и чем то зловещим, продержавшим всех нас под ружьем порядочное время... Мы уже больше не верили этим негодяям и стали с этой, чуть не роковой, ночи спать не раздеваясь, в об'ятиях с ружьем и патронами, в течение всей зимней экскурсии.

---

[1]) Враги Лу-хомбо — Кодя-доцон'цы — обитатели хошуна, залегавшего к северо-западу от Луцца, по правому берегу Хуан-хэ, за песками Магэтан.

Туземцы как будто избегали нас. Любопытные совсем не посещали экспедиционного бивака, и мы, наконец были избавлены от постоянных зрителей. Только один весьма симпатичный лама, с которым мы уже ранее успели подружиться, прибежал ко мне в большом волнении и не знал как выразить свое сочувствие и радость по поводу победы русских. В неудержимом порыве, молодой тангут схватил мою руку и крепко прижал ее к своему сердцу... Это своеобразное выражение симпатии тронуло меня до глубины души. Утром, тринадцатого января, я поздравил моих молодцов — спутников старшими или младшими унтер-офицерами или урядниками и выяснил им положение, в котором мы неожиданно очутились. Явился Лу-хомбо, также похваливший всех нас за молодецки отбитую атаку... Я в шутливом тоне спросил князя, не его ли подчиненные вздумали сыграть с нами такую злую шутку? На это гордый старик ответил: — «Собственной рукой зарублю, а если окажется раненым, то и заколю того, кто осмелился бы из моих людей принимать участие в набеге!..» Лу-хомбо рассвирепел, гневные глаза властного старика метали искры, он нервно вздрагивал и машинально повертывал на голове свою лисью «атаманскую» шапку; порою даже сбрасывал рукав с правого плеча, обнажая спину, зарубцеванные раны; — старый воин видывал виды! Теперь я стал верить, что Лу-хомбо никогда никому не давал даже обычных подарков, как он мне об этом заявил в первый день нашего знакомства, но сам со всех брал столько, сколько хотел. Кажется, в первый раз князю пришлось сознаться в своем бессилии...

Серебряная табакерка номадов (китайской работы).

Чтобы не навлечь на себя еще бо́льших подозрений, и не дать нам узнать об убитых и раненых — о чем мы узнали только через несколько дней и переходов — луцца'ский князь поторопился сплавить экспедицию, назначив в начальники проводников своего сына. Перед от'ездом, Лу-хомбо самым хладнокровным образом пригласил меня и моего спутника Четыркина откушать чаю в дорогу. Мы приняли приглашение с большой неохотой, но все-таки не сочли удобным отказаться. Сидя в княжеской палатке и беседуя с хозяевами, нам обоим приходилось зорко следить за тангутами, которые в любой момент могли схватить оружие, расставленное всюду вдоль бортов палатки и покончить с двумя неосторожными русскими... Чай и печенье мы также вкушали с большой осмотрительностью, опасаясь, обычной здесь, предательской отравы. Легко представить себе как нудно и долго тянулись последние часы, проведенные у коварного вождя разбойничьего хошуна... Старая княгиня, несмотря на всю натянутость отношений с ее супругом, рассыпалась передо мною в любезностях, и не постеснялась выпросить у нас несколько кусочков сахару.

От доставки экспедиции в монастырь Рарчжа-гомба, как я этого желал, луццасцы отказались наотрез, мотивируя свое нежелание высоким снеговым хребтом на пути, но вероятнее всего боязнью, н'голоков, таких же разбойников, как и они сами, которые давно грозят Лу-хомбо набегом «за прежние давние грехи старого волка!..» Князь продиктовал наш длинный, окружный маршрут своему сыну, с наказом передать его зятю старика, обязанному, затем, доставить экспедицию с тем же наказом, в линию кругового пути, залегавшего в районе монастырей Рарчжа-гомба — Лавран.

Подобный удлиненный и круговой маршрут, придуманный князем Луцца, в целях доставить заработок родным и знакомым старшинам, был полезен и для нас, так как давал возможность познакомиться с самым интересным, неведомым уголком Амдо'ского нагорья. Правда, это исследование стоило нам очень дорого в физическом, нравственном и материальном отношениях. До прихода в монастырь Лавран, мы ложились спать не раздеваясь и не расставаясь с ружьем; ночные караулы держали самые строгие, самые усиленные; при малочисленности участников зимней экскурсии, на часах приходилось стоять всем

нам, через ночь, в продолжение пяти-шести морозных часов, а на другой день следовать в дороге, со всякого рода наблюдениями и сборами коллекций [1]), на высоте на три-четыре версты, превышающей Петроград... Нервы наши были напряжены до крайности...

Много времени прошло с тех пор, но зимнюю экскурсию в Амдо я помню как сейчас, и живо чувствую ее кошмарный ужас, словно переживаю снова самое путешествие в этой угрюмой, неприветливой стране. Вместе с тем Амдо'ское нагорье всегда будит во мне чувства глубокой благодарности и нежной дружеской привязанности к моим спутникам — избранникам русского народа, с которыми только и можно совершать такие подвиги... Надеюсь, за последнее выражение простит мне читатель, в крайнем случае тот, — который сам хоть немного вкусил прелести в странствованиях по диким странам Центральной Азии...

---

[1]) Суеверные туземцы, в нашем намерении разузнать что-либо о их стране или осмотреть горы и отбить образчик горной породы, видели для себя большое несчастье — увоз русскими их «благ природы», поэтому против наших открытых наблюдений страшно протестовали. Пришлось вести их втихомолку.

Глава XVIII.

ЗИМНЯЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБИНУ АМДО'СКОГО НАГОРЬЯ.

(Окончание).

Дальнейший путь по нагорью. — Новые хошуны и их управители. — Зимние путевые невзгоды и лишения. — Враждебное отношение амдо'сцев к экспедиции. — Их стремление вызвать в нас повод к вооруженному столкновению. — Стрельба по разбойникам. — Криводушие ламы — старшего проводника. — Новые зимние невзгоды.—Неожиданная встреча с отрядом амдо'сцев: счастливое избежание кровопролития. — К'гарма — начальник хошуна Чэма. — Страсть амдо'сцев к спиртным напиткам. — Характеристика пути и движение каравана. — Прощание с К'гарм'ой. — Во владениях Гуань-сю Дунчжуб'а. — Углубление долин и появление кустарников и более пышных луговых трав. — Живая картинка под перевалом Кисэр—ла. — Крутые меры по отношению Дунчжуб'а. — Приход экспедиции в монастырь Лавран.

Тринадцатое января — день выступления отряда из урочища Шаныг, был для всех нас радостным и приятным днем. Не задумываясь особенно над тем, что ожидало путешественников впереди, мы все безотчетно стремились оставить несимпатичных, одаренных самыми порочными наклонностями. номадов. Приведенные к лагерю с раннего утра, вьючные животные скоро были готовы к отправлению, и, распрощавшись с князем, мы двинулись в юго-юго-западном направлении, в сторону перевала Амнэ-рычон. На вершине, вблизи живописной группы обо, одетой лентами и шерстяными нитями, четверо тангутов благоговейно совершали свои обычные молитвы.

Спускаясь к юго-западу, дорога огибала незначительные седловины гор, шла наперерез болота «бачин» и терялась в обширной кормной долине Ба, обставленной высокими кря-

жами, с которых (главным образом с полуденной стороны) стремительно сбегали три многоводные речки — Ба-чю, до одной сажени шириною, Чэга-гол, до двух-трех сажен, и Нэсэ-чю, до трех-пяти сажен шириною [1]). На юге, в значительном отдалении, белели снеговые вершины двух горных цепей — Сэрчим-нэга и Лапмын-нэга, вытянутых в широтном направлении. За этой скалистой стеною, в самом диком и неприступном уголке Амдо'ского нагорья, окруженный разбойничьим племенем н'голоков, прячется таинственный монастырь Рарчжа-гомба. Мне говорили, что монастырь расположен на величественном холме, с трех сторон омываемом змееобразным течением Хуан-хе. В Рарчжа-гомба нам так и не удалось побывать.

Довольно густое и весьма зажиточное население, с многочисленными стадами баранов, яков и табунами лошадей, группировалось к западу от нашего пути, в ложбинах горных отрогов.

Пышные луговые пространства описываемой долины сразу напомнили мне кукунорские степи. Здесь так же, как и там встречались норы тарабаганов и пищух; нередко у дороги показывались зайцы и даже осторожные лисицы иногда позволяли любоваться собою. Крылатые хищники — Buteo и Gennaia — по-прежнему преследовали грызунов... Борьба за существование и постоянное стремление сильнейшего одержать верх над более слабым — принципы, господствующие в мире животном — имели широкое применение и в окружавшей нас дикой, своенравной общине людей; почти ежедневно мы имели случай наблюдать двигавшиеся в разных направлениях вооруженные отряды н'голоков, спешивших расправиться то с одним то с другим враждебными племенами. В этот день мы, таким образом, встретили пятнадцать человек, прекрасно вооруженных грабителей, следовавших из княжества Луцца на восток, с целью напасть на подобных им разбойников, учинивших недавно самосуд над их однохошунцем конокрадом.

В течение всего первого перехода от урочища Шаныг, экспедицию сопровождал сильный юго-западный ветер, вздымавший облака пыли и постепенно превратившийся в бурю. Животная жизнь как то сразу притихла; все обитатели степи скрылись по своим норам; с подветренной стороны одного

[1]) Эти речки впоследствии — ниже сливаются в один правый приток Хуан-хэ — Джярва-тон-дон.

маленького бугорка, я заметил сидящего насупившись светло-грудого Buteo, остроумно спасавшегося таким образом от непогоды. С трудом осилив еще несколько верст, мы решили последовать примеру птицы и, остановившись ранее обыкновенного в урочище Батцы-ту [1]), по соседству со стойбищем сына Лу-хомбо — Луань-гоу-женя, прибегнуть к единственной защите путешественников — неизменной палатке....

Более теплые, приветливые дни сменялись почти всегда холодными нудными ночами, не дававшими ни нравственного, ни физического отдыха. Стоишь бывало на дежурстве, у бивака, в самую глухую полночь, сжимаешь винтовку закоченелыми руками, прислушиваешься и чутко ловишь малейший шорох. В спящей природе абсолютная тишина; звезды и планеты горят ярко, и в течение долгих часов невольно наблюдаешь их правильный и вечный путь по небу... В северо-западной части горизонта пылает алое зарево; это степной пожар то вспыхивает, то потухает, порою причудливо освещая облака, порою поднимаясь на седловины горных кряжей и рисуя воображению действующие вулканы. У ног прыгают грызуны; в соседних холмах кричит заяц, и изредка издает свои глухие ноющие звуки филин... Если невдалеке кочуют тангуты, то до слуха очень отчетливо доносится неистовый лай собак и дикие выкрики туземной стражи, бдительно охраняющей покой своего родного стойбища... Томительно тянется время; отстояв наконец положенные пять-шесть часов, торопишься в палатку отдохнуть перед следующим переходом, но лютый двадцатиградусный мороз дает себя чувствовать; постель холодна как лед, и никакое одеяло не может согреть закоченевшие члены... Так усталый и сонный ежишься до самого утра и забываешься лишь на один-два часа, после того, как дежурный казак немного согреет палатку походной печью...

Южнее долины Ба, дорога раздвоилась; с сожалением отказавшись от интересного в естественно-историческом и этнографическом отношениях пути на Рарчжа-гомба, мы избрали юго-восточное (затем восточное и северо-восточное) направление, к монастырю Лаврану, надеясь таким образом успешнее освободиться от тяжелых разбойничьих сетей.

---

[1]) Батцы-ту — по-китайски; Барцы-ту — по-тангутски.

Четырнадцатого января, пользуясь любезным содействием молодого грабителя — Луань-гоу-женя, экспедиция благополучно прибыла в хошун зятя Лу-хомбо—Хор-хон-жен'я. Родственники быстро обменялись несколькими теплыми словами, и в результате наш новый знакомый потребовал еще более высокую и несуразную плату за животных и проводников, чем стянувший с нас в три-дорога Луань-гоу-жень... Приходилось покоряться обстоятельствам; пока, другого выхода не было. Зять Лу-хомбо охотно навещал нас на биваке, постоянно выпрашивая разные подачки [1]), беседуя о текущих событиях. Однажды он даже проговорился и рассказал нам о том, как луцца'ский князь принимал самое деятельное участие в организации предательского нападения на экспедицию, и как в этой стычке сильно пострадал самый лучший и храбрейший тангутский отряд. При этом Хор-хон-жень заметил: «хорошо, что русские не были зачинщиками кровавого столкновения, иначе мы все восстали бы против них», и помолчав добавил: «прошу вас милостиво относиться к тангутам моего хошуна, они вам не сделали ничего дурного. Прежде чем применять вооруженную силу, старайтесь всегда угадать, с кем вы имеете дело, а для этого достаточно окликнуть подозрительного человека словом «аро», то-есть приятель; если он повторит ваше приветствие — вы можете спокойно продолжать ваш путь, если же он промолчит — стреляйте без промедления»... Суровый и краткий, но вместе с тем справедливый наказ, о котором мы не раз потом вспоминали... как вспоминали и некоторых амдо'ских вождей, отличавшихся известным благородством.

«Банаг».

Дни шли за днями, а экспедиция все глубже уходила в дикий, пустынный горный лабиринт, из которого, казалось, нет выхода. С перевала Джэму-лапци, круто сбегавшего к югу, за

[1]) Но никто из членов экспедиции не допускался в его палатки.

ближайшими второстепенными высотами снова открылись виденные ранее серебристые, матовые, белоснежные Сэрчим-нэга и Лапмын-нэга. Внизу блестела Р'качюн-чю, стремительно несшая свои прозрачные воды по каменистому, круто падающему ложу с юго-востока на северо-запад.

Р'качюн-чю типичная горная речка, имеющая не более одного фута глубины, при трех-пяти саженях ширины, заключена в сравнительно неглубокой долине (не превышающей стодвести саженей ширины), обставленной крутыми берегами, изрезанными приветливыми ущельями и оврагами. Прекрасные альпийские луга спускаются почти до самой воды, где их, местами, сменяют заросли курильского чая (Potentilla fruticosa), дающие приют мелким пташкам, вроде рыжебрюхой горихвостки (Ruticilla erythrogastra) и других. При нашем приближении, с речки поднялась пара крякв, а белогрудая оляпка (Cinclus cashmeriensis) продолжала исследовать прозрачную воду, с писком пролетая вниз или вверх по течению...

В урочище Р'качюн-джун, ледяные забереги речки были довольно основательных размеров, а еще выше, они сомкнулись в одну сплошную массу, оставив нас снова без свежей воды.

Экспедиция исследовала долину Р'качюн-чю на протяжении десяти верст к юго-востоку, а затем, повернув вдоль одного из ее притоков, остановилась в урочище Всилун, поднятом свыше 12.600 футов над уровнем моря — это в долине. В одном из боковых ущелий, мы отметили маленькую походную кумирню, принадлежавшую гэгэну, кочевавшему здесь же по соседству, в сопровождении немногочисленного штата лам и богомольцев.

Население, состоявшее преимущественно из тангутов и редких разрозненных групп н'голоков, попрежнему проявляло хищнические инстинкты по отношению к европейцам и их богатому вооружению. Вымогая от нас всеми способами серебро и всячески выпрашивая хоть одну винтовку, туземцы ухитрялись плутовать еще иным способом — они скрывали более легкую, прямую дорогу на Лавран и вели усталый караван зигзагами, заставляя иногда проделывать совершенно излишние боковые петли. Китайцы — переводчики — прирожденные трусы — не решались точно передавать моих резких и решительных слов туземцам, и те, приписывая нашу уступчивость слабости, с каж-

дым днем становились более и более дерзкими. Мое терпение приходило к концу, а между тем расстояние до Лаврана, казавшегося нам обетованною землею, сокращалось необыкновенно медленно. Лучшим показателем нашего постепенного движения к югу был вышеупомянутый отдаленный хребет, Сэрчим — и Лапмын-нэга, названный тангутами, на этот раз, иначе, а именно Цза-сура. С каждого следующего перевала, могучая цепь обрисовывалась все с большей отчетливостью. Наконец, поднявшись к вершине горного прохода Птыг-чори, насчитывающего 13.730 футов над океаном, члены экспедиции увидели, что их отделяет от альпийского хребта лишь неширокая (одна-две версты), долина. Гребень Цза-сура обнаруживал оголенные, резкие в своих очертаниях, скалы и утесы, кое-где обильно засыпанные снегом; безжизненный однообразный ландшафт верхнего пояса несколько ниже сменялся альпийскими лугами, по которым сбегали быстрые, шумные речки, впадая в более крупную артерию — реку Кха-чю. Долина, с кочковатым дном и пасущимися на ней антилопами — ада (Procapra picticauda). очень напоминала нагорные равнины Тибета, где только вместо домашних яков бродят огромные дикие их собратия (Bos grunniens) [1]).

Лишь перевалив мягкое луговое плато Джандэль (собственно платообразный перевал) и вступив на вершину перевала Хамыр, нам открылись на далеком востоке — северо-востоке две цепи гор, указывавшие истинное Лабранское направление.

Сумерки застали экспедицию в холодном, неуютном урочище Ары-тава, в двух верстах от Хамыра, по соседству с тангутским стойбищем. Присутствие человека, как везде в Центральной Азии, привлекало многочисленных воронов-санитаров, круживших над темными банагами. К вечеру стал падать снег, достигший вскоре трех дюймов глубины и сильно изменивший пейзаж. Над биваком, с оживленным криком пролетела стайка чечеток; изредка слышался приятный голос Melanocorypha maxima. Но нам не суждено было долго наслаждаться тихим уединением. Каким-то чутьем узнавшие о прибытии русских, туземцы тотчас поспешили к нашим палаткам со своими вечными расспросами и бесцеремонным любо-

[1]) В южных горах, говорят, летом не редки тибетские медведи.

пытством. Украшенные по обыкновению длинными лентами свешивающимися по спине [1]), женщины тащили на руках грудных младенцев, а более взрослые дети сами бежали к нам и вся эта публика без всякого стеснения залезала в палатки выпрашивала сахар, и никогда не упускала случая своровать всё, что попадало под руку. Так, например, у меня украли нагайку, у некоторых из моих спутников отрезали стремена, а у китайцев стащили уздечки. Когда же китайский тунши в досаде замахнулся на одного из воров кнутом, откуда-то немедленно с криком вынырнул вооруженный всадник — отец вора, как оказалось впоследствии, со стягом у седла, и стал угрожать саблей. Елеле успокоили его благоразумные собратья, а подоспевшая супруга совсем привела озверевшего разбойника в чувство, ударив его несколько раз стягом по голове...

Нахальный вид и задор, светившиеся в глазах каждого взрослого тангута раздражали участников экспедиции до последней степени, а стремление нарочно толкнуть или задеть вас, рождало желание не задумываясь жестоко отомстить разбойникам.

Глава туземцев—довольно важный лама, не отличался высокой нравственностью, и так же как и прочие монахи, уже не говоря про мирян, любил вино и смертоносное оружие больше всего на свете. Считаясь со вкусами и взглядами этих плутов, мы старались расположить их к себе соответствующими подарками, многозначительно показывая им между прочим прекрасный редкий портрет Далай-ламы и бумагу цин-цай'я, служившую нам ввиде охранного листа. Но все наши старания не достигали цели: повторяю, и здесь вместо одного-двух проводников, экспедиции навязывали целый отряд в пятнадцать человек, с платою каждому по одному лану серебра, в день. Подобная нелепость объяснялась самым простым и наивным образом: разбойники доказывали, что они недавно совершили набег на обитателей попутных хошунов, несколько человек убили и угнали табун лошадей. Боясь мести, они якобы не решались путешествовать в одиночку и пускались в путь только группами, не менее десяти всадников... Как бы то ни было при-

---

[1]) Я заметил, что в данной местности спинные украшения были гораздо темнее, чем обыкновенно; кроме того ленты вышиты золотом и убраны раковинами, отделанными серебром и синей или голубой эмалью.

ходится сознаться, что европейцам уже не долго суждено исследовать страны, населенные тибетскими разбойничьими племенами. Испытав на себе всю тяжесть и ответственность такого странствования, я ясно вижу, сколь велики грабительские наклонности тангутов и каким страшным оружием является в их руках европейская винтовка.

Утро девятнадцатого января расцвело бледное и туманное. Экспедиционные животные с трудом шагали по высохшим или вернее замерзшим кочкам шириков. Однообразие унылой картины несколько оживлялось изящными антилопами-ада, появлявшимися то здесь, то там и развлекавшими нас своими легкими прыжками.

Огибая подножья гор, мы заметили следовавший навстречу каравану тангутский раз'езд. Увидев нас, он свернул в сторону, но затем ловко воспользовавшись прикрытием вздымавшегося на пути увала, снова поскакал к нам, думая украдкой пробраться к путникам.

Сопровождавший наш караван лама в страхе торопил нас немедленно открыть стрельбу по разбойникам, что мы, убедившись в их предательском маневре, не замедлили сделать. Четыркин и Полютов тотчас поднялись на ближайший увал—пригорок и на расстоянии восьмисот шагов одновременно выстрелили по три раза, в результате чего убили лошадь и подстрелили двух тангутов.

Не прошло и нескольких минут, как разъезд нагнал нас и, вступив в переговоры, выставил нам жестокое обвинение в ранении ни в чем неповинных товарищей. Предатель-лама целиком отрекся от своих слов о необходимости стрелять по негодяям, и пришлось употребить все усилия, чтобы исчерпать инцидент мирным путем. В конце концов за убитую лошадь было отдано два лучших коня, а раненым людям — подарена порядочная сумма на лечение... Переговоры несколько раз прерывались злобными выступлениями туземцев, которые ежеминутно грозили перейти в рукопашную схватку.

На душе у всех было смутно и тяжело; погода вполне гармонировала с настроением; пронизывающий ветер пробивал одежду насквозь, а упорный густой снег слепил глаза.

Туземцы проводники всё более и более проявляли свои хищнические наклонности. Двое из них, приблизившись ко мне

сзади, несколько раз прицеливались в меня пиками, выбирая для изменнического удара лишь более удобный момент. К счастью, гренадер Демиденко во-время заметил опасность, и предупредил роковое несчастье.

В сумерках, путешественники остановились в долине Дэгзачжа, в урочище Нэрык-тон, поблизости прекрасного ключа. Кругом завывала вьюга, и мокрый аргал — наше единственное

Амдо'ское нагорье; вдали снеговая цепь Лапмын-нэга (Цза-сура); на первом плане караванные животные — яки.

топливо — долгое время не разгорался, лишая нас живительного тепла.

Вдали, на косогоре, показался всадник; он долго неподвижно стоял глядя на нас, а потом исчез за холмом, мелькнув на фоне бледного неба странным силуэтом. «Да это не человек, а большой волк», промолвил один из нас, будучи вооружен биноклем, и все посмеялись своей ошибке. Нервное возбуждение мешало спокойному сну, да и вся обстановка мало способствовала отдыху... Наши враги тангуты, не скрывавшие своей ненависти к русским, устраивались на ночь рядом с экспедиционными палатками, и волей-неволей мы не смыкали глаз. Спали только наиболее усталые, спали тогда, когда от сильного переутомления притуплялись все чувства, и страх

смерти, призрак которой не раз витал над нами, исчезал сам собою, уступая место полному безразличию... Наша всегдашняя союзница луна не изменила нам и в эту тревожную ночь. С ее помощью и благодаря открытой позиции, которая всегда выбиралась для ночлега, трое часовых могли надеяться вовремя предупредить всякое нападение.

Долина Дэг-зачжа открылась нам со всею ясностью лишь с рассветом следующего утра; от незамерзающих ключей поднимался густой пар, но в общем воздух был прозрачнее обыкновенного, и день обещал быть ясным. Расступившись по сторонам на семь — десять верст, к северу и югу, и дав место кочковатому ширику, возвышались холмы, одетые лишь луговой растительностью, при полном отсутствии не только леса, но даже кустарников.

Речка Вдэ-чю или Рдэ-чю, течению которой мы следовали от самого перевала Хамыр, жмется к южному краю долины, образуя, благодаря своему медленному течению, многочисленные и самые неожиданные извилины. Корытообразное русло этой речки, шириною в пятнадцать-двадцать сажень, имеет мягкое черно-землистое дно, и обставлено возвышенными, до трех-четырех футов, обрывистыми берегами. В урочище Рдэт, мощным движением к востоку, Вдэ-чю прорывает гряды холмов и оставив Дэг-зачжи, устремляется в соседнюю долину — Натон, носящую прежний кочковатый характер.

Чем выше поднималось солнце, тем чувствительнее оно жгло лицо. В тени температура не превышала — 9.4°С, но несмотря на это, горячие лучи оживляли заснувших было насекомых, и вскоре мы увидели мух, бойко летавших около каравана животных. В воздухе царила полная тишина; лишь звонкие приятные голоса больших жаворонков радостно долетали с высоты... К востоку и западу, насколько хватал глаз, тянулась пересеченная местность, без признаков человеческого жилья. Впрочем среди отдаленных шириков, кое-где пестрели темные точки домашнего скота, пасшегося в полном согласии с антилопами ада. Только глядя на эти стада, становилось очевидным недалекое присутствие кочевий номадов.

Сделав крутой поворот, дорога обогнула увал, за которым, действительно тотчас обнаружилась стоявшая в прикрытии, в урочище Саголыгэ — группа тангутских банагов

Не успели мы остановить и связать караван, как от разбойничьего стойбища немедленно отделилось несколько десятков с ног до головы вооруженных всадников, стремительно понесшихся на нас в атаку. Справа, на отличном скакуне, выделялся начальник отряда — повидимому ловкий наездник. Нападение было совершенно неожиданным... В следующую минуту с нашей стороны выступило несколько проводников-туземцев, догадливо решившихся встать между тангутами и русскими дабы предотвратить кровопролитие. Произошло невольное замешательство. Тангуты придержали коней и в ожидании выстроились в ряд, гордо подняв пики частоколом.

Я осведомился, с кем имею дело, и получил ответ, что собравшиеся негодяи представляют из себя эскорт одного из гэгэнов; сейчас они выехали к нам навстречу якобы для того, чтобы узнать намерение русских. Не доверяя ни одному слову предателей, я предложил им выделить из своей среды двух-трех человек — старших тангутов, для беседы со мною. На мое предложение не замедлил откликнуться сам начальник большого, в двести пятьдесят палаток, хошуна, Чэма, по имени К'гарма — человек китайского типа, в больших очках, явившийся к нам на белой лошади, в сопровождении своего красавца сына и приближенного советника. Пригласив гостей в палатку, мы угостили их спиртом, до которого все оказались большими охотниками[1]), и поднесли им подарки. Старший чиновник получил кусок парчи, сын его — охотничий нож, советник — красную флягу «царского пороха», а отсутствовавшей супруге старика я просил передать кирпич чая... Но ни подарки, ни угощение не смягчают разбойничьих нравов. Сказав похвальное слово по поводу подарков и принеся мнимое уверение в дружбе, тангуты кончили тем, что взяли с нас за продовольствие, животных и проводников еще более недобросовестную плату, чем их предшественники. Выяснилось, что и здесь, как вообще всюду на

Га-у (Амдо).

[1]) Любопытно вообще, что среди амдо'цев пьют все — не только мужчины и женщины, но даже и дети, которых родители всегда угощают, под предлогом «попробовать».

Амдо'ском нагорье, отдельные хошуны живут в непримиримой вражде друг с другом из-за постоянных обоюдных грабежей и убийств. Такие «добрососедские» отношения тангутов между собою, конечно, весьма плачевно отражались на нашем маршруте, который, в зависимости от этого, часто претерпевал самые различные изменения...

Всё же я могу сказать, что из всех тангутских вождей наиболее симпатичным до конца оставался именно наш новый знакомый — К'гарма, проведший экспедицию через все свои владения, вплоть до следующего разбойничьего стана — Гуань-сю-Дунчжуб. Не упуская личной выгоды, он все-таки сочувствовал экспедиции и во всем, исключая денег, охотно шел на уступки. Весьма разумный от природы и бывалый вояка К'гарма был интереснейшим собеседником, с которым я не раз забывался по вечерам в длинных разговорах. Наше оружие не переставало восхищать влиятельного тангута, и, хвастая своей относительно меткой стрельбой, он часто просил членов экспедиции в свою очередь показать свое искусство...

Мы всегда охотно исполняли подобные просьбы, так как репутация отличных стрелков наилучшим образом гарантировала нашу безопасность. Ведь, строго говоря, только ружья и спасли путешественников в борьбе с дикими, по своим жестоким инстинктам, туземцами... Много раз, в продолжение своей зимней экскурсии по Амдо'скому нагорью, я старался об'ективно представить себе наш маленький отряд, затерянный в мрачном лабиринте гор.

Упорно и настойчиво двигалась эта незначительная горсточка людей, следуя отчасти пешком, отчасти верхом на лошадях или яках вслед за кучкою темных быков, издающих свое оригинальное хрюканье и задевающих вьюк за вьюк. В непосредственной близости к каравану гарцуют на отличных конях вооруженные разбойники. Этот эскорт не внушает к себе ни малейшего доверия, но делает вид что охраняет русских. В сомнительных местах он поднимается на прилежащие вершины, зорко всматривается в даль и предупреждает об опасности, готовя, может быть, в то же самое время сам еще более страшную ловушку. Иногда совершенно неожиданно раз'езд пускается в карьер и, проскакав известное расстояние, останавливается для совещания и чаепития. Сначала всё тихо кругом, и видны одни

силуэты тангутов, раскладывающих костер; потом, вдруг, среди общего безмолвия гор, сразу раздаются резкие пронзительные крики, приводящие новичков в жуткий ужас. Молодежь невольно вздрагивает в седле и хватается за оружие. Но это ложная тревога — тангуты сварили чай и, брызгая по сторонам горячей влагой, кричат просительную молитву к богу гор, вымаливая благословение на предстоящий путь... А ночи, действительно, страшные ночи. Сколько, сколько раз, систематически, туземцы готовили нам Варфоломеевскую ночь!... Во время ночных дежурств я сам часто наблюдал большие раз'езды разбойников, которые, остановившись в отдалении, часами смотрели на наш бивак, следя за часовыми и как бы не решаясь напасть. Измучив дежурных томительным бесплодным ожиданием, разбойники внезапно вскакивали в седла и быстро исчезали, теряясь в глубоком мраке...

Двадцать первого января, экспедиция выступила после обеда и направилась вдоль по обширной долине Натон, лежащей также на значительной абсолютной высоте. Вдали, как на северо-востоке, так и на юго-западе вздымались засыпанные снегом внушительные горные массивы, создававшие величественное впечатление. Дно долины попрежнему было испещрено характерными для всех высокогорных долин Тибета болотистыми кочками мото-шириков. Пернатый мир вносил мало разнообразия в монотонность окружающего: лишь изредка пролетит, бывало, изящный лунь, промчится быстрым полётом сокол (Gennaia или Tinnunculus) и вновь опять кругом всё затихнет в чуткой дремоте, прерываемой одними нежными голосами жаворонков — Melanocoryphoides maxima et Otocorys elwesi elwesi.

В шести-семи верстах к северо-востоку от урочища Саголыгэ, караван пересек большую дорогу — из Куку-нора в Сун-пан-тин, южнее Лаврана и, переправившись по льду через прихотливо-извилистую речку, остановился лагерем на берегу Рзэ-чю, подле холма Джясы-лапци, сделав в этот день маленький шестнадцативерстный переход.

Путешественники, с нескрываемым нетерпением, повторяю, словно обетованной земли ожидали монастыря Лаврана. Время тянулось бесконечно долго, холмы выростали за холмами, с вершин перевалов открывались новые горы, долины и речки...

Казалось, им не будет конца. Караван следовал более или менее вдоль по течению Рзэ-чю, и только в месте ее слияния с небольшим притоком Чун-чю мы с сожалением расстались с приветливой и интересной в научном отношении речкой, продолжая путь на восток. Только с ближайших холмов мы, наконец, увидели суровые запорошенные снегом складки хребта, отделявшего нас от Лаврана.

Внизу расстилалась пересеченная местность, где, среди лугов, темнели банаги тибетских стойбищ. В этот последний день нашего совместного следования с разбойником К'гарма и его однохошунцами, тангуты несколько раз просили членов экспедиции стрелять в цель, чтобы полюбоваться своим любимым зрелищем. Одно из таких упражнений невольным образом избавило экспедицию от лишней неприятности: несколько залпов, удачно произведенных русскими в обрыв, гулко раскатились по соседним горам, вызвав тревогу среди отряда туземцев, с недобрыми намерениями скрывавшихся в глубине одного из ущелий. Грабители видимо растерялись от неожиданности и в страхе, оставив свое надежное прикрытие, поднялись на гребень увала и тотчас скрылись за ним, чтобы больше не появляться...

Приблизившись к хошуну Гуань-сю-Дунчжуб'а, с юго-западной окраины его, наш «приятель» К'гарма направился для личных предварительных переговоров со своим родственником — хошунным начальником, а караван расположился на ночевку в урочище Хур-мару.

Теперь до монастыря Лаврана оставалось всего лишь четыре перехода, проходящих частью в области горных цепей Цзэ-ког, и другой — безымянной цепи, с перевалом Кисэр-ла, лежащим также поперек нашего пути, а частью в области междугорных мягких долин рек и речек системы Хуан-хэ.

Давно мы уже не видели солнышка! Дни за днями неизменно расцветали пасмурные, облачные; слегка подернутый туманом окрестный воздух не позволял производить наблюдений обще-географического характера в желательных размерах. Наши работы главным образом сосредоточивались на ведении путевого дневника, вычерчивании с'емки и метеорологических и астрономических наблюдениях. Коллекции, за исключением геологической, росли очень медленно, так как природа спала креп-

ким сном. Одни только четвероногие и пернатые хищники прекрасно чувствовали себя среди суровых гор. По ночам к биваку нередко подходили украдкой голодные волки, которых приходилось отпугивать выстрелами. Бородатые ягнятники, белые и бурые грифы и орлы-беркута наблюдались почти ежедневно над вершинами, убеленными снегом.

В боковых падях, иногда укрытых низкорослым кустарником и защищенных от холодных ветров, прекрасно зимовала

Хребет Сэрчим-нэга (Цза-сура), — пограничный: владения луцца'сцев на севере и н'голоков на юге.

кабарга, а из птиц — земляные вьюрки, сойки (Pseudopodoces humilis) и ушастые жаворонки. Выше — в скалистых частях ущелий, находили себе убежище строгие уллары (Tetraogallus tibetanus przewalskii). Холод и довольно обильный в горах снег не мешали однако жизни пробиваться понемногу наружу. Так, например, 24-го января, у обрывистого берега речки, под дерном, мои спутники были обрадованы находкою первых жуков.

По ночам, в нашем неприспособленном к климату, летнем жилище бывало довольно неуютно; все с сожалением вспоминали удобную теплую юрту, но никто не роптал на судьбу,

так как тут же, рядом, туземцы-подводчики, в сущности такие же люди, как и мы, являли удивительный пример стойкости и выносливости, — живя просто под открытым небом... Эти закаленные жизнью обитатели Амдо'ского нагорья даже в самые большие морозы не изменяли своей привычке и в пылу горячего спора сбрасывали с правого плеча стеснявшие их движения одежды.

Установив связь с Гуань-сю Дунчжуб'ом, наш спутник и по его собственным заверениям преданный друг, К'гарма, стал собираться в обратный путь. На прощанье он выпросил у меня еще подарок в награду за то, что экспедиция благополучно и без лишних уклонений от прямого маршрута прибыла в Хурмару[1]). По удовлетворении хитрого тангута, я занялся переговорами с местным хошунным начальником; Гуань-сю держал себя весьма учтиво, при встрече всегда вежливо склонял свою могучую фигуру и выставлял руки с поднятыми кверху большими пальцами, говоря «хомбо, дэму-ина!» Деликатное обращение не помешало ему однако отказать путешественникам в их скромной просьбе: доставить экспедицию непосредственно в монастырь Лавран. Дончжуб сознался, что в этом буддийском центре, как раз, находится та купеческая фирма, члена которой он недавно зарубил своими руками... В виду этого, разбойник соглашался проводить нас всего лишь до некоего бэйсэ, кочующего в расстоянии одного перехода от Лаврана...

Двадцать пятого января, с раннего утра начались работы по вьючке быков; в присутствии целой толпы туземцев наш караван быстро сформировался и бодро зашагал вдоль гор, глубже и глубже проникая в хребет Цзэ-ког и держа строго северо-восточное направление.

Густая кустарниковая растительность карагана, на полуденных склонах массива сменялась хорошими кормными лугами, отливавшими красивым золотистым оттенком...

Главная седловина Цзэ-ког'а, известная под названием Санэга-нэга, не открыла нам широких горизонтов, заслонявшихся системою второстепенных высот. На перевале дул сильный, пронизывающий ветер, где-то в стороне слышались звон-

---

[1]) По словам К'гарма, Лу-хомбо приказал ему вести экспедицию в Лавран кружным путем — через ставку ван-цзэ-ина, вместо хошуна Гуань-сю, но он, в угоду нам, ослушался приказания начальника.

кие голоса клушиц; по кустам перелетали щевриды и Prunella rubeculoides; тибетские уллары порядочным выводком кормились на солнечном пригреве, а высоко в небе плавно носились грифы и бородатый ягнятник.

Спускаться с перевала пришлось по крутому каменистому, засыпанному снегом ущелью. Торная дорога указывала на существование постоянного движения между стойбищами, расположенными к северо-востоку и юго-западу от хребта. Местами наше внимание сосредоточивалось на следах недавнего пребывания номадов. На плоских, свободных от снега лужайках темнели вытоптанные, лишенные травы, площадки, где прежде стояли палатки или банаг'и тангутов; всюду валялся аргал, изредка попадались и кости животных, а однажды я нашел даже каменное орудие — особого рода колотушку с рукояткой для вбивания в землю шеронов...

Индийская монета рупия с изображением королевы Виктории.

В течение двух первых дней пути экспедиция следовала среди довольно сложной системы горных гряд и отдельных высот; кочевое население попрежнему оставалось воинственным, и приходилось быть настороже.

Двадцать шестого января, под перевалом Кисэр-ла, когда путешественники мирно отдыхали за чашкой чая, среди полной тишины, вдруг раздались странные вибрирующие звуки... Стоило лишь оглянуться на соседнюю вершину, как нашим глазам представилась группа конных тангутов, стоявших в полной боевой готовности... Наши подводчики тотчас ухватились за свои фитильные ружья, но Гуань-сю предупредил кровопролитие, во-время крикнув: «етой! это свои»... Столь простой и бесхитростный возглас возымел свое действие: грабители тотчас потеряли воинственный вид, повесили за плечи свои самопалы и вмиг исчезли за косогором...

На следующей стоянке, в урочище Самарин-гдо, где три ущелья, сливаясь в одно, образуют значительное расширение долины, мы вновь имели маленькое столкновенье с туземцами. На этот раз нас потревожили свои же проводники, которые самым дерзким, вызывающим образом стали требовать немедлен-

ной уплаты денег за нанятых животных. Только после выдачи мошенникам большого ямба серебра, в отряде экспедиции снова воцарилась обычная тишина.

Вступив на берег речки Чернар-ганды, мы уже не покидали ее течения до самого Лаврана, где она значительно увеличенная в размерах слиянием с многоводными притоками, известна под именем Сан-чу. По мере продвижения на восток, Чернар-ганды описывала довольно характерную излучину сначала к северу, а потом к югу; окружающие горы становились мягче, речка все более освобождалась от льда, и шум воды как то особенно отрадно отдавался в душе каждого из нас. На северо-западе, высоко доминируя над соседними высотами, отчетливо обрисовывались две острые и одна плоская вершины священных гор Рарчжа-лапци, привлекающих в летнее время буддистов-паломников [1]). Справа, ближайшие гряды холмов были об'яты пламенем. Пышные прошлогодние травы вспыхивали ярким костром, и огонь, перебегая змейками, разрастался в сплошной пожар...

Среди многочисленных кустарников и высокой древесной растительности замечалось необычайное для зимнего времени оживление. Красные и голубые фазаны (Phasianus decollatus strauchi, Crossoptilon auritum), чечевицы (Carpodacus), горные чечетки, поползни, овсянки, альпийские синицы (Poëcile affinis) и краснохвостки были здесь, повидимому, привычными гостями или вернее постоянными обитателями. Над быстрыми водами Чернар-ганды, с веселым криком проносились серые куликисерпоклювы и изящная оляпка (Cinclus cashmeriensis). Казалось, природа оживала с каждым часом нашего движения. Повернув, согласно изгибу речки к юго-востоку, экспедиция поднялась на высокий обрывистый берег, откуда открылись очаровательные виды на всю долину... Могу представить себе этот уголок летом, в июне месяце, когда Чернар-ганды, с ее сетью серебристых рукавов, тонет в сплошной зелени трав, кустарников и деревьев... откуда льются сотни голосов пернатых... Синее небо, яркое солнце дополняют прелесть Чернар'ской долины...

Наконец настало и двадцать восьмое января — день, когда мы должны были увидеть Лавран. По мере приближения к

[1]) По словам тангутов, для исполнения просимой у Бога милости, необходимо «обойти по вершинам, к обо, все три горы»...

этому монастырю наш Дончжуб становился все мрачнее, утром означенного дня он совсем раскапризничался и об'явил, что дальше нас не поведет. Никакие уговоры и угрозы не помогали. Я понял, что пришло время действовать энергично, решительно, без всякого стеснения. Потребовав к себе Дунчжуб'а, я неожиданно схватил его за шиворот и, приставив к его виску дуло револьвера, потребовал немедленного выступления каравана. Хошунный начальник вмиг смирился... Не прошло и одной минуты, как уже послышался его грозный окрик туземцам: «вьючьте живо!...» Через полчаса мы уже бодро шли вниз по прихотливо извивающейся к юго-востоку речке, вырвавшейся наконец из сжимавших ее горных отрогов, которые расступились, в особенности в восточном направлении; несколько к юго-востоку тянулись отроги массивного хребта Рдюк-ка-гэгэ-нэга, известного под общим именем Джавли-сантут. От подножья этого массива, вниз по долине «Тана», стремительно неслась речка, сливавшаяся впоследствии с Чернар-ганды [1]).

Владетельный гэгэн Лаврана Жамьян-шадба.

Послав китайского тунши и переводчика экспедиции Полютова, на-легке, в виде авангарда, в Лавран и поручив им розыскать там наш транспорт [2]), экспедиция повернула на северо-восток, обогнула каменистый выступ и снова стала углубляться в горы. По правому берегу Сан-чу, в ту и другую сторону, передвигались туземные караваны... Вот показались и селения, окруженные пашнями. В бинокль можно было различить стада рогатого скота и баранов, пасшихся поблизости, а также собак и даже кур. Все эти признаки культуры с величайшею радостью воспринимались сильно утомленными путниками.

Не доходя Лаврана, слева, над ущельем, высоко прилепившись в скалах, красовался миниатюрный монастырь Жамьян-шадбы — летняя резиденция главного местного хутухты. Его окружал хвойный лес, группами стоявший по склонам ущелья,

---

[1]) Название речки, слившейся с Чернар-ганды, нам не удалось узнать; признать же ее за верховье Сан-чу едва ли справедливо...

[2]) Доставленный капитаном Напалковым.

где свободно и безбоязненно держатся: кабарга, лисицы, зайцы; горделивые голубые фазаны отдельными выводками спокойно расхаживают, разрывая рыхлую землю и мирно переговариваясь между собою, нисколько не чуждаясь человека. Здесь запрещена всякая охота, жизнь во всех ее проявлениях охраняется монахами, которые в этом тихом уединении научаются познавать великие истины Буддийской религии. Летом, в тихих уголках, веет убаюкивающей душу лаской природы, заставляющей всякого человека предаваться глубокому размышлению, впадать в созерцание и стремиться к высоким идеалам нравственного совершенства...

Несколько поодаль, за выступающим в долину каменистым мысом, начинаются уже постройки монастыря Лаврана. Слева, у подножья обнаженных гор, расположены более древние храмы, а по набережной речки Сан-чу — позднейшие.

Переводчик Полютов и местный старшина торговой колонии — купец дунганин, по имени Ма-чан-шань приветствовали вступление экспедиции в монастырь и, передав нам довольно обильную почту из России, проводили усталый караван до торгового подворья, где в отдельном симпатичном домике мы нашли весь наш багаж в самом образцовом порядке. Здесь, среди гостеприимных, радушных дунган, русские путешественники, впервые после долгого периода непрестанного нравственного напряжения, почувствовали себя уютно и непринужденно...

Прежде всего все принялись за письма. Среди радостных сообщений о большом интересе, вызванном в ученом мире нашим общим детищем Хара-хото, была и грустная весть: умер один из славных представителей Географического общества — Александр Васильевич Григорьев... Этот человек — великой душой, глубоким умом, искренней теплой дружбой — всегда поддерживал и вдохновлял на новые подвиги всех нас — русских исследователей. Тесно сроднившись с Географическим Обществом, он жил всецело его интересами, а потому каждый успех ученой экспедиции радовал и умилял его, доставляя нравственное удовлетворение. Во всем обаятельном величии встал передо мною светлый образ незабвенного Александра Васильевича; к нему одному неслись все мои стремления; словно завороженный его духом, я чувствовал себя в тесном общении с ним—

моим несравненным другом, преждевременно отошедшим в вечность. Тяжело было свыкнуться с мыслью о невозвратимой утрате такого благороднейшего человека...

Полный грустных мыслей, я поднялся на кровлю дома, откуда открывался вид на лесной склон и долину речки Сан-чу, и погрузился в воспоминания счастливого прошлого... Царившая кругом тишина убаюкивала душу; только изредка доносившиеся резкие выкрики тангутов возвращали к действительности и говорили о только-что пережитых волнениях и опасностях. Воинственные номады и здесь не находили покоя; с зажженными фитилями ружей, с пиками, высоко поднятыми над головою, разбойники спешили в горы, чтобы учинить кровавую расправу с своими собратьями, уворовавшими у них лошадь.

Окрестное Лаврану боковое ущелье (вверх и слева) по Сан-чу.

На утро следующего дня, мы не без удовольствия простились с своими амдоскими подводчиками и, проводив их, почувствовали даже некоторое облегчение. Суровый богатырь Дунчжуб при расставании неожиданно растрогался и, поднеся мне на память хадак, произнес: «уважаю тебя, пэмбу, за то, что сумел властно заставить меня вести экспедицию в Лавран; приказание бесстрашного энергичного начальника приятно и исполнить»...

Тихо, безмятежно потекли дни пребывания экспедиции в буддийской обители. Всё интересовало нас, везде мы находили много любопытного для наблюдений. Но больше всего, конечно, нас занимала великая буддийская святыня — Лавран, к описанию которой теперь мы и приступим.

Глава XIX.

АМДО'СКИЙ МОНАСТЫРЬ ЛАВРАН.

Историческое прошлое Лаврана. — Жамьян - шадба. — Местоположение монастыря. — Отношение лам и простого народа к европейцам. — Настоятель Лаврана гэгэн Жамьян - шадба. — Прочие гэгэны: Гунтан-цан, Гоман-цан и общий состав лам монастыря Лаврана. — Пестрота паломников и соседство торговой колонии. — Военная охрана монастыря. — Храмы и школы Лаврана. — Учащиеся ламы. — Одиночные кельи — ритод. — Лавранская живопись.

«В 1648-м году вблизи нынешнего Лаврана, пишет Б. Б. Барадийн [1]), в местности «Гангья тан» в одной кочующей бедной тангутской семье родился мальчик, которому впоследствии суждено было не только основать нынешний Лавран, но и сделаться величайшим ученым мыслителем во всей новейшей истории тибетского буддизма под именем Кунчэн Жамьян-шатба.

«Первоначальную грамоту мальчик изучил у одного тангута-мирянина, и затем уже юношей отправился с котомкой в Лхасу. В этом отношении он был одним из тибетских Ломоносовых, которые всегда стремились к своей Москве — Лхасе.

«В Лхасе молодой человек поступил в цанидскую, т. е. философскую школу «Гоман-дацан» в монастыре Брайбуне. Здесь он вскоре обнаружил выдающиеся способности и обратил на себя внимание Далай-ламы «V-го Великого». Он почти весь свой век прожил в Лхасе. Он составил новые учебники

---

[1]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», том XLIV, вып. IV, 1908 г., стр. 205 — 207.

своей школы вместо старых, составленных ламой Кунчэн-Чойн-жуном, и был избран ректором «Гоман-дацана».

Литературно-ученая деятельность Жамьян-шадбы послужила и причиной выдающегося положения, которое впоследствии заняла гоманская школа среди прочих цаннидских школ в Лхасе.

«Среди своих современников Жамьян-шадба, как ученый философ и проповедник буддизма, не имел никого равного

Монастырь Лавран (снят с правой высокой береговой террасы).

себе и популярность его была так велика в Лхасе, что общественное мнение дало ему титул «Кунчэн Жамьян-шадби-доржэ», т. е. — «Всеведующий алмаз, возбуждающий улыбку у бога мудрости Манчжушри». Собственное его имя было Агван-цзондуй.

Жамьян-шадба вернулся на родину уже стариком и поселился вблизи нынешнего Лаврана в одной из горных обителей — в «ритод-гома», чтобы остаток своей жизни прожить в суровом обиходе отшельника. Великий ученый, сделавшись теперь отшельником, систематизировал свои знания, созерцая среди тишины и величия горной природы; а кругом его мирной обители царствовала идиллия пастушеской жизни его соплеменников-тангутов да немногочисленных элётов с их князем Хонцо-ваном.

«Наконец, в 1710-м году Жамьян-шадба ознаменовал свою религиозную деятельность основанием будущего Лаврана. Навстречу его желанию, упомянутый элётский князь не только уступил местечко, занимаемое ныне Лавраном, и переместил свою ставку в сторону, но и деятельно помог великому ученому заложить монастырь. Сначала Жамьян-шадбе был построен маленький дом «Лавран», что значит дом ламы, и монастырь впоследствии стал называться «Лавран даши-кьил».

«Жамьян-шадба умер в 1722-м году, и Лавран не успел

Монастырь Лавран (со стороны речки).

еще развиться в большой монастырь. Основатель успел только построить небольшой соборный храм, основать ганнидскую и гьудскую школы буддизма и устроить немногочисленные домики для монашеской общины. При основании монастыря Жамьян-шадба обратил особенное свое внимание на то, чтобы его монастырь выгодно отличался от других своей образцовой дисциплиной монашеской жизни, скромностью и благоустройством монашеского общежития. Действительно, нравственная чистота и чрезвычайная скромность жизни монахов нового монастыря и имя знаменитого его основателя быстро стали привлекать к себе благочестиво-настроенных людей со всех концов Амдо.

«Лавран особенно обязан своим возвышением двум лицам: второму Жамьян-шадбе — Жигмэд-вамбо (перерожденец первого), человеку весьма деятельного и практического ума, и его уче-

Монастырь Лавран (с верхней, правой, береговой террасы)

Лавран. Вид на главные храмы, у южного подножья гор

нику Гунтан Дамби-донмэ, который своими высокоталантливыми сочинениями по философии буддизма и преподавательской деятельностью поставил Лавранскую школу «цаннида» в блестящее положение в ряду прочих школ в других монастырях. В это время и монгольские ламы, затем и буряты (со второй половины минувшего столетия) во множестве стали посещать Лавран, так что в настоящее время духовное влияние Лаврана на всю Монголию и на бурят во всяком случае не уступает самой Лхасе».

Монастырь Лавран [1]) лежит на высоте 9.985 футов над уровнем моря, у самой границы земледельческой культуры, и представляет из себя религиозный просветительный и экономический центр Амдо'ского нагорья. Здесь путешественник может встретить тангутов, н'голоков, тибетцев, монголов, являющихся сюда в качестве богомольцев, а также дунган и китайцев, — в качестве всякого рода торговцев. Соответственно различию национальностей, замечается удивительно пестрое разнообразие костюмов. Особенно изысканно наряжаются женщины-тангутки, вкусившие зачатки цивилизации путем кровного союза с более культурными дунганами. Эти дамы носят цветные шубы, прекрасные лисьи шапки, с красными кистями, и свои национальные спинные украшения, ввиде лент, унизанных золочеными и серебряными безделушками. Кольца с каменьями и большие массивные серьги, которыми также не пренебрегают мужчины дополняют оригинальный наряд.

Лама, судя по надписи, Гунтан ринпочэ, святой из Гунтана в Нгари.

[1]) Лавран — слово тибетское, означающее «гэгэнский покой» или «гэгэнский дом».

Живя в торговой колонии, члены экспедиции имели возможность ежедневно наблюдать прибытие и отправление купеческих караванов. В Лавран привозились мануфактурные и металлические изделия, пригонялся в огромном количестве скот [1]), а в Лань-чжоу-фу, Хэ-чжоу, Пекин и Сычуань отправлялись: шерсть, шкуры животных, мерлушки и вообще всякого рода пушнина. Между прочим, сычуаньские китайцы нередко рассказывали нам о богатой природе своего родного,

Лавран. Группа амдо'сцев, вблизи белого субургана.

далекого, южного края и еще сильнее разжигали в нас желание увидеть заветную страну, куда, повторяю, в свое время так стремился мой покойный учитель Пржевальский. В тихом молитвенном приюте присутствие торговцев, группирующихся частью в непосредственной близости к монастырю, а частью в соседних селениях, вносит в мирную жизнь богомольцев некоторую дисгармонию и не мало соблазна. Вместе с тем успешный товарообмен, несомненно увеличивает популярность Лаврана, как средоточие жизни и деятельности края — население обогащается, обитель процветает.

Ламы, как более культурный элемент тангутского населения, относятся к европейцам подозрительно, с опасением, что

[1]) Во многих местах, вблизи Лаврана, ограды полей сложены из костей, черепов и рогов убитых животных.

европейцы могут затронуть их личные интересы; тогда как простой народ сам по себе, смотрит на европейцев совершенно безразлично, проявляя лишь простое любопытство к иноземцам. Однако, следует заметить, что в народе есть одно общенациональное поверье, что восхождение на господствующие в местности высоты дает преимущество этому человеку властвовать над окрестными людьми. Общественное мнение смотрит на восхождение частного человека на запретные вершины, как на преступное стремление нарушить свое равенство с окрестным населением и господствовать над ним.

«При вражде общин, каждая из них старается завладеть наиболее высокой вершиной гор на территории вражеской общины и воздвигнуть там свои военные флаги «лундта», а враждебная окрестная община с суеверным страхом старается уничтожить воздвигнутые врагами флаги.

«Поэтому понятно, что народ может высказать решительный протест путешественникам-европейцам, когда им часто приходится производить свои измерительные работы на вершинах гор. И если эти вершины принадлежат к числу запретных, народ может открыть враждебные действия против европейцев-путешественников, видя в их поступках покушение на свою независимость и свободу» [1]).

В настоящее время общий состав братии монастыря Лаврана исчисляется в три тысячи человек, при восемнадцати больших и тридцати малых гэгэнах, не считая второстепенных перерожденцев, число которых также простирается до пятидесяти.

Сам глава Лаврана — Жамьян-шадба состоит в четвертом перерождении, высоко почитается верующими и имеет как в светских, так и в духовных делах решающий голос [2]). Он является автором многих мелких сочинений по разным отделам буддизма и считается примерным аскетом и созерцателем. В своих лавранских, роскошно обставленных покоях он проживает редко, предпочитая проводить уединенную жизнь в своих красивых кельях, разбросанных там и сям, в окрестностях Лаврана, среди богатой горной природы.

---

[1]) Б. Б. Барадийн. Там же, стр. 205.

[2]) В настоящем четвертом перерождении Жамьян-шадба происходит из бедной тибетской семьи, в княжестве Дэргэ.

После Жамьян-шадбы самым важным гэгэном в Лавране является Гунтан-цан, — перерожденец одного из наместников Цзонхавы в Лхасе. Затем следует Гоман-цан, перерожденец одного из ректоров гоманской школы в Лхасе. Этот престарелый гэгэн считается выдающимся ученым и проповедником во всем Лавране и пользуется большой популярностью, наравне с Жамьян-шадбой. Б. Б. Барадийну передавали, что брат этого достопочтенного буддийского монаха — свирепый атаман разбойников, человек атлетического телосложения. Когда святой брат стал увещевать своего злого брата оставить грешное ремесло, то последний чистосердечно ответил: «Оставь меня в покое, мое ремесло также любо для меня, как и твое избранное поприще для тебя: я иду своей дорогой, а ты иди своей».

Майтрея (как Будда), старинное изображение.

Перерожденцы в Лавране избираются по указанию Жамьян-шадбы.

Гэгэн Гунтан-цан является ближайшим помощником настоятеля, в особенности в делах светского характера. Он, между прочим, ведает охраною Лаврана, издавна поставленной на должную высоту. Охрана состоит из пятисот дисциплинированных воинов, вооруженных вперемешку европейскими винтовками, саблями, пиками и самодельными кремневыми или даже фитильными ружьями. Число магазинок с каждым годом увеличивается, так как на самооборону монастыря охотно жертвуют большие деньги, приобретая ружья у торговцев-дунган и пекинских китайцев.

Этим отрядом, расквартированным в ближайшем к Лаврану селении, командуют два интеллигентных офицера, имеющие звание «Лавран нэрва».

Будда Врачевания Байшаджьягуру.

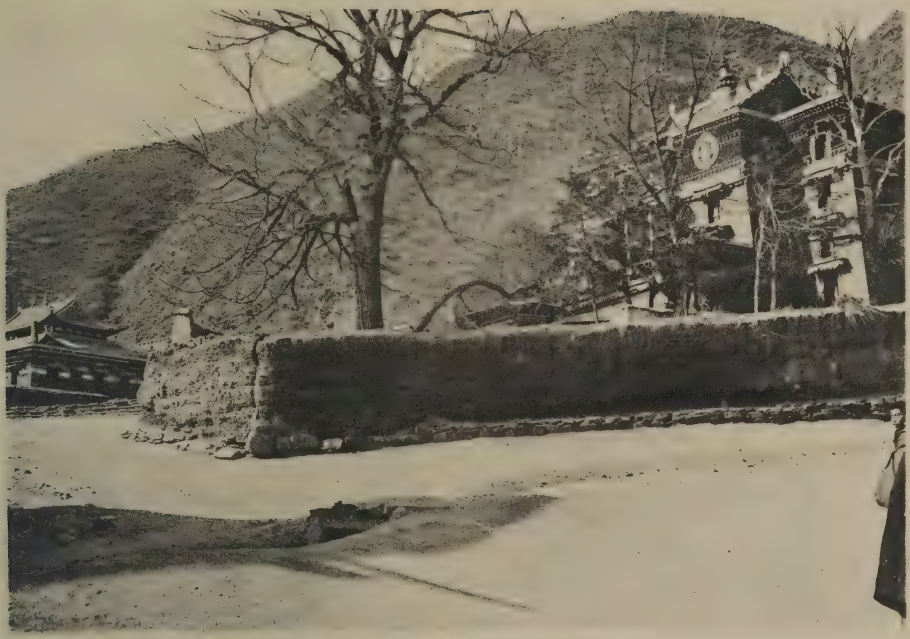
Кроме таких «перворазрядных» войск, в распоряжении Гунтан-цана находятся запасные солдаты — тангуты, тибетцы, и голоки окрестных мест, обязанные спешить на помощь монастырю в экстренных случаях.

Благодаря постоянной заботе о Лавране, все драгоценности почитаемой буддийской святыни, находятся в полной безо-

пасности и не пострадали даже при таком стихийном бедствии каким явилось для всех культурных уголков Монголии и северо-

Идам (Божество хранитель) Хеваджра с своею женскою половиною (шакти).

восточного Тибета, дунганское восстание... Многочисленные храмы монастыря богаты роскошными бурханами, прекрасной тибетской и даже индийской нередко старинной работы.



Лхакан Сэрдун-чэмо, храм Майтреи (справа); Чжово-лхакан (слева)

«Чортэн» или Гунтан-субурган, символизирующий сердце Будды

Долма (Белая Тара).

Пользуясь любезным разрешением Гунтан-цана, члены экспедиции осмотрели некоторые из более замечательных храмов[1]).

Цокчэн-дукан — главный соборный храм Лаврана, поддерживаемый 165 колоннами, замечателен полным собранием, так называемых «Тысячи бурханов» и золотым изображением Лондул-ламы — третьего Ванчин-даши-лхуньбо. Не менее наряден самый важный лхакан в Лавране — Сэрдун-чэмо, храм Майтреи, который принадлежит перерожденцам Жамьян-шадбы и стоит на северо-западном краю монастыря. Храм имеет золотую кровлю в китайском стиле. Внутри храма находится большая статуя

[1]) Лавранские храмы делятся на два главных типа: на «дуканы», которые имеют характер школы, где собираются ламы для школьных занятий по тому или другому отделу буддизма; и на «лхаканы» — храмы, посвященные какому-нибудь божеству. Дукан состоит из двух половин — северной и южной; южная считается главной частью храма и представляет помещение для собрания духовенства, а северная или «гонкан» служит местом для статуи божества Махакалы. Как и все тангутские храмы, дуканы имеют открытое спереди предверие, поддерживаемое колоннами. Над этим предверьем устраивается ряд закрытых комнат с общим балконом. Лхаканы составляют собственность важных гэгэнов и бывают по большей части окрашены в желтый или красный цвета. К этой же категории монастырских построек относятся: «Тобканы» — кладовые для хранения религиозных предметов; тобканы выделяются белой окраской; и «Цзяны» — домовые церкви, в то же время и парадные зало знатных гэгенов.

Белый субурган.

бодисатвы Майтреи [1]). Как и все лхаканы, Сэрдун-чэмо имеет стенные картины. На внутренней стене налево от входной двери находится громадная рукописная надпись на полотне. Надпись эта излагает на тибетском языке историю храма и описание священных реликвий, находящихся в храме. Между

Особый вид «Хаягрива» (Там-дин); из груди выходит «гневный Ваджрапани»; отличительный признак—конская голова (в пламени волос). Довольно редко встречающееся изображение. [Фотографический снимок с Лавранской миниатюры из собрания автора].

прочим здесь перечисляются те священные предметы культа, которые вложены во внутрь самой статуи. В числе этих предметов упоминается, как самая сокровенная из вложенных

[1]) Необходимо заметить, что тибетцы или вообще последователи тибетского буддизма имеют обыкновение складывать внутрь статуй наиболее ценные сокровенные предметы культа.

реликвий — санскритская рукопись на пальмовых листах, сочинение учителя Буддапалиты — о философии средины. Из подарков богдо-хана, в этом храме находится знаменитый «Ганчжур» [1]). «Чжово-лхакан основан лишь в 1908-м году и является хранилищем единственной в своем роде святыни — золотого изобра-

Дордже-пурбу «Алмазный пурбу» (жертвенный кинжал), не часто встречающееся изображение—олицетворение важного культового предмета. [Фотографический снимок с Лаврanской миниатюры из собрания автора].

жения Будды, по преданию побывавшего в руках самого бессмертного учителя. Будда возседает в маленькой пагоде, расположенной над головою бурхана Шакьямуни, в центре Чжово-лхакан. Эта драгоценность долгое время хранилась в Индии,

[1]) Около храма Майтреи, на площадке, под открытым небом, перед картиной Будды и индийских, и тибетских учителей, происходят занятия ланнидской школы.

а затем в Лхасе, откуда была доставлена в Лавран, основателем его — Жамьян-шадба.

Из остальных восемнадцати главных храмов, следует упомянуть еще Гьудба-дукан, школа тантры — символики буддизма; в этом храме выделяются изображения Арьябало, Цзонхавы и Будды.

Затем следуют Манба-дукан — школа медицины; Кьэдор-дукан — школа системы символики «Хэваджры», и громадный «Чортэн» или Гунтан-субурган, символизирующий сердце Будды. Внутри он обставлен статуями и изображениями. Здесь же помещается большое собрание тибетских и индийских книг и рукописей, а еще больше священных реликвий.

Сэнгэн-аро [1]); Джапын-басэн-дукан — очень нарядное новое здание, окаймленное садом, где в летнее время ламы устраивают религиозные беседы.

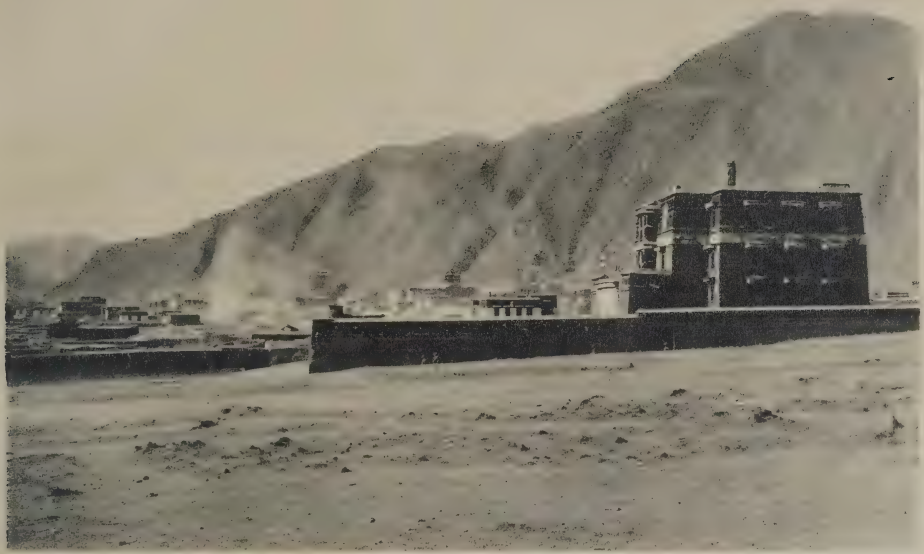
Долма-лхакан — храм тибетской архитектуры, построен лишь недавно, и стоит рядом с большим белым субурганом, значительной древности. Этому субургану приписывают особое мистическое значение, и молящиеся, в особенности люди, совершившие много злых деяний, с необыкновенным усердием, по нескольку раз, обходят его кругом, творя молитвы и земные поклоны. (Рисунок белого субургана см. на стр. 461).

Наконец храмы: Бурхан, известный печатанием книг религиозного содержания; Боин-зэт-лхакан, гордящийся своей научной индийской и тибетской библиотекой, и Чойбзэн-тобкан, представляющий музей старинного оружия (огнестрельного и холодного) и чучел, представителей местной фауны.

При личных покоях настоятеля Жамьян-шадбы, устроено нечто в роде казначейства, где хранится все монастырское золото, серебро и драгоценные камни. Там же разложены разные реликвии — одежды и чашки Далай-ламы, с первого до седьмого перерождения; плеть богдо-хана, золотая книга, которую ламы выносят к народу при торжественных богослужениях, и даже окаменелость, ввиде рыбы, найденная в горах и тоже почитаемая буддистами священной, за свое непонятное и таинственное, в представлении номадов, происхождение.

Как центр культурно-просветительной деятельности края, Лавран имеет четыре школы — гьудская, дуйнкорская, кьэдор-

[1]) Сэнгэн-аро-лхакан с огромным изображением «Сэнгэ», украшенным лазоревой диадемой.



Монастырь Лавран; на первом плане Долма-лхакан (новой постройки)

Лавран. Торговая колония: амдо'ски с вязанками сена

ская и манбинская — среднего образования и одну — цаннидскую — высшего, своего рода духовную академию. Слушателями являются представители всех упомянутых выше народностей, а лекторами или профессорами преимущественно тибетцы или местные уроженцы.

Молодые учащиеся ламы помещаются в маленьких одиночных кельях, ютящихся рядом с монастырем, по скату гор, на подобие отшельнических «ритод» восточного Тибета. В настоящее время тибетская наука в Лавране не развивается, а скорее падает. Как прежде, так и теперь все окончившие курс местной академии, направляются на несколько лет в Лхасу, чтобы там пополнить пробел своих знаний, и получить высшую ученую степень.

В общем Лавран производит впечатление очень богатого монастыря, в котором знаток и любитель буддизма найдет исключительные по красоте и редкости бурханы. Повидимому покровители и почитатели Лаврана не только воинственны и горды, но также тщеславны и благочестивы, так как бывая в Лхасе и других молитвенных центрах Тибета, они отовсюду привозят дары, служащие к украшению родной обители... В самом монастыре, при доме монгольского чиновника, Цин-вана, также есть мастерские, где отливаются металлические бурханы, но местная работа конечно значительно ниже тибетской и в особенности индийской по своему качеству.

Многочисленные ламы занимаются, кроме того, иконописью, и летом можно наблюдать художников, усердно работающих в уединенных уголках, прямо на лоне природы...

Глава XX.

АМДО'СКИЙ МОНАСТЫРЬ ЛАВРАН.

(Окончание).

Заслуженная известность монастыря Лаврана. — Посещение Лаврана Г. Н. Потаниным и другими исследователями. — Ученый паломник Барадийн. — Школы буддийских знаний в Лавране. — Религиозное празднество — «Милай-цам» — в честь певца буддизма, Миларайбы. — Образ жизни лавранцев. — Праздники вообще в монастыре Лабране: — 14-е февраля, 15-е апреля или «весенний» праздник поста и молитвы, осенний — 25-го октября, торжественное молебствие — «лычжа» и другие. — Лучшие отношения монастыря к экспедиции; заместитель Жамьян-шадбы — гэгэн Гунтан-цан. — Животная жизнь окрестных лесов. — Погода. — Уединенный монастырь «Дю-дя-му». — Дальнейший путь.

Пользуясь большим обаянием среди буддистов южной Монголии и северо-восточного Тибета, монастырь Лавран всегда манил к себе и европейских исследователей. Начиная с 1885 г., когда его впервые посетил Г. Н. Потанин [1]), здесь побывали и французские, и немецкие, и английские путешественники. Наиболее ценное и подробное описание Амдо'ской святыни нам дал однако не европеец, а бурят — Б. Б. Барадийн, закончивший высшее образование в Петрограде. Выйдя из университета и получив духовную и материальную поддержку Академии Наук и Географического Общества, этот молодой талантливый буддист отправился в Лавран, где пробыл целый год (1906), в деталях изучая быт и склад жизни монастыря и подвизающейся в нем братии.

---

[1]) «Тангутско-тибетская окраина и Центральная Монголія» 1884—86 г.г. Том I. Стр. 228—237.

[2]) «Извѣстія И. Р. Г. О.» том XLIV, вып. IV, 1908 г. Стр. 183—232.

Здесь будет уместно целиком привести харахтеристику «школы буддийских знаний в Лавране» и «образ жизни Лавранцев» из предварительного отчета Б. Б. Барадийна: «Путешествіе в Лавранъ»...

Лавран есть монастырь-школа, пишет Барадийн [1]), и в этом отношении он может быть рассматриваем во всем целом как большой буддийский университет, распадающийся на отдельные факультеты, а его учащимися являются буддийские монахи со своим обособленным от мирян своеобразным монашеским строем жизни.

«Мы упомянули также, что такой вид монастырей-школ, присущих исключительно гэлугпа'ской секте тибетского буддизма. В этом отношении гэлугпа'ская секта занимает исключительное место в истории тибетского буддизма. Религия Будды по своему внутреннему содержанию разделяется на практическую часть, которая занимается вопросами исключительно религиозно-этического характера и на теоретическую часть, которая занимается вопросами чисто философскими. Последняя часть буддизма получила наибольшее развитие в Тибете в лице гэлугпа'ской секты, которая иначе еще называется «желто-шапочной верой».

«Как известно, эта секта основана в XIV веке великим амдо'ским проповедником буддизма Цсонхавой и создала новую церковную организацию. Благодаря своей организации, она вскоре вытеснила решительно все другие тибетские секты и заняла нынешнее свое господствующее положение, создавая повсюду, где находились поклонники Цзонхавы, сеть монастырей-школ и многочисленный класс духовенства. В настоящее время эта новейшая из всех тибетских сект совершенно затмила собой все остальные секты, существование коих известно в Европе пока лишь по их именам. В данном случае Лавран является выдающимся монастырем-рассадником буддизма цзонхавинской секты.

«В Лавране всех школ пять: цаннидская, гьудская, дуйнкорская, кьэдорская и манбинская (медицинская).

«Из всех этих школ цаннидская является самой главной, так как в ней обучается почти весь монастырь и лишь до трехсот человек распределены по другим школам.

---

[1]) Там же, стр. 227—231.

«В цаннидской школе преподается так называемый «цаннид» — философия буддизма. Тибетское слово «цаннид» значит признак, определение, свойство вещей, философия. В основу программы этой школы положено изучение буддийской теории познания, выработанной буддийскими мыслителями Индии. Школа имеет тринадцать одногодичных классов, в которых распределяется преподавание пяти отделов буддизма: 1) теория познания «цадма», 2) философия средины «вума», 3) этическая психология совершенствования «парчин», 4) метафизика (в смысле описательной философии бытия, «дзод» и 5) этика монашества «дулба». Все эти отделы имеют свои учебники. Учебники бывают основные, которые представляют переводы с санскритского, и толковательные, — сочинения Жамьян-шадбы. Толковательные учебники представляют критические исследования каждого из пяти основных учебников.

«Метод изучения этих предметов — диалектический: учащиеся разбиваются на диспутантов и на оппонентов. Оппонент предлагает вопрос в форме вопросительного умозаключения, а диспутант отвечает посредством условных лаконических терминов.

«Окончившие полный курс этой школы по защите публичной диссертации получают высшую ученую степень «дорамба».

«Что касается школ гьудской, дуйнкорской и кьэдорской, то в них изучают разные системы буддийской символики. В буддизме существует отдел, называемый по-тибетски «гьуд» (санс. тантра), который называется тайной частью учения. Эта система буддизма в своей древней форме в интересах сохранения своей тайны отрицала всякую письменность, признавая только устное сообщение учения учителя ученику. Дальнейшей стадией ея развития явились символические приемы усвоения буддийских идей путем разного рода символических положений рук, и пальцев буквенных формул, писанных образов, статуй, чертежей и т. д. Тайным же учение называлось потому, что считалось не доступным для непосвященных. В настоящее время эта система потеряла всякий первоначальный смысл своей таинственности и превратилась в Тибете, Монголии и у бурят в сложную систему разных внешних ритуалов, обрядностей. Учащиеся этих школ занимаются исключительно практикой в этих обрядностях и заучиваньем обрядовых руководств, а также изучением основ

буддийской символики. Окончившие курс в школе символики получают ученое звание «аграмба».

«В медицинской школе изучается индо-тибетская медицина,

Бодисатва Манчжушри, редкое изображение старинной индийской работы.

которая, благодаря выработанной веками врачебной практике, основанной на строго-опытном изучении природы органического и неорганического мира, до сих пор служила одним из главных орудий буддизма среди полукультурных народностей. Окончившие эту медицинскую школу получают звание медика «манрамба».

«Теперь, касаясь слегка образа жизни лавранских монахов нужно сказать, что вся их жизнь представляет шумную своеобразную школьную жизнь. Круглый год для лавранцев про-

Дакини (темной бронзы) прекрасной работы,

ходит в беспрерывных школьных занятиях почти всегда под открытым небом — с небольшими лишь перерывами.

«Цаннидские школьные занятия каждого дня распределены на утренние, предобеденные, обеденные, послеобеденные и вечерние занятия с переменами, во время которых учащиеся

успевают сходить домой, попить чаю, пообедать и справить дела своего скромного хозяйства.

«Школьные занятия происходят чрезвычайно свободно, непринужденно: шумят, жестикулируют, войдя в азарт в своих диалектических прениях, всё время, впрочем, под наблюдением инспектора. Но в общем школьный режим строг и не допускает пропуска школьных занятий. Дни школьных перерывов также строго распределены: утром молодежь группами по классам ходит к своим избранным учителям, с которыми они ведут практические занятия по своим учебникам. А вечера молодежь проводит на крышах своих домиков, громко читая наизусть из своих учебников. В это время монастырские надзиратели делают обход для инспекции чтецов. Если кто из молодежи не окажется на крыше своего домика и не читает без уважительной причины, того подвергают строгому телесному наказанию.

«Однакож, этот по внешности чрезвычайно строгий режим школьной жизни не лишен разнообразия, особенно в летнее время, когда все окрестности Лаврана покрываются пышной зеленью.

«Во время летних школьных перерывов назначаются особые дни, когда все монахи от мала до велика выходят в поле на день или на сутки в окрестностях Лаврана с палатками и провизией [1]). Молодежь устраивает разные игры, а степенные монахи развлекаются разными прибаутками или рассказами из жизни буддийских знаменитостей.

«Также в году бывают разные религиозные празднества, между которыми самым интересным является театр «Милай-цам», основанный в XVIII веке в Лавране в честь знаменитого тибетского поэта-философа и отшельника, певца буддизма Миларайбы (XI в.) [2]). Этот театр имеет полусветский и полурелигиоз-

---

[1]) Такие экскурсии устраиваются или предпринимаются студентами — медиками монастыря Гумбума. См. выше — стр. 278 — 279.

[2]) Миларайба — буддийский поэт-отшельник, оставил нам сборник гимнов-песнопений, перемешанный с рассказами о разных эпизодах его скитальческой жизни, послуживших поводом для поэта пропеть тот или другой из своих знаменитых гимнов. Буддийский поэт сочинял гимны на простом понятном для всех языке, часто достигая поэтической красоты. Миларайба воспевал пустоту всего мирского, воспевал созерцательную жизнь горного отшельника, призывал в трогательных образах любить всё сущее, в простых словах излагая основы буддизма, его философию и этику. В гимнах Миларайбы всё оживает и одушевляется; он обращается со словами кроткого учения Будды и к людям, и к зверям; горы, леса, скалы и долины наполняются духами, к

ный характер, и играет в Лавране своеобразную роль публицистики. На сцену выходит горный отшельник Миларайба с одним из его учеников и старик «Гонбо-доржэ», бывший охотник, а потом ревностный последователь Миларайбы. Этот последний во время представления разоблачает перед многочисленными зрителями из духовенства, мирян и мирянок, все темные дела, творимые знатными лицами Лаврана, посредством намеков, сатирических и комических выходок и рассказов. Перед выходом на сцену этот актер обязан дать клятву перед статуей гения хранителя, что он будет справедлив в своих суждениях и не будет брать взяток.

Домашняя жизнь лаврапских монахов весьма не сложна. Дневная их работа заключается лишь в том, чтобы вымести свой домик, дворик и часть улицы у своего квартала, сварить себе чай, пищу, в известное время дня, сходить на базар за провизией и т. п. При этом все эти мелкие домашние заботы исполняет каждый сам за себя, будь он почетного положения — по возрасту или по учености, исключая только знатных гэгэнов. Между тем в Забайкалье и в Монголии ламы имеют более сложное домашнее хозяйство, которое исполняют не сами, а прислужники их — хувораки. «Это обстоятельство отзывается на последних весьма тяжко и деморализующе и имеет серьезное отрицательное значение в социальной жизни монголов и бурят».

Как во всех буддийских монастырях, в Лавране в году бывает несколько торжественных праздников, об'единяющих очень большое количество молящихся. Нифудун-чю цунг-чю, день смерти первого Жамьян-шадбы, чествуется четырнадцатого февраля. День пятнадцатого апреля известен под именем весеннего праздника поста и молитвы, соответственно которому

которым Миларайба тоже несет песнопения о том, что нет ничего вечного, что всё минует, что в каждой встрече уже заложена разлука, что этот мир явлений, как и всё сущее, пуст.

«Гимны Миларайбы, как и его увлекательная автобиография», замечает Б. Я. Владимерцов, «хорошо рисуют нам этого буддийского поэта, как яркую, оригинальную личность, пришедшую к познанию истины через ряд страданий, принявшую учение о «Пустоте,» после того, как ею был пройден путь страстных увлечений волшебством, дающим сладость мести».

Гимны Миларайбы и его автобиография получили самое широкое распространение в Тибете; они известны также и в Монголии, и в подлиннике, и в переводах. Вообще говоря, не умерло течение, так ярко представленное Миларайбой, течение отвергавшее школьный буддизм с его схоластической философией и ставящее выше всего мистическое созерцание, экстаз.

бывает такой же осенний праздник двадцать пятого октября. Седьмого июля — в память двух истекших веков с основания Лаврана[1]) также совершается торжественное молебствие, «лычжа»;

Великий лама в позе учительства (золоченая статуетка тибетского типа).

и наконец пятый праздник «Молэн» или «Народный» заканчивает собою цикл годовых торжеств.

Ко времени празднования Нифудун-чю цунг-чю, в Лавран собралось несколько десятков тысяч паломников. В храмах шли деятельные приготовления.

[1]) Лавран основан в 1709-м году.

Накануне знаменательного дня четырнадцатого февраля, члены экспедиции были разбужены на рассвете криком: «вставайте скорее, посмотрите как изгоняется из монастыря бес в образе человека!» Торопливо поднявшись с постелей, мы вышли на улицу и застали там довольно оригинальную картину: одетый и раскрашеный на подобие клоуна, молодой тангут держал в правой руке большую волосяную кисть и, помахивая ею из стороны в сторону, выпрашивал у окружающей публики милостыню. Правая половина лица этого, так называемого, «беса» или по-монгольски «цзолик'а»[1]) была выкрашена в белый цвет, левая же — в черный.

Соответственно этому и меховой халат его, вывернутый шерстью кверху, имел двоякую раскраску. Рядом с цзоликом шел человек, несший на спине мешок с многочисленными чохами, сыпавшимися со всех сторон, как из рога изобилия. Приблизившись к окраине монастыря, кто-то из присутствовавших выстрелил несколько раз в воздух и тотчас загудели голоса многотысячной толпы, сливаясь в какой то дикий вопль, перекатывавшийся от одного края долины к другому. В то же самое время над монастырем, среди облака пыли, блеснуло яркое пламя, пылавшее вокруг исполинского чучела «цзолик'а». Прошло несколько минут, соломенный бес сгорел. Странный раскрашенный лама подвигался вперед; поднявшись по горной дороге, он исчез за ближайшим увалом... и тотчас стихло кругом. Так по верованию буддистов, в лице одного человека, принявшего на себя символически грехи всей обители, изгоняется из священного места всё нечистое злое, искусительное... Играющий роль «беса» лама раскрашивается в черный и белый цвета для того, чтобы всякий мог наглядно представить себе, как под влиянием неисчислимых прегрешений, одна сторона или часть человека [темная] умирает, другая же на некоторое время еще остается жить... Цзолик обязуется покинуть монастырь раз навсегда и получает в награду за такое самопожертвование ямб серебра, весом в пятьдесят лан; обыкновенно еще столько же изгнанник собирает добровольными пожертвованиями [2]).

---

[1]) По-тибетски — дяр-цзун.

[2]) Весь этот обряд заимствован и перенесен в Лавран из Лхасы, впервые в 1907-м году и приурочен к двухсотлетнему юбилею монастыря.

Полюбовавшись оригинальной церемонией издали, нам захотелось подойти ближе к шествию и, в сопровождении одного приезжего китайского чиновника из Хэ-чжоу и четырех кава-

Лама на ковре барса; золоченая статуетка высотою около 11-ти дюймов, отличной, повидимому, тибетской работы.

леристов, мы присоединились к монахам. Сначала нас приняли довольно дружелюбно: повидимому мы вызвали только любопытство, но вскоре послышались раздраженные возгласы: «орус-орус», и откуда то полетели каменья. Еще минута, и нас окружили злобные, дерзкие лица, с угрозой наседавшие на гор-

сточку иностранцев. «Надо их изрубить», посоветовал кто-то, и тотчас в толпе произошло движение. Мигом оценив создавшееся положение, члены экспедиции быстрым поворотом ринулись в сторону и, пользуясь пересеченной местностью, удалились к дому, следуя вдоль подножья, круто ниспадавших холмов [1]).

Четырнадцатого февраля, на самой заре, со стороны монастыря понеслись звуки могучих молитвенных барабанов, бубнов и раковин. К восьми часам утра, по улицам Лаврана уже двигалась величественная стройная буддийская процессия. Впереди, на золотой парче, несли золотую тибетскую книгу, драгоценный камень и все прочие реликвии, которыми гордится обитель. Над морем голов гордо колыхались зонты и разные значки, что вместе с пестрыми тангутскими одеждами и ярко-красными плащами лам составляло оживленное нарядное зрелище. Совершив полный круг, шествие возвратилось к храмам, вблизи которых развевались большие красно-желтые (в шашку) флаги. После молебствия, изредка прерывавшегося боем молитвенных барабанов и звуками труб, толпа мирно разошлась по домам, сохраняя до конца благоговейную тишину и стройность.

По миновании Нифудун-чю, Лавран с каждым днем стал заметно пустеть. Из проезжих амдо'цев оставались еще только те, которые не успели покончить с своими торговыми делами.

...Русская экспедиция встретила в Лавране самый радушный прием. За отсутствием настоятеля, нас любезно пригласил к себе заместитель Жамьян-шадбы—гэгэн Гунтан-цан, н'голок по происхождению, в обычное время ведающий всеми светскими делами монастыря, симпатичный шестидесятилетний старик, чисто библейского типа, по внешности. С первого знакомства, у меня с Гунтан-цан'ом установились самые искренние, дружественные отношения, и я без всякого труда получил разрешение посещать и изучать буддийские храмы [2])... В ответ на подарки, в особенности же те, которые он так хотел получить и получил, обрадованный старец прислал мне несколько

---

[1]) Как и тибетцы, амдо'цы всегда вооружены с ног до головы и в случаях жарких споров и недоразумений пускают в дело оружие. Во избежание кровопролитий, лавранская администрация обезоруживает всех вольных сынов степей и гор на время пребывания их в монастыре.

[2]) Равно и право охотиться в окрестных лесах Лаврана.

Белая Тара — «Семи-окая» (третий глаз во лбу и глаза на ладонях рук и подошвах ног).

хороших металлических и иконописных бурханов, маленькое хурдэ, два интересных га-у и две «золотые» книги [1]).

Уже на второй день пребывания путешественников в Лавране, нас стали усердно посещать ламы — буряты из далекого

[1]) Сутра «Цедо» — сутра о продлении жизни; другая книга, еще более изящная с сутрой, о «долгоденствии и благоденствии». Обе книги написаны золотом, украшены миниатюрами Аюши и обрамлены в желтые шелковые тибетские переплеты.

Забайкалья, из коих один — слушатель местной ганнидской школы — Цырэмпылов оказал экспедиции не мало услуг своим знанием монастырской жизни. Вообще говоря, в помещении экспедиции гости не переводились: одни приходили из любопытства, другие предлагали разные товары, внимание третьих привлекал грамофон.

После долгого пребывания в степи или горах, после привольной походной жизни, в лавранских торговых помещениях всегда казалось скверно: душно и пыльно; по нескольку дней кряду мы бывало не могли отделаться от беспричинных головных болей, кашля и какой то тяжести в груди...

Знакомясь с буддийским молитвенным центром мы не забывали и лесистых ущелий окрестных гор, куда в хорошие дни постоянно совершались охотничьи экскурсии и где также собирались семена и стволики древесных и кустарниковых представителей местной флоры и образцы горных пород.

В еловых лесах, произрастающих по северным скатам, сбегающим к долине Сан-чу, были замечены и добыты следующие птицы: зеленый франколин (Ithaginis sinensis sinensis), пестрая кустарница (Janthocincla maxima), гималайский клест (Loxia himalayana), поползень Пржевальского (Sitta przewalskii), пищуха-сверчок (Certhia familiaris bianchii), альпийская синица (Poëcile affinis), синичка изящная (Lophobasileus elegans), синица хохлатая (Periparus beawani), синица долгохвостая (Acredula calva), горный вьюрок (Fringillauda nemoricola) и красивые красные вьюрки (Carpodacus dubius et C. pulcherrimus). Самыми обыкновенными обитателями здешних лесов являются: сорока (Pica pica bactriana?), голубая сорока (Cyanopolius cyanus), Pterrhorinus davidi, Trochalopteron ellioti, Spermolegus fulvescens, Ruticilla erythrogastra, Cia godlewskii, крапивник, а вдоль речек — кулик серпоклюв (Ibidorrhynchus struthersi), водяная оляпка (Cinclus cashmeriensis) и большой крохаль (Mergus menganser).

Из млекопитающих наша коллекция обогатилась лишь кабаргой, собственной охоты, и парой шкурок интересной кошки, добытых на местном базаре.

Чтобы подышать свежим воздухом, я часто уходил или в ближайшие горы, или же просто поднимался на плоскую кровлю нашего дома, откуда открывался красивый вид вверх и вниз

по лавранской долине. Особенно хорошо было здесь в солнечное время, при тихом прозрачном воздухе и мягкой синеве неба, в которой гордо описывали круги царственные хищники — грифы, ягнятники и орлы. Внизу с шумом катилась прозрачная речка по сплошному галечному руслу. Северные склоны гор темнели хвойным лесом, южные, в особенности в верхнем поясе, — желтели прошлогодними травами. Эти травы, теперь, местные амдо'ски срезали серпами и довольно большими вязанками сносили вниз, на базарную площадку, располагавшуюся рядом с домом, занимаемым экспедицией. Порою, тут производилась торговля исключительно сеном: подле каждой вязанки стояла ее владелица — продавщица (см. фототипическую таблицу, приложенную к стран. 464)...

Га-у (Амдо).

Га-у старинного типа (Амдо).

Погода не очень баловала нас; почти весь февраль простоял ветренный, пыльный; только по ночам небо становилось яснее, и дышалось легче и свободнее; из-за постоянной пыльной завесы, омрачавшей воздух, вначале нечего было и думать о фотографических снимках. Днем, в редкие проблески тишины и лазури, на солнечном пригреве, проглядывало весеннее настроение: ручьи журчали

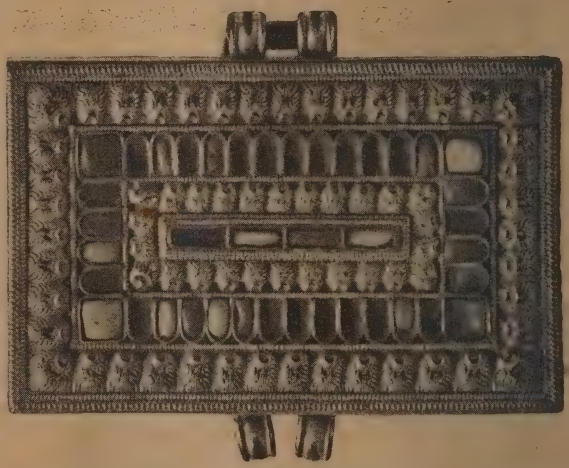
веселее, воробьи перекликались громче обыкновенного, черные вороны проявляли стремление к гнезденью и летали с веточками в клювах, а по крышам нежились на солнышке голуби и заклятые враги их — кошки... Все одинаково тянулись к теплу и свету, все радовались весне. Скоро должны были показаться перната-тые странники.

Серебряное га-у (Лавран), подарок автору от гэгэна Гунтан-цана.

Настала пора собираться в дорогу и нам.

Я предполагал направить главный караван прямой дорогой в Лань-чжоуфу, а сам во-главе маленького раз'езда решил несколько отклониться в северо-западную сторону, с тем, чтобы повидаться с Далай-ламою, который это время, пребывал в Гумбуме.

Прощаясь с Лавраном, я еще раз побывал в ближайшем живописном ущелье, где сфотографировал уединенный монастырь «Дю-дя-му». Эта обитель насчитывает в своих стенах до ста человек лам и отличается от прочих буддийских святынь тем, что уже сто двадцать лет пребывает без гэгэна — настоятеля, непосредственно подчиняясь лавранским властям.



Золоченое га-у (Лавран), подарок автору от гэгэна Гунтан-цана.

Последний гэгэн Аллык-дуннаг умер сто двадцать лет тому назад, и прах его, до сих пор покоящийся в главном храме Дю-дя-му, признается нетленным. Поэтому

буддисты не верят в смерть своего высоко-почитаемого святого Алык-дуннаг'а и не позволяют никем заменять усопшего.

Несколько глубже — выше по тому же ущелью, в котором ютится монастырь Дю-дя-му, на вершине горы и в глубине нижних утесов красуются художественной постройки молитвенные беседки с балконами. Виды из беседок очаровательны: верхний кругозор манит ко всему небесному, нижний — также невольно заставляет погрузиться в созерцание... Приложенная к этой странице фототипия дает представление об одном и том же ущелье: с монастырем Дю-дя-му и выше — с приютами настоящих отшельников.

На этом, мы и окончим наше описание выдающейся Амдо'ской святыни, которой суждено в не далеком будущем сыграть великую роль в истории развития духовных и физических сил амдо'ского народа.

Пятнадцатого февраля я сделал прощальные визиты одной местной аристократке — вдове тибетского чиновника и Гунтан-цан'у, с которым мы расстались друзьями. Откланиваясь почтенному ламе, я вручил ему мою фотографию и лучший «далайлам'ский» хадак. С своей стороны гэгэн напутствовал меня изящным бронзовым изображением богини Дархэ или Тара и письменным заверением в дружбе.

На следующий день я уже начал паломничество к великому Далай-ламе кратчайшей дорогой, в хорошо знакомый читателю монастырь Гумбум...

Глава XXI.

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ДАЛАЙ-ЛАМЕ.

Вступление.—Сборы в обратный путь.—Разделение экспедиции: я следую на-легке в Гумбум, к Далай-ламе, главный караван — в Лань-чжоу-фу. — Общая характеристика моего пути до городка Сюань-фуа-тин. — Речки Сечен-чю и Чжан-гагун. — Красивое место у горбатого моста. — Городок Сюань-фуа-тин. — Долина Хуан-хэ; переправа через эту реку и дальнейший путь. — Городок Баян-рун. — До Гумбума остается три перехода.—Характер этого горного пути.— Альпийский хребет Кычан-шань.—Дорога полна паломниками. — Приход в Гумбум.

Между Тибетом и Монголией или между Лхасой и Пекином, на большой паломнической дороге, неподалеку от голубых вод Куку-нора, приютился один из знаменитых буддийских монастырей — Гумбум. Занимая в географическом отношении выгодное положение, Гумбум нередко посещался, как продолжает посещаться и теперь, далекими знатными паломниками, подолгу останавливающимися в нем с целью отдыха и пополнения снаряжения и продовольственных средств, необходимых для дальнейшего пути [1]).

Несколько иначе: в глубине Амдо'ского нагорья расположен другой не менее знаменитый и богатый буддийский же монастырь Лавран, ревниво оберегаемый воинственным населением кочевых тангутов. Лавран счастливее Гумбума по отношению сохранности своих богатых храмов и ценностей от урагана магометанской инсургенции [2]).

---

[1]) Об этой буддийской святыне довольно подробно описано нами выше — в главах XI — XII, стр. 268—298.

[2]) Описанию монастыря Лаврана посвящены целиком две предыдущих главы.

Окрестность Лаврана; молитвенные беседки

Ущелье с беседками и монастырем Дю-дя-му

При взгляде на карту Центральной Азии, в частности на Амдо'ское нагорье, мы видим, что Гумбум и Лавран расположены по северо-западной — юго-восточной диагонали, в расстоянии двухсот пятидесяти верст, и что оба эти монастыря находятся в бассейне Желтой реки: Гумбум—в области левого берега, в складках окраинных гор, ограничивающих Хуан-хэ с севера, Лавран — в области правого берега, в горах, непосредственно окаймляющих Желтую реку с юга. Это словно два брата, оспаривающих между собою духовную славу и преимущество и зорко наблюдающих друг за другом...

Во время пребывания экспедиции в Лавране, мы узнали от местных обитателей, что в монастырь Гумбум прибыл буддийский первосвященник—Далай-лама и расположился в нем на отдых и для совершения богослужения впредь до наступления лета. Глава Тибета следовал из Пекина в Тибет—в Лхасу.

Не свидеться с Далай-ламой, не закрепить с ним прежнего знакомства, не посмотреть на правителя Тибета после его долгого пребывания в Монголии и Китае, по моему крайнему разумению, было бы не простительно, к тому же я имел к Далай-ламе не мало поручений. Я решил налегке поехать в Гумбум, а караван отправить прямым путем в Лань-чжоу-фу, где он должен был ожидать моего прибытия.

... Кроме меня, в личный состав раз'езда в Гумбум вошел переводчик экспедиции Полютов. Старшина торговой слободы Лаврана, Ма-чан-шань нанял для нас трех вьючных мулов при двух погонщиках верхом на лошадях; я и мой спутник имели своих лошадей. В законченном виде наш маленький караван составился из четырех человек и семи животных: трех вьючных мулов и четырех верховых лошадей.

Пятнадцатое февраля было кануном дня нашего выступления в Гумбум [1]), поэтому приют экспедиции, с утра до вечера, был занят нашими здешними знакомыми, преимущественно ламами различных рангов, при том как местными, так одинаково и выходцами из Тибета и Монголии и даже нашего Забайкалья; все эти славные люди приходили прощаться — сказать несколько приветственных слов и пожеланий в дорогу. Более других хлопотал и суетился все тот же Ма-чан-шань,

---

[1]) Главный караван выступил из Лаврана одним днем позже.

на обязанности которого, между прочим, лежала и фильтровка посетителей желавших попасть к нам; предполагалось, что как старожил Лаврана Ма-чан-шань отлично осведомлен о всяком встречном и поперечном и лучше нас самих знает, кого следует допустить к нам, кого не следует. Что же касается до наших знакомых или тех, кого вообще, мы сами желали видеть, то они всегда имели к нам широкий доступ.

... Наконец мы готовы. Наш маршрут: через городок Сюань-фуа-тин, монастырь Гумбум, Синин—Лань-чжоу-фу.

Лавран. Старшина с женой (амдо'ской).

Шестнадцатого февраля, после раннего завтрака, наш маленький раз'езд выступил в дорогу: всё было обстоятельно налажено, осмотрено... Солнце значительно поднялось над вершинами гор и красиво озарило долину Сан-чу и окаймляющие ее горные скаты. Хвойный лес отливал стальной синевой, скрывая в своей гущине много интересного и поучительного. Монастырские золоченые кровли и их украшения — ганчжиры ослепляли искристым прерывающимся блеском лучей, особенно сильно игравших на новом металлическом убранстве субургана—(книгохранилище)...

Оставив Лавран, мы вскоре скрылись в одном из ущелий северных гор, круто поднимаясь по галечнику к перевалу. Нас сопровождали все тот же Ма-чан-шань с оруженосцем и четверо лихих кавалеристов из монастырского гарнизона. Вблизи перевала я уговорил старшину возвратиться домой к своим занятиям, так как на следующий день ему предстояли новые хлопоты по отправлению моего главного каравана в Лань-чжоу-фу. Ма-чан-шань смиренно повиновался, сошел с лошади, разостлал коврик и, пригласив меня сесть, вручил мне бронзовое изображение известной

«Сандальной» статуи Будды, находившейся в Пекине. Это подношение сопровождалось лучшими пожеланиями в дорогу... С своей стороны я одарил Ма-чан-шаня еще накануне, выразив ему благодарность за безпокойство и наше пользование его удобным помещением. Казалось, Ма-чан-шань был очень доволен экспедицией... Мы продолжали подниматься, а он еще долго стоял у заворота ущелья, помахивая шляпой. — «Отличный человек» проронил, со вздохом, мой спутник Полютов, «он только и заботился о наших интересах, стараясь всеми силами угодить начальнику экспедиции».

Изображение известной «Сандальной статуи Будды», находившейся в Пекине.

На вершине перевала Накцэб-ла, имеющего значительную абсолютную высоту, крутой продолжительный под'ем и короткий пологий спуск на плато, мы временно, как всегда, остановились... поправили вьюки и опять направились тем же северным курсом. В эту сторону уходило типичное амдо'ское плато с поперечными горными грядами, выраставшими по мере удаления к западу. Между гор располагались пастбищные долины, с речками, стремившимися в бассейн лавранской Сан-чу. По одной из таких речек — Гонзя-чзямба-чю мы спускались, по другой — Чзямба-чю поднимались.

Размытые горные кряжи и береговые скалы слагались из кристаллических пород. Свой тибетский эскорт мы отпустили пройдя за перевал верст пять не более, чему лавранские воины были несказанно рады: тотчас оживились и быстрым галопом понеслись во-свояси...

Оставшись только с подводчиками, мы начали расспрашивать их о нашей дороге и ближайшем городке Сюань-фуа-тине, находившемся в девяносто слишком верстах, которые следовало пройти в три дня или перехода.

У нашей дороги никакого жилья не замечалось, но по сторонам, в бо́льшем или меньшем расстоянии, виднелись стада баранов и яков, принадлежавших тангутам, скрытно ютившимся своими стойбищами в крайне-пересеченной местности. Состоя официально в ведении Сюань-фуа-тинского тин-гуаня или уездного начальника, обитатели эти такие же воры и плуты, как и их кукунорские или луцзаские собратья. При всяком удобном случае, местные тангуты норовят пограбить, сосредоточиваясь с этой целью в верховьях речек, при разветвлениях дорог. По словам наших бывалых подводчиков, грабительский раз'езд налетает на проходящий караван с такою стремительностью, что положительно нет возможности во́-время оказать ему какое-бы то ни было сопротивление. Одна часть тангутов-разбойников нападает на людей, другая—на караванных животных, отгоняя их в сторону и сбрасывая вьюки... Зная, однако, что грабителей будут преследовать, они стараются скорее сбыть чужих животных или, по крайней мере, привести их в неузнаваемый вид: тощих откармливают, откормленных морят, заганивают, к тому же гривы и хвосты (у лошадей) подрезают, а иногда и красят шерсть, придавая ей иной оттенок; словом, тангуты-разбойники, в воровских случаях, поступают с верховыми животными так же, как нередко поступают с уворованными лошадьми и наши цыгане. — Сообщая обо всем этом, подводчики настоятельно просили нас — меня и моего спутника, не отставать от каравана и держать ружья наготове, дабы не прозевать появления разбойников, «иначе», продолжали уверять подводчики, «мы останемся без ничего среди степи!»

Следуя долиною речки Чзямба-чю я видел вдали—в северо-восточном направлении, небольшую кумирню Джяхыр-гомба, обитаемую, как говорят, тридцатью ламами. Рядом с этой кумирней темнел лесок из ели, словно тангутский банаг, за который вначале я его и принял [1]).

[1]) Зимою тангуты устраиваются внизу—в глинобитных примитивных постройках: летом же кочуют в своих черных банагах, в области альпийских пастбищ.

Первый наш ночлег [1]) пришелся на высоком месте: вблизи горных массивов, на берегу холодной речки, окаймленной прошлогодней травой и низкорослым кустарником. Подводчики всю ночь, поочередно, не спали — то и дело раздавались их выкрики: «кто там (подразумевается у наарканенных лошадей) идет? — я вижу!» Говорят, такой уловкой удается, иногда, действительно, остановить вора, который в таком случае откликнется обычной фразой: «свой! — иду к тебе».

На следующий день мы были в пути очень рано, и в теневом холодном воздухе, к тому же при резком встречном ветре, порядком мерзли; отдохнувшие животные подвигались ходко. Подводчики зорко всматривались во все стороны и старательно призывали нас к вниманию и готовности: «не успеете оглянуться, как наскочат тангуты»! Для их успокоения мы ехали, держась плотной кучей, с винтовками за плечами...

Общий характер местности оставался прежним: мы шли по луговому нагорью, богатому родниковыми водами и постепенно втягивались в горы, а затем благополучно достигли и вершины перевала Сечен-ла... Отсюда, к северу, горы круто обрывались, будучи изборождены глубокими каменистыми ущельями, по дну которых, по мере опускания вниз, нагромождались серые валуны в хаотическом беспорядке, до крайности стеснявшие движение каравана. Здесь дорога вообще очень трудная — крутая, крепкая. Мы спускались по ущелью Сечен-чю словно в темную бездонную пропасть.

По сторонам залегали дикие девственные уголки с густым пышным кустарником, на фоне которого, там и сям, приятно выделялись бо́льшие или меньшие группы елей. Еще красивее громоздились серые скалы, или стояли особняком великаны — отторженцы, с зеленоватым мхом и лишаями. Горную тишину старались пробудить многочисленные ручьи, иногда с шумом низвергавшиеся по крутизнам и обвалам.

Из млекопитающих в описываемых горах водится кабарга, за которой, в наше здесь следование, охотились местные тангуты, применяя облавный способ; а из птиц, нами отмечены следующие: фазан (Phasianus decollatus strauchi, красный вьюрок (Carpodacus), несколько видов краснохвосток (Ruticilla),

[1]) Урочище Нэмалун, отстоящее от Лаврана в 35-ти верстах.

красивые и вертлявые кустарницы — Pterorrhinus davidi et Trochalopteron ellioti, — многочисленные синицы, овсянки, завирушки и друг., словом фауна этих гор много напоминает таковую Восточного Нань-шаня.

Спустившись вниз около пятнадцати верст, ущелье, вдруг, расширилось — превратилось в долину; горы раздвинулись, понизились, и вскоре показалась кумирня Мартун-гомба с белыми домиками, группировавшимися вокруг небольшого храма, живописно расположенного на довольно крутом скате, заросшем густым осиновым лесом. Эта кумирня проповедует старое учение и ютит в своих стенах до двадцати человек монахов. Немного поодаль, обнаружилась другая кумирня — Сечен-гомба, расположенная на другом — левом берегу речки с десятью монахами того же красного толка. Во время больших праздников, в обоих буддийских монастырях, число лам увеличивается раз в десять.

Вокруг того и другого монастыря располагались пашни, грубо, неумело обработанные, в особенности в сравнении с образцовой обработкой китайцев.

Ниже Сечен-гомба, селения встречались не редко, пока не сузилась долина и не заперлась окончательно крутыми обрывистыми берегами. Падение русла опять увеличилось, появились каскады, однако, стоявшие под льдом, и наша тропинка довольно часто перемещалась с одного берега на другой. Подножье гор выглядело весьма печальным и унылым и при ветре всегда давало массу пыли, омрачавшей горизонт; голубая окраска неба и прозрачный воздух остались в горах.

Речка Сечен-чю привела нас в селение Конь-эмень, насчитывавшее, в это время, свыше ста глинобитных домов и около пятисот человек жителей магометан — трудолюбивых дунган или саларов. В этом селении имеется старинная мечеть [1]), во-главе которой стоит, как известно всему населению, заслуженный ахун. Вблизи мечети расположен мазар, с красивыми резными окнами, построенный, как говорят, в память двух подвижников — мулл... Конь-эмень населен исключительно земледельцами, возделывающими пшеницу. Дома-фермы окружены садами, состоящими преимущественно из персиковых и абри-

[1]) Построенная, как передавали нам местные жители, около трехсот лет тому назад.

косовых деревьев; в небольшом количестве имеются также яблони и груши. Летом здесь жарко, еще жарче, конечно, в долине самой Желтой реки, к которой мы теперь и приближались.

По словам местных жителей, в ближайших окрестностях Конь-эменя покоятся залежи золота, но почему-то они не разрабатываются.

Мы ночевали в доме старшины селения: вечером и утром деревенская тишина нарушалась громким призывом на молитву с вершины минарета, откуда местный мулла возглашал: «Аллах акбер! Аллах акбер!»...

Сегодня третий день нашего движения от Лаврана, сегодня мы должны прибыть в город Сюань-фуа-тин... Выступаем по обыкновению рано — едва забрезжит утро. К сожалению, пыльная дымка кладет мертвый отпечаток на всё окружающее. В воздухе тихо, тепло. Мы следуем постепенно вниз, среди густого населения дунган и оседлых тангутов. Дорога проходит то по береговым террасам, то по дну галечного русла. По бокам стоят высокие и низкие обрывы из плотных красно-бурых глин.

Вскоре затем речка Сечен-чю сливается с пришедшей с востока речкой Читай-богоу, образуя в дальнейшем течении речку Чжан-гагун. Отсюда открывается вид на грандиозный прорыв, который сделала своим величавым шествием знаменитая река Китая — Хуан-хэ. Это в северном направлении, тогда как к югу выделяются матовой белизной вершины Амнэ-чунак.

Еще ниже — ближе к Желтой реке — караван проходит очень красивым местом: слева стоит обособленный кряж все тех же плотных словно конгломератных глин, а посредине — картинно переброшен через Чжан-гагун горбатый мост (см. рисунок, приложенный к 490 странице), за которым наш путь, тотчас, меняет северо-восточное направление на северо-западное и, после пересечения нескольких второстепенных отрогов, вступает в долину главной реки. Пройдя вверх по правому берегу этой последней еще около семи верст, мы достигаем городка Сюань-фуа-тина (войдя в восточные ворота, а выйдя в западные — одной и той же улицы), у верхней окраины которого и находим себе помещение на ночь...

Подобно Гуй-дуй'ю, городок Сюань-фуа-тин расположен на правом берегу верхней Хуан-хэ, вдоль ее течения, и, подобно всем городам в Китае, обнесен стеной. По-нашему, это даже не городок, а маленькое селение, состоящее всего из одной проезжей улицы с несколькими десятками домов и двумятремя лавками, обслуживающими местное население. В городке этом расквартирована одна лянцза пехоты, производившая ученье с барабанным боем.

К югу, в горах, живописно выделялась китайская мяо — молельня с хэшеном или священником во-главе.

Характер Желтой реки и ее долины в общем сильно походил на таковой в гуйдуйском районе, по крайней мере мне лично это сравнение сразу пришло в голову. И здесь долина простирается в ширину от двух до трех верст, будучи окаймлена серыми безжизненными горами, и здесь берега то низкие, то возвышенные, в особенности в с'ужениях реки, где они к тому же часто очень высоки — в несколько сот футов — и затейливо обмыты или обдуты ветром, оставляя для дороги или тропинки узкий гребень или головоломный карниз; и здесь, серое галечное ложе реки простирается до ста или ста пятидесяти, редко, двухсот саженей в ширину... В настоящий, ранневесенний период, воды в реке было немного и в широких местах ее каменистое русло было обнажено на значительные расстояния. Другое дело летом, когда Хуан-хэ иногда выходит из берегов, ее бурливое, стремительное движение действительно величаво — «без меры в ширину, без конца в длину» грозно шумит серыми волнами...

Выше Сюань-фуа-тина, в семи с половиною верстах, находится урочище Имам-джон, с лодочной переправой путников с одного берега Желтой реки на другой. Небольших лодок здесь две; перевозчиками являются пятнадцать человек дунган — обитателей ближайшего селения. Самая переправа производится довольно скоро, скорее нежели в Гуй-дуй'е.

За переправой, мы еще проследовали вверх по Хуан-хэ, ее левому берегу, двенадцать верст, прежде нежели свернули к северу [1]), в ущелье речки Гораццон-хотан, по которой и поднялись до небольшого — в тринадцать дворов селения

[1]) Общее направление долины Желтой реки, в рассматриваемом районе, было западно-восточное.

Речка Чжан-гагун (правый приток Хуан-хэ)

Ближайшие советники-ламы при Далай-ламе

Лоцзы-сангын, где и заночевали. По мере того, как мы поднимались к северу, нам открывалась долина Хуан-хэ во всей своей прелести... Всюду виднелись пашни, а на них — трудолюбивый китайский земледелец, чуть не в первый раз [1]) в нынешнюю весну выехавший в поле с сохой... Началась весна: ручьи громко журчали; из пролетных птиц появился черноухий коршун (Milvus melanotis), а из неотмеченных ранее оседлых — бледный вьюрок (Carpodacus stoliczkae).

В глубине долины, группа из нескольких елочек обнаруживала присутствие небольшой, небогатой тангутской кумирни Думино-гомба, красиво приютившейся под защитой бурых обрывов; говорят, она основана около двадцати лет тому назад и находится в ведении перерожденца, с братией в сорок человек, исповедующих учение красного толка.

К западо-северо-западу тянулись горы, в которых, по словам местных жителей, водятся каменные бараны или аргали...

Утро следующего дня, двадцатого февраля, было пасмурное серое, омраченное пыльной дымкой, сквозь которую вначале ничего не было видно далее ста сажен. Мы шли в прежнем северном направлении, которое словно преграждалось плоским массивом, прикрытым луговой растительностью, за которым невдалеке находился городок Баян-рун, отстоявший в двадцати-пяти верстах от нашей последней стоянки. Весь этот путь был крайне трудный для движения каравана по причине многочисленных балок и карнизов с песчано-глинисто-лёссовым грунтом. Там и сям стояли горные гряды с затейливыми по очертаниям профилями; также, порою, на востоке и западе виднелись своеобразные отложения лёссовых толщ, сопровождающих течение Хуан-хэ. Бо́льшую половину пути мы шли к перевалу Лоцзы-хунту-поу, и меньшую — в долину речки Баян-рун-хотон. Самый перевал плоский, мягкий, одетый пашнями, словно шашками. Здесь прохладнее — еще не пашут, а лишь разрыхляют удобрение, лежавшее в небольших будто навозных кучках. Дорога по обе стороны перевала была прикрыта ледяной коркой.

Тут, на перевале, мы вновь видели одинокого, низко пролетавшего, коршуна, а высоко в небе парили снежные грифы и бородатые ягнятники; реже, гордые красавцы орлы-беркуты.

---

[1]) Девятнадцатого февраля.

Небольшой городок Баян-рун, в котором мы ночевали, красиво расположен на высоте, и имеет закругленные у ворот стены. Смешанное из китайцев, дунган, тангутов и метисов население, включая и пригород, исчисляется в одну тысячу душ обоего пола. В завершение, можно отметить небольшой в сто человек китайский гарнизон, изредка производивший ученье.

Теперь до монастыря Гумбума оставалось три перехода, или что то же самое два ночлега. Первый ночлег приходился в городке Цзаба, второй в селении Савана, в котором к прежнему смешанному населению еще прибавились далды [1]), отличающиеся своим оригинальным костюмом, в особенности среди женщин. На всем протяжении до Гумбума, как и до Лаврана, залегает горная крайне пересеченная местность. Приблизительно в середине пути встает поперечный альпийский хребет, восточное продолжение скалистого массива, с перевалом Ладин-лин, отделяющим Синин от Гуй-дуй'я. В то время как в долинах или второстепенных горах обитало земледельческое население, в альпийском хребте ютились номады.

Погода всё время стояла непостоянная с преобладающею облачностью, ветром от северной части горизонта и пыльной дымкой наиболее сгущенной в области главных долин.

Остановимся несколько подробнее на описании этой последней части маршрута в направлении монастыря Гумбума...

Мы следовали долиною безымянной речки, впадающей в Хуан-хэ. Слева тянулись второстепенные горы, под названием Кучу; справа высился альпийский хребет Кычан-шань. В первых горах и прилежащих к ним долинах, повторяю, ютились земледельцы, в ущельях же альпийского хребта — скотоводы. Там и сям прятались небольшие кумирни, из которых Дыдя-гомба располагалась на полудороге, с населением в двадцать-тридцать человек — лам. Эта кумирня белела у подножья красных песчаниковых обрывов, поросших еловым лесом. Напротив Дыдя-гомба красовалось лесное ущелье. В этой местности мы встретили несколько стаек каменных воробьев (Petronia petronia).

---

[1]) О далдах см. «Н. М. Пржевальскій. Третье путешествіе в Центральной Азіи». Стр. 328—330.

Вскоре, затем, мы перевалили невысокий кряж Санто-яху, за которым, в попутном селении Картя, имели часовой отдых.

В юго-западном направлении, по долине Хуан-хэ, виднелся большой, богатый монастырь Ша-чун, ярко блестевший своими золочеными кровлями; монастырь этот подведомствен моему большему другу Чойбзэн-хутухту [1]). Судя по описанию Г. Н. Потанина, экспедиция которого первой посетила эту буддийскую святыню, Ша-чун очень большой и интересный монастырь [2]).

Десятиликий Авалокитешвара.

Теперь, чаще нежели прежде попадались на полях селяки, разбивавшие комья земли, а по дороге в Гумбум — всякого рода паломники, нередко следовавшие вместе с детьми, которых или тащили за спиною, или вели за руки.

В наблюдениях всякого рода, незаметным образом, мы достигли городка Цзаба, в который вступили при открытом действии театра — его сцены, привлекшей внимание всего окрестного населения. Цзаба — маленький, оживленный пригородом, городок, населен саларами, китайцами, метисами — всего в двести шестьдесят семейств.

На следующий день, 22-го февраля, мы в пути так же рано, как и прежде,—с зарей. Слоистые облака убегали к юго-западу. Китайцы проснулись и спешили на поля с животными, навьюченными корзинами с удобрением.

---

[1]) О Чойбзэн-хутухту см. выше — глава XVI-ая, стр. 398 и последующие.

[2]) «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». Том I. Стр. 341.

Впереди величаво стоял хребет с вершинами, запорошенными снегом. Мы подвигались ходко. Блеснули солнечные лучи и полилась на землю весенняя радостная песнь полевого жаворонка...

К восьми часам утра мы уже поднялись на вершину перевала Чин-са-по, увенчанного обо, на сооружение которого пошло не мало камней, собранных у дорог. Впереди, к северо-востоку, вздымалась вторая скалистая цепь; в том же направлении убегало ущелье, также обставленное скалистыми боками.

Царь Срон-цзан-гамбо, легендарный основатель Лхасы.

Главный хребет выглядел темным, потому что его луговой покров был сожжен, так называемым степным пожаром. На южном скате хребта отделилась дорога в Гуй-дуй, красиво извивавшаяся по подножью гор, а на северном — в Синин, сопровождавшая течение речки Чин-са-гоу. Мы уклонились на северо-запад, пересекая ряд боковых увалов, главным из которых справедливо признается Ню-синь-шань, и временно направились по речке Чи-дя-гоу-дцзэ [1]), а затем и по другим речкам, залегавшим среди соседних увалов.

На этом крайне пересеченном, трудном пути мы наблюдали не мало полевых жаворонков, сорок, готовивших гнезда, алашаньскую краснохвостку (Ruticilla alaschanica), чеккана (Pratincola maura), оригинальных, крайне оживленных весной, водя-

[1]) Наши подводчики сообщили нам, что в голове речки Чи-дя-гоу-дцзэ, соседней Бис-ккуань-гоу укрывается маленькая кумирня Тисцы-гомба, с пятнадцатью ламами.

ных оляпок (Cinclus cashmeriensis) и немногих других мелких птичек, державшихся или по горам, или по долинам их речек. В лазурной высоте, попрежнему, гордо парил царственный орел — беркут...

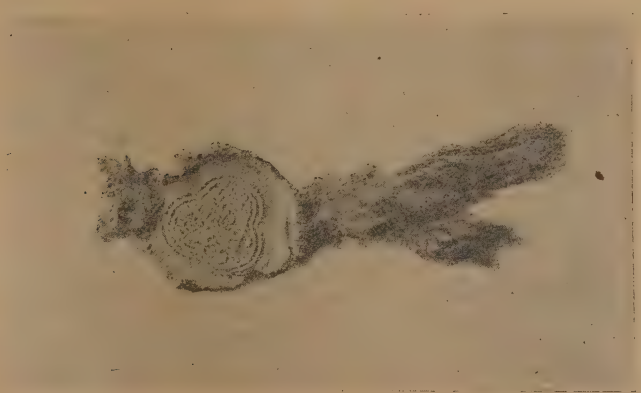
Селение Савана или Саван небольшое — пятнадцать дворов и состоит из смешанного населения земледельцев.

Последний переход к Гумбуму показался нам особенно долгим, несмотря на то, что он был еще более оживлен паломниками и еще более привлекателен видом северного склона только-что пересеченного нами хребта. В придорожных селениях толпилось множество народа, частью занятого полевыми работами, частью праздного, с котомками за плечами, стремившегося в ту или другую сторону от Гумбума.

Вот и вид на Сининскую долину, с красными глинами и песчаниками, а вот и последние высоты, открывшие вид на буддийскую обитель — Гумбум.

В сером воздухе, высоко, сеткой мелькала большая стая галок.

Еще томительных полчаса, и наш караван уже шагал подле монастырских храмов и восьми белых субурганов, и вскоре достиг подворья знакомого гэгэна Чжаяк, где мы нашли отличный приют на целых две недели.



Глава XXII.

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ДАЛАЙ-ЛАМЕ.

(Окончание).

Опять в монастыре Гумбуме. — Помещение Далай-ламы. — Благоговейное настроение, тишина и чистота в Гумбуме. — Две недели в гостях у Далай-ламы: официальное свидание с правителем Тибета; речь Далай-ламы; мое впечатление от новой встречи; последующие дни и время препровождение у Далай-ламы; его походная обстановка; личный секретарь Далай-ламы — Намган; занятие фотографией; беседы о событиях в Италии; географический атлас; благословение молящихся; лошади Далай-ламы; ночные тибетские симфонии; прощание с Далай-ламой; прощание с его свитой — с лейб-медиком эмчи-хамбо. — Через Синин в Лань-чжоу-фу. — Заметка о пройденной местности.

Далай-лама проживал в особняке богатого тибетца, на западной окраине монастыря, на скате «западных высот», откуда открывался вид почти на весь Гумбум и на отдаленные цепи гор, замыкавшие горизонт с юга... [1]) Как и все солидные тибетские дома—этот дом был обнесен высокой глинобитной стеной, с парадным входом, охраняемым тибетскими парными часовыми [2]).

Не могу не отметить, что во всем Гумбуме царило какое-то приподнятое настроение. Нас поражала чистота, опрятность и благоговейная тишина не только монастыря, но и самих гумбумских монахов. В храмах шла почти непрерывная служба и очень часто раздавались звуки оригинальной тибетской духовной музыки...

---

[1]) П. К. Козлов. «Тибет и Далай-лама». Петербург, 1920. Стр. 67 и последующие.

[2]) Иногда число часовых удваивалось или даже утраивалось—когда бывал дополнительный почетный конвой от Синиского гарнизона.

Парные часовые-тибетцы у входа во двор Далай-ламы.

По приходе в Гумбум, 22-го февраля [1]), я поспешил дать знать о себе далай-ламской канцелярии, которая не замедлила

Гумбум. Дом-храм, в котором проживал Далай-лама.

[1]) От монастыря Лаврана до монастыря Гумбума, по моему маршруту, вышло 250 верст расстояния, пройденного в восемь дней — переходов.

поставить меня в известность, что на следующий день мне уже назначена аудиенция у его святейшества.

Как и прежде в Урге, так и теперь здесь, первое мое свидание с Далай-ламой носило официальный характер. Прежде всего сопровождать меня в далай-ламский лаврэн — духовный покой — явился нарядный тибетец-чиновник со свитой в три человека, в сообществе с которыми я и Полютов направились пешком, медленно поднимаясь в гору. Через четверть часа мы уже были у цели: миновали парных часовых, отдавших мне честь, и вошли во двор, застланный или вымощенный каменными плитами. Едва мы сделали несколько шагов по направлению высокого лаврэна, как по ступеням его широкой лестницы, навстречу нам спустился молодой человек, по имени Намган, коротко остриженный, в красных одеждах, и, изящно поклонившись, предложил нам подняться на верх дома.

Здесь очевидно нас ожидали, так как на столиках стояло угощение в виде хлебцев, печений, сухарей, сахара и других китайских сластей. Едва мы сели, каждый за свой столик, по чинам, как нам подали чаю, откушав которого мы проследовали еще через ряд комнат, прежде нежели вошли в приемную к самому Далай-ламе. И здесь, приемная правителя Тибета напоминала буддийскую молельню, в которой на почетном месте, словно на престоле, восседал тибетский первосвященник в парадном одеянии, точь в точь, как это изображено на рисунке, приложенном к странице 42 «Русскій путешественникъ в Центральной Азіи и мертвый городъ Хара-хото» [1]). Подойдя к Далай-ламе и почтительно поклонившись, мы обменялись хадаками. Затем, Далай-лама улыбнулся и подал мне руку, чисто по-европейски... После взаимных приветствий и осведомлений о дороге, мы перешли к беседе о моем путешествии. Правитель Тибета очень интересовался нашим плаванием, в прошлом году по озеру Куку-нору, но еще больше, кажется, развалинами Хара-хото и всем тем, что нами было там найдено.

«Теперь мы уже с вами встречаемся второй раз», — заметил Далай-лама; «наше первое свидание было в Урге около четырех лет тому назад. Когда же и где мы встретимся вновь?... Я надеюсь что вы приедете ко мне в Лхасу, где для вас—

[1]) С.-Петербург. 1911 года.

путешественника-исследователя, найдется много интересного и поучительного. Приезжайте, я вас прошу, надеюсь, не будете жалеть потраченного времени на такое большое путешествие. Вы об'ехали много стран, много видели и много написали. Но самое главное еще впереди — я буду ждать вас в Лхасу... а потом — вы сделаете не одну, а несколько экскурсий в окрест-

Потала по рисунку иезуита Грюбера, посетившего Лхасу в октябре 1661 года.

ности, по радиусам от столицы Тибета, где имеются дикие, девственные уголки как в отношении природы, так равно и населения. Мне самому», — продолжает Далай-лама, — «будет весьма приятно и интересно видеть вас после таких поездок и ознакомиться с вашими с'емками, сборами коллекций, фотографическими видами и типами и лично выслушать ваш доклад о путешествии. У меня имеется большое желание перевести на тибетский язык труды по Тибету европейских путешественников. Ваше живое слово мои секретари должны будут занести в первую очередь и тем са-

мым положить начало историко-географическим трудам по Центральному Тибету»...

В заключение, Далай-лама сказал: «Не торопитесь с отъездом, ибо вам никто не будет указывать в этом отношении и ни от кого другого, как только от вас самих будет зависеть выехать раньше или позже на несколько дней. Мы будем видеться ежедневно, мне необходимо о многом поговорить с вами».

Во время наших разговоров мы пили чай, наливаемый из общего большого серебряного чайника. Во всем чувствовалась

Потала с юго-запада (по фотографии из книги P. Millington «To Lhasa at last»).

приятная непринужденность, об'яснить которую можно было обоюдным искренним желанием свидеться.

После первого часового слишком свидания, я ушел от Далай-ламы с самым восторженным впечатлением. По дороге домой меня неотвязно преследовала мысль: какая перемена произошла в тибетском первосвященнике за те три-четыре года, что мы не виделись? Как и прежде, то же умное, сосредоточенное лицо, по временам та же очаровательная улыбка, те же планомерность и последовательность в разговоре, но вместе с тем что то было новое, необ'яснимое. Вот это то новое, необ'яснимое и продолжало меня интриговать до тех пор, пока я не нашел к нему об'яснения. В период времени, в который мы не

XIII Далай-лама Агван-лобсан-тубдань-чжямцо

виделись, Далай-лама жил исключительно походной жизнью и все время общался с новыми для него людьми, оставлявшими в нем, как в впечатлительном человеке, те или другие особен-

Изображение знаменитого большого Чжу в Лхасе.

ные восприятия, в совокупности наложившие на него этот своеобразный отпечаток.

На следующий день я прибыл к Далай-ламе с утра; теперь исчезла всякая оффициальность: я видел тибетского первосвященника в самой простой, симпатичной обстановке. Мне было разрешено обойти все далай-ламские помещения, видеть его рабочий кабинет, говорить с его министрами, приближенными.

Среди последних, к моему большому огорчению, не было видно моего хорошего приятеля, Кончун-сойбона, как оказывается, заболевшего и отставшего по дороге из Пекина в Гумбум. Придворный врач эмчи-хамбо, видимо, был очень рад нашей встрече; он несколько раз говорил мне, что начиная с Пекина и до самого Гумбума, везде по дороге, он старался навести обо мне справки и теперь от души доволен встрече со старым знакомым. Глядя друг другу в глаза, мы пожимали один другому руку.

Теперь, среди обстановки Далай-ламы, то и дело попадались европейские предметы. В одной из комнат висело на стенах до семи всевозможных лучших биноклей, в другой—отмечено почти столько же фотографических аппаратов, состоявших в ведении секретаря Далай-ламы, знакомого нам Намгана.

Далай-лама очень интересовался фотографией вообще и просил меня обучить Намгана разным фотографическим приемам: снимкам, проявлению и печатанию, равно уменью обращаться со всякими большими и малыми, простыми и сложными аппаратами.

Несколько дней мы усердно занимались фотографией как практически, так и теоретически. Намган старался заносить в свою памятную книжку все мои наставления... Снимки нашей общей работы представлялись самому Далай-ламе, от которого мы получали похвалу и поощрение... Помню хорошо, как однажды мы были сконфужены и в то же время умилены любезностью и внимательностью Далай-ламы, подобравшего на террассе трубочки наших давным-давно высохших отпечатков и переданных его святейшеством нам при встрече. Действительно, мы увлеклись всякого рода занятиями в проявительной комнате и пробыли там гораздо дольше, нежели предполагали, а поэтому разложенные для просушки оттиски, уже высохли, свернулись в трубочки и движимые ветром, вероятно, укатились бы далеко за терассу, если бы прогуливавшийся Далай-лама не подобрал их.

После занятий фотографией, я обыкновенно беседовал с приближенными Далай-ламы, или бывал приглашаем к нему самому, где, запросто, просиживал по-долгу. Как-то раз, Далай-лама спросил меня, часто ли я получаю письма из России, когда получил в последний раз и какие в Европе новости. Случайно, по приезде в Гумбум, я на другой же день имел

удовольствие, благодаря заботам синийских властей, получить ряд писем и газет, в которых самою большою новостью отмечалось Мессинское землетрясение, где между прочим, итальянцы

Один из великих лам.

воздавали честь и славу русским морякам, с самозабвением спасавших несчастных жителей и их имущество. Живое описание подобного стихийного бедствия поразило тибетского владыку.

Беседуя на эту тему, Далай-лама пригласил меня в свою библиотеку и подал мне большой немецкий географический атлас, с просьбой указать на нем место катастрофы в Италии...

Перелистывая, затем, атлас, я во многих местах его видел пометки, сделанные чернилами или точнее тушью на тибетском языке. Оказывается, это перевод географических названий. Такой же заметкой снабжено было и место землетрясения в Италии.

Бодисатва Падмапани.

Иногда, я и мой спутник Намган гуляли в окрестностях Гумбума, поднимаясь на высшие точки и делая всякого рода дополнительные снимки, а затем, по возвращении в лаврэн, опять возились с проявлением и печатанием. Однажды, просматривая оттиски фотографий, разложенные на террассе, я невольно взглянул вниз на портик храма и увидел как Далай-лама благословлял молящихся. Благословение это заключалось в том, что тибетский первосвященник маленьким молитвенным флажком касался головы тибетцев или монголов, подходивших поочередно. Кстати сказать, по случаю пребывания Далай-ламы в Гумбуме молящихся было великое множество.

Обычно принято, если Далай-лама гуляет у себя по кровле или на террасе, то все служащие, равно все проходящие мимо, не должны останавливаться и глазеть, а стараться как можно скорее, незаметным образом, скрыться.

Из дома-лаврэна Далай-ламы, царящего над всем монастырем, открывался дивный вид на отдаленные южные цепи гор, откуда, по направлению к наблюдателю, сбегают лучшие альпийские пастбища для многочисленных здешних стад баранов или другого скота.

Как и банчень-ринбочэ, Далай-ламе нравятся красивые лошади. В его походном хозяйстве, в Гумбуме, было до семи

Конный двор Далай-ламы (в Гумбуме)

Пара вороных корейских лошадок (в Гумбуме)

пар изящных корейских лошадок, прекрасно подобранных по статьям и мастям. Среди далай-ламских лошадей вообще я наблюдал и другого рода лошадь — крупную, округлую, с неимоверно длинными хвостом и гривой — лошадь, которая, как говорят, не несет никакой работы и почитается, как нечто священное...

Далай-лама очень любит природу и для него, большое удовольствие, скажу больше — потребность обозревать самые высокие горные хребты и вершины, по которым скользят ярким светом первый и последний приветственные лучи дневного светила. Он — стоящий выше всех миллионов его последователей — стремится углубиться в сокровенные тайны мироздания, чтобы легче постичь смысл земного существования человека...

Будда Алмазнопрестольный, окруженный семью буддами: Внизу в правом (от центральной фигуры) углу Манчжушри, в левом — грозный Ваджрапани.

И здесь Далай-лама вел скромную и уединенную жизнь: вставал рано, ложился поздно, в полночь, когда придворный духовный оркестр слегка будил монастырскую жуткую тишину, внося в нее сказочную, ласкавшую душу, гармонию. Я всегда старался дождаться этой приятной минуты на кровле дома и с умиленным сердцем радовался, как ребенок, первым звукам тибетской симфонии, уносившим меня далеко-далеко от действительности.

Таким образом в ежедневном общении с Далай-ламой — с этим фокусом сил тибетского народа, время пребывания в Гумбуме пролетало быстро и незаметно.

При расставании, Далай-лама произнес следующее: «спасибо вам за ваш приезд ко мне — вы дали мне возможность послушать вас и получить ответы на мои многие пытливые вопросы... Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой и богатой стране. Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отно-

шения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением»...

После официальной, торжественно обставленной, прощальной аудиенции, меня пригласили в знакомое мне помещение Намгана. Здесь был предложен мне обычный чай... как вдруг совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, появился Далай-лама в самой простой непринужденной обстановке, к которой я так привык в последнее время. Мы приветливо раскланялись и сели друг против друга. Далай-лама повел вновь рассказ о России, восхищаясь ее техникой, машинами, инструментами, а равно и вооружением русской армии, начиная от револьвера системы «Нган» [1]) до крепостных или морских дальнобойных орудий собственного производства... Затем, Далай-лама сказал: «не забудьте привезти для меня лучшей русской желтой суконной ткани, вроде сукна вашего (парадного) костюма». Я в ответ поклонился Далай-ламе и его поручение занес в памятную книжку. Заметив это, Далай-лама произнес: «это хорошо; кстати запишите и второе мое поручение, о высылке из Петербурга на мое имя фотографических снимков вашего путешествия!»

Тибетская соболья шапка.

Последнее прощание было самое трогательное: сам собою этикет отошел в сторону. Я понял душу Далай-ламы и поверил в искренность его милого приглашения в его Лхасу!...

Вскоре после этого, мы расстались и с министрами Далай-ламы и с его двором вообще; мне сделалось очень грустно, с одной стороны, с другой же — я чувствовал себя счастливым. Грустное чувство овладевало мною всё сильнее и сильнее, потому главным образом, что я не мог, не имел возможности, теперь же примкнуть к свите Далай-ламы, чтобы направиться в сердце Тибета вместе с его верховным хозяином...

---

[1]) С которым, между прочим, Далай-лама был хорошо знаком по экземпляру, полученному им на память от русской экспедиции.

Вслед за мной были посланы подарки Далай-ламы, состоявшие из золотого песка, буддийских бронзовых статуеток и даров местной, тибетской природы — шкур и шкурок пушных зверей и тибетской шерстяной ткани цвета бордо.

На следующий день, седьмого марта, в девять часов утра, как было условлено накануне, ко мне пожаловал эмчи-хамбо, с дополнительными телеграфными поручениями от его святейшества, и с своим личным приветом в дорогу. Как водится при расставании, лейб-медик поднес мне на память: шелковый хадак в сопровождении тибетских «драгоценных» пилюль и чайной чашечки, но что самое главное — эмчи-хамбо не пожалел для меня интересной тибетской астрономической карты... [1]) Про эмчи-хамбо вообще говорят, что этот человек с «большой головой» — медик и высший математик, и что он стремится попасть в Россию, чтобы не только познакомиться, но и изучить европейскую медицину и европейскую практическую астрономию...

Эмчи-хамбо — лейб-медик Далай-ламы (ныне покойный).

В последний раз крепко пожимая мне руку, эмчи-хамбо произнес: «когда, где и при каких обстоятельствах мы вновь увидимся с вами?» — Я показал рукой по направлению Лхасы, в ответ на что мой собеседник уверенно кивнул головой несколько раз...

Остальная часть дня прошла в различных хлопотах по сборам в обратный путь через Синин в Лань-чжоу-фу, к заждавшемуся экспедиционному каравану, от которого мы были отделены теперь неделей времени или расстоянием в двести семьдесят верст.

Ранним утром, восьмого марта, наш обновленный караван, состоявший из трех вьючных лошадей или мулов и пяти верховых

---

[1]) Мой спутник также не был обойден вниманием эмчи-хамбо, от которого он получил в дар хадак, золотую монету и толикую дозу «универсального лекарства», при словах: «все это дарю тебе в силу моих самых лучших отношений к твоему начальнику, которого прошу беречь в еще далекой и трудной вашей дороге!»

лошадей успешно направился к северо-востоку. Покатая местность в эту сторону еще более способствовала скорейшему движению.

На окраинных холмах мы остановились, чтобы полюбоваться на Гумбум, быть может, в последний раз! Ведь мы прощались с колыбелью реформатора буддизма Цзонхавы. В память этого великого, а с точки зрения буддистов, и святого человека, в Гумбуме, повторяю, красуется храм «Золотой субурган», вечно оживленный молящимися, а его кровля днем почти всегда горит блеском золотых солнечных лучей...

Знакомый путь до Синина мы прошли в пять-шесть часов времени. По дороге обогнали очень нарядный, богатый верблюжий караван, принадлежавший Ачжя-гэгэну; это был его передовой транспорт, отправлявшийся в Пекин. И здесь, на полях, повсюду работали китайцы под одну и ту же весеннюю песнь жаворонков...

Многолюдный Синин мы проходили по знакомым улицам; в домовой церкви английского миссионера H. French Ridley шла дневная месса. Как всегда, в Синине мы остановились в торговом доме Цань-тай-мао, где знакомые китайцы успели приготовить для нас кое-какие этнографические предметы. Вечером же мы были в гостях у симпатичных супругов Ridley, с которыми много беседовали о последнем периоде нашего странствования, о Далай-ламе, а также и о молодом английском путешественнике Брук'е, преждевременно погибшем в стране южных тибетцев племени «Лоло» [1]).

У китайцев как раз наступил новый год, и все они священнодействовали, уклоняясь от свиданий, под предлогом недомоганий. Больше других сожалел о несостоявшейся встрече с нами фу-тай или фо-тай, сильно интересовавшийся штуцером Ланкастера... И на этот раз мы большую часть времени провели в семье H. French Ridley. Бедные англичане сильно истомились по родине. Теперь они усиленно отсчитывали время, остававшееся до от'езда их в Европу. При произношении слова «Лондон», у миссис Ridley, каждый раз, показывались слезы.

Десятого марта наш караван оставил и Синин. Погода испортилась: в лицо нам дул пронизывающий ветер с мокрым

[1]) О «Лоло» и Бруке см. «Тибет и Далай-лама». Стр. 93—94 (подстрочное примечание).

Лейб-медик Эмчи-хамбо и секретарь по китайским делам (оба состоят при Далай-ламе)

Личный секретарь Далай-ламы — Намган

снегом и дождем вместе [1]). К счастью, такое неприятное состояние продолжалось недолго: облака поредели, показались участки голубого неба. На полях сеяли пшеницу; там и сям, вокруг земледельцев, бродили группы серых журавлей (Grus grus).

Из Сого-хото, т.-е. из Южной Монголии, направлялась большая вереница довольно хороших верблюдов для далай-ламских вьюков.

Китайская фарфоровая чашка на металлической подставке и с металлической крышкой (для чая).

Мы продолжали двигаться вниз по знакомой долине Синин-хэ, общий характер которой оставался прежний — то река выходила на простор долины, то вновь сжималась узким ущельем, с высокими обрывистыми берегами, где спокойное, плавное течение тотчас переходило в грозно-стремительное, и где тишина нарушалась шумом пенящихся вод, прыгавших по валунам...

Везде, в населенных пунктах толпились нарядные китайцы, и шла непрерывная трескотня всевозможных бомб и петард, до детских хлопушек включительно. Театры более нежели прежде были оживлены зрителями придорожных, окрестных городов, поселений.

За городом Лова-ченом мы оставили большую дорогу, отошедшую на север, в Пинь-фань, и стали подниматься на каменистый мыс левого берега, у подножья которого красиво располагались китайский храм и остров с фигурной башенкой.

[1]) По поводу худой погоды туземцы иронизировали: «Какой хороший добрый бог, и посылает на землю такой ужасный холод!» Под добрым хорошим богом подразумевается Далай-лама.

С вершины мыса открывался чудный вид на верхнее течение Синиинской реки; вниз же к востоку она словно скрывалась, прячась в глубине узкого ущелья. Вьючная тропа то стлалась внизу, то взбегала наверх, капризно извиваясь по каменистым карнизам.

Пользуясь высокой весенней водой, китайцы сплавляли вниз по течению реки запасы пшеницы, перевозимой на плотах, в бычачьих шкурах, снятых чулком.

По мере удаления на восток, окрестные горы несли более пустынный характер, будучи окрашены в серо-желтый цвет от преобладающего включения в состав их пород глин или классического лёсса.

Ниже слияния Синин-хэ с Тэтунгом, река заметно обогатилась и шире катила свои грязные волны. Горы, вообще, понизились и чаще оставляли берега реки, глубоко бороздившей лёссовую почву.

На береговых обрывах порхали, словно бабочки, красно-крылые стенолазы (Tichodroma muraria), а по нагретой поверхности земли бегали только-что проснувшиеся ящерицы.

Достаточно было малейшего ветра, чтобы взбудоражить пыль и ею омрачить воздух; а над караваном или даже отдельным всадником всегда поднималось пыльное облачко, указывавшее направление дороги. Задыхаясь от пыли, люди постоянно чихали, животныя фыркали...

Стремясь в Лань-чжоу-фу мы шли форсированным маршем до сорока верст ежедневно. Наибольшее утомление ощущалось после полудня, когда в значительной мере пригревало солнышко. На предпоследнем своем переходе к резиденции китайского вице-короля мы переправились через реку при помощи баркаса, управляемого партией в пятнадцать человек перевозчиков.

Пятнадцатого марта мы, наконец, достигли цели!

В этот день мы поднялись с ночлега (в селении Синченна), особенно рано и шли по очень оживленному пути в буквальном смысле в сплошном облаке тончайшей лёссовой пыли. Чтобы лучше ориентироваться и меньше задыхаться от пыли, я старался держаться в некотором отдалении от дороги и увереннее заносил свои наблюдения.

В широкой долине Хуан-хэ можно было видеть ее русло, местами дробившееся на части поднимавшимися со дна реки порогами. Справа и слева попрежнему тянулись безжизненные

горы. Река жалась к левому берегу, оставляя широкий простор для земледельческого населения вправо... Через несколько верст движения, картина изменилась, мы проходили у правого берега Хуан-хэ [1]), где залегал рукав — старица с замечательно прозрачной водой, на поверхности которой, во многих местах, еще лежали толщи посиневшего льда. На ближайшей отмели важно расхаживала серебристо-белая красавица цапля (Herodias alba), а с соседнего обрыва снялась черно-головая чайка (Chroicocephalus ridibundus); вдали, вереницей летели большие бакланы (Phalacrocorax carbo)...

Насколько хватал глаз, вниз по течению змеилась Хуан-хэ, местами чуть-чуть светлея своими широкими водами.

За правым обрывом, или точнее отрогом гор, тотчас выдался мыс, на уступе которого стоял китайский храм, живописно расположенный амфитеатром.

Еще семь-восемь верст и мы в Лань-чжоу-фу, о котором прежде всего давали знать четыре исторические башни, построенные со стороны мятежного города Хэ-чжоу, населенного дунганами. Наш путь проходил по улице богатой лесными складами и запруженной словно винными бурдюками мешками-шкурами с пшеницей. Другая соседняя улица еще более многолюдная и оживленная, дала возможность выбраться нам на набережную Хуан-хэ, к месту постройки европейскими инженерами постоянного моста.

Тут же, в ближайшем постоялом дворе располагались мои спутники в добром здравии и полном благополучии...

---

[1]) Места впадения нашей реки в Хуан-хэ мы так и не видели, — оно отошло далеко от дороги, по которой мы следовали. Наши подводчики силились показать нам его, но вследствие пыльной мглы, место слияния мы едва, едва могли приметить.

ОТДЕЛ III.

ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ и МОНГОЛИЯ.

1909.

Глава XXIII

ЧЕРЕЗ АЛАША В ХАРА-ХОТО.

Мой приезд в Лань-чжоу-фу и соединение с караваном. — Описание резиденции вице-короля. — Сам вице-король и губернатор Нэ-тай. — Встреча с гуйдуй'ским тингуан'ем. — Кумирня У-чуань-шань. — Наш путь в Дын-юань-ин. — Праздник Святой пасхи в пустыне. Гнездение больдуруков. — Пески Тэнгэри. — Характеристика южной Гоби. — Озерки Ширик-долон. — Колодец Шангын-далай. — Вид на хребет Ала-шань. — Приход экспедиции в Дын-юань-ин.

Пятнадцатого марта, по возвращении моего раз'езда из Гумбума в Лань-чжоу-фу, экспедиция вновь слилась воедино, и первый день нашей встречи с остальными товарищами весь прошел в обоюдных расспросах и дружественных разговорах. Главный караван совершил весь путь от Лаврана до Лань-чжоу-фу в шесть переходов, сделав недельную остановку, приблизительно на середине пути, в Хэ-чжоу.

Город Хэ-чжоу стоит в долине реки Дао-чжа-хэ, в пяти верстах к югу от самой реки, на высоте 6.270 футов над морем.

«Хэ-чжоу был разрушен», пишет Г. Н. Потанин [1]), «во время мусульманского восстания; жители вернулись только десять лет назад. Во главе здешнего мятежа, по словам хэ-чжоуских жителей, стоял Джинса-ахун, имевший пребывание в Синине, родом из Хэ-чжоу. Все постройки в городе новые... Прежде в Хэ-чжоу было много мусульман... В наших книгах встречалось несправедливое утверждение, будто Хэ-чжоу лежит в центре саларского [2]) населения; салары живут отсюда к западу около

[1]) «Тангуто-Тибетская окраина Китая»... 1884 — 1886. Т. Первый, стр. 169—170.

[2]) Г. Н. Потанин саларами называет дунган — китайских магометан.

города Сюнь-хуа-тин, и их территория отделена от хэ-чжоуской котловины высоким хребтом Хара-ула; возле Хэ-чжоу саларских селений нет; но в город салары часто приходят для торговли»...

Местность, по которой следовал караван, имела на всем 155 верстном протяжении пересеченный характер, и только благодаря удивительной ловкости и устойчивости на ногах караванных животных — мулов, путешествие по крутым горным тропинкам и каменным кручам, обошлось благополучно. В окрестностях Лавранской речки, вплоть до города Хэ-чжоу мои спутники встречали преимущественно кочевников — тангутов, а далее к северо-востоку началась уже сплошная земледельческая культура; причем дунганское население ухитрялось устраивать свои поля не только по дну долин, но также и по крутым скатам холмов и даже на вершинах гор.

Лань-чжоу-фу — резиденция Ганьсуйского вице-короля, Цзун-ду, красуется на правом берегу могучей Хуан-хэ, достигающей в этом месте ста сажен ширины, при двадцати футах глубины, при весеннем низком уровне воды. Против верхней части города, через Хуан-хэ имеется плавучий мост, рядом с которым европейские инженеры возводят постоянный. (См рисунок к стр. 518). По словам местных жителей, не верящих в европейское строительное искусство, новый мост европейцы не устроят и их дальнейшие попытки в этом направлении так же будут уничтожены высокой летней водой, как были уничтожены основы первых пролетов прошлой зимне-весенней компании. На противоположной — лево-бережной стороне, на холмах, ютятся довольно живописные храмы, а вдоль быстрой реки, там и сям, виднеются гигантские колеса — водочерпалки, снабжающие город, и хлебные поля необходимой влагой. Внушительные солидные стены древнего [1]) города вздымаются над самой рекой до десяти сажен и, вместе с четырьмя оригинальными старинными башнями, поставленными триста лет тому назад на юго-западных доминирующих высотах в защиту от разбоничьего населения Хэ-чжоу, создают впечатление настоящей крепости. Включая и крепостной район, Лань-чжоу-фу имеет всего около десяти верст в окружности и делится на несколько кварталов, из которых северо-западный, более благо-

[1]) Лань-чжоу-фу древнее Синина.

Вид на левый берег Хуан-хэ, предместье Лань-чжоу-фу

Вид на правый берег Хуан-хэ (западный пригород Лань-чжоу-фу)

устроенный, замечателен тем, что в нем живет Цзун-ду, а следующий, так называемый военный, известен своими многочисленными европейского образца типографиями и мастерскими: столярными, сапожными, стекольными и проч. Тут же выделываются шелковые ткани, далемба и другие материи. Все эти продукты туземного производства, так же как и более редкие предметы роскоши — бронза, фарфор — наполняют богатые магазины.

В общем же, несмотря на порядочное количество зелени и довольно хороший сад, весь город выглядит грязно и неопрятно. Местное шестидесяти-тысячное китайское население имеет о чистоте лишь слабое понятие, а представителей более культурных европейских наций: миссионеров, специалистов-техников пока еще слишком мало, чтобы сгладить восточный колорит резиденции вице-короля.

Уличные актеры в Западном Китае.

Войск в Лань-чжоу-фу всего до 6.000 человек; из них 5.000 человек пехоты, 500 человек кавалерии и 500 человек артиллеристов, при ста полевых орудиях, запрягаемых в четыре коня. Кроме того, имеется еще до пятисот человек полицейских чинов, несущих караульную службу вблизи городских застав (с ружьями) и на улицах (с палками). Часть пехоты постоянно находится в боевой готовности, и для большого удобства помещается в крепостных башнях. Виденные мною солдаты — приличная молодежь, приученная к дисциплине. Сигналы в войсках приняты европейские и мы их слышали ежедневно в утренние и вечерние часы — часы регулярных занятий офицеров с солдатами.

При осмотре местных зданий, мы обратили особое внимание на школы. Кроме военного училища [1]), для четырехсот юношей пехотинцев и кавалеристов, нам показали еще нечто вроде гимназии, предназначенной для детей чиновников. В этом учебном заведении мы нашли довольно хороший музей с отделами: минераллогическим, ботаническим и зоологическим; среди последнего особенно художественно выглядели чучела птиц и витрины с жуками и бабочками.

Цзун-ду или вице-король провинций Шэньси и Гань-су.

Губернатор Нэ-тай, так же как и вице-король приняли членов экспедиции весьма любезно.

Вице-король довольно энергичный и решительный государственный деятель, очень интересовался нашим путешествием, подробно расспрашивал о Куку-норе, об Амдо'ском нагорье, о номадах вообще. В связи с этим, я слышал в Лань-чжоу-фу, что китайское правительство стремится осязательнее подчинить своему влиянию Амдо'ское нагорье и с этой целью систематически колонизирует обширный разбойничий край, в то-же самое время всячески препятствуя ввозу в Амдо европейских ружей. По последним сведениям, китайцы уже полностью разработали проэкт об основании одного торгового центра на восточном берегу Куку-нора, и другого — в хорошо знакомом экспедиции княжестве Луцца...

В свое время служивший в Петрограде, в течение трех лет, китайским посланником, Цзун-ду до сих пор еще сохранил некоторую светскую развязность, так что поддерживать с ним разговор не представляло никакого затруднения. Сидя за бокалом

[1]) С пятилетним курсом обучения.

Нэ-тай, губернатор города Лань-чжоу-фу

шампанского, он с удовольствием погружался в воспоминания о Москве, Петрограде, Павловске, Озерках; говоря о Петрограде, он между прочим восхвалял ботанический сад, где ему особенно нравились сингапурские пальмы?.. Далее, он расспрашивал о жизни царской семьи [1]), к которой видимо питал чувства глубокого уважения. Посещая китайского сановника довольно часто, я успел познакомиться со всем его дворцом и обширным садом, украшенным прудами, беседками и цветами. Из семьи Цзун-ду, я видел только старшего сына, молодого человека, отлично владеющего французским языком и с увлечением занимающегося фотографией. К сожалению, юноша не зарекомендовал себя хорошим фотографом, а потому, когда вице-король выразил желание сняться со мною, нам пришлось прибегнуть к услугам экспедиционного аппарата...

Закончив необходимые визиты, мы занялись неотложными делами: надо было позаботиться об исполнении всех поручений Далай-ламы и как можно скорее сообщить ему те сведения о Пекине, которые мне удалось добыть по телеграфу... Кроме того, пришлось обстоятельно снарядить посланного в Вэй-юань-сянь, к капитану Напалкову с наказом передать топографу экспедиции помимо денежного подкрепления еще предложение возможно полнее исследовать южную Гань-су и проложив маршрут в наименее изученной части страны до Алаша, встретиться там со всем караваном, примерно в начале июня месяца.

Интенсивные занятия на биваке часто прерывались приходом торговцев, предлагавших всевозможные редкости старинного китайского искусства и визитами разных посетителей. Из сановников у нас побывал лишь один губернатор Нэ-тай, а вице-король, со своей многочисленной свитой, медленно проследовал мимо лагеря и, поздоровавшись с выстроенным по этому случаю экспедиционным отрядом, оставил мне свою визитную карточку.

Среди прочих гостей, часто заглядывавших в наш уголок необходимо отметить моего старого гуй-дуйского приятеля тинь-гуаня, который случайно также оказался в Лань-чжоу-фу и на радостях первой встречи угостил нас прекрасным обедом,

---

[1]) Цзунду показал мне даже семейную группу Александра III, которую он с'умел сохранить в наилучшем виде.

а затем сопровождал путешественников при осмотре города и его окрестностей.

На берегу Желтой реки, так же как и на ближайшем озерке, останавливались во множестве пролетные пернатые, давшие интересный материал для наблюдения. К 22 марта прилетели уже такие нежные формы птичек, кек белые и желтые плиски (Motacilla alba baicalensis, M. leucopsis et Budytes citreola), чеккан (Saxicola pleschanka) и городская и горная ласточки (Hirundo rustica gutturalis et Biblis rupestris), изредка подававшие свой веселый светлый голосок. Весна надвигалась быстро; на солнечном пригреве ползали жуки, летали бабочки и мухи и даже показались проворные ящерицы. Местами травка сильно зазеленела...

Изображение Лю Хара, одного из богов богатства, сидящего верхом на трехногой жабе [2]).

Наметив выступление каравана из Ланьчжоу-фу на день «Благовещения», мы уже заранее стали готовиться в путь. Надо было подготовить верблюдов [1]), на сколько возможно пополнить этнографический отдел экспедиционных коллекций, и закончить подробный осмотр города.

Двадцать третьего марта на бивак явился тинь-гуань, чтобы пожелать нам счастливой дороги и поднести мне на память пару старинных интересных ваз. Кроме этого прекрасного подарка, я получил еще довольно приятный сюрприз и от Цзун-ду, приславшего путешественникам десять бутылок хорошего вина.

---

[1]) На счастье, здесь, подвернулся нам обстоятельный алашань'ский подводчик — монгол с хорошими, сытыми верблюдами.

[2]) О Лю Хара см. подробно в статье В. М. Алексеева, «Безсмертные двойники и даосъ с золотою жабой в свитѣ бога богатства». Изслѣдованіе въ области китайскаго фольклора, с приложениемъ 12 таблицъ. (Сб. Муз. Антр. и Этн. I, 1918. Стр. 253 — 318).

Набережная Хуан-хэ и северная стена города Лань-чжоу-фу

Гигантское колесо-водочерпалка, снабжающая город водою

На следующий день, воспользовавшись благоприятной ясной погодой, я отправился вместе с тинь-гуанем в ближайший пригород — храм У-чуань-шань, расположенный в южных горах... Монастырские постройки лепятся по крутым лёссово-конгломератовым скалам, в которых берет начало родничек с кристаллически-прозрачной водою. Храмы обставлены хорошо, обыкновенных небольших бурханов всюду порядочное количество, а из крупных изображений замечательна одна колоссальная фигура лежащего на правом боку Будды. Но что привлекательнее всего в У-чуань-шан'е,—это прекрасная панорама, открывающаяся с высоты на Желтую реку, крепостные цитадели и весь кишащий жизнью китайский город. По словам нашего приятеля, весною, сюда ежедневно экскурсируют досужие богатые сыны Небесной империи и часами любуются своим родным Лань-чжоу-фу.

В день «Благовещения» лагерь экспедиции пробудился очень рано. С восходом солнца явился уже и перевозчик с арбами, для переправы багажа на левый берег Хуан-хэ... Здесь после чая и легкого завтрака, мы завьючили верблюдов, и стройный караван длинной нитью тронулся к далекому, родному северу. Мы взяли направление на Пинь-фань, вдоль лёссовых, серых холмов [1]), временами возвышавшихся справа и слева, точно мрачные безжизненные стены какой то одной безконечной траншеи. Тонкая пыль и крайняя сухость воздуха делали переходы в жаркие дни очень тягостными. Зато по ночам спать было прекрасно, так как t° нередко понижалась до $\pm 0°$. Довольно частые встречи с туземными караванами [2]), служили путешественникам некоторым развлечением, среди всеобщей удручающей мертвенности, а начавшиеся сборы пресмыкающихся [остроголовые ящерицы], насекомых — жуки, мухи и первые скромные бабочки-белянки — и птиц занимало всё свободное время. Чекканы и полевой, и хохлатый жаворонки уже приступили к любовной игре, и в воздухе звонко разносились их оригинальные весенние песни. Красноклювые клушицы и вьюрки (Carpodacus stoliczkae) держались пока еще целыми обществами, но проявляли некоторое волнение и особенную жизнерадостность. Сычики разбились на пары и видимо готовились к периоду гнездения, и только один красавец краснокрылый стенолаз

[1]) Под лёссом, кое-где, залегали конгломераты.

[2]) С транспортами риса из Нин-ся и соли из урочища Я-ту.

попрежнему встречался в одиночку, ничем не выражая своего весеннего настроения.

По мере удаления от Желтой реки недостаток в хорошей питьевой воде чувствовался все острее [1]). К востоку от Пиньфань'ской дороги, в долине Питай-гоу, сравнительно густо заселенной земледельцами, население добывало живительную влагу из колодцев, глубиною от двенадцати до пятнадцати сажень; но зато и мощность водоносного горизонта иногда достигала — колодезь Да-хулун — семи-десяти футов. Всюду наблюдалась в большей или меньшей степени борьба человека с природою. В этом смысле китайцы достигли большой виртуозности. Этот народ не отступает ни перед какими трудностями, и энергично проводит самые тяжелые, Сизифовы работы; так например, вблизи селения Да-хулун, люди извлекают из земных недр подходящую для себя почву и перенося ее на плечах, в особых корзинах, устилают этим плодородным слоем, глубиною в три-четыре вершка, огромнейшие поля. Не смотря, однако, на все старания, земля далеко не всегда вознаграждает местных китайцев; об этом свидетельствуют многочисленные покинутые деревни, обвалившиеся колодцы и заброшенные пашни, подавляющие путешественника своею тишиною смерти...

Между тем, широкая густо-населенная низина, покрытая серым мелкосопочником, вскоре сменилась более пересеченной, но столь же печальной местностью. Попрежнему, кругом, царило полное молчание, лишь кое-где по скалам мелькали быстрые, проворные чекканы: Saxicola pleschanka, S. deserti atrigularis, S. isabellina, а по скудным пастбищам — изредка пестрели стада баранов. У колодцев, служивших сборным пунктом всех окрестных обитателей, мы наблюдали: завирушек, светло-розовых монгольских вьюрков, каменных воробьев и горных голубей.

Отдаленный северо-восток, куда медленно подтягивался караван, был заполнен горными кряжами [2]), слагавшимися из сланцев и красных или серых песчаников. К северо-сев. западу темнели внушительные формы хребта Шуло-шан'я, на юго-западе намечались контуры снеговых вершин общей горной группы,

---

[1]) Даже китайские названия урочищ свидетельствуют о плохом качестве воды: так например, место нашего первого, после Лань-чжоу-фу, ночлега называлось «Фый-бу-хэ», то-есть «Не пей воды» — (так она скверна).

[2]) Имевшими поперечное залегание.

сопровождающей течение Желтой реки справа, а прямо на севере, за бесконечными волнами второстепенных гор, открывалась пустыня, задернутая пыльной дымкой.

Массив Шуло-шань состоит из нескольких самостоятельных гряд, лежащих в северо-западном — юго-восточном направлении, сливающихся на юге в одну цепь, густо поросшую на северном склоне еловым лесом и кустарниками, где находят приют олени и кабарга. В ущельях, вблизи ключевых источников, ютятся китайцы-скотоводы; тут же по соседству рудокопы занимаются добыванием меди[1]), а несколько далее, в предгорьях, разрабатывается и каменный уголь.

Двадцать девятого марта, на уединенном пустынном биваке, у захудалого крепостного глинобитного селения Ин-выйсянь, с особенным чувством тихой торжественности, экспедиция встретила праздник Святой пасхи. Путешественники проснулись на рассвете и, сердечно поздравив друг друга, стали вспоминать родину и всех далеких любимых людей... Как радостна, как красива ночь под светлое Христово воскресение там на родном северо-западе! Как я люблю оживление многолюдного города, веселый звон колоколов и запах куличей, знакомый с детства... Скоро ли окончится странствование? думалось каждому из нас. Год тому назад, в этот день, мы направлялись в Алашà с севера, а впереди лежало неведомое будущее... Теперь же усталый, много испытавший отряд снова приближался к своей монгольской базе с юга, после года испытаний в дебрях Азии. «Не много прожито — но много пережито» всеми за это время... Угостившись экспедиционными усладами — сардинами, кофе с печеньем Эйнема и даже шампанским, полученным от Цзун-ду, я порадовал отряд традиционной чаркой водки и скромным подарком: каждый из моих младших спутников получил по массивному серебряному денежному знаку.

Утро мелькнуло незаметно, и в полдень наши верблюды попрежнему неутомимо шагали в северо-восточном направлении. Монгол-подводчик Дэлгэр, с сыном Дайчжи, действовали прекрасно, и мы не могли нахвалиться выносливости и бодрости неизменных «кораблей пустыни». Вновь перед глазами потянулись мелкие каменистые гряды, убранные хармыком, долины,

[1]) Добыванием меди руководит немецкий инженер — строитель Лань-чжоу-фу'ского моста, имеющий в своем распоряжении до тридцати рабочих.

покрытые в верхних частях полынкой, а в нижних — разноцветными ирисами... Глаз присмотрелся к окружающему и жаждал новых впечатлений. Каждый родник, оживленный свежей мелкой растительностью, иногда деревьями, преимущественно вязами, а иногда просто густым высоким дэрэсун'ом, приветствовался большою радостью.

Каменисто-песчаное русло высохшей речки привело нас к населенным пунктам — китайской деревне Ца-цзи-шуй и еще ниже — маленькому городку Суань-хоу-пу. Питавшийся арычною водою городок имел традиционную башню, а его порядочные домики, числом сто семьдесят, и лавки свидетельствовали о достаточной зажиточности населения. Тщательно возделанные пашни зеленели изумрудными всходами, а за ними, на севере, до самых гор, расстилалась долина Цхо-вэ-тан, питавшая многочисленные стада домашних верблюдов и крайне доверчивых, смирных антилоп хара-сульт (Gazella subgutturosa). Кое-где попадались монгольские вьюрки, каменные или горные голуби и оригинальные больдуруки, стайками прилетавшие из песков Тэнгэри полакомиться сульхиром (Agriophyllum gobicum).

С напряжением осилив долину Цхо-вэ-тан, караван поднялся на поперечный кряж Гэ-да-шань и взглянул уже в Монголию. Граница внутреннего Китая отмечена здесь Великой стеной, от которой сейчас виден только размытый глинистый вал и несколько башен в пять и более сажен высотою. Еще через несколько верст, вблизи разветвления дорог, — влево на Цаган-булак и вправо на Нин-ся, показался обелиск с китайской и манчжурской надписями, гласившими, что путник отнюдь вступает на территорию Алашаньской земли.

Чем дальше на север тем площе, ровнее становился рельеф местности; травянистый покров бударганы, дэрэсуна и более нежных цветущих форм — сиреневого касатика, белого астрагала и желтой караганы вдали уже пестрел островками желтых песков. Под ногами шныряли ящерицы, ползали жуки и изредка полосатые змеи. Ночью, повсюду резвились проворные тушканчики. Вблизи дороги то и дело поднимались больдуруки, для которых наступило время гнездения. Действительно, мы наблюдали этих птиц, гнездящихся в большом количестве у самой дороги; они были заняты откладкой яиц, которые помещались прямо на земле в ямке, даже не всегда выстланной стебель-

ками; яйца одной пары лежали иногда всего в двух-трех саженях от яиц другой пары. Яиц в гнездах было от одного до трех, в последнем случае уже немного насиженных; с пятого апреля все гнезда уже содержали по три яйца, то-есть полную кладку. Самки сидели на яйцах очень крепко и покидали гнезда лишь в крайности, убегая и прижимаясь к земле, самцы же срывались обычным порядком, с криком; самки отвлекали внимание собаки от гнезда точь-в-точь, как это делают тетерки.

Редкие монгольские стойбища и разбросанные там и сям плохенькие фанзы китайцев, занимающихся в юго-восточной Монголии скотоводством (бараны и верблюды) и извозом, вносили мало оживления. Зато на самом пути довольно часто встречались небольшие партии паломников, медленно пробиравшихся на поклонение святыням, с трудом волоча на себе весь свой скарб. Этот трудный подвиг доступен лишь здоровым и сильным людям, тогда как слабейшие нередко погибают от жажды и истощения, не достигнув заветной цели. Одну из таких жертв молитвенного долга — несчастного ламу — члены экспедиции видели уже бездыханным трупом на самом краю дороги.

На этот раз, экспедиция следовала восточной уже знакомой окраиной песков Тэнгэри и, с помощью крепких верблюдов, осилила ее в семь переходов. Второго апреля, с раннего утра, путешественники вышли из области травянистых степей и окунулись в настоящую пустыню. Легкие облачка, постоянно набегавшие на солнце, и порывистый ветер освежали атмосферу, не давая ей раскаляться. Бесконечное серо-желтое море, простиравшееся к северу и западу, волновалось округлыми, барханными возвышениями. На гладкой, точно утрамбованной поверхности земли, ясно выступали караванные пути, пешеходные тропы, взбегавшие к барханам, увенчанным обо, и даже микроскопические дорожки, проложенные жуками и ящерицами; эти мелкие едва заметные черточки составляли причудливые узоры и заканчивались обыкновенно у круглых отверстий, куда то и дело исчезали бойкие широкоголовые ящерицы...

К вечеру, утомленный однообразием взгляд с радостью остановился на травянистой болотистой полосе, залегающей у колодца Хоир-худук; значительно позеленевший дэрэсун приютил здесь серых журавлей, турпанов и серых гусей; саксауль-

ные сойки перелетали с одного холма на другой; в отдалении звонко разговаривали кулики, кричали чибисы, медленно взмахивая крыльями парили чайки, а там — над окраиной песков, быстро направлялся к западу табун дроф. По мере сгущения сумерек, погода заметно портилась, и около полуночи разразилась сильная северо-западная буря; под напором ветра палатка стонала, полотно трепетало и рвалось прочь от земли, а спящих внутри палатки обдавало тонкой пылью, стеснявшей дыханье...

От колодца Хоир-худук до озерка Ширик-долон тянутся пространства, занятые песчаниками, глинами и более твердыми красноватыми или темными породами [1]), где пески нередко сменяются хорошими кормами, создавая более или менее отрадную картину [2]). Вообще я должен сказать, что пустыня Гоби ранней весной вовсе не так мертва, как это принято думать; водоносный горизонт в этой части Центральной Азии находится сравнительно неглубоко и в более низких местах прикрыт песчано-глинистыми пластами от четырех-пяти до десяти-двенадцати футов толщиною. Правда, в большинстве случаев вода не совсем пресная, а солоноватая или известковистая. Самая разнообразная пустынная растительность служит пищей не только верблюдам, но и лошадям и даже баранам, так что монгольское население, в ближайшем соседстве с алашаньскими песками, может существовать вполне безбедно и не в праве жаловаться на судьбу; лишь в редкие, исключительно-засушливые годы жизнь обитателей пустынных мест становится действительно незавидной.

На семи озерках «Ширик-долон» путешественники нашли «гостей», прибывших ранее экспедиционного каравана. Здесь держались серые гуси, кряковые утки, утки-чирки, целое общество пеганок и несколько пар беспокойных турпанов. По сырым зеленым берегам, у самой воды, бегали и резвились кулички-песочники, улит черныш и серые и желтые плиски, а несколько в стороне — скромные шеврицы. В прилежащих буграх, среди кустов, скрывались саксаульные сойки, а поодаль неслышным полетом спешил куда-то седой лунь...

---

[1]) Крупнозернистыми или мелкозернистыми песчаниками, иногда переходящими в конгломерат.

[2]) На этом пространстве насчитывается три поперечных дороги, идущие к Желтой реке.

После небольшого отдыха у отрадной зелени озерок, особенно грустной показалась всем нам необходимость вновь погрузиться в область сыпучих песков. Крепкий ветер за ночь успел замести все следы караванной дороги, и четвертого апреля, в течение целого дня, верблюдам пришлось итти ощупью, держась вдоль барханов меридианального направления. Люди с напряжением всматривались в окружающее, следя за очертаниями малейших возвышений и каменисто-дресвяных

Дын-юань-ин. Южные ворота крепости и восточная часть базара.

выемок. Наконец, на северо-восточном горизонте ясно обозначились контуры седлообразной вершины Лоцзы-шань, у колодца Шангын-далай, а в ближайшей низине мелькнуло отрадное белое пятнышко монастыря Цокто-курэ. По соседству с обителью, устроился китайский торговый дом, куда мы тотчас же и направились в надежде найти кое-какие предметы первой необходимости; к сожалению, в магазине не оказалось ничего подходящего, и члены экспедиции ограничились приобретением откормленного барана, которым и полакомились с особенным удовольствием, так как от самого Лань-чжоу-фу приходилось питаться неважным консервированным мясом.

Поздним вечером я вышел из палатки и долго любовался строгим профилем хребта Ала-шаня, говорившего о скором воз-

вращении экспедиции на давно покинутый ею склад и метеорологическую станцию... Кругом было тихо, только откуда-то из темноты доносился лай монгольских собак и своеобразный свист кроншнепа, пролетевшего несколько раз над спящим биваком.

Держась преимущественно северо-восточного направления, караван продолжал ежедневно покрывать от тридцати до пятидесяти верст и успешно оставлял за собою бесконечные песчаные барханы, лога и долины. Наконец седьмого апреля, отдохнув в урочище Тембу, мы вступили в кормную равнину, орошаемую в летнее время водою ущелья Барун-хит, и вскоре увидели приветливый зеленый оазис. Дорога оживилась; по сторонам появились китайские и монгольские постройки оседлых жителей, всходы полей и берега ручьев отливали изумрудом; по лугам паслись стада баранов и табуны лошадей, — во всем чувствовалась близость культуры...

Спускаясь с последней перед Дын-юань-ин'ом высоты, мы встретились с европейцами — супругами Магнусен, следовавшими в Пинь-фань, для совета с лучшими врачами. Еще полчаса и путешественники радостно приветствовали своих товарищей на складе, сумевших не только сохранить в образцовом виде всё экспедиционное имущество, но и с пользою провести время долгого одиночества: ответственный наблюдатель метеорологической станции гренадер Давыденков вполне оправдал доверие, и прекрасно выполнил возложенное на него поручение, за что тут же был произведен мною в старшие унтер-офицеры [1]).

[1]) Тем же приказом по экспедиции от седьмого апреля, я произвел в младшие урядники казака-забайкальца Бабасана Содбоева, обоих со старшинством с тринадцатого января сего 1909 года, т. е. со дня навсегда памятного участникам экспедиции.

Глава XXIV.

ЧЕРЕЗ АЛАШÀ В ХАРА-ХОТО.

(Окончание).

Пребывание в Дын-юань-ине: занятия участников экспедиции; приготовление к новому пустынному переходу и работам в Хара-хото; погода в Дын-юань-ине; отсутствие двора цин-вана; новый знакомый лама Далай-Цорчжи и сыновья покойного князя Сан-е. — Соловьи красношейки. — Часть каравана на Ургу, и мой раз'езд в Хара-хото. — Сценка у отрадного колодца. — Монастырь Шарцзан-сумэ. — Лама Иши. — Богатая долина Гойцзо. — Приход в Мертвый город. — Новый род и вид тушканчика Salpingotus kozlovi Vinogr.

Итак, после долгого отсутствия, из Алашà после целого ряда невзгод и лишений, экспедиция вновь прибыла в Дын-юань-ин, и попрежнему удобно расположилась под гостеприимным кровом соотечественников.

Дни побежали незаметно; я занялся снаряжением тяжелого каравана, предназначенного для прямого путешествия в Ургу и легкого раз'езда, который должен был докончить исследование развалин Хара-хото. Снова пошла переукладка и пересортировка естественно-исторических и других сборов, при чем больше всего хлопот причинили, как всегда, спиртовые коллекции... Мои спутники приготовляли сухари, сушеное мясо, а также посуду — «ланхоны» — для перевозки воды — всё необходимые принадлежности предстоящего трудного похода к Мертвому городу... Можно было сказать наперед, что пустыня неприветливо примет нас и истомит своим сухим горячим дыханием усталых странников. Но перспективы тяжелого труда в

раскаленных песках никого не страшили. Сознание важности совершаемого святого дела науки, и мысль о скором возвращении на родину, — придавали новые силы и энергию.

Очень часто в ненастную погоду, с утра и до поздних часов, я просиживал над писанием деловых писем и составлением отчетов о содеянном... В виде маленького отдыха в таких случаях мне всегда служило занятие фотографией: ланьчжоуские снимки — портреты Цзун-ду, Нэ-тая, которые следовало выслать в Лань-чжоу-фу и многочисленные виды, а также новые работы,

Базарная улица в Дын-юань-ине и площадь перед домом, в котором проживала экспедиция.

как, например, оригинальное изображение барун-сунитской монголки, в национальном костюме — удались прекрасно, и проявление этих пластинок доставляло одно только удовольствие.

Лишь изредка, небольшими урывками, удавалось мне за кончив текущие дела вырваться на свободу и понаблюдать за постепенным развитием алашаньской природы; сады были в цвету, сирень уже распустилась, и ласточки веселыми стайками показывались всё чаще и чаще. Южный ветер заметно повышал t°, тогда как северный нередко превращался в настоящую бурю и приносил обильные осадки; вместо прелестного синего неба даль окутывалась тогда каким-то грязно-желтым мрачным саваном, и ночной minimum сплошь и рядом доходил до ±0°.

В горах весна началась заметно позднее; девятого апреля, сирень всё еще не распускалась, тогда как в оазисе она уже успела поблекнуть. По утрам ручьи покрывались тонкой пленкой льда, исчезавшей только после полудня, а самые склоны хребта Ала-шаня хотя и приобрели темную, зеленовато-фиолетовую окраску, но временами тоже белели свежим снегом.

Препараторы не забывали своего дела и довольно много экскурсировали. Орнитологическая коллекция обогатилась интерес-

Уголок, прилежащий к дворцу алаша-цин-вана.

ными экземплярами: дрозда (Oreocichla varia), мухоловки и вальдшнепа, а в маммалогическую — поступило два куку-ямана; аргали держатся в северной части гор Алаша и так легко не даются; мы слышали, что для охоты на этих красивых животных, местные стрелки собираются обществом и, в случае удачи, дают возможность алаша-вану отвезти добычу в Пекин, китайским князьям, ввиде наилучшего подарка.

Ясные, тихие вечера я целиком проводил за астрономическими наблюдениями, проверяя определение географических координат и время. При этих занятиях нередко присутствовал мой приятель — весьма любознательный и просвещенный лама Далай-Цорчжи-гэгэн из монастыря Далай-Цорчжи сумэ, Барун-

сунитов[1]). Он очень интересовался астрономическими инструментами и любил рассматривать в трубу Луну и Юпитер. От Далай-Цорчжи я узнал много любопытных подробностей, касающихся жизни моих друзей — семьи Чжюн-ван'а и Шакдургуна, с которыми я познакомился в Урге, во время пребывания там Далай-ламы, и воспользовавшись случаем передал им мой привет, в сопровождении традиционных голубых хадаков. Из прочих алашаньских знакомых я обменялся визитами лишь с симпатичными сыновьями покойного брата цин-вана — Сан-е. Молодые люди принимали меня в парадном помещении, обставленном очень уютно на китайский лад, угощали чаем, сластями и занимали приятным разговором, вспоминая великого Пржевальского, который до сих пор живет в их воображении в образе русского богатыря. Сад при доме князей, как всегда, поражал своим художественным планом, количеством цветов и цветущих кустарников. Здесь росли яблони, груши, персики, грецкий орех, сирень, характерно вьющийся Salix и еще некоторые формы древесной и кустарниковой растительности [2]).

Нинся'ский шерстяной коврик.

Гуляя в свободное от занятий время по городу, ставшему в отсутствии княжеского двора гораздо тише и спокойнее, я любил заходить в китайские магазины старинных вещей, где нередко находил любопытные образцы обихода, одежды и оригинального искусства. Лично для себя мы приобрели несколько, так называемых нинся'ских ковров, известных своею мягкостью, своеобразным сочетанием красок и красивым рисунком.

В китайских магазинах вы можете очень часто наблюдать певчих птичек: жаворонков и соловьев-красношеек (Calliope tschebajewi), пением которых наслаждаются не только хозяева, но и посетители или прохожие. За красоту и за пение в особенности ценятся соловьи, которых китайцы держат по одному, по два и более. Днем, каждую птичку держат на деревянной рамочке, подвешенной к крыше или к стене дома, в тени. К

[1]) Этот монастырь находится в пятнадцати больших переходах от Урги на юго-восток.

[2]) О садовой растительности оазиса Дын-юань-ина см. выше — глава VII, стр. 163.

этой рамке птичка прикреплена за низ шейки тесемкой в пол-аршина длиною; иногда птичка улетает с тесемкой, но китаец искуссно излавливает ее, подставляя рамочку на протянутой руке. На ночь птичек помещают в большой просторный ящик, закрытый сверху решеткой; в нем, имеются удобные приспособления для сиденья и установки кормушек. Китайцы чистят, холят и кормят своих любимцев, а по утрам и вечерам выходят с ними в поле, на гору или в сад и поместив птичек «на открытый воздух», любуются ими по часу и более, не сводя с них глаз. Они очень любят, если зрители хвалят их птичек.

В конце концов Дын-юань-ин начал все-таки порядочно надоедать путешественникам; желание тронуться по направлению

Угловая башня и восточные ворота крепости Алашà.

к пустыне росло с каждым днем. Закончив все приготовления по снаряжению каравана, мы теперь поджидали только капитана Напалкова, который письмом известил нас о том, что ввиду своего переутомления, как в физическом, так и нравственном отношении, он торопится в Алашà и далее в Ургу...

Тридцатого апреля, мой старший помощник наконец соединился с экспедицией. Выслушав доклад топографа, я оставил на его попечение главные коллекции, а сам, налегке в сопровождении нескольких сотрудников, выступил к заветному Хара-хото.

Четвертого мая мои верблюды, числом двадцать один, выстроились стройной вереницей, и медленно, но упорно и не-

утомимо закачались по серо-желтой, песчано-каменистой дороге. Слева, на западе, на сколько хватал глаз, простиралась холмистая пустыня, одетая золотисто-зеленым покровом прошлогодних трав, на севере еле намечались вершины Баин-ула, а на востоке островки деревьев, сплетаясь своими густыми вершинами, составляли свежие, яркие живописные группы... Хребет Ала-шань постепенно терялся из виду. Первый ночлег на берегу ручейка Курэтэ, под сенью стройных ивовых деревьев, казался путникам особенно отрадным, после опротивевшего всем людного пыльного Дын-юань-ина. Здесь нас окружали одни лишь молчаливые песчаные холмы, по которым пугливо перебегали зайцы и песчанки; среди зарослей дэрэсуна паслись осторожные хара-сульты и скрывались дрофы да больдуруки, а на водопой слетались соловьи-красношейки, варакушки, белые или серые плиски и чекканы. На солнечном пригреве, в самых открытых незащищенных местах, нежились серые тонкие змеи, и черные узко-длинные мухи, с белым пятном на лбу. Всё это население, часто довольно обильное, не мешало общему, окружавшему нас покою. Наоборот, оно только дополняло пустынный пейзаж, лаская глаз своими типичными формами.

Южная часть Гоби, от Алашà до долины Гойцзо не имеет того удручающе-монотонного характера, каковой принято приписывать всем пустыням.

Равнина, отличающаяся то песчано-глинистой, то солонцеватой или хрящеватой почвой, пересечена мягкими складками и образует местами широкие понижения [1]), принимающие в себя боковые долины, — высохшие русла речек, усыпанные по дну дресвою из красного гранита и украшенные по берегам стройными линиями ильмовых деревьев [2]), дэрэсуном, хармыком и другими травянистыми и полу-кустарниковыми растениями.

Залегающие в поперечном западно-восточном направлении горные гряды: Баин-ула, Дурубульчжин, Хара-ула, хотя и безжизненны и бескормны, всё же вносят приятное разнообразие в общую печальную картину.

Абсолютная высота пустыни колеблется от $3^1/_2$ — 4.000 футов, при чем наивысшие точки горных массивов поднимаются

[1]) В роде котловины Шара-бурду.

[2]) Например, долина Сумын-гол и — Улан-мотэн-гол.

до 5.470 футов, а котловины с солончаковыми болотами опускаются до 2.700—3.000 футов.

Особенной отрадой, особенным приветом веет в области южно-гобийских песков от мелких ручьев и колодцев, встречающихся приблизительно через каждые десять-пятнадцать верст, а иногда и чаще и видные издалека благодаря островкам яркой зелени. Собирая вокруг себя всё живое, вода дает возможность существовать и редким жителям — монголам и китайцам, ютящимся в глинобитных лачугах, юртах и палатках [1]). Сидя иной раз в таком оазисе, под тенью высоких тополей, и слушая шелест густой листвы, невольно закрываеш глаза и уносишься мыслью далеко, в родные северные леса... А между тем, с приходом каравана всё кругом оживает. Туземки, чаще обыкновенного приходят поить скот [2]) и подолгу наблюдают за нами. Там и сям слышатся веселые голоса, смех, а порою и сдержанный шопот.

Вот подходит к биваку молоденькая, пятнадцати-летняя, здоровая, румяная девушка, с удивительно высокой изящной талией. Она боязливо озирается на иностранцев, в особенности на экспедиционную собаку, стремящуюся к колодцу утолить жажду. Живые, быстрые, черные глаза пустынницы горят любопытством. Она то устремляет искрящийся взгляд куда-то в даль, то снова и снова скользит испытующим взором по новым неведомым ей предметам, по чуждым странным европейским лицам... Дикарка напрасно ищет ответов на многие вопросы, заполняющие ее сознание, ограниченное лишь узким кругозором...

Не изменяя раз избранному северо-северо-западному направлению, караван то вступал на путь знакомый нам еще со времени Монголо-Камского путешествия, то плелся по тропе, видевшей экспедицию год тому назад, в ее бодром стремлении к югу.

От известного колодца Дурбун-мото путешественники пошли напрямик к кумирне Шарцзан-сумэ, оставив в стороне все прежние маршруты, и следуя на пересечение песков Ямалык. Галечные высоты чередовались с песчаными низинами, где

---

[1]) В Монголии, китайцы занимаются почти исключительно торговлей и пользуются всяким удобным случаем, чтобы расставить свои хитрые сети простодушным номадам и нажиться наилучшим образом путем спекуляции.

[2]) Преимущественно верблюдов и баранов, бродящих целыми днями по скудным пастбищам.

барханы, высотою иногда от тридцати до сорока футов, длинными зигзагами тянулись с севера на юг и с запада на восток, сплетаясь в причудливые, сложные построения.

Монастырь Шарцзан-сумэ виден издалека, так как его свежие чисто-белые постройки блестят на солнце ярким пятном. Отшельники-буддисты избрали для своей обители очень укромный симпатичный уголок, среди горных складок, в прохладе, вблизи прекрасного колодца чистой, пресной воды. Основанный около ста лет тому назад богатым алашаньским монголом, монастырь был вскоре передан в ведение Барунхит'ского гэгэн'а и с этого времени стал расширяться, счастливо пережив дунганское восстание, которое его почти не коснулось. Сейчас, по

Монастырь Шарцзан-сумэ.

спискам в нем числится до ста человек лам [1]), подвизающихся в молитве в трех просторных храмах.

Повернув по буддийскому обычаю большое хурдэ, стоявшее у входа в монастырский двор, мы вошли в ворота и увидели все три храма, выстроенные в ряд, с двумя субурганами по флангам. В главном храме как раз шло богослужение, совершавшееся молодыми ламами, в количестве семидесяти-восьмидесяти человек, во главе с настоятелем — гэскун'ом. На престоле, так же, как и в витринах, по бокам красовались богатые золоченые бурханы, а на стенах пестрели всевозможные писанные изображения, преимущественно Будды и бодисатв.

Приятно проведя самое жаркое время дня в прохладе буддийского монастыря, мы снова выступили в томительный путь.

[1]) Во время весеннего и зимнего хуралов бывает и до двухсот человек.

Прилежащие к Шарцзан-сумэ с севера горы вздымались крутым валом и состояли из полуразрушенного, выветрелого розового гранита, прорезанного жилами глинистого сланца. Каменистый грунт особенно тяжело отзывался на мягких лапах верблюдов, причиняя им немало страданий и заставляя всех нас желать возможно скорейшего переснаряжения каравана.

В обширной долине Шарцзан-ара, граничащей с севера темно-синим массивом Арыкшан, у колодца Цзагин худук, раскинулась богатая ставка, известная всему Алашà, ламы Иши. Пользуясь дружеским расположением одинокого и весьма симпатичного азиатского креза, я именно у него и предполагал произвести смену усталых животных и проводников. Согласно нашим ожиданиям, Иши с величайшею готовностью откликнулся на нужды экспедиции и взялся доставить ее в Ургу, через Хара-хото. Приветливый лама принял путешественников в своей роскошной ковровой юрте очень любезно, угостил туземными кушаньями, деликатно осведомился, не нужно ли денег экспедиции и наконец выразил мне свое глубочайшее уважение, сказав, что гордится знакомством с русским географом... Беседуя между прочим о своем детище — гобийском Мертвом городе, я узнал, что в десяти верстах к востоку от его стен имеется хороший колодец; по словам моего приятеля, в этих местах монголам не раз удавалось находить бронзовые, золоченые бурханы и другие ископаемые предметы, а поэтому Иши советовал мне обратить особенное внимание на восточные окрестности Хара-хото.

Лама Иши.

Чем глубже экспедиция проникала в сердце пустыни, тем невыносимее становилась жара. В тени, температура нередко поднималась уже до 34° и 37° С, а поверхность песка на

солнцепеке накалялась и до 61,2° С. Особенно трудно дышалось в котловинах, вблизи солончаковых болот, где всякая вентиляция почти отсутствовала и нагретый, как будто даже, спертый воздух окончательно высушивал в организме последнюю влагу. Даже верблюды и те страдали, и широко открывая могучие пасти, ловили малейшее дуновение ветерка. Странно бывало наблюдать, как в этот зной некоторые существа, как, например, ящерицы, змеи, жуки и мухи ни на одну минуту не прекращали своей деятельной жизни и, повидимому, чувствовали себя прекрасно...

Люди же несколько приободрялись только после заката солнца. Ночи в пустыне бывали действительно обаятельные. Свежий прозрачный воздух прохладной струей вливался в усталую грудь; ясное, глубокое небо сияло особенно близкими, особенно яркими звездами, и торжественная чуткая тишина ласкала душу... Сколько раз в пустыне Гоби приходили мне на память грустные и вместе с тем прекрасные строки моего любимого поэта М. Ю. Лермонтова:... «Ночь тиха; пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит. В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сияньи голубом... Отчего же мне так больно и так трудно»...

Во время длительных, тридцати и более верстных переходов, истомленные ненасытной жаждой, многие из нас находили единственное утешение в тщательном рассматривании горизонта с помощью бинокля.

Среди беспредельного желтого моря, каждый островок зелени вызывал у всех живейшую радость, хотя нередко неприветливые растения и даже кое-какие птички — желтые плиски, стрижи — окружали горько-соленые бассейны воды или болота, — Шара-хулусун, — и тогда вместо отдыха нас ожидало разочарование... Зато как мы стали неприхотливы!

Шестнадцатого мая, вступив в котловину Гойцзо и увидев обширные заросли тихо шелестевшего камыша, среди которого блестели полоски прозрачной родниковой воды, нам показалось, что лучше этого человек ничего не может пожелать. Жадно вдыхали путники особенный сочный и свежий запах влажной растительности, жадно ловили приятные звуки птичьих голосов, долетавших из густых зарослей. Энергичнее других ликовала камышевка (Acrocephalus arundinaceus orientalis), ни на минуту

Долина Гойцзо: привал у священного «обо» и целительного источника

не прекращавшая своей оригинальной скрипучей песни. У окраины озерка, при урочище Зуслэн, благодушествовала семья серых гусей и кое-какие утки. На берегу степенно разгуливали журавли (Anthropoides virgo) и резвились, гоняясь за мошками и быстро кивая головками, зуйки. Турпаны испуганно носились в воздухе, оглашая окрестность громким криком, а выше их, молча и бесшумно, парил камышевый лунь.

Долина Гойцзо самая низкая часть Монголии, отрадный уголок, как бы сдавленный со всех сторон надвигающимися на него песками, всегда наводит на размышление и заставляет задуматься о геологическом прошлом страны. Я лично полагаю, что как Гойцзо, так и продолжение этой котловины к западу — а именно низовье Эцзин-гола, озера Сого-нор и Гашун-нор, представляли из себя еще сравнительно недавно сплошную площадь воды — остаток древнего моря [1])... В настоящее время, под влиянием сильного зноя пустыни, влага этого моря почти вся испарилась, оголив богатое ханхайскими отложениями дно и оставив лишь в непосредственной близости к источникам крохотные бассейны воды.

Население в котловине Гойцзо несколько гуще, нежели в прочих частях Гоби. На каждом переходе мы встречали монгольские стойбища; верблюды, лошади, овцы и даже кое-какой рогатый скот выглядели недурно и кажется вполне довольствовались имеющейся зеленью тростника, тамариска, саксаула, дэрэсуна и редких ильмовых рощ, Бог весть каким образом произроставших на отвратительной, бугристой, солончаковой почве.

Двадцать второго мая, следуя по песчаному плато Куку-илису, то поднимаясь на столовидные возвышения, то опускаясь на дно впадин, мы стали замечать следы древней культуры. По сторонам дороги попадались полуразвалившиеся башни, кое-где намечались осыпавшиеся от времени канавы, когда-то орошавшие хлебные поля. Мы приближались к Хара-хото. Вот и высокая башня Боро-цончжи, а вот на северо-западе, сквозь пыльную дымку, еле проглядывают и серые стены Мертвого города...

---

[1]) «Котловина Гойцзо — это дно, бывшее всего дольше под водами Ханхая», замечает геолог экспедиции.

Утром, 22-го мая 1909 г., в день прихода экспедиции в Хара-хото, в четырех-пяти верстах восточнее развалин этого города, в долине с песчаными буграми, препараторами был пойман очень интересный маленький тушканчик. Прекрасно сохранившийся в крепком спирту, этот «зверек», при исследовании специалистами, оказался новым родом.

ЗАМЕТКА УЧЕНОГО ХРАНИТЕЛЯ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК Б. С. ВИНОГРАДОВА О СВОЕОБРАЗНОМ НОВОМ РОДЕ И ВИДЕ ТУШКАНЧИКА ИЗ ХАРА-ХОТО

(Salpingotus Kozlovi gen. et spec. nov.*).*

«П. К. Козловым был добыт, в окрестностях Хара-хото, чрезвычайно своеобразный тушканчик, оказавшийся принадлежащим к неизвестному до сего времени роду и виду, обладающему совокупностью чрезвычайно оригинальных особенностей организации, которые резко отличают его от всех известных родов группы, позволяя сближать его в некоторых отношениях лишь с родом *Cardiocranius* Sat., описанным К. А. Сатуниным из Нань-Шаня, по экземпляру, добытому одной из предыдущих экспедиций П. К. Козлова. (Ежегод. Зоол. Муз. Росс. Акад. Наук, т. VII, 1902).

род *Salpingotus* gen. nov.

Тип: Взрослый самец, добытый П. К. Козловым 22 мая 1909 года, в окрестностях Хара-хото, Центральная Монголия. Колл. Зоол. Муз. Росс. Акад. Наук № 975—1910 (66).

Диагноз рода: Задняя ступня с тремя пальцами; плюсневые кости (metatarsalia) на всем протяжении несросшиеся. Барабанные камеры (bullae tympani), ввиде двух громадных пузырей, как у *Cardiocranius*. Скуловые дуги в передней половине необычайно расширены, и дают, начиная от середины, длинный, немного изогнутый отросток, направляющийся косо назад и вниз. Скуловые кости своим передним концом не достигают слезной кости (lacrymale).

«Чешуйчатая кость (squamosum) образует длинный и широкий отросток, идущий по краю орбиты вперед, и доходящий до слезной кости. Нижне-глазничное отверстие шире, чем у *Cardiocranius*, но относительно уже, чем у *Dipodipus* и *Jaculus*, добавочный нижнеглазничный канал (canalis infarorbitalis) хорошо

B. S. Vinogradov del.

Salpingotus Kozlovi gen et spec. nov.

Табл. I.

развит. Нёбо необычайно длинное, назади оно имеет лопастевидный выступ, доходящий почти до уровня задних концов крыловидных отростков. Между угловым и сочленовным отростком нижней челюсти имеется добавочный отросток, отходящий наружу, ввиде широкой горизонтальной пластинки, оканчивающейся широким наружным краем. Затылочные мыщелки лежат почти в плоскости основания черепа. Верхние резцы без бороздок, коренных зубов $p\ \frac{1}{0}\ m\ \frac{3}{3}$; жевательные поверхности первого и второго коренного зуба плоски, с 8-образными эмалевыми петлями.

«Уши трубчатые, с почти округлым наружным отверстием ушной раковины. Хвост очень длинный и усажен длинными редкими щетинками, которые к концу становятся длиннее и несколько гуще, образуя однако лишь редкую кисточку на конце. Нижняя сторона пальцев задней ступни усажена по бокам необычайно длинными волосками, правильно изгибающимися по направлению к концам пальцев, и образующими густую щеткообразную подошву.

«*Salpingotus Kozlovi* sp. nov.

«Очень маленький тушканчик с длинным тонким хвостом, превышающим длину тела в $2^1/_2$ раза. Голова несоразмерно с телом очень велика, глаза относительно меньше, чем у представителей других родов. Уши приблизительно в два раза крупнее, чем у *Cardiocranius paradoxus* Sat., но значительно короче, чем у представителей всех других родов. Верхняя часть головы окрашена в песчаный цвет (15″d по таблицам Риджвея), спина окрашена в тот же цвет, но с значительной примесью серого, особенно в задней части. Основания волос на спине почти белые (бледно-желтовато-серые), далее к вершине они постепенно становятся серыми, концы же окрашены в песчаный цвет, упомянутый выше. Серая окраска спины обусловлена тем, что здесь выступает цвет более глубоких частей волос. По бокам окраска становится светлее и переходит в бледно-желтый цвет брюха, соответствующий 19″d Риджвея. Волосы хвоста беловатые, на кисточке они делаются к концам коричневыми.

«*Измерения* (со спиртового экземпляра): голова и тело—51; хвост — 126; ступня — 25,2; ухо (от основания) — 11,8; наружн.

отверстие слуховой раковины — 7,3; кисточка хвоста — 18. Наибольшая длина черепа — 27,4; кондилобозальн. дл. — 22,0; скулов. ширина (сзади) — 13,5. Межглазничное пространство — 5,4; мастодальн. ширина — 17,5, высота мозговой коробки — 7,9; nasalia — 10,8; диастема — 4,8; нижн. челюсть — 12,1; максилярн. ряд зубов — 3,8; мандибулярн. ряд зубов — 3,2.

«*Заметки о положении Salpingotus* в системе *Dipodoidea*. Открытие описанного удивительного животного, сходного в некоторых отношениях с почти столь же своеобразным родом *Cardiocranius*, и более детальное исследование морфологических особенностей последнего представляет значительный интерес в том отношении, что оба упомянутых рода не могут быть отнесены ни к сем. *Zapodidae*, ни к *Dipodidae*. Одни из упомянутых родов (*Cardiocranius*) обладают пятью, совершенно свободными metatarsalia (как это мне удалось установить путем непосредственного исследования), а другой *(Salpingotus)* имеет три несросшиеся метатарзальных кости при редукции двух боковых metatarsalia и пальцев; в этом отношении оба упомянутых рода более приближаются к сем. *Zapodidae*, однако по наружным признакам и многим другим особенностям они стоят ближе к *Dipodidae*. Выяснение более точных взаимоотношений между группами *Dipodidoidea*, в связи с описанной находкой и более детальным исследованием организации *Cardiocranius*, служит предметом моего специального исследования в настоящее время...»

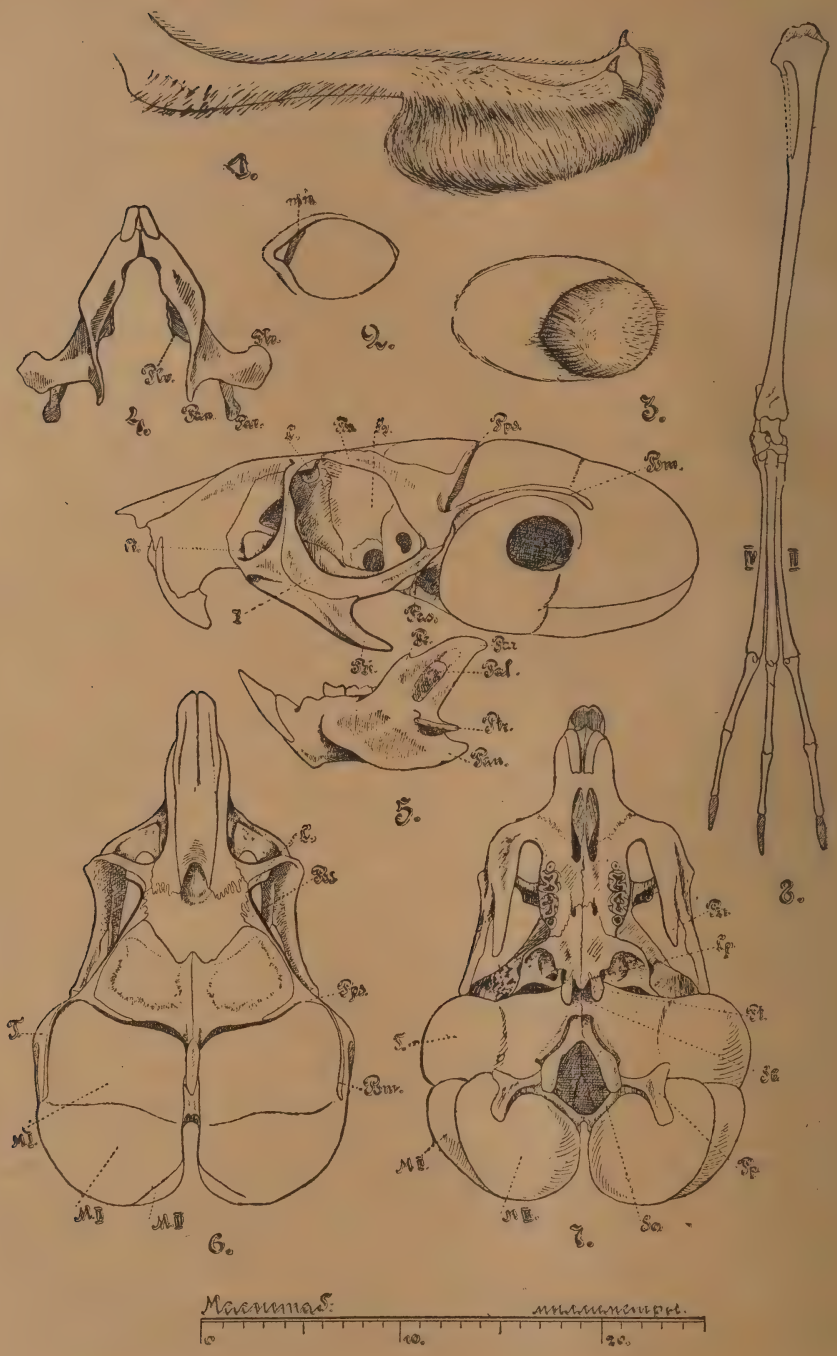
ON A NEW PECULIAR GENUS AND SPECIES OF JUMPING-MICE. FROM KHARA-KHOTO, CENTRAL MONGOLIA.

(*Salpingotus Kozlovi* gen. and spec. nov.).

NOTE OF B. S. VINOGRADOV, CURATOR OF ZOOL. MUS. OF RUS. ACAD. SC.

«Type: An adult male collected by M-r P. K. Kozlov near the ruines of Khara-khoto (Gobi, Centr. Mongolia) May 22-th, 1909.

Essential characters: The hind foot with three not ankylosed metatarsals. Enormous bullae as in *Cardiocranius Sat.* Zygomata unusually broad in their anterior half, a long curved process directs obliquely downwards and backwards, rising from the middle of each zygomatic arch.



B. S. Vinogradov del.

Salpingotus Kozlovi gen. et spec. nov.

Squamosol has a long and broad anterior process, which covers the orbital border of frontal and riches the lacrymal bone. A large horizontal plate rises externally between angular and articular process of mandible. Ear-conch tubular with nearly round external aperture. Tail very long with scattered long hairs, which are only a little longer and thicker to the tip of the tail. The toes covered with unusually long regullarly curved hairs, which form a thick brush».

ОБ'ЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦЕ II-ой:

Фиг. 1. Правая задняя ступня снаружи.

Фиг. 2. Левый глаз (*mn* — рудимент мигательной перепонки).

Фиг. 3. Левое ухо.

Фиг. 4. Нижняя челюсть (снизу) — *Plv* — processus alveolaris mandibulae; Pan-proc. angularis; *Par*-proc. articularis; *Ptr* — processus transversus.

Фиг. 5. Череп сбоку.

Фиг. 6. Череп сверху.

Фиг. 7. Череп снизу.

Ci — canalis infroarbitalis; F_2 — глазничная часть frontale; *L* — lacrymale; *Lp* — лопасть заднего края нёба; M_1 — M_m — части ossis mastoidei; — *Pas* — processus alisphenoideus squamosi; *Pp* — processus paroccipitalis; *Pps* — proc. parietalis squamosi; *Psm* — proc. supramostoideus squamosi; *Pss* — proc. suprafrontalis squamosi; *Pzi* — proc. zygomaticus ossis maxillaris; *So* — supraoccipitale; *T* — tymponicum; *Z* — zygomaticum.

Фиг. 8. Скелет правой задней ступни (II — IV. 2—4-я метатарзальные кости).

Глава XXV.

ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО.

Новое посещение «Мертвого города». — Бивак экспедиции. — Установление сношений с Эцзин-голом, наем рабочих землекопов. — Планомерное ведение раскопок. — Заметки о погоде. — Удручающе-мертвенная обстановка. — Потайное молитвенное помещение. — Открытие «знаменитого» субургана; его ценнейшее содержание: книги, образа, статуи, статуэтки и многое другое. — Дальнейшая участь археологических сокровищ экспедиции. — Этнографический отдел Русского Музея. — Памятники монгольской письменности. — Отрывок персидской рукописи книги «Семи мудрецов». — С. Ф. Ольденбург: «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото».

Весь пустынный путь от Дын-юань-ина до Хара-хото — всего пятьсот пятьдесят верст, экспедиция осилила в девятнадцать дней, нигде не останавливаясь на дневку и нигде не отдыхая.

На этот раз, наш бивак устроился не в центре исторических стен города, как прежде, а несколько ближе к его северо-западному углу, подле развалин большой фанзы. Во время нашего отсутствия, никто моего детища не навещал: развалины были в том же положении, в каком мы их оставили [1]). Нетронутыми оказались и те предметы, извлеченные нами из-под обломков и мусора, которые мы оставили, как лишние.

Рассчитывая провести за раскопками около месяца, я возобновил приятельские отношения с торгоут-бэйлэ, попрежнему жившим на Эцзин-голе, в двадцати с лишком верстах от Хара-

[1]) Необходимо упомянуть, что на стенах Хара-хото до сих пор лежит галька, которою, между прочим, в свое время отбивались осажденные хара-хото'цы.

хото, заручился его содействием по найму рабочих землекопов, а также подрядил торгоутов ежедневно доставлять нам с Эцзин-гола воду и баранов. Повышенная физическая деятельность,

Развалины города Хара-хото (с запада).

увеличение количества ртов в два-три раза требовали того и другого весьма много.

Мертвый город ожил: задвигались люди, застучали инструменты, по воздуху полетела пыль. Ежедневно, в полдень, к нам приходил караван из ослов, с водой и продовольствием с долины Эцзин-гола и привозил нам новости. Порою проведывал

нас кто-либо из чиновников торгоут-бэйлэ'ского управления, чтобы в свою очередь, знать, как поживают на развалинах русские.

Хотелось и о себе дать знать что-нибудь близким и далеким друзьям и общественным учреждениям. Из Хара-хото я решил отправить последнюю большую почту, с отчетом в Географическое общество и частными письмами в Ургу и Россию.

Не только мои спутники, но и туземные рабочие вскоре прониклись интересом к раскопкам. Мы только и говорили, что о Хара-хото: вечером — о том, что найдено в течение истекшего дня, утром — что можем найти. Попрежнему мы просыпались с зарей и в сравнительной прохладе вели свои работы; днем отдыхали, а то и пуще томились от изнурительного жара, так как в тени воздух нагревался до 37° слишком, а земная поверхность накалялась солнцем свыше 60° С.

Особенно страдал от духоты мой и без того слабый здоровьем, фельдфебель Иванов, который после несчастного случая — тяжкого падения с верблюда — чувствовал себя всё время очень неважно и даже внушал серьезные опасения за его жизнь.

Пыль и песок, поднимаемые горячим ветром, положительно изнуряли всех.

За всё, почти месячное, времяпребывание наше на развалинах пустынного города, прошел только один раз сильный дождь, хорошо смочивший землю и встряхнувший застоявшийся воздух оглушительными ударами грома... Маленькие дожди перепадали изредка, им обыкновенно предшествовала северо-западная или юго-западная буря, приносившая вместе с несколькими каплями влаги — желтые облака пыли, из-за которых темно-синие дождевые тучи казались грязно-серого цвета. Приближение такого урагана всегда заметно издали по грозному облаку, несущемуся с далекого горизонта и сокрушающему всё на своем пути. Сначала по пустыне пробегает вихрь, потом мощным порывом ветра срывается с земли верхний слой почвы и начинает кружиться в воздухе. Юрта пригибается к земле, ее решетчатый остов хрустит, словно кости живого существа, а палатка, надувшаяся как парус, стремится улететь в пространство; обычно, собравшиеся на биваке монголы издают

неистовые вопли, теряющиеся в шуме бури, и вцепившись, что называется руками и ногами в полотно своего жилища,

Скрытое или потайное молитвенное помещение в северной стене крепости.

стремятся спасти его от нападения бога-ветра... Это, конечно, удается далеко не всегда.

После такого бурного состояния атмосферы, дали быстро проясняются, t^0 несколько понижается и странники могут спо-

койно заняться уборкой своих помещений. Всюду пыль и песок; ни к чему нельзя притронуться, чтобы не запачкать потрескавшиеся от зноя руки. До того времени, влажная от испарины одежда просыхает и покрывается твердой коркой соли и мелких частиц песка... Чувствуешь себя усталым и разбитым. Серая безжизненная окрестность усиливает неприятное тяжелое впечатление.

Я всегда радовался при появлении на нашем биваке двух черноухих коршунов (Milvus melanotis), подбиравших отбросы. Эти птицы со всеми нами скоро освоились и смело усаживались в нашем близком соседстве, чуть ни выпрашивая подачек. К этому приучили их мои спутники, бросавшие птицам в воздух куски мяса, которые коршуны искусно схватывали. Не любила птиц и постоянно ссорилась с ними наша экспедиционная собака «Лянга»,—неизменная спутница и друг каравана почти всего нашего путешествия. Эти живые существа — птицы и собака — только и оживляли, только и развлекали наше монотонное житье в Хара-хото, в особенности в течение первой недели, когда результат раскопок был только непосредственный при большой затрате физического труда.

Самые раскопки производились по заранее составленному плану: монгольская партия рабочих, под присмотром моего спутника-бурята, систематически исследовала развалины фанз на протяжении немногих улиц Хара-хото, а иногда пыталась рыть глубокие колодцы в указанных мною местах, русская же партия, помимо раскопок внутри города, производила изыскания и вне хара-хото'ских стен, в близком и далеком расстояниях.

Как прежде, так и теперь попадались предметы домашнего обихода, предметы скромной роскоши, культа, а также письмена, бумаги, металлические и бумажные денежные знаки и проч. [1]). Ассигнации мы нашли в развалинах торгового помещения.

Идешь бывало медленно по тихим вымершим улицам, и смотришь в землю, покрытую мелкой галькой, точно узорчатым полом. В глазах пестрит и всё сливается в одну серую массу; поднимешь глаза вверх, окинешь взглядом окрестность

[1]) Во время раскопок хара-хото'ских развалин мы добыли очень интересную ночную ящерицу (Teratoscincus), степного удава (Eryx Kozlovi) и летучую мышь (Plecotus sp.).

«Знаменитый» субурган, вне крепости, в начале раскопок.

и вновь идешь, медленно переставляя ноги; вот блеснул интересный черепок, вот бусинка, вот монета, а там дальше — что-то зеленое — какой-то нефритовый предмет... Осторожно откапываешь руками находку и долго любуешься ее оригинальными гранями и странной незнакомой формой... Всякая новая вещица, появившаяся на свет из песчаных недр, вызывает в

человеке необыкновенную радость и возбуждает у прочих спутников желание вести раскопки особенно интенсивно.

«Знаменитый» субурган, вне крепости, в конце раскоп.

В этот же период, между прочим, мы натолкнулись на интересное потайное молитвенное помещение, устроенное на северной стене крепости, над третьей с запада, фланкирующей

башней. По удалении обвалившегося потолка и другого обломочного материала, представилась следующая картина (см. рис.

Группа глиняных и деревянных статуй и статуэток, найденных, между прочим, в «знаменитом» субургане.

к стран. 549): против входа в храмик — полуразвалившийся престол, основания бурханов; на уцелевшей нижней части

стенки виднеются фрески с изображением святых и двуголового зеленого попугая [1]).

Однообразные, скромные находки стали, наконец, наскучивать нам; энергия ослабевала. Между тем, рекогносцировки для нахождения и сосредоточивания новых раскопок производились, результатом чего и был поставлен на очередь субурган, расположенный вне крепости и отстоящий от западной стены ее в четверти версты, на правом берегу сухого русла.

Вот этот то «знаменитый» субурган и поглотил, затем, всё наше внимание и время. Он подарил экспедиции большое собрание, целую библиотеку книг, свитков, рукописей, множество, до трехсот, образцов буддийской иконописи, исполненной на холсте, на тонкой шелковой материи и на бумаге. Среди массы книг и образцов живописи, лежавших в субургане в беспорядке, попадались очень интересные металлические и деревянные, высокой и низкой культуры, статуи, клише, модели субурганов и многое другое. Особенно великолепен образ — гобелен, как образчик превосходного ткацкого искусства. Ценность находок еще более увеличивается, благодаря редкой сохранности их в крайне сухом климате. Действительно, большинство книг и рукописей, равно и иконопись, поражают своею свежестью, после того как они пролежали в земле несколько веков. Хорошо сохранились не только листы книг, но и бумажные или шелковые, преимущественно синего цвета, обложки.

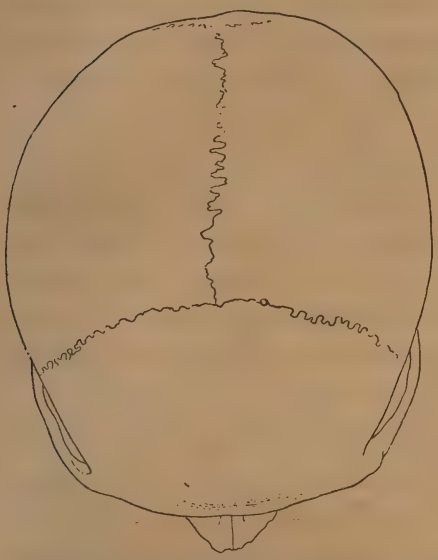
Сколько интереса и своеобразной радости вызывалось при взгляде на тот или другой образ, только что извлеченный из субургана, на ту или иную книгу или на отдельную из найденных статуэток, в особенности бронзовых или золоченых... Таких счастливых минут я никогда не забуду, как не забуду в отдельности сильного впечатления, произведенного на меня и на моих спутников двумя образами китайского письма, на сетчатой материи.

Когда мы раскрыли эти образа, перед нами предстали дивные изображения сидящих фигур, утопавших в нежно-голубом и нежно-розовом сиянии. От буддийских святынь веяло

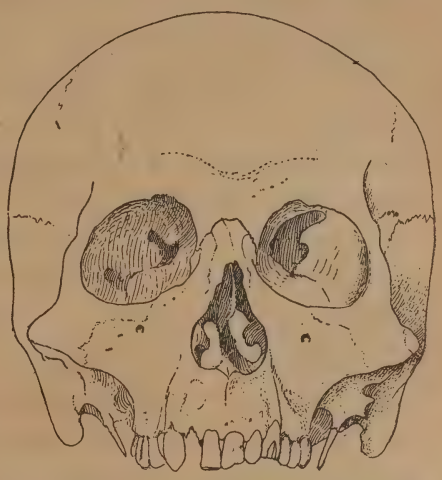
---

[1]) Это молитвенное помещение, по заключению академика С. Ф. Ольденбурга, «по всей вероятности, представляет собою заделанную часть храма — чайтьи. Судя по фотографии, у стены стояли три статуи: или Будда с двумя бодисатвами или учениками, или же три фигуры бодисатв».

чем-то живым, выразительным, целым; мы долго не могли оторваться от созерцания их — так неподражаемо хороши они были... Но стоило только поднять одну из сторон того или другого полотна, как бóльшая часть краски тотчас отдели-



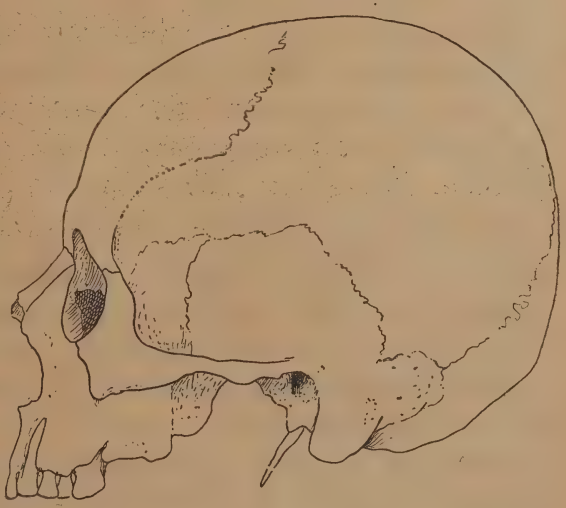
I. Череп из «знаменитого» субургана.



II. Череп из «знаменитого» субургана.

лась, а вместе с нею как легкий призрак исчезло все обаяние, и от прежней красоты осталось лишь слабое воспоминание...

Вместе со всем отмеченным богатством в субургане было похоронено вероятно духовное лицо, костяк которого покоился, в сидячем положении, несколько выше пьедестала, у северной стены надгробия. Череп от этого скелета был приобщен к нашим коллекциям.



III. Череп из «знаменитого» субургана.

«Череп — очень хорошей сохранности. Несколько с'уженное основание, округленные, очень слабо развитые костистые выступы (гребни), очень мелкие зубы, небольшие размеры

вообще и изящные очертания лицевого скелета заставляют склониться в пользу мнения, что череп этот принадлежал женщине, несмотря на довольно значительное, для женского черепа, развитие надбровных дуг, могущее наводить на некоторое сомнение. Судя по состоянию зубов и черепных швов, можно предполагать возраст покойницы близким к старости (более пятидесяти лет) [1]).

Всё богатство, собранное в знаменитом субургане: книги, образа, статуи и другие предметы, повторяю, лежали в крайнем беспорядке. Еще в нижней части хранилища намечалась некоторая система: часть глиняных статуй была размещена на одной высоте, лицами внутрь, на подобие лам, отправляющих богослужение перед большими рукописными листами письма Си-ся [2]), сотнями наложенными один на другой.

Чем выше, тем хаотичнее группировалось богатство субургана; книги лежали кипами и в одиночку, плотно прижатые друг к другу или к образам, свернутым в отдельности на деревянных валиках. И книги и образа были сложены в самых разнообразных положениях, как равно и статуи, заключенные между ними. Только в основании субургана было отмечено несколько книг, тщательно завернутых в шелковые ткани.

Там же преимущественно хранились и бронзовые статуетки и клише, и ксилографические доски, и модели субурганов.

Вообще говоря «знаменитый» субурган дал почти всё, в особенности в отделе книг и образов, чем обогатилась экспедиция и положительно всё, — что послужило основанием академику С. Ф. Ольденбургу для его труда «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото», о котором будем говорить ниже. Еще не приведен в известность полностью перечень книг, рукописей и образов, однако без преувеличения можно сказать, что книг, свитков и отдельных рукописей свыше двух тысяч томов или экземпляров; что же касается икон, то количество последних доходит, как указано выше, до трехсот номеров.

Самый субурган поднимался над поверхностью земли до четырех-пяти сажен и состоял из пьедестала, уступной сере-

---

[1]) «Ф. Волковъ. Человеческія кости изъ субургана въ Хара-хото». С тремя рисунками в тексте. Из второго тома «Матеріаловъ по этнографіи Россіи». 1914.

[2]) Типа Ганьчжур и Даньчжур.

дины и конического, полуразрушенного временем или любопытством человека, верха. В основании центра пьедестала был вертикально укреплен деревянный шест без какого бы то ни было украшения на вершине.

Отдавая все свои силы и время на подробное исследование столицы тангутского царства, я не переставал интересоваться ближайшими окрестностями Мертвого города, где, по слухам, были еще развалины «Боро-хото» (см. схем. чертеж к стр. 97). С этою целью мой спутник Гамбо Бадмажапов, с двумя монголами, совершил поездку на северо-восток [1]) и привез кое какие дополнительные данные о жизни туземцев в пустыне Гоби. Оказывается, что в те отдаленные времена, когда Хара-хото, вытянувшись широким приветливым оазисом, вдоль берегов Эцзин-гола, протекавшего еще дальше на северо-восток, жил полной жизнью, не менее его процветало и селение Боро-хото, расположенное на левом берегу старого русла Эцзин-гола, в двадцативерстном расстоянии к северо-востоку от Хара-хото.

Будда.

Бодисатва Авалокитешвара.

Пользуясь случаем всякой встречи с туземцами, мы постоянно вели с ними беседы о Хара-хото, о том конечно, не был ли кто-нибудь на развалинах раньше нашего посещения мертвого города, или не нашел ли кто, что либо очень интересное и т. д. По этому поводу мне приходилось слышать массу всевозможных рассказов, но более существенных мало и они заключаются в следующем:

Прежде всего, невежественные, суеверные эцзин-гол'ские торгоуты из боязни харахото'ских духов и их навождений стараются никогда туда не заглядывать, в особенности в одиночку или тем более с целью производить какие бы то ни было раскопки. «Правда, говорили торгоуты, среди нас бывали смель-

[1]) Держась очертания желоба — прежнего, засыпанного песком, русла или вернее одного из рукавов Эцзин-гола.

чаки, которые собирались компанией, рыли землю в Хара-хото и кое-что находили... Попадались бронзово-золоченые статуетки, слитки серебра и немногое другое. Но вот однажды — порядочно лет тому назад, одна смелая и счастливая старуха нашла там три нитки крупных жемчугов. Подробности этого интересного события таковы:

«В компании с своими сыновьями, старуха искала без-вести пропавших лошадей; ее застигла буря, спасаясь от которой торгоуты неожиданно для себя натолкнулись на стены Хара-хото и, под защитой их, провели холодную ночь. На утро стихло, но прежде чем отправиться во-свояси — на Эцзин-гол, торгоуты захотели побродить по вымершему городу. Таким образом, следуя среди развалин, старуха увидела открыто-лежавшие и ярко блестевшие серебри-

Будда с двумя головами [1].

---

[1]) Среди предметов, вынутых из субургана в Хара-хото, наше внимание невольно обращает на себя глиняная статуя Будды, с двумя головами. Изображение это настолько необычно, что сперва оно не было понято, пока не вспомнили предание, рассказанное китайским буддийским паломником Сюан-цзаном.

Вот, что он говорит: В стране Гиндаре, на северо-западе от Индии, жил некогда бедный поденщик, который из своего заработка с трудом скопил один золотой; он решил непременно заказать художнику написать образ Будды, пошел к художнику и сказал: «я хочу заказать образ Учителя, но у меня только один золотой». Художник сказал, что размер платы для него безразличен и принял заказ. В то же самое время другому бедняку пришла на ум тоже мысль заказать образ Будды, и у него тоже был только один золотой, который он и принес тому же художнику. Художник купил превосходные краски и написал изображение Будды — одно для обоих бедняков. Когда образ был готов, то заказчики смутились, видя только одно изображение. Художник сказал: «вы как будто думаете, что я вас обманул? Вы ошибаетесь, я добросовестно выполнил заказ и свидетелем мне этот образ». Не успел он кончить, как действительно образ разделился на два, к великой радости обоих бедняков». Этот образ найден теперь в копиях в разных местах, и с него, очевидно, слеплена статуя в Хара-хото: трогательный рассказ, только что нами приведенный, видимо привлекал буддистов к этому образу [С. Ф. Ольденбург. «Перв. будд. выст. в Петерб., стр. 19—20].

стые бусы [1]). Полюбовавшись ими, она повесила украшение себе на шею.

«По приезде на Эцзин-гол, все торгоуты были тотчас осведомлены о случившемся, и все приходили поглядеть на интересную находку. Один из торгоутов сумел даже распознать настоящую ценность бус и предупредил счастливицу, чтобы она зря с ними не расставалась.

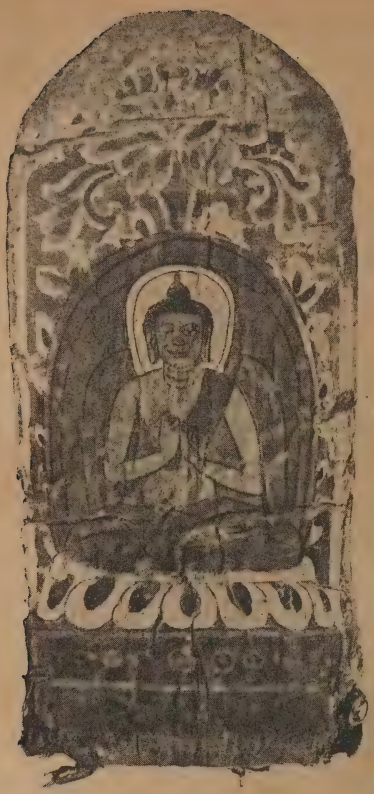
«Тем временем к торгоутам прибыл обычный китайский ка-

Будда с двумя учениками, вероятно, Кашьяпа и Ананда.

раван с массою разных товаров. Торгоуты не замедлили рассказать китайцам о таком происшествии — о находке старухою жемчугов. Вначале, для видимости, алчные торгаши браковали бусы, но торгоутка стояла на своем... В конце-концов китайцы заплатили за жемчуга содержимым всего своего каравана.

---

[1]) После сильной бури вообще, когда земная поверхность значительно видоизменяется — то оголяется от песков, то засыпается ими, — всего интереснее и плодотворнее исследовать развалины, как было случайно и со старухой, нашедшей жемчуга.



Один из будд.

«Советник-торгоут был щедро награжден старухой, которая на радости не преминула наделить каждого из своих собратьев тем или иным предметом из вырученного за драгоценную находку»...

...Собрав материал «знаменитого» субургана, который несомненно прольет новый свет не только на историческое прошлое тангутской столицы и ее обитателей, но и на многое другое, и тщательно обследовав все улицы и здания Хара-хото, мы начали собираться в дорогу. Наш караван вырос до больших размеров и внушал опасение за целость доставки его на родину.

Осенью 1909-го года все научные труды Монголо-Сычуаньской экспедиции, все ее коллекции, в виде большого транспорта, были благополучно доставлены в С.-Петербург, в собственное, только-что отстроенное, помещение Географического Общества, которое в начале следующего 1910 года и выставило весь научный материал экспедиции для обозрения публики[1]).

Вскоре затем, коллекции Хара-хото поступили большей своей частью в Этнографический отдел Русского Музея, а меньшей — книги, свитки, рукописи — в Азиатский Музей Российской Академии Наук.

Этнографический отдел Русского Музея не щадит средств на приведение харахото'ских находок в приличный вид и на

Бодисатва, повидимому, Авалокитешвара.

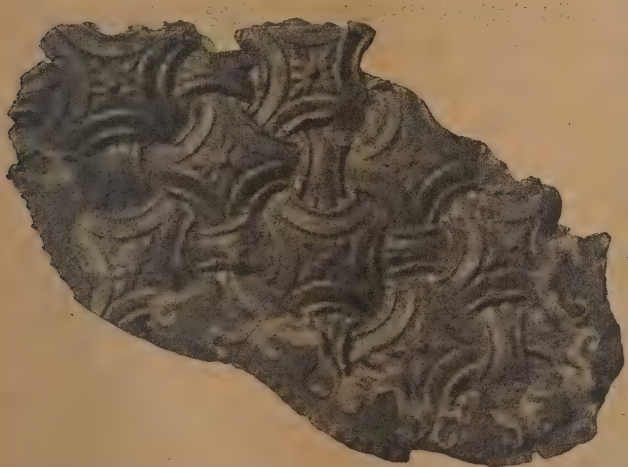
[1]) «Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1910 годъ», стр. 54, 56, 57, 58 с четырьмя таблицами рисунков.

издание уже обработанного отдела буддийской иконописи [1]). Будем надеяться, что и Азиатский Музей последует благому примеру Русского Музея и в недалеком будущем порадует научный мир интересными выпусками о харахото'ских книгах...

Между прочим, о памятниках монгольской письменности из Хара-хото В. Л. Котвич говорит следующее:

«После разгрома, учиненного Чингис-ханом в 1226—27 гг., тангуты или Си-ся вошли в состав образованной монголами державы. Несмотря на этот разгром, национальная культурная жизнь страны не угасла, о чем свидетельствует обширная тангутская литература с ее своеобразной письменностью, но к влияниям, которым тангуты до тех пор подвергались (преимущественно со стороны Китая и Тибета), прибавилось еще новое — монгольское. Это последнее влияние не ограничивалось пределами политических взаимоотношений и об его характере можно до некоторой степени судить по тем монгольским документам, которые были найдены в Хара-хото Монголо-Сычуаньской экспедицией под руководством П. К. Козлова.

Священная раковина, одна из «драгоценностей» буддийского культа.



Часть брони одного из стражей стран света (Локапала).

«Документы эти не имеют точных дат, но

[1]) С. Ф. Ольденбург. «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото» (Образа тибетского письма). С 6 таблицами и 25 рисунками в тексте. Из второго тома «Матеріаловъ по этнографіи Россіи».

Монах, фигура из группы; м. б. Кашьяпа.

палеографические их особенности и тот факт, что они были найдены вместе с ассигнациями, выпускавшимися монголами в Китае, дают основание отнести указанные памятники ко времени мирового господства монголов, т. е. до 1368 г. Таким образом, благодаря находке П. К. Козлова, мы получили важное приращение к очень немногочисленным подлинным памятникам монгольской письменности этого времени. До сих пор подобные памятники были нам известны (по своему происхождению или месту нахождения) из Золотой Орды, Персии, Восточного Туркестана, Сибири, Собственного Китая и северной Монголии; имелись монеты, чеканившиеся с монгольскими легендами в Золотой Орде, Персии и Грузии. Теперь к этому перечню нужно прибавить и новый район — страну тангутов.

Фигура из группы, окружавшей центральную фигуру (Будды, бодисатвы или божества); изображает гаруду.

Бодисатва (без специальных атрибутов).

«Общее число найденных в Хара-хото монгольских документов исчерпывается 17 нумерами: среди них мы имеем около десятка небольших фрагментов, одну маленькую рукописную книжку в 34 листа

(14 × 5,7 см.), остальные — документы в 10—20 строк. При незначительности, по об'ему, этой коллекции, она оказалась довольно разнообразной по своему содержанию.

Будда.

«Упомянутая книжка служила пособием для гаданий, особенно при определении счастливых и несчастных дней; составлена по китайским образцам, употребляющимся в Китае и доныне. Владелец этой книжки, повидимому, обладал знанием китайского языка, так как в ней повсюду встречаются китайские слова, переданные китайскими иероглифами или монгольскими буквами, а в конце даже помещены целые рецепты, на китайском языке, для приготовления лекарств от болезней, которыми страдают лошади. Для монгола-скотовода эти рецепты, повидимому, представляли особый интерес и потому были записаны в гадательную книжку, находившуюся в постоянном употреблении, как об этом говорит ее изношенный вид.

Бодисатва, повидимому, Авалокитешвара.

Бодисатва, судя по сосуду в левой руке, повидимому, Майтрея.

«Один фрагмент в 14 строк носит дидактический характер и, насколько можно заключить по разо-

бранной части, представляет собою отрывок из поучений Чингис-хана. Подобные поучения сохранились у монгольских племен в различающихся между собою редакциях и доныне; судя по этому документу, они были записаны монголами рано и могли, наряду с устными преданиями, послужить известному персидскому историку начала XIV века Рашид-эддину источником для тех Чингисовых наставлений, которые помещены в его труде о монголах. На фрагменте, повидимому, имелось и имя Чингис-хана, но это место текста, к сожалению, повреждено и сохранилась только верхняя часть слова «Чин», вынесенная на надлежащую высоту над вертикальными строками текста, согласно требованиям официального этикета, заимствованного у китайцев. За то полностью сохранилось имя известного сподвижника Чингис-хана, Богорчу (у Рашид-эддина Бурджи-ноян), к которому, видимо, и обращена сохранившаяся часть поучения. В ней мы имеем обычную в монгольских поэтических произведениях аллитерацию, и потому данная редакция уже представляет собою эпическую обработку слов Чингис-хана. Соответствующей части в других известных редакциях поучений не имеется.

«На оборотной стороне того же фрагмента имеется пять строк печатного текста (15 страница II главы) юридического содержания, повидимому, положения о функциях какого-то учреждения, с китайской терминологией.

«Большая часть документов — деловая переписка: письма с поднесением подарков, жалоба по случаю похищения лошади, два долговых акта о получении взаймы пшеницы с именами, печатями («знаменами») должников, поручителя и свидетелей; оба последних документа написаны по одной трафаретной форме, которая принята в уйгурских долговых расписках, найденных в Восточном Туркестане, и, очевидно, была заимствована монголами, вместе с письмом, у уйгуров. Помимо чисто бытовых подробностей, эти документы дают нам некоторое количество имен, из коих часть, вероятно, принадлежала тангутам. Так как тангутская письменность остается всё еще не разобранной, а китайские исторические сочинения и памятники передают собственные названия в очень искаженной форме, то монгольское изображение может бросить свет на характер тангутского языка и во всяком случае дать эти имена, несмотря на все несовер-

шенства монгольского алфавита, в наиболее близкой к действительности форме. Приводим некоторые из этих имен (с возможными вариантами в чтении): Чонсоно (Цонсоно), Саса (Каса), Иси намбу (Иши намбо), Намбу (Амбо), Сут ши (Кут ши), Чан сунан (Цан кунан), Су сарамбат (Соо сарамба), Син кули; возможно, что не все эти имена принадлежали тангутам.

Бодисатва.

«Найденные в Хара-хото монгольские документы написаны так называемым уйгурским письмом, при чем в них имеются те же особенности, которые присущи памятникам того же примерно времени, дошедшим до нас от уйгуров. Это лишний раз указывает на то, что монголы, усваивая себе уйгурский алфавит, первоначально не внесли в него никаких изменений и те отличия, которые представляет современное монгольское письмо, явились в более позднюю эпоху.

Бодисатва, повидимому, Авалокитешвара.

«Особенно однако любопытно было встретить среди Хара-хотоских документов два небольших фрагмента печатных (ксилографических) изданий. До недавнего времени нам не было известно монгольских ксилографов ранее половины XVII в. Только в 1907 г. Г. Маннергейм нашел где-то в В. Туркестане небольшой монгольский ксилограф буддийского содержания, писанный тибетским квадратным письмом и относящийся к эпохе мирового господства монголов. Теперь мы получили от той же эпохи образцы монгольских ксилографов уйгурского письма. Ими особенно наглядно устанавливается общность монгольского и уйгурского алфавитов; отметим наличие старого начертания *м* с прерывающейся вертикальной чертой.

«Таким образом Хара-хотоские памятники представляют интерес не только по содержанию, но и по форме».

«Среди многих замечательных находок П. К. Козлова в Хара-хото», любезно сообщает автору этого труда академик Сергей Федорович Ольденбург, «видное место занимает отрывок персидского текста знаменитой книги «Семи мудрецов Китаб-и-Синдбад». Книга эта, известная на Востоке и на Западе, ведет свое начало из Индии и была чрезвычайно популярна у арабов и у персов, многие из поэтов которых обработали эту тему. Мы знаем о том, что сочинение это распространилось в турецком и монгольском мире, но, особенно по отношению к последнему, не имели прямых указаний на пути распространения в этой среде «Семи мудрецов». Теперь мы видим, что среди тангутов жили персы, которые занесли сюда персидскую версию нашей книги; далее она очевидно перешла к монголам. Возможно, что со временем мы найдем ее отзвуки и в Тибете, и тогда почти замкнется круг странствований этих повестей по азиатскому миру. После находки П. К. Козлова мы с гораздо большей уверенностью будем говорить о возможных путях странствований так называемых бродячих сказок и повестей и о значении в этих переходах от народа к народу литературных обработок, а не только народных пересказов».

Бодисатва без атрибутов.

Академик С. Ф. Ольденбург говорит [1]): «Выдающееся значение для буддийской иконографии собрания буддийских икон и статуэток, добытого полковником П. К. Козловым при раскопках Хара-хото в 1908 и 1909 годах, побудило меня, не откладывая дела до подробного и тщательного изучения этого замечательного собрания, теперь же принять предложение управления Этнографического Отдела Русского Музея и дать пред-

[1]) Там же, стр. 1, 15 и последующие.

варительное описание ценнейшей находки нашего известного исследователя Средней Азии и Тибета.

«Такое предварительное описание, в котором, насколько это пока было возможно, представлены классификация иконографического материала и описание отдельных изображений, даст, мы надеемся, специалистам возможность, особенно при помощи прилагаемых снимков, ввести новый, богатый материал в научный обиход и откроет нам новую страницу в истории буддийского искусства.

«При описании писанных образов», далее трактует С. Ф. Ольденбург, «мы разделили их на две основных группы, которые предлагаем назвать, по характеру письма и композиции: тибетскою и китайскою. Деление это — предварительное и преследует, главным образом, цель удобства группировки: и в той и в другой группе есть формы несомненно переходные и смешанные. Основание этого деления мы указываем в послесловии; к этому же послесловию мы отнесли и все соображения общего характера относительно значения собрания для истории буддийского искусства. В настоящей статье мы даем описание образов тибетского письма.

Будда (отпечаток с ксилографической доски).

«Описание некоторых рисунков и ксилографов следует за описанием писанных образов. Эта часть описания имеет наиболее предварительный характер, так как значительное число ксилографов-образов находится, по указанию П. К. Козлова, в книгах, которые переданы в настоящее время в Азиатский Музей Российской Академии Наук и которые еще не совсем разобраны. Ксилографам мы надеемся посвятить особую статью. Описание статуеток из самого разнообразного материала следует за описанием рисунков; за этим описанием следует краткое описание некоторых предметов культа.

«В описаниях изображений мы стараемся держаться того способа, которого держатся сами буддисты, когда, желая дать указание относительно того, как, при заклинании или «вызове» известного божества или священного существа, его надлежит себе представить, они описывают «вызываемое» божество. Образец такого туземного описания дается нами ниже в санскритском оригинале и русском переводе.

«Внутри каждого отдела мы принимаем основную группировку: будды, бодисатвы и другие священные существа».

Глава XXVI.

ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО.

(Продолжение).

Образа тибетского письма — Будды: «Алмазнопрестольный» — Vajrâsana; «Владыка Врачевания»; Будда вращающий колесо закона; «Тридцать пять будд покаяния»; Будда и восемьдесят четыре будды; Будда учащий; Будда созерцающий; Будда Dîpamkara (?); Стоящий будда (?) и адорант (bhaktajana); Пять dhyânibuddha; Будда Amitâbha.

ОБРАЗА ТИБЕТСКОГО ПИСЬМА.

БУДДЫ.

«Алмазнопрестольный» — Vajrâsana.

«Образ «Алмазнопрестольного Будды Владыки» (Vajrâsanabuddhabhattâraka) принадлежит к числу главных буддийских святынь, и изображения его мы находим во всех буддийских странах, хотя, повидимому, самое название не очень старинно. В общих чертах изображение это всюду одинаковое, такое, каким мы находим его в заклинаниях (sâdhana), каким должен его представить себе заклинающий, желающий отожествить себя с ним для достижения, затем, своих желаний.

«Считаем необходимым отметить, что надо отделять образ «Алмазнопрестольного» от изображений той сцены в жизни Будды, из которой взят этот образ, получивший особенное значение в буддийском мире, потому что он представлялся

верующим буддистам выражением того, что является основным в учительской жизни Будды, достижение им высшего познания, «bodhi» [1]). Таким образом, изображения подобные тем, которые мы описываем, являются не изображением сцены из жизни Будды, носящей сокращенное обозначение bodhi, а репликами знаменитого образа Vajrâsana в Bodh-gayâ. На образах обстоятельство это, как нам кажется, подчеркивается иногда тем, что Будда изображается как бы в caitya, то-есть так, как статуя Vajrâsana действительно помещалась в храме-caitya Mahâbodhi.

«Подтверждение тому, что иконописцы сознавали подобные различия между изображением сцены из жизни Будды и известного образа, мы хотели бы видеть и в применении к другому образу, где, по нашему мнению, изображена не бенаресская проповедь, знаменитое «Вращение колеса закона» — Dharmacakrapravartana [2]), а один, пока еще по имени не поддающийся определению, знаменитый образ Будды, Вращающего колеса закона.

«Наши образа, как и все вообще многочисленные, мне, по крайней мере, известные, реплики, отличаются в одной подробности от описания «Алмазнопрестольного», как его дает Сюан-цзан, а именно: китайский паломник говорит, что левая рука сжата; в то время как у всех известных реплик левая рука, ладонью вверх, положена прямо перед Буддою, на его левой ноге.

«В собрании из Хара-хото находится писаных девять цельных образов «Алмазнопрестольного» и два обрывка. Из них три составляют особую группу, несколько более сложной композиции, один образ стоит особо, два изображают Будду одного, и три образа и два обрывка представляют изображение «Алмазнопрестольного», окруженное восемью великими caitya (asta mahâcaitya) [3]). В том же собрании мы находим разбираемое изображение на пластинках от ритуальных венцов и в обломке штампованной глины.

---

[1]) Bodhi — высшее познание.

[2]) Dharmacakrapravartana — Вращение колеса закона; этим словом сокращенно обозначается первая проповедь, изображение первой проповеди Будды в Бенаресе.

[3]) «Asta mahâcaitya — восемь великих caitya, т. е. восемь религиозных сооружений, памятников в восьми местах, связанных с памятью восьми значительнейших событий в жизни Будды».

Алмазнопрестольный Будда.

Алмазнопрестольный Будда [1]) — «двурукий, одноликий, желтый, ладони рук и подошвы ног, а также ногти — красные. Престол украшен драгоценными камнями, золотой... Справа от Будды на распустившемся лотосе с желтыми, красными, синими и зелеными лепестками стоит Avalokiteçvara, белый, с высоко зачесанными черными волосами, с венцом на голове, с украшениями, в красном платье вокруг бедр и спускающимися синими и зелеными шарфами, в складках на концах... Слева совсем подобный стоит Maitreya, желтый, без атрибута на лотосе. Оба обращены лицом к Будде, но глаза их опущены...

...«Наверху — полоса, разделенная на пять отделений, в каждом — по желтокоричневому будде (dhyânibuddha) [2]), в красной одежде с открытым правым плечом, на розовом лотосе... Внизу — полоса, разделенная на три части: в середине на красном изображены пять пляшущих женщин: зеленая, коричневая (?), желтая, серая (?), синяя. Справа и слева от среднего отделения — квадраты с зеленым полем, в которых изображено с каждой стороны по сидящему ламе...

Алмазнопрестольный Будда [3]) и восемь великих caitya [4]). «Три образа почти тожественных и два обрывка таких же образов. Восемь великих caitya, памятных сооружений, были воздвигнуты на местах, освященных какими-нибудь событиями из жизни Будды. Так как число таких событий было значительно, и в разное время и в разных местах особенно чтились то одни, то другие из этих мест, то становится совершенно понятным, что списки caitya разнятся. Четыре названия caitya, относящиеся к наиболее важным событиям в жизни Будды, в разных списках одинаковы, это: 1) Рождение (Jâti) [5]), 2) Дости-

---

[1]) 1. Образ на холсте. 80 × 53. [Все меры в сантиметрах. Указание «направо» и «налево» там, где это не оговорено особо, не от зрителя, а от центральной фигуры. Хорошей сохранности. (См. рис. к стр. 571).

[2]) «Dhyânibuddha — будда созерцания; их пять: Vairocana, Akçobhya, Ratnasambhava, Amitâbha, Amoghasiddhi. Каждый из них стоит в непосредственном отношении к одному из пяти человеческих будд того мирового периода (kalpa), в котором мы живем. Специально Amitâbha имеет отношение к Будде».

[3]) Образ на холсте. 49 × 40. Хорошей сохранности, только с потемневшими красками и местами потерт, так что нельзя различить детали работы.

[4]) «Caitya — чайтья, особое религиозное сооружение, предназначаемое служить памятником какому-нибудь знаменательному событию или известному лицу».

[5]) «Jâti — рождение; этим словом сокращенно обозначается место рождения Будды в саду Lumbinî, около города Kapilavastu, или изображение этого события».

жение высшего познания (Bodhi), 3) Вращение колеса закона — первая проповедь (Dharmacakrapravartana), 4) Кончина (Mahâparinirvâna) [1]). Четыре других, относящихся к событиям знаменательным в жизни учителя, но всё же меньшей важности не всегда совпадают. Восемь caitya воспевались в молитвенных гимнах и изображались или вместе или отдельно.

«Образ разделен на восемь полей, из которых среднее, самое большое, занято изображением Алмазнопрестольного. Иконописец имел, очевидно, в виду изобразить Будду внутри caitya, которая и есть знаменитый храм Mahâbodhi. За caitya видно «древо познания» bodhia (açvattha) [2])...

«Под главным изображением на темно-красном поле — изображение пяти caitya на общей платформе; мы означаем его через II (I — главное изображение будды). Из пяти caitya средняя выше остальных. По изображению, повидимому, все пять caitya — в ряд; но, может быть, иконописец только не справился с задачею изобразить постройку в роде Mahâbodhi в Bodh-gayâ, где средняя большая caitya окружена четырьмя другими по четырем углам.

«По обе стороны главного поля тянутся две полосы, из которых в каждой по три отделения с caitya на синем фоне посредине, уменьшенной копии средней; наверху — такие же летящие на облаках божества и картуши с надписями. Насколько эти изображения были распространены в буддийском мире, можно убедиться, сравнив отделения разбираемого образа с изображением на индийской миниатюре [3]), которое можно почти принять за копию с нашего.

«Считая сверху вниз и справа (от центрального изображения), эти изображения будут следующие: 1) Mahâyânacaitya на горе Grddhrakûta. 2) Caitya на месте, где стоял дом Vimalakirti. 3) Схождение с неба. 4) Бенаресская проповедь (Dharmacakrapravartana). 5) Рождение (Jâti). 6) Великая кончина (Mahâparinirvâna).

[1]) «Mahâparinirvâna — великая кончина, кончина Будды и место и изображение этого события.»

[2]) «Açvattha — дерево, под которым Будда достиг высшего познания (Ficus religiosa L.).

[3]) A. Foucher. Fig, 4, p. 54.

«ВЛАДЫКА ВРАЧЕВАНИЯ».

«Происхождение этого члена буддийского пантеона пока не выяснено: мы имеем здесь, может быть, дело с переживанием местного культа, воспринятым буддистами, или же, как на то указывает одна непальская миниатюра [1]), с одним из видов «Алмазнопрестольного», проявившим особенные целебные свойства и, благодаря этому, получившим особенное значение в буддийской среде. В Индии он, повидимому, был известен под названием Bhaisajyarâja, Bhaisajyabhattâraka, Bhaisajyaguru; последнее перешло в Тибет, где он называем sMan-bla, перевод последнего санскритского термина...

«В Тибете «Владыка Врачевания» уже, очевидно, обособился от будды...

«Общим в композиции пяти образов является следующее в середине — синяя фигура, в padmâsana [2]), правая рука в varmudrâ [3]) держит плод мироболана, левая держит на коленях сосуд с мироболанами. Спутники, по бокам средней фигуры — божества Солнца и Луны. Вверху — семь спутников: будды Врачевания. Внизу — небольшой пантеон божеств. Чрезвычайное сходство в композиции всех типов образов, отличающихся в сущности лишь в сравнительно незначительных подробностях, заставляет предполагать, что все они восходят к одному общему оригиналу, какому-нибудь известному в старом буддийском мире образу.

«Владыка Врачевания» [4]) — «средина — синий фон с цветочками. На богато украшенном престоле с двумя hamsa [5]) на спинке, сидит в padmâsana на белом поле, на пестром лотосе, синий будда с красными ладонями и подошвами... Справа от будды на пестром лотосе стоит божество Солнца, в одежде и

[1]) A. Foucher, Etude и т. д., p. 94. Подтверждение этому следует, может быть, видеть в том, что на образах будды Врачевания изображается дерево bodhi исторического Будды, т. е. açvattha (Ficus religiosa).

[2]) «Padmâsana — особый способ сидения, при котором ноги сложены одна на другую подошвами вверх».

[3]) «Varamudrâ — положение протянутой открытой руки ладонью вверх; символизует щедрость, удовлетворение просящего».

[4]) 12. Образ на холсте, 82 × 110. Сохранился в общем хорошо, вырвано только несколько небольших кусков.

[5]) Hamsa — гусь, лебедь.

украшениях бодисатвы, с красным лотосом в левой руке, на котором, на высоте лица, покоится красный диск солнца с черным петухом... Слева — такое же божество белое, божество Луны, на белом лотосе; в правой руке его покоится белый диск луны с зайцем и деревом. Любопытны индийского характера прически... Под лотосами, на которых стоят божества — подставки с львиными головами.

«Под средним отделением — разделенное на две части отделение. В каждом отделении — по восьми фигур божеств.

«Нижний ряд: сидят на зеленых чешуйках.

«С боков этого ряда, справа — желтое божество, слева — белый, четырехголовый Brahmâ с колесом. Над ними — по монаху, с открытым правым плечом, в коричневой одежде.

«По обе стороны среднего поля с буддою идет по полосе, разделенной с каждой стороны на четыре квадрата, над фигурами монахов; в каждом квадрате — изображение божества в padmâsana; руки — в dharmacakramudrâ [1]).

«На самом верху образа — полоса с семью отделениями, где семь будд Врачевания; все — золотисто-желтые, в padmâsana на пестрых лотосах, с открытым правым плечом, в красных одеждах. Отличаются между собою mudrâ [2]).

«В самом низу, с краев, с боков нижнего ряда божеств изображены ламы.

«У всех фигур сзади — зеленая спинка сиденья со стилизованным лиственным орнаментом и за нею — треугольник вершиною вниз, украшенный драгоценными камнями.

Будда, вращающий колесо закона.

«Середину образа [3]) занимает открытая спереди чайтья, в которой на пестром лотосе сидит в padmâsana Будда, руки в dharmacakramudrâ. Тело — золотисто-желтое, волоса — черные. Правое плечо — открытое, платье — красное, с золотой узорной каймой; на подоле крайняя нижняя полоса — лиловая... Лотос

---

[1]) Dharmacakramudrâ — особое положение рук перед грудью, которым символизуется проповедывание».

[2]) «Mudrâ — особые символические положения рук; отдельные mudrâ об'яснены под соответствующими названиями.

[3]) 17. Образ на клетчатой, синее с белым, материи. 158 × 108. Очень сильно потертый, особенно левая, от центральной фигуры, сторона и верх.

покоится на троне, который поддерживают два синих льва... Наверху, с каждой стороны чайтья, на облаках, стоит по devatâ [1]) с лотосом; немного ниже, тоже с обеих сторон — по облаку, на котором сидят по пяти будд, в красных одеяниях с белыми нимбами. Еще ниже, справа и слева — по многорукому божеству; справа: белый с четырьмя головами — белая, синяя, красная и наверху зеленая, с волосами в пламени, у каждой головы по три глаза, padmâsana.

«Мы имеем здесь, повидимому, реплику какого-то знаменитого образа Будды, произносящего свою первую проповедь; но не сцену проповеди — в этом случае были бы изображены газели и пять учеников, — а именно изображение Будды. Это подчеркивается изображением чайтьи, в которой сидит Будда.

«Образ был превосходно написан. Индийское влияние чувствуется во всем образе, даже в мелочах.

«Тридцать пять будд покаяния».

«Образа «тридцать пять будд покаяния» играют видную роль в современном ламайском культе и попадаются очень часто. В середине образа [2]) — золотисто-желтый будда, в padmâsana на желтом лотосе, руки dharmacakramudrâ; это или будда в позе проповеди, или Maitreya...

«Остальные тридцать четыре будды расположены так: над средней фигурой — два ряда по семи будд, над каждым бодисатвою — по одному будде, за бодисатвою с краю по обе стороны — по три будды и в нижних двух рядах, семь и пять будд. Все они — желтые, padmâsana, с открытым правым плечом, сидят на пестрых лотосах...

«В нижнем ряду, по обоим краям — изображение лам...

«Слева, в padmâsana, темнолицый лама, повидимому, бритый, с желтой шапкой другой формы; правая рука в какой-то mudrâ, перед грудью, левая покоится на колене; платье желтое.

«Письмо несколько грубоватое, но выразительное. Любопытно, что фигуры бодисатв носят несколько индо-китайский характер.

---

[1]) Devatâ — божество.

[2]) 18. Образ на холсте. 107 × 80. Пострадал.

Будда и восемьдесят четыре будды.

Фон образа [1]), как будто был зеленый; по нему расписаны лотосы, повидимому, синие. В середине на красном (?) лотосе с лепестками, загнутыми и вверх и вниз сидит в padmâsana, с mudrâ, очень напоминающей dharmacakra, будда (Maitreya?). Он — желтый, и только ладони рук и подошвы ног — красные; волосы, повидимому, — черные... Под центральной фигурой — шесть рядов; над нею три ряда будд, по восьми в ряду; по обе стороны центральной фигуры — по два ряда будд, по три в каждом; итого всех восемьдесят четыре. Все они, повидимому, — синие...

«Письмо — тщательное, видна опытная рука. При поверхностном взгляде, образ представляется как бы грубо написанным, но это зависит от того, что верхний слой почти весь стерт, а по нему-то обыкновенно и идет тонкая рукопись.

Будда учащий.

«Три образа одной композиции об'единены нами под этим названием. Дерево bodhi (повидимому, açvattha — Ficus religiosa), изображенное за фигурою будды на двух образах заставляет нас предположить, что мы имеем дело с историческим Буддою. Правда, что фигура Будды .могла бы толковаться как будда Dipamkara, хотя более обычное для него положение правой руки — или abhayamudrâ [2]) или varamudrâ. Спутники, повидимому, белый Avalokiteçvara справа и желтый Maitreya слева. Несколько красноватый оттенок второй фигуры на образах [3]) позволяет, впрочем, толковать ее и как Manjuçrî, особенно в виду отсутствия атрибутов.

Будда созерцающий.

«Под этим названием мы соединили четыре образа, разные по подробностям стиля и отчасти и композиции, так как

---

[1]) 19. Образ на шелку. 100 × 60. Сохранился довольно плохо, и, поэтому, о подробностях судить иногда трудно, особенно о красках.

[2]) «Abhayamudrâ — положение руки ладонью наружу; рука при этом держится или у груди или около плеча; название указывает, что этим символизуется дарование безопасности».

[3]) №№ 21 и 22. 21. Образ на холсте. 42 × 27. Несколько стерся. 22. Образ на полотне. 89 × 70. Местами разорвано и стерто.

их всё же об'единял тип изображения. Первоначально по положению рук—dhyânamudrâ [1]) мы склонны были считать эти образа за изображение Будды Amitabha, который хотя и канонически изображается красным, часто однако изображается, как и всякий другой будда, золотым или желтым. Но изображение дерева bodhi за фигурою будды не оставляет почти сомнений в том, что имелся в виду исторический Будда.

Будда Dipamkara (?).

«В середине образа [2]) на красном (?) лотосе, на престоле, сидит в padmâsana желтый будда. Правое плечо открыто, правая рука — в varamudrâ, левая лежит на коленях, одежда — красная. Перед престолом скалы — цветы (?)...

«Справа и слева и внизу, на уровне лотоса, стоит по темнолицому монаху...

«У монаха справа верхняя одежда — зеленая, у монаха слева — красная.

«Внизу, перед престолом, сидят четыре бодисатвы: справа — синий и желтый, слева — зеленый и красный; руки у всех сложены на молитву...

«Чрезвычайно оригинально письмо образа, представляющее смешение разных стилей: будда, его престол — почти совершенно тибетско-индийские; монахи, скала — китайские. Золотой фон — своеобразный, повидимому, тангутский...

Стоящий будда (?) и адорант (bhaktajana).

«В середине образа [3]) видны правая нога, стоящая на лотосе, и низ монашеского платья, позволяющий предполагать, что мы имеем дело с фигурою какого-то стоящего будды. Остаток черной полосы как будто принадлежит монашескому жезлу khikkhirî. В таком случае это может быть и фигура монаха, одна из боковых фигур большой центральной фигуры... В углу адорант — bhaktajana, с запрокинутой назад головою, в черной шапке, в красном кафтане с белыми полосами у шеи и рукавов.

---

[1]) «Dhyanamudrâ — положение обеих рук, положенных одна на другую, ладонями вверх, символизующее созерцание».

[2]) 28. Образ на шелку. 77 × 52. Сильно пострадал и вытерся.

[3]) 29. Обрывок образа на полотне. 36 × 27 (в самой широкой и самой длинной части). Сохранился левый (от смотрящего) край образа.

Будда Amitâbha в раю Sukhâvatî.

«Образ — смешанного стиля, неподдающегося более точному определению.

Пять dhyânibuddha.

«Мы имеем здесь неоконченный, повидимому, образ [1]) пяти dhyânibuddha: намечены контуры и заполнены красками, но выписка образа почти не начата.

«Будды — желтые; usnisa [2]) — пирамидкой. Mudrâ: vara, dhyâna, dharmacakra, abhaya, bhûsparça.

Будда Amitâbha.

«Образов будды Amitâbha тибетского письма в настоящем собрании только три, между тем как таких же образов китайского письма очень много — обстоятельство, которое, может быть, впрочем, и случайное, отвечает вполне тому, как сильно развит культ этого будды в Китае, в то время как в Тибете он не занимал, повидимому, и не занимает столь исключительного положения. Так как мы несколько подробнее остановимся на Amitâbha и его легенде при описании его китайских, образов, то здесь мы ограничимся лишь описанием образов, не касаясь самого будды Amitâbha.

«Настоящий образ [3]) представляет будду Amitâbha в его раю Sukhâvati. Из пруда с золотою водою, по которому плавают девять лотосов — белые, синие, розовые — с перерожденцами в раю Sukhâvati, выходит стебель-лотос, который затем разветвляется на три. На среднем большом пестром лотосе сидит в padmâsana будда Amitâbha, золотисто-желтый, с открытым правым плечом, с руками в dhyânamudrâ. Конец заостренной usnisa — красный.

«Платье — красное с узкими золотыми полосками по краям. Нимб — белый, продолговатый, заостренный кверху, с красной и пестрой с золотом краевыми полосками. Престол — с hamsa

---

[1]) 30. Образ на шелку. 12 × 41.

[2]) «Usnisa — возвышение на макушке головы Будды, один из тридцати двух признаков Будды».

[3]) 31. Образ на полотне. 70 × 43 (размер точно определить трудно, так как образ порван). Сильно пострадал, оторваны часть верхнего и часть нижнего края (см. рис. к стр. 579).

на перекладине. Спинка за фигурою будды — с зеленым лиственным стилизованным орнаментом, с золотым краем, с драгоценными камнями. Большой нимб вокруг всей фигуры — красный, с широкою желтокрасною волнистою полосою, на которой — девять изображений сидящего на золотом лотосе будды Amitâbha. Непосредственно под лотосом, на котором сидит Amitâbha, справа двухголовый зеленый попугай, с красным клювом, и слева такой же одноголовый попугай. Справа на пестром лотосе, стебель которого отделяется от основного стебля, сидит с розовым лотосом желтый Mahâsthâmaprâpta, слева, тоже с розовым лотосом — белый Avalokiteçvara; и тот и другой — без атрибутов. Ниже лотосов каждого из бодисатв — по двухголовой kinnari [1]), а ниже справа — стоящий журавль; слева видно только белое крыло, тоже, вероятно, журавля. Фон в нижней части образа — с какими-то неясными белыми разводами, вверху — синий, причем в верхней части образа, очевидно, изображающей небо — ряд китайских музыкальных инструментов. Вокруг всего образа — две полоски: желтая и черная или темно-зеленая.

«Письмо — тонкое, под сильным индийским влиянием; краски яркие.

[1]) «Kinnarî — женское существо из рода kinnarâ, небесных певцов; в буддийской позднейшей иконографии изображаются, как сирины.

Глава XXVII.

ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО.

(Продолжение).

Бодисатвы: Amitâyuh; Avalokiteçvara; Manjuçrî; Cunda: Târâ; Mârîcî; Sitâtapatra. — Божества-хранители: Samvara; — Hevajra. — Dharmapâla — Хранители закона: Acala; Mahâkâla; Ganeça; Желтый Jambhala. — Lokapala — Цари-хранители стран света: Vaiçravana; Dhrtarâstra; Virûpâksa. — Женские божества: Kurukullâ; Vajravârâhî; Dâkinî. — Preta. — Siddha. — Лама.

БОДИСАТВЫ.

Amitâyuh.

«Вряд ли может считаться случайностью, что изображений этого бодисатвы, столь часто встречающихся среди современных тибетских и монгольских образов, мы находим только одно во всем собрании образов из Хара-хото. Вероятно, сильно развитый культ будды Amitâbha помешал распространению культа близкого ему бодисатвы Amitâyuh.

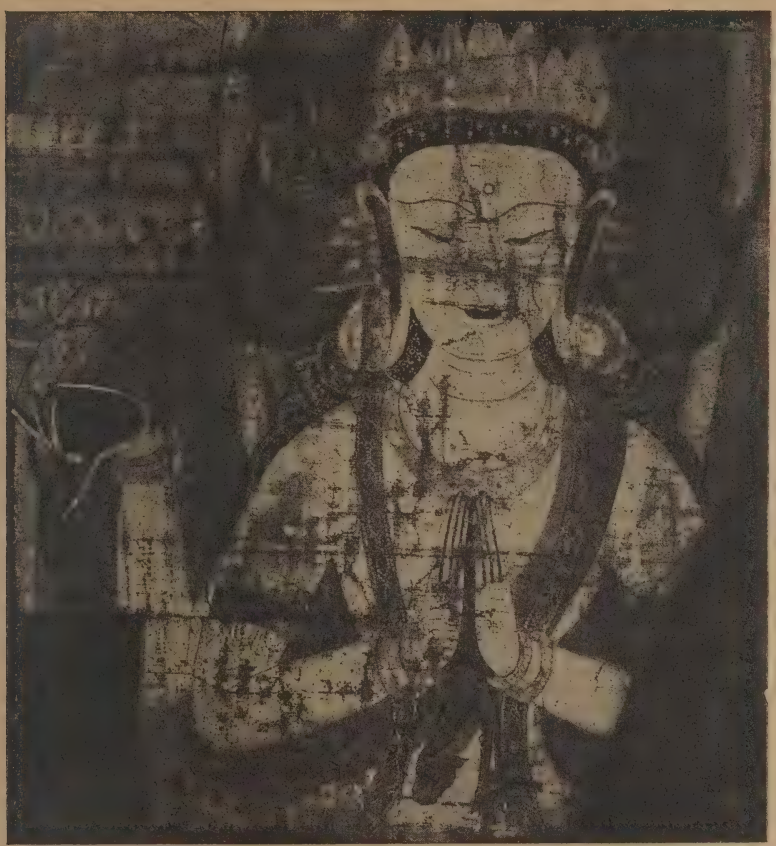
«На престоле [1]), на пестром лотосе, сидит красный Amitâyuh, в венце бодисатв. Оба плеча покрыты; в обеих руках держит перед собою, повидимому, сосуд... На верху образа ничего ясно не различить: как будто справа и слева под божествами — по монаху. Справа от средней фигуры, на пестром лотосе, стоит красно-желтый бодисатва — Manjuçrî, слева — бе-

[1]) 34. Образ на холсте, 73 × 58. Сильно потерт и разорван и как будто пострадал от копоти.

лый Avalokiteçvara. В нижней полосе, в середине, повидимому— пять даров в чашке, справа и слева — ламы.

Avalokiteçvara.

«Число изображений в настоящем собрании этого знаменитейшего из бодисатв северного буддийского пантеона, вопло-



Avalokiteçvara.

щением которого является Далай-лама, вполне отвечает значению Avalokiteçvara. Из многочисленных его форм мы имеем, однако, перед собою только три и при этом все три—белого [1]) Avalokiteçvara, наиболее распространенного. Формы эти следующие: 1) одноликий, двурукий; 2) одноликий, четырехрукий; это, повидимому, изображение, которое в заклинаниях называется Sadaksarimahâvidyâlokeçvarah; 3) одиннадцатиликий, восьмирукий.

[1]) Один образ, 37, представляет бодисатву розовым.

«Средние две руки [1]) с красными ладонями и кончиками пальцев, сложены у груди в anjali [2]); вторая правая рука отведена в сторону и держит aksamâlâ [3]); от левой второй руки видна только верхняя часть. Волосы падают за плечами крупными завитками; богатый венец на волосах. Много золотых украшений на шее, на руках, золотые сережки в ушах. По бокам головы — развевающиеся красные ленты и еще украшения которые нельзя разобрать в точности. С обоих плеч свешивается на грудь красная с драгоценными камнями лента; через левое плечо перекинута шкура антилопы...

«Белый, одноликий, двурукий [4]): правая опущена в? mudrâ, левая держит лотос. Ладони, подошвы, концы пальцев — красные. Богатый венец, украшения, платье от пояса вниз, прозрачная, узорная ткань на ногах. Стоит на лотосе. Образ этот любопытен тем, что он, будучи, в том виде, в каком он до нас дошел, образом Padmapâni, первоначально составлял левую часть большого образа, где Padmapâni был одним из двух спутников большой центральной фигуры, от которой ныне сохранилась только часть престола, одежды на правом колене (?) и лотоса, в правой стороне образа.

«Манера письма — тибетская; хорошая, умелая рука. Богатый золотой узор на платье (?) центральной фигуры как будто заставляет предполагать и уйгурское влияние.

«Это изображение, повидимому, есть так называемый Padmapâni-Lokeçvara.

«Розовый, одноликий, четырехрукий [5]), padmâsana. Первая пара рук в anjali, вторая: справа aksamâlâ, слева padma [6]). На голове, с синими волосами—венец, лотос, на лотосе—Amitâbha с желтым лицом, в красной одежде. Ожерелье, запястья; через

---

[1]) 35. Образ на полосатой материи, 26 × 28 (в самой широкой части). Сильно пострадал. Белый четырехрукий, как будто сидящий. Так как сохранилась только средняя часть образа, то можно дать лишь частичное описание.

[2]) «Anjali — положение рук для молитвы или для выражения почтения. Руки несколько собраны в горсть и приложены одна к другой; держатся так или перед грудью или перед лбом.

[3]) Aksamâlâ — четки.

[4]) 36. Образ на холсте. 77 × 24. Составлен из нескольких кусков.

[5]) 37. Образ на шелку. 59 × 46. Сильно вытерт, так что резко выступают контуры.

[6]) Padma—лотос (Nelumbium speciosum).

плечи перекинут темнозеленый шарф, концы которого спускаются на руки. У пояса легкая красная одежда с цветками в материи. Темнозеленый пояс с висящими концами.

«Сидит на белом поле, на пестром лотосе, на богатом престоле... Вокруг всей фигуры—облако... Внизу справа и слева—две маленькие фигуры монахов, сидящих в желтых одеждах на коричневых коврах. В правом углу, внизу, стоит, в синей одежде, мирянин и держит перед собою курильницу.

«Письмо—грубое, тибетское, но видно сильное китайское влияние...

«Белый, одиннадцатиликий, восьмирукий [1]), padmâsana. Головы: белая, желтая, зеленая, лиловато-розовая, зеленая, желтая; зеленая, красная, синяя; синяя; красная (Amitâbha). Все головы, кроме головы Amitâbha, трехглазые. Правые руки: anjali, aksamâlâ, ? mudrâ, cakra [2]). Левые: anjali, padma, kalaça [3]), câpa [4]). Ладони и подошвы—красные. Платье у пояса—красное, ниже—пестрое, перевязано синим шарфом. Богатый венец, ожерелье запястья, золотой пояс. Сидит на белом поле, на пестром лотосе, на богатом престоле с hamsa. Спереди свешивается с престола красный с узорами ковер, с синей каймой (?).

«Нимб у головы—из двух частей: у нижних трех голов—лиловато-розовый внутри, с радужным ободком, и белый—у верхних голов. Большой нимб—красный, и на нем—ряд ratna [5])...

«Справа и слева—по полосе; каждая разделена на три отделения; в них—сидящие фигуры, справа, сверху: Sarasvatî, белая, с vinâ [6]). ? зеленый с dhvaja [7]). Красный Hayagrîva, с конской головою в волосах и с птицею. Слева: синий Acala с мечом, красный Hayagrîva со змеею. Зеленая Târâ с синим лотосом. Внизу—два отделения: белая Sitâtapatrâ с dhvaja и желтая, двурукая Mârîcî с câmara [8])... Божества сидят на белом поле, на пестрых лотосах.

---

[1]) 38. Образ на полотне. 133 × 93. Отличная сохранность; только немного оборвано вверху.

[2]) «Cakra—колесо, символ миродержавия и религиозной проповеди».

[3]) Kalaça — сосуд.

[4]) Câpa — лук.

[5]) Ratna — драгоценность.

[6]) Vinâ—струнный музыкальный инструмент.

[7]) Dhvaja — знамя.

[8]) Câmara—метелка-махало. Для него обыкновенно употребляется хвост Bos grunniens.

«В верхнем отделении — пять dhyânibuddha; справа: Amoghasiddhi, зеленый, mudrâ (?) Vairocana, белый varamudrâ. Ratnasambhava, желтый, dharmacakramudrâ (?) Amitâbha, красный, dhyânamudrâ, Aksobhya, синий, dharmadeçanah [1])...

«Тибетское письмо, яркие краски.

Cunda.

Manjuçrî.

«Трудно об'яснить себе причину, почему в собрании всего два изображения Manjuçrî, из которых одно — только обрывок и потому может быть определено лишь с большою степенью вероятия, а другое — чрезвычайно редкая форма Manjuçrî. Бодисатва этот, особенно в Китае, пользовался издавна большою известностью, и образа его весьма многочисленны на всем буддийском севере.

Cundâ.

«Белая, одноликая, четырехрукая [2]), в padmâsana. Правая рука в varamudrâ, левая держит розовый лотос, на котором покоится книга. Другая пара рук держит pâtra, черную с желтым (золотым?) ободком наверху.

«Письмо — тибетское под сильным индийским влиянием.

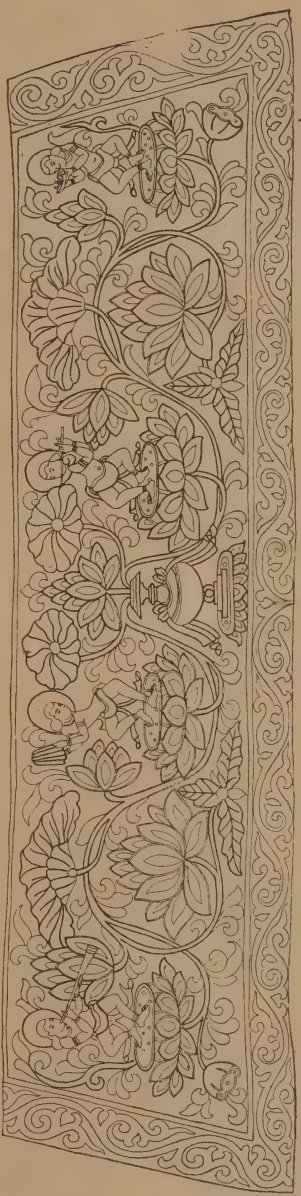
---

[1]) «Dharmadeçanah — учащий закон, эпитет, придаваемый будде, бодисатве — или учителю и указывающий на особое положение правой руки».

[2]) 45. Образ на шелку. 53 × 37. Сильно испорчен.

Târâ.

«Настоящий образ [1]) Зеленой (Çyama) Târâ представляет исключительный интерес, как великолепный образец тканого искусства. К сожалению, до полной реставрации — образ отлично сохранился, но помят и требует специального глажения — он не может быть сфотографирован удачно, и потому нам пришлось ограничиться калькою нижней узорной полосы, с большою точностью снятой Н. М. Березовским; мы воспроизводим ее в уменьшенном виде, причем, однако, малейшие детали ясно различаются.



Узорная полоса у тканого шелкового образа Зеленой Târâ.

«Средняя часть образа занята, повидимому, горным и лесным пейзажем, как то видно из изображений скал и деревьев. Внизу выступает стебель лотоса, поддерживаемого двумя nâga [2]). На этом лотосе, в обычной позе — правая нога спущена и опирается на распустившийся лотос, левая поджата — сидит Târâ. Правая нога как будто поддерживается лентою, перекинутою через нее и закрепленною у пояса. Левая рука отведена в сторону; в правой — синий лотос; такой же лотос — справа фигуры. У головы — белый продолговатый нимб; большой нимб — тоже белый (?), с краем из двух полос: синей и белой (?). Наверху нимба, по обе стороны — по hamsa, а наверху бычачья голова, подобная голове Yamantaka. Târâ сидит как бы в синей

---

[1]) 46. Образ, тканый из шелка. 98 × 45 (в верхней и нижней части ширина доходит до 51 ст., т. к. здесь находятся узорные полосы). Превосходной сохранности, только краски сильно выцвели.

[2]) «Nâga — змеиное божество, изображаемое обыкновенно в человеческом образе и с головами змей, выступающих венцом сзади головы».

пещере, в которой сверху спускаются нити жемчуга или драгоценных камней. Вверху—пять будд, каждый—в нише; над ними—шесть деревьев. Ниже Târâ, справа—повидимому, стоящая под деревом ашока желтая (?) Mârîcî, слева—синяя Ekajatâ с karttrikâ [1]) в правой руке и kapâla [2]) в левой.

Сверху и снизу—узорные полосы, на каждой—по четыре dâkinî [3]), играющие на музыкальных инструментах, на лотосах, выходящих из сосуда (см. рис. к стр. 587). С правого и левого края—по узкой орнаментальной полосе. Вокруг всего образа—узенькая полоска с изображением жемчужин. Краски не определяются уже с точностью, но, видимо, были: синяя, зеленая, желтая.

Mârîcî.

«Белая, четырехликая, десятирукая [4]). Лица: белое (в середине), зеленое и красное (справа), синее (слева); о трех глазах в каждой голове. Четырехногая. Полная. Четыре ноги опираются на четыре существа, распростертые на синем лотосе (Brahmâ, Çiva, Visnu, Indra?).

«В правых руках: sûryamandala [5]), vajra [6]), çara [7]), ankuça [8]), sûcî [9]).

«В левых руках: candramandala [10]), açokapallava [11]), capa, tarjanikâpâça [12]); пятая рука—в какой-то mudrâ...

---

[1]) «Karttrikâ — жертвенный нож.

[2]) «Kapâla—чаша из верхней части человеческого черепа, распиленного с этой целью; употребляется при жертвоприношениях».

[3]) «Dâkinî — женские существа, спутницы супруги Шивы; они изображаются обыкновенно в страшном виде; занимают видное место в буддийском пантеоне».

[4]) 47. Образ на шелку. 79 × 52.

[5]) «Sûryamandala — круг солнца; он красный, изображается на лотосе, и тогда на нем сидит или стоит какое-нибудь божество».

[6]) «Vajra—перун, жертвенная принадлежность, которой приписывается волшебная сила».

[7]) «Çara — стрела».

[8]) «Ankuça — крюк, в особенности крюк, употребляемый вожаками, чтобы погонять слонов».

[9]) «Sûcî — игла».

[10]) «Candramandala — круг луны; он — белый, изображается на лотосе, и на нем сидят или стоят известные божества».

[11]) Açokapallava — ветка дерева açoka (Jonesia Asoka Roxb.»).

[12]) Tarjanikâpâça — веревка угрозы; особая веревка, атрибут страшных божеств; в конце веревки обыкновенно vajra».

«Под синим лотосом — шесть свиней и посредине виден по пояс Râhu, в виде человека с косматыми волосами и бородой, держащего в поднятых руках диски солнца и луны...

«Справа внизу — монах с курильницей, слева — женщина с цветами и ребенок.

«Письмо — тибетско-китайское. В виду плохой сохранности образа трудно высказаться относительно достоинства письма.

Sitâtapatrâ.

«Изображение Sitâtapatrâ» «Белозонтичной» очень часто встречаются в настоящее время у северных буддистов.

«Образ [1]) делится на два отделения. Верхнее, главное, имеет темносиний фон с цветами... В четырех углах — по темносинему спутнику, типа «докшитов»; у двух верхних — повидимому, vajra; у нижних — повидимому, у обоих ghantâ [2]). По бокам центральной фигуры — красивый растительный орнамент.

«Sitâtapatrâ, белая, трехликая, восьмирукая, стоит на белом поле, на пестром лотосе. Лица (все с тремя глазами): в середине — белое, справа — красное, слева — зеленое. Руки справа держат: chattra [3]), cakra, ankuça, çara; слева: dhvaja, vajra, câpa, tarjanimudra [4]). Богатые украшения и венец.

«Нижняя полоса: в середине — пять женских фигур, с принадлежностями для алтаря. Справа — лама в желтом верхнем и красном нижнем одеянии, слева — светский человек с черной косой, в серой одежде, с курильницей...

БОЖЕСТВА-ХРАНИТЕЛИ.

Samvara.

«Samvara, по-тибетски Дэмчок, принадлежит к числу наиболее известных божеств-хранителей (yi-dam), культ которых чрезвычайно распространен. Его воплощением является один из великих лам, так называемый Чжан-чжа хутухта в

---

[1]) 48. Образ на полотне. 45×40. Местами вытерт.

[2]) Ghantâ — колокольчик.

[3]) Chattra — зонт.

[4]) «Tarjanimudra — особое положение рук, когда указательный палец поднят, остальные же пригнуты к ладони; оно означает угрозу».

Пекине. Samvara изображается или один или со своею женскою энергиею (çakti). Он, видимо, был очень популярен среди тангутов, потому что в настоящем собрании мы находим четыре изображения его одного и пять с çakti.

Hevajra.

«В пламени [1]), на пестром лотосе стоит синий Hevajra с голубою çakti. Сохранилась только левая половина фигуры...

DHARMAPÂLA — ХРАНИТЕЛИ ЗАКОНА.

Acala.

«На треугольнике [2]), поставленном на пестром лотосе, стоит в красном пламени четырехрукий синий Acala. Три глаза. Атрибуты: справа — ветка с двумя золотыми плодами, меч; слева — Kapâla, triçûla [3]). С шеи спускается ожерелье из отрубленных голов, другое ожерелье, серьги и браслеты — змеи. Волосы — пламенем, перевиты змеею, венец — с пятью черепами, от венца идут, развеваясь в обе стороны, розовые ленты, на макушке — золотой будда в bhûsparçamudrâ [4]), повидимому — Aksobhya. На шею накинут развевающийся длинный, зеленый шарф, на поясе тигровая шкура...

«Внизу образа — отделенная полосою, зеленою в середине и красною в обоих концах, широкая полоса с пятью пляшущими женщинами, держащими дары: зеленою, желтою, красною, синею, белою. По обе стороны изображены сидящие на красных коврах, с синею, с узором, каймою, ламы в желтых одеяниях и своеобразных шапках...

Mahâkalâ.

«Синий [5]), одноликий, двурукий, двухглазый»...

---

[1]) 59. Образ на холсте, сохранилась только правая (от смотрящего) половина. 57 × 17. Вытерт.

[2]) 60. Образ на шелку. 12 × 55. Разорванный местами и местами стерты

[3]) Triçûla — трезубец.

[4]) «Bhûsparçamudrâ — положение правой руки ладонью внутрь, с вытянутыми пальцами, которые как бы касаются земли. Изображает положение руки Будды, когда он призывал в свидетельницы землю».

[5]) 62. Образ на шелку, сильно вытерт. 97 × 60.

«В среднем отделении, самом большом и главном — центральная фигура Mahâkâla, среди пламени, на красном лотосе; в пламени видно восемь синих фигур, повторение центральной фигуры. Справа и слева вверху — по devata на облаке, с корзиною плодов.

Внизу посредине, на скале — корзина с плодами. По обе стороны ее сидят: справа — Virûpâksa, желтый... слева — желтый Jambhala...

«В верхнем отделении — пять dhyanibuddha...

«Работа — тибетская, но скала впереди Mahâkâla — китайского рисунка.

Ganeça.

«Белый [1]), с головою слона, четвероруки

«Справа в руке — aksamâlâ, слева — морковь (?)

ЖЕЛТЫЙ JAMBHALA.

«Желтый [2]), одноликий, трехглазый, двурукий. Толстый. левой руке, у левого бедра, он держит мешок с драгоценностями, отверстие которого подобно голове ихневмона. Правая рука держит плод мироболана.

LOKAPÂLA — ЦАРИ-ХРАНИТЕЛИ СТРАН СВЕТА.

Vaiçravana.

«Образ [3]) сложной композиции изображает царя-хранителя северной страны света и вместе с тем бога богатства Vaiçravana с восемью спутниками и рядом сопровождающих фигур. На красных, желтых, зеленых небольших картушах около каждой фигуры должны были, очевидно, стоять обозначения имен изображенных божеств, но, как мы это уже заметили на других образах, надписи не были помещены. Превосходная сохранность образа в тех частях, которые не пострадали от случайных причин, дает нам некоторое основание предположить, что мы имеем дело с неоконченным вполне образом.

---

[1]) 66. Образ на шелку. 30 × 33. Верх оборван. Остались почти одни контуры, сильно вытерты.

[2]) 67. Образ на полотне. 43 × 43. Низ оборван, сильно вытерт.

[3]) 68. Образ на клетчатой, синей с белым, материи. 94 × 64. Местами протерто, но в общем совсем почти новый.

«В середине образа на синем льве, с зелеными хвостом и гривою, в богатых доспехах и венце сидит золотой Vaiçravana с тигровым знаменем в правой руке и желтым ихневмоном, выплевывающим драгоценности — в левой. Он окружен темносерыми облаками, по которым на белых конях, держа каждый ихневмона в левой руке, мчатся вокруг него восемь спутников...

«Рамка образа — из синих, красных, зеленых лепестков лотоса...

Dhrtarâstra.

«Верхний правый (от смотрящего) угол образа [1]), который превращен в цельный образ с изображением lokapâla [2]), хранителя восточной страны света Dhrtarâstra. Мы уже раньше, при изображении бодисатвы Avalokiteçvara, видели, как из кусочков был составлен образ; здесь мы имеем верхний угол образа, какого-то, очевидно, «магического круга»...

Virûpâksa.

«Золотой, стоит на скале. Одет [3]) в панцырь и богатые одежды. В правой руке — трезубец, опирающийся о правое плечо; в левой, поднятой — caitya с изображением одетого в красную одежду будды внутри... Virûpâksa — страж западной страны света.

«Вокруг образа — красный обод с двумя желтыми полосками.

«Манера письма — с сильным китайским влиянием.

ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА.

Kurukullâ.

«Первоначально один из видов Târâ.

«На красном лотосе [4]), на лежащей навзничь человеческой фигуре на белом круге (луне) стоит на левой ноге красная

---

[1]) 69. Образ на полотне. 26×17. Средней сохранности.

[2]) Lokapâla — страж страны света, их четыре, они носят еще название великих царей, maharaja.

[3]) 70. Образ на холсте. 48×31. Верх и большая часть правой (от смотрящего) стороны оборваны.

[4]) 72. Образ на шелку. 65×51. Очень сильно пострадал. Сшит из двух кусков.

трехглазая Kurukullâ; правая нога поджата. У богини — четыре руки, из которых двумя она натягивает цветочный лук и спускает с него цветочную стрелу, в правой держит на веревке отрубленную голову, левой упирается в бок. Любопытно, что венец на голове — не из черепов, как это обыкновенно изображается, а из отрубленных голов. На груди, руках, ногах — украшения, у пояса — тигровая шкура... В верхней части образа видны в зеленых больших нимбах фигуры будд... Ниже среднего изображения — красная полоса; на ней, на красных и зеленых лотосах — несколько своеобразное изображение «семи драгоценностей царя миродержца»...

«Цветочный лук и стрелы Kurukulla следует, повидимому, об'яснять тем, что ее призывают в любовных горестях: атрибуты Kurukullâ — те же, что у бога любви Kâmadeva.

Vajravârâhî.

«Vajravârâhî «Алмазная свинья» первоначально, повидимому, была лишь одним из видов Mârîcî, но затем выделилась в самостоятельное божество, пользующееся большою известностью и почитанием в новейшем буддизме. Повидимому, Vajravârâhî почиталась при Сунской династии в Китае, чем и следует об'яснить большое число ее изображений, в настоящем собрании — восемь. Образа эти делятся по композиции на несколько групп. I. Vajravarahi одна — четыре образа и II — со спутницами — четыре образа. Кроме того, можно различить две группы, из которых в одной — пять образов, — здесь, кроме центрального изображения самой Vajravârâhî — еще ряд отдельных изображений в небольших квадратах, расположенных по краям образа, — в другой — три образа, где изображена только главная фигура. Выясняется еще и третья группировка: на пяти образах Vajravarahi изображается на фоне кладбища, и только на трех этот фон отсутствует.

«Изображение Vajravârâhî на фоне кладбища [1]), довольно много деталей... Внутри нимба — шесть маленьких фигур...

«В верхней полосе пять отделений. Посредине — обычного типа Samvara с çakti. По обе его стороны — по две dâkinî того же совершенно типа, с теми же атрибутами, как и dâkinî,

[1]) 79. Образ на полотне. 111 × 69. В общем отличной сохранности.

внутри пламенного нимба Vajravârâhî. Справа: зеленая и красная, слева: желтая и синяя.

«Справа: 1) На белом ковре, с коричневою каймою, стоит монах; в правой руке — монашеский посох, khakkhara [1]), в левой — pâtra [2]). 2) Какой-то волхв, mahâsiddha [3]), сидит на розово-красном круглом ковре, правою рукою обнимает синюю женщину, сидящую на его колене; это, повидимому, dâkinî, так как во лбу — третий глаз; правая рука ее — в tarjanîmudrâ. 3) На круглом красном ковре сидит монах в коричневом одеянии, рука — в dharmacakra (?) mudrâ; за его спиною скалы. 4) Какой-то зеленый бодисатва или бог, верхом на тигре; за ним, тоже верхом — красная çakti. 5) Лама в желтом одеянии, сидит на ковре; правая рука — как будто в жесте учения, левая — на лоне...

«Слева: 1) Монах, как справа, только рука — в какой-то mudrâ... 2) Mahasiddha, на круглом красном ковре, правая рука поднята... Перед ним коленопреклоненный красный человек (?) в венце что-то подносит ему. 3) Mahâsiddha (Lui-pa?), сидит на красном круглом ковре и держит двух рыб, собираясь опустить их в сосуд, под которым разведен огонь... 4) На белом слоне едет желтый Indra (или Samantabhadra). За ним, в венце — светло-синяя фигура. 5) Сидит монах в желтом одеянии. Правая рука с поднятым пальцем — у груди, другая — на лоне; перед ним на красном коврике — ghanta и vajra...

«Нижняя полоса: шесть пляшущих женщин с дарами на подносах; слева от смотрящего: 1) белая, с цветком, 2) синяя, с курильницей, 3) желтая, 4) зеленая, 5) красная, со светильником, 6) желтая, с материей...

Dâkinî.

«Красная, одноликая, трехглазая, четырехрукая [4]); в правых руках: karttrika, damaru, (?); в левых khatvânga [5]), kapâla. Стоит на одной ноге на коричневом быке, лежащем на крас-

---

[1]) Khakkhara — монашеский посох с кольцами.

[2]) Pâtra — чаша монаха для пищи.

[3]) «Mahâsiddha — волхв; они играют очень видную роль в позднейшем буддизме».

[4]) 81. Образ на холсте. 37×24. Отличной сохранности. (См. рис. к стр. 595).

[5]) «Khatvânga — палица, имеющая форму ножки кровати в буддийской иконографии изображается обыкновенно с черепом в конце».

Dâkinî (Yamî?).

ном поле, на разноцветном лотосе. На голове — венец с пятью черепами и зелеными развевающимися лентами; в ушах вместо серег — змеи; змеи на кистях и щиколотках. С шеи через плечи ниспадает к ногам ожерелье из отрубленных голов. Длинные развевающиеся волосы. Вокруг бедер — звериная шкура. С обеих сторон развеваются белые ленты. Стоит в пламени, которое начинается от красного поля и имеет форму красного листа. Фон — зеленый с желтыми цветками. Вокруг — желтая, с двумя черными полосками, полоса... Сохранился деревянный валик для накатывания образа.

«Может быть, мы имеем здесь особый вид Yamî.

Preta.

«Громадный синий preta [1]) сидит на корточках [2]); в правой руке он держит ложку с рисом, которую подносит ко рту; рот широко открыт; левая рука держит монашескую чашу с рисом. Фигура — скелетообразная, с громадным животом. Громадные круглые глаза; волоса — пламенем, на подбородке, и под носом — клочки волос. Preta сидит, повидимому, на ковре, с красным бортом, по которому идет черный узор. Ниже пояса точно подвязана какая-то белая материя.

Preta.

«Рисунок красками, с черным контуром на бумаге. Было, видимо, обрамлено полоской темной бумаги.

«Смелый, верный рисунок.

«Любопытно отметить, что в некоторых пещерах Туюк-Мазара к востоку от Турфана попадаются изображения preta на стенах. Имели ли они значение memento, как, напр., изображение адов, сказать трудно. Учение о preta — существах, наказанных за жадность и корыстолюбие тем, что они лишены возможности удовлетворить голод и жажду, мучащую их — очень распространено в буддизме и служило в руках монахов могущественным побудительным средством для пожертвований в пользу общины.

---

[1]) «Preta — существа, претерпевающие «мытарства», как наказание за свои грехи в прежних перерождениях; наиболее обычно они представляются с огромным животом и очень узким ртом; этим символизуется жадность, с трудом удовлетворяемая».

[2]) 84. Большой образ на бумаге; сохранилась только правая часть тела (см. рис. к стр. 596). 111×51 в сохранившейся части.

Siddha.

«Изображена, повидимому, пещера в горах [1]). Горы — своеобразной трактовки, более близкой, однако, к индийской манере, чем к китайской. Пещера внутри — красная; внизу видны, как и в изображении будды Amitâbha, стебли каких-то золотых трав. На пятнистой шкуре сидит в особой позе, название которой мне неизвестно, siddha [2]), кудесник, шоколадно-коричневого цвета; ладони и подошвы — красные... Судя по золотому луку и стреле, которые он держит, это, вероятно — Çavaripa. За ним, слева — желтая женщина, повидимому, dâkinî которая растирает подошву его левой ноги.

«Тонкое, миниатюрное письмо.

Лама.

«Судя по несколько смуглому цвету, имеется в виду, быть может, один из т. н. индийских учителей [3]). Лама сидит на белом поле, на пестром лотосе; лотос — на подставке. Богатое седалище поддерживается с боков слонами, белыми с красным; на них стоят темносиние козлы, с золотыми хвостами. Над перекладиной с обеих сторон — желтые hamsa... Монах сидит в padmâsana; правая рука поднята к груди в какой-то mudrâ, левая покоится на ногах. Нижнее платье — желтое, сверх желтого — темнокоричневое; верхнее — сно-желтое. Внизу справа стоит молящийся мужчина, слева — молящаяся женщина. Оба в уйгурских ?) костюмах...

---

[1]) 85. Вырезано из какого-то образа на полотне; очень близко к изображению будды Amitâbha (32), повидимому, из того же образа. 8×7,5. Хорошей сохранности; производит впечатление — точно вырезано из образа ножом или ножницами.

[2]) Siddha — волхв см. mahâsiddha.

[3]) 86. Образ на холсте. 38×27. Немного только потерт.

Глава XXVIII.

ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО.

(Окончание).

Магический круг Acala. — Магический круг Kubera. — Лотос. — Mandala Usnîsavijaya. — Mandala Samvara. — Mandala. — Общие характеристики вышеописанных образов. — Некоторые из образов китайского письма.

Магический круг Acala.

«Посредине образа[1]) большой раскрытый лотос с восьмью лепестками. В середине его, на красном поле, сидит, поджав под себя левую ногу, на пестром лотосе (?) в пламени, Acala, темный, вероятно, первоначально темносиний. Правая рука поднята с мечом, левая как будто держит kapâla. В волосах темный будда (Aksobhya). Можно различить: на лбу третий глаз, развевающийся шарф, браслеты из змей. На восьми лепестках стоят, в пламени, восемь темных Acala или Vajrapânî с vajra и kapâla ?)... В четырех углах в пламени: справа, наверху, существо с черною головою ворона и с копьем (?), внизу темный, типа докшита, с мечами в обеих руках; слева, наверху, не различить, кто именно, но ясно виден докшитский тип изображения; внизу — зеленый гаруда без крыльев, с палицею в правой руке и каким-то неопределенным предметом в левой.

«Наверху — полоса с пятью изображениями в пламени...

---

[1]) 88. Образ на холсте. 74×49. Местами совсем стерт.

Магический круг Kubera.

«Образ [1]) делится на три отделения; из них среднее, самое большое, представляет, повидимому, пруд — зеленое поле, с четырьмя nâga в углах (считая с правого верхнего угла: красный, белый (?) красный (?), белый)... Посреди воды — большой круг. В середине его, на белом круге, верхом, боком на синем льве — Kubera, со знаменем (?) в правой руке... Широкая полоса, окружающая белый средний круг, разделена на восемь отделов, из которых в каждом по одному спутнику Kubera, верхом на белой лошади...

«В верхнем отделении образа пять dhyânibuddha...

«Внизу посредине на красном фоне: в чашах — «пять даров», по бокам в синих квадратах — по человеку в молитвенной позе около пальмы...

Лотос.

«Образ [2]) представляет четырехугольник, составленный из четырех треугольников с общею вершиною; сохранились следы трех: белого, зеленого и желтого, так что можно предположить, что четвертый был или синий или красный. Посредине — большой лотос с восьмью распустившимися лепестками, четырьмя красными и четырьмя зелеными, внутри — кольцо с поперечными полосами в роде обыкновенного изображения радуги в тибетской иконописи: синими, зелеными, красными. Посредине — желтый или белый круг, внутри которого — красный треугольник? (видна только верхняя часть, со слогом raṁ (?) тибетским алфавитом; видны еще внутри круга по бокам треугольника тибетские слоги ha (? неясно), sa и ni, отделенные друг от друга чертами).

«Мы имеем здесь дело с одним из весьма многочисленных в буддийском обиходе магических кругов...

---

[1]) 89. Образ на холсте. 31×21. Несколько выцвел и начал лупиться.

[2]) 91. Образ на шелку. 29×5. Сильно потертый и рваный, сохранился только кусок, недостает почти половины, нижней.

Mandala Usnîsavijaya.

«Фон образа[1]) — синий, окаймленный желтой полоской, за которой, до края, идет несколько более широкая черная полоса. По синему фону желтыми иероглифами написан текст на языке Си-ся. Вся середина занята большим кругом, наружная полоса которого — красная, пламенная; за нею идет узкая зеленая полоса с желтым орнаментом из vajra, отделенных друг от друга кружками, разделенными пополам поперечною полосою; затем идет полоса из пестрых лепестков лотоса. Внутри помещается четыреугольник с четырьмя воротами, внутри каждых из которых стоит по темносиней (теперь серосиней) фигуре докшита, на красном фоне: двурукий, двуногий, трехглазый, с волосами-пламенем, опоясанный тигровой шкурой, на плечи накинут развевающийся белый шарф с синими концами... На воротах вместо ланей — синевато-серые бараны, вместо cakra — закрытая patra. У makara[2]) из открытой пасти выходят стилизованные рога (?), которые почти сходятся сводом... Внутри круга — открытая спереди белая с красною внутренностью и красным зонтом caitya, внутри которой, на пестром лотосе, сидит белая Usnîsavijaya, трехликая и на каждом лице три глаза, ноги в padmâsana, восьмирукая; в руках справа: 1) viçvavajra[3]), 2) будда Amitâbha на красном лотосе, 3) çara, 4) varadamudra; слева: 1) tarjanimudra, 2) abhayamudra, 3) câpa, 4) bhadraghata, в венце будда Vairocana... По обеим сторонам стоят на красных лотосах, в одежде и украшениях бодисатв, справа — белый Avalokiteçvara, около которого лотос с kalaça, слева — синий Vajrapâni с лотосом, на котором — vajra. Спереди — небольшая коленопреклоненная желтая фигура devatâ с красным зонтом. Вверху по обе стороны caitya на красных облаках — две devatâ, справа — желтая, слева — белая, которые льют что-то из сосудов Usnîsavijayâ.

---

[1]) 92. Образ на дереве. 130×108. Хорошей сохранности в общем, несколько только пострадал левый (от смотрящего) нижний угол.

[2]) «Makara — морское чудовище, стилизованное, играет большую орнаментальную роль в буддийской иконографии».

[3]) «Viçvavajra — двойной перун, образуется положенными крест-накрест двумя vajra».

«Вне круга, в четырех углах в красных нимбах, покрытых лотосом, с белыми — четыре божества, все держат в правой руке по кошельку с головою ихневмона...

«С самого края, слева, на белом поле с красною картушью — bhaktajana: мужчина средних лет в сероватом длинном кафтане с коричневым, с бляшками, поясом...

«Работа — грубоватая, особенно окраска; рисунок — хороший и отчетливый.

Mandala Samvara.

«Mandala [1]) обычного типа [2]) с большим количеством тщательно выполненных деталей. Посредине в красном круге стоит синий Samvara с красною çakti. Samvara — с двенадцатью руками, двумя ногами, тремя головами. В руках, справа; 1) край белой слоновой шкуры, накинутый на плечи, 2) damaru, 3) paraçu [3]), 4 стерто, 5) triçûla, 6) vajra; слева: 1) край слоновой шкуры, 2) khatvânga, 3) kapâla, 4) pâça [4]), 5) отсеченная четырехликая голова бога Brahma, 6) ghantâ. У çakti правая нога обвивается вокруг пояса Samvara, левая вытянута вдоль его ноги, в правой руке — karttrikâ, левою она обнимает шею Samvara. Низко свешивается у Samvara ожерелье из отрубленных голов. Под правою ногою — красный лежащий мужчина, под левою — лежащая синяя женщина с kapâla... Полоса с желто-красным фоном разделена колоннами на восемь отделений; внутри каждого отделения отгорожено место для стоящей в пламени фигуры серо-синего Samvara с зеленою çakti; он четырехрукий и держит: справа — damaru [5]) и vajra, слева — khatvânga, ghantâ... Следующая полоса: фон — зеленый, Samvara — красный, а çakti — розовая... Весь круг лежит, как обыкновенно у mandala, на четырехугольнике, составленном из четырех треугольников: красного, желтого, синего, зеленого.

---

[1]) «Mandala — круг, волшебный круг, затем получил специальное значение в буддийской иконографии: так называются особые образа, на которых изображено обиталище того или другого будды или божества».

[2]) 94. Образ на холсте. 77×65. В общем хорошей сохранности, только местами пострадал.

[3]) Paraçu — топор.

[4]) Pâça — веревка, петля из веревки.

[5]) Damaru — небольшой ручной барабан.

В каждом углу — по dâkinî, с четырьмя руками: справа — damaru, karttrikâ, слева — kapâla, khatvânga... Внутри ворот — по божеству; 1) красный — одноголовый Vama, с четырьмя руками; справа — damaru, karttrikâ, слева — kapâla и khatvânga, в желтом пламени; 2) желтое божество с кабаньей (?) головой, в красном пламени, с теми же атрибутами; 3) такое же синее божество, с птичьей головой, в красном пламени; 4) такое же зеленое, с птичьей головой, в красном пламени. Ворота — обычного типа с колесом внутри caitya и с ланями по бокам; makara — обычного типа: красные, желтые, синие, зеленые. Рядом с makara — по красному, с зеленою каймою и развевающимися лентами, знамени. Далее, рядом со знаменами — т. н. драгоценности царя-миродержца. Любопытно, что это — особая серия восемь, а не семь драгоценностей, где восьмым, повидимому, для симметрии прибавлен меч (khadga), который обыкновенно в эту серию не входит... В четырех углах — сцены из кладбищ и адских мучений, чрезвычайно разнообразные...

Mandala.

«Вследствие плохой сохранности [1]), трудно определить главную фигуру в середине, и потому нельзя приурочивать mandala к определенному божеству. В середине — синяя фигура, шести или восьмирукая, çakti зеленая или желтая, повидимому шестирукая; левая нога обвивает мужскую фигуру, правая протянута вдоль ее левой ноги; видно только низко свесившееся ожерелье из черепов. Атрибутов различить нельзя. Центральная фигура правою ногою опирается на красную распростертую фигуру, левая — на синюю. Круг, на котором изображена центральная фигура — красный... Красный круг — на четырехугольнике, составленном из четырех треугольников: красного, зеленого, синего, желтого. Далее идет стена с четырьмя воротами, над которыми — священное изображение колеса закона с двумя ланями по бокам; над колесом — повидимому, зонт. Любопытно отметить, что закинутые головы и хоботы makara, которые обыкновенно сходятся почти полным сводом над воротами, здесь совершенно стилизованы, так что можно предположить, что иконописец не знал, что именно он изображает...

---

[1]) 96. Образ на шелку, оставшаяся часть. 51×52. Оторвано приблизительно 18 сантим. сверху. Сильно вытерт, что мешает выяснить детали.

«Как видно, mandala — несколько особого типа, так как обыкновенно «сцены» помещаются за пределами круга».

«В китайском сочинении», говорит академик С. Ф. Ольденбург [1]), в заключение «Матеріаловъ по буддійской иконографіи

Трафарет с изображением Будды в чайтья, с фигурами божеств в облаках.

Хара-хото», второй половины XIV века упоминается, что уже в начале XI века в Тангутском царстве занимались живописью, причем то же сочинение сообщает, что северовосточные тибетцы были искусными живописцами будд, что пользовались они больше всего бумажными тканями, поверхность которых покрывали лаком. Сведения эти, древнейшие из пока известных,

[1]) См. стр. 73—77.

Встреча верующего в Раю Сукавати буддою Амитабха в сопровождении бодисатв Авалокитешвара и Махастхама-прапта [1]).

вполне подходят к тому материалу, который нам доставил Хара-хото. Образа тибетского письма, найденные там, резко отличаются от образов китайского письма и дают неопровержимое доказательство того — чего мы впрочем и в праве были ожидать —

---

[1]) Образ, на котором изображена встреча перерождающегося праведника в Раю Амитабхи самим этим буддою и его двумя спутниками бодисатвами Авалокитешвара и Махастхама-прапта, особенно часто встречается в китайской и тангутской части собраний из Хара-хото. Мы знаем, что впоследствии эта тема перешла в Японию, где мы имеем великолепные ее композиции, притом чрезвычайно сложные.

Популярность этой темы и темы самого Рая Амитабхи об'ясняется популярностью в Средней Азии, Китае и Японии знаменитой книги «Лотос Истинного Закона» (посвященной Амитабхе), многочисленные отрывки санскритского оригинала которой были вывезены европейскими экспедициями из Средней Азии [Санскритский текст издан в Петербурге професс. Керном и Буньу Нанджо в Bibliotheca Buddhica, серии Российской Академии Наук].

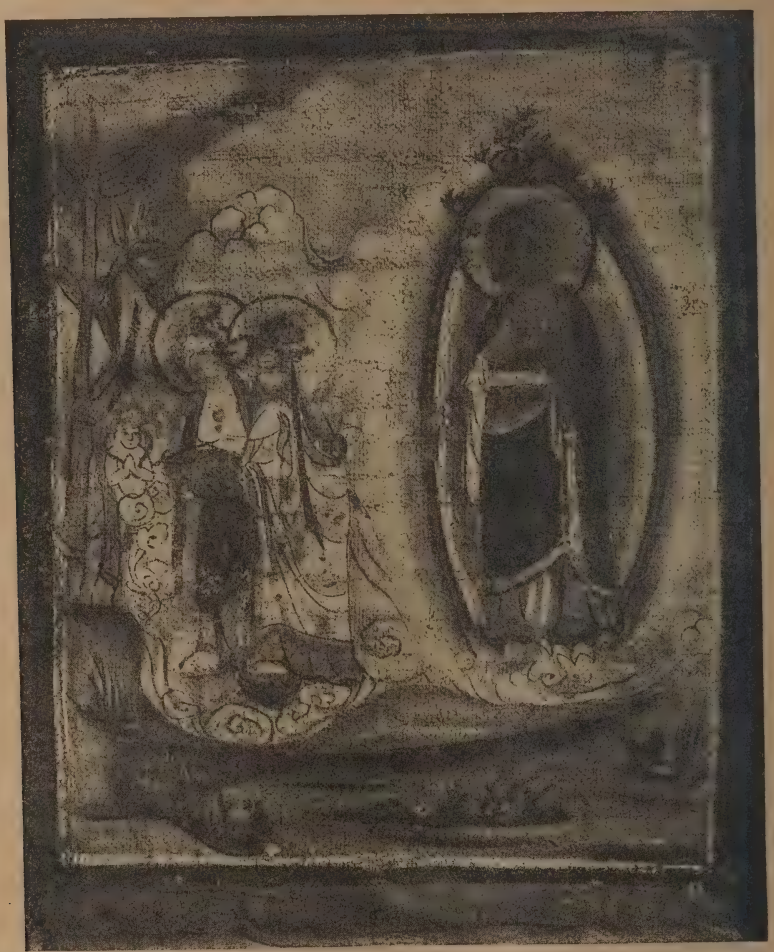
Вполне понятно, что в целях религиозной пропаганды особенно часто иконографией затрогивались указанные две темы. В этих образах верующий наглядно обучался тому, как награждается добродетель и дела веры.

Тема встречи в некоторых образах, напр., в фресках Дунь-хуана, которые, вероятно, имели влияние и на тангутскую иконопись, является частью более широкой темы «Раи Амитабхи». Наиболее обычное изображение представляет будду Амитабху, держащим золотой лотос, в который должен войти праведник, изображаемый младенцем, поднявшимся с земли на облака. По обе стороны будды бодисатвы: Авалокитешвара и Махастхама-прапта [С. Ф. Ольденбург].

основного, решающего влияния, которое индийская живопись имела на древне-тибетскую, а вместе с нею и на тангутскую, если в Тангутском царстве существовала своя самостоятельная школа живописи или иконописи. Это сразу отграничивает тибетскую живопись от китайской, так как индийская живопись по своим приемам есть живопись западная — пластическая. И действительно, если мы исключим облака и дракона, которые пишутся почти всегда по китайскому образцу, то не найдем почти

Встреча верующего в Раю Сукавати буддою Амитабха в сопровождении бодисатв Авалокитешвара и Махастхама-прапта.

ничего, что напоминало бы китайскую манеру письма. В образах из Хара-хото Китай напоминает еще то обстоятельство, что некоторые, весьма немногие, образа написаны на шелку — наиболее обычном материале китайских образов



Встреча верующего в Раю Сукавати буддою Амитабха в сопровождении бодисатв Авалокитешвара и Махастхама-прапта.

«Техника и приготовление образов — почти те же, что и в современной тибетской иконописи; и здесь сказался поразительный консерватизм Тибета, представляющего нам удивительный пример страны, письмена которой на протяжении с лишним тысячелетия не подвергались никакому изменению. Точно так же и многие образа настоящего собрания могли бы быть написаны почти в таком же виде иконописцами Лхасы

Бодисатва Майтрея

[Характерные признаки: сосуд в венце на голове и положение рук]. Если бы не положение рук, то изображение могло бы представлять бодисатву Махастхама-прапту. [Образ из Хара-хото, китайского письма, на шелку, отличной сохранности]

или Лаврана в наши дни. Как материал для образов употреблялось полотно и другие материи, как напр., клетчатые материи некоторых образов и в немногих случаях, шелк, чрезвычайно тонкий и редкий. Холст загрунтовывался, повидимому, мелом с клеем, и затем наводился лоск на этот грунт. По грунту при помощи трафарета обозначался контур. Образец такого трафарета изображен на рисунке к стр. 603; он находится в собрании рукописей П. К. Козлова из Хара-хото в Азиатском музее. Быть может, что иногда контур проводился и без трафарета, так как буддийские иконописцы имели и имеют удивительно верную руку и глаз. Достаточно указать на знаменитую серию изображений Банченей, вывезенную Г. Ц. Цыбиковым из Тибета, и на рисунки современных иконописцев. Затем уже рисунок раскрашивался. О красках, в виду отсутствия анализов, мы ничего пока сказать не можем. На их прочность ука-

Образ китайского письма — Сорок видов бодисатв Гуань-ин (Авалокитешвара), различающихся положением руки атрибутами; на тонком шелку, отличной сохранности.

зывает удивительная свежесть некоторых образов, где блеск красок изумителен. Кроме традиционных красок, мы встречаем розовато-фиолетовые тона большой нежности; золото большею частью вполне сохранило блеск и свежесть.

«Образ всегда окаймлен рамкою, причем в целом ряде случаев мы видим красную и желтую писанные полосы вместе с синим шелком, на который часто нашивались или которым обшивались образа; в виду этого, есть основание полагать, что и в старинной тибетской или тангутской живописи существовал уже обычай окружать образ тремя цветными каймами: красного, желтого, синего, символизирующими радугу.

Образ китайского письма — один из (сорока) видов бодисатв Гуань-ин (Авалокитешвара).

«Обращаясь к содержанию образов, мы прежде всего должны отметить отсутствие изображений сцен из жизни Будды и из джатак, которые столь излюблены индийскими и средне-азиатскими фресками, а отчасти и индийскими миниатюрами, и которые и до сих пор усердно воспроизводятся иконописцами. Как мы уже сказали выше, мы не считаем «сценами» из жизни Будды образа Алмазнопрестольного и образ Dharmacakrapravartana, так как они, по нашему мнению — лишь воспроизведение знаменитых образов, представляющих события из жизни Будды в значительно символизованном виде; подобно тому, как, наприм., глиняное изображение Будды с раздвояющеюся верхнею частью тела, тоже

Два вида бодисатв Гуань-ин (Авалокитешвара) из образа китайского письма из Хара-хото, представляющего сорок видов Гуань-ин (см. рисунок на стр. 607), различающихся положением рук и атрибутами.

найденное в Хара-хото [1]), символически изображает чудо с образом Будды, рассказанное Сюан-Цзаном. Нет в собрании и изображений сцен из жизни знаменитых учителей — лам. Следует ли это отсутствие об'яснить случайностью, мы сказать не решаемся.

«Пантеон настоящего собрания довольно велик и в общем отвечает типу современных пантеонов. Характерна разве одна, вполне понятная, особенность — единичный случай нахождения Yamantaka, и то как второстепенной фигуры. Yamantaka выдвинулся в буддийском пантеоне позже — с торжеством так называемой желтошапочной церкви последователей Цзонхавы, покровителем которой он является.

«Из будд мы имеем прежде всего Будду-Шакьямуни, — его образа по числу занимают первое место в собрании, причем среди них главное место принадлежит наиболее чтимому в буддийском мире образу «Алмазнопрестольного». Затем образ восьми великих чайтья, в честь которых составлялись гимны и которые среди уйгурских буддистов, близких соседей тангутов, пользовались особым почтением, как то свидетельствует уйгурская рукопись сутры «Золотого блеска». Образ Будды, вращающего колесо закона, сохранил нам, вероятно, изображение какого-нибудь знаменитого образа. «Владыка Врачевания», Bhaisajyabhattâraka (со спутниками), распространенный во всех странах северного буддизма. Несколько изображений Будды, которые пока не поддаются более точному отождествлению. Из других будд, может быть, имеем Dîpamkara и несколько изображений будды Amitâbha, вне серии пяти dhyânibuddha. Из серий будд имеем, кроме уже упомянутых будд врачевания пять dhyânibyddha, тридцать будд покаяния, серию восьмидесяти четырех будд вокруг центральной фигуры Будды, серию в одиннадцать будд, которую мы не умеем ближе отождествить.

«Из бодисатв имеем: Amitâyuh Avalokiteçvara Simhanâdalokeçvara, Sadaksarîmahâvidyâlokeçvara, Padmapâni — Lokeçvara и одиннадцатиликий, Manjuçrî (два вида). Mahâsthâmaprâpta, Vajrapâni, Vajrasattva, Samantabhadra. Весьма вероятно, что среди неотождествленных еще нами фигур имеются и неперечисленные здесь бодисатвы. Из женских бодисатв Usnîsavijayâ, Cundâ, Târâ (зеленая), Mârîcî, Sitâtapatrâ. Из yi-dam: Sam-

[1]) Оно будет подробно описано нами в одной из следующих частей описания собрания П. К. Козлова.

vara, Hevajra. Из Dharmapâla: Acala, Mahâkâla, Ganeça, желтый Jambhala, Yamântaka, Devi. Из Lokapâla: Dhrtarâstra, Virûpâksa, Vaiçravana. Женские божества: Kurukullâ, Ekajatâ, Vajravârâhî, Yamî (?), Sarasvatî. Из божеств: Brahmâ, Indra (?),

Образ китайского письма — один из видов Маричи.

божества Солнца и Луны. Из dâkini: Indradâkini, Buddhadâkini, Naro-mK'a-spyod-ma, Пагмо-дон-дув. Из других существ: nâga и garuda мужские и женские, preta. Из людей: волхвы Lui-pa (?) и Çavaripa и другие, пока неотождествленные, целый ряд неотождествленных лам. Наконец mandala.

«Из этого перечня видно, что число отождествленных лиц пантеона уже весьма значительно, а когда к ним прибавятся еще и те, которые пока, за отсутствием характерных атрибутов, не могут быть отождествлены с достаточною точностью, то мы заметим, что перед нами тот же в общих чертах пантеон, что и в настоящее время в Тибете и Амдо, с тою разницею,что учителя-ламы другие.

Композиция образов та же, что и в современной тибетской иконописи, стоящая в несомненной связи со скульптурою и фресками. Писаные образа на материи часто кажутся прямо уменьшенными копиями с фресок или подражанием скульптурным группам. Этим только лишний раз подчеркивается декоративный характер этой иконописи. Стоит только указать на преобладающую группировку трех фигур в центре, с буддою или бодисатвою посредине и двумя фигурами будд, бодисатв, божеств или монахов по бокам. Это обычный мотив композиции, начиная с древнейших скульптур или фресок; точно так же, как обычен вверху образа фриз из пяти dhyani-будд или иных групп будд. Столь же старого происхождения боковая орнаментовка образа полосою поставленных одна над другою небольших стел с фигурами. Совершенно аналогичную композицию мы нашли в одной пещере к северу от Турфана, на тибетский характер которой было уже указано проф. Грюнведелем. Полоса с пляшущими женскими фигурами внизу образа представляет собою, повидимому, некоторую особенность древнейшей тибетской иконописи... В настоящей краткой заметке мы не имеем в виду исчерпать вопрос о композиции описанных образов, а хотим только указать на тесную связь их с индийскою иконографиею и на их близкое родство, часто почти переходящее в тождественность, с современною тибетскою иконописью. С этой стороны необходимо отметить и два характерных отличия. Одно — в изображении воды, которая в современной тибетской иконописи изображается в виде зубчатых

---

[1]) Рисунки: A, B, C, D представляют собою отдельные фигуры большой иконописной комозиции, пока еще точнее не определенной. Несколько образов этой композиции, китайской работы, находится в собрании П. К. Козлова из Хара-хото. Настоящие образа, очевидно, развешивались на стене примерно в том же порядке как на образах только что указанных вокруг центрального образа Будды. Мы имеем здесь любопытный пример того, как композиция одного образа могла расчлениться на части, в виде серии отдельных образов. [С. Ф. Ольденбург].

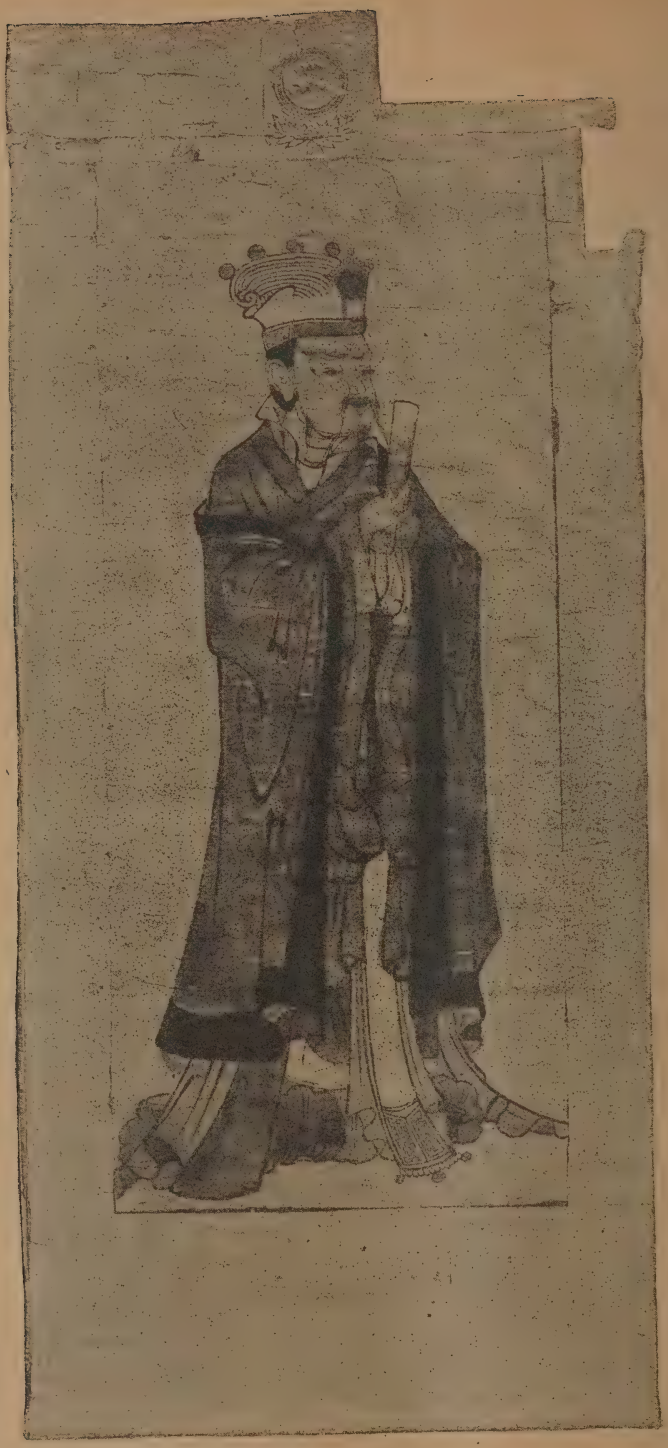


Рисунок А [1]).

Рисунок В.

Рисунок С.

Рисунок D.

волн и совершенно отличается от изображения воды на китайских образах. Тибетские образа Хара-хото изображают воду иначе. Другое отличие — это отсутствие любимых современною тибетскою иконописью горных ландшафтов, оживленных зверями.

«Нам остается коснуться самого трудного вопроса — о времени, к которому должны быть приурочены наши образа. Если бы в собрании П. К. Козлова были только тибетские образа, нам почти невозможно было бы дать сколько-нибудь точное хронологическое указание, — так мало еще изучена тибетская иконопись; мы могли бы разве сказать, что образа относятся ко времени до XV века по полному отсутствию указаний на «желтошапочную» церковь и на Цзонхаву; указание это, однако, было бы не вполне убедительно, как всякое argumentum a silentio, так как нет в образах указаний и на знаменитого Padmasambhava, позже которого, однако, они несомненно написаны. Никакой опоры не дает нам и сближение с турфанскими фресками. К счастью, вместе с тибетскими найдены и китайские образа, которые по стилю своему должны быть отнесены к концу Сунской, а некоторые, может-быть, даже к началу Юаньской династии. Наиболее вероятною датою для нас являются XII — XIII века, образа могут быть и древнее, но не могут быть моложе XIV века. Все тибетские образа найдены, согласно указания П. К. Козлова, в «знаменитом» субургане, и потому terminus ad quem для них один. Несомненно, что когда книги с письменами Си-ся будут прочитаны и тибетская иконография будет более изучена, мы дождемся и еще более точного хронологического определения.

«Нам не пришлось коснуться в настоящей статье одного чрезвычайно любопытного образа, представляющего будду Amitâbha в раю Sukhâvati, потому что главная часть образа — китайского письма и только фигуры будд вверху образа — тибетского письма. Мы опишем этот образ в следующей статье. Это — единственный нам пока известный пример того, чтобы на одном образе встретились эти два, столь противоположные по своему характеру, письма. Чем об'яснить это явление, мы пока не знаем. Ясное отличие китайских образов от тибетских сознавалось уже давно на местах, как видно, наприм., из тибетского текста о построении знаменитого монастыря Самьэ в Тибете».

Глава XXIX.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ.

Оставление Хара-хото; «Лошадиная загородка». — Путь до Эцзин-гола. — Летняя картина последнего. — Любопытный монгольский обычай. — Снова пустыня; граница хошунов. — Страдания больного Иванова. — Дряхлая старуха. — Оставление Иванова в Цогонда. — Монастырь Байшинтэ-хит. — Переговоры с управлением Балдын-цза-сака. — Экскурсия в горы. — Последняя корреспонденция в центр России. — Монгол Ловзэн-даши. — Прибытие Иванова. — Получение писем с родины. — Дальнейший путь. — Вид на Дэлгэр-хангай. — Порядок движения каравана. — Пустыня сменяется степью. — Antilope gutturosa, и дрофы. — Северные высоты и вид на Богдо-ула и Толу. — Впечатление последней ночи. — Приход в Ургу.

Поработав в Мертвом городе Хара-хото около четырех недель в самых тяжелых условиях и закончив все намеченные археологические изыскания как внутри крепостной стены, так и вне ее, путешественники стали подготовляться к выступлению в дальнейший путь. Все чувствовали большое утомление вследствие непрестанного сильного зноя, пыли и грязи, от которой мы не имели возможности избавиться за недостатком воды для питья. Все жаждали увидеть новые картины отрадной жизни природы, насладиться вновь зеленью деревьев, шумом листвы и запахом влажной травянистой растительности...

Шестнадцатого июня наш тяжелый, нагруженный бесценными историческими сокровищами, караван вышел в западные ворота тангутской столицы и, мимо северо-западного угла ее стен, направился к Эцзин-голу.

Рыхлый, сыпучий песок затруднял движение, животные с трудом передвигали ноги, но все-таки настроение было бодрое

и даже веселое... Только одно обстоятельство огорчало членов экспедиции: наш бедный товарищ, фельдфебель Иванов, заметно слабел, и страдания его с каждым днем увеличивались. С грустью прислушивался отряд к тихим жалобам моего неизменного спутника во время дороги, и тяжелым стонам в бессонные ночи... «Господи», с отчаянием шептал он бывало, «помоги мне добрести до Урги, помоги вступить на родную землю, больно мне умирать на чужбине»...

Верстах в трех к северо-западу от Хара-хото я ненадолго остановился для осмотра оригинальных развалин «Актын-хурэ» или «Лошадиная загородка», служивших в прежнее время по всей вероятности загоном для скота местных обитателей, а может быть даже и цитаделью или аванпостом харахото'ского гарнизона.

Актын-хурэ с севера непосредственно примыкает к старому сухому руслу Эцзин-гола, а с востока, юга и запада, составляя как бы замкнутое колено реки, вокруг него извивается глубокий ров, по обе стороны которого выстроены внушительные крепостные стены. Сейчас эти стены наполовину разрушены, а их деревянные части исчезли совершенно, оставив зияющие отверстия, где находят себе приют сокола (Tinnunculus tinnunculus), сычики и некоторые другие хищные пернатые. В окрестностях «Лошадиной загородки» еще видны кое-где остатки арыков, оросивших поля. Судя по тому, что в Актын-хурэ не сохранилось даже и следов жилых построек, а черепки и вообще керамические находки представляли большую редкость, я склонен приписать этим развалинам бо́льшую древность, чем Хара-хото...

По мере удаления экспедиции от Мертвого города, мною всё более овладевало чувство безотчетной грусти; казалось, среди этих безжизненных развалин осталось что-то близкое и дорогое мне, с чем впредь будет неразрывно связано мое имя, что-то, с чем больно было расставаться... Много, много раз оглядывался я на подернутые пыльным туманом исторические стены крепости и прощаясь, со своим седым и древним другом, с каким то странным чувством сознавал, что теперь над Харахото сиротливо возвышается лишь один древний субурган, тогда как другой неизменный товарищ его безвозвратно погиб— уничтожен пытливостью ума человека...

Но вот еще несколько часов непрерывного движения, и мы — в долине Эцзин-гола. Русла обнажены... Мунунгин-гол, на правом берегу которого мы разбили свой бивак [1]), тоже совершенно пересох и только местами, в омутах, образуя мелкие озера или пруды, еще стоит наньшаньская вода, скрывая кое-какую рыбу и давая пищу окружающей довольно свежей древесной, кустарниковой и главным образом травянистой растительности...

Заросли древесной растительности состоят из трех пород: разнолистного тополя (Populus euphratica), джигды (Eleagnus) и ивы (Salix). По окраине долины растут тамариск, хармык (Nitraria schoberi), сугак (Lycium turcomanicum), кендырь (Apocynum pictum), Zygophyllum brachypterum и Alhagi camelorum. Там и сям встречаются также Sphaerophysa salsula, Sophora alopecuroides, зубровка (Hierochloa borealis), Dodartia orientalis, лапчатка (Potentilla sapina), стручки (Erysimum altaicum), Arnebia fimbriata, Glycirrhyza, Cynanchum, Calamagrostis и немногие другие... «На этой узкой полосе кустарников и трав», говорит Г. Н. Потанин [2]), «соединено всё богатство здешней флоры, не отличающееся разнообразием форм. Лугов не только в том смысле, какой придается этому слову на нашем севере, но даже в смысле ордосских чайдамов» и Цайдама Пржевальского и моего, прибавлю я, «здесь нет; вместо луга, реку сопровождает песчаное прибрежье, которое местами бывает усеяно кустиками мелкой осоки, не сливающимися в сплошной зеленый покров».

Что касается животной жизни, то и она здесь также довольно бедна. Из зверей мы лично наблюдали: антилоп харасульт (Gazella subgutturosa), волков, лисиц, зайцев и более мелких грызунов, но по свидетельству туземцев, долину Мунунгин-гола населяют также дикие кошки и даже рыси.

Отмеченные нами здесь птицы следующие: саксаульный воробей (Passer ammodendri stoliczkae), хохлатый жаворонок (Galerida cristata leautungensis); первый — предпочитает держаться в древесной растительности, второй — на открытых

---

[1]) Ширина долины правого берега Эцзин-гола в этом месте колеблется от одной до двух верст.

[2]) «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія». Том первый. Стр. 458.

частях долины. По мокрым лугам встречались — Agrodroma richardi, желтая плиска (Budytes citreola); там и сям по долине — маленькие сорокопуты (Otomela isabellina), пустынные славки (Sylvia nana), камышевки (Acrocephalus arundinaceus orientalis), [1]) чекканы (Saxicola deserti atrigularis, S. isabellina), вертлявая кустарница (Rhopophilus pekinensis albosuperciliosus), ласточки (Hirundo rustica gutturalis), стрижи (Cypselus pacificus). На утренней и вечерней заре, у караванных животных, пролетали полуночники (Caprimulgus europaeus plumipes); по отмелям водоемов нередко срывался с резким свистом улит-черныш (Helodromas ochropus), а из соседних прибрежных зарослей вылетал красавец фазан (Phasianus satscheuensis), чтобы переместиться в более безопасное место. Над прозрачными водами Эцзин-гола довольно часто реяла скопа (Pandion haliaëtus), гнездо которой помещалось на усохшей вершине столетнего великана — тополя, красиво стоявшего на извилине, у одного из самых больших и обильных рыбой водоемов.

Представителями рыб в бассейне Эцзин-гола являются: карась (Carassius carassius auratus) и пескарь (Nemachilus yarkandensis), о последнем говорит Г. Н. Потанин [2]), а представителями «вредных тварей», как выражались мои казаки — скорпион, тарантул и проч., от которых мы нередко ограждались волосяными арканами, представляющими довольно надежное заграждение от упомянутых тварей.

После мертвенной тишины и однообразия пустыни, долина Эцзин-гола, несмотря на свой жалкий вид, показалась нам раем. Воздух был заметно влажнее и чище, ветер уже не обжигал дыхательных путей, а приносил отрадную свежесть, ночью температура понижалась до 8.5° С. Мои спутники безустали полоскались в воде, мылись сами и мыли или стирали белье. За обедом, вместо опротивевшего консервированного мяса, мы теперь лакомились свежей бараниной, ухой и жареной рыбой, ежедневно добываемой в потребном количестве.

---

[1]) Голосистые, крикливые, не лишенные своеобразной гармонии, камышевки оправдывали свое характерное название, ютясь исключительно в прибрежных камышевых зарослях...

[2]) Там же, стр. 455.

Из пресмыкающихся в низовье Эцзин-гола нами добыты, по определению С. Ф. Царевского, лягушка (Rana amurensis) и новый вид жабы (Bufo Kozlovi).

Скот местных торгоутов довольно состоятельного хошуна Бату выглядел холеным и сытым, кобылицы давали много молока для кумыса, и я ежедневно отправлялся в соседнее стойбище полакомиться этим прекрасным и полезным напитком. Здесь, мы совершенно случайно познакомились с одним новым для меня монгольским обычаем. Оказывается, после смерти главы дома, в течение сорока девяти дней, а у некоторых и более, монгольская семья не имеет права выносить чего бы то ни было из своей юрты. Поэтому и кумыс, который мы брали у вдовы богатого монгола, нам не могли приносить на бивак, и я должен был сам являться в осиротелую семью, где соблюдали строгий траур по покойном хозяине, и утолять жажду, не выходя за дверь его дома...

Лучшая монгольская табакерка (китайской работы).

На берегу восточного рукава Эцзин-гола, в урочище Чжаргалантэ, экспедиция предполагала сделать небольшую остановку для расплаты с туземцами и местными властями. В общем, скорбный лист выражался в несколько сот лан серебра, которые я и поспешил переправить в ставку торгоутского бэйлэ. Этот владетельный князь, повидимому, избегал встречи со мною, боясь, что после посещения Лань-чжоу-фу и Гумбума мне стали известны некоторые действительно компрометирующие его факты; он ограничивался лишь заочными переговорами, приветствиями и различными услугами, с успехом выполняемыми по его поручению монгольскими чиновниками.

Только в последний день пребывания каравана в Чжаргалантэ торгоут-бэйлэ всё же не утерпел и неожиданно явился на бивак, в сопровождении подростка-сына и целого штата приближенных. Встреча наша была самая сердечная; я от души благодарил торгоутского управителя за его содействие нашим работам в Хара-хото, обещая князю исходатайствовать перед научными учреждениями Петрограда о пожаловании ему соответствующего подарка, а он с своей стороны восхищался русскими ценными предметами, поднесенными ему теперь на память.

Закончив все дела и закупив необходимые продукты продовольствия, а также несколько лошадей из табуна бэйлэ, мы на ранней зорьке, двадцатого июня, уже снова мерно покачивались на своих неизменных кораблях пустыни, следуя на север вдоль Эцзин-гола, то среди бугров, поросших тамариском, то среди свеже-изумрудной зелени камыша. На востоке залегали пески, известные у торгоутов под названием Атца-сончжин-илису — что значит «Вило-башенные» [1]) и Шара-булунгэн-илису — «Пески желтых луж» [2]), а на севере неясными чертами выступала вершина горы Боро-обо, отмечавшая собою противоположный берег пресноводного бассейна Сого-нор [3]), и еще далее — высоты Нойон-богдо.

Последняя ночь, проведенная на берегу реки, показалась нам особенно приятной. С вечера прошел сильный дождь, оставивший после себя прекрасный аромат сырой травы и прелой земли; мухи и комары куда-то исчезли, остались летать только одни крупные безобидные хрущи; воздух посвежел, и в прозрачном небе искрились, мерцали и падали звезды. Луна мягко озаряла длинную полосу воды, залегавшую в углублении корытообразного русла Эцзин-гола, оттеняя правильные круги, образуемые всплесками рыб... Мы подходили к границе оазиса и центрально-монгольской пустыни.

Вступая снова в область хрящеватой пустыни, дышавшей попрежнему томительным зноем, мы искренно мечтали только об одном: возможно быстрее перешагнуть пески и окунуться в приятную прохладу гор Гурбун-сайхан. Пока что приходилось мириться с давно знакомым и вечно грустным, тоскливым пейзажем... Местность на сотни и сотни верст кругом была усыпана словно гигантским ковром мелким щебнем, почерневшим от загара. Невзрачный саксуал и редкие кусты хармыка выглядели захудалыми, жалкими растениями. Кроме быстроногих антилоп боро-цзере (Gazella subgutturosa), однообразных плоскоголовых ящериц, несносных оводов, особенно мучивших нас в низине Сого-нора, и изредка посещавших бивак по но-

---

[1]) Так называлась южная часть песков.

[2]) Так называлась северная часть песков.

[3]) Я очень сожалею, что обстоятельства времени и средств не позволили мне подробно исследовать бассейн Сого-нора. В будущем необходимо совместить эту работу с весенним-осенним перелетом птиц и дополнительными раскопками в Хара-хото.

чам тушканчиков, нам не встречалось ни одного живого существа. Кочевники тоже куда-то исчезли; вероятно невыносимотягостный зной загнал даже этих привычных детей пустыни в более прохладную область высот Нойон-богдо... Лишь одни сильные вихри, словно таинственные демоны, разгуливали по открытой равнине, иногда подолгу кружась в дикой пляске на одном месте. Природа спала здесь тяжелым сном, похожим на смерть; о смерти же постоянно напоминали скелеты павших животных-верблюдов или лошадей — немые свидетели всех тягостей пустыни.

С особенным чувством облегчения, но вместе с тем и неясной грусти, оставили путешественники владения торгоут-бэйлэ и вступили на землю Балдын-цзасака. Граница двух соседних княжеств отмечена здесь полуразвалившейся глинобитной башней, и направляется с запада на юго-восток, восточнее горок Багахонгорчжэ.

Миновав урочище Ихэн-гун-худук, экспедиция отклонилась от своего прежнего маршрута и избрала новый, более прямой, северо-восточный путь по направлению к Урге. Мы шли в прорыв, с одной стороны образуемый холмами Хуху-арык, с другой характерной высотой Талэн-хайрхан, поднимавшейся солидною темносерою шапкою над равниной... К северу виднелись мягкие гребни каменистых волн, над которыми доминировали вершины Цзурумтай, Урт-хайрхан [1]) и хребет Ихэ-аргалэнтэ.

Колодец Цогонда и прозрачный родник того же имени, на некоторое время задержали ходкое движение каравана: в этом симпатичном уединенном уголке пришлось сделать привал из-за мучившей моего старика Иванова болезни. Призванный для пользования больного врач-лама облегчил его только на самый короткий срок. Бедный страдалец заметно слабел, и, не веря в возможность выздоровления, сильно грустил, постоянно думая и говоря о смерти... Двадцать шестого июня он позвал меня к себе, для того, чтобы проститься, и сообщить свою последнюю волю... Казалось надежды на благополучный исход оставалось мало, но мы подбадривали друг друга и не падали духом...

---

[1]) Нам предстояло пройти между этими высотами.

Маленьким развлечением в тяжелые минуты служили нам коренные местные пернатые обитатели, ежедневно прилетавшие на водопой. По утрам и вечерам, в прохладные часы, на горизонте всюду показывались стайки птиц, спешивших насладиться влагой. В перемежку с голосами больдуруков неслись крики куликов-песочников, улитов и зуйков. Животный мир как всегда, везде и всюду, дышал беззаботной радостью и весельем. Тут же рядом ютилось кажется не менее дикое, не менее близкое к природе существо — дряхлая, жалкая нищенка-монголка, с маленькой девочкой-дикаренком, но будуди человеком, она уже являла собою пример самого печального, горестного существования. Ласковый добрый взгляд потухших глаз невольно вызывал участие и сожаление, а привычная, воспитанная веками приветливость и гостеприимство, выражавшиеся в традиционном угощении чаем — заставляла нас не один раз умилиться перед этой одинокой, терпеливой и покорной судьбе женщиной...

После всестороннего обсуждения трудного вопроса о дальнейшей судьбе нашего общего любимца Иванова, я решил не затруднять его больше регулярными утомительными переходами, а временно оставить больного в прохладном урочище Цогонда, где бы он с помощью младшего сотрудника Четыркина и казака Содбоева, мог как следует отдохнуть. Главный караван предполагал устроить продолжительную остановку в Гурбӯнсайхан'е куда должен был при первой возможности добрести транспорт с бедным страдальцем.

Итак, двадцать седьмого июня, с тяжелым чувством, мы трогательно простились с Ивановым, и бодро двинулись по направлению к прорыву между горами Урт-Хайрхан и Цзурумтай. Теперь долина сменилась темно-бурыми каменистыми высотами, несшими еще более пустынный характер.

Подкрепившись в уроч. Цзосто [1]) свежим мясом, добытым у туземцев, путешественники углубились в ущелье, окаймленное красными конгломератовыми обрывами и отдельно-стоящими деревьями ильмов, лепящимися по крутым отвесным скалам, а

[1]) Урочище Цзосто имеет еще второе название — Булыктэ. Суеверные монголы убеждены в том, что живя в этом урочище люди могут называть его только Булыктэ; употребление второго наименования — Цзосто — допустимо лишь на известном расстоянии от данного места. Несоблюдение этого правила влечет за собою, якобы, тяжелые для провинившегося человека, последствия.

затем поднялись на мягкую, поросшую саксаулом, террасу, сбегавшую с гор Цзурумтай. Впереди, далеко, неясно обрисовывался Цзун-сайхан, несколько ближе высились массивы Ихэ-аргалэнтэ и Дунду-сайхан, западный край которого заслонялся вершинами Цзолин'а и Куку-нуру.

Первую трехдневную остановку мы устроили в кормной котловине, вблизи монастыря Байшинтэ-хит; прекрасные травы [1]) дали возможность нашим животным оправиться, а соседнее болото подарило зоологической коллекции несколько интересных экземпляров куликов. Мои спутники тут добыли: большого кроншнепа (Numenius arquatus), песочника краснозобого (Ancylochilus subarquatus) и улита-краснокожку (Totanus calidris); кроме того, в камышах, были замечены утки-кряквы, турпаны, журавли-красавки, крачки-мартышки, чибис и немногие другие, а в ближайших песках препаратор поймал нескольких ящериц Пржевальского и десятка два жуков, преимущественно долгоносиков. Погода стояла прекрасная, вечерами дышалось свободно, а днем прозрачный воздух открывал синеющие дали, где на светлом фоне резко выступал Гурбун-сайхан во всей своей мощной красе.

Бодисатва Амитаюс [темной бронзы, работа индийского типа).

Скромный, небогатый монастырь Байшинтэ-хит существует всего около семидесяти лет и за это короткое время успел уже

---

[1]) В долине прилежащей к горам Гурбун-сайхан с юга, на пути экспедиции, собраны нами, по определению В. Л. Комарова, следующие формы растительности: ильм (Ulmus pumila), хармык (Nitraria schoberi), дикая слива (Prunus pilosa), лапчатка (Potentilla bifurca), клоповник (Lepidium micranthum), золотая трава (Senecio nemorensis), ломонос (Clematis fruticosa), Panzeria lanata, касатики (Iris bungei, Ir. ensata), Cancrinia brachypappus, житник (Hypecoum erectum), Ptilotrichum canescens, червогонник (Zygophyllum mucronatum), брунец (Sophora alopecuroides), мордовник (Echinops turczaninowi), мышьяк (Thermopsis lanceolata), пырей (Agropyrum repens), мохнатка (Scorzonera mongolica), лютик (Ranunculus plantaginifolius) и немногие другие.

дважды подвергнуться разгрому со стороны дунган. По спискам, в этой кумирне числится пятьсот лам, но в действительности их не более двухсот... Настоятелем является почтенный старец-лама, но фактически управляет делами энергичный, толковый монах — «нирва», который и принял самое горячее участие во всех нуждах русских путешественников.

С помощью обязательного ламы мы быстро установили связь с местным управлением, находившимся в горах, и с нашим приятелем цзасаком, только недавно перекочевавшим в отдаленную ставку Барун. Оказывается, молодого князя постигло несчастие и он скрывался от посторонних глаз: старший брат цзасака — лама умер от тяжелой заразной болезни, перешедшей еще на нескольких членов княжеской семьи... Гонец нирвы, посланный к чиновникам — тусулакчи и цзахиракчи очень быстро исполнил все наши поручения и доставил нам почту, заключавшую в себе два письма из Лань-чжоу-фу и пакет от Ц. Г. Бадмажапова, как оказывается недавно проехавшего через Байшинтэ в Ургу. Мой сотрудник выражал сожаление, что нам не удалось встретиться в монастыре и сообщал между прочим, что капитан Напалков оставил Алашà-ямунь еще девятого мая — так что в настоящее время счастливый топограф вероятно уже вкушал все блага культурного существования...

Второго июля двинулись к северу и мы, держа направление на красные холмы урочища Улан-булык, откуда предполагалась довольно продолжительная экскурсия на южные склоны Дунду-сайхан'а, с целью ознакомления с флорой и фауной этих гор. Накануне выступления экспедиции, наш бивак оживился неожиданным приездом фельдфебеля Иванова, немного оправившегося от своего недуга... Теперь он мог рассчитывать на хороший отрадный отдых среди прохлады, в обществе всех своих товарищей... Расстояние до границы родной земли заметно сокращалось, а вместе с тем росла и надежда благополучно доставить больного до русского врача...

Поднявшись над долиною монастыря до полуверсты по вертикалу, путешественники расположились лагерем на берегу прекрасного родника, сильной прозрачной струею вырывавшегося из земли. На севере, у подножья крутого массива, заманчиво зеленели лужайки, пестревшие стадами баранов, а выше гордо выступали оголенные бурые скалы.

Вдоль южного предгорья Гурбун-сайхан, преимущественно на запад от маршрута и стоянки экспедиции при ключе Уланбулык, были наблюдаемы и собраны в гербарий: колокольчики (Convolvulus ammani), кермек (Statice tenella), Lagochilus diacanthophyllus; Hypecoum erectum, стручки (Erysimum andrzejoskianum), Oxytropis oxyphylla, крапива (Urtica cannabifolia), ячмень (Hordeum pratense), ковыль (Stipa splendens), пшеничка (Agropyrum pseudoagropyrum), дикая рожь (Elymus dasystachys), Panzeria lanata, липучка (Echinosperum deflexum), пушник (Crepis tennifolia), душмянка (Nepeta botryoides), норичник (Scrophularia canescens), Caragana pygmaea, куросле́п (Stellaria gypsophiloides), горошек (Vicia costata), Asparagus, Taraxacum, Carex и другие.

Убогие кочевники, ютившиеся по соседству с лагерем экспедиции каждый вечер пригоняли свой скот к нашему ключу или к колодцу Амын-усу и охотно вступали с русскими в разговор. Эти люди относились к чужестранцам очень доверчиво и на наше хорошее отношение, выражавшееся главным образом в том, что мы всегда делились с ними своими излишками, отвечали теплым приветом, особенно трогательным со стороны таких бедняков, весь век прозябающих в безысходной нужде.

В серое, прохладное утро, четвертого июля, лишь только лучи восходящего солнца позолотили высшие точки Дундусайхан, от экспедиционного бивака отделилась маленькая, оживленная группа всадников, направившаяся прямо к узкому ущелью. Два скромных вьюка и небольшая палаточка, нагруженные на маленьких коней, говорили о том, что веселая компания едет в легкую и не очень продолжительную экскурсию... Настроение у всех было бодрое и радостное. Мы надеялись найти интересных животных и птиц и как следует поохотиться. Чем глубже в горы продвигались экскурсанты, тем ярче и привлекательнее становилась растительность.

В среднем поясе южного склона гор произрастают, более или менее пышно, следующие формы растительности: дикая смородина (Ribes aciculare), несколько видов лапчатки (Potentilla nivea, P. bifurca, P. multifida, P. sibirica), Sibbaldia adpressa, Leptopyrum fumarioides, живительная трава (Thalictrum foetidum), заразиха (Orobanche coerulescens), резуха (Androsace villosa), заячья капуста (Sedum elengatum, S. hybridum), ломо-

нос (Clematis orientalis var. tangutica), душмянка (Nepeta macrantha), Physochlaena physaloides, аконит (Aconitum barbatum), липучка (Echinosperum strictum), пчелка (Delphinium elatum) и астра (Aster alpinus).

Вот у одной скалы на секунду показались горные козлы (Capra sibirica) и тотчас исчезли; невдалеке, за низкорослым кустарником (Ribes), промелькнула лисица... В небесах величественно парил орел-беркут, а вблизи беззаботно резвились вьюрки, чечётки, чекканы и другие мелкие доверчивые пташки. Лошади дышали тяжело, но крутому под'ему близился уже конец: впереди виднелся мягкий зеленый перевал Хурдэн-дабан. Обширный горизонт открылся перед нами с вершины перевала: к северу простиралась беспредельная даль центрально-монгольской равнины, над которой причудливо громоздились золотистые облака, освещенные солнцем; обставленные темно-красными скалами, ущелья сбегали вниз тонкими извилистыми змеями; кое-где в бинокль усматривались стойбища монголов и стада скота — баранов, домашних яков или сарлыков и лошадей, бродивших по темно-зеленым лугам... В соседних утесах слышались голоса алтайских улларов (Tetraogallus altaicus), а где-то невдалеке им вторила кукушка... Стрижи с резким шумом носились над головою, вблизи, с камня на камень изящно и неторопливо перемещалась пара горихвосток (Ruticilla rufiventris). Внизу, под обрывом, коршун ссорился с под'орликом; высоко в облаках, без единого взмаха крыльев, величаво плыли по воздуху два бородатых ягнятника, следовавшие один за другим на недалеком расстоянии... Долго стояли мы на вершине Хурдэн-дабана и наслаждались всем окружающим. Только свинцовые тучи, постепенно обложившие горизонт, заставили нас искать убежища в более укромном уголке — за гребешком невысокого увала, где быстро появилась охотничья палатка, а рядом — приветливый костер... Дождь пошел очень скоро; барометр продолжал опускаться, не подавая надежды на просветление атмосферы.

Едва перестал падать дождь, как мы отправились на охоту за улларами. Местный уллар еще очень обыкновенен и известен всем туземцам под именем «хойлык». Зимою, по словам монголов, он спускается и в средний пояс гор, теперь же — летом держится исключительно в верхнем. Мы встречали опи-

сываемую птицу табунками в десять-двенадцать и даже в двадцать особей, хотя попадались иногда выводки в три-четыре птицы и отдельные пары. По утрам и вечерам, в хорошую погоду, уллары издают свой характерный свист, напоминающий свист других видов, всего более Tetraogallus thibetanus. Едва пронесется первый звук уллара, как тотчас начнут откликаться птицы с других вершин... Слышный на далекое расстояние свист звучит, переливаясь волной, в течение долгого времени и тем дольше, чем больший район занимают птицы... В дождливую погоду уллар молчит и таким образом является своего рода барометром, с указаниями которого считаются даже монголы. Последние иногда охотятся за улларами, отчего они очень строги и застрелить их не так-то легко. Заметив охотника, птица настораживается, поднимает вверх голову, испускает учащенное ко-ко-ко-ко-ко и перелетает в скалы, обыкновенно залегающие на противоположной стороне ущелья... Кроме человека, уллара преследует орел-беркут...

Первые наши охоты за хойлыком были неудачны, пока мы не изучили их насиженных мест, пока, как говорят, не приноровились к месту и повадкам птицы. Затем, всё пошло хорошо и в орнитологическую коллекцию экспедиции поступило несколько экземпляров весьма интересной птицы.

Проведя два дня в горах, я лично должен был возвратиться на главный бивак, где меня ожидали всякого рода неотложные занятия и, между прочим, очередные астрономические наблюдения. Спутникам же моим было поставлено задачей продолжение исследования Дунду-сайхан по части сборов образцов геологических, ботанических[1]) и зоологических...

---

[1]) Верхний пояс описываемых гор, того и другого склонов, обогатил гербарий экспедиции нижеследующим списком растений: Astragalus mongolicus, Dracocephalum fruticulosum, Thalictrum foetidum, Aquilegia viridiflora, Galium verum var. trachyspermum, Thymus serpyllum, Bupleurum pusillum, Papaver alpinum, Elymus sibiricus, E. junceus, Agropyrum cristatum, Linaria vulgaris, Rheum undulatum, R. univerve, Veronica incana, Cerastium arvense, Arabis incarnata, Dontostemon senilis, Eritrichium pectinatum, Ptilotrichum canescens, Arenaria formosa, Androsace maxima, An. septentrionalis, Draba nemorosa, Aster alpinus, A. altaicus, Hesperis aprica, var. densata, Saxifraga sibirica, Cerastium arvense, Tragopogon orientale, Papaver nudicaule, Amethystea coerulea, Caryopteris mongolica, Artemisia pectinata, Ar. sacrorum, Ar. scoparia, Ar. frigida, Ar. vulgaris, Ar. annua, Ar. dracunculus, Ar. palustris, Senecio vulgaris, Alyssum lenense var. leiocarpum, Prunus pilosa, Atraphaxis pungens, Statice aurea, Haplophyllum dauricum, Iris ensata, Ir. bungei, Isatis tinctoria, Lychnis affinis, Salsola collina, Ephedra monosperma, Lophanthus chinensis, Euphorbia pallasi, Lepidium lati-

В урочище Улан-булык жизнь текла попрежнему: кто занимался починкой одежды, обуви, кто стиркой белья, а кто консервировал мясо — необходимый запас продовольствия на пустынные переходы. Сам я по возвращении на бивуак тотчас занялся, кроме указанных наблюдений, еще и просушкой растений и приготовлением последней официальной почты на родину. Предстояло написать в Географическое Общество, Академию Наук, Генеральный Штаб и моему московскому другу, географу профессору Дмитрию Николаевичу Анучину, также крепившему дух мой в тяжелые минуты путешествия в Центральной Азии...

Шестого июля экспедицию посетил поверенный Балдын-цзасака — зять монгольского князя, Ловзэн. Этот чиновник привез мне от своего начальника и старой вдовствующей княгини два больших приветственных хадака, изящную «тамахэн-саба» — табачный карман, для ношения на поясе вместе с табакеркой и часами, и обычные азиатские дары, в виде сыра, мяса, кумыса и прочих с'едобных предметов. Ловзэн-даши передал нам уверение в дружбе княжеской семьи, и сожаление, что несчастное стечение обстоятельств воспрепятствовало нашему свиданию. Незаметным образом, в разговоре, ловкий дипломат выговорил своему князю право присвоить некоторые вещи и принадлежности к ружью, оставленные русскими в его владениях при следовании в передний путь. В обмен на это Балдын-цзасак обязывался подарить экспедиции свое старинное ружье...

В непрерывном труде дни текли быстро, и только когда однажды на бивак неожиданно прискакал гонец из Урги с корреспонденцией, когда на нас, азиатских отшельников, повеяло вновь родным и любимым — только тогда мы вдруг почувствовали необыкновенное томление души, время как будто остановилось в своем стремлении: часы и дни поползли медленно и нудно...

Среди многочисленных писем от научных учреждений, родных и друзей, была также весточка от капитана Напалкова, в которой он сообщал весьма интересные сведения. «В начале июня, писал топограф, через Ургу, по направлению Кобдо, проследовала французская археологическая экспедиция, с целью

---

folium, Cymbaria dahurica, Gypsophila gmelini, G. glandulosa, Silene repens, Setaria viridis, Agropyrum cristatum, Stipa inebrians, Erodium stephanianum, Arnebia cornuta, Reaumuria songorica, Pedicularis, Matthiola, Chenopodium и Sisymbrium.

подробного ознакомления и исследования развалин городов Чжунгарии и Восточного Туркестана». Внимание и интерес научного мира к седой старине бассейнов Улюнгура и Лобнора еще сильнее пробудились, и по проторенным русскими исследователями дорожкам, более нежели прежде потянутся теперь путешественники других стран [1]).

Тем временем отряд понемногу готовился в путь-дорогу. Наши караванные животные — верблюды и лошади, — отдохнув и подкрепившись на прекрасных пастбищах монастыря Байшинтэ, присоединились к экспедиции, и только поджидали сигнала к выступлению.

Монгольская (халха'ская) девушка.

Экскурсанты тоже возвратились из гор Дунду-сайхан и привезли с собою свыше ста разнородных видов растений, около двадцати экземпляров птиц, несколько шкурок грызунов и шкуру со скелетом горного козла...

Энтомологические сборы оказались весьма незначительными да и вообще выяснилось, что, несмотря на свой приветливый, внешний облик, Дунду-сайхан, против всяких ожиданий, беден в естественно-историческом отношении. Из представителей маммалогической фауны в нем обитают: горные козлы, собирающіеся в стада из пятнадцати-двадцати особей, аргали, встречающиеся гораздо реже, и небольшими группами, в две-три головы; в предгорьях иногда пасутся Antilope subgúttúrosa, забегающие из долин. Из грызунов здесь водятся зайцы,

[1]) Весною 1914 года Хара-хото посетил английский путешественник Штейн. The Geographical Journal. September 1916. A third journey of exploration in Central Asia; 1913—1916. Sir Aurel Stein, K. C. I. E., D Sc. D. Zitt.

пищухи — скалистая и степная, суслики. Что же касается до хищников, то вся группа Гурбун-сайхан богата волками, постоянно беспокоящими стада кочевников, лисицами и хорьками; как редкость, порою, наблюдаются низкий китайский барс и пятнистый леопард, заходящие, вероятно, с северо-запада — с более высоких скалистых частей Монгольского Алтая.

Тринадцатого июля лагерь экспедиции снялся с последней более или менее длительной стоянки в горах, с тем, чтобы уже до самой Урги следовать форсированными переходами, ежедневно покрывая от тридцати пяти до сорока верст. По выходе из Дунду-сайхан'а, перед нами открылась волнообразная равнина, усыпанная то мелким песчано-каменистым продуктом разрушения горных пород, то крупными, обточенными дождями и ветром обломками гранита, среди которого изредка встречались и ноздреватые куски лавы.

Далеко на севере темнели зубчатые вершины печального, оголенного Дэлгэр-хангая, а вблизи на северо-востоке блестела под лучами утреннего солнца поверхность болотистого озерка Бомботэн-нор, появляющегося лишь в период сильных дождей.

Повсюду кругом росли низкорослые кустарнички-караганы, по руслам, над дэрэсуном, одиноко вздымались жалкие тограки, а по пологим откосам холмов расстилалась луговая растительность, состоящая преимущественно из пожелтелого кипца [1]). Лошади [2]) ступали ходко, и быстро перегоняли медлительных, сосредоточенных верблюдов. Продвинешься бывало далеко вперед, выберешь местечко с хорошим кормом, отпустишь коней попастись, а сам вооружишься биноклем и подолгу лежишь на земле, наблюдая за жизнью природы... [3]) Вблизи бегают и взлетают жаворонки (Pseudalaudula pispoletta seebohmi, Otocorys brandti brandti), кое-где по вершинкам темнеют отдыхающие хищники: сарычи, сокола и реже орлы. Вот

---

[1]) Проводник — симпатичный монгол Агван — указал нам среди кипца ядовитый злак, от которого кони не только заболевают, но часто даже и погибают.

[2]) От низовья Эцзин-гола до Урги экспедиция располагала тремя-четырьмя лошадьми, которыми помимо меня пользовались еще и препараторы и мой казак-ординарец.

[3]) От гор Гурбун-сайхан до самой Урги наши последние сборы не отличаются полнотою. Вот они — Stipa splendens, Astragalus adscendens, A. tennis, Odontites rubra, Potentilla multifida, P. tunacetifolia, P. fruticosa, P. bifurca, Poa fastigiata, Beckmannia cruciformis, Papaver nudicavle, Adenophora marsupiiflora, Leonorus sibiricus, Medicago ruthenica, Lophanthus chinensis, Ribes diacantha, Thalictrum squarrosum, Ulmus pumila,

из-за холма выпрыгнул заяц, сел насторожив ушки, и внимательно поглядывает в мою сторону. Где-то невдалеке просвистела пищуха... Доверчивая любопытная ящерица, не чуя опасности, взобралась на край моей одежды и греется на солнце... А вот несколько поодаль и парочка антилоп хара-сульт, мирно пощипывающих зелень. В бинокль ясно видно наивное выражение любопытства в глазах и напряженное внимание во всей фигуре. При первом подозрительном шорохе мать сразу настораживается и, подняв головку, слегка всхрапывает, пристально всматриваясь в человека; еще секунда — и обе антилопы, вытянувшись во всю длину, стремительными прыжками уносятся в притихшую, кажущуюся беспредельной равнину...

Урга. Монгол-чиновник, повидимому, из свиты хана — богдо-гэгэна.

Чем дальше мы продвигались на север, тем приветливее становилась местность — каменистая пустыня сменялась степью, которая довольно обильно населена номадами; почти каждый колодец являлся маленьким центром, вокруг которого группировались кочевники со своими

Haplophyllum dahuricum, Caragana microphylla, C. pygmaea, Delphinium dissectum Sanguisorba officinalis, Phlomis tuberosa, Aconitum barbatum, Artemisia laciniata, Linum perenne, Scutellaria scordifolia, Nepeta pinnatifida, Bromus inermis, Gentiana decumbens, G. riparia, Campanula glomerata, Hypecoum erectum, Artemisia anethifolia, Ar. adamsii, Ar. sieversiana, Ar. sacrorum, Inula britannica, Agrostis laxiflora, Salix acutifolia, S. viminalis, Pirus baccata, Populus suaveolens, Crataegus oxyacantha, Prunus padus, Alopecurus ruthenicus, Agropyrum repens, Elymus sibiricus, Setaria viridis, Geranium pratense, Dianthus chinensis, Hesperis aprica, Smelowskia cinerea и Parnassia palustris.

стадами; колодезная вода вблизи монгольского стойбища, всегда отличалась отвратительным запахом, так как никто не заботился о ее чистоте и скот, утолив жажду, нередко оставался пастись или стоять тут же рядом, загрязняя всё окружающее своими нечистотами...

Вместе со степной растительностью, с каждым днем увеличивалось количество степных животных обитателей; оригинальные любопытные тарабаганы то и дело посвистывали, поднимаясь на задних лапках и обозревая безлюдную равнину... Дрофы целыми табунками кормились, там и сям, а антилопы цаган-цзере (Antilope gutturosa) и боро-цзере (Antilope subgutturosa) попрежнему ласкали взгляд путешественника [1]).

Уличная сценка в Урге, в русской колонии. Две женщины монголки (см. их оригинальную прическу и убранство головы) беседуют с русской молодой женщиной, стоящей на крыльце своего дома.

Восточный горизонт с'уживался высокою стеною гор Ара-уртэ, сложенных из красноватых пород, преимущественно гранита; скалы, пики и обрывы темными пятнами выделялись среди лугов, пышным ковром сбегавших по отлогим склонам хребта и по берегам двух могучих ручьев Бага-атацик и Ихэ-атацик...

Перевалив высоту Гангэн-дабан, абсолютно поднятую около 5.485 футов, караван спустился в долину Бугук-гола, а там, с одного из второстепенных кряжей, наконец, открылся и вид на давно знакомую и давно желанную реку Толу, блестевшую на солнце серой сталью.

Вот показалась вдали и Урга...

---

[1]) Антилопа цаган-цзере встречается почти всегда большими стадами исключительно в местности несущей степной характер, тогда как боро-цзере держится пустыни чаще всего маленькими группами и даже одиночками. Таким образом на границе пустыни со степью граничат и вышеуказанные антилопы...

Темный величественный массив Богдо-ула дремал закутавшись в синюю дымку; кровли храмов монгольского молитвенного центра горели под прощальными лучами заходившего дневного светила, а субурганы белели яркими светлыми точками... Стада баранов мирно и не торопясь возвращались с пастбищ к себе домой... где-то далеко-далеко слышалось хлопанье бича. Воздух застыл в чуткой тишине, и усталые путники не нарушали всеобщего покоя своими голосами. Они остановились как очарованные, с благоговением всматриваясь в неясные очерта-

Урга. Монастырь Гандан.

ния столицы Монголии и с облегчением сознавали, что трудное путешествие окончено!

Невольно вспомнился светлый образ Пржевальского, дважды пережившего на этих самых высотах чувства восторга и радости при возвращении на родину. Как тогда, так и теперь обстановка круто изменилась. Наш быт — быт номада оставался позади; родное европейское чувствовалось уже недалеко. Сильное волнение овладевало всеми нами...

В виду высокой воды в Толе, мы решили переночевать здесь, чтобы с зарей следующего дня — двадцать шестого июля успешнее пройти последние шаги.

Летняя ночь скоро покрыла землю. Прозрачное небо ярко заблестело звездами. Лагерь утих... только изредка слышались

голоса, мирно переговаривавшихся спутников о том, «что день грядущий нам готовит?..»

Что касается лично меня, то я долго-долго не мог сомкнуть глаз... Воображение рисовало Амдо, Лавран, Куку-нор, Хара-хото. Как живые проносились передо мною образы характерных представителей Монголии, Китая, Тибета... Минуты расставания с Далай-ламой бодрили дух, крепили тело и вливали струю сознания о возможности нового последнего путешествия, — путешествия, в которое я должен выполнить последний из заветов моего великого и дорогого учителя...

Едва зардела заря знаменательного дня, как караван экспедиции мерно выступил в дорогу, постепенно спускаясь в глубину долины. Тола бушевала — ее высокие, мутные волны с шумом катились, подмывая берега. Караван остановился, крепко подтянул вьюки и стремена и благополучно переправился вброд через широкую реку. Еще один час караванного хода и вдали замелькало здание родного консульства. Нетерпение росло с каждым шагом... Но вот, наконец, и в воротах знакомого дома, видим родные лица, слышим родную речь. Радушная встреча соотечественников, обоюдные расспросы, письма от друзей и родных, приветственные телеграммы, чистая комната, разнообразные яства, свежее белье — всё это сразу настолько обновило путешественников, что прошлое казалось грезами обманчивого сна...

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Звездочки при цифрах означают рисунки. «Указатель» составлен Е. В. Козловой.

Абрикос 265
Авалокитешвара, бодисатва, десятиликий 493*, Арьябало четырехрукий 230, 231*, Арьябало одиннадцатиликий 346, 418, 464
Аван-гэгэн 242, 245, 246
Авидья, омраченность 59
Агван, проводник 632
Агван-цзондуй, имя основателя монастыря Лаврана 453
Аграмба, ученое звание 469
Ада, горная антилопа—Procapra picticauda 413
Адя-ара-га, настоятель Гумбума 275
Азия 6, 9, 39, 180, 189; Средняя Азия 180, 523
Азиатский Музей Российской Академии Наук 272, 560, 561, 567, 607
Аист черный 250
Ай-гу-ман-сы, буддийский монастырь 258
Айгун 32
Айгунский договор 32
Академия Наук, Российская 3, 112, 116, 119, 272, 353, 466, 630
Аконит, Aconitum gymnandrum 243. Aconitum barbatum 628
Актан-хото 103
Актын-хуре, лошадиная загородка 618
Алаша, страна 13, 101, 126, 134, 145, 161, 174, 176—180, 182, 187, 194—196, 209, 211, 214, 220, 221, 225, 226, 236, 240, 246, 367, 370, 515, 519, 523, 524, 529, 531, 533, 534, 537
Алашанец, подводчик 35
Алашаньские горы 165, 191, 208, 227.
Алашаньские монголки 150
Алашаньские пески 135
Алашаньская пустыня 95, 118, 125, 178
Алашаньский хребет 144, 157, 159, 169, 176, 180, 182, 190, 208, 209, 211
Ала-шань, хребет 145, 154, 156, 162, 165, 169, 173, 175, 181, 186, 191, 192*—201, 204, 206—208, 211, 214, 219, 220, 283, 527, 531, 534
Алашан'ский цин-ван Лубсан Дорчже 99
» » » Махабала 99
Алашанцы, сопровождавшие экспедицию по распоряжению алаша-цин-вана 149
Алаша-цин-ван 101, 125, 128, 139, 143, 144, 162, 166—171*, 172*—175, 182—186, 191, 192, 195, 220, 221, 226, 339, 515, 529, 531*
Алаша-ямунь 76, 77, 100, 115, 126, 133, 139, 159, 626
Александр III, русский император 298, 519
Алексеев, В. М. 520
Аллах акбэр, молитвенный возглас муллы 489
Аллея деревьев, в Гоби, урочище 86
Аллык-дунаг, последний гэгэн монастыря Дю-дя-му 480, 481
Алтай, Восточный или Монгольский 34, 273
Алтайский уллар, Tetraogallus altaicus 628, 629. Tet. thibetanus 629
Альпийский бассейн 263
» вьюрок, Montifringilla alpicola 73, 79, 80
Альпийский луг 239, 248, 251, 435
» хребет 420
Альпийское озеро, см. Куку-нор 313
Алтын-булык, родник в Ю. Гоби 149
Алтын-сумэ, храм в Гумбуме 260, 273, 276, 281, 282
Амарант, Amaranthus paniculatus 165
Ама-сургу, Северо-кукунорский хребет 313
Амбань, китайский сановник 262
Амдо, северо-восточный Тибет 189, 216, 223, 268, 271, 277, 290, 391, 412, 413, 415, 430, 454, 518, 611, 636
Амдо'ская святыня, см. Лавран 481

Амдо'ски 479
Амдо'ские подводчики 451
Амдо'ский монастырь 452
Амдо'ское нагорье 189, 272, 411, 429, 431, 432, 439*, 442, 446, 455, 482
Амдо'ское плато 485, 518
Амдо'сцы 413, 415, 416; амдо'ские вожди 434, 476
Ами-дече-лу, » дон-чен, » чам-со } божества 388
Амитаюс, бодисатва 285*, 625*
Амнэ-воен, горы 418
» мачин, хребет 412
» рычон, перевал 431
» чунак, вершина 489
Амур, река 32
Амын-усу или Буктэ, колодец в Центральной Гоби 84, 627
Ананда, ученик Будды 559
Ангара, река 4
Англо-французская война 33
Анероид, барометр 329, 330
Антилопа, хара-сульта Gazella subgutturosa 228, 619
Антилопа, цзерен, Gazella gutturosa 617, 634
» Пржевальского Gazella przewalskii 238, 239, 242
Антилопа, ада, Procapra picticauda 307, 315 359, 413, 430, 438
Антилопа оронго, Pantholops hodgsoni 413
Анучин, Д. Н. 109, 246, 630
Апофиз 348
Ара-гол 308, 313, 350
Арало-Каспийская пустыня 178
Ара-уртэ, горы 634
Арахнологические исследования. I. «Къ фаунѣ скорпіоновъ и сольпугъ Китайской Имперіи». Русск. Энтом. Обозр. XI. 1911. № 2. 183
Арбисо, горы, 220
Аргали, Ovis darwini (?) 168, 199, 491
Аргалинтэ, высоты в Монголии 82
Аргалинтэ, хребет 142, 144
Аргалинтэ, горная гряда 146, 234
Аргал, сухой помет копытных животных 318, 447
Аро, тангутское — приятель 434
Археологический материал 12
Архимандрит Палладий 124
Арца-богдо, гора 70
Арья, второй сын алаша-цин-вана 170, 214, 218, 221
Арыкшан, горы 537
Ары-тава, урочище 436
Асан-шины, напиток, в роде водки 319
Аскет, отшельник 62
Ассигнации, из Хара-хото 107; Чжун-тун (1260—1264), 122*; Чжи-юань 123*, 124, 550
Астра, Aster altaicus 163, 239, 243, Ast. alpinus 628
Астрагал, Astragalus ochrias, A. membranaceus 198, 229, 234
Астраханские степи 272
Астрономические наблюдения 444
Асурии, царство духов 57
Атмосферные агенты, см. выветривание 66
Атун-худукэн-ама или Ущелье водопоя лошадей 152
Атца-сончжин-илису, пески 622
Ахыр 53
Ачала, божество 292
Ачжинай морин 53
Ачжя-гэген, глава монастыря Гумбума, перерожденец отца Цзонхавы, 272, 275, 286, 297, 388, 393, 394, 508
Аюши, бодисатва 5, 286, 477
Аян 32

Бабочки 228
Бава, бытие 60
Бага-атацик, ручей 634
Бага-Даши-чойлэн, кумирня 99, 116, 117
Бага-хонгорчжэ, горки 623
Баг-мото 86
Бадан-чжарэн, песчаная пустыня в Гоби 135
Бадмаев 23
Бадмажапов, Гамбожап, спутник-забайкалец 2, 7, 74, 94, 100, 138, 370, 557
Бадмажапов, Ц. Г., спутник П. К. Козлова в «Монголию и Кам» 1899—1901 гг., 35, 75, 143, 144, 146, 156, 157, 160, 174, 184, 187*, 220, 383, 405, 406, 626
Баин-нуру, горы 146, 152
» сумбур, главная вершина хребта Алашаня 182
Баин-ула, горы 155, 156, 534
» худук, колодец 230
Байкал, озеро 5, 56
Байтун-цзы, селение 232, 236
Байшаджьягуру, Будда Врачевания 459* 573—575, 609
Байшинтэ, ключ 227, урочище 229, монастырь южнее Гурбун-сайхан 625, 631
Баклан большой, Phalacrocorax carbo 92, 314, 324, 339, 340, 343, 361, 511
Балдын-цзасакский хошун 17, 69

Балдын-цзасак, монгольский князь 69, 71—79, 81, 101, 617, 623, 630
Балема или Харгэн-гол, речка 313
Банаг, тангутская или тибетская палатка (чёрная) 360, 365, 420, 422, 434*, 436, 441, 447
Банаджун, селение в Вост. Тибете, см. «Монголія и Кам», 148.
Банчень-богдо, буддийский святитель в Даший-лхунбо 235, 501. Изображение банченей 607
Барадиин, Б. Б., Буддист паломник в Лавран 271, 414, 452, 457, 458, 466, 467.
Барбарис, Berberis dubia 198, B. caroli 380
Бариты, мифические существа 57, 58
Барограф Ришара 189
Бартан-худук 81
Барун-гол 214
Барун-сайхан, горы в Центральной Монголии 71, 74
Барун-хит, монастырь в Ала-шане 200*, 228, 246, 528, Барун-хит-гэгэн 536.
Барун, ставка 626
Барханы песчаные 136, 231
Бата, проводник в Харо-хото 102, 116. Хошун Бату 621
Бату-дабан 211
Батцы-ту (Барцы-ту), урочище в Амдо 433
Бачин, болотистая долина в Амдо 431
Ба-чю, речка 432
Баян-рун, городок 482, 491, 492
» » хотон, речка 491
Ба, долина 431, 433
«Бессмертные двойники и даос с золотою жабой в свите бога богатства» (В. М. Алексеевъ). 520
Белая береза, Betula alba 198, 208
» лебеда, Chenopodium album 165
» плиска, Motacilla alba baicalensis 92, 129; M. leucopsis 130
Белая полярная сова, Nyctea nivea 43
» цапля, Herodias alba 311
Белена черная, Hyosciamus niger 164, 237
Белолозник, Eurotia ceratoides 234, 244
Беллок, глубомер 329
Бенгальские буддийские миниатюры 109
Бергсон, французский философ 8
Берг, Л. С., профессор 93
Бердана, винтовка 77, 261
Березовский, Н. М. 109; Березовский, М. М. 307; Н. М. 587.
Бианки, В. Л., зоолог, 43, 204
Bibliotheca Buddhica серии Российской Академии Наук 604
Бин-гоу-лин, перевал 251
Бин-гоу, селение 252
Биотитовый гранит 348
Бируля, А. А. 132, 183
Бис-ккуань-гоу, речка 493
Бичиктэ, горка в Южной Гоби, 148
Бишкур, музыкальный инструмент 50, 52
Благовещенск, город на Амуре 33
Блестящий трубковерт, Rhynchites Kozlovi 181
Бобы 163
Богдо-гэгэн, буддийский иерарх в Урге 13, 28, 29*, 30, 31, 34, 38, 272, 231, 394
Богдо-ола, священная гора в Урге 13, 24, 25, 26, 31, 40, 617, 635
Богдо-хан 2, 38, 99, 258, 264; седло Богдо-хана, 278, богдо-хан 284, 289
Богородская трава, Thymus serpyllum 197
Богорчу (Бурджи-ноян) сподвижник Чин, гис-хана 564
«Бод»—священное дерево 401
Бодисатва 272, 562, 565*, 566*, 568, 575, 582, 609, 611
Бодисатва, Авалокитешвара 557*, 560, 563, 582, 583*, 604*, 605*, 606*, 609
Бодисатва, Амитаюс 582, 625*
» Майтрея 563
» Манчжушри 582, 586
» Махастхама-прапта 604*, 605*, 606*
» Падмапани 504*
» Cunda 582, 586*, 609
» Mârîcî 582, 585, 588, 593, 609, 610*
» Sitâtapatra 582, 585, 589, 609
» Târâ 582, 585, 587*, 588, 592, 609
Божества женские, Dâkinî 582, 593, 594 595*, 610
Божества женские, Vajravârâ 582, 593, 594
» » Kuruculâ 582, 592, 593, 610
Божества китайские 169*
Божества хранители Hevajra 582, 590
» » Samvara 582, 589, 590, 591
Боин-гэчэ, горные кряжи 53
Боин-зэт-лхакан, буддийский храм в Лавране 464
Больдурук, Syrrhaptes paradoxus 42, 69, 80, 129, 147, 150, 228, 315. Syrrh. thibetanus 315, 524, 525, 624
Большой Хинган 180
«Бомбото», название «обо» 229. Бомботэн-нор 632
Бому, озерко 220
Бородатый ягнятник, Gypaëtus barbatus 206

Боро-обо 88, 622
Боро-хото, соседнее с Хара-хото 111, 557
Боро-цончжи, урочище к востоко-юго-востоку от Хара-хото 125, 127—129, 539
Боток-беэрек, урочище в окрестности Хара-хото 113
Брайбун, монастырь вблизи Лхасы 452
Бронзовка, Netocia hungarica 180, Pachnotosia brevitarsis 181
Брук, английский путешественник 508
Бугук-гол, долина 634
Будда Алмазнопрестольный 505*, 569, 570, 571*—574, 608, 609
Будда Амитаба «будда Беспредельного света» 28
Будда Amitâbha 569, 578, 579*, 580, 581, 584—586, 597, 600, 604*, 605*, 606*, 609
Будда Владыка 569
« Вращающий колесо закона—первая проповедь в Бенаресе 569, 570, 573, 575, 609
Будда Dipamkara 577, 578
» Созерцающий 402*, 572, 577
» Один из будд 560*
» Стоящий 569, 578
» Учащий 579
» и 84 будды 577
35 будд покаяния 576
Будда, с двумя учениками 559
Будда, с двумя головами 558*
Будда Шакьямуни 56, 57
Будда 8, 29, 52, 55—58, 61, 62, 112, 257* 268, 282, 291, 293, 311, 338, 397, 398, 401, 463, 464, 521, 536, 554, 557*, 563*, 566, 567*, 568, 570, 576, 577, 580, 581, 603*, 608, 609, 611
Буддапалита 463
Буддизм 39, 52
«Буддизм в Тибете и Монголии» (Лекция профессора Владимирцова) 65
Буддийская иконопись 561
Буддийская процессия 476
Буддийские монастыри 63, 64.
Буддийский мир 569
Буддийский образок 109
«Буддийский образок, вывезенный из развалин Хара-хото». И. И. Р. Г. О. 109
Буддийский храм 225
«Буддист паломник у святынь Тибета». (Цыбиков) 271
Буддисты 229
Бузина, Sambucus adnata 250
Буйлусэн, вершина горы 71
Буктэ, урочище 74, 84
«Бумажное обращеніе в Китаѣ до XV вѣка» Матеріалы по этнографіи Россіи. 1914 г. 123, 124
Бумба, главная часть субургана 55
Буньи Нанджо, профессор 604
Буре, большая медная труба 50—53
Бурундук—веревочный повод верблюда 229
Бурхан-бакши 49, бурхан 397, 399, 418
Бурхан, буддийская статуэтка 267, 281, 303
Бурхан, храм в Лавране 464
Бурый гриф, Vultur monachus 42, 73, 79, 82, 83, 85*, 194, 206, 404, 405*
Буряты 5, 395, 455
Буссоль 47
Бусы 111
Бухаин-гол, река, впадающая в Куку-нор с С.-З. 313
Бухын-дабан, хребет, 350
Бу—ружье 321
Бы-чю, речка, в бассейне Ян-цзы-цзяна 411
Бэйлэ, Лубсан-Данцзан 99
Бэйсэ, тангутский чин 446
Бэй-шань, горы 194
Бязь, бумажная ткань 65

Ваджадара, божество 296
Ваджрапани, бодисатва 219*, милостивого вида 421*, 505
Валериана, Valeriana tangutica 198
Ванчин-даши-лхуньбо 461
Вань-цзи-цзинь, селение, 237
Ван-цзэ-ин, старшина хошуна 496
Ванша, калмыцкая княгиня 117
Вар-дун, местность вблизи Гуй-дуй'я 2, 387
Варакушка 315
Варфоломеевская ночь 443
Василек, Centaurea monanthus 198
Василистник, Thalictrum minus 198, 243, 244, 250; Th. petaloideum 244; Th. simplex 250
Вачир, жезл 44*, 45
Вдэ-чю (Рдэ-чю) 440
Ведана—чувство 60.
Вей-сянь, город в Гань-су 410
Вей-юань-сянь 519
Великая стена 46, 83, 237, 524
Великий лама 473*, 503*
Великий океан 158, 159
Венчестер 263
Вероника, Veronica anagallis 198
Верхнеудинск 5
Виджняна—сознание 60
Вика, Vicea sativa 163
Викрамадитья, имя царя в Индии 53

Виноградов, Б. С., ученый хранитель Зоологического Музея Р. А. Н. 540
Вишня 163
Владимирцов, Б. Я., профессор, см. его труд «Буддизм в Тибете и Монголии» 62, 272, 472
Владыка Врачевания, будда 569
Внутренний Китай 83
Водосбор, Aquilegia viridiflora 198
Водяная сосенка, Hippuris vulgaris 165, 314
Волк 43, 54, 79, 98, 199, 240, 315, 373, 444
Волков, Ф. 556
Волчец, Cirsium 229
Волчий загон или мыс «Чоно-шахалур» 361
Воробей каменный, Petronia petronia 386, 492
» полевой, Passer montanus
Ворона черная, Corone corone 98, 245
Ворон черный, Corvus corax 40, 54, 98, 306, 385, 436
Воронец, Polygonatum officinale 197
Восемь субурганов, в Гумбуме 260, 283
Восток 566
Восточная Сибирь 32
Восточно-Сибирский отдел Русского Географического Общества 4
Восточный Туркестан 126, 163, 173, 179, 209, 562, 564, 565, 631
Всилун, урочище 435
Вума, философия средины 468.
Ву-цу-рэ, по-тангутски — мы разбогатели 321
„Въ сердцѣ Азіи: Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ», (Свен Гедин) 135
Выветривание (покровов горных пород) 66
Выпь, Botaurus stellaris 90, 93, 170.
Вьюнок, Convolvulus sagittatus, C. ammani 165, C. tragacanthoides, 197, C. ammani 239
Вьюрок горный, Fringillauda nemoricola 478
Вьюрок, Pyrgilauda et Onychospiza 306; On. taczanowskii; Pyrg. ruficollis, Pyrg. blanfordi; Pyrg. davidiana 315; Leucosticte haematopygia 359, Bucanetes obsoletus 385; вьюрок пустынный, B. mongolicus 150, 385; вьюрок земляной, Onychocpiza 445
Вьюрок, Pyrgilauda davidiana 80
Вьюрок 54
Вьюрок красный, Carpodacus pulcherrimus 152, 250, 478; Carp. stoliczkae 251, 491; Carp. dubius 478, 487
«Вѣсти изъ Монголо-Сычуаньской экспедиции» 78, 116
Вю-цзы-мяо, китайский храм, зимовка экспедиции 364, 375*, 382, 383, 406
Вю-цзы-мяо, Гуй-дуй, привратники при храме 376
Вяз, Ulmus pumila 163, 164*, 197

Гадюка, Coluber dione 234
Га-жа, речка бассейна Хуан-хэ 364, 372
Галандаг, священная птица 52
Галбиварас, дерево 52
Галдан-гомба, монастырь 271
Галдан-хит, монастырь 52
Галечник 42; галечное русло 375; галька 232, 243, 249, 251
Галечно-щебневые скопления 349
Галму, повитуха 320
Галочка, Coleus neglectus 86, 98; C. dauricus 385
Гангу-коу, китайское селение 240
Гангья-тан, местность 452
Гандан, монастырь в Урге 25, 635*
Ганза-гоу, ущелье 255, 256
Ганлин, духовой инструмент 50, 52
Гано, центральный дробовик 12 калибра 4
Ганчжур-лама, в Дын-юань-ине 166
Ганчжур 463
Гань-су, провинция Китая 168, 177, 208, 209, 225, 242, 246, 272, 274, 276, 284, 302, 366, 369, 391, 408, 412, 519
Ганьсуй'ский вице-король 408
Ганчжеуский чжи-фу 99
Гань-чжоу 126, 128
Ганьчжур и Даньчжур, сочинения 44, 296, 556
Гвоздика, Dianthus superbus 199
Гончжир — золоченые украшения на кровлях храмов 283, 484
Гарза, кличка экспедиционной собаки 227
Гарнет, член английского посольства в Пекине 187
Гаруда, священная птица 215*, 562*
Га-у, ладонка, амулет 216*, Га-у с Дархэ 241*, 281*, 302, 317*, 318*, 355, н'голок'ское 396*, 399, 441*, 447, 479*, 479*, 480*, 480*
Гаутама, индийский учитель — Будда 401
Гашун-нор, соленое озеро в низовье Эцзин-гола 94, 96, 113, 539
Гелюг-па, господствующая секта буддийского учения 270, 271, 277, 416, 467
Генеральный штаб 403, 630
Генке, П. Е., кяхтинский пограничный комиссар 19
Геолог экспедиции (Чернов) 265
Гербарий, составляемый студентами в Гумбуме 278

Гессонит 348
Гига-амнэ-консым, вершина 420
Гилян-нор, первая станция от Кяхты на юг 16
Гималай 211, 407
Гиндар, страна на С.-З. от Индии 558
Гипс 155
Главная улица в Хара-хото 105
Гнейсо-гранит 150, 152, 154
Гнейс-роговообманковый, биотитовый 155; гнейс мусковитый 150; гнейс 135, 137, 140, 143, 146, 150, 152, 156, 193, 258, 347, 349, 350
Гоби, пустыня в Монголии 35, 37, 48, 79, 86, 93, 154, 218, 244, 249, 272, 515, 526, 534, 536, 538, 539
Годя-вопу-тан, долина 237—239
Гоголь, Clangula clangula 91
Гойцзо — долина в Центральной Гоби 35, 115, 125, 129, 130, 131, 133, 134, 529, 534, 536—539
Голова Будды из Хара-хото 109, 110*
Голубая река 411
Голубой фазан, Crossoptilon auritum 194, 206, 207
Голубь белоспинный, Columba leuconota 392; Turtur orientalis 205; Columba rupestris 386; голубь-турман 211
Го-люн-дун'ская дорога 240
Го-люн-дунь или Гань-коу-сянь, перевалы 239, 240
Го-люн-дунь, селение 240
Гоман-дацан, цанидская или философская школа в Лхасе 452, 453
Гоман-цан, гэгэн в Лавране 452
Гоман-цан, лавранский перерожденец одного из ректоров гоманской школы в Лхасе 458
Гомба-сы, гуй-дуй'ский монастырь 418
Гоми, хошун или аймак 324
Гоми'сцы, обитатели хошуна Гоми 325
Гоман-г'зюн, речка 420
Гонбо-доржэ, последователь Миларайбы 472
Гонг, ударный инструмент 295
Гонгын-дабан 40; Гонгэн-дабан 634
Гонзя-чзямба-чю, речка 485
Гонкан, северная часть храма-дукана 461
Гонк-хан, один из храмов монастыря Гумбума 276
Гораццон-хотан, речка 490
Грамофон, музыкальный инструмент 79, 148
Гранит, биотитовый 149, 347
» выветрелый 141
Гранито-гнейс 154
Гранит 135, 137—139, 140, 146, 151, 152, 154, 339, 349
Гранитный шток 350
Граница, Монголо-Китайская 235
» Китая с Тибетом 311
Гранулит 193
Гречиха 163. Poligonum viviparum 243; Pol. bistorta 300
Греция 178
Грецкий орех, Juglans regia 250
Григорьев, А. В. 405, 406, 450
Гринвич, меридиан 105, 132, 155, 175, 249, 312
Горечавка, Gentiana squarrosa, G. decumbens; G. macrophilla 199. G. anaticola 239; G. barbata 300
Горихвостка 343; горихвостка рыжебрюхая 372; горихвостка, Ruticilla rufiventris 628
Горицвет, Adonis appenina 238.
Горный баран, аргали (Ovis) 141, 631; Pseudois Burrhel 191, 199, 200—202*, 203, 204*
Горный вьюрок, Leucosticte giglioli 20
Горный козел, Capra sibirica 80*, 628, 631
Горная ласточка, Biblis rupestris 205
Горох 163; горошек, Vicea sativa 250; V. costata 627
Горькая трава, Saussurea crassifolia 164
Горячие ключи 371
Го-ула, Го-котэль 142, 143
Гриф, гималайский, гриф-монах 308; гриф снежный 358, 372; гриф-монах 383; Vultur monachus 375; Gyps himalayensis 385, 445, 477, 479, 491
Грот (на острове Куйсу) 351
Грузия 562
Грум-Гржимайло, М. Е. 271. Грум-Гржимайло, Г. Е. 353, 384
Груша 163
Грюбер, иезуит 499
Грюнведель 611
Гуань-ин, Авалокитешвара 607*, 608*
Гуань-сю Дунчжуб, хошунный начальник в Амдо 431, 442; хошун его имени 444, Гуань-сю Дунчжуб 446, 447, 449, 451
Гуань-ши-ин-пуцзэ — бог плодородия 247
Гуань-шунь, год правления 112
Гуй-дуй, оазис 364, 370, 371, 373, 374, 376, 377*, 379, 380, 383, 385, 387
Гуй-дуй, буддийский храм-субурган 387*
Гуй-дуй 388, 391, 392, 403, 404, 406, 408, 409, 411, 418, 419, 421, 490, 492, 494
Гуйдэ-тин, город 375*, 377, 378
Гуйдуйско-Лавранская дорога 410

Гуй-хуа-чен, город 46, 83
Гулэр-цаганэн-илису, пески Центральной Гоби 129
Гумбольдта (хребет) 350
Гумбум или Кумбум, знаменитый буддийский монастырь в Амдо, родина Цзонхавы 117, 189, 260, 267, 268, 271—273*, 274—275*—278, 281, 282, 284—286, 288—291, 294, 295, 297, 298, 324, 346, 368; гумбум'ская дорога 371; Гумбум 391—393*, 394, 408, 416, 471, 480—484, 492, 493, 495—497, 502, 504, 505, 508, 515, 621
Гунтан Дамби-донмэ, ученик Жигмэд-вамбо 455
Гунтан риннпочэ, святой из Гунтана 155*
Гунтан-цан, гэгэн в Лавране 452, 458, 459, 461, 466, 476, 480, 481
Гуран, дикий козел, лесной «зверь» 14, 22
Гурбун-сайхан'ская степь 72
Гурбун-сайхан, горы или хребет в Монголии 37, 46, 54, 67, 69, 71, 73, 80, 83, 87, 116, 136, 622, 624, 625, 627, 632
Гурбун-ула, три горы 211
Гусиный лук, Plecostigma pauciflorum 98
Гусь, дикий 43, 97, 132, 141, 324, 343, 360; серый гусь 386
Гуш-цзай, гора 373*
Гу-юань-чжу, город 221
Гьудба-дукан; храм в Лавране 464
Гьудская школа в Лавране 454, 464, 467
Гьуд, тайная часть учения 468
Гэгэн Аван 242; гэгэн Нян-чжик 225, 241
Гэгэны-перерожденцы, восемь 284, 286; гэгэн 274, 292, 383; гэгэны Лавранские 452
Гэ-да-шань, горный кряж 524
Гэпсэч-тосю риннпочэ, гэгэн основатель монастыря Одю-гомба 387
Гэцкуй, административное лицо в Гумбуме 287
Гюк, миссионер-путешественник 269, 286

Да-е, наследник алаша-цин-вана, 170, 183, 186*, 187, 230
Да-лама 55, 56, 61; Да-лама в Дын-юань-ине 166, 212; Да-лама в Гумбуме 287; Да-лама в Ранэн-гомба 418
Да-курэ, см. «Урга» 28, 31, 126, 128
Да-хулун, колодезь 522
Дабасун-гоби, долина 306
Дабасун-нор, долина 359
Давыденков, Мартын, наблюдатель метеорологич. станции в Дын-юань-ине 2 186, 187*, 528
Дагоба, монастырь 271
Дай-чжи, сын монгола подводчика 523
Дакини, женское божество 292*, 470*; Дакини, Пагмо-дон-дув 610
Далай-лама, третий, Соднам-чжямцо 233*, 235
Далай-дама, современник Цзонхавы, 270
Далай-лама, пятый, Великий 452
Далай-лама, седьмой 400
Далай-лама, двенадцатый 28
Далай-лама, тринадцатый, современный 2, 25, 29, 30, 118, 189, 212, 264, 266, 289, 296, 368, 391, 393, 394, 408, 480, 481, 482, 483, 496, 497, 498, 499, 500*, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 519, 532, 583, 636
Далай-лам'ская одежда 278
Далай-лам'ский портрет 437
Далай-лам'ские реликвии в Лавране 464
Далай-Цорчжи, лама 529, 531, 532
Далай-Цорчжи, сумэ 531
Далды, жители окрестностей Синина (иначе: донгэр-ва, или широнголы) 298, 299, 302, 492
Далемба, белая бумажная ткань 65
Дамару, барабанчик-колотушка 50
Дандар-лхарамба 216
Дао-тай, китайский чиновник в Синине 262, 263, 264
Дао-чжа-хэ, река, басс. Хуан-хэ, 515
Дартэнто, ущелье Ала-шаня 197
Дархаты-урянхи, 34
Дархэ, женское божество 45, 241*, 481
Дастархан, угощение 304
Датунг, город в Гань-су 326, 369
Даурско-монгольская жужжелица (Eupachys glyptopterus) 177
Дацан-сумэ 305
Да-ша-хэ, речка 237
Даши-обо 95, 99
Даши, современный торгоут бэйлэ 89, 100
Двенадцать картин — этапы на пути перерождения 61
Девясил (Inula britannica) 250
Демиденко Влас, спутник-гренадер 2, 221, 328, 330, 439
Деньги — серебро в китайских и гамбургских слитках 34, 35
Дерево bodhi Ficus religiosa 574
Детритус 349
Джавли-сантут, хребет 449
Джанджэ-гэгэн 398
Джандэль, луговое плато 436
Джапын-басэн-дукан, здание для религиозных бесед в Лавране 464

Джара (Némorhoedus) 285
Джара-марана — смерть 60
Джати, момент рождения 60
Джахар, тора 387, 418, 419, 420
Джергалантэ, речка 43
Джигда Eleagnus 619
Джинса-ахун, главарь дунганского мятежа 515
Джоу (китайская династия) 112
Джупар, хребет 419
Джэму-лапци, перевал 434
Джэн-хэй-буа, китайский городок 366
Джюрмит, горы 350, 354
Джянчжэ-гэгэн 398
Джярва-тон-дон, приток Хуан-хэ 432
Джясы-лапци, холм 443
Джяхыр-гомба, кумирня 486
Дзод, метафизика 468
Дзян, домовая церковь в Лавране 461
Дикая кошка, цогонда (Felis chutuchta), новый вид 98, 125, 132
Дикий лук (Allium sp.) 197
Дикий персик (Amygdalus mongolica) 181
Дикая слива, Prunus pilosa 625
Дикая смородина, Ribes aciculare 627
Дикий як, Bos grunniens 39
Диспут, 277, 285
Дифтерия 274
Дод-хурал 99
Догын-Сэрва 398
Докур, ударник к барабану 50*
Докшит, изображение божества 398, 418
Долгоносик, Adosomus grigoriewi 181
» Diglossotrox alashanicus 181
» Lixas kozlovi 181
» Macrotarsus kozlovi 181
» Ptochus kozlovi 181
Долон-нор, 398
Долонэ-гол, равнина 234
» » река 235
Долонэ-обо, вершина 235
Долма, белая Тара, божество 461*
Долма-лхакан, храм в Лавране 464
Домашний театр Алаша-цин-ван'а 185
Домелунксен, Н. Ф. 27
Домелунксенский домик 27, 28
Домын-лама 44
Донгэр, китайский город 253, 267, 289, 298, 300, 301, 302*, 303, 304, 305, 306, 326, 364, 366
Донгэр-дукан, один из храмов монастыря Гумбума 276
Донгэр-хэ, река 289, 301, 304, 305
Донник Melilotus suaveolens, Melilotus lupulina 244
Доннур, перекладина 19
Дорамба, ученая степень 468
Дордже-пурбу 463*
Доржиев, хамбо-лама, 189, 298
Дорди-нига, перевал 420, 421
Дорчжэ, или вачир 44
Дочжи-сон-хуа, бурхан 397
Древовидный можжевельник, Juniperus pseudosabina 198, 208
Дровосек, Apatophysis 178, Ap. mongolica 178, Trichoferus campestris 180
Дрозд, Turdus obscurus 205
» Monticola saxatilis 205
» Oreocichla varia 160, 531
» Кесслера, Merula kessleri 359
» рыжегорлый, Turdus ruficollis 205, 359, 372, 386
Дрохва большая, Otis tarda 130, 146, 147, 154, 617, 634
Дубонос, Mycerobas carneipes 205
Дуйнкорская школа в Лавране. 464, 467
Дукан, храм в Лавране, 461
Дулба, этика монашества 468
Думино-гомба, кумирня 491
Дунгане, китайские мусульмане 168, 169, 242, 274, 275, 276, 378, 404, 455, 488, 489, 492
Дунгано-далды 371
Дунганское восстание 371, 166, 168, 169, 238, 364, 369, 378, 397, 404
Дунду-сайхан 71, 73, 74, 625, 626, 627, 629, 631, 632
Дун-че-гоу, речка в оазисе Гуй-дуй 377 (по-тангутски Дун-че-лун)
Дунчэ-гу, долина 284
Дупель отшельник, Gallinago solitaria japonica 386, 407
Дурбульчжин, горная гряда, 534
Дурбун-мото, колодезь в Ю. Гоби 151, 152, 535
Дуритха, гора 52
Духовые инструменты 51
«Душа», аймак 388
Душмянка, Nepeta botryoides 627, N. macrantha 628
Дун-бурэ, морская раковина 50
Дыдя-гомба, кумирня 492
Дын-юань-ин 35, 115, 125, 126, 133, 136, 139, 144, 145, 146, 147, 151, 152, 154, 156, 157, 159, 160, 162, 163*, 164, 165, 166*, 168*, 169, 170, 175, 180, 181, 182, 183, 184, 189, 190, 191, 196, 208, 211, 214, 218, 220, 221, 225, 226, 227, 232, 326, 515, 527, 528, 529, 530*, 532, 533, 534, 546

Дэг-зачжа, долина 439, 440
Дэлгэр, монгол, подводчик 523
Дэлгэр-хангай 47, 53, 617, 632
Дэльбэ, музыкальные тарелки 45
Дэн, вершина горы 71
Дэншик, музыкальные тарелочки 45
Дэмо-хутухта, лхас'ская знать 29
Дэмчи-лама, в Дын-юань-ине 166
Дэмчок, Samvara, божество хранитель 290, 589
Дэргэ, княжество в В. Тибете 457
Дэрэстэн-хотул, горы 230
Дэрэсун-хото, китайский город 232
Дэрэсун, Lasiagrostis splendens 40, 43, 54, 81, 314, 315, 355, 417, 524
Дю-дя-му, монастырь 466, 480, 481
Дяр-цзун, по-тибетски — бес 474
Дятел, Dendrocopus cabanisi cabanisi 25, 385

Евразия 178
Европа 38, 172, 180, 502, 508
Европеец 187
Европейская Россия 179
«Ежегодникъ Зоологическаго Музея Россійской Академіи Наукъ» 540

Жаба, Bufo viridis 195, 304
» » vulgaris 304
» » Kozlovi 620
Жаворонки, Otocorys, Melanocoryphoides, Alaudula 42, 43, 54, 66, 76, 147; Pseudalaudula 86, 632; Otocorys brandti 80, 205, 632; Galerida cristata leautungensis 84, 98, 115, 228, 619. Otocorys elwesi elwesi, Alauda arvensis arvensis, Calandrella brachydactyla dukhunensis 315; Melanocoryphoides maxima 315; Жаворонки 343; Otocorys elwesi elwesi, Galerida cristata leatungensis, Melanocoryphoides maxima 386, 413, 436, 443; Otocorys elwesi elwesi 443; Ушастый (жаворонок) 445; Полевой (жаворонок) 494
Жамьян-шадба, глава Лаврана 449*, 452, 454, 457, 458, 461, 466, 468
Желтая или гусиная лапчатка, Potentilla anserina 146
Желтая плиска, Budytes borealis 130; B. citreola 205, 520
Желтая река, Хуан-хэ 115, 126, 145, 176, 188, 195, 219, 227, 234, 236, 237, 253, 297, 299, 372, 374, 376, 381, 385, 387, 388, 389, 392, 411, 418—420, 427, 432, 444, 482, 483, 489—493, 520—523, 526
Желтошапошники, секта 272
Жертвенная чашечка 393*
Жесткокрылые насекомые, жуки 300
Жеруха болотная, Nasturtium palustre 165
Живительная трава, Thalictrum foetidum 627
Живокость, Delphinium 199
Жигмед-вамбо, перерожденец Жамьян-шадбы 454
Жимолость, Lonicera 198, 239
Жужжелицы 179, 180
Жужжелицы, китайско-восточно-сибирские 180, 181
Жуки 86, 87, 93, 129, 139—141, 153, 157, 176, 228
Жуки-водолюбы 132.
» долгоносики 84, 153
» дровосеки 208
» кравчики 177
» листогрызы 209
» навозники 177
» нарывники 208
» пестряки 177, 181
» скакуны 177
Журавль, Grus grus 43, 92, 130, 364, 509
» Grus nigricollis 315, 359, 365
» красавка, Anthropoides virgo 156, 228, 539

Забайкалье 179, 181, 209, 472, 483.
Забайкальская область 32, 478
Завирушка, Spermolegus fulvescens 79, 205, 250, 385, 387; Accentor collaris tibetanus 392; Prunella rubeculoides 250
Завьялов, фирма, торговавшая металлическими изделиями 265, 408
Закавказье 178
Закаспийская область 178
Закаспийский край 179
Западный Китай 17; Застенный Китай 260, 267, 274
Запад 566
Заразиха, Orobanche coerulescens 627
Заячий салат, Sonchus oleraceus 198
Заячья капуста, Sedum elengatum, S. hybridum 627
Заяц 43, 54, 98, 129, 130, 139; Lepus gobicus 199. L. oiostolus 315, 433
Звездчатка, Stellaria gypsophilodes 239
Зверобой, Dracocephalum ruyschianum 300
«Землевѣдѣніе», географический журнал 25, 328
Златка, Rhabdiscus mongoliae 179; Lampra limbata 181; Anthaxia amica 208; Agrilus igniculicollis, Agr. tshetyrkini, Agr. napalkovi 208

Златоверхий храм, в Гумбуме 260, 274
Златоуст 4
Змея, серая, тонкая 93, 127, 129, 141; Taphrometopon lineolatum 151, 159
Змея, гадюка, Coluber dione 234
» щитомордник, Ancistrodon halys 257
Золотарник, Caragana pygmaea, C. tragacanthoides var. villosa, C. jubata var. seczuanica 197
Золотая орда 562
Золотая трава, Senecio nemorensis 625
«Золотая лилия» — ножка китаянки 382
Золотые книги, «долгоденствие» 477
Зондский архипелаг 211
Зуек, Aegialites dubia 133, 245; Cirrepidesmus alexandrinus 228, 232
Зуслэн, урочище в долине Гойдзо 132, 539
Зуслэн-хайрхан, гора 133

Ибицык, станция в Северной Монголии 20
Ива, Salix 157, 163, 197, 208, 237, 239, 300, 359, 619; ива плакучая, Salix babilonica 165, 380
Иванов, А. И., профессор 112, 123, 134
Иванов, Гавриил, заведующий караваном неизменный спутник П. К. Козлова с 1883 г., участник пяти экспедиций в Центральную Азию и Тибет; 2, 9, 40, 80, 102, 175, 229, 303, 359, 360, 458, 617, 618, 623, 624, 626
Игнатьев, Н. П., граф 33
Идам, божество хранитель, Хеваджра 280*, 460*; Идам Самвара 292*
Изверженные породы 142, 152
Известняк, как горная порода 148, 149, 192, 193, 247, 348
«Извѣстія И. Р. Г. О.» 78, 143, 152, 169, 194, 366, 414, 452, 466
Илийский край 33
Илисэн-котэль, горы с перевалом 143
Ильм, Ulmus pumila 181, 244, 625
Имам-джон, урочище 490
Ин-вый-сянь, китайское селение 523
Индийская техника 109
Индийские фрески 608
Индийский гусь, Eulabeia indica 315
Индийский океан 178
Индия 6, 28, 52, 53, 55, 178, 401, 463, 468; мыслители Индии 558, 566, 574
Индостан 211
Иноходец, гумбумский 254
Ин-пань-шуй, селение 235
Иран 178
Иролтуев, буддийский епископ в Забайкалье, хамбо-лама 5
Ирис, бледно-голубой и сиреневый 141; голубой и палевый 153; Iris ensata 146; Iris bungei 229, 524; ирис (касатик) 313
Иркутская губерния 179
Иркутск 4, 32
Исландский гейзер 408
Испания 178
История буддийского искусства 567
История монастыря Гумбума, на тибетском языке 272
Италия 178, 496, 503, 504
Иши-лама, Алашà 225, 226*, 529, 537*
Ихэ-аргалинтэ, большие горы 74, 623, 625
Ихэ-атацик, ручей 634
Ихэ-гол 96, 116; Алашà 211, 212, 228
Ихэ-гун 87; Ихэ-гун-худук, урочище 623
Ихэ-тунгун-худук, колодец 234
Ихэ(-ула), большая гора 137
Ихэ-улын, холмы 234

Кабалистическая молитва 279
Кабарга, Moschus moschiferus 199, 240, 373, 445, 450, 478, 487
Казнаков, А. Н. 96, 100
Казначейство в Лавране 464
Калашников, егерь 14
Калмыков, колонист сибиряк 22
Каменный бурханчик 110
Каменный или горный голубь, Columba rupestris 205
Каменноугольный период 348
Кам или Восточный Тибет 148, 161, 204, 227, 290, 412
Камышевая стренатка, Cynchramus pyrrhuloides 98
Камышевка, Acrocephalus arundinaceus orientalis 538
Камышевка 620
Камыш 129, 135; камыш или тростник, Scirpus maritimus, Phragmités communis 165, 170, 199, 229, 234
Кандаков, слушатель Ургинской школы переводчиков 23
Канси, китайский император, современник Петра Великого 25
Кантагери, горы 220
Кант, философ 6
Карагана, Caragana 43, 229, 234
Каракорум 407
Карась, Carassius carassius auratus 93, 94, 620

Каргалык, город 209
Karius, немецкий инженер 187, 188
Картофель 163
Картя, селение 493
Касатик, Iris ensata 199, Iris bungei 625
Католический миссионер 269
Качим, Gypsophila acutifolia G. acutifolia var. gmelini 198, 239; G. acutifolia var. potanini 300
Кашгария 148, 163, 272, 304
Кашмир 178
Кашьяпа, ученик Будды 559, 562*
Кварцит, каменная порода 148
Кварц, тоже 339, 348; жильный кварц 348
К'гарма, начальник хошуна Чэма 431, 441, 442, 444, 446
Кендырь, Apocynum 135; A. pictum 619
Кермек, Statice aurea 244, 250; Statice tenella 627
Керн, профессор 604
Киот с изображением Цзонхавы 287*, 282; см. также га-у
Кипрей, Epilobium augustifolium 198; E. hirsutum 250
Кира-дабан, перевал 305
Киргисская степь 178, 179, 209
Кириченко, А. Н., зоолог 181
Кисэр-ла, перевал 431, 444, 447
Китаб-и-Синдбад «Семь мудрецов» 110, 566
Китайская императрица, мать 403
Китайская стена, Великая 46, 83, 237
Китайские власти 245
» войска 265
» города и селения 225
» молельни 240; китайский храм в Синине 267*
Китайский император 403
» отдел образов, китайское письмо 567
Китайский Туркестан 179
» ямунь, управление 26
Китай 13, 33, 46, 49, 125, 158, 167, 177, 178, 180, 184, 187, 211, 221, 264, 265, 413; китайцы 416, 561—563, 580, 587, 604, 606, 636. Индо-Китай 211
Клест гималайский, Loxia himalayana 478
Клоповник, Lipidium micranthum 625
Клопы, см. полужесткокрылые 181, 211
Кобук-сайрь, Чжунгария 98
Ковыль, Stipa orientalis, St. inebrians 197; St. splendens 234; St. orientalis 314
Кодёрго-дабан, перевал 305
Кодя-доцон'цы, враги Лу-хомбо 427
Козелец, Scorzonera mongolica 165; Sc. capito, Sc. austriaca 197
Козлова, Е. В., жена автора 25
Козлов, П. К. 15*, 28, 43, 52, 70, 78, 103, 109, 112, 116, 124, 129, 131, 135, 174*, 395, 540, 543, 561, 562, 566, 567, 607, 609, 611, 616
Козуля 240
Колесо жизни 59
Коллегии — храмы-школы в Гумбуме 276
Колодник, преступник в Китае 303*
Колокольчики, Convolvolus ammani 627
Комаров, В. Л., профессор, путешественник 625
Комар 131
Конгломерат, мелкозернистый 154, 192, 193; конгломерат 143, 229, 251
Конопля 163
Конради, кондитер 355
Консервированная баранина 80
Конче-дарья, левый приток Тарима 103
Кончун-сойбон, из свиты Далай-ламы 502
Конь-эмень, селение 488, 489
Коралл 348
Корея 177, 211
Коростовец, И. Я., русский посланник в Китае 404
Корсак, Canis eckloni 315
Коршун черноухий, Milvus melanotis 92, 93, 97, 130, 151, 245, 315, 491, 550
Котвич, В. Л. 124, 561
Котовник, Nepeta macrantha 198
Красноголовник, Sanguisorba officinalis 198
Красноклювая клушица, Graculus, graculus 73, 82, 205, 239, 385, 446
Краснохвостка алашань'ская, Ruticilla alaschanica, R. aurorea 205; R. erythrogastra 98; R. alaschanica 494
Красные глины 251
Красотел, Calosoma petri, C. deserticola, C. reitteri 179. Callisthenes, Calosoma turcomanicus; C. denticolle 179
Крачка-мартышка, Sterna hirundo 314, 324, 343
Крейтнер 282
Кремнистые сланцы 247, 251
Кресс, Lepidium latifolium, L. micranthum 165, 197, 237
Крестовник, Senecio vulgaris 239, 243; S. erucifolius 250, 300
Кристаллический выход 246; кристалл. породы 485
Кровохлебка, Sanguisorba officinalis 300
Кроншнеп большой, Numenius arquatus 92, 97, 118, 625

Крохаль луток, Mergus albellus 92
» большой, Mergus menganser 386, 478
Крупка, Draba nemorosa var. leiocarpa 198
Крушина, Rhamnus virgata 198
Крыжовник 163
Крымский, К. Г., ориенталист 32
Крым 327
«Крыша мира», Памир 159
Кряква, утка 228, 386, 435
Куань-гоу-чен, город 237, 239
Кубжуг-тугун-сан, гэгэн 258
Куй-аюши, станция под Ургой
Куйсу, остров на озере Куку-норе 310, 312, 323, 324, 326 — 329, 335, 341, 342, 346 — 350 — 363
Куку-илису, песчаное плато 539
Куку-морито, гора в пустыне Гоби 137
Куку-нор 2, 3, 72, 148, 216, 220 — 223, 225, 236, 253, 260, 262 — 265, 289, 298, 303, 305, 308, 309, 310 — 320 — 363 — 369, 394, 412. Кукунорские степи 432; дорога из Куку-нора 443, 482, 498, 518, 625, 636
Куку-ра-чу, река 365
Куку-хото, город 46, 70, 83
Кукухото'ская дорога 69
Кукушка, Cuculus canorus 194, 205, 628
Куку-яман, Pseudois Burrhel 168
Кулиан-чжу, снеговые вершины 244
Кулик 113; серый кулик, Rhyacophilus glareola 228, 232; кулик-серпоклюв, Ibidorrhynchus struthersi, см. «Серпоклюв» 245, 386, 448; куличек, Aegialites dubia 205; куличек-песочник, Limonites damacensis 149
Кульджа 33
Кумбум, см. Гумбум, 272
Кумын-цза, ущелье Ала-шаня 144*
Кунделен-гол, правый рукав Эцзин-гола 100
«Кунчен-Жамьян-шатби-доржэ», основатель монастыря Лаврана 452, 453. Это имя означает: «Всеведующий алмаз, возбуждающий улыбку у бога мудрости Манчжушри».
Кунчэн-Чойнчжун, лама 453
Куоккала, станция по Финляндской жел. дор. 406
Курильский чай, Potentilla fruticosa 435
Курительные свечи 52*
Курлык-бэйсэ, Цайдамский князь 394; Курлык-цайдам, монгольское княжество 148
Куропатка, Perdix dhaurica 20, 21, 205, 386. Куропатка скалистая, Caccabis chukar pubescens 197; C. magna 205, 386. Куропатка сифаньская, Perdix sifanica 371
Курослеп, Anaphalis nubigena 243
Курэтэ, урочище в Южной Монголии 534
Кустарница, Rhopophilus pekinensis albosuperciliosus 98, 385; кустарница, Janthocincla maxima 478; Pterorrhinus davidi et Trochalopteron ellioti 488
Кучу, горы 492
Куэн-лунь 209, 218, 244
Кха-чю, река 436
Кычан-шань, альпийский хребет 482, 492
Кьэдор-дукан, школа системы символики Хэваджры 464
Кэнгэргэ, турецкий плоский барабан 5
Кэрулен, река в С.-В. Монголии 34
Кэрэксур, древняя могила 73
Кяхта, пограничный город 13, 15, 20, 32, 37
Кяхтинско-ургинский тракт 17, 18

Лабран или Лавран, знаменитый буддийский монастырь 62, 272, 346, 376, 408, 410, 416, 429, 431, 433, 435, 436, 443, 444, 446, 448, 449, 450, 451, 453*, 454*, 455, 456*, 457, 458, 461, 464, 465, 466, 467, 471, 472, 473, 474, 476, 482, 483, 484*, 489, 497, 515, 607, 636.
Лавран-даши-кьил, так назывался Лавран 454
Лавран-нэрва, офицеры, охраняющие Лавран 459
Лавран'ская живопись 452
Лавранская школа 455
Лаврэн, покой перерожденца Цзонхавы в Гумбуме 293
Лагерь экспедиции на берегу Куку-нора 323*
Лагуна на Куку-норе 349, 351, 358
Ладин-лин, перевал 492
Лалита-вистара, сочинение 58
Лама 62
Лама Иши 225, 226
Лама, на ковре барса, бурхан 475*
» , образ тибетского письма 582
» , портрет 294*
Лама-Чэтбо 56
Ламаиты 273
Лан-дю-гоу, речка в оазисе Гуй-дуй 377
Лан-дю-лун, название той же речки по-тангутски 377
Ланкастер, «заветный» штуцер Пржевальского 190, 508
Ланченские альпы 250
Лань-чжоу-фу, город 170, 183, 187, 188, 221, 235, 236, 254, 260, 264, 299, 456, 480, 482,

483, 484, 496, 507, 510, 511, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 527, 530, 621, 626
Ланьчжоу'ский вице-король 99
Лапмын-нэга, горная цепь 432, 435, 436, 439 *
Лапчатка, Potentilla 141, 300
Лапчатка, Potentilla anserina, P. multifida, P. bifurca 164, 237. P. bifurca var. pusilla 238
Лапчатка, Potentilla glabra, P. subacaulis, P. tenuifolia, P. daurica, P. fruticosa, P. bifurca var. moorcroftii 198, 243, 244. P. anserina 314
Лапчатка, P. bifurca, P. nivea, P. multifida, P. sibirica 625, 627
Ластоногое животное 344
Ласточка береговая, Cotile riparia 157
Ласточка горная, Biblis rupestris 150, 520
Ласточка деревенская, Hirundo rustica gutturalis 157, 250, 520
«Ласточкино гнездо», блюдо китайского обеда 185
Лачжи-лин или Ладин-лин, перевал между Синином и Гуй-дуй'ем 364, 371, 372, 373, 392, 404, 420
Лебеда, Chenopodium 229, 314
Лебедь, Cygnus cygnus 91, 92, 97, 118, 130, 131, 361
Лебедь кликун, Cygnus musicus 93
Лебедь, эребень, Cygnus bewicki 132
Легенда, о происхождении оз. Куку-нор'а и острова Куйсу 350
Лекарственные растения 278
Лепидолит 348
Лермонтов, М. Ю. 538
Лен 163
Лещина, Ostryopsis davidiana 198
Лёсс, порода 236, 237, 242, 243, 247, 251, 299, 301, 313, 314, 342, 344, 349, 352, 372, 389, 418, 491
Лиан-чжу, снеговая вершина 244
Лилия, Lilium ternifolium 198
Липучка, Echynospermum strictum 165, 628. Echynospermum deflexum 627
Лисица 43, 54, 98, 199, 240, 340, 344, 361, 372, 373, 450
Листогрыз, Crosita alashanica 181
» , Chrysochus cyclostoma
» , Chrysochus goniostoma
» , Calasposoma sp. 181
Ли-фань-юань 98
Лишай, накожный 383
Ло-цэр, китайская слобода вблизи Гумбума 268, 274, 288, 298
Лоба-гоу, ущелье 255
Лоб-нор 90, 91, 103, 148, 361
Лова-ся, теснина 256
Лова-чен, город на Синин-хэ 252, 253, 509
Ловачен'ская долина 254
Ловзэн-даши, монгол 617. Ловзэн-даши, зять Балдын-цзасака 630
Ловзэн-тобдэн-Шабджюб-нима, Чойбзэн-гэгэн 398, 400
Локапала, часть брони 561 *, 610
Ло-хуй-хуй «старый дунганин» 255
Лоло, племя в Южном Тибете 508
Ло-ло-ху, начальник дунган 378
Ломбо-Моке, муж матери Цзонхавы 268
Ломонос, Clematis intricata 163
Ломонос, Clematis aethusifolia, C. sibirica, C. macropetala 197
Ломонос, Clematis nannophylla 236
Ломонос, Clematis orientalis var. acutifolia 237
Ломонос, Clematis orientalis, C. aethusifolia 239
Ломонос Clematis fruticosa 625
» » orientalis var. tangutica 628
Ломоносов, М. В. 452
Лондон 508
Лондул-лама 461
Лончен-чю, речка 421
Лотос, Nelumbium 98, 278, 599
«Лотос Истинного Закона» 604
Лоу-ху-шань, горы 235, 237, 239, 240
Лофофор, Lophophorus lhuysii 3, 412
Лох, Eleagnus hortensis 165
Лохан, старик, заведующий частью помещения при храме Вю-цзы-мяо 376
Лоцзы-сангын, селение 491
Лоцзы-хунту-ноу, перевал 491
Лоцзы-шань, горный массив 230
» » вершина горы 527
Лоэ-шаньские горы 396
Лу-бан-е, бог, покровитель плотников 311
Лу-бян-сян-шен, исполинов котел 253
Лу-фан-сы, гора 237
Лу-хомбо или Рачжа, вождь княжества Луцца 411, 417, 422, 423, 424, 427, 428, 429, 433, 434, 446
Луан-цон-гоу, ущелье 407, 417
Луань-гоу-жень, сын Лу-хомбо — вождя тангутов, 433, 434
Лук, Allium fistolosum, A. oleraceum 163
» Allium tenue 238
Лун-ван-мяо, китайский храм 244
Лунь вообще 98, 443

Лунь Circus spilonotus 232
» коричневый 90
Лундта, военные флаги 457
Луцца, княжество в Амдо 411, 417, 419, 421, 424, 429, 432, 518
Луцца'сцы, 429; владения Луцца'сцев 445
Лушниковы, братья 13
Лхакан, храм 276, 461
Лхаса, столица Тибета 29, 30, 31, 62, 266, 270, 271, 277, 278, 289, 296, 302, 311, 350, 395, 416, 452, 453, 455, 458, 464, 465, 474, 482, 483, 498, 499, 500, 506, 507, 606
Лысуха черная, Fulica atra 92, 95
Лычжа, молебствие в Лавране 466, 473
Лю Хара, бог богатства 520
Лютик, Ranunculus plantaginifolius 164, 313. Ranunculus aquaticus 314
Лютик, Ranunculus sp. 199, R. chinensis, 250. R. plantaginifolius 625
Люцерна, Medicago sativa, M. lupulina 163
» » ruthenica var. alpina 238, 300
Лягушка, rana 131
» Rana amurensis 165, 620
» Rana asiatica 195, 232, 374
Лян-чжоу, город в Западном Китае 222, 326
Лянга, караванная собака 84, 500

Ма-ван и Ню-ван, китайские молельни 252
Магический круг Acala 598
» » Kubera 598, 599
Магнусен, швед миссионер 175, 176, 528
Магэтан, пески 411, 419, 421, 427
Мадаев, Арья, препаратор 2, 102, 114, 115, 120, 175, 186, 221, 358
Мадаев, Буянта, спутник забайкалец 2, 35, 160
Майма-чен китайский городок, рядом с Кяхтой 16
Майские жуки 131
Майтрея, бодисатва 25, 26, 38, 216, 217, 218, 458*, храм Майтреи 461, 462, 463
Мак 163, 170
Малая Азия 178
Маленький жаворонок, Pseudalaudula pispoletta seebohmi 81
Малина, Rubus idaeus 163, 198, 239
Манба-дукан, школа медицины в Лавране 464
Манбинская школа среднего образования в Лавране 465, 467
Мандал, урочище 146, 147
«Мани», мистическая формула «ом-ма-ни-па-дмэ-хум» 22, 45
Маннергейм 565
Манрамба, звание медика 469
Манхадай, хребет 13, 21, 22
Манчжурия 33, 177, 181
Манчжурки, двор алаша-дин-вана 187
Манчжурское подворье в Дын-юань-ине 167
Манчжушри, бодисатва 25, 26*, 397, 399*, 401, 469*, 505*
Маньба-дукан, один из храмов монастыря Гумбума 276
Марал, Cervus asiaticus 175, 199, 265
Марба, Падмасамбхава 109
Марена, Rubia cordifolia 250
Марк Аврелий 36
Марко Поло 124, 169
Маркэм-шабрун, гэгэн 398
Мартун-гомба, кумирня 488
Мардзан-лха, монастырь (по-китайски—Пейма-сы) 242, 253, 256*, 257
Мардзан'ский утес 258
Маска 109
Матара, мифическое животное 50
«Матеріалы для авифауны восточной Монголіи и С.-В. Тибета. По данным Монголо-Сыч. экспед. 1907 — 1909 гг. подъ начальствомъ П. К. Козлова» 43
«Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото... Матеріалы по этнографіи Россіи»... 109, 110, 546, 556, 561, 603
Мать Цзонхавы, смотри «Шингтза-Тсио». Череп матери Цзонхавы 285
Махакала, божество 461
Ма-чан-шань, купец-дунганин 450, 483, 484, 485
Ма-чан-шань, хребет 235, 236, 237
Ма-чю или Желтая река 297
Мая-сюэ-шань, гора 244
Мдурци-чю, река 420
Медведь тибетский, Ursus lagomyiarius 359
» Ailuropus melanoleucus 412
Медицинский факультет в Гумбуме 278, 279
Меконг, бассейн 204
Мелкий грызун 98, 129
Мельница на Синин-хэ 254, 255
Мертвый город Хара-хото 104, 109, 112, 118, 529, 537, 539, 546, 547, 556, 617, 618
Месопотамия 211
Мессинское землетрясение 503
Метеорологическая будка 186, 187*
Метеорологическая станция 175, 189
Метеорологические наблюдения 444

Мете-фудже 278
Мечеть 104, 106 *, 107 *, 110, 488
Мигдзема, гимн Цзонхаве 272
Милайрайба, тибетский поэт-философ и отшельник 109, 466, 471, 472
Милайрайба, гимн его 472
Милай-цам, религиозный праздник 466, 471
Миндаль, земляной, Cyperus fuscoater 250
Минегэ-тютян-гэлун, гэгэн, спасший Гуйдуй от наводнения 388
«Мир Майтреи» или Гумбум, монастырь 268
Мираж 42, 86
Мистическая литература тантр 276, 281
Млечник морской, Glaux maritima 165
Многогранник, образчик горной породы 83
Могилы алашаньских князей 173 *
Можжевельник, Juniperus 163
Можжевельник, Juniperus rigida 198
Моллюски, наземные 349
Молокан, Lactuca versicolor 198
Молон-тойн, Мутгальвани—старший ученик Будды 57
Молочай, Euphorbia esula 197, 239
Молочай, Euphorbia helioscopia 250
Молчанов, В. Н. 13, 15, 16
Молчанов, И. А., исследователь Северной Монголии 17
Молэн, народный праздник в Лавране 473
Монастырь Байшинтэ-хит 617
» Барун-хит 191, 200 *, 210, 211, 212, 213, 214
Монастырь буддийский 63
» Цзун-хит 191, 211, 214, 216
Монголия 2, 3, 11, 13, 15, 16, 56, 62, 63, 68, 73, 168, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 208, 209, 211, 264, 271, 289, 388, 455, 460, 472, 483, 524, 535, 539, 562, 635, 636
Монголия Южная 227, 289
«Монголия и Кам», П. К. Козлов 2, 24, 27, 41, 52, 70, 73, 96, 99, 100, 129, 131, 135, 137, 138, 150, 216, 218, 227, 237, 240, 246, 248, 262, 285, 320, 388, 394, 396, 413
«Монголия и страна тангутов», Н. М. Пржевальский 135, 145, 168, 193, 196, 200, 207, 310, 312, 350
Монгол-чиновник из свиты Богдо-гэгэн'а 633 *
Монголо-Камское путешествие 70, 100, 101, 125, 138, 144, 148, 183, 412, 535
Монголо-Сычуань'ская экспедиция 1, 2, 43, 560, 561
Монголы 5, 19 *, 38, 302, 565
» Алаша 163
» торгоуты 98
Монгольская лучшая табакерка 621 *
» халхаская девушка 631 *
» пустыня 125, 138, 146, 233
Монгольский Алтай 35, 37, 54, 55, 66, 69, 70, 73, 83, 632
Монгольский алфавит 565
» ксилограф 565
Монгольское стойбище 85 *
Монеты, чохи 107
Монра, долина 421
Мон-чю, речка 422
Мордовник, Echinops turczaninovi 232, 234, 236, 243
Морин-гол 94, 95, 96, 100, 116
Морковь 163
Москва 2, 3, 101, 246, 519
Мост через Синин-хэ 259
Мото-обонэн-шили, урочище 146
Мохноногий сарыч, Archibuteo hemiptilopus 92
Моша-гоу-ся, речка 395
«Му», по-китайски, одна шестнадцатая часть десятины 379
Му-бай-шин, город 326
Муджик, долина в Амдо 406
Мул, как вьючное животное 370
Муни-ула, горы 181
Мунунгин-гол правый, восточный рукав Эдзин-гола 94, 95, 96, 97, 102, 118, 619
Муравьев-Амурский, Н. Н., граф 32, 33
Мусковит 348
Мускус 289
Мусульмане 110, 299
Мусульманские рукописи 110
Мутгальвани, ученик Будды 52, 57
Мухи, вообще 87, 93, 139, 140, 141, 228, 251
Мухоловка, Siphia albicilla 206
Мцо-гумбум, смотри Куку-нор 310
Мытник, Pedicularis sp. 198, 238, 243
Мытник, Pedicularis cheilantifolia 314
Мытник, Pedicularis chinensis 314
Мышь, Mus chevrieri 199
» домовая 386
» летучая 229
Мышьяк, Thermopsis lanceolata 198, 229, 314
Мэрэн-цзангэ Цыдэн-Дагво, помощник торгоут-бэйлэ, [Эдзин-гол], 100
Мяо, китайская молельня 490
Мята, Mentha 244
» конская, Marrubium incisum 243

Нагайки, служащие для острастки лам в Гумбуме 287, 288
Наган, револьвер 506
Нагарджуна, буддийский философ 6, 112
Нада — огонь премудрости 55
Найчун-цзан-хан, один из храмов в монастыре Гумбуме 276, 282 — 284 *, 285
Наксэн-дурульчжи, урочище в Алашань'ской пустыне 156
Нак-цэб-ла, перевал 485
Намага-гол, речка 214
Намаруна — элементы материальной и духовной жизни 60
На-маргэ, вершина 308
На-ма-су-ма, дом невесты 318
Намган, секретарь Далай-ламы 496, 498, 502, 504, 506
Намчжимын-цорчжэ, субурган в Гумбуме 286
Нан-да-шань, хребет 247, 251
Нан-нань-мяо, китайская часовня 247
Нан-чан-хэ, приток Синин-хэ 267; долина 268
Нань-да-шань, хребет 258
Нань-хай-дьянь или Вю-цзы-мяо, храм 376
Нань-чан-ин, городок 392
Нань-чуань-коу, долина 268, 395
Нань-шань, горная система 96, 165, 189 194, 220, 222; Восточный Нань-шань 225; Нань-шань 240, 242 — 244, 246, 247 265, 297, 326, 350, 351, 488, 540
Нападение на экспедицию 411, 426
Напалков, П. Я., топограф экспедиции 2, 4, 20, 86, 101, 115, 118, 147, 186, 218, 220, 221, 225, 364, 366, 410, 449, 519, 533, 626
Нара или Р'нала, перевал 418
Нарин-хара, скалистая гряда 142
Нарывник, Mylabris mongolica 181
Нарын-хара, высота 145
Натон, долина 440, 443
Научная коллегия в Гумбуме 277—278
Начальник гарнизона 108
Н'голоки, тибетцы, кочующие в верховьи Хуан-хэ 266, 396, 429, 432, 435; владения н'голоков 445, 455, 459, 476
Небесная Империя, Китай 521
Незабудка, Myosotis 300
Несторианец 269
Нефрит 111
Нидана, 12-ая, напоминание верующим основного учения буддизма 58
Николай II, император Российский 393
Нин-ся, китайский город 125, 169, 170* 196, 252, 258, 521, 524
Нирвана, вечный покой 61
Нифудун-чю цунг-чю, день смерти первого Жамьян-шадбы 472, 473, 476
Ниши выдувания 141, 149
Ния, оазис в Кашгарии 148
Ногон-дархэ, женское божество 45
Ноин-богдо, массив 87, 622, 623
Номады, кочевники 5, 265
Номэн-хан, титул 400
Нор-дю-шачи—по-тибетски: «Бог дал нам внука» 321
Норичник Scrophularia canescens 627
Нор или озеро 128
Нор, урочище в долине Гойцзо 131*
Ночное молебствие лам 295
Нын-дун, пика 321
Нырец-чомга, Podiceps cristatus 92, 95
Нырок красноклювый, Fuligula rufina 92
Нырок, Fuligula 95
Ню-ван и Ма-ван, китайская молельня 252
Нюдун-булык, колодец 82
Ню-синь-шань, увал 494
Нэмалун, урочище 487
Нэн-гун-ван, китайский принц 284, 285
Нэрык-тон, урочище 439
Нэсэ-чю, речка 432
Нэ-тай, губернатор Лань-чжоу-фу 515, 518, 519, 530
Нян-чжик, гэген 225, 241
Нянь-бо-сянь, китайский городок 253, 255, 256

Облепиха, Hippophae rhamnoides 300, 371, 380
Обнажения кристаллических пород 140
«Обо»—священное сооружение 22, 81; «обо», вблизи Дын-юань-ина 160*, 232; «обо», у священного источника долины Гойцзо 134*; «обо», вблизи Тэтунга 250; «обо» 251, 323, 326, 331, 336, 349, 352, 431
«Образцы ассигнаций Юаньской династии въ Китаѣ» 122—124
Обручев, В. А. 71, 96, 101, 194, 313
Обручев, В. А., «Центральная Азия, Сѣверный Китай и Нань-шань» 344
Овсюк 163
Овсянка, Tisa variabilis, 205; Cia godlewskii 385, 448, 478
Одуванчик, Taraxacum officinale, T. dissectum 198, 238, 243
Одю-гомба, монастырь вблизи Гуй-дуй'я 387
«О двух новых видах азиатских кошек» 132
Озерки, дачное место под Петроградом 519
Ольденбург, С. Ф. 109—111, 546, 554, 556, 558, 561, 566, 567, 603, 604, 611

Оляпка водяная, Cinclus cashmeriensis 372, 386; C. przewalskii 387; белогрудая оляпка, Cinclus cashmeriensis 435, 448, 478, 495
Окаменелость, почитаемая буддистами в Лавране 464
Окаменелость, каменноугольная 349
«О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке». (О. О. Розенберг) 58
Ом-ма-ни-па-дмэ-хум, буддийская молитвенная формула 269, 291, 295, 371
Омук-тала, колодец 96
Онгиин-гол 37, 54, 55, 63
Онгон-монгол, урочище 42
Онон, река 34
От. Милий, священник в Урге 40
Orazio della Penna, итальянский путешественник 271
Ордос, страна монголов 176, 177, 179, 194, 195, 220
Орел, белокрыл 147; орел 42, 43, 54, 228; Aquila bifasciata, A. clanga, 315, 628; орел-беркут, A. chrysaëtus daphanea 80, 239, 240, 372, 491, 495, 628, 629
Орлан белохвост, Haliaëtus albicilla 314, 361
» долгохвост, Haliaëtus leucoryphus, 90, 92, 314, 324
Орляк, Pteridium aquilinum 300
Орнамент Дун-хуана поздне-танский и сунский 110, 111
Оролгэн-худук, колодец в Гоби, в долине Гойцзо 130
Ортоклаз 348
Орус, по-монгольски русский 475
Ордик, невысокие горы 42, 47
Оса-блестянка, Chrysididae 209, 211; осы 366
Осина, Populus tremula 197, 208
Осока, Kobresia thibetica 313, 359, 413. Осока, Carex pediformes var. rhizina 199, 234, 313
Осот полевой, Sonchus arvensis 237
Оспа 274
Острокильник, Oxygraphis cymbalariae, 165, 237; Oxytropis aciphylla 165, 197, 229, 238, 239
Очанка, Euphrasia kozlovi 244; Odontites rubra 250
«Очерки быта буддийских монастырей» (Позднеев) 45, 49, 51, 55—57, 62
Очиток, Sedum hybridum 197, 239

Па-ба-цоань, урочище, на правом берегу Тэтунга 249
Павловск 519
Падма-Самбава, буддийский вероучитель 53
Парчин, этическая психология совершенствования 468
Пастушок, Rallus aquaticus, 386
Пауки 84
Pauthier 124
Певцов, М. В. 148, 174
Пегматит, горная порода 339, 347, 348, 350
Пеганка, Tadorna tadorna 92, 232, 315, 386
Пекин 33, 72, 78, 98, 167, 174, 187, 189, 264, 272, 296, 297, 367, 392, 394, 395, 408, 456, 482, 485, 502, 508, 519, 590
Пекинский двор 182
Пекинский договор 33
Пеночка, Reguloides superciliosus supcerciliosus, Oreopneuste fuscata, Oreopn. affinis, Or. armandi 205
«Первая буддийская выставка в Петербурге» 5, 558
Первоцвет, Primula cortusoides 197
» » sibirica 313
Перелеска, Anemone obtusiloba 198, 243
» » rivularis 244
Перепелятник, Astur nisus 385
Переправа через Хуан-хэ 374
Перерожденец Цзонхавы 292, 293
Перловник, Melica scabrosa 197, 239
Персидские рукописи 110
Персия 562
Пескарь, Nemachilus yarkandensis 620
Пески, пустыня 144, 233
Песочник краснозобый, Ancylochilus subarquatus 625
Песочник пестрозобый 232
Песчаник, порода 154, 192, 193
Песчаник аркозовый 349
» бурый, 229
» зернистый 236
» ханхайский 155, 247
Песчанка, Gerbillus 129, 228, 238
» » giganteus 69, 84, 98, 104, 136
Песчаный бархан 93, 95, 96, 128, 129, 135, 137, 139, 146, 419
Петербург 2, 3, 101, 112, 116, 222, 406, 430, 466, 498, 506. 518, 519, 560, 621
Петр Великий 25
Пещеры на о. Куйсу 235, 236
Пион, Paeonia mutan 380
» » veitchii 250, 300
Пинь-фань, город 222, 232, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 509, 528
Пинь фань, долина 243, 521
Пинь-фань-хэ, или Чагрын-гол, река 243

Письмо Си-ся 112
Питай-гоу, долина, 522
Пищуха, Lagomys ogotono 40, 358
» » melenostomus 315, 344
» » rutilus, 199
» » erythrotis 386
Пищуха, Certhia familiaris bianchii, 386, 478
Плавание по Куку-нору 325, 327*
План о. Куйсу 349*
План развалин города Харо-Хото 108*
Плетенка (китайск. и инд. аналогий) 110
Плиска 155, 343
» Motacilla leucopsis 205, 520
» Motacilla alba baicalensis 520
Площадка на остр. Куйсу 352
Победоносный Будда 64
Пограничный знак между Алашà и Китаем 235*
Подводная гряда 350
Подмаренник, Galium verum var. leiocarpum 244
Подмаренник, Galium verum var. trachycarpum 300
Подорожник, Plantago mongolica 146, 163 229, 230
Подорожник, Plantago major 237, 313
» » depressa 163, 198, 238
Позднеев, А. М. 29, 45, 49, 51, 55, 57, 62
Покотилов, Д. Д., посланник в Китае 158, 159
Полевой шпат 339
Полужесткокрылые (клопы) 181, 211 300
Полынь, Artemisia sacrorum 165, 198
» » vulgaris, Artemisia frigina, A. pectinata 198, 236
Полынь, Artemisia scoparia 244
» » potanini 300
» » sieversiana, Art. annua 237
Полютов, Ефим, переводчик китайского и монгольского языков 2, 174, 175, 255, 262, 327, 328, 361, 392, 408. 438, 449, 450, 483, 485, 498
Поминки у тангутов «чу-дой-гок», 322
Поползень, Sitta villosa 205, 448
» Sitta przewalskii 478
Портулак, Portulaca oleracea 165, 198
Порфир, 193
Порфириты 143, 146
Порфировый холм 94
Потала, дворец Далай-ламы в Лхасе 499*, 500*
Потала'ский монастырь 29
Потанин, Г. Н., путешественник 33, 100, 101, 177, 253, 254, 257, 271, 285, 290, 298, 299, 305, 378, 412, 466, 493, 515, 619, 620
Потанина, хребот 336, 350
Праджня-парамита, сочинение 58*
Праздники в Гумбуме 289—295
Праздник «масла» 291
» «воплощения Будды» 293
» «торжества воды» 293
» «ламп» 293
» «шапок» 293
» «ночного молебствия лам» 295
Праздники в Лавране 466
Прерии (Америка) 39
Пржевальский, Н. М. 2, 3, 13, 34, 35, 38, 90, 91, 135, 145, 148, 161, 168, 173, 183, 190, 193, 196, 200, 208, 225, 240, 248, 250, 299, 310, 311, 312, 313, 350, 395, 399, 407, 411, 412, 456, 532, 619, 625, 635
Пригород 111
Прием больных в оазисе Гуй-дуй 384*
Промеры глубин озера Куку-нор'а 362
Просвирняк, Malva borealis 237
Профиль острова Куйсу 353*
Птыг-чори, горный проход 436
Пузырчатка, Utricularia vulgaris 314
Пурбу, жертвенный кинжал или вообще орудие, употребляемое при богослужениях заклинательного характера, 175*
Пустынная славка, Sylvia nana 139, 142, 146, 147
Пустынная сойка, Podoces hendersoni 54
Пустынный загар на гальке, на коренных породах в Гоби 137
Пустынный тополь, Populus euphratica 86
«Путешествіе въ Западный Китай» Г. Е. Грум-Гржимайло 271
«Путешествіе въ Лавранъ» Б. Б. Барадийнъ 271
«Путешествіе по Восточному Туркестану, Куэн-луню, Сѣверной окраинѣ Тибетскаго нагорья и Чжунгаріи, в 1889-м и 1890-м годах». М. В. Певцов 174
Пушник, Crepis tennifolia 627
Пушки 266, 275
Пчелка, Delphinium elatum 628
Пыльный туман 96
Пэмбу, по-тангутски — «начальник» 451

Развалины (Хара-хото) № 1, 107—109, 121, развалины № 3, 110
Раковина, белая, 51, 52; раковина священная 276
Ранэн-гомба, монастырь 411, 417, 418
Ранен-жяццон, селение в Амдо 407, 417
Рапсэн, чамрусец лама-проводник в горы 358

Рарчжа-гомба, монастырь в извилине Желтой реки, в стране н'голоков 376, 406, 408, 409, 429, 432, 433
Рарчжа-лапци, горы, массив 448
Рашид-эддин, персидский историк 564
Ргмын-чю, речка 365
Рдест курчавый или водяная капуста, Potamogeton pectinatus 165; P. crispus 198
Рдюк-ка-гэгэ-нэга, хребет 449
Ревень, Rheum uninerve, R. racemiferum 197, 227
Редька 163
Резуха, Androsace alashanica, A. septentrionalis, A. sempervivoides, A. maxima, 197; A. piasezkii 238; A. septentrionalis 243; A. villosa 627
Религия Будды 467
Рельеф дна Куку-нора 356*
Реформатор буддизма, см. Цзонхава 268
Репейник, Agrimonia pilosa var. glandulosa 300
Репка, Cotyledon fimbriatum 243
Рээт, урочище 440
Рээ-чю, река 443, 444
Ridley, Mr. H. French, англичанин миссионер в Синине 266, 267, 364, 368, 369, 395, 508
Ринхардт, английский путешественник по Центральной Азии 279, 291
Рисовые плантации, в Нин-ся 170
Ритод, одиночные кельи 452; Ритод-гома, горная обитель 453; ритоды 465
Р'качюн-джун, урочище 435
Р'качюн-чю, речка 435
Робинзон Крузо 334
Роборовский, В. И. 148, 412. «Труды экспедиции И. Р. Г. О. по Центральной Азии» 350
Родионов, С. Н., энтомолог 4
Роза, дикая, Rosa xanthina, 197, 250
Розенберг, О. О. 58
Розовый гранит 42
Розочка, дочь Mr. Ridley 266
Rockhill, «The land of the lamas» 257, 270, 291
Российская Академия Наук 401, 405
Российская Дипломатическая Миссия 2
Российское Государство 56, 172
Российское консульство, в Урге 13, 27*
Россия 3, 32, 33, 56, 158, 159, 187, 188, 267, 450, 502, 505, 506, 548, 617
Рупия, индийская монета, 447*
Русское Географическое Общество 2, 3, 77, 81, 112, 116, 119, 186, 298, 399, 401, 405, 411, 450, 466, 548, 560, 630
Русский Музей, этнографический отдел 184, 560, 561
«Русскій путешественникъ въ Центральной Азіи и Мертвый городъ Хара-хото» 189, 498
Русский Туркестан 209
Р'тыга-нига, перевал 419
Рчжива, здание управления монастыря Гумбума 287
Рююджан, наряд чойбзэн-гэгэна 400
Рыжебрюхая горихвостка, Ruticilla erythrogastra 82, 98, 372, 386, 435, 478
Рысь 98

Савана, селение 492, 495
Сагольгэ, урочище в Амдо 440, 443
Сайн-нойон'ский хошун 17
Салат, Lactuca versicolor 238
Саксаул, Haloxylon ammodendri 67, 84, 102, 104, 126, 129, 135, 142
Саксаульная сойка, Podoces hendersoni 80, 98, 104, 129, 136; сойка горная, Pseudopodoces humilis 239, 315, 445; сойка лесная, Garrulus brandti 21
Саксаульный воробей, Passer ammodendri stoliczkae 69, 84, 98, 136, 619
Самара, город 4
Самарин-гдо, урочище 447
Санакоев, Матвей, спутник гренадер 2, 121, 221, 426
Sandberg, «Tibet and the tibetans» 407
Сан — е, бывший гэгэн-алаша 67, 84, 102, 104, 126, 129, 135, 142, 167, 168, 212, 529, 532
Сандальная статуя Будды 485*
Сан-лама, в Дын-юань-ине 166; Сан-лама, в Гумбуме, 287
Сансарыйн-хурдэ—колесо мира 37, 57
Санскара — содеянное 59
Санскритская рукопись 463
Санто-яху, горный кряж 493
Сан-чуань, местность 166; см. также стр. 299
Сан-чу, Лавранская речка 449, 450, 451, 478, 484, 485
Сань-коу, местность в окрест. Гуй-дуй'я 378
Сань-тунь, тоже 378
Сань-чуань, местность между Желтой рекой и Синин-хэ 299
Санэга-нэга, горная цепь, см. Цзэ-ког 446
Сардиния 178
Сарты, кашгарцы 261
Сарыч, Buteo 40, 42, 43, 54, 66, 98, 150, 232, 239, 306, 432; Archibuteo aquilina 315
Сатунин, К. А. 540

Сатурн 417
Са-чжоу, Дун-хуан, китайский город 148
Са-янь-цзинь, пограничный городок 236
«Сборникъ въ честь семидесятилетія профессора Д. Н. Анучина». Москва 1913. 109
Свадьба кукунорских тангутов 317, 320
Свекла 163
Свен-Гедин, шведский путешественник в Центральной Азии 135, 266
Сверция, Svertia hinensis 300
Священная раковина 561*
Северо-Тэтунгский хребет 247
Северная Америка 39
Седой лунь, Circus 129, 130
Селенга, река, впадает в Байкал 9
Семенов-Тян-Шанский, А. П. 176, 181, 208
» » » П. П. 405
«Семь мудрецов», сборник рассказов, Китаб-и-Синдбад 110; «Семь мудрецов»; Персидская рукопись 546
Серая цапля, Ardea cinerea 130
Сергюль или Хара-гол, горы 421
Серпоклюв, Ibidorrhinchus struthersi 386, 478
Серый гусь, Anser anser 91, 92, 129, 131, 315
Серый сорокопут, Lanius mollis 69, 86; Caudolanius tephronotus 206; Otomela isabellina 92, 136; Ot. phoenicura 206
Сечен-гомба, кумирня 488
Сечен-ла, перевал 487
Сечен-чю, речка 482, 487 — 489
Сибирь 3, 4, 562
Сибирский истод, Polygala sibirica 197
Сибирский снегирь, Uragus sibiricus 21
Сибирско-китайская жел. дор. 39
Сигнал — кличка экспедиционной собаки 229
Си-ли, парень (тангут) 317
Си-ма, девушка (тангутка) 317
Симухин, помощник Ц. Г. Бадмажапова 227
Синин'ский переводчик 425, 427; сининское управление 423
Син-джан, селение 247
Син-джанфо-лин, перевал 247
Синин, город 221, 222, 225, 228, 242, 246, 247, 253, 254, 258, 259—261* —263, 265—268, 300, 304, 362, 364, 366—370, 376, 379, 383, 389, 391, 395, 402, 404, 484, 492, 494, 496, 507, 508, 515, 516
Синин-хэ, река и долина 242, 247, 250, 253, 256, 257, 258, 259, 260, 267, 299, 300, 301, 495
Синицы, Periparus ater pekinensis, Poëcile affinis, Acredula calva, Leptopoëcile sophiae 205, 372, 385, 448, 478; Lophobasileus elegans, Periparus beawani 478; Parus minor 385
Синченна — селение на Хуан-хэ 510
Сирень 163; Syringa serrata 198, 265, 283, Syr. pubescens 380
Си-ся — письмена из Хара-хото 109, 406, 561, 600, 616. Си-ся — столица тангутского царства 125
Сирия 211
Ситник, Juncus mongolicus 250
Си-ши-па-ху, местность вокруг Гуй-дуй'я 378
Скалистая куропатка, Caccabis chukar 67
» пищуха, Lagomys 79
Скопа, Pandion haliaëtus 620
Скорпион, Buthus europeus mongolicus 150; 183, 620
Славочка, Sylvia curruca minula 205
Сланец 193; глинистый сланец 251; сланец кристаллический 259
Слива 163, (слива и персик, дикие, Prunus tomentosa, P. sibirica, P. mongolica 197, 234
Слюда 50, 339
Смерть тангута 321
Смородина 163; Rubes pulchellum, R. alashanica 198, 239; R. aciculare 300
Снежный гриф, Gyps hymalayensis 194, 206
Собенникова, А. А. 13
«Собенников и братья Молчановы», торговая фирма 35, 143.
Сого-нор, озеро в низовьи Эцзин-гола 71, 86—91, 93, 94, 96, 113, 539, 622
Сого-хото, Чжэнь-фань 222, 326, 509
Содбоев, Бабасан, спутник-забайкалец 2, 4, 121, 370, 528, 624
Сэздатель 59
Сокол, Gennaia milvipes milvipes 21, 40, 54, 73, 79, 80, 206, 228, 306, 315, 385, 432, 443; Tinnunculus tinnunculus 79, 82, 151, 206, 315, 443; Hypotriorchis subbuteo 245
Соловей красношейка, Calliope tschebajewi 306, 315, 532
Солодка Glyciriza uralensis 163
Солянка, Salsola collina 43, 165, 237, 239
Сонин-хангай, высоты в Монголии 42, 47
Сонэн-Цорчжи, нирва 238
Сор-гэ, гора у Куку-нора 308
Сорока, Pica pica bactriana 93, 98, 151, 245, 385, 478; голубая сорока, Cyanopoleus cyanus 385, 478
Соры, символические фигуры 290
Сосна, Pinus densata 163; P. sinensis 198, 208
Спаржа 163
Спарша — соприкосновение 60
Список растений Дунду-сайхан 629, 630
Спорыш, Polygonum aviculare 237

Средиземное море 211
Средне-азиатские фрески 608
Средняя Азия 209, 211, 604
Срон-цзан-гамбо, царь, легендарный основатель Лхасы 494*
Статуи будд 64
Стенолаз, Tichodroma muraria 205, 386, 510
Степная курица, Otis tarda 141
Стренатка снегиревидная Пыльцова, Urocynchramus pylzowi 359; стренатка камышевая, Cynchramus schoeniclus, C. pallasi 385
Стриж, Cypsellus pacificus 154, 205, 245
Стручковый перец, Capsicum annum 198
Ступа — субурган, чайтья 63
Суань-хоу-пу, китайский городок 524
Субурган — надгробие 55
Субурган 31, 55*, 102*—105, 108, 119*, 120, 169, 235, 273, 281, 283; восемь субурганов в Гумбуме 284*, 286, 418
Субурган белый в Лавране 461*, 464, 484
Субурган-хурал 99
Субурган, А., в Хара-хото 109, 115, 121
Субурган, В., в Хара-хото 110
Субурган-гол, ущелье западного склона хребта Ала-шаня 175, 191, 197
Субурган-храм, в Гуй-дуй'е 387, 388
Субурган «Знаменитый» в Хара-хото 546, 551*, 552*, 553*, 554, 555*, 560, 616, 618, 635
Сугак, Lycium chinense 165; L. turcomanicum 619
Сукавати, блаженные обители 53
Сукалень, Limosa 133
Сульхир, Agriophillum golicum 84, 524
Су-ма-му-ха, отец жениха 318
Су-ма-хэ, левый приток Синин-хэ 255
Сумбур, главная священная вершина хребта Ала-шаня 239
Сумун-цзангин 99
Сумын-гол, долина 534
Сун-пан-тин, дорога в этот город 443
Сун'ская династия 616
Сун-шан-чен, город 225, 239, 240
Сурепица, Brassica campestris 243
Суслик, Spermophilus alachanicus 199, 238
Сутра 112, 276
Схен-схун, китайское местечко 274
Сыртын-куку-нор, болотистая котловина 220
Сычуань, западная провинция Китая 2, 178 272, 307, 368, 395, 406, 411, 412, 456
Сыч или сычик, Athene bactriana 54, 86, 105, 343, 385
Сэнгэн-аро, храм в Лавране 464
Сэнтэй, пьедестал субургана 55
Сэпсул-дабан, перевал в Северной Монголии 22
Сэрбум, золотая урна 29
Сэргон или золотая лампада 393*
Сэрдун-чэмо, храм в Лавране 461, 462
Сэрхэ, пески в Южной Монголии 232
Сэр-чжямцо, архитектор - строитель одного из первых главных храмов в Гумбуме 281
Сэр-чим, горный массив, окаймляющий Куку-нор с юго-востока 308, 322, 324, 325, 365
Сэрчим-нэга, горная цепь 432, 435, 436, 445*
Сэ-тай, военно-административный чин в Синине 262, 264; тоже в Гуй-дуй'е 384
Сюан-цзан, китайский буддийский паломник 558, 570, 609
Сюань-фуа-тин, городок 482, 484, 486, 489, 490, 516
Сюг-зива, бодисатва Арьябало или Авалокитешвара 387
Сю-дя-цзай, город 268, 403
Ся-ги, младенец 320
Сянца-арга, гэгэн, основатель монастыря Рарчжа-гомба 388
Сяо-ся, теснина на Синин-хэ 259

Табун-алдан, урочище в Гоби 139, 143, 144, 146
Таволга, Spirea mongolica, Spirea hypericifolia 198, 239
Тай-дзу, китайский император династии Джоу (951—960 г.) 112
Тай-хань, горная цепь 83
Такин (Budorcas taxicolor) 412
Тала-хашата, ключ 37, 69, 70
Тальник, Salix 54
Талэн-хайрхан, высота 623
Тамариск, Tamarix pallasi 102, 126, 129, 135, 141
Тамсык, гора в Ю. Гоби 150, 152
Тан, долина 449
Тангутские караваны 376, 237
Тангутские наряды 267, 283, 390, 455
«Тангутские рукописи из Хара-Хото» 112
Тангутские стойбища 360
Тангутские хошуны 422
Тангутский раз'езд 411, 428
Тангутское царство 603, 605
«Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія», Г. Н. Потанин 100, 253, 271, 466, 493, 515, 619

Тангуты 241, 243, 298, 299, 371, 387, 421, 423, 428, 429, 434, 435, 441, 455, 459, 486, 492, 561
Тангуты в Гумбуме 289
Тангуты Куку-норские 246, 261, 263, 264, 265, 302, 305, 308, 310, 316, 321, 338, 347, 358
Тангуты оседлые 379, 382, 489
Тангыт-тот 42
Тан-ла, перевал в Тибете 407
Тан-тан-мяо, китайский храм 244
Тантра, школа тантры, символики буддизма 464
Тан-фанза, китайское селение 248
Тара, белая, буддийское божество 477*
Тарабаган, Arctomys robustus 240, 306, 315, 359, 432
Тараната, проповедник буддизма 28, 30
Тарантул 620
Тарбагай, урочище 229
Тарим или Яркенд-дарья 94, 244
Тарлым-сэнсэр-лан, соборный храм в Чойбзэне 397
Tafel, d-r, исследователь-географ 266
Таши-люмбо или Даший-лхумбо — «масса благополучия», монастырь желтого учения, 416
Ташу, урочище 387
Телега Банчень-эрдэни 278
Телешов, Пантелей препаратор 2, 175
Тембу, урочище 528
Тен-тан-сы, или Чортэнтан, буддийский монастырь 240
Термограф Ришара 189
Террасы береговые 351, 352
Тетерев косач 21, 22
Тетеревятник, Astur palumbarius 385
Тибет 3, 28, 29, 30, 39, 52, 148, 178, 189, 204, 209, 244, 260, 264, 265, 266, 272, 302, 346, 350, 407, 408, 411, 412, 413, 416, 436, 483, 498, 499, 500, 505, 506, 508, 561, 566, 574, 580, 606, 607, 611, 636
«Тибет и Далай-Лама», П. К. Козлов 28, 42, 52, 189, 206, 296, 496, 508
Тибетская экспедиция 161, 183
Тибетская группа образов 567
Тибетские долины 443
Тибетские образа 616
» племена 413
» сабли 425
» свечи 292
» чиновники 394*
Тибетский гейзер 407, 408
Тибетский король 271
Тибетцы 302, 455, 459
Тин, тангутский начальник 387
Тинг-ко, или коллегия созерцания в Гумбуме 281
Тин-гуань, уездный начальник в Гуй-дуй'е 374, 375, 384, 391, 404, 420
Тин-гуань, уездный начальник в Сюань-фуатин'е 486
Ти-Риннoче или Цзонхава 271
Тисцы-гомба, кумирня 494
Ткаченко, М. П. 40
Тмин, Antennaria steetziana 238
Тобкан, кладовая в Лавране 461
Тограк, или хайлис, Populus euphratica 99, 127, 141, 148, 152, 153, 619
Тола, река в Северной Монголии 25, 26, 28, 30, 31, 40, 617, 634, 635, 636
Тологойту, перевал 13, 24
Тополь, Populus alacshanica 157, 163
» » przewalskii 197, 208, 313, 380
Тополь, Populus Simoni 244, 273, 380
Торговая улица в Хара-хото 105, 123
» » » Дын-юань-ине 166
Торгоут-бэйлэ 76, 77, 89, 94, 96, 99, 100, 102, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 128, 546, 621, 622, 623
Торгоут-бэйлэ Ванчжил-церен 99
Торгоут-монголы 99, 110
Торгоутский хошун 98
Торжество воды, праздник в Гумбуме 293
Торой-онцэ, урочище на Эдзин-голе 89, 92, 95, 96, 100, 102, 115, 116, 118
Торцо, урочище в низовье Эдзин-гол'а 87, 89
«Третье путешествіе въ Центральной Азіи», Н. М. Пржевальскій 38, 407, 492
Три круга, три зла — изображение свиньи змеи и курицы 517
Триостренник, Triglochin maritimum 165
Тришна, проявление полового влечения 60
Троицкосавск, город 32
Троицкосавское отделение Русского Географического Общества 13
«Труды экспедиции И. Р. Г. О. по Центральной Азии, совершенной въ 1893—1895 гг. Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова» 248, 412
Тсонг, область в Амдо 271
Тсу-па, факультет изучения мистической литературы тантр 281
Тугурюгин-догын, монастырь 37, 49, 50
Тугухуньцы, племя, владевшее куку-норской областью 353

Тугэн-гэгэн 258
Тумур-ула, гора 220
Тун-нчи, урочище 421
Тунсы, китайский переводчик 409
Тунши, китайский переводчик 449
Туран 178, 179, 180
Турмалин 339, 348
Турпан, Casarca casarca 43, 91, 131, 155, 156, 228, 232, 315, 324, 343, 360, 386
Турфан, в Восточном Туркестане 611
Турфано-Люкчунская котловина 174
Тухум-нор 37, 40, 42, 43, 46, 47
Тухумын-догын, монастырь 44, 45, 46, 49, 50, 53
Тушету-хан 31, 37, 55, 68
Тушету-хан'ский хошун 17
Тушканчик, Dipus 230
Тушканчик, новый род и вид Salpingotus Kozlovi 529, 540, 541*, 542, 543, 544*, 545
Туюк-мазар, пещеры к востоку от Турфана 596
Туя, Thuja orientalis 163
Тысячеголовник, Vaccaria vulgaris 165
«Тысяча бурханов», полное собрание бурханов 461
Тэву-лама 214
Тэк, задвижка или запор, название урочища 137
Тэнгэри, пески 225, 232, 233, 235, 515, 524, 525
Тэнгрии, царство духов 57
Тэнри-Тэтхэксун, династия Цзян-луп'а, 98
«Тэр-занда», по-тангутски — «что делать» 337
Тэтунг, долина 248
Тэтунг, река бассейн Хуан-хэ 225, 240, 242, 248, 249, 250, 251, 253, 510
Тэтунгские горы 247, 252
Тянь-лоба, селение 235, 236
Тянь-Шань 165, 194, 272

Угольцзин-тологой, урочище, южное подножье Гурбун-сайхан 4, 74—76, 79, 81
Удод-пустошка, Upupa epops 133, 385
У-е, сын алаша-цин-вана 185, 186, 191, 192, 212, 221
Уйгурские деловые расписки 564
Уйгурское письмо 565
Уйгурский алфавит 565
Уйгуры 564
Уйцзин-лама 216
Улан-булык, ключ у южного подножья Гурбун-сайхан 626, 627, 630
Улан-лаврэн — покой Далай-ламы в Гумбуме 296
Улан-лаврэн — один из храмов монастыря Гумбума 276
Улан-мотэн-гол, речка 534
Улан-нор, озеро 54
Улан-сай, урочище 234
Улан-усу, перевал 534?
Улан-хадан-шили, перевал через горы Баин-нуру, в Алашань'ской пустыне 152
Улан-цзан-дан, священный вид сирени, в Гумбуме 282
Улит-прудовый 232; улит черныш; улит-красноножка, Totanus calidris 625
Уличная сценка в Урге 634*
Уллар, Tetraogallus tibetanus przewalskii 445, 447 T. altaicus 628, 629
Улусун-туши-гун, княжеский титул 78
Улэн-дабан, перевал 42, 69, 71, 73
Улюнгур 631
Улясутай, город в Монголии 67
Ундур-гэгэн, второй перерожденец или второй хутухта 25
Унэгэтэ, гора 67, 69
Упадана — стремление к цели 60
Управление Гумбума 287
Уральская неясыть, Syrnium uralense 22
Урал, горы 3, 4, 18
Ургa, священная столица Монголии 13, 24, 25, 28, 30—37, 56, 66, 69, 77, 112, 116, 133, 160, 189, 225, 226, 272, 370, 498, 529, 532, 533, 537, 548, 617, 618, 623, 626, 630, 632—634, 635
«Урга», кличка собаки 84
«Ургинские хутухты» 29
Ургинский хутухта 26
Урна 279, 280
Урто, урочище на южном берегу Куку-нора 310, 323, 326, 357
Урт-хайрхан, гора 623, 624
Уртон, станция, уртонские — почтовые 18, 19
Урчжан, бывшая столица 53
Урчжиба, храм 285
Усатая синица, Panurus biarmicus russicus 90, 98, 132
Усач, Darysthenes (Cortognathus) paradoxus 177; Neodorcadion kaznakovi 180
Устын-тала, долина 75
У-тай, монастырь 189, 245, 408
У-тан-шань, китайское селение 240
Утка кряква, Anas boscas 92, 95
Утка нырок, Fuligula 91
Утка-чирок, Nettion crecca 130
Утка шилохвост, Dafila acuta 92
Утка широконоска, Spatula clypeata 92

Утка 43, 131, 170
Ухэр-буре, большая медная труба 53*
Ушзур-худук, урочище 157
У-чуань-шань, китайский храм около Ланьчжоу-фу 515, 521
Ушастая сова, Asio otus 86
Ушастый фазан, Crossoptilon auritum 191
Ущелье «Желтого молока» на Синин-хэ 258

Фазан Phasianus satscheuensis 97, 620; Ph. decollatus strauchi 386, 396, 448, 487; голубой или ушастый фазан Crossoptilon auritum 448, 450
Фарфор, из Хара-хото 106
Фасоль, Phaseolus nanus 198
Фельзитовый порфир 193
Фельзит 193
Ферсман, А. Е., профессор 13, 48
Фетишизм 39
Фиалка, Viola pinnata, V. collina, V. hirta, V. biflora, V. incisa 198; V. bulbosa 300
Фигуры зверей в Гумбуме 383
Филин, Bubo 79, 361, 385, 433
Filchner, немецкий путешественник 269
» «Ein Beitrag zur Geschichte des Klosters Kumbum» 276.
Фо-шо-фу-му-энь-джун-дзин — название сутры 112
Франколин, Ithaginis sinensis 478
Французская археологическая экспедиция в Азию 630, 631
Фрески Дунь-хуана 604
Фрески, с изображением святых 554
Фруктоед, Carpodacus rubicilloides, C. pulcherrimus, C. stoliczkae 385
Фый-гу, ущелье 242, 243
Фын-фый-лин, перевал 243
Фу-ма-цы-хон, царские одежды 285
Фу-тай, китайский чиновник в Синине 262, 264, 265, 403
Futterer «Durch Azien» 311
Foucher. A. Fig. 4 p. 54 ... 573, 574, 577

Хабур-Хабур, представитель фирмы «Цяньтай-мао» в Синине 262
Хагоучин-торгоу-Даши-бэйлэ (сокращенное торгоут-бэйлэ) 115
Хагоучин-торгоут 98
Хагоучин-хошун, в низовьи Эцзин-гола 99
Хадак — плат счастья 5*, 30, 100, 370, 451, 481
Хайлис, Populus euphratica 135
Хайнык, помесь яка с коровою 306
Хайрхан, гора в С. Монголии 40; Хайрхан 79, см. Цзун-сайхан 79; Хайрхан, длинный массив в центре Гоби 129. 133
Хай-синь-шень или остров Куйсу?
Халга, передовая цепь в Гурбун-сайхане 71
Халха, Северная Монголия 30, 62, 63, 126
Хамбо-лама Агван-Ловсан Доржиев 188*
Хамыр, перевал 435, 440
Ханас, гора в Гоби 137
Хангай, горы 34, 54
Ханхайские осадки 126, 129, 135, 146, 154
Ханхайские отложения 69, 126, 159
Ханхайский песчаник 103, 126, 143
Хан-хай 125, 539
Хара-байшэн, см. Хара-хото 113
Хара-бургу, урочище 142
Хара-нор, озерко 312
Хара-обо, урочище 83
Хара-сульта, Gazella subgutturosa 69, 72, 83, 88, 130, 141, 199, 524, 622, 631, 633, 634
Хара-ула, горы у Хэ-чжоу, 516; Хара-ула, горы в Алашà 534
Хара-хото, Мертвый город 11, 71, 76, 77, 81, 87, 89, 90, 95, 96, 100 — 103*, 104, 105*, 106*, 108, 110 — 119*, 120*, 121, 122, 125 — 127, 146, 151, 169, 170, 184, 186, 225, 406, 411, 412, 450, 498, 515, 529, 533, 537, 539, 540, 546, 547*, 548, 550, 556 — 558; 560 — 562, 565, 566, 569, 570, 582, 598, 603, 604, 606, 607, 609, 611, 616 — 618, 622, 631, 636
Хара-хото'ские находки 560
Хара-хото'сцы 546
Хара-цзянь-цзюнь, последний владетель Хара-хото 110, 113, 114
Хара, долина в С. Монголии 13, 22, 23
Хармык, Nitraria schoberi 54, 165, 231, 232, 234, 380, 523, 619, 625
Хату-дурфун, перевал 358
Хату-ланцы, горы 359
Хату-хара, желтоцветный шиповник, Rosa pimpinellifolia? 139, 141
Хату-худук, колодец в Алашань'ской пустыне 158
Хату, речка 358
Хашата, урочище 130
Хашатэн-гол, речка 49
Хаягрива, божество 462*
Хая, урочище в Гоби 138
Хвойник, Ephedra 63
Хвощ полевой Equisetum arvense, E. ramosissimum 164

Хлестаков в Монголии 127
Ходан-хошу, котловина к востоко-северо-востоку от Хара-хото 113
Ходжэмыл-хайрхан, гора в долине Гойцзо 133
Ходулочник, Himantopus 228
Хоир-худук, колодец в Ю. Монголии 525, 526
Холбо-цаган-тологой, перевал 140, 142
Хонгор, горка 232
Хонгоржэ, горный кряж 87
Хонхо, молитвенный колокольчик 45*
Хонцо-ван, элётский князь 453
Хорек, Mustella 40, 41, 199, 315
Хор-хон-жень, зять Лу-хомбо 434
Хотэн-гол, ущелье хребта Ала-шаня 192, 195, 197
Хохлатка, Corydalis adunca 199
Хошегу-булык, ключ в Алашань'ской пустыне 157
Хошун-торгоут-бэйлэ 89
Хошун-хитские китайцы 65
Хошун-хит (балдын-цзасакский) 74
Хошун-хит 37, 54—56, 65, 66
Хранители закона: Acala 590, 610
» » Mahâcâla 590, 591, 610
» » Ganeça 591, 610
» » Желтый Jambhala 582, 591
Хребет Бурхан-Будда 148
Хрущ-чернотелка, Trematodes grandis 177; чернотелка, Platiope ordossica, Anomala chamaeleon; хрущ июньский Amphimallus solstitialis, 180
«Хуа-янь-дзин», автор — Nagardjuna 112
Хуан-хэ, река в Китае 177, 186, 192, 195, 201, 220, 253, 298, 364, 460, 510, 511, 516, 521
Хувораки, прислужники лам 472
Художественный переплет 110, 111*
Хуй-хуй «дунганин» — китайский мусульманин 274
Хулан, Asinus kiang 84, 88, 316
Хулан-гоу, ущелье 255
Хунцы, урочище 23
Хурал, богослужение 55, 230, 297
Хурдэ, молитвенное колесо 295, 399, 401*, 403
Хурдэн-дабан, перевал 628
Хурдэ-сы, кумирня 388
Хур-мару, урочище 444, 446
Хутухта 40, см. богдо-гэгэн
Хуху-арык, холмы 623
Хучжар, вершина гор 71
Хэваджра, система символики (?) 464
Хэй-чи-лун, водяной дракон 310, 311
Хэ-чжоу, город 274, 456, 475, 511, 515, 516
Хэшен, китайский священник 247, 490

Цав-дя-цзай, восточное предместье Синина 267
Цаган-булак, колодец 524
Цаган-булык, колодец в Алашань'ской пустыне 154, 155
Цаган-дабасу, соленый бассейн, 232
Цаган-иргэ-буцэ, урочище 72
Цаган-обогун, белый старец 252
Цаган-обонэн-сумэ, «обо» 151
Цаган-сар, белый месяц, начало нового года 13, 35, 36, 290
Цаган-субурган, кумирня 146, 156, 157
Цаган-тологой, холм 421
Цаган-ула, гора в пустыне Гоби 137
Цаган-хада, бело-скалистый остров на Куку-норе 312
Цаган-эргэ-цончжи, обрывы 145
Цадма, теория познания 468
Цайдамские монголы 394
Цайдам, котловина вдоль подножья Северного Тибета 119, 131, 148, 179, 411, 412
Цакэлдэктэ худук, колодец в Алашань'ской пустыне 153, 154
Цам, мистический танец 64, 290
Цанага, речка 419
Цан-да-га, кусок белой ткани для покойника тангута 321
«Цан», музыкальные тарелки 45
Цаннидская школа 453 — 455, 463, 465, 467, 468, 470
Цан-ян-чжямцо, шестой далай лама 212, 213*
Цань-тэй-мао, торговая фирма в Синине 508
Цапля 43, 170, 245, 374; Herodias alba 386; цапля серая, Ardea cinerea 92
Цаца, глиняные фигурки бурханов или других молитвенных предметов 110, 337, 345, 351 — 353
Царевский, С. Ф., зоолог 620
Царства мира 57
Ца-цзи-шуй, китайское селение 524
Цветущий мак в Дын-юань-ине 167*
Цедо, сутра 477
«Центральная Азия, Сѣверный Китай и Нань-Шань», В. А. Обручев, 71, 96, 101
Центральная Азия 3, 4, 21, 22, 34, 35, 38, 39, 62, 73, 116, 148, 158, 159, 161, 194; горы Центр. Азии 244; Центр. Азия 395, 415, 430, 436, 483, 526, 630

Центральная Гоби 24, 130
Центральная Монголия 72, 85, 136
Центрально-азиатский бассейн 40, 94
Центрально-гобийская впадина 129
Церен Доржиев, монгол подводчик 41
Цзагин-худук, колодец в песках Гоби 133, 136 — 138, 537
Цзамба, сухая ячменная или пшеничная мука 35, 40, 279, 286, 290, 292, 337
Цзамын-худук, колодец 157
Цзан, тибетская провинция 30
Цербаре, полуостров на западном берегу Куку-нора 346, 347, 350, 355
Цзаба, город 492, 493
Цза-сура, гребень горы 436
Цзаха-долон, урочище 235
Цзахиракчи, монгол-чиновник 117
Цзерен, Antilope gutturosa 40, 54, 72
Цзолик, бес 474
Цзолин, вершина гор 625
Цзонхава, основатель желто-шапочной секты — гэлуг-па 51, 52, 166, 230, 258, 260, 269 — 273, 277 *, 278 *; его шапка 278, 281, 282, 283, 289; перерожденец Цзонхавы 292 *, 293, 392, 416, 418, 458, 464, 467, 508, 609, 616
Цзосто, ущелье хребта Ала-шаня 191, 197, 211
Цзосто (Булыктэ), урочище 624
Цзун-гэгэн, настоятель монастыря Цзунхита в Ала-шане 214
Цзунг-бум, сочинение Цзонхавы 281
Цзун-ду, вице-король Шэньси и Гань-су 516 — 518 *, 519, 523, 530
Цзунли-ямунь'ский охранный лист 262
Цзун-сайхан, восточная часть хребта Гурбун-сайхан 71, 75, 79
Цзун-хара, местность 212
Цзун-хит, монастырь в ущелье западного склона Ала-шаня 246; см. также 214 — 218
Цзурумтай, урочище 83, 623 — 625
Цзу, Тибет с Лхасой 272
Цзуха, урочище в Алаша 159
Цзэ-ког или Санэга-нэга, горная цепь в Амдо 444, 446
Цзян-лун, китайский император 98
Цзя-цин, маньчжурская династия 388
Цивилизация 39
Цин-ван, монгольский князь в Лавране 465
Цин-хай, см. Куку-нор 310, 367
Цин-цай, китайский сановник в Синине 260, 262 *, 263, 266, 267, 305, 308, 324, 325, 367, 370, 391, 395, 406, 437
Цин, династия 301
Цицин-ванский хошун 17
Цогонда, новая дикая кошка, Felis chutuchta, 132, урочище 617, 623, 624
Цокто-курэ, монастырь 212, 225, 230, 527
Цокчэн-догын, храм в Чойбзэне 398
Цокчэн-дукан, главный храм в Лавране 461
Цокчэн-дукан, один из храмов Гумбума 276, 281
Цокчэн-сумэ, кумирня 31
Цончжэ — придорожная башня, маяк в пустыне 126
Цорго, хребет, его западная часть 418
Цорнин, остров Куйсу 346
Цохынин-шили, горы 83
Цунгу-цзэра, урочище 309, 365
Цхо-вэ-тан, долина 524
Цхо-ртигэ-жэ (остров Куйсу по-тангутски) 323
Цыбиков, Г. Ц. 271, 607
Цырэмпылов, бурят-студент в Лавране 478
Цюльтум, наследник Балдын-цзасака 77
Цянь-тай-мао, китайская торговая фирма в Синине 262

Чагеран, Hedysarum polymorphum 198
Чагрын-гол, река 243, 244, 246, 253
Чагрынская степь 222, 240, 242
Чайка 43, 170
» Ichthyaëtus ichthyaëtus, Larus brunneicephalus 314, 340, 342
Чайка черноголовая, Chroicocephalus ridibundus 90, 91. 97
Чамру, тангутский аймак 289, 324
Чамру, тангут, начальник аймака 308, 310, 324, 325
Чамрусцы 325
Чангазен, урочище 150
Чан-ху, селение 373
Чан-ху, князь 373
Часовня, у Ямунь хита 165*
Частуха, Alisma plantago 250
Чацеринги-худук, центральный колодец 70
Чачан-кэ, высота 419
Чеккан, Saxicola 129
» Saxicola pleschanca 92, 205, 520, 522
Чеккан черногорлый, Saxicola deserti atrigularis 92, 128, 141, 523
Чеккан Saxicola isabellina 92, 205, 522
» Pratincola maura 494
«Человеческия кости изъ субургана въ Харахото». Волков 556

Череп из «знаменитого» субургана в Харахото 555
Черная ворона, Corone corone 86
» » Corone macrorrhynchus japonensis 205
Черная собака, монгольское летосчисление 166
Чернар-ганды или Сан-чу, речка 449
Чернарская долина 448
Чернов, А. А., геолог экспедиции 2, 9, 23, 46, 79, 101, 114, 116, 118, 119, 126, 138, 143, 152, 169, 184, 186, 194, 218, 220, 221, 225, 310, 326, 328, 358, 366, 367, 370.
Черноголовая чайка. Chroicocephalus ridibundus 511
Черногорлый дрозд, Turdus atrigularis 132
Чернотелка, Prosodes kozlovi 177
» Mantichorula semenovi 179
» » grandis 179
» Pterocoma vittata 180
» Platyope mongolica, Cyphogenia humeralis 180
Черный аист, Ciconia nigra 93, 97
Черный ворон Corvus corax 80
Чертополох, Cirsium segetum 164, 243
Чеснок, Allium sativum 163
«Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», Н. М. Пржевальский 196, 248, 411
Чётки 64 *
Четыркин, С. С., коллектор растений и насекомых 21, 35, 133, 160, 175, 246, 255, 310, 328, 358, 361. 429, 438, 624
Чечевица 163
» Ervum lens 239, 367
» Carpodacus 448
Чечетка, Aegiothus linaria linaria 84, 436, 448
Чжалерай-гэгэн 212, 213
Чжалсэ, да-лама 230
Чжам-ин-гун-сук, один из храмов Гумбума 276, 281
Чжан-гагун, речка 482, 489
Чжан-чжан хутухта, великий лама 589
Чжаргалантэ, урочище 621
Чжаяк, хамбо-лама, 298 *, 393, 495
Чжень-тай, командующий войсками в Синине 262, 264 *, 369
Чжили, китайская провинция 177
Чжинсэтэ, местность в Южной Гоби, 146
Чжово-лхакан, храм в Лавране 463
Чжу, изображение главной святыни в Лхасе 398 *, 501
Чжу-адиши, 52
Чжунгария, 98, 117, 209, 631
Чжэ-бцзун-дамба-хутухта 28, см. богдо-гэгэн 28, 29 *, 31
Чжэн-хайба, местность около Донгэр'а 301
Чжэрэн, впадина 152
Чжюба-лхакан, один из храмов монастыря Гумбума 276
Чжюн-ван, монгольский князь 532
Чжюхын, один из храмов монастыря Гумбума 276, 282
Чжярцэ-шабрун, гэгэн 398
Чзямба-чю, речка 485, 486
Чибис-пигалица, Vanellus vanellus 92
Чи-гу, горячие ключи 383, 406
Чи-дя-гоу-дцзэ, речка 494
Чика, так называется Гуй-дуй, по-тангутски 378
Чикой, пр. приток Селенги 9
Чилига, Caragana tragacanthoides 165
Чингис-хан 561, 564
Чингисовы наставления 564
Чин-са-гоу, речка 494
Чин-са-по, перевал 494
Чин-чю, речка 419
Читай-богоу, речка 489
Читрал, 178
Чифу 266
Чи-чю, горячие ключи 411, 417 *
Чогортан, гора около Гумбума 278
Чойбзэн, монастырь 370, 383, 391, 395, 397, 398
Чойбзэн, храм, престол в храме 398 *
» история монастыря 399
Чойбзэн-тобкан, храм в Лавране 464
Чойбзэн-хутухта 370, 383, 397 *, 400 *, 402
» » Ловзэн-тобдэн-Шабджюбнима 398, 403, 493
Чойбзэн-хутухтэн-догын, храм Чойбзэн-хита 398
Чоно шахалур, мыс на юго-восточном берегу Куку-нор'а 335, 360, 361, 362
Чортэн или Гунтан-субурган в Лавране 464
Чортэнтан, монастырь на Тэтунге, в Восточном Нань-шане 240, 246, 248
Чортэн-чжат, субурган в Гумбуме 286
Чохи, китайские монеты 111, 374, 474
Чудовище-омраченность 60
Чун-цза, юбка 316
Чун-чю, приток Рээ-чю 444
Чэга-гол, речка 432
Чэма, хошун 431, 441
Чэ-ма-чжа-цон, кумирня 285

Чюлун-онгэцу, «каменные лодки», урочище 141
Чюн-тан-сы, буддийский монастырь 256, 258, 296
Чюра, сухой творог 337

Шабдэн-лхакан, храм с сиренью в Гумбуме 276, 282, 283 *, 285
Шабинское ведомство, имение хутухты в Монголии 30, 56
Шад-аятана — шесть основ для сознания 60
Шакдур-гун, монгольский князь 532
Шакти — женская энергия божества-хранителя 292 *
Шаманство 39; шаманисты 299
Шакчжэ-туб, главное божество 49
Шакьямуни, Будда 51, 55 — 57, 62, 463
Шампиньоны, грибы 314
Шангын-далай, возвышенность, колодец 229, 515, 527
Шандра, Marrubium incisum 300
Шан-лон — шашка 321
Шанцзотба, настоятель монастыря 55
Шаныг, урочище в Амдо 421, 431, 432
Шаньдунь, верхняя столица Китая 124
Шаньси, провинция Китая 16, 83
Шарабулунгэн илису, пески 622
Шара-бурду, урочище 146, 156, 157, 534
Шара-тологойнэн-сумэ, кумирня 140 *
Шара-хада, Желтая скала в С. Монголии 21, 71, 82, 83
Шара-хото, городок 236
Шара-хотул, перевал 220, 222, 289, 305, 308
Шара-хулусун, болото 538
Шара-цзагин-холэ, котловина 142
Шарипутра, первый из учеников Будды 57
Шархай-хундэ, долина 37, 40
Шарцза, горы 113
Шарцзан-ара, долина 537
Шарцзан-сумэ, монастырь 226, 529, 535, 536 *, 537
Ша-чун, монастырь на верхней Хуан-хэ 493
Швецов, А. В., кяхтинский купец 13
Шерл, горная порода 348
Ши-ва-цза, китайское селение 240
Ши-е, покойный брат алаша-цин-вана 167, 168
Шильбис, урочище 86
Шингтэа Тсио, мать Цзонхавы 268
Шинг-за-ху, мать Цзонхавы, по другой легенде 271
Шин-джун, деревня 371
Шин, китайская мера
Шин-чен, речка, по-монгольски Бугук-гол 395
Шиповник желтый, Rosa pimpinellifolia 197; шиповник (Rosa) 380
Ширигин-долон или Ширик-долон, урочище 225, 232, 234, 315, 326
Ширик, мотоширик — тибетское болото, тибетская осока 359, 440, 443
Ши-сун, старейший в доме (по-тангутски) 321
Шихацзэ, местопребывание Таши-ламы 266
Шишмарев, Я. П., консул 13, 32, 33 *, 34, 189
Шмели 139, 142, 250, 300, 316
Шовангын-хундэ, урочище 67
Шпорник, Delphinium mosoynense 243
Штейн, английский путешественник-археолог 631
Шуло-шань, хребет 522, 523
Шунь-чжи, китайский император 301
Шутэны, см. бурханы 57
Шэньси, китайская провинция 177
Шян-хан, один из храмов в Гумбуме 276

Щавель, Rumex crispus 163
Щеврица 155; Anthus spinoletta blackistoni 130, 232, 386, 447; Anthus maculatus 149, 205; Anthus rosaceus 307
Щетинник, Setaria viridis 164, 165
Щербатской, Ф. И., академик (цитир. сочин.) 5, 8

Эйнем, кондитерская 409, 523
Экзема 383
Элёты 453
Элётский князь 454
Эльба, остров 348
Элькэн-усунэ-худук, колодец 138, 139
Эмчи-хамбо, эмчи-лама в Гумбуме; Эмчи-хамбо, придворный врач Далай-ламы 496, 507
Энчжи-гомба, походная кумирня 324
Эргу-хара, урочище 137
Эргэ-хара-бурюк, урочище 100, 129
Эрдэни-булык, колодец 154
Эрдэни-уцзур (край высоты) 154
Эрдэни-хамбо-лама 212, 213
Эрлик-хан — блюститель ада 57
Этнографическая коллекция 174
Этнографический отдел Русского Музея 106, 111, 184, 566

Эцзин-гол, река в Южной Гоби 35, 71, 76, 81, 84, 87, 89, 91 — 94, 96, 98, 100, 112, 113, 116, 125, 126, 132, 138, 144, 170, 539, 546, 547, 557 — 559, 611, 617 — 622, 632
Эцзингольская система 94
Эцзингольские торгоуты 557

Юаньская династия 616
Южная Азия 211
Южная Монголия 126, 141
Южно-кукунорский хребет 297, 308, 313, 316, 324, 330, 336, 350, 356, 358, 418, 420
Южно-монгольская пустыня 135
Южно-тэтунгские горы 247, 251, 252
Южно-уссурийский край 177, 211
Юла, горы 421
Юн-тан-чен, город 237
Юпитер 35
Юсуп-ахун, сарт-кашгарец 304

Яблоня 163, 265
Явление Амитабхи, образ из Хара-хото 109, 115
Ягодный хвойник, Ephedra equisetina 197
Ягнятник бородатый, Gypaëtus barbatus 308, 372, 385, 445, 491
Як, дикий тибетский, Bos grunniens 285, 309, 413, 436
Ямалык, пески в Монголии 535
Ямата, ущелье Ала-шаня 197
Ямбовое серебро, китайское 396, 448
Ямунь-хит, монастырь в Дын-юань-ине 162, 166, 182, 213
Ямунь, управление 378, 379
Ян-цзы-цзян, Голубая река 411
Янь-чэ, соленое озеро 236
Япония 56, 177, 297, 604
Японо-китайско-гималайская фауна 176
Ясень, Fraxinus sinensis 163
Ястребиный сирин, Surnia ulula 22
Я-ту, урочище богатое солью 521
Ячмень 163
Ящерица, широкоголовая Phrynocephalus 87, 93, 127, 129, 139, 141, 156, 159; гюрбюльмогой, Eremias przewalskii 139, 159
Ящерицы—Alsophylax pipiens, Phrynocephalus caudivolvolus, P. kuschakewitschi, Eremias multiocellata 304
Ящерица 153, 157, 228, 374

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ФОТОТИПИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ.

К стран.

1. Образ китайского письма из Хара-хото. Встреча верующего в Раю Сукавати буддою Амитабха в сопровождении бодисатв Авалокитешвара и Махастхама-прапта (Перед вступлением) .. 1
2. Городок Кяхта .. 14
3. Урга. Ногон-лавран и семь больших лам из свиты хутухты .. 28
4. Хамбо-Чойчжэн-лама (брат богдо-гэгэна) .. 30
5. Монгольская княгиня .. 38
6. Северная Монголия; казнь монгола преступника .. 42
7. Монгольское стойбище в Центральной Гоби .. 86
8. Барханные пески, отделяющие Гойцзо от окрестностей Хара-хото. Долина Гойцзо — урочище „Нор“ .. 128
9. Дын-юань-ин. Ямунь-хит. Субурган, вблизи (севернее) Дын-юань-ина .. 166
10. Парадные ворота в сад князя Ши-е. Уголок самого сада — беседка .. 168
11. Монгольская княжна — дочь Ши-е. Монголка из Дын-юань-ина .. 172
12. Дын-юань-ин. Празднество по случаю „Нового года“ .. 184
13. Монгольский князь У-е, сын алаша-цин-вана .. 186
14. Луговое подножье западного склона Ала-шаня. Смешанное стойбище полуоседлых монголов алаша .. 196
15. Монастырь Цзун-хит. Шествие молящихся при праздничном богослужении .. 214
16. Праздничная процессия со священными реликвиями. Настоятель монастыря Цзун-хита .. 216
17. Монгольский князь Арья — сын алаша-цин-вана .. 218
18. Сининский цин-цай (с сыновьями) .. 262
19. Сининский фу-тай с приближенными; против центральной фигуры отца стоит сын — мальчик, вблизи своего любимца марала .. 264
20. Южный склон Альпийского хребта; китайский храм. Река Хуан-хэ, выше оазиса Гуй-дуй'я .. 374
21. Оазис Гуй-дуй осенью (вид с храма Вю-цзы-мяо) .. 380
22. Чойбзэн-гэгэн в высшем духовном костюме. Чойбзэн-гэгэн в костюме «рююджан» .. 398
23. Соборный храм в Чойбзэне (с золоченой кровлей). Ламы, состоящие при Чойбзэн-гэгэне .. 400
24. Осенне-зимний ледоход на Хуан-хэ (у оазиса Гуй-дуй'я). Южная окраина оазиса Гуй-дуй'я (у зимовки экспедиции) .. 406
25. Персонал Монголо-Сычуань'ской экспедиции (на зимовке). Внутренний базар в городе Гуй-дуй'е .. 410
26. Монастырь Лавран (с верхней, правой, береговой террасы). Лавран. Вид на главные храмы, у южного подножья гор .. 454

К стран.

27. Лхакан Сэрдун-чэмо, храм Майтреи (справа); Чжово-лхакан (слева). «Чортэн» или «Гунтан-субурган», символизирующий сердце Будды 460
28. Лавран; на первом плане Долма-лхакан (новой постройки). Лавран. Торговая колония: амдо'ски с вязанками сена 464
29. Окрестность Лаврана; молитвенные беседки. Ущелье с беседками и монастырем Дю-дя-му 482
30. Речка Чжан-гагун (правый приток Хуан-хэ). Ближайшие советники-ламы при Далай-ламе 490
31. XIII Далай-лама Агван-лобсан-тубдань-чжямцо 500
32. Конный двор Далай-ламы (в Гумбуме). Пара вороных корейских лошадок (в Гумбуме) 504
33. Лейб-медик Эмчи-хамбо. Секретарь по китайским делам (оба состоят при Далай-ламе. Личный секретарь Далай-ламы — Намган 508
34. Вид на левый берег Хуан-хэ, предместье Лань-чжоу-фу. Вид на правый берег Хуан-хэ, (западный пригород Лань-чжоу-фу) 516
35. Нэ-тай, губернатор города Лань-чжоу-фу 518
36. Набережная Хуан-хэ и северная стена города Лань-чжоу-фу. Гигантское колесо-водочерпалка, снабжающая город водою 520
37. Долина Гойцзо; привал у священного «обо» и целительного источника 538
38. Бодисатва Майтрея [характерные признаки: сосуд в венце на голове и положение рук]. Образ из Хара-хото, китайского письма, на шелку, отличной сохранности 606
39. Два вида бодисатв Гуань-ин (Авалокитешвара) из образа китайского письма из Хара-хото, представляющего сорок видов Гуань-ин, (см. рисунок на стр. 607), различающихся положением рук и атрибутами 608

РИСУНКИ, ЧЕРТЕЖИ И ПЛАНЫ В ТЕКСТЕ.

1. Хадак — плат счастья 5
2. П. К. Козлов 15
3. Майма-чен. «Львиная беседка» 17
4. Передвижение по Северной Монголии на „уртонских", с монголами всадниками 18
5. Монгол подъехавший и спешившийся у войлочной юрты 19
6. Манчжушри — бог мудрости 26
7. Майтрея — бог покровитель номадов 26
8. Урга. Здание Русского консульства 27
9. Восьмое (современное) перерождение Чжэ-бцзун-дамба-хутухты 29
10. Я. П. Шишмарев 33
11. Дорчжэ или вачир (жезл) 44
12. Хонхо — молитвенный колокольчик 45
13. Барабан и ударник к нему 50
14. Ударные и духовые инструменты, употребляемые при буддийском богослужении 51
15. Курительные свечи буддистов 52
16. Большая труба (в раскрытом и закрытом положениях) 53
17. Субурган 55
18. Праджня — парамита 58
19. Лама 62
20. Чётки 64
21. Караван в Монголии 67

К стран.
22. Чашка для еды и чаепития .. 77
23. Горный козел (Capra sibirica).. 82
24. Бурый гриф или гриф монах (Vultur monachus) у монгольского стойбища Центральной Монголии .. 85
25. Схематический чертеж низовья Эдзин-гола .. 97
26. Торгоут-бэйлэ (современный) .. 99
27. Два субургана на пути к Хара-хото, на возвышении, справа у самой дороги 102
28. Развалины города Хара-хото (с северо-запада) .. 103
29. Развалины города Хара-хото (с запада-юго-запада), справа мечеть .. 105
30. Развалины Хара-хото. Мечеть — вне города, вблизи юго-западного угла стен 106
31. «Поперечный разрез» развалин мечети (со стороны входа), наружные размеры которой показаны на плане в масштабе с'емки .. 107
32. План развалин города Хара-хото .. 108
33. Голова Будды. «Обычной техники — штампованная маска, слегка пройденная после штамповки резцом» .. 110
34. Переплет [орнамент показывает на весьма разнообразные влияния].. .. 111
35. Развалины города Хара-хото (с севера); слева, в стене, видна брешь, справа — рядом со стеною — полуразвалившиеся субурганы .. 119
36. Лагерь экспедиции внутри стен развалин Хара-хото .. 120
37. I. Образец бумажных денег Юаньской династии .. 122
38. II. Образец бумажных денег Юаньской династии .. 123
39. III. Образец бумажных денег Юаньской династии.. .. 123
40. Долина Гойцзо; урочище «Нор» .. 131
41. Гойцзо. «Обо» у священного источника .. 134
42. Верблюды идут с пастбища на водопой.. .. 158
43. «Обо» или священное буддийское сооружение, расположенное на высотах, севернее Дын-юань-ина .. 160
44. Оазис и город Дын-юань-ин .. 163
45. Оазис Дын-юань-ин. Великан вяз (Ulmus pumila) .. 164
46. Оазис Дын-юань-ин. Великан вяз (Ulmus pumila) .. 164
47. Часовня, неподалеку от главного храма Ямунь-хита .. 165
48. Окраина оазиса Дын-юань-ина .. 166
49. Поле с цветущим маком в оазисе Дын-юань-ине .. 167
50. Оазис Дын-юань-ин. В парке алаша-цин-вана .. 168
51. Нин-ся. Божества кит. буддийского (?) храма, прислуживающие главному божеству в одном из первых зданий («часовен») .. 169
52. Нин-ся. Высокая китайская башня; рядом — храмы или пагоды. .. 170
53. Владетельный князь Алаша-цин-ван.. .. 171
54. Парадный выезд алаша-цин-вана со свитой к месту торжественного служения лам в Дын-юань-ине.. .. 172
55. Оазис Дын-юань-ин; могилы алашаньских князей .. 174
56. П. К. Козлов (в Дын-юань-ине, в своей рабочей комнате) .. 175
57. Пурбу — орудие, употребляемое при богослужениях заклинательного характера .. 175
58. Дын-юань-ин. Праздничное богослужение и круговой обход монастыря «Ямунь-хит» .. 182
59. Наследник алаша-цин-вана — Да-е.. .. 186
60. Метеорологическая будка экспедиции. Слева Ц. Г. Бадмажапов, справа наблюдатель Давыденков .. 187
61. Хамбо-лама Агван-Ловсан Доржиев.. .. 188
62. Западный склон хребта Ала-шаня (от ущелья Хотэн-гол к югу; у подножья гор могила одной из жен алаша-цин-вана — матери князя У-е.. .. 192
63. Ущелье восточного склона хребта Ала-шань — «Кумын-цза» .. 194

К стран.

64. Удачная охота за куку-яманами .. 202
65. Местный проводник-охотник с куку-яманом за спиной.. 204
66. Монастырь Барун-хит, расположенный в скалистой части западного склона Ала-шаня.. 210
67. Шестой далай-лама Цан-ян-чжямцо.. 213
68. Изображение Гаруды, работа тибетского типа .. 215
69. Медное га-у .. 216
70. Золотое га-у .. 216
71. Шелковый, шитый золотом, образ Майтреи.. 217
72. Бодисатва Ваджрапани (?) редкая форма .. 219
73. Лама Иши .. 226
74. Четырехрукий Арьябало .. 231
75. Третий далай-лама — Соднам-чжямцо .. 233
76. Пограничный каменный знак между Алаша и Китаем.. 235
77. Га-у с Дархэ (умен. в 4 раза) .. 241
78. Гэсэр-хан .. 251
79. Монастырь Марцзан-лха .. 256
80. Гигантское изображение Будды, высеченное в скале по соседству с монастырским храмом Марцзан-лха .. 257
81. Город Синин (с юго-юго-запада) .. 261
82. Синин'ский цин-цай .. 262
83. Синин'ский Чжень-тай — командующий войсками (мусульманин) .. 264
84. Синин. Китайский храм, вне стен, на высотах, окаймляющих пригород с юга .. 267
85. Габал — чаша-череп.. 269
86. Монастырь Гумбум.. 273
87. Гумбум. В средине златоверхий храм .. 275
88. Основатель секты гэлюг-па желтошапошников, Цзонхава .. 277
89. Металлическая киотка с миниатюрой Цзонхавы .. 278
90. Идам (божество хранитель) Хеваджра .. 280
91. Га-у .. 281
92. Га-у .. 281
93. Шабдэн-лхакан — храм долголетия, со священной сиренью (в Гумбуме). 283
94. Гумбум. Храм Найчун-цзан-хан; слева, рядом, восемь белых субурганов, в память восьми казненных гэгэнов .. 284
95. Бодисатва Амитаюс .. 285
96. Ачжя-гэгэн .. 287
97. Дэмчок — Самвара — блаженный покровитель мистического дидана Чжюд в Гумбуме .. 290
98. Идам (божество хранитель) Самвара с своею шакти. Вверху Цзонхава между двумя волхвами (сидда), по бокам четыре Дакини, внизу Ачала .. 292
99. Лама. Редкое изображение, пока точнее не определяется .. 294
100. Ваджадара (особый вид) .. 296
101. Хамбо-лама Чжаяк .. 298
102. Город Донгэр-тин, с юго-юго-запада .. 302
103. Китаец-преступник, отбывающий наказание на свободе в железных кандалах .. 303
104. Га-у (Куку-нор) .. 317
105. Га-у (Куку-нор) .. 318
106. Лагерь экспедиции на берегу Куку-нора .. 323
107. Наше плавание по Куку-нору .. 327
108. Чертеж I. План острова Куйсу .. 349
109. Чертеж II. Профиль острова Куйсу по линии А — В плана .. 353

К стран.

110. Чертеж III. Рельеф дна Куку-нора между южным берегом и о. Куйсу на расстоянии в 20 верст .. 356
111. Гора Гуш-цзай, на пути из Синина в Гуйдэ-тин .. 373
112. Гуйдэ-тин. Китайский храм Вю-цзы-мяо .. 375
113. Китайцы-привратники при храме Вю-цзы-мяо .. 376
114. Оазис Гуй-дуй; на первом плане тибетский караван [на яках], пришедший из монастыря Лаврана .. 377
115. Прием больных туземцев в оазисе Гуй-дуй .. 384
116. Гуй-дуй. Буддийский храм-субурган .. 387
117. Женский наряд. Спинные ленты, украшенные га-у, тибетскими монетами, камнями и раковинами .. 390
118. Гумбум. Субурган с арычным проходом. Временный базар .. 393
119. Жертвенная чашечка .. 393
120. Сэр-гон или золотая лампада .. 393
121. Тибетцы-чиновники, охранявшие в Гумбуме богатое имущество Далай-ламы 394
122. Н'голок'ское га-у .. 396
123. Чойбзэн-гэгэн Ловзен-тобдэнь-Шабчжуб-нима (в собольей накидке) .. 397
124. Изображение Большого Чжу в Лхасе .. 398
125. Главный престол [кумиры и жертвенные чаши перед ним] в соборном храме Чойбзэна .. 398
126. Бодисатва Манчжушри .. 399
127. Дом и прилежащий сад Чойбзэн-хутухты .. 400
128. Хурдэ — молитвенное колесо хорошей работы с молитвенным призыванием на внутреннем барабане .. 401
129. Будда в позе созерцания .. 402
130. Монастырь Чойбзэн. — Гость чойбзэн-гэгэна (в левой руке держит хурдэ) 403
131. Гриф монах (Vultur monachus) .. 405
132. Горячие ключи Чи-чю (Чи-гу) или Чин-чю, в устьи ущелья Луан-цон-гоу 417
133. Ваджрапани (милостивого вида) .. 421
134. Амдо'ские или вообще тибетские сабли .. 425
135. Группа тангутов луцца'цев хошуна Лу-хомбо .. 427
136. Серебряная табакерка номадов (китайской работы) .. 428
137. Банаг .. 434
138. Амдо'ское нагорье: вдали снеговая цепь Лапмын-нэга (Цза-сура): на первом плане караванные животные — яки .. 439
139. Га-у (Амдо) .. 441
140. Хребет Сэрчим-нэга (Цза-сура), — пограничный; владения луцца'цев на севере и н'голоков на юге .. 445
141. Индийская монета рупия с изображением королевы Виктории .. 447
142. Владетельный гэгэн Лаврана Жамьян-шадба .. 449
143. Окрестное Лавране боковое ущелье (вверх и слева) по Сан-чу .. 451
144. Монастырь Лавран (снят с правой высокой береговой террасы) .. 453
145. Монастырь Лавран (со стороны речки) .. 454
146. Лама, судя по надписи «Гунтан ринпочэ», святой из Гунтана в Нгари .. 455
147. Лавран. Группа амдо'цев, вблизи белого субургана .. 456
148. Майтрея (как Будда) старинное изображение .. 458
149. Будда Врачевания Байшаджьягуру .. 459
150. Идам (божество хранитель) Хеваджра с своею женскою половиною (шакти) .. 460
151. Долма (Белая Тара) .. 461
152. Белый субурган .. 461
153. Особый вид «Хаягрива» (Там-дин); из груди выходит «гневный Ваджрапани»; отличительный признак — конская голова (в пламени волос) .. 462

К стран

154. Дордже-пурбу «Алмазный пурбу» (жертвенный кинжал), не часто встречающееся изображение — олицетворение важного культового предмета. 463
155. Бодисатва Манчжушри, редкое изображение старинной индийской работы. 469
156. Дакини (темной бронзы) прекрасной работы 470
157. Великий лама в позе учительства (золоченая статуетка тибетского типа). 473
158. Лама на ковре барса; золоченая статуетка высотою около 11-ти дюймов, отличной, повидимому, тибетской работы 475
159. Белая Тара — «Семи-окая» (третий глаз во лбу и глаза на ладонях рук и подошвах ног) 477
160. Га-у (Амдо) 479
161. Га-у старинного типа (Амдо) 479
162. Серебряное га-у (Лавран), подарок автору от гэгэна Гунтан-цана 480
163. Золоченое га-у (Лавран), подарок автору от гэгэна Гунтан-цана 480
164. Лавран. Старшина Ма-чан-шань с женой (амдо'ской) 484
165. Изображение известной «Сандальной статуи Будды», находившейся в Пекине 485
166. Десятиликий Авалокитешвара 493
167. Царь Срон-цзан-гамбо, легендарный основатель Лхасы 494
168. Парные часовые-тибетцы у входа во двор Далай-ламы 497
169. Гумбум. Дом-храм, в котором проживал Далай-лама 497
170. Потала по рисунку иезуита Грюбера, посетившего Лхасу в октябре 1661 года. 499
171. Потала с юго-запада (по фотографии из книги P. Millington «To Lhasa at last») 500
172. Изображение знаменитого большого Чжу в Лхасе 501
173. Один из великих лам 503
174. Бодисатва Падмапани 504
175. Будда Алмазнопрестольный, окруженный семью буддами: внизу в правом (от центральной фигуры) углу Манчжушри, в левом — грозный Ваджрапани. 505
176. Тибетская соболья шапка 506
177. Эмчи-хамбо — лейб-медик Далай-ламы (ныне покойный) 507
178. Китайская фарфоровая чашка на металлической подставке и с металлической крышкой (для чая) 509
179. Уличные актеры в Западном Китае 517
180. Цзунду или вице-король провинций Шэньси и Гань-су 518
181. Изображение Лю Хара, одного из богов богатства, сидящего верхом на трехногой жабе 520
182. Дын-юань-ин. Южные ворота крепости и восточная часть базара.. 527
183. Базарная улица в Дын-юань-ине и площадь перед домом, в котором проживала экспедиция 530
184. Уголок прилежащий к дворцу алаша-цин-вана 531
185. Нинся'ский шерстяной коврик 532
186. Угловая башня и восточные ворота крепости Алаша 533
187. Монастырь Шарцзан-сумэ 536
188. Лама Иши. 537
189. Salpingotus Kozlovi gen. et spec. nov. (Табл. I).. 541
190. Salpingotus Kozlovi gen. et spec. nov. (Табл. II) 544
191. Развалины города Хара-хото (с запада). 547
192. Скрытое или потайное молитвенное помещение в северной стене крепости. 549
193. «Знаменитый» субурган, вне крепости, в начале раскопок. 551
194. «Знаменитый» субурган, вне крепости, в конце раскопок 552
195. Группа глиняных и деревянных статуй и статуеток, найденных, между прочим, в «знаменитом» субургане 553
196. I Череп из «знаменитого» субургана 555

К стран.

197. II Череп из «знаменитого» субургана. 555
198. III Череп из «знаменитого» субургана 555
199. Будда 557
200. Бодисатства Авалокитешвара 557
201. Будда с двумя головами 558
202. Будда с двумя учениками, вероятно, Кашьяпа и Ананда 559
203. Один из будд 560
204. Бодисатва, повидимому, Авалокитешвара 560
205. Священная раковина, одна из «драгоценностей» буддийского культа 561
206. Часть брони одного из стражей стран света (Локапала) 561
207. Монах, фигура из группы; м. б. Кашьяпа 562
208. Фигуры из группы, окружавшей центральную фигуру (Будды, бодисатвы или божества); изображает гаруду 562
209. Бодисатва (без специальных атрибутов) 562
210. Будда 563
211. Бодисатва, повидимому, Авалокитешвара 563
212. Бодисатва, судя по сосуду в левой руке, повидимому, Майтрея 563
213. Бодисатва 565
214. Бодисатва, повидимому, Авалокитешавара 565
215. Бодисатва без атрибутов 566
216. Будда (отпечаток с ксилографической доски) 567
217. Серия из десяти будд 569
218. Алмазнопрестольный Будда 571
219. Будда Amitâbha в раю Sukhâvatî 579
220. Avalokiteçvara 583
221. Cunda 586
222. Узорная полоса у тканного шелкового образа Зеленой Târâ 587
223. Dakinî (Yamî?) 595
224. Preta 596
225. Трафарет с изображением Будды в чайтья, с фигурами божеств в облаках. 603
226. Встреча верующего в Раю Сукавати с буддою Амитабха в сопровождении бодисатв Авалокитешвара и Махастхама-прапта 604
227. То же самое. 605
228. То же самое. 606
229. Образ китайского письма — Сорок видов бодисатв Гуань-ин (Авалокитешвара), различающихся положением и атрибутами; на тонком шелку отличной сохранности. 607
230. Образ китайского письма — один из (сорока) видов бодисатв Гуань-ин (Авалокитешвара) 608
231. Образ китайского письма — один из видов Маричи 610

232. A
233. B
234. C
235. D

представляют собою отдельные фигуры большой иконописной композиции, пока еще точнее не определенной. Несколько образов этой композиции китайской работы находится в собрании П. К. Козлова из Хара-хото. Настоящие образа, очевидно, развешивались на стене примерно в том же порядке как на образах только что указанных вокруг центрального образа Будды. 612 613 614 615

236. Лучшая монгольская табакерка (китайской работы) 621
237. Бодисатва Амитаюс (темной бронзы, работа индийского типа) 625
238. Монгольская (халха'ская) девушка 631
239. Урга. Монгол-чиновник, повидимому, из свиты хана — богдо-гэгэна 633
240. Уличная сценка в Урге, в русской колонии. Две женщины монголки беседуют с русской молодой женщиной, стоящей на крыльце своего дома. 634
241. Урга. Монастырь Гандан 635

КАРТЫ:

К стран.

Отчетная карта пути, пройденного Монголо-Сычуань'ской экспедицией от Урги до Монгольского Алтая. (Гурбун-Сайхан). .. .. 37—70

Схематическая карта пути, пройденного Монголо-Сычуань'ской экспедицией от Монгольского Алтая (Гурбун-Сайхан) до г. Дын-юань-ина (Алаша-ямунь). Масштаб 40 верст в английском дюйме .. .. 71—161

Схематическая отчетная карточка раз'езда в область Алашань'ского хребта и прилежащую к нему с востока часть долины р. Хуан-хэ. Масштаб 20 верст в английском дюйме .. .. 191—222

(Трехцветная) Отчетная карта маршрутов к описанию экспедиции Русского Географического Общества «Монголия и Амдо» П. К. Козлова. (1907—1909). Масштаб 40 верст в английском дюйме .. .. 1—634

СОДЕРЖАНИЕ.

Стран.

Вступление .. .. 1 — 9

Гл. I. ПО СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ. Исходный пункт путешествия —Кяхта. Облава на коз. — Зимний праздник и выступление нашего каравана. — Порядок следования. — Мороз крепчает. — Новый, 1908, год. — Хребет Манхадай. — Долина Хара и следы китайской колонизации. — Дальнейший путь. — Впечатление на перевале Тологойту ... гора Богдо-ола.— Урга. — Богдо-гэгэн. — Российское консульство. — Маститый консул Я. П. Шишмарев. — Отправление транспорта в Алашà. — Монгольский праздник — «Цаган-сар» ... . 13 — 36

Гл. II. ОТ УРГИ ДО МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ. Беглый взгляд на Монголию и ее обитателей. — Оставление Урги. — Долина Шархай-хундэ. — Ее животная жизнь. — Млекопитающие и птицы. — Впечатления походной жизни. — Первая днёвка. — Озеро Тухум-нор с монастырем того же названия. — Характеристика дальнейшего пути. — Монастырь Тугурюгин-догын; его музыкальные инструменты. — Долина Онгиин. — Во владениях Тушету-хана; монастырь хошун-хит; внешний вид последнего; белые субурганы; обстановка храмов; изображение на полотне колеса мира — «сансарыйн-хурдэ»; нравственное учение буддизма. — Несколько слов о духовенстве Северной Монголии. — Китайцы торговцы. — Происшествие в глубине пустыни. — Вид на Гурбун-сайхан; ключ Тала-хашата .. .. 37 — 70

Гл. III. ГОРЫ ГУРБУН-САЙХАН, СТАВКА БАЛДЫН-ЦЗАСАКА И СЛЕДОВАНИЕ К ЭЦЗИН-ГОЛУ. Характеристика пути через горы Гурбун-сайхан: северный склон, перевал Улэн-дабан и южный склон. — Приветствие от Балдын-цзасака и наш лагерь в соседстве со ставкой этого монгольского князя. — Первое знакомство. — Частые свидания, переговоры о дороге на Эцзин-гол и о развалинах Хара-хото. — Экскурсия вглубь Цзун-сайхана. — Бедность животной жизни. — Сборы в пустыню. — Гора Шара-хада. — Урочище Буктэ. — Безотрадная пустыня и первое впечатление при виде озера «Сого-нор» .. .. 71 — 88

Гл. IV. НИЗОВЬЕ ЭЦЗИН-ГОЛА И РАЗВАЛИНЫ ХАРА-ХОТО. Весенний пролет птиц на Сого-норе. — Общая характеристика этого озера и низовья Эцзин-гола. — Урочище Торой-онцэ. — Животная жизнь прилежащей долины. — Хошун Торгоут-бэйлэ; современный управитель «Даши». — Открытие Хара-хото, его археологические находки, местное предание о гибели этого города. — Обмен визитами с Торгоут-бэйлэ на Эцзин-голе. — Последние дни и ночевка в Хара-хото .. .. 89 — 124

Гл. V. ОТ ХАРА-ХОТО ДО ДЫН-ЮАНЬ-ИНА. Общая характеристика впереди лежащей пустыни. — Древний «хан-хай». — Урочище Бороцончжи. — Долина Гойцзо — своего рода оазис в Монгольской пустыне. — Новый вид дикой кошки (Felis chutuchta). — Местные или попутные монголы. — Священное «обо» и целительный источник. — До-

Стран.

полнительные мысли о пустыне. — Прилежащие горы. — Пересечение маршрута моей «Монголо-Камской» экспедиции. — Китайские торговцы в пустыне. — Неожиданная встреча с посланцами алашà-цин-вана .. .. 125 — 145

Гл. VI. ОТ ХАРА-ХОТО ДО ДЫН-ЮАНЬ-ИНА (окончание). Геологическое строение попутных гряд и холмов. — Светлый праздник в Монгольской пустыне. — Влияние китайцев на монголов, на их внешний облик. — Трудность пути и утомление участников экспедиции. — Горы Баин-нуру. — Снежный шторм. — Кумирня Цаган-субурган. — Урочище Шара-бурду и встреча с Ц. Г. Бадмажаповым; письма и газеты. — Последний обильный змеями переход к Дын-юань-ину. .. .. 146 — 161

Гл. VII. ОАЗИС ДЫН-ЮАНЬ-ИН. Описание оазиса, крепости и монастыря Ямунь-хит. — Наш визит к алашà-цин-вану. — Занятие членов экспедиции. — Первая экскурсия в горы. — Развитие весенней жизни. — Очерк фауны насекомых. — Вид на хребет Ала-шáнь. — Ответный визит владетельного князя и парадный обед у этого сановника. — Экскурсия моих сотрудников. — Встреча с европейцами. — Метеорологическая станция. — Почта. — Практическая стрельба .. .. 162 — 190

Гл. VIII. ХРЕБЕТ АЛА-ШАНЬ. Моя поездка в горы. — Могила княгини и келья аскета. — Следы периодической энергичной деятельности вод в горах. — Хребет Ала-шань; его флора и фауна. — Горный баран. — Ушастый фазан. — Характеристика фауны насекомых Алашаньских гор. — Монастыри Барун-хит и Цзун-хит. — Возвращение членов экспедиции. — Обед и вечер в обществе алашà-цин-вана. — Новые экскурсии моих помощников .. .. 191 — 222

Гл. IX. ПОПЕРЕК ВОСТОЧНОГО НАНЬ-ШАНЯ, ПРОВИНЦИЯ ГАНЬ-СУ. Мысли перед выступлением в дальнейший путь. — Лама Иши. — Дождь задержал караван до шестого июля. — Опять песчаная пустыня. — Монастырь Цокто-курэ. — Урочище Ширигин-долон и пески Тэнгэри. — Южная граница Алашà. — Культурный характер местности. — Попутные китайские города и селения; граничащие их горы и долины. — Вид на Нань-шань. — Город Сун-шан-чен. — Буддийский храм. — Гэгэн Нян-чжик и наше прочное знакомство с ним. — Обмен подарками .. 225 — 241

Гл. X. ПОПЕРЕК ВОСТОЧНОГО НАНЬ-ШАНЯ, ПРОВИНЦИЯ ГАНЬ-СУ (окончание). Привольная Чагрынская степь. — Ее животная жизнь. — Ущелье Фыйгу и лёссовые толщи. — Растительность верхнего пояса гор. — Пинь-фань и неожиданная встреча с гэгэном Аваном. — Тэтунгол: общая характеристика его долины и гор. — Большая оживленная дорога. — Река Синин-хэ и путь экспедиции к городу Синину. — Монастырь Марцзан-лха. — Правый берег Синин-хэ. — Прилежащие сигнальные башни.. .. .. 242 — 259

Гл. XI. ГОРОД СИНИН И СОСЕДНИЙ МОНАСТЫРЬ ГУМБУМ. Синин, как административный и торговый центр. — Мое пребывание и свидание с властями города. — Предупредительность цин-цай'я. — Монастырь Гумбум в связи с историей реформатора буддизма Цзонхавы. — Развитие и процветание Гумбума. — Главнейшие храмы и коллегии: «Алтын-сумэ, или «Златоверхий храм» — гробница Цзонхавы. — Восемь субурганов. — Настоятель, гэгэны и простые ламы. — Порядок и дисциплина .. 260 — 288

Гл. XII. МОНАСТЫРЬ ГУМБУМ, ГОРОД ДОНГЭР И ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ К ОЗЕРУ КУКУ-НОРУ. Выгодное географическое положение Гумбума. — Многочисленные паломники, в особенности в период праздников. — Высокие посетители Гумбума — богдо-хан и тибетский Далай-лама. — От'езд в Донгэр; новое знакомство с этим городом. — Тангуты и тангутки на базаре. — Приобретение этнографических предметов. —

Стран.

Оставление лишнего багажа. — Верховье Донгэр-хэ. — Перевал Шарахотул. — Встреча с предводителем аймака Чамру и приход на Куку-нор. 289 — 309

Гл. XIII. ОЗЕРО КУКУ-НОР. Название озера и легенды о его происхождении. — Первое впечатление Н. М. Пржевальского при виде Куку-нора. — Общая характеристика озера. Растительность его берегов. Обилие рыбы. Птицы и млекопитающие. — Куку-норские тангуты. — Путь экспедиции вдоль юго-восточного берега. — Предводитель аймака Чамру. — Урочище Урто; пробные плавания по Куку-нору. — Приезд геолога экспедиции. — Гг. Чернов и Четыркин совершают плавание на Куйсу. — Ночное знакомство с островом. .. .. 310 — 334

Гл. XIV. ОЗЕРО КУКУ-НОР (окончание). Дополнительное ночное знакомство с Куйсу. — Приют в пещере. — Первое утро на острове. — Оригинальная встреча с его тремя отшельниками. — Знакомство с ними. — Наблюдения общего характера. — Занятие монахов. — Измерение, с'емка и геологическое строение Куйсу. — Кумирня. — Начало поселений на острове. — Впечатление от ракет, пущенных на Куйсу. — Возвращение с промером глубины на берег. — Радостное свидание с экспедицией. — Моя экскурсия в южные горы. — Дополнительные работы при мысе Чоно-шахалур. — Прощанье с Куку-нором .. .. 335 — 363

Гл. XV. ЧЕРЕЗ СИНИН В ГУЙ-ДУЙ. Обратное следование в Синин. — День в Донгэре. — Встреча с П. Я. Напалковым. — Получение почты. — Впечатление китайцев от нашего плавания по Куку-нору. — Смотр китайских войск. — M-r Ridley — его рассказ о дунганском восстании. — От'езд геолога экспедиции на родину. — Движение экспедиции на юг — в Гуй-дуй. — Перевал Лачжи-лин. — Ущелье речки Га-жа. — Долина Хуан-хэ и переправа через эту реку. — Китайский храм Вю-цзымяо. — Оазис Гуй-дуй; его обитатели .. .. 364 — 382

Гл. XVI. ТРИ МЕСЯЦА В ОАЗИСЕ ГУЙ-ДУЙ'Е. Хорошее отношение с местным населением. — Предсказание некоего гэгэна в пользу экспедиции. — Симпатичная китайская администрация. — Птицы оазиса. — Окрестные монастыри. — Театр. — Периодические почты. — Моя поездка в Чойбзэн-хит. — Гостеприимство Чойбзэн-хутухты. — Попутное посещение Синина. — Гриф-монах. — Приезд Ц. Г. Бадмажапова, отрадная весть Географического Общества. — Новые перспективы. — Горячие ключи Чи-гу. — Праздник Р. Х. и Новый год. — Сборы в зимний путь.. .. 383 — 410

Гл. XVII. ЗИМНЯЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБИНУ АМДО'СКОГО НАГОРЬЯ. Изменение дальнейшего плана путешествия: вместо Сычуани — Амдо. — Общая характеристика этой горной страны и ее обитателей. — Любовь амдо'сцев к оружию и страсть к грабежам. — Оставление Гуй-дуй'я. — Горячие ключи Чи-чю. — Монастырь Ранэн-гомба. — Движение по Амдо'скому нагорью. — Пески Магэтан. — Встреча с тангутским раз'ездом. — Княжество Луцца и его вождь Лу-хомбо. — Наше знакомство с этим предводителем разбойников. — Обострение отношений. — Ночное нападение на экспедицию .. .. 411 — 430

Гл. XVIII. ЗИМНЯЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБИНУ АМДО'СКОГО НАГОРЬЯ (окончание). Дальнейший путь по нагорью. — Новые хошуны и их управители. — Зимние путевые невзгоды и лишения. — Враждебное отношение амдо'сцев к экспедиции. — Их стремление вызвать в нас повод к вооруженному столкновению. — Стрельба по разбойникам. — Криводушие ламы — старшего проводника. — Новые зимние невзгоды. — Неожиданная встреча с отрядом амдо'сцев: счастливое избежание кровопролития. — К'гарма — начальник хошуна Чэма. — Страсть амдо'сцев к спиртным напиткам. — Характеристика пути и движения ка-

Стран.

равана. — Прощание с К'гармой. — Во владениях Гуань-сю Дунчжуб'а. — Углубление долин и появление кустарников и более пышных луговых трав. — Живая картинка под перевалом Кисэр-ла. — Крутые меры по отношению Дунчжуб'а. — Приход экспедиции в монастырь Лавран .. .. 431 — 451

Гл. XIX. АМДО'СКИЙ МОНАСТЫРЬ ЛАВРАН. Историческое прошлое Лаврана. — Жамьян-шадба. — Местоположение монастыря. — Отношение лам и простого народа к европейцам. — Настоятель Лаврана гэгэн Жамьян-шадба. — Прочие гэгэны: Гунтан-цан, Гоман-цан и общий состав лам монастыря Лаврана. — Пестрота паломников и соседство торговой колонии. — Военная охрана монастыря. — Храмы и школы Лаврана. — Учащиеся ламы. — Одиночные кельи — ритод. — Лаврановская живопись .. .. 452 — 465

Гл. XX. АМДО'СКИЙ МОНАСТЫРЬ ЛАВРАН (окончание). Заслуженная известность монастыря Лаврана. — Посещение Лаврана Г. Н. Потаниным и другими исследователями. — Ученый паломник Барадиин. — Школы буддийских знаний в Лавране. — Религиозное празднество. — «Милай-цам» — в честь певца буддизма, Миларайбы. — Образ жизни лавранцев. — Праздники вообще в монастыре Лавране: 14-е февраля, 15-е апреля или «весенний» праздник поста и молитвы, осенний — 25-го октября, торжественное молебствие — «лычжа» и другие. — Лучшие отношения монастыря к экспедиции; заместитель Жамьян-шатбы — гэгэн Гунтан-цан. — Животная жизнь окрестных лесов. — Погода. — Уединенный монастырь «Дю-дя-му». — Дальнейший путь .. .. 466 — 481

Гл. XXI. ПАЛОМНИЧЕСТВО К ДАЛАЙ-ЛАМЕ. Вступление. Сборы в обратный путь. — Разделение экспедиции: я следую налегке в Гумбум, к Далай-Ламе, главный караван — в Лань-чжоу-фу. — Общая характеристика моего пути до городка Сюань-фуа-тин. — Речки Сечен-чю и Чжан-гагун. — Красивое место у горбатого моста. — Городок Сюань-фуа-тин. — Долина Хуан-хэ; переправа через эту реку и дальнейший путь. — Городок Баян-рун. — До Гумбума остается три перехода. — Характер этого горного пути. — Альпийский хребет Кычан-шань. — Дорога полна паломниками. — Приход в Гумбум .. .. 482 — 495

Гл. XXII. ПАЛОМНИЧЕСТВО К ДАЛАЙ-ЛАМЕ (окончание). Опять в монастыре Гумбуме. — Помещение Далай-ламы. — Благоговейное настроение, тишина и чистота в Гумбуме. — Две недели в гостях у Далай-ламы: официальное свидание с правителем Тибета; речь Далай-ламы; мое впечатление от новой встречи; последующие дни и время препровождение у Далай-ламы; его походная обстановка; личный секретарь Далай-ламы — Намган; занятие фотографией; беседы о событиях в Италии; географический атлас; благословение молящихся; лошади Далай-ламы; ночные тибетские симфонии; прощание с Далай-ламой; прощание с его свитой — с лейб-медиком эмчи-хамбо. — Через Синин в Лань-чжоу-фу. — Заметка о пройденной местности .. .. 496 — 512

Гл. XXIII. ЧЕРЕЗ АЛАША В ХАРА-ХОТО. Мой приезд в Лань-чжоу-фу и соединение с караваном. — Описание резиденции вице-короля. — Сам вице-король и губернатор Нэтай. — Встреча с гуйдуй'ским тингуан'ем. — Кумирня У-чуань-шань. — Наш путь в Дын-юань-ин. — Праздник Святой пасхи в пустыне. — Гнездение больдуруков. — Пески Тэнгэри. — Характеристика Южной Гоби. — Озерки Ширик-долон. — Колодец Шангын-далай. — Вид на хребет Ала-шань. — Приход экспедиции в Дын-юань-ин .. .. 515 — 528

Гл. XXIV. ЧЕРЕЗ АЛАША В ХАРА-ХОТО (окончание). Пребывание в Дын-юань-ине: занятия участников экспедиции; приготовление к но-

Стран.

вому пустынному переходу и работам в Хара-хото; погода в Дынюань-ине; отсутствие двора цин-вана; новый знакомый лама Далай-Цорчжи и сыновья покойного князя Сан-е. — Соловьи красношейки. — Часть каравана на Ургу, и мой раз'езд в Хара-хото. — Сценка у отрадного колодца. — Монастырь Шарцзан-сумэ. — Лама Иши. — Богатая долина Гойцзо. — Приход в Мертвый город. — Новый род и вид тушканчика Salpingotus Kozlovi Vinogr .. .. 529 — 545

Гл. XXV. ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО. Новое посещение «Мертвого города». — Бивак экспедиции. — Установление сношений с Эцзин-голом, наем рабочих-землекопов. — Планомерное ведение раскопок. — Заметки о погоде. — Удручающе-мертвенная обстановка. — Потайное молитвенное помещение. — Открытие «знаменитого» субургана; его ценнейшее содержание: книги, образа, статуи, статуетки и многое другое. — Дальнейшая участь археологических сокровищ экспедиции. — Этнографический отдел Русского Музея. — Памятники монгольской письменности. — Отрывок персидской рукописи книги «Семи мудрецов». — С. Ф. Ольденбург: «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото» .. .. 546 — 568

Гл. XXVI. ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО (продолжение). Образа тибетского письма — Будды: «Алмазнопрестольный» — Vajrâsana; «Владыка Врачевания»; Будда, вращающий колесо закона; «Тридцать пять будд покаяния»; Будда и восемьдесят четыре будды: Будда учащий; Будда созерцающий; Будда Dipamkara (?); Стоящий будда (?) и адорант (bhaktajâna); Пять dhyânibuddhâ; Будда Amitâbha .. .. 569 — 581

Гл. XXVII. ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО (продолжение). Бодисатвы: Amitâyuh; Avalokiteçvara; Manjuçrî; Cunda; Târâ; Mârîcî. Sitâtapatra. — Божества-хранители: Samvara; — Hevajra. — Dharmapâla — Хранители закона: Acala; Mahâkâla; Ganeça; Желтый Jambhala. — Lokapala — Цари-хранители стран света: Vaiçravana; Dhrtarâstra; Virûpâksa. — Женские божества: Kurukullâ; Vajravârâhî; Dâkinî. — Preta. — Siddha. — Лама .. .. 582 — 597

Гл. XXVIII. ВТОРИЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХАРА-ХОТО (окончание). Магический круг Acala. — Магический круг Kubera. — Лотос. — Mandala Usnîsavijaya. — Mandala Samvara. — Mandala. — Общие характеристики вышеописанных образов. — Некоторые из образов китайского письма.. 598 — 616

Гл. XXIX. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ. Оставление Хара-хото; «Лошадиная загородка». — Путь до Эцзин-гола. — Летняя картина последнего. — Любопытный монгольский обычай. — Снова пустыня; граница хошунов. — Страдания больного Иванова. — Дряхлая старуха. — Оставление Иванова в Цогонда. — Монастырь Байшинтэхит. — Переговоры с управлением Балдын-цзасака. — Экскурсия в горы. — Последняя корреспонденция в центр России. — Монгол Ловзэнлаши. — Прибытие Иванова. — Получение писем с родины. — Дальнейший путь. — Вид на Дэлгэр-хангай. — Порядок движения каравана. — Пустыня сменяется степью. — Antilope gutturosa, и дрофы. — Северные высоты и вид на Богдо-ула и Толу. — Впечатление последней ночи. — Приход в Ургу .. .. 617 — 636

Указатель имен и названий .. .. 637 — 665

Перечень иллюстраций .. .. 666 — 673

Содержание .. .. 674 — 678

Замеченные опечатки .. .. — 679

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Напечатано:*	*Следует читать:*
18	«уртопских»	«уртонских»
22	другимп	другими
55	монахов	монахов
56	Ург —	Урге
66	3.500	4.100
75	Цдун-сайхан	Цзун-сайхан
83	Uultur monachus	Vultur monachus
85	Uultur monachus	Vultur monachus
98	Rhapophilus pekinensis albosuperciliaris	Rhapophilus pekinensis albosuperciliosus
110	Китаб-и-Синдбид	Китаб-и-Синдбад
126	Гань-гжоу	Гань-чжоу
152	Улан-худан-шили	Улан-хадан-шили
174	въ 1889-м году и 1890-м годахъ».	въ 1889 и 1890 годахъ».
181	полужестокрылых	полужесткокрылых
216	(ладанками)	(ладонками)
226	Шарцзансумэ,	Шарцзан-сумэ,
230	«горамул»	«гора-мул»
234	Ehinops	Echinops
237	Artimisia	Artemisia
»	Lepidium latifolum	Lepidium latifolium
250	Jnula	Inula
263	Цинцай	цин-цай
265	ап артаменты	аппартаменты
289	Куку-пора	Куку-нора
373	и гора Гуш-цзай [1])—с другой;	и гора Гуш-цзай [1]) с другой-
397	Чойбзэн-тих	Чойбзэн-хит
413	Hobresia	Kobresia
607	руки атрибутами	рук и атрибутами

П. К. Коз

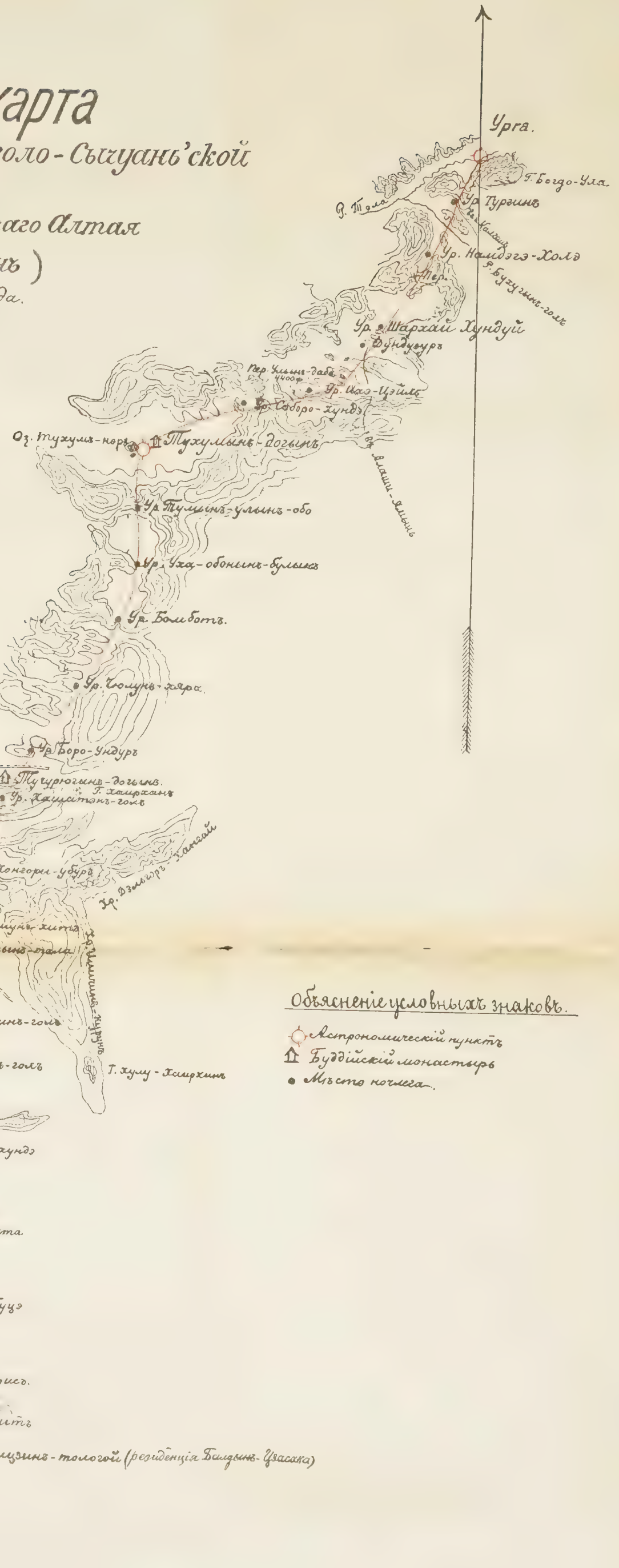
Урга.
г. Богдо-Ула
р. Тола
Ур. Тургинъ
р. Калгинъ
Ур. Налайхэ-Холэ
р. Бухуги
Пер.

Отчетная карта

пути, пройденнаго Монголо-Сычуань'ской экспедиціей отъ Урги до Монгольскаго Алтая

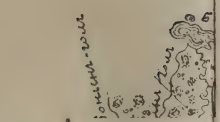
(Гурбунь-Сайханъ)

Январь-февраль 1908 года.



Объясненіе условныхъ знаковъ.

- Астрономическій пунктъ
- Буддійскій монастырь
- Мѣсто ночлега.



Схематическая карта

пути, пройденнаго Монголо-Сычуаньской экспедиціи отъ Монгольскаго Алтая (Гурбунъ-Сайханъ) до г. Дынь-юань-инъ (Алашанъ-ямынь)

Мартъ-Апрѣль 1908 г.

Изъясненіе знаковъ:

- Мѣста почевокъ
- Астрономическіе пункты
- Перевалы
- Купирья

Масштабъ
въ англійскомъ дюймѣ 40 верстъ

Снималъ и чертилъ Капитанъ Напалковъ

МОНГОЛИЯ И АМДО»

Объясненіе знаковъ:

- Мѣста ночевокъ
- Монастыри
- Великая стѣна
- Граница
- Границы

Схематическая отчетная карточка

разъезда въ область Алашанъ'скаго хребта и прилежащую къ нему съ востока часть долины р. Хуан-хэ

Май-Іюнь 1908 года.

Сюн-хуа-тинъ
Мон. Лаврань
Ур. Самаринг-до
Пер. Кисэр-ла
Ур. Лан-нагару
Ур. Хур-жару
Чевуши
Хурдава
Шара-нига
Пр. Дунсе
Мелунь-тангъ
Шицин-ларинго
Пирунь
Джагвырь
Пуу
Лань-ма
Нигуз-дэри-ли
Рагунъ
Г. Рагунъ
Самыр-нига
Ра-Кугъ
Ангунъ-сяни-гэрь
Хуа-тинъ
Шан-лан-джэнь
Луи-чжоу
Вай-ша-джэнь
Ци-ша-джэнь
Цао-чуань-пу
Фын-сянь
Лян-данъ
Ма-линг-гуань
Ян-тин-тэнь
Хуй-сянь
Ма-фо-па
Шей-шуй-дянь
Ма-хуан-линъ
Хэй-хо-па
Ле-янъ
Ма-линг-па
Мяо-па
Фан-тхэнь
Сюань-цзя-пинъ
Нин-цян-чжоу
Ти-фан-пу
Шэн-сюань-и
Чжао-дянь-гэнъ
Гуан-юань
Тзай-лян-цзя
Пай-цзя-дянь
Ма-фо-пинъ
Сан-га-и
Ши-куадзе
102
106

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- Пройденный путь главного каравана во главе с Н ком экспедиции П.К. Козловым.
- Маршруты Капитана К.В.Т. Напалкова.
- Маршруты Геолога экспедиции А.А. Чернова.
- Путь П.К. Козлова от Мон. Лаврана через Гумбум и Сиган в Лань Чжоу Фу.
- Совместные маршруты Капитана Напалкова и Геолога Чернова.
- Астрономические пункты экспедиции.

Литогр. Северн. Воен. Топогр. отд. 1901
ПЕТРОГРАД

Г. Номогунь
Дэлгэр-хангай
Л
Кол. Моготуй-худ.
Кол. Ордын-худ.
Ур. Хутул-усу-худ.
Ур. Гурбун-сухай
Ур. Обо-Зей-вей
Б
44
А
Ур. Бутын-цагал
Кол. Цаган-хурунъ
Кол. Дэрису
Г. Тага
Г. Хул-Хайрх
Боро-хушу
Кол. Хуцэн-цанда
Г. Хуцэ
Ур. Шара-холоцай
Г. Алтой
Кол. Курин-тал
Г. Дэритэ
Г. Бан
Кол. Дэн-босыкъ
Кол. Нурей-худ
Ур. Судж
Кол. Бага Цзагын-усу
Кол. Хатытын-цаган
Г. Улан-
Г. Ихэ-цэ
Г. Бага-цэнкъ
Ур. Хонгыр-обо
Кол. Шины-усу
Г. Онцо
Ур. Цзэгэрэн-гол
Кол. Хойтунъ
Г. Хан-
Ур. Цаган-тологой
Ур. Далянь
Кол. Ихэ-булукъ
Г. Узун-сайханъ
Граница
Кол. Шара-ходыкъ
Ур. Угольцзын-тологой
Кол. Сагин-худ
Г. Чандамынъ
Кол. Цзалынъ-худ
Кол. Обо-хара
Кол. Шины-коберъ
Г. Мокто
Ур. Тугурюкъ
Г. Ольдзэтэ
Ур. Цаганъ-дэрису
Г. Ихэ
Кол. Нюдун-булыкъ
Эрдени
Кол. Цонжи
Г. Унигютэ
42
Ур. Халцзын-тэгъ
Г. Бого
Г. Чжанчжин-хоръ
Кол. Мандал-цандэ
3610
3710
3750
3550
3970
104

ОТЧЕТНАЯ КАРТА

Маршрутов к описанию экспедиции
Русского Географического Общества
„МОНГОЛИЯ и АМДО“

П. К. Козлова.

(1907–1909 года.)

Масштабъ 40 Верстъ въ дюймѣ

1 д. = 1 верста = 1,067 кил. = 1,79 см. = 40 кил.

Литогр. Северн. Воен.-Топогр. Отдѣла
ПЕТРОГРАДЪ

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 081985019

Сочинения того же автора:

Труды Экспедиции Императорского Русского Географического Общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского. ЧАСТЬ II. ОТЧЕТ ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА. С иллюстрациями. С.-Петербург. 1899.

МОНГОЛИЯ и КАМ. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Том I (в двух частях) с иллюстрациями и картами. С.-Петербург. 1905, 1906 г.

РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО. С иллюстрациями. С.-Петербург. 1911 г.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. С двумя портретами, тремя таблицами, пятью рисунками в тексте и одною отчетною картою четырех путешествий Пржевальского. С.-Петербург. 1913 г.

П. К. КОЗЛОВ. ТРЕХЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОНГОЛИИ И ТИБЕТУ (Популярный очерк в 235 страниц, с иллюстрациями и картой с маршрутом путешествия). С.-Петербург. 1913 г.

ТИБЕТ И ДАЛАЙ-ЛАМА. П. К. Козлова, почетного члена Русского Географического Общества. С 8-ю фототипическими таблицами и 74-мя рисунками в тексте. Петербург. 1920 г.